

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-12-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-12-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

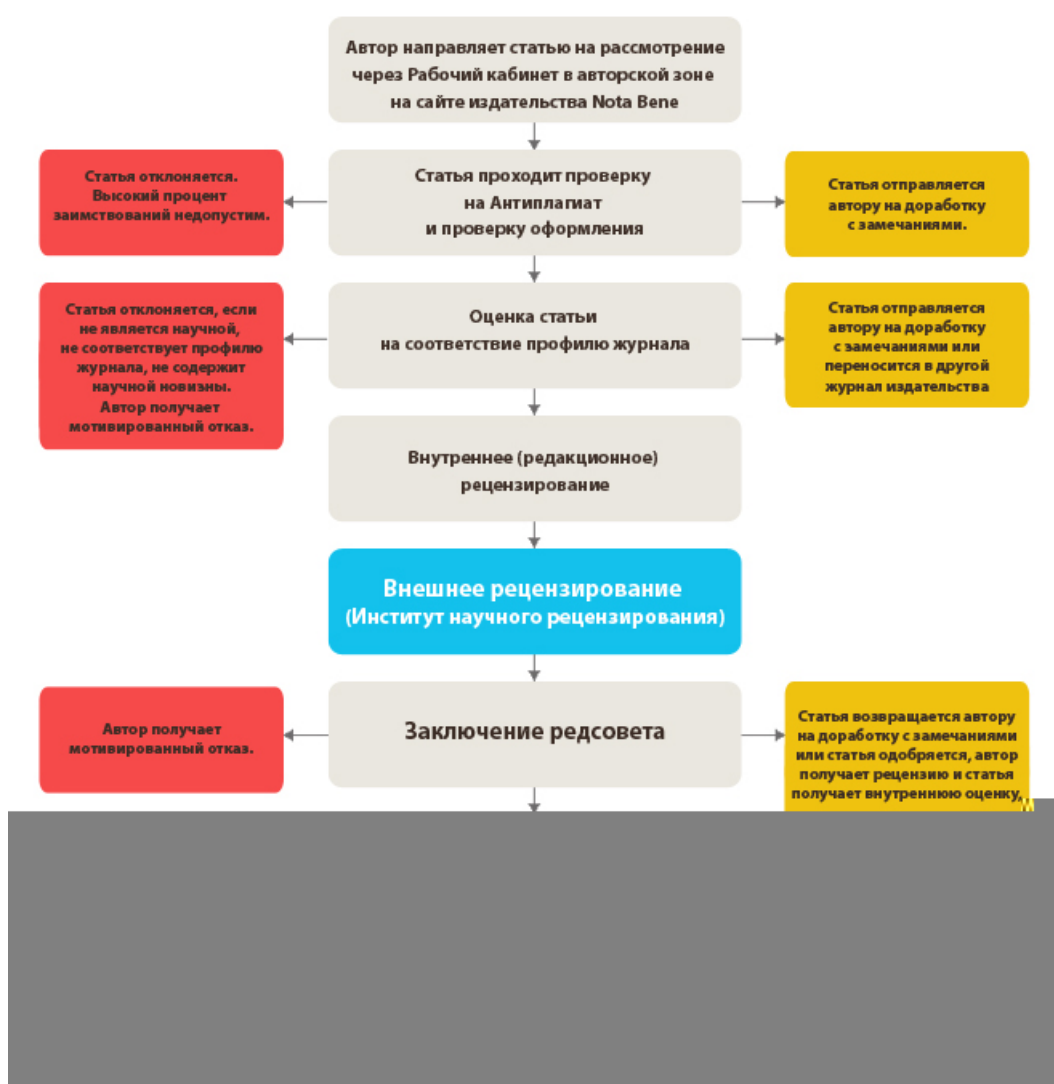
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Колмыкова Я.С. Влияние глобального языкового контекста на лексический выбор у казахско-русских билингвов	1
Кузьмина А.А. К вопросу о ранних типах сюжетов олонхо в вилуйской эпической традиции	11
Чжан Т., Чу Ц. Основные вехи деятельности по переводу и исследованию в России произведений, составляющих творческое наследие Дун Чжуншу	20
Лазарева О.В. Проект мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма	39
Падерина Т.С. Структуры данных для хранения языкового материала: принципы и оптимизация	50
Чэн Ч. К вопросу о литературных отношениях Иакинфа (Бичурина) и М. П. Погодина	63
Захарина М.Р. Учитель vis-à-vis школьник: медиаприоритеты педагогики	72
Колодиев Н.Н. Социологические понятия в материалах российских СМИ	90
Фэн Ц., Ван П. От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований	99
Чэнь Ц. Визуальные коды и экфрасис в произведениях А. М. Ремизова	111
Велос Льяно Х. К вопросу об английских заимствованиях в экономической сфере русского и испанского языков	121
Чепурняк Д.С. Сетевые издания в условиях вооруженного конфликта: сравнительный анализ информационного освещения российско-украинской конфронтации (на примере недельного освещения контрнаступления ВСУ)	134
Колобова С.В. Лингвостилистические особенности современных форм медиа-коммуникации в условиях информационной войны	147
Милостивая А.И. Особенности экспликации субъективной модальности в нарративе информационного студенческого молодежного журнала (на материале русского языка)	158
Плотников И.П., Пархитко Н.П. Мобильные приложения политических партий РФ как инструмент сетевого взаимодействия с электоратом	171
Колесникова М.П. Интерпретация идиом и культурно маркированных элементов в нейросетевом переводе (на материале русско-английских параллелей)	187
Клименко С.И. Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой	217
Лю Х. Ритуальное пространство и время в повести «Вий» Н.В. Гоголя	227
Меркулова М.Г., Герасимова С.А. Жанр литературного научного диалога во Франции XVIII века	240
Сухих О.С. Специфика сюжета рассказа Л.И. Бородина «Флюктуация»	253
Ли Д. От критики до признания: диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае	265

Ильченко Н.М. «Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола»	283
Литневская Е.И. Существительные с вариативностью (колебанием) по роду: нормативное и узуальное	294
Каратаракис Н. Дискуссионность понятия «эврисемия»: методологический принцип «Бритва Оккама»	311
Кошкарева Н.Б., Чепрасова А.А. Модели простых предложений с семантикой движения в корякском языке	323
Леонтьева Н.А. Стихотворение О. А. Седаковой «Предпесня» в аспекте интертекстуального анализа	344
Ма Л. Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева	355
Каратаракис Н. К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями	364
Цюй Х., Горбатов Д.С. Исследование научно-популярного дискурса в Китае и в России при использовании нейросетей в качестве информантов	381
Англоязычные метаданные	392

Contents

Kolmykova I.S. The influence of the global linguistic context on the lexical choice of Kazakh-Russian bilinguals	1
Kuzmina A.A. On the issue of early types of plot in Olonkho within the Vilyuy epic tradition	11
Zhang T., Chu J. Key milestones in the translation and research activities in Russia of works that constitute the creative heritage of Dun Zhongshu	20
Lazareva O.V. The project of a multimodal dictionary of terms and personalities of magical realism	39
Paderina T.S. Data structures for storing language materials: principles and optimization	50
Cheng C. On the Literary Relations between Iakinf (Bichurin) and M. P. Pogodin	63
Zakharina M.R. Teacher vis-à-vis student: media priorities in education	72
Kolodiev N.N. Sociological concepts in the materials of Russian media	90
Feng J., Wang P. From monomyth to localized narrative: features of universality and uniqueness of Chinese heroic narratives	99
Chen Q. "Visual Codes and Ekphrasis in the Works of A. M. Remizov"	111
Velos Lyano H. To the question of English borrowings in the economical sphere in the Russian and Spanish languages	121
Chepurniak D.S. Online media in armed conflict: a comparative analysis of media coverage of the russian-ukrainian confrontation using the example of a week's coverage of the Ukrainian Armed Forces' counteroffensive	134
Kolobova S.V. Linguistic and stylistic features of modern mass communication in terms of information warfare	147
Milostivaya A.I. Features of the Explication of Subjective Modality in the Narrative of an Informational Student Youth Magazine (Based on the Material of the Russian Language)	158
Plotnikov I.P., Parkhitko N.P. Mobile applications of political parties in the Russian Federation as a tool for network interaction with the electorate	171
Kolesnikova M.P. Interpretation of idioms and culturally marked elements in neural machine translation (based on Russian-English parallels)	187
Klimenko S.I. The role of the romantic antinomy "man — world" in the works of O. V. Arefieva	217
Liu H. Ritual Space and Time in the Novella "Viy" by N.V. Gogol	227
Merkulova M.G., Gerasimova S.A. The genre of literary scientific dialogue in 18th century France	240
Sukhikh O.S. The specifics of the plot of L.I. Borodin's short story "Fluctuation"	253
Li D. From Criticism to Recognition: Diachronic Transformations of the Perception of Evgeny Yevtushenko's Poetry in China	265
Il'chenko N.M. "The Königsberg Trail" in E. T. A. Hoffmann's novel "The Devil's Elixir"	283

Litnevskaya E.I. Nouns with variation (fluctuation) by gender: normative and customary	294
Karatarakis N. The Controversial Nature of the Concept of 'Eurysemy': The Methodological Principle of 'Occam's Razor	311
Koshkareva N.B., Cheprasova A.A. Models of simple sentences with motion semantics in the Koryak language	323
Leonteva N.A. The Presong by Olga Sedakova through the Intertextual Analysis	344
Ma L. Rhetoric of «worthless civilization»: lexemes of progress, decay and «devilish morality» in the texts of N.A. Berdyaeva	355
Karatarakis N. Towards the illusion of eurysemy: Between 'general', 'abstract' and 'broad' meanings	364
QU H., Gorbatov D.S. A study of popular science discourse in China and Russia using neural networks as informants	381
Metadata in english	392

Litera

Правильная ссылка на статью:

Колмыкова Я.С. Влияние глобального языкового контекста на лексический выбор у казахско-русских билингвов // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76478 EDN: IDHZQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76478

Влияние глобального языкового контекста на лексический выбор у казахско-русских билингвов

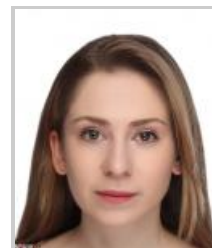
Колмыкова Яна Сергеевна

ORCID: 0009-0002-3630-1895

аспирант, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ведущий специалист, департамент образовательных проектов; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ kolmykova-ya@rudn.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76478

EDN:

IDHZQH

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: В данной работе процесс языкового выбора у казахско-русских взрослых билингвов рассматривается как конкурентный когнитивный механизм. Языковой выбор у казахско-русских билингвов может регулироваться внешними языковыми и социальными факторами, совокупность которых представляет собой глобальный языковой контекст коммуникации, а также может модулироваться индивидуальными особенностями языковых компетенций казахско-русских билингвов. Объектом настоящего исследования стало влияние глобального языкового контекста на языковой выбор у казахско-русских билингвов. Предметом исследования является лексический выбор у казахско-русских билингвов в предложенных экспериментальных условиях с варьированием глобального языкового контекста. Целью исследования является соотнесение характеристик

индивидуальных языковых профилей казахско-русских взрослых билингвов с лексическим выбором в условиях заданного глобального языкового контекста. Исследование было проведено с помощью авторской экспериментальной методики, в условиях которой глобальный контекст моделировался с помощью языка предъявленной перед прохождением эксперимента инструкции. Полученные данные были проанализированы с точки зрения статистической значимости. Затем был произведен качественный анализ зависимости переменных: языка инструкции и первого языка испытуемого. Основные результаты показали, что участники эксперимента продемонстрировали разные сценарии влияния глобального языкового контекста на языковой выбор, в зависимости от L1. Билингвы с доминирующим русским языком демонстрировали варьирующееся поведение, в зависимости от языка инструкции; билингвы с доминирующим казахским языком стабильно придерживались казахского языка, независимо от языка инструкции; сбалансированные билингвы чаще выбирали язык, противоположный языку инструкции. Область применения данных может быть охарактеризована как исследовательская и экспериментальная (в сфере психо- и нейролингвистики); также видится практический потенциал применения результатов в педагогической и логопедической работе с билингвами. Новизна исследования заключается в том, что впервые экспериментально подтвержден эффект глобального языкового контекста на малоизученное в психолингвистике языковое поведение казахско-русских билингвов. В результате исследования был сформулирован вывод: глобальный языковой контекст оказал неоднородное влияние на билингвов и мог активировать как целевой, так и нецелевой язык, в зависимости от индивидуального языкового профиля билингва и комплекса социокультурных факторов.

Ключевые слова:

билингвизм, казахско-русские билингвы, лексический выбор, глобальный языковой контекст, языковой профиль, язык инструкции, языковая доминантность, переключение кода, психолингвистический эксперимент, дистракторы

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН № 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики»

Введение

Естественным способом коммуникации в казахско-русской языковой среде является регулярное и динамическое смешение и переключение кодов, широкое использование в речи иноязычных вкраплений и заимствований. Стратегия билингвальной коммуникации определяется совокупностью факторов: автоматизация речевых навыков или недостаточная языковая компетентность в одном из языков, эмфатическая окраска высказывания, тема общения, социальные роли участников, их возраст и пол, формат речи и пр. ^[1]. Есть основания полагать, что глобальный языковой контекст ситуации общения, представляющий собой совокупность перечисленных аспектов, способен повлиять на выбор языкового кода у казахско-русского билингва.

Постановка проблемы

В широком смысле глобальным языковым контекстом принято называть языковой фон коммуникации ^[2, 3]. Понятие было разработано в исследованиях Т. Слама-Казаку ^[4] и В.Я. Мыркина ^[5], которые рассматривали его в коммуникативном аспекте. Более поздние

исследования предложили взгляд на глобальный языковой контекст с экспериментальной точки зрения. В. Ван Хевен и коллеги доказали, что активация одного из языков у билингва представляется как конкурентный процесс [6]. При этом оба языка постоянно находятся в активированном состоянии, и окончательный выбор кода происходит в соответствии с оценкой билингвом языкового фона коммуникации. Эта идея была продолжена Д. Грином и Д. Абуталеби, которые сформулировали гипотезу адаптивного контроля выбора языка у билингва, согласно которой выбранный код соответствует глобальному контексту коммуникации [7]. В современных исследованиях активно применяется метод моделирования глобального языкового контекста в экспериментальных условиях с помощью языка инструкции (а также языка интерфейса, общения с экспериментатором и пр.), предъявляемой участникам и формирующей «преднастройку» языка: например, в работе Т. Голлан и М. Голдрика [8] билингвальные участники чаще выбирали стимулы на языке предварительно предъявленной перед экспериментальной задачей инструкции. Однако имеются новые сведения о влиянии глобального языкового контекста в разных экспериментальных условиях: в недавнем исследовании О.А. Паршиной и коллег глобальный языковой контекст эксперимента не оказал значимого эффекта на движение глаз у русско-английских билингвов при чтении текста со смешанным языковым кодом [9]. Описанные данные указывают на то, что эффект глобального языкового контекста в ситуации языкового выбора у билингвов может варьироваться в зависимости от стимулов, условий их предъявления, целевых реакций. В рамках нашего исследования мы сосредоточили внимание на малоизученном аспекте языкового выбора у казахско-русских билингвов. Данные современных казахстанских исследований подтверждают, что коммуникация в казахско-русской билингвальной среде отличается кодовой неоднородностью, а выбор кода в таких условиях представляется как комплексный социолингвистический процесс [10, 11]. Объектом нашего исследования стал лексический выбор казахско-русских билингвов в предложенных условиях. Таким образом была сформулирована цель нашего исследования — проверить, влияет ли глобальный языковой контекст на лексический выбор у казахско-русских билингвов, и как этот эффект соотносится со сведениями о языковых профилях испытуемых.

Материал и методы исследования

Материалом нашего исследования послужили данные о прохождении экспериментальных проб 17-ю казахско-русскими билингвами казахстанского происхождения. В эксперименте приняли участие 13 женщин и 4 мужчины возрастом от 20 до 49 лет, 14 из которых имеют высшее образование, 3 — основное среднее. Пробы выполнялись участниками дистанционно и лично в специально организованном пункте. Оценка языкового профиля билингвов производилась с помощью специально разработанной автором исследования анкеты для определения L1 (первого, ведущего языка у билингва) и L2 (второго языка). Таким образом, в исследовании приняли участие 6 участников с русским L, 4 участника с казахским L1, и 7 участников со сбалансированными языковыми навыками.

В качестве отдельного шага исследования следует выделить подбор стимульного материала эксперимента, в основу которого вошли данные о базе языковых стимулов, которую предложили Ю.С. Акинина и коллеги [12], которая содержит изображения и существительные, нормированные по психолингвистическим параметрам. Стимулы для нашего эксперимента были выбраны нами из базы вручную согласно следующим критерием: высокая степень совпадения номинации (большинство носителей языка

называют изображение одинаково), невысокий индекс разнообразия номинации (изображение имеет мало синонимичных вариантов номинации), высокие индексы представимости и знакомости объектов, индекс усвоения единицы носителями в раннем возрасте. Также мы использовали дополнительные критерии отбора: стимулы-существительные были короткими или средними (1-3 слога); исключены были единицы, совпадающие в казахском и русском языках, а также так называемые «орфографические соседи» (единицы, совпадающие по звучанию или написанию, например, *бутылка* – *бөтелке*). Важным методологическим аспектом нашего исследования стало использование в эксперименте в качестве стимульного материала единиц-дистракторов — заведомо неверных вариантов номинации, выбранных из того же семантического поля, что и целевая единица. Дистракторы были приведены к визуальному и фонетическому соответствию с целевыми единицами (одинаковое количество слогов, созвучность, сходные сочетания букв) — таким образом, «верные» и «ложные» единицы имели определенную степень визуальной, фонетической и семантической близости. Такой подход обусловлен формулировкой главного вопроса исследования: при предъявлении инструкции на одном из языков выбирают ли казахско-русские билингвы ответы на этом языке чаще, даже если это неточные варианты номинации?

Экспериментальная методика нашего исследования была сформулирована следующим образом. На экране кратковременно (1 секунда) фиксируется изображение и два варианта номинации: на русском и казахском языках, при этом одна из единиц могла оказаться дистрактором. От участника требовалось быстро и интуитивно выбрать ту единицу, которая, на его взгляд, ближе всего соотносится с предложенным изображением. Глобальный языковой контекст эксперимента моделировался с помощью инструкции на казахском или русском языке. Методика эксперимента, а также время предъявления стимулов соответствуют опыту современных исследований в области психолингвистики, посвященных лексическому выбору и языковой конкуренции у билингвов [\[13, 14, 15\]](#).

Результаты исследования

В рамках экспериментальной задачи среди 6-и участников с русским L1: 4 получили инструкцию на русском языке, 2 получили инструкцию на казахском языке. Среди 4-х участников с казахским L1: 1 получил инструкцию на русском языке, 3 получили инструкцию на казахском языке. Среди 7-и участников со сбалансированными навыками: 3 получили инструкцию на русском языке, 4 получили инструкцию на казахском языке. В процессе эксперимента каждому участнику было предъявлено 27 рандомизированных проб на основе подготовленного нами перечня стимулов (таблица 1). В процессе предъявления был соблюден баланс сторон, пробы предъявлялись в случайном порядке, а также было рандомизировано предъявление дистракторов.

1.«Верно» (рус.)	2.«Верно» (каз.)	3.«Неверно» (рус.)	4.«Неверно» (каз.)
аптека	дәріхана	болезнь	ауру
бабушка	әже	внучка	немере
береза	қайың	лист	жапырақ
больной	науқас	здоровье	денсаулық
брюки	шалбар	карманы	қалта
верблюд	түйе	животное	жануар
вишня	шие	фрукт	жеміс
водитель	жүргізуші	транспорт	кәлік

еденис	жүрісу	транспор	көлік
волк	қасқыр	хвост	құйрық
волосы	шаш	расческа	тарақ
врач	дәрігер	больница	емхана
глаз	көз	лицо	бет
голова	бас	волосы	шаш
гора	тау	степь	дала
груша	алмұрт	яблоко	алма
дверь	есік	комната	бөлме
девочка	қыз	платье	көйлек
дождь	жаңбыр	снег	қар
дом	үй	стол	үстел
звезда	жұлдыз	угол	бұрыш
клубника	құлпынай	малина	таңқурай
ключ	кілт	замок	құлып
ковер	кілем	пол	еден
корова	сиыр	молоко	сүт
кошка	мысық	хвост	құйрық
палец	саусақ	рука	қол
цветок	гүл	лист	жапырақ

Таблица 1. Перечень стимульных материалов эксперимента (основные единицы и дистракторы). Источник: составлена автором

Всего в нашем эксперименте участникам было предъявлено 459 проб. Из них ответ был получен в 262-х пробах, пропуски были зафиксированы в 197-и пробах. Отсутствие ответа в некоторых пробах является естественным следствием методики предъявления стимулов, а также поставленной перед участниками задачи быстрого интуитивного выбора. По результатам анализа 262-х валидных проб мы отметили, что поведение испытуемых в рамках эксперимента явно соотносилось с характеристиками их языковых профилей.

Испытуемые с русским L1 продемонстрировали парадоксальную приверженность ответам на казахском языке. При предъявлении инструкции на русском языке эти участники дали больше ответов на казахском языке (40 ответов) по сравнению с ответами на русском языке (29 ответов). При этом 5 раз был выбран дистрактор на казахском языке и 5 раз — дистрактор на русском языке. При предъявлении инструкции на казахском языке испытуемые в этой группе 12 раз ответили на русском языке и 10 раз на казахском. При этом 3 раза был выбран дистрактор на казахском языке и 2 раза — дистрактор на русском языке.

Испытуемые с казахским L1 продемонстрировали наиболее устойчивое языковое поведение из всех групп. При предъявлении инструкции на русском языке эти участники дали 13 ответов на казахском языке и 4 ответа на русском языке. Особенно примечательно, что при этом не было выбрано ни одного дистрактора на казахском языке, и был выбран лишь 1 дистрактор на русском языке. При предъявлении инструкции на казахском языке участники 19 раз ответили на казахском языке и 6 раз на русском. Также примечательно, что при этом 3 раза был выбран дистрактор на казахском языке, и ни одного — на русском языке.

Испытуемые со сбалансированными навыками продемонстрировали сдвиги в выборе языка в обе стороны, а также ошибались чаще по сравнению с другими участниками.

При предъявлении инструкции на русском языке участники дали 40 ответов на казахском языке и 15 ответов на русском языке. При этом было выбрано 6 дистракторов на казахском языке и 7 дистракторов на русском языке. При предъявлении инструкции на казахском языке испытуемые дали 43 ответа на русском языке и 31 ответ на казахском языке. При этом было выбрано 2 дистрактора на казахском языке и 4 дистрактора на русском языке. Описанные данные визуализированы ниже на рисунке 1.

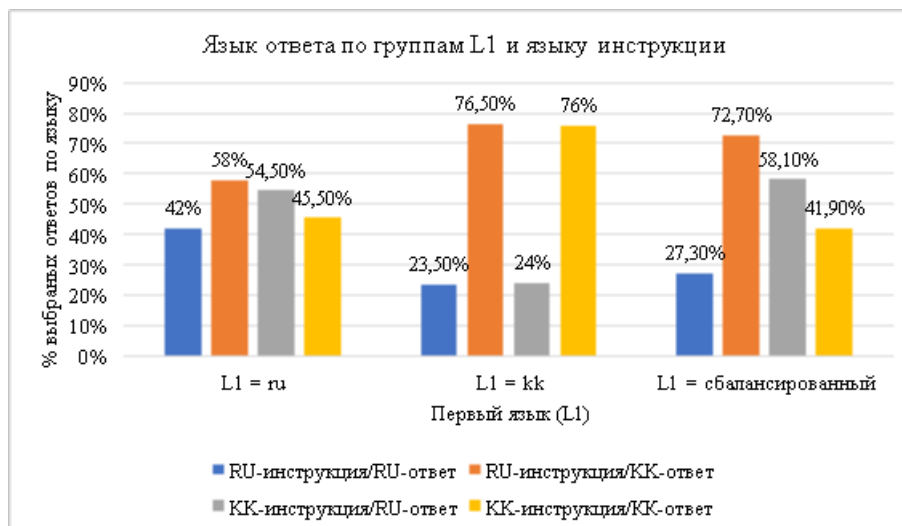

Рисунок 1. Язык ответа по группам L1 и языку инструкции. Источник: составлено автором

Отдельно представим визуализацию данных о распределении дистракторов (то есть, о количестве совершенных ошибок) в рамках выполненных участниками проб на рисунке 2.

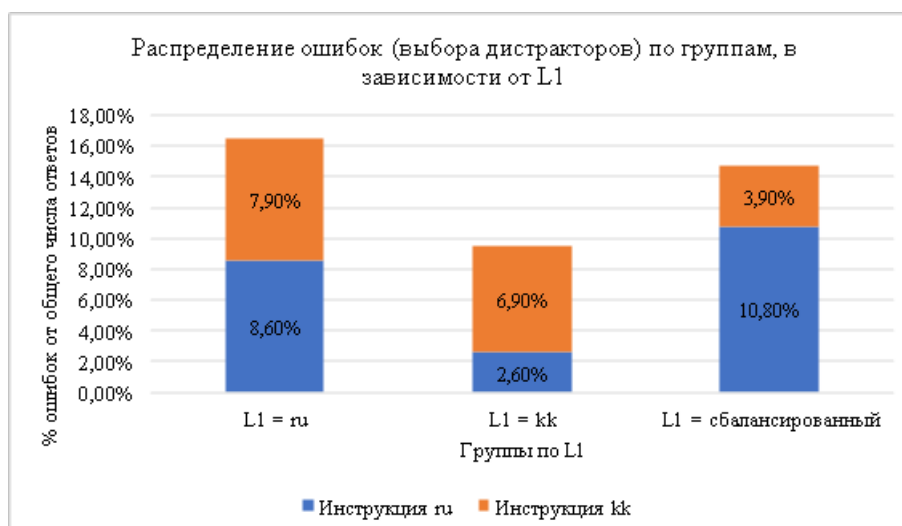

Рисунок 2. Распределение ошибок (выбора дистракторов) по группам, в зависимости от L1. Источник: составлено автором

Чтобы исключить вероятность случайного распределения ответов в полученных нами данных, мы рассчитали χ^2 -критерий Пирсона на основе таблицы сопряженности,

отражающей распределение языков ответа для каждой комбинации языкового профиля и языка инструкции. Полученное значение $p=0,0013$ оказалось ниже уровня значимости $\alpha=0,05$, стандартно применяющегося в научных исследованиях [16, 17, 18]. Значит, связь переменных в нашем массиве данных можно считать статистически значимой, то есть связь переменных и результатов не может быть объяснена случайным распределением.

Дискуссия

Испытуемые с русским L1. В этой группе участников глобальный языковой контекст имел обратный эффект: при предъявлении инструкции на любом языке участники чаще выбирали ответы на казахском языке, в том числе — ошибочные. Соотносимы результаты в своем исследовании получили М. Паради и коллеги, которые исследовали поведение детей-билингвов, говорящих на английском и французском [19]. Дети с доминирующим английским языком чаще использовали английский даже в установленном французском контексте, потому что осознавали допустимость использования английского как основного языка среды. Дети с доминирующим французским старались придерживаться английского, так как контекст коммуникации осознавался ими как англоязычный. То есть, на языковое поведение детей влиял не только предустановленный языковой контекст эксперимента, но также и выходящий за пределы экспериментальной задачи языковой контекст всего взаимодействия в целом. В нашем исследовании испытуемые тоже могли регулировать свои ответы, так как осознавали ситуацию эксперимента как относящуюся к казахской языковой среде и стремились подчеркнуть свою принадлежность к казахоязычному сообществу.

Испытуемые с казахским L1. Вне зависимости от языка предъявленной инструкции эти участники чаще всего выбирали ответы на казахском языке. При этом испытуемые в этой группе реже выбирали дистракторы. Также, как в группе с доминирующим русским языком, в анализе результатов проб этой группы должна быть учтена также дополнительная макропеременная — доминантный язык среды, на фоне которого разворачивается коммуникация. Казахский язык как наиболее культурно и символически значимый код в казахстанской языковой действительности на сегодняшний день имеет наибольший вес в общественном дискурсе. Эта переменная может преобладать над заданными экспериментом условиями коммуникации и определять языковое поведение билингвов этой группы.

Испытуемые со сбалансированными навыками продемонстрировали тенденцию выбирать ответы на языке, противоположном языку инструкции. Такие результаты соотносятся с теорией А. Бруин и С. Мартина об одновременной и параллельной активации языков у билингвов [20], которые оказались склонны свободно переключать код согласно личному предпочтению. Также доказано, что в ситуации, допускающей произвольный выбор языка ответа, билингвы демонстрировали улучшение исполнительных когнитивных функций [21]. Кроме того, принудительное ограничение переключений кода и установка строго монолингвального языкового контекста ухудшала результаты проб у билингвов [21, 22]. Так, в работе Т.Х. Голлана и коллег [8] билингвы при чтении вслух текста со смешанным кодом часто произносили слово не на том языке, на котором оно было написано. Такие ошибки в основном случались в первом языке участника, особенно когда требовалось удержание внимания на недоминантном языке. Это подтверждает: намеренное подавление доминантного языка и концентрация на втором языке могут быть нестабильными и приводить к «прорывам» нецелевого языка [23].

В нашем исследовании принудительное ограничение языкового контекста эксперимента

с помощью языка инструкции могло вызвать сопоставимый эффект. Привычный режим языкового функционирования сбалансированных билингвов представляется как постоянная и одновременная активация сразу двух языков. В таких условиях необходимость подавить второй язык требует от билингвов дополнительных когнитивных усилий, в результате чего возникает конфликт управления языковыми системами и конкуренция языковых систем. Этим может быть объяснен частый выбор ошибочных ответов сбалансированными билингвами, а также приверженность к ответу на противоположном языке — таким способом билингв может пытаться неосознанно вернуться к привычному билингвальному способу коммуникации.

Заключение

Таким образом, анализ данных показал, что в рамках нашего эксперимента имела место корреляция переменных — глобального языкового контекста и характеристиками языкового профиля казахско-русских билингвов. Полученные данные удалось интерпретировать в форме трех практических выводов. Во-первых, глобальный языковой контекст, смоделированный инструкцией, действительно повлиял на лексический выбор у казахско-русских билингвов в нашем эксперименте. Важным итогом нашего исследования стал вывод о том, что эффект глобального контекста неоднороден для разных типов билингвов и находится во взаимосвязи с индивидуальными характеристиками их языковых профилей. Участники с разным доминантным языком продемонстрировали разное поведение в предложенных условиях. Наши данные показали, что монолингвальная установка через глобальный языковой контекст может активировать не только целевой язык, но и нецелевой.

Во-вторых, значимой переменной стал L1 участников. Так, например, участники с казахским L1 продемонстрировали наиболее устойчивое поведение: показали высокую приверженность ответам на казахском языке и высокую успешность прохождения проб (допускали меньше ошибок).

В-третьих, в результате интерпретации полученных данных к формальным количественным показателям была присоединена качественная переменная, представляющая собой комплекс макросоциолингвистических факторов. В нашем исследовании значимыми для результата оказались представления билингвов о текущей коммуникативной ситуации и восприятие ими ситуации общения как билингвальной. Также в одной из групп значимым для результата оказался социокультурный статус и престиж казахского языка как доминантного языка всего казахстанского сообщества.

Таким образом, механизм языкового выбора у билингвов представляется как многоаспектный процесс, на работу которого могут в равной степени повлиять эксплицитные коммуникативные установки ситуации общения и имплицитные индивидуальные особенности языковых компетенций. Важно учитывать, что локальные особенности каждой отдельно взятой коммуникативной ситуации не являются единственным фактором, определяющим выбор кода: билингв может регулировать свое языковое поведение и языковой выбор в соответствии с глобальными языковыми тенденциями, личными предпочтениями и представлениями о языках, языковым ландшафтом, статусом языков и языковым фоном коммуникации. Глобальный языковой контекст в этих условиях выступает как важный медиатор стратегии коммуникации, проявляющийся в соотношении с индивидуальным языковым профилем казахско-русского билингва и регулирующий языковой выбор в совокупности с прочими языковыми и социальными факторами.

Библиография

1. Nurtazina M., Kesner J., Alefirenko N., Shakhputova Z. Linguistic and extralinguistic factors of code-switching as a process of contacting languages // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2019. – Vol. 298. – P. 577-583.
2. Доминикан А. И. Виды контекстов при разных научных подходах // *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. – 2017. – № 4. – С. 125-131. EDN: ZURPBV.
3. Кирсанова И. В., Шияпова А. А., Фатхулова Д. Р. Контекст и его роль в процессах понимания текста (на материале психолингвистического исследования) // *Современное педагогическое образование*. – 2021. – № 4. – С. 279-284. EDN: TQBULN.
4. Slama-Cazacu T. Langage et contexte: Le problème du langage dans la conception de l'expression et de l'interprétation par des organisations contextuelles. – Gravenhage : Mouton, 1961. – 251 p.
5. Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // *Филологические науки*. – 1978. – № 1. – С. 95-100.
6. Van Heuven W., Dijkstra T., Grainger J. Orthographic neighborhood effects in bilingual word recognition // *Journal of Memory and Language*. – 1998. – № 39. – С. 458-483. EDN: GXUPFZ.
7. Green D., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // *Journal of Cognitive Psychology*. – 2013. – Vol. 25. – № 5. – P. 515-530.
8. Gollan T. H., Goldrick M. A switch is not a switch: Syntactically-driven bilingual language control // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2018. – Vol. 44. – № 1. – P. 143-156.
9. Parshina O., Smirnova A., Goldina S., Bainbridge E. The effect of the global language context on bilingual language control during L1 reading // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2025. – Vol. 28. – № 2. – P. 577-587. DOI: 10.1017/s1366728924000658. EDN: EQFHJM.
10. Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 468-482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482. EDN: SAOAVQ.
11. Жук А. И., Ихсанова С. И., Кенжебекова Д. Р., Щербакова В. А. Социолингвистический профиль билингвов в Казахстане: языковая идентичность и доминирование // *Вестник Ахметжан Бокейхан Университета*. – 2024. – Т. 4. – № 63. – С. 113-121.
12. Акинина Ю. С. Библиотека стимулов "Существительное и объект": нормирование психолингвистических параметров / Ю. С. Акинина и др. // *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов*. – Калининград, 23-27 июня 2014 г. – Калининград : [б.и.], 2014. – Вып. 6. – С. 112-114.
13. McRae K. Abstract Concepts and Pictures of Real-World Situations Activate One Another // *Topics in Cognitive Science*. – 2018. – Vol. 10. – № 3. – P. 518-532.
14. Martin C. D., et al. Processing of Synonyms and Homographs in Bilingual and Monolingual Speakers // *Journal of Cognition*. – 2024. – Vol. 7. – № 1. – Article 4. – P. 1-19. DOI: 10.5334/joc.329. EDN: CSLWES.
15. Sá-Leite A. R., Comesaña M., Acuña-Fariña C., Fraga I. A cautionary note on the studies using the picture-word interference paradigm: the unwelcome consequences of the random use of "in/animates" // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – Article 1145884. – P. 1-14.
16. Creemers A., Davies A. G., Wilder R. J., Tamminga M., Embick D. Opacity, transparency, and morphological priming: A study of prefixed verbs in Dutch // *Journal of Memory and Language*. – 2020. – Vol. 110. – Article 104055. – P. 1-20.

17. Khorsheed A., Wilson C., Schumacher P. What second-language speakers can tell us about pragmatic processing // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17. – № 3. – e0263724. – P. 1-20.
18. Ляшевская О. Н., Пыжак Ж. В., Виноградова О. И. Word-formation complexity: a learner corpus-based study // Вестник РУДН. Серия "Лингвистика". – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 435-460. DOI: 10.22363/2687-0088-31187. EDN: UXCMMV.
19. Paradis J., Nicoladis E. The Influence of Dominance and Sociolinguistic Context on Bilingual Preschoolers' Language Choice // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2007. – Vol. 10. – P. 277-297.
20. Bruin A., Martin C. Perro or txakur? Bilingual language choice during production is influenced by personal preferences and external primes // Cognition. – 2022. – Vol. 222. – Article 104995. – DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104995. EDN: GGOFZA.
21. Blanco-Elorrieta E., Pylkkänen L. Bilingual language switching in the laboratory versus in the wild: The spatiotemporal dynamics of adaptive language control // Journal of Neuroscience. – 2017. – Vol. 37. – № 37. – P. 9022–9036. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0553-17.2017.
22. Jevtović M., Duñabeitia J. A., de Bruin A. How do bilinguals switch between languages in different interactional contexts? A comparison between voluntary and mandatory language switching // Bilingualism: Language and Cognition. – 2020. – Vol. [не указано].
23. Бойкова С.Е. Эксперимент с картинками со сквозным персонажем: анализ билингвального нарратива // Litera. 2020. № 10. С. 37-50. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.10.33904 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33904

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина А.А. К вопросу о ранних типах сюжетов олонхо в виллюйской эпической традиции // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76607 EDN: DPVGAC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76607

К вопросу о ранних типах сюжетов олонхо в виллюйской эпической традиции

Кузьмина Айталиа Ахметовна

ORCID: 0000-0001-7051-9009

кандидат филологических наук

Старший научный сотрудник; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Саха (якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 414

✉ aitasakha@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76607

EDN:

DPVGAC

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2025

Дата публикации:

07-11-2025

Аннотация: Предметом исследования статьи является сюжет якутского героического эпоса. Объектом исследования является олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева из Виллюйского района, записанное в 1938 г. в ходе Виллюйской экспедиции. Текст был подготовлен к изданию автором данной статьи в 2017 г. Актуальность статьи обусловлена пересмотром устоявшихся классификаций олонхо: на примере текста «Эрбэхтэй Мэргэн» доказывається, что критерий исторической памяти значимее наличия архаики, а также опровергается тезис об отсутствии в виллюйской традиции ранних сюжетов, демонстрируя её сложный культурный синтез. Цель работы – обоснование отнесения олонхо виллюйского сказителя Б. А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэргэн» к сюжетно-тематическому циклу, посвящённому заселению Среднего мира, а также выявление

особенностей вилуйской эпической традиции. В работе используются методы структурного, структурно-семантического и сравнительного анализа. Методологической основой работы служат классификация сюжетов якутского эпоса, разработанная Н. В. Емельяновым, и анализ сюжетной модели, предложенный И. В. Ершовой. Выводы исследования могут найти применение в фольклористике при изучении поэтики эпических текстов и при разработке учебных курсов по якутскому фольклору. Исследование впервые вводит в научный оборот текст олонхо вилуйской традиции, представляющий ранний сюжетный пласт, что и определяет его основную новизну. Исследование олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева выявило наличие в вилуйской эпической традиции ранних сюжетов о заселении Среднего мира. Ранее его ошибочно относили к сюжетам о родоначальниках, однако это сказание раскрывает конфликт в семейных отношениях, где близкие люди становятся источником раздора. Широко распространенный мотив сватовства к девушке-оборотню, встречающийся от Колымы до Вилюя, подтверждает древнее происхождение сюжета. Анализ выявил типологическое сходство с центрально-якутскими («Сын лошади Дыырай Бёгё» И. И. Бурнашева—Тонг Суоруна, «Сын лошади Дыырай Бэргэн» У. Г. Нохсорова, «Сын лошади Дыырай богатырь» Г. К. Васильева) и северо-восточными («Эрбэхчин Мэргэн» Д. Г. Жиркова) версиями. Однако вилуйская традиция обладает спецификой: лаконичная структура (краткое вступление и редуцированная концовка), отсутствие образа священного дерева, а также лингвокультурные заимствования из тунгусской и русской традиций в поэтике текста.

Ключевые слова:

якутский героический эпос, олонхо, сюжет, сюжетно-тематическая группа, ранний тип олонхо, сюжетная модель, структура, поэтика, вилуйская эпическая традиция, заселение Среднего мира

Выражаю благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью пересмотра существующих подходов к классификации якутского эпоса олонхо. На примере детального анализа олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева в контексте системы Н. В. Емельянова в работе поднимается проблема атрибуции текстов, не вошедших в основные своды, и доказывается, что критерий связи эпоса с исторической памятью народа является для систематизации более значимым, чем простое наличие архаических мотивов. Актуальность исследования также связана с выявлением специфики вилуйской традиции и демонстрацией сложного культурного синтеза (якутского, русского, эвенкийского) в эпическом тексте, что вносит вклад в изучение региональных особенностей и эволюции жанра олонхо в целом. Утвердившийся в якутском эпосоведении тезис об отсутствии ранних сюжетных типов олонхо в вилуйской эпической традиции требует пересмотра.

Цель статьи — обоснование отнесения олонхо вилуйского сказителя Б. А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэргэн» к сюжетно-тематическому циклу, посвящённому заселению Среднего мира, а также выявление особенностей вилуйской эпической традиции. В научный оборот впервые вводится текст олонхо из вилуйской традиции, принадлежащий к раннему пласту сюжетов, что и составляет новизну настоящего исследования. В работе

используются методы структурного, структурно-семантического и сравнительного анализа. Методологической основой работы служат классификация сюжетов якутского эпоса, разработанная Н. В. Емельяновым [5], и анализ сюжетной модели, предложенный И. В. Ершовой [8].

Материалом исследования является текст олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева, записанный в 1938 г. в рамках Вилуйской экспедиции. Текст был подготовлен к изданию автором данной статьи в 2017 г. [1]. В качестве сопоставительного материала использованы сюжеты олонхо из сборника Н. В. Емельянова [7], а также тексты олонхо «Богатырь Тонг Саар» [10] и «Сююлэлджин Боотур» С. Н. Каратаева [9].

Ранние типы олонхо в трудах Н. В. Емельянова

Н. В. Емельянов установил коренное отличие якутского эпоса от эпических традиций других тюрко-монгольских народов. Оно состоит в том, что, прославляя героев-первопредков и защитников племени, эпос воплощает родовое самосознание и отражает историю развития и распада родового строя [4, с. 5]. Согласно его классификации, сюжеты олонхо делятся на три основные тематические группы: сказания о заселении Среднего мира племенами айы аймага, о родоначальниках племени ураангхай саха и о его защитниках [5]; [6]; [7]. Данная классификация отражает эволюцию сюжетов олонхо: первая группа считается наиболее архаичной, тогда как вторая и третья сформировались позднее. Каждая из этих масштабных тем, в свою очередь, включает в себя самостоятельные сюжетные линии.

Среди 75 текстов 16 образуют группу олонхо о заселении Среднего мира, внутри которой существует разделение на три подгруппы:

- 1) заселение Среднего мира потомками Юрюнг Айыы Тойона («Потомки Юрюнг Айыы Тойона», «Баай Барыылаах — дух-хозяин черного леса» М. Н. Андросовой-Ионовой),
- 2) заселение Среднего мира отверженными потомками айыы («Сын лошади Дыырай Бёгё» И. И. Бурнашева-Тонг Суоруна, «Сын лошади Дыырай Бэргэн» У. Г. Нохсорова, «Сын лошади Дыырай богатырь» Г. К. Васильева, «Сын лошади Аталами богатырь» П. Аксенова, «Нэриэн Мюлгю» П. М. Терютиной, «Сиджи Босхонг богатырь» И. Н. Ефимова, «Мюгюлю Бёгё» Г. М. Тарасова),
- 3) женщины-богатырки — первые люди Среднего мира («Кылааннаах Кыыс богатырка» по записи В. Л. Приклонского, «Кылааннаах Кыыс богатырка» Е. Д. Винокурова, «Кыыдааннаах Кыыс богатырка» М. Н. Горохова, «Кыыс Туйгун» И. С. Скрыбыкина, «Кыйдааннаах Кыыс богатырка» М. И. Еспека, «Кыыдааннаах Кыыс Туйгун богатырка» П. П. Алексеева, «Шаманки Уолумар и Айгыр» Н. Т. Абрамова) [7, с. 16–75].

Первую группу составили олонхо, идейно-тематическое содержание которых связано с заселением Среднего мира племенами айыы. В этих сказаниях поэтически отражена история миграции предков якутов с южной прародины. Их сюжеты перекликаются с древними преданиями об Омогой Бае и Элэй Боотуре через общие мотивы: обустройство на земле, избранной божествами, покровительство духов-хозяев и др. При этом сами эпические сюжеты о заселении развиваются в двух основных направлениях.

Первое из них повествует о том, как верховное божество Юрюнг Айыы Тойон предназначает Средний мир для людей из племени айыы аймага и расселяет своих потомков по различным областям вселенной. Тем не менее, олонхо, построенные на

данном сюжете, встречаются крайне редко. Глубокая связь с мифологией прослеживается в отрывках из олонхо М. Н. Андросовой-Ионовой «Потомки Юрюнг Айы Тойона» и «Баай Барыылаах — дух-хозяин черного леса». В качестве главных героев в них, по-видимому, выступают дети-богатыри — потомки верховного божества Юрюнг Айы Тойона.

Более широко распространены олонхо второй сюжетной линии, повествующие о заселении Среднего мира отверженными потомками верховных божеств. Основные сюжетные линии этих сказаний имеют много общего с легендами о заселении якутами долины реки Лены. Особенно ярко представлены олонхо о сыне лошади Дыырае, которые объединены архаичной основой. Изначально в них развиваются характерные для ранних типов олонхо мотивы, такие как заселение Среднего мира, внутривидовые конфликты и чудесное сватовство. Однако в дальнейшем сюжет эволюционирует, обогащаясь элементами более поздней традиции — похищением жены героя и его борьбой с противниками из Нижнего мира.

К ранним типам олонхо относятся и сказания о женщинах-богатырях. Согласно наблюдениям Н. В. Емельянова, сюжеты олонхо о женщинах-богатырях, имея в своей основе древнейшие общественные отношения предков якутов, не оставались статичными, а постоянно развивались и обогащались новыми идеями и мотивами [\[6, с. 94\]](#). Можно выделить две основные сюжетные линии: 1) богатырка и побежденный ею богатырь-раб; 2) потеря и поиски любимого коня богатырки. Следует отметить, что образ женщины-богатырки не является исключительной принадлежностью одной группы; он фигурирует и в сказаниях о родоначальниках ураангхай-саха, и в олонхо о защитниках племени айы аймага [\[3, с. 63\]](#).

Представляется, что классификация олонхо на типы и этапы развития не может основываться исключительно на доминировании архаических мифологических мотивов. Более значимым критерием для их систематизации внутри жанра является идейно-тематическая связь эпоса с исторической памятью народа. Проблема классификации многих сюжетов олонхо, не представленных в трудах Н. В. Емельянова, остаётся актуальной. Их отнесение к той или иной сюжетно-тематической группе часто требует тщательного сравнительного исследования.

О сюжетной структуре олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева

В ходе Вилюйской экспедиции 18—21 марта 1938 года Сэсэнном Ивановичем Боло была записана версия олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» со слов сказителя Б. А. Алексеева. В настоящее время указанная рукопись хранится в Рукописном отделе ЯНЦ СО РАН. Олонхо Б. А. Алексеева «Эрбэхтэй Мэргэн» (3799 стихотворных строк) представляет вилюйскую эпическую традицию и отличается сравнительно небольшим объёмом на фоне среднего для жанра показателя в 10—15 тысяч строк. Согласно классификации сюжетов Н. В. Емельянова, данное произведение было отнесено к группе олонхо о родоначальниках ураангхай-саха [\[1, с. 8—9\]](#). Однако проведённый анализ текста показывает, что, несмотря на наличие отдельных более поздних сюжетных мотивов, это олонхо принадлежит к раннему типу, посвящённому заселению Среднего мира.

Вступительная часть олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева состоит всего из 200 строк. В ней дана очень краткая традиционная пространственно-временная характеристика эпического мира, при этом формула времени содержит малопонятные и редко употребляемые слова «энкээтигэр», «улканыгар». Их происхождение, вероятно, связано с сочетанием гласных звуков и влиянием эвенкийского языка: «Былыргы дьыл

мындаатыгар, / Эргэ дьыл э□кээтигэр / Урукку дьыл улканыгар» — «На гребне древних времен, / В стародавние времена, / За гранью канувших лет» (здесь и далее — перевод мой) [1, с. 12].

Языковые особенности текста не случайны. Жители Югюлятского наслега (родины сказителя Б. А. Алексеева) на протяжении многих лет добиваются присвоения статуса эвенкийского национального наслега. Югюляты, помимо традиционных для якутов скотоводства и коневодства, долгое время занимались оленеводством. Эта культурно-хозяйственная специфика объясняет присутствие в тексте сказания оленеводческих терминов. Показательно и то, что одно из олонхо из репертуара Б. А. Алексеева посвящено трём тунгусским богатырям («*Үс быраатты то□устар*» — «Три брата-тунгуса»).

При описании Среднего мира используется максимально короткая традиционная эпическая формула: «*Охтор мастаах, / Ойор күннээх, / Уолар уулаах / Орто мэ□э дьа□ы дойдум*» — «Средний мир, вечный и пятнистый, — / С его падающими деревьями, / С его восходящим солнцем, / С его высыхающей водой» [1, с. 12]. Несмотря на то что в тексте упомянуты родители богатыря и его старший брат, Эрбэхтэй Мэргэн живёт в полном одиночестве и отчуждении от своей семьи. Данная характеристика сближает его с архетипом одинокого героя, воплощённым в образе Эр Соготоха. Как и у других сказителей Вилюйского региона, в тексте отсутствует описание священного дерева, что отражает локальную эпическую традицию.

Олонхосут Б. А. Алексеев, описывая убранство жилища и богатства героя, активно использует образы и понятия, заимствованные из русской культуры. Так, наряду с традиционными формулами, он вводит христианские эпитеты («*аанньал та□аралаа*» — «имеющий бога-ангела», «*Ньукуола та□аралаа*» — «имеющий икону Николая Чудотворца», «*опуостал та□аралаа*» — «имеющий бога апостола» [1, с. 15]), которые появились под влиянием распространения православного христианства среди аборигенного населения Якутии [14, с. 48]; [15]. Кроме того, в перечне ценностей упоминаются российские города (Санкт-Петербург (*Бөтөрбүүр*), Иркутск (*Уркуутскай*)) и Китай (*Кытай*) [1, с. 16]. Этот синтез указывает на то, что картина мира сказителя включала как якутские, так и русские культурные компоненты [13].

Сказитель детально изображает бытовую сторону жизни героя: он растапливает печь, принимает пищу и предаётся отдыху лёжа. Вопреки традиционному для якутского эпоса отсутствию зимних описаний, в олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» присутствует нетипичная сцена: богатырь передвигается на лыжах, расчищает снег.

Завязка сюжета заключается в том, что к Эрбэхтэй Мэргэну является богатырь айыы, принявший облик огненно-красной белки, с просьбой спасти его сестру от посягательств богатыря абаасы по имени Буура Дохсун. Затем в повествовании появляется богатырь-абаасы в облике орла, который начинает пожирать скот героя. В ответ на это Эрбэхтэй Мэргэн, справедливо возмущённый, вступает с ним в противоборство и после двухмесячной изнурительной битвы одерживает победу. В знак благодарности за спасение богатырь айыы три года находится на положении слуги у Эрбэхтэй Мэргэна, однако, не вынеся унижительного статуса, в конечном итоге покидает своего благодетеля. Почти аналогичная завязка сюжета встречается в олонхо «Сын лошади Дыырай Бёгё» И. И. Бурнашева—Тонг Суоруна, «Сын лошади Дыырай Бэргэн» У. Г. Нохсорова, «Сын лошади Дыырай богатырь» Г. К. Васильева из центрально-якутской эпической традиции и «Эрбэхчин Мэргэн» Д. Г. Жиркова из северо-восточной эпической

традиции [7]. В олонхо И. И. Бурнашева—Тонг Суоруна и Г. К. Васильева спасённый богатырь носит имя Эрбэхтэй Бэргэн. Фонетическое сходство наблюдается и в олонхо Д. Г. Жиркова: имя главного героя, Эрбэхчин Мэргэн, явно перекликается с именем Эрбэхтэй Мэргэн. Всё это свидетельствует не только о сюжетном сходстве, но и о близости в именах героев.

Описанию сборов в богатырский поход уделяется довольно солидное место в эпическом повествовании. Изображён мотив чудесного нахождения и объездки предназначенного богатырю коня. В ответ на просьбу Эрбэхтэй Мэргэна о богатырском снаряжении и указании на его судьбу в небесах возникает облако, сквозь которое проступает лик женщины. Она бросает на землю требуемое вооружение, однако о предначертании героя ничего не сообщается. Далее следует характерный для эпоса мотив продолжительного сна: насытившись, богатырь погружается в сон, длящийся три года.

Для изображения пути богатыря сказитель использует живописные описания, усиленные приёмом гиперболы. В частности, для передачи скорости передвижения всадника применяются сравнения с выстрелом из ружья и стремительным полётом сокола: *«Тэргэн саа тэ□нэспэтинэн / Чуор саа до□ордоспотунаң / Уордаах мохсо□ол утааласпатынан / Күннүктээби көтүтэн түспүтэ»* — «Дневной путь пролетели / Быстрее выстрела из ружья, / Быстрее выстрела из дробовика, / Быстрее полета свирепого сокола» [1, с. 64–65].

В произведении реализуется опосредованный хронотоп пути [11, с. 201]: движение героя во времени и пространстве передаётся не прямо, а через поэтическое описание сменяющих друг друга сезонов, что часто встречается в эпосе народов Сибири [2, с. 9]: *«Кыһы□ытын кырыатынан билбитэ / Сааскытын хахсаатынан билбитэ, / Сайынытын самырынан билбитэ, / Күһү□үтүн өксүөнүнэн өйдөөбүтэ»* — «Зиму узнавал по инею, / Весну узнавал по морозному ветру, / Лето узнавал по дождю, / Осень ведал по слякоти» [1, с. 65].

Традиционно путь богатыря в олонхо сопряжён с различными испытаниями. В сказании «Эрбэхтэй Мэргэн» одним из таких препятствий становятся три женщины-абаасы, принявшие облик красавиц. Пытаясь соблазнить героя и выйти за него замуж, они встречают сопротивление: следуя наставлениям своего коня, Эрбэхтэй Мэргэн остаётся невосприимчив к их чарам и лживым речам. В олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева, земляка Б. А. Алексеева, также присутствует мотив встречи героя с женщинами-оборотнями [10, с. 83]. Их образ обнаруживает некоторое сходство с сиренами из древнегреческого эпоса, которые заманивали своим пением моряков.

Дальнейшее развитие сюжета связано с чудесным сватовством богатыря. В соответствии с традицией ранних типов олонхо, как, например, в сказаниях «Сын лошади Дыырай Бёгё» И. И. Бурнашева—Тонг Суоруна, «Сын лошади Дыырай Бэргэн» У. Г. Нохсорова и «Сын лошади Дыырай богатырь» Г. К. Васильева из центрально-якутской эпической школы, сюжет приводит к браку героя с девушкой — сестрой спасённого им богатыря. Этот брак предваряется мотивом оборотничества: героиня первоначально является в образе щенка, а богатырь, сжигая его шкуру, освобождает её истинный человеческий облик и берёт в жёны.

Кульминацией сюжета становится глубокий внутрисемейный раскол: собственный брат героя, вступив в сговор с родителями, прибегает к коварному обману, чтобы отнять у Эрбэхтэй Мэргэна жену. Завершением противостояния становится акт абсолютного разрушения: принявший облик пламенеющего дракона богатырь-абаасы испепеляет весь

Средний мир вместе с виновниками конфликта. Спасти́сь удаётся лишь Эрбэхтэй Мэргэну и его жене, которые заранее предвидели подобный исход. Мотив внутрисемейного конфликта встречается и в других олонхо Вилюйского региона, например, в сказаниях «Сююлэлджин Боотур» С. Н. Каратаева^[9] и «Богатырь Одун Чуураа» С. С. Афанасьева–Ырыа Сиэнчэ ^[12, с. 56].

Заключительная часть олонхо повествует о том, что Эрбэхтэй Мэргэн и его супруга не только преуспели и умножили уцелевший скот, но и стали родоначальниками народа ураангхай-саха, произведя на свет многочисленное потомство: *«Дьэ, онтон кэннэки / Сүөһүлэрин тобо□ун иитэннэр / Бэйэлэрэ киһи төрдө буоланнар, / Уол-кыыс бө□өнү субуйаннар, / Баай бө□өнү байаннар/ Олорбуттара үһү. / Ураа□хай бө□ө онтоҥ Ууһаан барбыта үһү»* — «Впоследствии они жили, / Приумножив уцелевший скот, / Стали родоначальниками человеческого племени, / Родили много сыновей и дочерей, / Разбогатели. / От них произошёл / Многочисленный народ ураангхай-саха» ^[1, с. 131]. В отличие от традиции, где финал олонхо отличается поэтической насыщенностью (обилием эпитетов, сравнений и синтаксического параллелизма), в данном тексте заключительные строки заметно упрощены и приближены к прозаическому изложению.

Заключение

Таким образом, сюжеты о заселении Среднего мира, относящиеся к раннему типу олонхо, представлены не только в центрально-якутской и северо-восточной традициях, но и в вилюйской эпической традиции. Олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» вилюйского сказителя Б. А. Алексеева, ранее относившееся к сюжету о родоначальниках ураангхай-саха, в действительности принадлежит к сюжету о заселении Среднего мира. Основной конфликт сказания строится на сложных внутрисемейных отношениях, в которых близкие люди становятся источником раздора. Обнаруженный мотив чудесного сватовства к девушке-оборотню встречается повсюду, от Колымы до Вилюя, что, вероятно, указывает на его древнее происхождение и широкую популярность. Выявлены сходства с сюжетами олонхо «Сын лошади Дыырай Бёгё» И. И. Бурнашева—Тонг Суоруна, «Сын лошади Дыырай Бэргэн» У. Г. Нохсорова, «Сын лошади Дыырай богатырь» Г. К. Васильева из центрально-якутской эпической традиции и «Эрбэхчин Мэргэн» Д. Г. Жиркова из северо-восточной эпической традиции.

Тем не менее исследование позволило выявить специфические черты вилюйской традиции, а именно: предельно краткую вступительную часть, отсутствие образа священного дерева (берёзы) и сильно редуцированную заключительную часть. В поэтике олонхо Б. А. Алексеева прослеживаются заимствования, восходящие к тунгусской и русской лингвокультурным традициям.

Перспективу исследования составляет обращение к не изученным ранним сюжетам о женщинах-богатырках в вилюйской традиции, поскольку на сегодняшний день опубликованы и исследованы лишь тексты более позднего времени.

Библиография

1. Алексеев Б. А.-Олонхоһут Барыыс. Эрбэхтэй Мэргэн: олонхо [Эрбэхтэй Мэргэн: олонхо] / Сост. А. А. Кузьмина; отв. ред. В. В. Илларионов. Якутск: Бичик, 2017. 152 с. (На якут. яз.)
2. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: исторические исследования поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с. EDN: TRJBZX
3. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука,

2014. 166 с. EDN: TKRBGV

4. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск: Наука.

Сибирская издательская фирма РАН, 2000. 192 с. EDN: YQVCNN

5. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 208 с.

6. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 247 с. EDN: YQVDTB

7. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

8. Ершова И. В. Сказание о Сиде в испанском эпосе и историографии средних веков.

Структура и эволюция эпического сюжета: Диссертация ... доктора филол. н. М., 2018. 393 с.

9. Каратаев С. Н. Сүүлэлдэйн Боотур [Сюлэлджин Боотур]. Якутск: Цумори пресс, 2011. 122 с. (На якут. яз.)

10. Каратаев С. Н. Тон Саар бухатыыр: Олонхо [Богатырь Тонг Саар: Олонхо]. Якутск: Бичик, 2004. 237 с. (На якут. яз.)

11. Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.

12. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. Новосибирск: Наука, 2014. 160 с. EDN: TSROYR

13. Львова С. Д. Реалии русской культуры как образы сравнения в олонхо (на материале текстов ранних записей якутского эпоса) // II Сибирский форум фольклористов. Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения А.Б. Соктоева, основателя серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока". Новосибирск: Alekspress, 2021. С. 77-79. EDN: QXEGFE

14. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1964. 196 с. EDN: YGOSSJ

15. Чивиков Г. С. Православие в истории Якутии: цивилизационный аспект // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2015. № 2. С. 53-63. EDN: ZAEDCX

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию ранних типов сюжетов олонхо в вилюйской эпической традиции. Актуальность работы обоснованно аргументируется необходимостью пересмотра существующих подходов к классификации якутского эпоса олонхо в связи с выявлением специфики вилюйской традиции и демонстрацией сложного культурного синтеза (якутского, русского, эвенкийского) в эпическом тексте, что вносит вклад в изучение региональных особенностей и эволюции жанра олонхо в целом («утвердившийся в якутском эпосоведении тезис об отсутствии ранних сюжетных типов олонхо в вилюйской эпической традиции требует пересмотра»).

Теоретической основой исследования работы явились труды; посвященные устной эпической традиции в диахронии; художественно-стилевым традициям эпоса; изучению различных сюжетов олонхо; бытованию, сюжетно-композиционной структуре и образам олонхо Вилюйского региона и др. Библиография составляет 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, находит отражение на страницах статьи. Все цитаты

ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена целью и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, методы структурно-семантического и сравнительного анализа, литературоведческий и сравнительно-исторический анализ. Эмпирической базой послужил текст олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева, записанный в рамках Вилуйской экспедиции в 1938 году. В качестве сопоставительного материала использованы сюжеты олонхо из сборника Н. В. Емельянова, а также тексты олонхо «Богатырь Тонг Саар» и «Сююлэлджин Боотур» С. Н. Каратаева.

В ходе исследования рассмотрены ранние типы олонхо, представленные в трудах Н. В. Емельянова («заселение Среднего мира потомками Юрюнг Айыы Тойона; заселение Среднего мира отверженными потомками верховных божеств и женщины-богатырки — первые люди Среднего мира»), что позволило автору(ам) заключить, что «классификация олонхо на типы и этапы развития не может основываться исключительно на доминировании архаических мифологических мотивов», «более значимым критерием для их систематизации внутри жанра является идейно-тематическая связь эпоса с исторической памятью народа»). Изучена сюжетная структура олонхо «Эрбэхтэй Мэргэн» Б. А. Алексеева, выявлены специфические черты вилуйской традиции (предельно краткая вступительная часть, отсутствие образа священного дерева (берёзы) и сильно редуцированная заключительная часть, а также заимствования, восходящие к тунгусской и русской лингвокультурным традициям). В заключение обобщаются сделанные ранее выводы.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в изучение региональных особенностей и эволюции жанра олонхо. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, якутской литературе, якутскому эпосу олонхо и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Т., Чу Ц. Основные вехи деятельности по переводу и исследованию в России произведений, составляющих творческое наследие Дун Чжуншу // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76533
EDN: EMBXBZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76533

Основные вехи деятельности по переводу и исследованию в России произведений, составляющих творческое наследие Дун Чжуншу

Чжан Тао

кандидат филологических наук

преподаватель; институт иностранных языков; Дэчжоуский университет

253023, Китай, Шаньдун, г. Дэчжоу, улица Дасюэ, дом 566

✉ taozhang@yandex.ru

Чу Цзяньминь

кандидат филологических наук

преподаватель; институт иностранных языков; Дэчжоуский университет

253023, Китай, Шаньдун, г. Дэчжоу, улица Дасюэ, дом 566

✉ chujianmin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76533

EDN:

EMBXBZ

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2025

Дата публикации:

07-11-2025

Аннотация: Предметом исследования являются выполненные российскими китаеведами в период с XIX века по настоящее время тексты переводов на русский язык произведений, составляющих творческое наследие древнекитайского философа Дун

Чжуншу, а также тексты научной литературы, основанной на этих переводах, которые содержат интерпретацию идей Дун Чжуншу и обеспечивает их адаптацию в российской научной мысли. В объём исследованных текстов входят, в частности, памятники культуры на китайском языке – трактат «Чуньцю фаньлу» и историческая хроника «Хань шу», а также изданные в России в разные исторические периоды антологии, монографии, учебные пособия, словари, энциклопедии, диссертации и научные статьи. Исследование указанных документов позволяет выявить характер и динамику изменений в деятельности по переводу произведений. В процессе исследования использованы метод изучения текстов классической конфуцианской литературы на китайском языке и их переводов; метод филологического анализа текстов научной литературы, в основу которых положены переводы с китайского языка на русский; методы сравнительного анализа и сопоставительного анализа. Актуальность данной статьи обусловлена возросшим интересом к философии эпохи правления китайской императорской династии Хань и к культурному наследию мыслителей, творивших в данный исторический период. Научная новизна работы заключается в том, что авторами произведён систематический обзор переводов и основанных на них научных исследований творческого наследия Дун Чжуншу, проводившихся в разные периоды российской истории, с выделением особенностей каждого из них. На основании проведённого исследования авторы выявляют факторы, препятствовавшие прогрессу в деле переводов и исследований творческого наследия Дун Чжуншу в XIX веке и в первой половине XIX века, называют достижения в указанном вопросе, которые имели место в советский и в постсоветский периоды российской истории, а также отмечают современные тенденции осуществления переводов произведений Дун Чжуншу и интерпретации его идей – в частности, подчёркиваются такие особенности, как широкое использование современных информационных технологий, расширение масштабов международного научного обмена, акцент в переводах на терминологическую точность, исследование творчества Дун Чжуншу в рамках междисциплинарного подхода, а также в контексте мировой культуры в целом.

Ключевые слова:

Дун Чжуншу, конфуцианство, культурное наследие, межкультурная коммуникация, международный научный обмен, переводы, тексты, Хань, Ханьское конфуцианство, Чуньцю фаньлу

Данная статья выполнена в рамках тематических исследований по философии и общественным наукам: проекта г. Дэчжоу за 2024 год под названием «Исследования переводов на русский язык и межкультурной коммуникации в аспекте культурного наследия Дун Чжуншу» (проект № 2024DZZS007); ключевого проекта провинции Шаньдун «Исследование распространения учения Дун Чжуншу в России и формирования соответствующего дискурса» (проект № L2025Z05160392); проекта города Дэчжоу за 2025 год «Исследование передачи семантических соответствий и реконструкции культурного образа учения Дун Чжуншу в переводах на русский язык» (проект № 2025DZZS043).

Отмечая стержневую роль конфуцианства в духовной культуре Китая, российские синологи придерживаются мнения о том, что история конфуцианства условно делится на четыре периода: первый — это раннее конфуцианство, включающее учение Конфуция и его последователей. (VI-III вв. до н. э.); второй — это Ханьское конфуцианство, когда

конфуцианцы существенно реформировали собственное учение (II в. до н. э. - X в. н. э.); третий — это неоконфуцианство, обусловленное происходившими в Китае социально-политическими катаклизмами (X – XX вв.); четвёртый — это новое конфуцианство, явившееся оригинальной философией, синтезирующей достижения древнейшей традиционной духовной культуры и приспособившей синическую цивилизацию к реалиям современной жизни (XX в. – настоящее время) [\[15, с. 53–54\]](#), [\[23, с. 876–883\]](#).

Второй из указанных выше периодов истории конфуцианства — Ханьское конфуцианство, интересен тем, что он во многом определил развитие Китая и китайской философской мысли на последующие два тысячелетия. Лидером и символом данного периода истории конфуцианства являлся Дун Чжуншу (董仲舒) — известный китайский философ и государственный деятель, который жил во II веке до нашей эры (179–104 г. до н.э.). По единодушному признанию мирового научного сообщества Дун Чжуншу в указанный период систематизировал и развивал учение Конфуция, чем внёс весомый вклад в его становление, сделав данное учение интеллектуальной опорой императорской системы Китая. Его идеи оказали огромное влияние на формирование традиционной китайской культуры, политики и системы образования, на практику государственного управления [\[2, с. 14\]](#), [\[14, с. 254–256\]](#), [\[25, с. 191–202\]](#), [\[27, с. 206\]](#), [\[34, с. 191–195\]](#), [\[37, с. 19–31\]](#), [\[49, с. 132–142\]](#), [\[42\]](#).

Для лучшего понимания истории исследований творчества Дун Чжуншу необходим экскурс в историю древнего Китая, включая исторический фон, вехи жизненного пути Дун Чжуншу и содержание его творческого наследия.

Рассматривая исторический контекст деятельности Дун Чжуншу, следует отметить, что в эпоху Хань (汉朝) в Китае действовала двойственная система территориального состава государства, включавшая округа и удельные владения. Округа (郡 цзюнь) — это административно-территориальные единицы, которые были частью централизованной системы управления. Во главе округов стояли гражданские начальники, назначавшиеся непосредственно императором. Уделы (诸侯王国 чжухоу ван го) — это наследственные владения, которые были пожалованы родственникам и приближённым императора. Уделы обладали широкой автономией, располагали собственным аппаратом управления и армией, чеканили свою монету, осуществляли на своей территории сбор налогов и организовывали общественные работы. Тем не менее даже в условиях сохранения региональных центров власти императорам благодаря использованию комплексного механизма управления удавалось в течение продолжительного времени поддерживать единство империи как политического организма. С течением времени неуклонно происходило усиление центростремительных тенденций, в результате воздействия которых значимость удельных владений и их количество постепенно уменьшались. Во второй половине 50-х годов II в. до н.э. центральная власть укрепила своё положение настолько, что смогла перейти к широкомасштабным централизаторским реформам, достигшим пика при императоре У-ди и приведшим к окончательному формированию крупной империи, оказавшей существенное влияние на историю Китая и всего региона Восточной Азии [\[19, с. 43–49\]](#).

Исследователи отмечают важное значение периода правления императорской династии Хань в истории Китая, указывая на то, что в эту эпоху, ставшую поворотным моментом перехода от раздробленности мелких государств к созданию единого и стабильного государства, были сформированы эталоны всех элементов социальной жизни, начиная от политических институтов вплоть до историографии, для всех последующих императорских династий [\[41, с. XV\]](#). Тогда же сформировалось мировоззрение, которое повлияло как на традиционное, так и на современное представление китайцев об

окружающем мире [\[39, с. 3-24\]](#) — именно в эпоху Хань идея о едином государстве как норме впервые стала частью китайского мировоззрения [\[10\]](#).

Таким образом, требование времени в эпоху Хань заключалось в построении нового общественного порядка, основанного на политическом единстве общества, и Дун Чжуншу суждено было стать идеологом этого великого труда [\[33, с. 215\]](#).

В летописях эпохи Хань говорится: «Дун Чжуншу был родом из Гуанчуань (广川)». [班固《汉书·董仲舒传》| Бань Гу Хань шу, Биография Дун Чжуншу]. Существовавший в ту эпоху удел Гуанчуань (广川国) включал в себя земли, относящиеся ныне к провинции Хэбэй, а также территорию современного города Дэчжоу (德州) провинции Шаньдун, который ныне является крупным культурным и научным центром. Жители Дэчжоу считают творчество Дун Чжуншу частью культурного наследия города. Хотя город Дэчжоу и не является точным местом рождения философа (таковым признан участок древней Гуанчуани, относящийся ныне к уезду Цзинсянь (景县) городского округа Хэншуй (衡水市) провинции Хэбэй) [\[44\]](#), он стал частью культурного ареала, связанного с его именем. В городе Дэчжоу имеется мемориальный комплекс, посвящённый памяти Дун Чжуншу, где регулярно проводятся академические мероприятия в его честь, подчёркивающие связь Дун Чжуншу с местной историей.

Начав на родине самостоятельное изучение философии, Дун Чжуншу добился признания в качестве знатока конфуцианских классических произведений. По преданию Дун Чжуншу был столь усерден в учении, что три года не выходил из дома в сад (к слову, связанная с именем Дун Чжуншу идиома «三年不窥园» «три года не заглядывать в сад» стала крылатым выражением, означающим полную погружённость в учёбу) [\[48\]](#). Достигнув возраста 30 лет, Дун Чжуншу стал набирать учеников и старательно их наставлять [\[2, с. 48\]](#), [\[33, с. 216\]](#), [\[44\]](#), [\[46\]](#).

Активная научная и педагогическая деятельность Дун Чжуншу легла в основу его последующей государственной карьеры, которая началась в период правления императора Цзин-ди (景帝) (156–141 гг. до н. э.) в столице империи Хань — городе Чанъань (长安), на месте которого ныне расположен современный город Сиань (西安). В обязанности Дун Чжуншу, имевшего титул советника императора (博士), входило толкование классических конфуцианских сочинений и консультирование на этой основе императора по вопросам ритуала, истории и управления государством. В период правления Цзин-ди Дун Чжуншу высказывал идеи укрепления государства путём централизации власти, однако не находил должной поддержки.

Перелом в данном вопросе наступил в период правления императора У-ди (武帝), длившегося со 141 года по 87 год до н. э., который стал пиком могущества империи Хань — на этом этапе развития Китая была значительно расширена территория империи, а также проведён ряд важных реформ в области идеологии, экономики и налогообложения. [\[10\]](#) Расцвет административной карьеры Дун Чжуншу при императоре У-ди выразился в ключевой роли, которую Дун Чжуншу играл в государственной политике Ханьской империи. Находясь на службе при дворе У-ди, Дун Чжуншу стал ключевым идеологом конфуцианства как государственной доктрины, а подготовленные им для императора меморандумы стали основой проводимых реформ.

В частности, в 136 году до н.э. Дун Чжуншу добился признания за реформированным им конфуцианством статуса официальной общегосударственной идеологии [\[14\]](#), [\[42\]](#). В результате конфуцианство стало государственным культом Китая, который доминировал

на протяжении последующих 2 000 лет, вплоть до начала XX века. До наших дней в китайском языке сохранилось выражение «*罢黜百家, 独尊儒术*» «искоренить сто школ и почитать только конфуцианство» [\[48\]](#), отражающее указанную инициативу Дун Чжуншу и проводившуюся в период правления императора У-ди политику в сфере идеологии.

По инициативе Дун Чжуншу в 124 году до н. э. была создана императорская академия *Тайсюэ* (太学), для которой он разработал учебную программу и в которой он преподавал, проявив себя как выдающийся педагог.

Дун Чжуншу также являлся инициатором введения основанных на конфуцианских канонах государственных экзаменов на государственную службу, положив тем самым начало экзаменационной системе *кэцзюй* (科举) — важному социальному институту китайской империи, ставшему социальным лифтом для талантливых людей из самых разных слоёв общества [\[42\]](#), [\[40, с. 109\]](#), [\[17\]](#), [\[33, 215-216\]](#).

В период правления У-ди в соответствии с тенденцией формирования централизованного государства власть удельных правителей резко ослабла. Император стал направлять в удельные владения своих представителей для обеспечения контроля за местными правителями и непосредственного участия в осуществлении функций гражданской власти. В это время Дун Чжуншу представилась возможность получить практические навыки публичного администрирования: действуя по поручению императора, Дун Чжуншу поочерёдно занимал должность первого министра (国相) в удельных владениях: со 134 года по 125 год до н. э. — в царстве Цзяоси (胶西国), а со 125 года по 118 год до н. э. — в царстве Цзянду (江都国), где внедрял конфуцианские принципы государственного управления. Покинув в 118 до н. э. государственный пост в царстве Цзянду, Дун Чжуншу вернулся в Чанъань, столицу империи, где проживал до своей смерти, т.е. до 104 года до н. э., занимаясь научной деятельностью и преподаванием, при этом его дом являлся центром научных дискуссий и педагогической деятельности [\[44\]](#), [\[46\]](#).

Идейное наследие Дун Чжуншу представлено трактатом «Чуньцю фаньлу» (春秋繁露), насчитывающим 82 главы (три из которых со временем были утрачены), и главой 56 «Биография Дун Чжуншу» исторической хроники «Хань шу» (汉书·董仲舒传) [\[2, с. 48\]](#), [\[17\]](#).

Трактат Дун Чжуншу «Чуньцю фаньлу» (春秋繁露), который дословно переводится как «Обильная роса на летописи «Чунь цю» — это одно из важнейших философских произведений эпохи Хань. В нём Дун Чжуншу интерпретирует через нумерологию и космологию конфуцианский классический труд «Чуньцю», известный также под названием «Весны и осени» (春秋), который представляет собой отредактированную Конфуцием хронику событий в родном для него государстве Лу в период с 722 г. до н. э. по 481 г. до н. э.

Историческая хроника «Хань шу» (汉书), основным автором которой являлся Бань Гу (班固), древнекитайский историограф эпохи Хань, была составлена в I веке н.э. и охватывала период эпохи Западной Хань, с 206 г. до н.э. по 23 г. н.э. Наряду с хроникой правления императоров и сведениями об экономике, науке и ритуалах указанной эпохи, «Хань шу» содержит биографии ключевых фигур, в том числе жизнеописание Дун Чжуншу.

Глава 56 «Хань шу» называется «Биография Дун Чжуншу» (董仲舒传) и содержит сведения о происхождении, образовании и карьере Дун Чжуншу при дворе императора У-ди. В данной главе подчёркивается роль Дун Чжуншу в качестве главного идеолога

эпохи Хань, обеспечившего доминирование конфуцианства в Китайской империи. Глава также содержит уникальные исторические документы, автором которых являлся Дун Чжуншу, а именно: «Три рассуждения о Небе и человеке» (天人三策) и «Ответы на вопросы о выдвижении достойных» (举贤良对策).

«Три рассуждения о Небе и человеке» (天人三策) включают в себя меморандумы, которые Дун Чжуншу в 134 году до н.э. представил императору У-ди — в них Дун Чжуншу излагает теорию «единения Неба и человека» (天人合一), идею примата конфуцианства (罢黜百家, 独尊儒术), критику легизма и других школ.

«Ответы на вопросы о выдвижении достойных» (举贤良对策), представленные императору У-ди в период со 130 по 125 гг. до н.э., сформулированы в виде вопросов, поставленных перед Дун Чжуншу по поводу процедуры отбора кандидатов для назначения на государственные должности (举贤良) и ответов на поставленные вопросы, которые содержат основанные на конфуцианских принципах практические рекомендации по реформированию системы отбора талантов для государственной службы.

Возвращаясь к вопросу исследований творческого наследия Дун Чжуншу, следует отметить, что в международном научном сообществе сложилось мнение о недооценке философии эпохи династии Хань, ключевой фигурой которой являлся Дун Чжуншу. Ряд учёных отмечает, что несмотря на важность данного периода развития китайской философии для дальнейшего развития китайской этической и политической мысли (а следовательно, и для влияния на мировоззрение китайской нации) философские идеи эпохи Хань за пределами Китая недостаточно глубоко исследованы [38, с. 1-25], [43, с. 355-368]. К примеру, первый полный перевод «Чуньцю фаньлу», главного творения Дун Чжуншу, на английский язык впервые был издан лишь в 2015 году, при этом к указанному времени полных переводов этого произведения на иные европейские языки также ещё не имелось [38, с. 1-25].

Аналогичный подход был свойствен и исследованиям, проводившимся в России, что обусловлено рядом причин.

В частности, как в России, так и в Китае научная деятельность, связанная с исследованием конфуцианства, переживала в XIX - XX веках кризисы и периоды застоя, которые тормозили исследования этого учения.

В XIX – начале XX вв. формировались институциональная система китаеведения [5, с. 20-35], однако просветительская деятельность китаеведов в указанный период была затруднена равнодушием общества и государства к фундаментальному исследованию Китая, его истории и культуры [28, с. 15-22]. Начиная со второй половины XIX века российское академическое китаеведение развивалось главным образом в стенах Петербургского университета силами узкого круга учёных-энтузиастов [28, с. 15-22] и было в основном сконцентрировано на практических целях — изучении китайского языка как такового и решении актуальных экономических и политических задач, в связи с чем исследования конфуцианства носили страноведческий характер, а упор в них делался на изучении канонического корпуса текстов периода раннего конфуцианства [32, с. 62-67], [35, с. 19].

На темпы и направления исследований конфуцианства и на эффективность российско-китайского научного сотрудничества в этой сфере негативно повлияли также факторы, обусловленные политической конъюнктурой: в Китае после провозглашения в 1949 году

Китайской народной республики конфуцианство в течение продолжительного времени порицалось как учение, стоящее на пути прогресса [\[47\]](#), а в России в советский период учения древнекитайской философии классифицировались по критериям материализма и идеализма, при этом конфуцианство часто рассматривалось как идеалистическое и реакционное учение [\[26, с. 336–385\]](#).

Кроме того, в российском научном сообществе постепенно сложилось мнение, что Ханьская философия представляет собой синкретическое учение и поэтому рассматривалась как менее важная [\[2, с. 3–4\]](#).

В силу указанных привходящих обстоятельств в России в течение длительного времени отсутствовал общественный запрос на изучение ханьского конфуцианства и таких сложных фигур, как Дун Чжуншу.

В результате подобного подхода раннее конфуцианство, несмотря на упомянутые периоды упадка, изучено настолько подробно, что российская история исследований насчитывает к настоящему времени более десятка переводов главной книги конфуцианства — трактата Конфуция «Лунь юй» (论语) [\[36\]](#), пять переводов «Книги перемен» (易经) [\[18, с. 462–517\]](#), тогда как иную картину мы наблюдаем в отношении исследований Ханьской философии: в программах высших учебных заведений по китайской философии эпохе Хань уделялось незначительное внимание [\[2, с. 3–4\]](#), а в многотомной «Истории Китая» Дун Чжуншу, несмотря на значимость этой фигуры в истории Китая, не удостоен отдельной главы [\[18, с. 462–517\]](#), при этом до настоящего времени не издано полного перевода «Чуньцю фаньлу» на русском языке, не завершено начатое в 2021 году издание перевода «Хань шу».

Тем не менее, ханьская философия не осталась без внимания в исследованиях учёных Российской империи, а в советский период и после образования в 1991 году Российской Федерации проводились исследования философии эпохи Хань, в рамках которых анализировались произведения Дун Чжуншу, а также изданы переводы фрагментов произведений Дун Чжуншу.

В дореволюционной российской синологии существовал достаточно высокий интерес к конфуцианству в целом, поэтому при изучении истории данного учения нельзя было пройти мимо такой значимой фигуры как Дун Чжуншу, в связи с чем в произведениях китаеведов XIX века, даже без упоминания имени Дун Чжуншу, в той или иной степени давалась оценка его деятельности и излагались его основные идеи.

Так, профессор Петербургского университета Васильев В.П. (1818–1900), считающийся основателем российской академической синологии и признанный центральной фигурой среди российских китаеведов второй половины XIX века [\[5, с. 20–35\]](#), [\[28, с. 15–22\]](#), в книге «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм», изданной в Санкт-Петербурге в 1873 году, высказал мнение о том, что в эпоху Хань конфуцианцы, призванные к государственному управлению (здесь подразумевается Дун Чжуншу), выполняя социальный заказ, апеллировали к ценностям древности, но при этом реформировали учение Конфуция в угоду правительству таким образом, чтобы это позволило обеспечивать порядок и стабильность в обществе [\[6, с. 32–33\]](#).

Принадлежавший к той же петербургской научной школе видный синолог XIX века Георгиевский С.М. (1851—1893) создал фундаментальный труд «Принципы жизни Китая», который был опубликован в Санкт-Петербурге в 1888 году. Стремясь преодолеть

европоцентризм своих современников, Георгиевский С.М. даёт в данной работе глубокий системный анализ основ китайской цивилизации, в рамках которого изложена история развития учения Конфуция: произведя обзор достижений раннего конфуцианства, автор отметил, что оно не стояло на месте, а неустанно развивалось, при этом, не называя прямо Дун Чжуншу, описывает реформы государственного управления, связанные с его именем — внедрение в эпоху Хань конфуцианства в качестве государственной идеологии и утверждение концепции меритократии, согласно которой отбор чиновников на государственную службу стал производиться по учёности, а не по знатности [\[9, с. 358\]](#).

В советский период пионерской работой в сфере исследования творчества Дун Чжуншу стала статья Быкова Ф. С. «Учение о первоэлементах в мировоззрении Дун Чжуншу (К проблеме становления конфуцианства)», которая входила в опубликованный в 1961 году сборник статей «Китай. Япония. История и филология». В данной статье Быков Ф.С. рассматривает учение Дун Чжуншу как сложный синтез, в котором конфуцианская социально-этическая доктрина была переработана и усилена с помощью концепций иных философских школ, что позволило создать универсальную мировоззренческую систему, способную обосновать и легитимировать централизованную имперскую власть. Статья содержит многочисленные цитаты из первоисточников — глав №№ 1, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 17, 31 «Чуньцю фаньлу» и главы 56 «Хань шу», в переводе автора (к недостаткам статьи, по нашему мнению, следует отнести отсутствие указаний на конкретные источники цитирования вышеназванных первоисточников) [\[4, с. 117–130\]](#).

После данной публикации Быкова Ф.С. интерес к ханьскому конфуцианству и к творчеству Дун Чжуншу значительно вырос.

В частности, серьёзное внимание исследованию творчества Дун Чжуншу уделял известный советский и российский учёный-востоковед Титарёнок М. Л. (1934 — 2016), отличавшийся широтой научных интересов.

В 1969 году была издана «Антология мировой философии», в томе № 1 которой в разделе «Китайская философия» имеется глава «Дун Чжуншу», автором которой являлся Титаренко М. Л. Эта глава содержит предисловие, в котором дана общая характеристика деятельности Дун Чжуншу, и выполненные Титаренко М. Л. переводы кратких фрагментов трактата «Чуньцю фаньлу» под рубриками [О небе и человеке] и [О познании], в которых представлены взгляды Дун Чжуншу, при этом перевод наименований глав трактата дан путём транскрибирования, что не позволяет русскоязычному читателю уяснить их смысл. С учётом указанного обстоятельства, а также в связи с отсутствием в антологии наименований глав «Чуньцю фаньлу» на китайском языке нами с целью установления соответствия содержания перевода содержанию конкретных глав оригинала проведён сравнительный анализ перевода и текста «Чуньцю фаньлу» в редакции китайского учёного Су Юя (苏舆) (1874 — 1914), результаты которого представлены в приведённой ниже таблице [\[31, с. 239–242\]](#), [\[50\]](#).

Таблица № 1

№ №	№ главы согласно цифровой библиотеке «Китайский	наименование главы «Чуньцю фаньлу»	наименование главы на русском языке согласно	содержание главы, отражённое в переводе фрагментов «Чуньцю	вариант перевода наименования главы

	текст» (ctext.org)	на китайском языке	переводу Титаренко М. Л.	фаньлу», выполненном Титаренко М. Л.	по версии авторов статьи
1	35	《深察名号》	«Шэнча минхао»	воззрения на природу человека	«Тщательное исследование истинной сути имен и титолов»
2	36	《實性》	«Шисинь»	видение природы человека	«Подлинная сущность человека»
3	41	《为人者天》	«Вэй жэнь джи тянь»	воззрения на взаимодействие Неба и Человека, на познание	«Человек берёт своё начало от неба»
4	42	《五行之义》	«У син чжи и»	представления о	«Смысл пяти элементов»
5	58	《五行相胜》	«У син сяншэн»	взаимодействии пяти стихий, т.е. земли, дерева, металла, огня, воды	«Борьба пяти стихий»
6	81	《天地阴阳》	«Тянь ди инь ян»	представления о взаимодействии тёмного, земного начала Инь, и светлого, небесного начала Ян	«Небо и Земля, Инь и Ян»

Кроме того, в главе «Дун Чжуншу» тома № 1 «Антологии мировой философии» под рубрикой [О небе и человеке] содержится выполненный Титаренко М. Л. перевод под наименованием «Дуйце и», который назван не «главой», а «разделом». На основе анализа текста «Дуйце и», в котором говорится о связи природных явлений и государственного управления, и текста произведений, относящихся к творческому наследию Дун Чжуншу, авторы приходят к выводу о том, что «Дуйце и», хотя и представленный в предисловии как фрагмент «Чуньцю фаньлу», фактически является переводом фрагмента трактата Дун Чжуншу «Три рассуждения о Небе и человеке» (天人三策), который в свою очередь, входит в главу 56 исторической хроники «Хань шу». Так, в главе 56 «Хань шу» первый ответ Дун Чжуншу на вопрос императора У-ди изложен следующим образом: 国家将有失道之败, 而天乃先出灾害以谴告之..., что соответствует содержащемуся во фрагменте «Дуйце и» переводу: «Если страна утрачивает дао и клонится к упадку, то Небо сначала посылает бедствия и дурные предзнаменования, дабы предупредить людей...» [\[31, с. 239-242\]](#), [\[44\]](#).

По нашему мнению, создание главы «Дун Чжуншу» в «Антологии мировой философии»,

изданной в 1969 году, несмотря на лаконичность текста и указанные выше недостатки перевода и несоответствия наименований фрагментов произведений, следует расценивать как актуальный способ популяризации творчества Дун Чжуншу посредством краткого ознакомления русскоязычного читателя с его идеями.

Необходимо также отметить исследования выдающегося советского и российского синоведа Васильева Л.С. (1930 — 2016), который в своих научных трудах дал глубокий анализ творчества Дун Чжуншу.

В фундаментальной работе Васильева Л.С. «Культы, религии, традиции в Китае», впервые опубликованной в 1970 году издательством «Наука» и впоследствии неоднократно переизданной, содержится большой раздел, посвященный Дун Чжуншу, в котором Васильев Л.С. анализирует его учение как универсальную идеологическую систему [\[7, с. 181–182\]](#).

Ещё одна работа Васильева Л. С., касающаяся творчества Дун Чжуншу — опубликованная в 1989 году книга «Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета)». В ней исследуется процесс формирования китайской философской мысли, при этом большое место уделено анализу специфики китайской философии и системы мышления в древнем Китае, в рамках которого Васильев Л.С. рассматривает эволюцию идей Дун Чжуншу из более ранних философских течений, чему посвящён раздел «Ханьское официальное конфуцианство в интерпретации Дун Чжуншу» главы 5 данного научного издания [\[8, с. 198 – 244\]](#).

В контексте данной статьи заслуживает внимания творчество самобытного исследователя древнекитайской философии, Спирин В. С. (1929 — 2002), являвшегося представителем петербургской синологической школы. В 1976 году опубликована монография Спирина В. С. «Построение древнекитайских текстов» (переизданная через 30 лет, в 2006 году), которая содержит новаторское исследование структурных принципов организации древнекитайской мысли, выраженной в текстах. По результатам данного исследования автор создал методiku, которая позволяет выявить внутреннюю логику древнекитайских сочинений, отличающуюся от привычных русскоязычному читателю европейских логических схем. В процессе работы над указанным научным трудом Спирин В.С. уделил внимание творчеству Дун Чжуншу, приведя в качестве примера одной из логических форм, присущих древнекитайской философии, анализ понятия «природа человека», данный в главе № 35 «Чуньцю фаньлу» (поименованной Спириным В.С. как «Глубокое исследование имён и названий») [\[30, с. 266\]](#).

Серьёзный вклад в исследование творчества Дун Чжуншу внёс известный советский и российский китаевед, специалист по изучению конфуцианского наследия Китая, автор нескольких монографий и переводов китайской классики Переломов Л.С. (1928 — 2018). В 1981 году издана книга Переломова Л.С. «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая», посвящённая анализу двух ключевых политических учений Древнего Китая и их борьбы за влияние на государственную идеологию и практику управления. В рамках указанного анализа автор характеризует Дун Чжуншу как выдающегося политического деятеля и главного идеолога эпохи Хань, а в главе 8 «Слияние конфуцианства с легизмом в эпоху Хань и их роль в политической истории Китая (III в. до н. э. - XX в.)» подробно освещает деятельность Дун Чжуншу, при этом приводит цитаты из главы 6 «Чуньцю фаньлу» и из «Хань шу» в собственном переводе [\[27, с. 205–220\]](#).

Специалистом по истории и культуре Китая эпохи Хань считался видный советский и российский китаевед Кроль Ю.Л. (1931 — 2021), который неоднократно обращался в своих исследованиях к творчеству Дун Чжуншу.

Так, опубликованный в 1982 году сборник статей «Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики» включает работу Кроля Ю.Л. «Конфуцианская и легистская концепции человеческой природы в “Янь те луне” (I в. до н.э.)», содержащую анализ конфуцианской концепции природы человека с использованием цитат из трактата Дун Чжуншу «Чуньцю фаньлу» и из исторической хроники «Хань шу» в переводе автора [\[20, с. 55-87\]](#).

В 1984 году издан сборник статей «Из истории традиционной китайской идеологии», включающий работу Кроля Ю.Л. «Проблема времени в китайской культуре и “Рассуждения о соли и железе” Хуань Куаня». Данная статья посвящена анализу концепции времени в древнекитайском мировоззрении, согласно которой в китайской традиции принято понимать время не линейно (как прогрессию из прошлого в будущее), а как циклический процесс, связанный с природными ритмами (такими, как смена времён года, движение небесных светил). Поскольку идеи Дун Чжуншу составляют теоретическую основу указанной концепции, в статье использованы многочисленные цитаты из трактата Дун Чжуншу «Чуньцю фаньлу» в переводе автора статьи [\[21, с. 53-127\]](#).

Изданная в 1990 году по инициативе Титаренко М.Л. антология «Китайская философия. Эпоха Хань», которая доныне остаётся основным источником для изучения философии эпохи Хань в русскоязычной науке, содержит написанную Кролем Ю.Л. статью «Хань шу», в которой кратко изложены взгляды Дун Чжуншу на взаимоотношения трёх начал (三才) — Неба, Земли и Человека, и на вытекающие из них представления о государственном управлении [\[22, с. 128-130\]](#). В данное издание также включены ключевые фрагменты главы 56 «Биография Дун Чжуншу» (董仲舒傳) из исторической хроники «Хань шу» в переводе Кроля Ю.Л. [\[3, с. 131-154\]](#).

Вышеупомянутые работы Кроля Ю. Л. важны для понимания роли Дун Чжуншу в формировании мировоззрения китайцев эпохи Хань.

В антологии «Китайская философия. Эпоха Хань» также опубликована статья известного советского и российского китаеведа Мартынова А.С. (1933 — 2013) «Чуньцю фаньлу», содержащая основные сведения о творчестве Дун Чжуншу и о трактате «Чуньцю фаньлу» [\[24, с. 111\]](#). Далее в антологии следуют фрагменты трактата «Чуньцю фаньлу» в переводе Мартынова А.С. на 12 страницах: «Важность управления», «Чуский Джун-ван», «Яшмовый кубок», «Десять принципов», «Глубокое исследование смысла имён и званий», «Смысл пяти элементов».

В связи с отсутствием в антологии наименований переведённых фрагментов «Чуньцю фаньлу» на китайском языке нами с целью установления соответствия содержания указанных фрагментов содержанию конкретных глав «Чуньцю фаньлу» произведён сравнительный анализ выполненного Мартыновым А.С. перевода и текста оригинала произведения в редакции Су Юя, результаты которого представлены в приведённой ниже таблице [\[11, с. 112-127\]](#), [\[50\]](#).

Таблица № 2

	№ главы согласно цифровой библиотеке «Китайский текст» (ctext.org)	наименование главы «Чуньцю фаньлу» на китайском языке	наименование главы на русском языке согласно переводу Мартынова А.С.	содержание главы, отражённое в переводе фрагментов «Чуньцю фаньлу», выполненном Мартыновым А.С.	примечания
1	01	《楚莊王》	«Чуский Джун-ван»	анализ деятельности Чжуан-вана (莊 王) — правителя царства Чу, занимавшего tron с 613 по 591 год до н. э., через призму конфуцианской доктрины	неверная транскрипция имени правителя в переводе — вместо «Чжуан» (Zhuāng) в переводе значится «Джун»
2	02	《玉杯》	«Яшмовый кубок»	конфуцианское учение о ритуале, морали и принципах управления, рассматриваемое через символический образ нефритового кубка — знака благородства и чистоты	
3	12	《十指》	«Десять принципов»	10 принципов управления государством, толкования событий и явлений	
4	13	《重政》	«Важность управления»	сущность Человека; взаимодействие Человека, Неба и Земли; Управление (政) как деятельность, влияющая на гармонию во вселенной и в	

				обществе	
5	35	《深察名号》	«Глубокое исследование смысла имён и званий»	конфуцианская теория «исправления имён» (正名)	
6	42	《五行之义》	«Смысл пяти элементов»	космологическая система Дун Чжуншу, в которой пять стихий (五行) — земля, дерево, металл, огонь, вода, имеют связь с природными циклами, моралью и политикой	

Как следует из таблиц № 1 и № 2 «Антологии мировой философии», изданная в 1969 году, и антология «Китайская философия. Эпоха Хань», изданная в 1990 году, содержат переводы одних и тех же текстов — главы № 35《深察名号》и главы № 42《五行之义》. Сопоставляя переводы фрагментов «Чуньцю фаньлу», сделанные Титаренко М.Л. для «Антологии мировой философии», изданной в 1969 году, и Мартыновым А.С. для антологии «Китайская философия. Эпоха Хань», изданной в 1990 году, можно заметить эволюцию в подходе к созданию переводческой литературы — переводы, содержащиеся в антологии «Китайская философия. Эпоха Хань» более пространственные и информативные, чем переводы, содержащиеся в аналогичном издании 1969 года, что свидетельствует о постепенном прогрессе в деле перевода произведений, выражающих идеи Дун Чжуншу.

Весомый вклад в российские исследования творчества Дун Чжуншу внёс известный советский и российский историк китайской философии А. И. Кобзев. Его анализ всегда отличался глубоким вниманием к категориальному аппарату и закономерностям развития китайской философии.

В 1994 году издана монография Кобзева А. И. «Учение о символах и числах в китайской классической философии», в которой автор, рассматривая «учение о символах» (象数之学), провёл параллели между китайской и западной философской мыслью и пришёл к выводу о ведущей роли Дун Чжуншу в том, что нумерология в эпоху Хань стала приобретать черты эксплицитно выраженной методологической системы научного знания. [\[12, с. 340–341\]](#)

Кобзев А.И. является также автором статей под заглавием «Дун Чжуншу» в энциклопедиях и словарях, а именно: в энциклопедическом словаре «Китайская философия» [\[13, с. 117–118\]](#), в энциклопедии «Духовная культура Китая» [\[14, с. 254–256\]](#), [\[16, с. 66–81\]](#), в Большой Российской энциклопедии [\[17\]](#). Указанные статьи рассказывают об основных достижениях Дун Чжуншу и его роли в истории китайской философии, а также дают краткое изложение идей Дун Чжуншу, при этом значительное место в этих работах уделяется вопросам адекватного перевода текстов китайской классической философии и разъяснению содержания ключевых терминов китайской философии.

С начала нынешнего века по мере усиления интереса к философскому и этическому наследию Востока стало уделяться больше внимания изучению эпохи Хань в учебных заведениях.

Так, в 2012 году Институтом философии Российской Академии наук издан курс лекций Рыкова С.Ю. «Древнекитайская философия», в целом посвящённый философии «Золотого века» китайской философии (V–III вв. до н. э.), однако по ряду моментов выходящий за рамки указанного периода и обращающийся к некоторым источникам следующей эпохи, в том числе к идеям Дун Чжуншу, в частности, к его концепции взаимосвязи Неба и Человека [\[29, с. 305\]](#).

В 2013 году Институтом философии Российской Академии наук издано учебное пособие Анашиной М.В. «Философия эпохи Хань», которое полностью посвящено рассмотрению основных аспектов философии эпохи Хань, при этом значительное внимание в пособии уделено творчеству Дун Чжуншу, которому посвящена тема 6 данного издания — «Философские идеи Дун Чжуншу» [\[2, с. 47–61\]](#).

Следует отметить, что в XXI веке акцент в исследованиях творчества Дун Чжуншу сместился с оценочных суждений о нём (таких, как «реформатор», «идеолог») на попытки понять его философскую систему изнутри, в интеллектуальном контексте данного учения.

Примером такого подхода является опубликованная в 2012 году научным сотрудником Института Китая и современной Азии Российской Академии наук Агеевым Н.Ю. статья «Концепция “единства природы и человека” и коррелятивное мышление в древнем Китае», в которой автор на основе анализа первоисточников эпохи Хань (в том числе «Чуньцю фаньлу») исследует взаимосвязь коррелятивного мышления китайцев, опирающегося на классификационные схемы, и разработанной Дун Чжуншу концепции единства природы и человека, а также рассматривает отличие коррелятивного мышления от современного научного мышления [\[1, с. 343–346\]](#).

Текущие исследования философии эпохи Хань, включая исследования творчества Дун Чжуншу, приобрели целенаправленный характер в плане практического применения идей и адаптации их к современным реалиям, при этом зачастую отличаются использованием методологии и терминологии различных научных дисциплин. Современный период отличает также заметный прогресс в возможностях научных исследований, связанный с развитием международного научного обмена, а также обусловленный непрерывным развитием науки, техники и технологий, что даёт возможность обновлять научную инфраструктуру и совершенствовать методику научных исследований.

В качестве примера применения современных информационных технологий можно привести использование в 2012 году учёным Казанского федерального университета Мартыновым Д.Е. цифровой библиотеки «Китайский текст» (<https://ctext.org>), основанной в 2005 году Дональдом Стёрдженом (Donald Sturgeon) из Даремского университета (Великобритания), для изучения первоисточников — «Чуньцю фаньлу» и «Хань шу». Данный факт нашёл отражение в статье «Представления об историческом времени в традиционной культуре Китая в Ханьскую эпоху», которая содержит анализ взглядов Дун Чжуншу на историю как циклический процесс [\[25, с. 191–202\]](#).

Примером полезного российско-китайского научного обмена и учёта современных тенденций исследовательской деятельности может послужить статья китайского

аспиранта Забайкальского государственного университета Цай Юнхун «Мысли о нравственности педагога Дун Чжуншу и их современное значение», представленная в рамках II Международного российско-китайского симпозиума (第二届国际中俄研讨会资料), состоявшегося в 2022 году в г. Чите. В данной статье дан анализ педагогических взглядов Дун Чжуншу, на основании которого автор пришёл к выводу о том, что они по-прежнему сохраняют теоретическую и практическую значимость. Статья содержит цитаты из главы «Яшмовый кубок» (玉杯 Юй бэй) трактата Дун Чжуншу «Чуньцю фаньлу» и из главы 56 «Биография Дун Чжун-шу» (董仲舒傳) исторической хроники «Хань шу» [\[34, с.191-195\]](#).

Ещё один аналогичный пример: в 2024 году китайский аспирант Московского государственного университета Юй Цзян и российский учёный Маршев В.И., в сферу научных интересов которых входят вопросы экономики и управления, совместно опубликовали в журнале «Проблемы теории и практики управления» статью «Ретроспективный анализ управления человеческими ресурсами в идеологии конфуцианства», в которой авторы на основании проведённых исследований истории конфуцианской мысли пришли к выводу о том, что идеи Дун Чжуншу о поддержании порядка и стабильности с помощью моральной индоктринации и систем управления остаются и доныне ориентиром для современной теории и практики управления [\[37, с. 19-31\]](#).

Таким образом, в период Российской империи (середина XIX века – начало XX века) исследования творчества Дун Чжуншу носили ограниченный характер, а результаты его деятельности представлялись в научной литературе имплицитно, отражая в основном роль Дун Чжуншу в становлении конфуцианства в качестве государственной идеологии императорского Китая.

Начиная с середины XX века советская и постсоветская российская синологическая научная школа, преодолев прагматический подход и влияние политической конъюнктуры, вобрав в себя достижения мировой синологии, прошла путь от популяризации творчества Дун Чжуншу к углублённому исследованию его учения как сложной философской системы, которая рассматривается не как локальный феномен, а в контексте мировой культуры, в условиях междисциплинарности и плюрализма методологических подходов. В результате к настоящему времени создана прочная научная база, способная обеспечить создание качественных переводов произведений, заключающих в себе творческое наследие Дун Чжуншу, и их дальнейшее всестороннее исследование.

Учитывая, что творческое наследие Дун Чжуншу представлено в российском культурном пространстве в непропорционально малом объёме по сравнению с его ролью в истории Китая, в целом, и в истории конфуцианства, в частности, следует полагать, что оно ещё ждёт своих пытливых исследователей. Авторы надеются данной статьёй внести свою лепту в развитие российско-китайской межкультурной коммуникации и придать новый импульс исследованиям творчества Дун Чжуншу.

Библиография

1. Агеев Н.Ю. Концепция "Единства природы и человека" и коррелятивное мышление в древнем Китае // Общество и государство в Китае. 2012. № 1. Т. 42. С. 343-346. EDN: ZDRATF.
2. Анашина М.В. Философия эпохи Хань: Учебное пособие / М.В. Анашина; Рос. акад.

наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2013. 101 с. EDN: VBZWDR.

3. Бань Гу. Хань шу, фрагменты (перевод с китайского языка Кроля Ю.Л.) // Китайская философия. Эпоха Хань: антология. М.: Наука, 1990. С. 131-154.

4. Быков Ф.С. Учение о первоэлементах в мировоззрении Дун Чжуншу (К проблеме становления конфуцианства) // Китай. Япония. История и филология. М.: Наука, 1961. 333 с.

5. Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Дацышен В.Г. Василий Васильев как исследователь китайской истории // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 2019. № 39 (3). С. 20-35. EDN: FEQFVO.

6. Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1873. 183 с.

7. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 2001. 488 с.

8. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М.: Наука, 1989. 309 с.

9. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб.: Издательство А.Я. Панафилина, 1888. XXII, 494, XVI с.

10. Дмитриев С.В. Хань // Большая Российская энциклопедия. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/khan-415817>.

11. Дун Чжуншу. Чуньцю фаньлу, фрагменты (перевод с китайского языка Мартынова А.С.) // Китайская философия. Эпоха Хань: антология. М.: Наука, 1990. С. 112-127.

12. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Восточная литература, 1994. 432 с.

13. Кобзев А.И. Дун Чжуншу // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С. 117-118.

14. Кобзев А.И. Дун Чжуншу // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006. С. 254-256.

15. Кобзев А.И. Стержневая роль конфуцианства // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006. С. 53-55.

16. Кобзев А.И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006. С. 66-81.

17. Кобзев А.И. Дун Чжуншú // Большая Российская энциклопедия. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/1970531>.

18. Кобзев А.И. "История Китая" как зеркало российской китаистики // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2. Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ФГБУ Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. С. 462-517. EDN: TMVYCB.

19. Корольков М.В. Удельная система ранней Западной Хань (206-140 гг. до н.э.): фактор внутрдинастических отношений // Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция (сборник материалов). М., 2008. С. 43-49.

20. Кроль Ю.Л. Конфуцианская и легистская концепции человеческой природы в "Янь те луне" (I в. до н. э.) // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики: сборник статей. Гл. ред. Делюсин Л.П. М.: Наука, 1982. С. 55-87.

21. Кроль Ю.Л. Проблема времени в китайской культуре и "Рассуждения о соли и железе" Хуань Куаня // Из истории традиционной китайской идеологии: сборник статей. Сост. и отв. ред. О.Л. Фишман. М.: Наука, 1984. С. 53-127.

22. Кроль Ю.Л. Хань шу // Китайская философия. Эпоха Хань: антология. М.: Наука, 1990. С. 128-130.

23. Кудрявцева Н.А. Этапы развития конфуцианства и китайская философия в КНР // Гуманитарное пространство. 2015. С. 876-883.

24. Мартынов А.С. Чуньцю фаньлю // Древнекитайская философия. Эпоха Хань: антология. М.: Наука, 1990. С. 111.
25. Мартынов Д.Е. Представления об историческом времени в традиционной культуре Китая в Ханьскую эпоху // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 191-202. [Электронный ресурс]. URL: <https://roii.ru/r/1/41.10>. EDN: PUTTCT.
26. Мышинский А.Л. К истории отечественного китаеведения (на материале советской даологии 1917–1985 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. XLV, ч. 1. С. 336-385. EDN: YGADRT.
27. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 336 с. EDN: WZPOOJ.
28. Петухова Н.В. Развитие китаеведения как науки в России в середине-второй половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. Сер. 13. Вып. 4. С. 15-22. EDN: SWJGLX.
29. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М.: Институт философии РАН, 2012. 312 с.
30. Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 276 с.
31. Титаренко М.Л. "Дун Чжуншу "О небе и человеке. О познании"" // Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. С. 239-242.
32. Тянь Юйвэй. Особенности переводов "Бесед и суждений (Луньюй)" на русский язык // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 62-67. doi: 10.17072/2073-6681-2019-4-62-67. EDN: NKKJJE.
33. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии. Перевод на русский (с английского): Котенко Р.В. Научный редактор: доктор философских наук, профессор Торчинов Е.А. С-Пб.: "Евразия", 1998. 376 с.
34. Цай Юньхун. Мысли о нравственности педагога Дун Чжуншу и их современное значение / Ю. Цай // Китай-Россия: диалог в условиях глобализации. Материалы II Международного российско-китайского симпозиума. Фушунь-Чита, 29 октября 2021 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. С. 191-195.
35. Чэнь Лян. Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция "Лунь Юй" и его переводов на русский язык: диссертация кандидата филол. наук. Москва, 2022. 175 с. EDN: VHCTQP.
36. Чэнь Л. Лингвистический анализ перевода китайских фразеологизмов философского трактата Конфуция «论语» «Лунь юй» на русский язык // Litera. 2020. № 12. С. 92-100. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34642 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34642
37. Юй Цзянь, В.И. Маршев Ретроспективный анализ управления человеческими ресурсами в идеологии конфуцианства // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 11. С. 19-31. EDN: RUOQSA.
38. Buljan Ivana. The Chunqiu Fanlu 春秋繁露: Research on the Text and its First Complete Western (English) Translation // Asian and African Studies. 2020. 29 (1): 1-25.
39. Buljan Ivana. Nebo, Zemlja i čovjek: svijet u filozofiji dinastije Zapadni Han? // Književna Smotra. 2024. 56 (213): 3-24.
40. The Cambridge History of China, volume 1. The Ch'in and Han Empires, 221 BC-AD 220 / edited by Denis Twitchett and Michael Loewe. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 920 p.
41. Csikszentmihalyi Mark. Readings in Han Chinese Thought. 2006. Indianapolis: Hackett.
42. "Dong Zhongshu" Encyclopædia Britannica. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Dong-Zhongshu>.
43. McLeod Alexis. Philosophy in Eastern Han Dynasty China (25-220 CE) // Philosophy

Compass. 2015. 10 (6): 355-368.

44. 班固《汉书·董仲舒傳》. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/han-shu/dong-zhong-shu-zhuan>.

45. статья 《董仲舒》. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baike.com/wikiid/7158714449493508109-source=search&anchor=l9s65j8nqnl>.

46. 《董仲舒(西汉学者)》. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/董仲舒/374982-fromModule=search-result_lemma.

47. "Конфуцианство", российская цифровая энциклопедия "РУВИКИ". [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Конфуцианство>.

48. Большой китайско-русский словарь (БКРС). [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/>.

49. 吴雨轩, 徐云秋. 从个人志趣到学术探索---《春秋繁露》英译史钩沉 // 外国语文(双月刊). 2024. 40 (6): 132-142.

50. 董仲舒《春秋繁露》. [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/chun-qiu-fan-lu>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой фундаментальное исследование, посвящённое истории изучения и перевода наследия выдающегося китайского мыслителя эпохи Хань Дун Чжуншу в российской синологии.

Предметом исследования выступает российская научная традиция анализа и перевода ключевых текстов Дун Чжуншу — прежде всего трактата «Чуньцю фаньлу» и биографии из «Хань шу». Авторы рассматривают эволюцию подходов к осмыслению его философской системы с середины XIX века до наших дней, прослеживая как содержательные, так и институциональные изменения в отечественном китаеведении.

Методология исследования сочетает историко-библиографический анализ, сравнительное сопоставление переводов (в том числе с китайским оригиналом), контекстуальный подход и элементы историографии. Особую ценность представляет использование цифровых ресурсов (например, ctext.org), что свидетельствует о теоретической значимости работы.

Актуальность статьи обусловлена растущим интересом к ханьскому конфуцианству как ключевому этапу в формировании китайской цивилизации, а также выявлением существенного дисбаланса: несмотря на колоссальную историческую роль Дун Чжуншу, его наследие в русскоязычном академическом пространстве остаётся недостаточно представленным — отсутствует полный перевод «Чуньцю фаньлу», ограничена доступность источников.

Научная новизна работы заключается в систематизации всего массива российских исследований Дун Чжуншу — от работ В.П. Васильева и С.М. Георгиевского до современных публикаций М.В. Анашиной, Н.Ю. Агеева и других. Впервые в отечественной литературе предпринята детальная классификация переводов фрагментов «Чуньцю фаньлу», сопоставление трактовок одних и тех же глав разными исследователями (Титаренко, Мартынов), а также анализ эволюции переводческой стратегии — от сокращённой популяризации к стремлению к филологической точности и терминологической строгости.

Стиль и структура статьи отличаются академической строгостью, логичностью и

ясностью. Материал изложен хронологически с чёткой периодизацией: дореволюционный этап, советский период, современность. Такой подход позволяет наглядно продемонстрировать трансформацию научного видения фигуры Дун Чжуншу — от «идеолога империи» к сложной философской системе в контексте глобальной мысли. Библиография исключительно обширна и разнообразна: включает как классические работы российских синологов, так и современные публикации, китайские и англоязычные источники, электронные ресурсы. Это подчёркивает межкультурный и междисциплинарный характер исследования.

Апелляция к оппонентам реализована корректно и аргументированно: авторы не просто пересказывают существующие работы, а вступают в диалог с ними, выявляя сильные и слабые стороны (например, критикуют транскрипционный подход М.Л. Титаренко или неполноту цитирования у Ф.С. Быкова). При этом авторы сохраняют уважительный тон и признание вклада каждого исследователя.

В ходе исследования авторы приходят к обоснованным и значимым выводам: они демонстрируют, что российская синология прошла путь от маргинального интереса к глубокому, методологически рефлексивному освоению ханьской философии. В работе подчёркивается необходимость завершения переводческих проектов и расширения междисциплинарных исследований.

Работа будет представлять интерес для широкого круга читателей — синологов, философов, историков, исследователей в области межкультурной коммуникации, а также студентов гуманитарных специальностей. Статья вносит весомый вклад в историю отечественного востоковедения и открывает новые перспективы для изучения китайской философской традиции в России.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лазарева О.В. Проект мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76665 EDN: EFNWWF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76665

Проект мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма

Лазарева Олеся Викторовна

ORCID: 0000-0002-1227-4493

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ Olesikk@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76665

EDN:

EFNWWF

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2025

Дата публикации:

08-11-2025

Аннотация: Предметом анализа является магический реализм, трактуемый как многомерное понятие в различных областях искусства: художественный метод, художественное мифологическое мышление, литературное направление. Магический реализм – художественный метод, позволяющий соединить в художественных текстах мифологическое, иррациональное начало с реалистическим описанием окружающей действительности. Целью работы является создание мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма для упорядочения сведений об этом феномене. Словарь терминов и персоналий магического реализма может использоваться в преподавании теории литературы, истории испанской, бельгийской, австрийской, чилийской, бразильской, русской литературы. Актуальность данного исследования

обусловлена комплексом современных научных, культурных и образовательных тенденций: существует потребность в систематизации знаний о проявлениях магического реализма в русской, испанской и латиноамериканской литературах. Методология работы заключалась в выделении ключевых слов-терминов магического реализма, создании принципов словарной статьи, структурировании словарной статьи с использованием мультимодального подхода. Результатом работы стал проект словаря терминов и персоналий магического реализма. Изучение феномена мифологического осознания действительности в рамках магического реализма может стать основой анализа лингвокультуры, ценностных доминант народов. Современные лексикографические работы, отражая поликодовый характер текстов, являясь частью дискурсивного интернет-пространства, в рамках антропоцентрической парадигмы должны соединять в себе различные семиотические коды. Поэтому предполагаемый словарь терминов и персоналий магического реализма будет мультимодальным, соединяя вербальные и невербальные знаковые системы. Попытка систематизировать теоретические сведения, дать максимально полный перечень представителей и произведений магического реализма в различных областях искусства репрезентирует данный феномен и позволяет выявить общие типические черты, провести границу между магическим реализмом и иными направлениями и методами современного искусства.

Ключевые слова:

магический реализм, мультимодальный словарь, поликодовый текст, терминосистема, персоналии, мифологическое, иррациональное, антропоцентрическая парадигма, ценностные доминанты народов, семиотические коды

Финансирование: публикация подготовлена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики».

Введение

В антропоцентрической парадигме современных лингвистических исследований комплексный междисциплинарный анализ становится особо актуальным, поскольку современные компьютерные технологии дают возможность всеобъемлющего лексикографического отражения терминосистем.

А.А. Кибрик в работе «Мультимодальная лингвистика» справедливо отмечает: «Адекватное представление о естественной языковой коммуникации может быть получено лишь при мультимодальном подходе, учитывающим все коммуникативные каналы и их внутреннюю организацию. Принципиальной разницы между вербально передаваемой информацией и информацией, передаваемой просодически или жестами, не существует. Только подход, признающий мультимодальность коммуникации, имеет шанс на создание реалистической лингвистики будущего» [\[1, с. 135-152\]](#).

По мнению А.А. Кибрика мультимодальность в узком понимании представляет собой «в первую очередь различию между зрительным и слуховым каналами. Однако в рамках каждого из этих каналов есть дальнейшие, более дробные различия, которые также охватываются понятием мультимодальности» [\[1, с. 135-152\]](#). Отметим, что в 2018 г. А.А. Кибрик пишет об исследовании мультимодальной (мультиканальной, бимодальной) лингвистики, в рамках которой он предлагает изучать две модальности – кинетическую (зрительную) и вокальную (слуховую). Разумеется, предполагается, что эти модальности

исследуются во взаимодействии с вербальными составляющими текстов [\[2, с. 191–192\]](#).

То есть мультимодальность при лингвистических исследованиях включает в себя анализ вербальной, визуальной, просодической информации. Любой письменный текст, изучаемый в рамках мультимодального подхода, необходимо рассматривать и с точки зрения визуального представления в книге, СМИ, интернет-пространстве. Заметим, что в рамках интернет-пространства в любом виде институциональных дискурсов, включая художественный, практически нет текстов, которые бы исключали визуализацию.

Принципы мультимодальности ученые-лингвисты и литературоведы описывали и ранее, обращая внимание на важность взаимодействия визуального ряда (невербального кода) и формата письменного текста (вербального кода). В рамках семиотического анализа о взаимообусловленности различных кодовых систем писали: в частности, А.А. Реформатский еще в 1963 г. поднимал вопрос о взаимодействии вербальных и невербальных составляющих текстов и пытался решить вопрос о том, как осуществляется кодирование и декодирование информации [\[3\]](#). То есть вопрос о взаимодействии различных семиотических кодов (какая бы терминология ни использовалась) был актуальным всегда.

В 2002 г. появляется монография Г.Е. Крейдлина «Невербальная семиотика», в которой описывается устное общение как «взаимодействие нескольких семиотических кодов, которыми люди обычно пользуются одновременно и из которых главным является естественный язык и его коммуникативное воплощение – речь, а остальные, дополнительные, коды являются невербальными» [\[4, с. 479\]](#).

Методология и методы исследования

Метод анализа и синтеза, семантический и дефиниционный анализ, метод выделения ключевых слов, метод структурирования словарной статьи, методы и приемы создания поликодовых (креолизованных) текстов и пр.

Результаты исследования

В первой четверти XXI в. мультимодальный анализ касается любой области лингвистического знания, в том числе и лексикографии. Различные интернет-порталы предлагают не просто электронные версии словарей, но именно мультимодальные энциклопедии, лексиконы, глоссарии.

Отчасти мультимодальным можно считать Национальный корпус русского языка, поскольку в нем реализуется принцип интерактивности, а подкорпус устной речи включает в себя расшифровку звучащей речи респондентов, транскрибированные отрывки известных кинофильмов и пр., газетный подкорпус (корпус современных СМИ) включает тексты статей конца XX – начала XXI вв. с иллюстрациями и иными невербальными знаками.

В работах последних лет, рассматривающих теоретические основы электронных мультимодальных словарей, мультимодальность толкуется как «синергия различных форматов подачи информации (текстовый, гипертекстовый, визуальный, аудио-, видео- и т. д.) представляет собой гибридный семиотический код, который расширяет возможности коммуникации, поскольку усиливает совместное действие значений и смыслов, выраженных в лексиконе» [\[5, с. 47\]](#).

В качестве примера мультимодального словаря можно рассмотреть «Учебный

мультимодальный словарь историко-культурологического типа», в котором в полном объеме репрезентировано тематическое поле «education». Авторы словаря предполагают, что данный интерактивный словарь будет способствовать усвоению обучающимися сведений об истории английского языка, показывать какие трансформации претерпели лексемы, как изменялись в диахронии лингвокультурологические доминанты тематического поля «education».

Данный словарь является мультимедийным (мультимодальным), так как включает «иллюстрации, видео, музыку, аудиофайлы, отрывки культурно значимых текстов. Он интерактивен: пользователь имеет возможность изменять параметры поиска по различным критериям, принимая во внимание хронологию слова, его этимологию, релевантные контексты, частотность, семантику, примеры употребления» [\[5, с. 55\]](#).

Мультимодальный подход к описанию современной языковой системы становится ведущим при создании электронных словарей нового типа. Так, в статье «Терминосистема теории поликодовых текстов» Н.В. Новоспасской и Н.М. Дугалич предлагается новый подход к анализу терминосистемы поликодовых текстов: речь идет о создании глоссария, в котором будут рассмотрены терминологические пары, описывающие сложный текст, «объединяющий ряды семиотически разнородных кодов для выражения общей идеи»: «поликодовый – креолизированный», «линейный – нелинейный» и пр. [\[6\]](#).

Для лексикографического анализа терминосистемы магического реализма принципы описания терминов поликодового текста, предложенные Н.В. Новоспасской и Н.М. Дугалич представляются продуктивными, так как отмеченная неоднозначность толкования поликодовых (полимодальных) текстов может стать основанием разнотипного представления термина в соответствующем словаре.

Художественные тексты магического реализма являются поликодовыми, требующими «сложную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственном коде, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [\[7, с. 100\]](#).

В настоящее время создаются принципиально новые электронные словари. Так, например, предлагается новая форма словаря, называемая датасет. «В современном технологичном обществе у традиционного лингвистического словаря появился новый системный вариант – датасет», – уточнили авторы проекта по созданию мультимодального эмоционального датасета [\[8, с. 67\]](#).

Датасет представляет собой «файл, размер и формат которого может варьироваться, в нем системно представлена информация, структурированная с помощью колонок и строк. В отличие от базы данных датасет одномерен и статичен – он не дает возможности управлять данными (извлекать информацию, запрашивать ее посредством обращения к категориям, переструктурировать)» [\[8, с. 71\]](#). В представленном мультимодальном эмоциональном датасете не представлены дефиниции, как в классическом словаре, но даны разного вида контексты (текстовые, визуальные, аудиовизуальные), которые позволяют понять многомерность искомого эмоционального понятия.

Авторы указывают: «В собранном нами датасете в качестве объектов выступают текстовые/речевые/жестово-мимические и мультимодальные единства небольшого объема, в качестве ключей – числовые эмоциональные значения, агрегированные из множества значений, выставленных каждому из данных объектов аннотаторами» [\[8, с. 72\]](#).

Отметим, что создание новых форм и видов электронных словарей связывается с прагматическими целями авторов-составителей и решают разные задачи.

Междисциплинарное исследование направления магического реализма как ведущего литературного метода латиноамериканской литературы, лексикографическое упорядочение терминов требует мультимодального подхода, поскольку поликодовость данных текстов требует не только визуализацию терминосистемы, но и ярких образов из литературных произведений, обязательными представляются фотографии писателей и пейзажей их родных стран.

То есть основным принципом мультимодального словаря терминов и персоналий становится соединение вербального и невербального компонентов (визуализация) в словарной статье. Например, сведения о появлении термина магический реализм может сопровождаться иллюстрацией произведений живописи. Одной из самых известных картин в рамках магического реализма является работа Марка Шагала «Над Витебском».

Источник: <https://www.culture.ru/events/2934874/lekciya-mastera-russkogo-avangarda-mark-shagal?institute=35013>

Одной из важнейших словарных статей словаря является собственно уточнение понимания «магического реализма». Термин не имеет однозначного толкования, требуется уточняющая информация, которая и будет представлена в словарной статье (с активными перекрестными ссылками). Укажем, что словарная статья предполагается значительной по объему (энциклопедического типа), что не является технической проблемой, поскольку электронный формат дает возможность представлять материал в максимально полном объеме в соответствии с теоретическим обоснованием лингвопрагматики лексикографической работы.

Укажем, с одной стороны, в «Большой российской энциклопедии» 2004-2017 гг. содержится следующая развернутая дефиниция магического реализма:

«МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, течение в европейском и американском искусстве и литературе 20 в., соединявшее фантастические и мифологические элементы с реалистическими приёмами повествования и построения образа. Термин был введён нем. критиком Ф. Ро в кн. «Постэкспрессионизм: магический реализм» (1925) для обозначения некоторых проявлений «новой вещественности», соприкасающихся с романтической фантастикой. <...> В литературе М. р. как течение, близкое сюрреализму и авангардизму, утвердился в Италии в 1920-х гг., наиболее ярко воплотившись в творчестве М. Бонтемпелли. Он применил термин «М. р.» к литературе.

<...> Идеологической основой латиноамериканского М. р. стало стремление утвердить самобытность национальной культуры. Определение «М. р.» было применено для характеристики латиноамериканской словесности А. Усларом Пьетри в 1948» [\[9\]](#).

С другой стороны, магический реализм «определяется как особый тип художественного мышления, свойственный разнородным явлениям в литературе XX века, при котором писатель отрицает плодотворность рационалистического мышления в стремлении выразить и художественно осмыслить мифически-магическую модель мировидения и для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности» [\[10, с. 225\]](#).

В такой же парадигме толкует магический реализм Г.Г. Маркес – один из самых значительных писателей XX в. В интервью, данном Луису Суаресу, корреспонденты мексиканского журнала «Суемпрег» (19 июня 1978 г.) Маркес сказал: «Это призвание карибского мира к фантастике окрепло благодаря появлению привезенных сюда африканских рабов, чье безудержное воображение сплавилось с воображением индейцев, живших здесь до Колумба, а также с фантазией андалузцев и верой в сверхъестественное, свойственной галисийцам» [\[11\]](#).

В другом интервью Маркес на вопрос о магическом реализме сказал: «И потому я думаю: единственно, что надо делать писателям, которые считают себя членами «мафии» магического реализма, – это просто верить в реальность, не пытаясь ее объяснить. Пусть ее объясняют критики, ученые, социологи и кто-то там еще...» [\[11\]](#).

Всеобъемлющее исследование магического реализма предпринял А.А. Гугнин в работе «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления» [\[12\]](#). В исследовании в диахронии прослеживается возникновение и развитие феномена магического реализма в соотношении с понятиями экспрессионизма, модернизма, постимпрессионизма и различных видов реализма.

Разумеется, даже в рамках словарной статьи мультимодального словаря невозможно представить весь сборник научных статей А.А. Гугнина (ссылка на полный вариант может быть предложена, так как он в свободном доступе на сайте Института славяноведения РАН), поэтому будет представлен историко-литературный комментарий по диахронии и географическому распространению в лингвокультурологическом пространстве магического реализма. В частности, необходимо уточнить как появился термин, как он функционировал в литературах Италии, Германии, Бельгии, Австрии, стран Латинской Америки.

А.А. Гугнин отмечает неопределенность термина, уточняя, что этим термином обозначаются явления «как будто бы утратившие всякую преемственность», однако же это не так. Гугнин предлагает именовать магический реализм феноменом и выделяет его сущностные черты, которые позволяют отделить художественные тексты магического реализма от иных видов и форм реализма, в том числе, например, от социалистического реализма.

Важнейшей характеристикой магического реализма является утверждение Гугнина, что «известные литературоведению варианты магического реализма немецкий, австрийский, итальянский, бельгийский, латиноамериканский варианты магического реализма не идентичны друг другу и нуждаются еще в изучении как сами по себе, так и в сопоставительных аспектах. С точки зрения комбинации выступающих в нем традиционных форм человеческого сознания, здесь может присутствовать все, но в

первую очередь, мифически-магическое сознание» [\[12, с. 62\]](#).

Магический реализм рассматривается в ряде работ как часть мифологического сознания «раскрывающий зашифрованные интертекстуальные возможности и связи современного искусства как отражения реальной жизни человека» [\[13, с. 275\]](#). О мифологическом начале вех произведений магического реализма в свое время писал также Д.М. Урнов в исследовании «Вторжение мифа. Магический реализм и латиноамериканский роман» [\[14, с. 86-95\]](#).

Термины магического реализма будут представлены не только в виде текстов, но с иллюстрациями в виде картин художников, имеющих прямое отношение к феномену.

Важнейшей составляющей словаря представляются персональные странички авторов текстов магического реализма из разных стран. Предполагается, что в словарной статье-персоналии будут содержаться основные биографические данные о писателях, об их произведениях. Данные будут сопровождаться визуальным рядом с портретами авторов, фотографиями мест их жизни, основных вех биографии (в некоторых случаях будут уместны данные о семье).

На персональной страничке автора будет доступен перечень художественных текстов авторов магического реализма (также возможны указания на перечень литературно-критических статей писателей, публицистических текстов, ссылки на интервью). Например, страничка-персоналия **Исабель Альенде**, которая может включать сведения биографического характера:

Родилась 2 августа 1942 г. в Перу (г. Лима), чилийская журналистка, писательница. Исабель Альенде – родственница Сальвадора Альенде, погибшего президента Чили. В настоящее время живет в США.

Перу Исабель Альенде принадлежит свыше тридцати книг, переведенных более чем на сорок языков мира. Книги Исабель Альенде удостоены многочисленных премий, в числе которых Американская литературная премия (1989); премия «Общее благо» за выдающиеся заслуги (2004); литературная премия имени Ганса Христиана Андерсена (2012); литературная премия Карла Сэндберга (2013); национальная премия Чили по литературе (2010); премия библиотеки Конгресса США (2010) и др.

Исабель Альенде на своей официальной странице опубликовала свою биографию, а также личные (семейные) фотографии и фотографии важных жизненных моментов (церемонии награждения, вручения литературных премий).

Источник: <https://isabelallende.com/en/home>.

Исабель Альенде ведет большую общественную работу, основала фонд имени своей дочери Паулы и раз в год определяет грантополучателей. Миссия фонда – поддержка женщин и девушек, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях.

На персональной странице Исабель Альенде перечислены ее произведения, даны ознакомительные фрагменты и предоставлена возможность купить электронную версию книги. В сентябре 2025 года на страничке появилась новая книга «Меня зовут Эмилия дель Валле».

Предполагаемый мультимодальный словарь терминов и персоналий магического реализма будет иметь версию на русском, английском, испанском языках.

Заключение

Современные лексикографические работы, отражая поликодовый характер текстов, являясь частью дискурсивного интернет-пространства, в рамках антропоцентрической парадигмы должны соединять в себе различные семиотические коды. Поэтому предполагаемый словарь терминов и персоналий магического реализма будет мультимодальным, соединяя вербальные и невербальные знаковые системы.

Прагматической целью создания мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма является упорядочение сведений об этом феномене, рассматриваемом и как литературное направление (течение), и как художественный метод, и как тип художественного мышления.

Попытка систематизировать теоретические сведения, дать максимально полный перечень представителей и произведений магического реализма в различных областях искусства репрезентирует данный феномен и позволяет выявить общие типические черты, провести границу между магическим реализмом и иными направлениями и методами современного искусства.

Библиография

1. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. 4. С. 135-152.
2. Кибрик А.А., Федорова О.В. К вопросу о структуре мультимодального дискурса //

- Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию Демьянкова В.З. М. : Культурная революция, 2018. С. 180-191.
3. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 208-215.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с. EDN: STOOBN.
5. Дрожащих Н.В., Башмакова А.Ю. Учебный мультимодальный словарь историко-культурологического типа в преподавании иностранного языка // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 1(25). С. 43-61. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-43-61. EDN: ATTKQY.
6. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298-311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>. EDN: SOJLDU.
7. Гусева А.П. Семиотически гетерогенный художественный текст как содержательно осложненная коммуникация // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 18(816). С. 98-110. EDN: AVBRFK.
8. Колмогорова А.В., Куликова Е.Р. Датасет как форма словаря в цифровую эпоху (на примере мультимодального эмоционального датасета) // Вопросы лексикографии. 2025. № 36. С. 67-103. doi: 10.17223/22274200/36/4. EDN: DEWQMJ.
9. Большая российская энциклопедия, 2004–2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2151991 (дата обращения: 03.11.2025).
10. Маслова Е.Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 10. С. 254-259. EDN: PUIDWV.
11. Маркес Г.Г. О литературе, о себе, о своем творчестве // Вопросы литературы. 1980. № 3. Режим доступа: <https://voplit.ru/article/o-literature-o-sebe-o-svoem-tvorchestve/>.
12. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления). М. : НЦ славяно-германских исследований ИСл РАН, 1998. EDN: YNOVOX.
13. Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274-277. EDN: NTXQAN.
14. Урнов Д.М. Вторжение мифа. Магический реализм и латиноамериканский роман // Пристрастия и принципы. Спор о литературе. М.: Советский писатель, 1991.
15. Allende Isabel. home URL: <https://isabelallende.com/en/home>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проекту мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма. Актуальность исследования не вызывает сомнения: во-первых, как отмечает автор(ы), «в антропоцентрической парадигме современных лингвистических исследований комплексный междисциплинарный анализ становится особо актуальным, поскольку современные компьютерные технологии дают возможность всеобъемлющего лексикографического отражения терминосистем», во-вторых, «лексикографическое упорядочение терминов [магического реализма] требует мультимодального подхода, поскольку поликодовость данных текстов требует не только

визуализацию терминосистемы, но и ярких образов из литературных произведений, обязательными представляются фотографии писателей и пейзажей их родных стран».

Теоретической основой настоящего исследования обоснованно явились научные работы по проблемам мультимодальной лингвистики и невербальной семиотики, терминосистемы теории поликодовых текстов; по вопросам создания мультимодального компьютерного словаря с историческим и культурологическим компонентами для обучения иностранным языкам и датасета как новой формы словаря в цифровую эпоху, а также по магическому реализму как парадигме культурно-художественного сознания современного общества и пр. Библиография насчитывает 15 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, семантический и дефиниционный анализ, метод выделения ключевых слов, метод структурирования словарной статьи, методы и приемы создания поликодовых (креолизованных) текстов и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию, и организован по классической научной схеме. Во введении обоснована проблема. В «Методологии и методах исследования» перечислены применяемые методы. По мнению рецензента, можно было более подробно охарактеризовать используемую методологическую базу. Раздел «Результаты исследования» включает описание мультимодального подхода в области лексикографии в диахронии и на современном этапе, в том числе в качестве примеров мультимодального словаря рассмотрены «Учебный мультимодальный словарь историко-культурологического типа» и принципиально новая форма электронного словаря, датасет; а также представлен проект мультимодального словаря терминов и персоналий магического реализма, прагматической целью создания которого является «упорядочение сведений об этом феномене, рассматриваемом и как литературное направление (течение), и как художественный метод, и как тип художественного мышления».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в развитие современной лексикографии и в изучение возможностей мультимодального подхода при создании электронных словарей нового типа. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по новым формам словаря в цифровую эпоху и пр.

Содержание рукописи соответствует названию. Стил изложения тяготеет к научному типу. Обращаем внимание, что в рукописи встречаются такие недочеты, как пропуск запятых (см «По мнению А.А. Кибрика мультимодальность в узком понимании представляет собой...»), отсутствие пробелов между словами («Любой письменный текст, изучаемый в рамках мультимодального подхода, необходимо рассматривать и сточки зрения визуального представления в книге, СМИ, интернет-пространстве»).

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Падерина Т.С. Структуры данных для хранения языкового материала: принципы и оптимизация // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76630 EDN: FTZFMБ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76630

Структуры данных для хранения языкового материала: принципы и оптимизация

Падерина Татьяна Сергеевна

ORCID: 0000-0002-2603-6242

младший научный сотрудник; лаборатория лингво-педагогических исследований; Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук»

664033, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, Свердловский р-н, ул. Лермонтова, д. 134, офис 120

✉ jana-pad@mail.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76630

EDN:

FTZFMБ

Дата направления статьи в редакцию:

03-11-2025

Дата публикации:

10-11-2025

Аннотация: В данной статье представлен универсальный подход к созданию специализированного корпуса аннотированных данных, предназначенного для обучения модели извлечения информации из научной литературы по узкой специализации. Процесс включает в себя сбор данных, разработку принципов аннотирования с учетом лингвистических особенностей академических текстов и контекстуальных характеристик. Обсуждаются как общие структуры данных в программировании (массивы, списки, деревья), так и специализированные (корпусы, лексиконы, онтологии), адаптированные для решения лингвистических задач. Особое внимание уделяется принципам оптимизации, включая унификацию метаданных, многоуровневую разметку, обеспечение репрезентативности и поддержку мультимодальности. Теоретической базой послужили

работы по корпусной лингвистике, лингвосомиотическим основаниям изучения научного дискурса, проектированию лингвистических онтологий и разработке структур данных для лингвистических исследований. Рассматривается методология автоматической обработки текстов как неотъемлемый компонент работы с такими структурами, включая классификацию методов (статистические, на основе правил, машинное обучение) и этапы анализа (морфологический, синтаксический, семантический). Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие корпусной лингвистики, в части изучения возможностей и проблем, возникающих в процессе корпусных исследований. Отмечается, что способность структур данных справляться с лингвистической неоднозначностью и отражать сложные взаимосвязи между языковыми элементами, используя механизмы логического вывода и принципы синергетики, является важным критерием для создания интеллектуальных систем. Предполагается дальнейшее использование обученной модели для автоматического извлечения данных из большого массива неразмеченной литературы, которые сформируют граф знаний предметной области. Подобный граф знаний открывает возможности для решения прикладных задач, включая составление частотных словарей по узким научным специальностям, отслеживание тенденции смены терминологического аппарата, в том числе появление новой терминологии.

Ключевые слова:

корпус текстов, языковой материал, научные данные, извлечение информации, автоматическая обработка текстов, принципы разработки, структура данных, разметка, аннотирование, граф знаний

Введение

Быстрый рост научно-технической информации детерминирует необходимость более тщательного освоения методов машинного обучения для решения задач эффективного сбора, систематизации, хранения, обработки и дальнейшего использования неструктурированного языкового материала по заданным параметрам для определённого массива текстов (корпуса) в автоматическом режиме. Разработка структур данных (= систем, прим. автора) для лингвистических исследований является основополагающим этапом, требующим детальной аннотации, стандартизации представления данных и поддержки анализа на всех языковых уровнях — от морфологии до прагматики [\[8\]](#).

Предметом нашего исследования является разработка системы хранения данных для обучения модели извлечения информации из подготовленного корпуса узкоспециализированных англоязычных научных текстов по направлению «Науки о Земле». Критерии отбора тестов определяется задачами Государственного задания, которое выполняет лаборатория и обеспечивают отбор релевантного контента, наиболее соответствующего требованиям письменной научной коммуникации [\[3,7\]](#).

Для эффективного использования, организации и обработки информации часто приходится работы с готовыми структурными данными, а иногда и разрабатывать их с нуля. В программировании структура данных определяется как способ организации информации для более эффективного использования, представляющий собой набор данных, связанных определённым образом. Главное свойство структур данных заключается в том, что каждая единица данных должна иметь четкое место, по которому ее можно найти, а характеристики структур включают определенное представление

данных в памяти и наличие алгоритмов для взаимодействия с ними, включая добавление и извлечение элементов [\[2\]](#).

Актуальность исследования принципов разработки структур данных для лингвистического (языкового) материала обусловлена необходимостью повышения качества и эффективности методов обработки текстов, таких как информационный поиск, фильтрация, рубрикация, кластеризация документов, автоматическое аннотирование и машинный перевод. Данная работа ставит целью систематизировать и обобщить принципы создания эффективных структур данных для языкового материала и рассмотреть методологические основы их автоматической обработки.

Понятие языкового материала и его особенности

Лингвистика XIX века ставила своей целью изучение языка как такового, в то время как лингвистика XXI века смещает акцент не столько на теоретическое знание, сколько на его прикладной аспект и практическое применение [\[13\]](#). Проблема трудоемкого поиска научного материала потребовала, в свою очередь, оптимизировать работу в том числе с языковым материалом (тексты, слова, морфемы, фонемы, графемы) и как следствие, к появлению нового лингвистического направления – корпусная лингвистика. Основным объектом современной корпусной лингвистики — текст — в различных формах своей реализации является одной из главных составляющих системы языка и речемыслительной деятельности.

В связи с многообразием научных текстов (в том числе на разных языках), разработка структур языковых данных требует тщательного отбора принципов и механизмов с учетом особенностей языкового материала, к которым относим следующие аспекты:

- **Многоуровневая структура:** Язык может быть проанализирован на различных уровнях, таких как фонетико-фонологический, грамматический (морфологический и синтаксический), семантический и прагматический.
- **Неоднозначность и вариативность:** Слова и выражения могут иметь несколько значений (полисемия, омонимия), а также различные формы употребления (словоформы, диалекты, социолекты).
- **Контекстуальная зависимость:** Значение и использование языковых единиц часто зависят от контекста.
- **Динамичность:** Язык постоянно меняется, что требует возможности актуализации и расширения данных.
- **Избыточность:** Естественные коммуникационные системы обладают избыточностью для повышения надежности передачи информации и снижения недоразумений.

Таким образом мы рассматриваем языковой материал как совокупность дискретных взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, где определенное место отводится тексту как элементу для решения задач сбора, систематизации, обработки и дальнейшего использования неструктурированного языкового материала.

Специализированные структуры данных для лингвистического материала

Структуры данных являются фундаментальным понятием в программировании, позволяющим упорядочивать, искать, анализировать и использовать данные с применением алгоритмов. Они представляют собой способ организации информации для

более эффективного использования, где каждая единица имеет четкое место, по которому эту информацию можно найти по автоматическому запросу. Основные общие структуры данных представлены на рисунке 1:

Рис.1 Общие структуры данных

Массив (Array), например, является простой структурой данных, на которой основаны многие другие, такие как списки, стеки и очереди. Каждый элемент массива имеет индекс, по которому его можно извлечь, а данные можно просматривать, сортировать и изменять. В свою очередь связный список (Linked List) представляет собой группу узлов, каждый из которых содержит данные и указатель на следующий узел (иногда на предыдущий). Позволяет быстро перемещаться между элементами, которые хранятся отдельно. Множество (Set) – схожи с классическими математическими множествами, используются для поддержания уникальных элементов, хранения несортированных данных и выполнения операций сравнения и объединения. Порядок элементов не имеет значения. В структуре Карта (Map) / Ассоциативный массив / Словарь данные хранятся в паре «ключ/значение», где каждый ключ уникален, а значения могут повторяться, что позволяет быстро искать данные по ключу. Частным случаем является хэш-таблица (hash-map), использующая хэш-функцию для вычисления индекса по ключу. Дерево (Tree), например, двоичное дерево поиска (Binary Search Tree) используется для быстрого поиска, а также для хранения данных в отсортированном виде с возможностью быстрого добавления и удаления. Префиксное дерево (так же Trie, prefix tree, бор) хранит данные последовательно, где каждый узел — это префикс, по которому находятся следующие узлы, что полезно для автозаполнения.

Для хранения и обработки сложного языкового материала используются более специализированные структуры, часто построенные на основе общих принципов организации данных, но адаптированные под лингвистические задачи:

1. Корпусы текстов. Корпус текстов — это подобранная и обработанная по определенным правилам совокупность текстов, используемых в качестве базы для исследования языка [9]. В современной лингвистике под корпусом обычно подразумевается корпус текстов в электронном виде, поскольку применение компьютерных технологий превратило его в эффективный исследовательский инструмент. Одно из основных свойств корпуса – репрезентативность. Корпус должен релевантно отображать объект, который моделирует (например, язык, диалект, жанр), путем сбалансированного включения различных типов текстов. Однако отмечаем, что добиться полной репрезентативности корпуса — труднодостижимая задача.

2. Лексиконы и Словари. В отличие от словаря, который обычно используется для обозначения списка всех слов, существующих в языке, лексикон, как понятие теоретического языкознания, используется для обозначения части лингвистической

теоретической модели данного языка. В этом смысле он тесно связана с «грамматической» (или синтаксической) частью модели, то есть с набором синтаксических, морфологических и фонологических правил, сформулированных теорией [\[17, с. 42–43\]](#).

3. Онтологии и Тезаурусы. За последнее десятилетие понятие онтология стало довольно распространённым в лингвистике. Вслед за рядом зарубежных и отечественных ученых будем рассматривать онтологию как «взаимосвязанную сеть релевантных концепций, которая раскрывает, классифицирует и упорядочивает допущения и термины рассматриваемой области» [\[4,5,6,14,15,19,21\]](#). Объектом изучения в данном случае является не сама реальность, а человеческое восприятие. Тезаурус, в свою очередь — это нормативный словарь, который устанавливает лексические единицы и фиксирует семантические отношения между этими единицами в качестве элементов [\[11,12,16\]](#).

Основными целями тезаурусов является перевод естественного языка документов и запросов на контролируемый словарь, обеспечение последовательного использования единиц индексирования и описание отношений между терминами. Семантические сети являются основой для представления знаний в тезаурусах и онтологиях, отображая объекты и их связи.

4. Нейронные сети. Нейронные сети широко используются для обработки больших объемов экспериментальных и экспертных знаний. Они могут применяться для моделирования отклика системы на внешнее воздействие, классификации внутренних состояний, прогнозирования динамики, оценки полноты описания и оптимизации параметров. Обучение нейронных сетей может происходить «с учителем» (когда известно желаемое значение выхода) или «без учителя» (на основе наблюдения за входными значениями). В контексте лингвистики нейронные сети используются, например, для текстовой аннотации (для виртуальных помощников и чат-ботов), позволяя ИИ давать разумные ответы и поддерживать диалог, а также для распознавания объектов и эмоциональной окраски текста [\[3\]](#).

Методология создания корпуса данных для предметной области

В связи с затруднительным поиском готовых корпусов для узкоспециализированных научных областей, а зачастую с их отсутствием, разработка специализированных программ для выборки из массива информации конкретных данных, по запросу пользователя, на наш взгляд, нуждается в описании. В нашей работе мы предприняли попытку описать результат сбора и предварительной обработки англоязычных научных текстов по направлению подготовки «Науки о Земле» для дальнейшего использования, обработанного материала при обучении языковой модели. Эффективным методом, на наш взгляд, является разработка автоматизированной программы (разработка веб-сканер, от англ. web crawler, также встречается название «веб-паук»), которая позволит собрать данные с сайтов профильных журналов. Данный шаг позволяет нам собрать названия, аннотации, данные об авторах и другую информацию из статей, опубликованных в открытом доступе, а также выбрать для анализа публикации за определенный период времени.

Для тестовой проверки системы автоматического сбора данных, мы собрали более 50 статей, опубликованных в журнале Landslides издательства Springer по состоянию на 20 октября 2025 года. Landslides — международный журнал для публикации комплексных исследований, посвящённых оползневым процессам, анализу рисков, смягчению последствий и защите окружающей среды от последствий данной стихии. Данный этап

позволяет сформировать первоначальный массив текстов, из которого будет произведена выборка для дальнейшей разметки и аннотирования.

Принципы разработки и оптимизации структур данных для языкового материала

Для эффективной разработки структуры данных для лингвистического материала нами был предварительно проведен анализ теоретических положений, направленный на сопоставление и сравнение существующих систем хранения данных и принципов разработки, направленных на оптимизацию хранения, поиска и анализа. На основании проведенного анализа, и с учетом задач Государственного задания, нами были отобраны следующие ключевые, на наш взгляд, признаки.

1 . Неоднозначность языкового материала. Языковой материал характеризуется неоднозначностью, контекстуальной зависимостью значений и иерархической структурой:

- **Корпус**
- **Документ (статья, книга, отчет)**
- **Раздел/Глава**
- **Параграф**
- **Предложение**
- **Слово/Токен**
- **Морфема** (необязательно)

При разработке структур данных необходимо учитывать многоуровневые структуры (анализ на фонетическом, грамматическом, семантическом и прагматическом уровнях), вариативность (полисемия, омонимия, разнообразие форм употребления), контекст, что, в свою очередь предусматривает механизмы для снятия семантической омонимии, разрешения анафоры и кореферентности, а также фиксирования информационной структуры текста.

2 . Разметка и аннотирование. Разметка (англ. tagging, annotation) — процесс приписывания текстам и их компонентам специальных меток. Она дает возможность идентифицировать тексты по различным параметрам, позволяя осуществлять осмысленный поиск [\[10\]](#). Высококачественная аннотация данных является одной из основных задач для точных моделей машинного обучения, пример разметке на рисунке 2.

Рис.2. Лингвистическая разметка (аннотирования) текста

Следует отметить, что к одному и тому же текстовому фрагменту может быть «привязано» множество разных видов аннотаций (Таблица 1), которые можно разделить на собственно лингвистические и экстралингвистические [1,2,20]:

Собственно лингвистические				Экстралингвисти (метаразметка)
Базовые аннотации (морфологические)	Синтаксические аннотации	Семантические аннотации	Дискурсивные аннотации	Метаданнь
Токенизация: разделение текста на слова и знаки препинания.	Синтаксический разбор: определение грамматических связей между словами в предложении.	Именованные сущности (распознавание именованных сущностей, NER): выделение имён людей, названий организаций, географических объектов, дат, числовых значений.	Кореференция: связывание местоимений и других выражений с объектами, на которые они ссылаются.	Автор, названи публикации, ис жанр, язык, а технические (кодировка, обработки)
Лемматизация: приведение слов к словарной форме (лемме).	Деревья зависимостей: графическое представление синтаксических связей.	Семантические роли: определение ролей участников действия (агент, пациент, инструмент).	Структура дискурса: Разметка риторических отношений между частями текста.	Для устных ко пол, возраст, , говорящего,) записи
Частеречная разметка (POS- тегирование): определение части		Разрешение неоднозначности слова (Word Sense		

речи для каждого слова (существительное, глагол, прилагательное и т. д.).		Disambiguation, WSD): определение конкретного значения многозначного слова в данном контексте.		

Табл.1. Виды аннотаций

3 . Репрезентативность и сбалансированность. Корпус должен хорошо «представлять» моделируемый объект, что достигается путем специальной процедуры отбора текстов. Репрезентативность связана со сбалансированностью, что достигается путем специальной процедуры отбора текстов, сбалансированного включения различных типов текстов, а также их структурирования по жанрам, временным периодам и социолингвистическим характеристикам. Однако, считается, что полная репрезентативность в корпусах труднодостижимая задача.

4 . Гибкость и адаптивность. Гибкость в работе с различными языками и текстовыми структурами имеет решающее значение, особенно в условиях глобального исследовательского аспекта, когда многоязычная обработка данных становится необходимостью. Системы должны не только поддерживать различные языки, но и адаптироваться к различным диалектам и специализированным терминологиям, используемым в различных научных дисциплинах [\[3, с. 152\]](#). Открытый характер стандарта (например, TEI, основанный на XML) позволяет доработку, расширение и адаптацию под новые задачи. Модульный подход в разработке систем обеспечивает независимую и распределенную реализацию, повторное использование и легкость расширения. Онтологии, в свою очередь, должны быть способны к обновлению и пополнению знаний.

5. Стандартизация, точность.

Для стандартизации и точности аннотирования текста с использованием XML в Python можно использовать библиотеку `xml.etree`, которая позволяет создавать и манипулировать XML-структурами. Ниже представлен код, который демонстрирует, как можно создать XML-документ для аннотирования текста с четкими значениями для каждого поля. Учитывая, что сам код достаточно объемный, в статье в качестве примера непосредственно использования мы приведем только часть кода:

```
import xml.etree.ElementTree as ET

class Annotation: <.....>

# Пример использования

annotation = Annotation()

# Добавление токенов (пример)

annotation.add_token("Уникальные", "ADJ", "amod", "структуры")

annotation.add_token("геологические", "ADJ", "amod", "структуры")

annotation.add_token("и", "CCONJ", "cc", "структуры")
```

```

annotation.add_token("гидрогеологические", "ADJ", "amod", "структуры")
annotation.add_token("структуры", "NOUN", "nsubj", "сделали")
annotation.add_token("сделали", "VERB", "ROOT", "")
annotation.add_token("оползень", "NOUN", "nsubj", "сделали")
annotation.add_token("крайне", "ADV", "advmod", "неустойчивым")
annotation.add_token("неустойчивым", "ADJ", "acomp", "оползень")

# Установка подлежащего и сказуемого
annotation.set_subject("структуры")
annotation.set_predicate("сделали")

# Добавление сущностей (пример)
annotation.add_entity("ползень", "EVENT")

# Генерация XML
xml_output = annotation.to_xml ()
print (xml_output)

```

6. Параллельные корпуса: Для машинного перевода и сравнительной лингвистики часто используются параллельные корпуса, где один и тот же текст представлен на нескольких языках. Структуры данных должны поддерживать выравнивание (alignment) между предложениями, фразами или даже словами в разных языках. Это может быть реализовано через ссылки или общие идентификаторы. Пример:

```

{
  "sentence_id": "s1",

  "text_en": "These unique geological and hydrogeological structures have rendered the
  landslide mass highly unstable",

  "text_ru": " Уникальные геологические и гидрогеологические структуры сделали
  оползень крайне неустойчивым",

  "alignment": [

    {"en_ru": [0, 2], "ru_en": [10, 6]}, // these -> Уникальные

    {"en_ru": [4, 8], "ru_en": [7, 12]} // unique -> геологические

    // ... и так далее

  ]
}

```

7. Модульность и микросервисная архитектура. Одной из ключевых особенностей современных информационных систем является применение архитектуры, основанной на микросервисах. Такая архитектура разделяет функциональные компоненты системы — импорт, предварительную обработку, аннотирование, структурирование и визуализацию данных — на независимые модули, что повышает гибкость, надежность и масштабируемость системы. Каждый модуль может быть разработан, обновлен и протестирован отдельно, что позволяет значительно ускорить процесс интеграции новых алгоритмов обработки и поддержки дополнительных типов медиа. Такая модульная организация также способствует удобству управления доступом, так как разные уровни пользователей могут иметь разграниченные права на доступ и внесение изменений в базу данных.

8. Поддержка контроля версий и регулярное обновление. Одним из ключевых факторов успешной реализации структур данных является обеспечение регулярного обновления и контроля версий хранимого материала. Применение специализированных протоколов для управления изменениями, а также периодическая проверка корректности всех метаданных позволяют поддерживать высококачественный и актуальный корпус. Такой процесс необходим для обеспечения непрерывности научных исследований и образовательных программ, поскольку данные постоянно обновляются за счет поступления новых материалов и корректировки уже существующих.

9. Валидация данных и обеспечение семантической целостности. Для того чтобы структурированные данные могли быть использованы как для академических исследований, так и для прикладных задач, необходимо обеспечить их валидацию и семантическую согласованность. Это достигается за счёт регулярной проверки корректности аннотаций, согласованности морфологических и синтаксических меток, а также контроля за правильностью заполнения метаданных. В идеале, системы должны поддерживать функции автоматической сверки данных с эталонными наборами и проводить экспертный анализ выявленных расхождений, что является важным аспектом в разработке надёжных лингвистических корпусов.

10. Масштабируемость и гибкость доступа. Особое внимание в современных структурах данных уделяется возможности расширения и масштабирования системы по мере увеличения объёма данных. Это требует от разработчиков обеспечения гибкости хранилища, возможности быстрого индексирования, адаптации к увеличению нагрузки и оперативного обновления функционала. Масштабируемость достигается за счёт применения распределённых систем хранения, облачных технологий и алгоритмов оптимизации запросов, что позволяет эффективно работать с большими массивами языковых данных в условиях постоянно растущего спроса на вычислительные ресурсы [\[3, с. 151-153\]](#).

Заключение

Таким образом, принципы разработки структур данных для хранения языкового материала охватывают широкий спектр технических, методологических и организационных аспектов. Разработка структур данных для хранения языкового материала является междисциплинарной задачей, объединяющей лингвистику, компьютерные науки и искусственный интеллект [\[18\]](#). Благодаря междисциплинарному синтезу теоретических знаний и современных технических решений возможно создание таких систем, которые не только сохраняют огромное разнообразие языковой информации, но и станут основой для дальнейших исследований и практического применения в области перевода, языкового моделирования и автоматизированного анализа речи

В рамках нашего исследования, на основании отобранных в автоматическом режиме и предварительно размеченных научных текстов, определен материал для обучения языковой модели для текстов узкой специализации. В дальнейшем мы предполагаем, что обученная модель позволит нам формировать графы знаний предметных областей в автоматическом режиме и решать прикладные задачи (создавать частотные словари, работать с терминологическим аппаратом, находить новые паттерны и генерировать связанные тексты по заданному научному направлению).

Библиография

1. Падерина Т. С. Автоматическое извлечение ключевых терминов из корпуса научных статей в SCP // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3(38). С. 139-144. doi: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-139. EDN: PUBMIE.
2. Костюшкина Г. М., Свердлова Н. А., Барбина Н. С. и др. Лингвосемиотические основания изучения научного дискурса. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2024. 216 с. ISBN 978-5-9765-5690-4. EDN: TPHYAF.
3. Падерина Т. С. Методы извлечения терминов в научных текстах (на материале статей по направлению науки о земле) // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6, № 3. С. 388-396. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.3.388-396. EDN: VLCYAH.
4. Бурков А. А. Инженерия машинного обучения / пер. с англ. А. А. Слинкина. Москва: ДМК Пресс, 2022. 306 с.
5. Чилингарян К. П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196-218. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218. EDN: YMIAME.
6. Риз Р. Обработка естественного языка на Java / Р. Риз; пер. с англ. А. В. Снастина. 2-е изд., эл. Москва: ДМК Пресс, 2023. 266 с.
7. Junger J. Predicate formation in the verbal system of Modern Hebrew. Amsterdam: University of Amsterdam, 1987. 183 p.
8. Кравцов Д. В., Коростелев Д. А., Юркова О. Н. Автоматизированная система для построения онтологий предметных областей // Мониторинг. Наука и технологии. 2017. № 1(30). С. 46-50. EDN: YNCCNP.
9. Лукашевич Н. В., Добров Б. В. Проектирование лингвистических онтологий для информационных систем в широких предметных областях // Онтология проектирования. 2015. Т. 5, № 1(15). С. 47-69. EDN: TOPTMZ.
10. Наместников А. М., Пирогова Н. Д., Филиппов А. А. Подход к автоматическому построению лингвистической онтологии для определения интересов пользователей социальных сетей // Онтология проектирования. 2021. Т. 11, № 3(41). С. 351-363. DOI 10.18287/2223-9537-2021-11-3-351-363. EDN: JVKREP.
11. Fabry P., et al. Rethinking Meaning and Ontologies from the Perspective of Ontological Units. 27 Mar. 2025.
12. Gendron B., et al. Towards Ontology-Based Descriptions of Conversations with Qualitatively-Defined Concepts. 1, arXiv, 2025. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.2509.04926>.
13. Schalley A. C., Musgrave S., Haugh M. Accessing phonetic variation in spoken language corpora through non-standard orthography // Australian Journal of Linguistics. 2014. 34(1), 139-170. <https://doi.org/10.1080/07268602.2014.87545>.
14. Zhang D., et al. Meronymic Ontology Extraction via Large Language Models. 1, arXiv, 2025. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.2510.13839>.
15. Федотов А. М., Идрисова И. А., Самбетбаева М. А., Федотова О. А. Использование тезауруса в научно-образовательной информационной системе // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 86-102. EDN: UJEXAX.

16. Федюченко Л. Г. Терминологическая база данных как трансферная модель технического знания: специальность 10.02.21 "Прикладная и математическая лингвистика": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. 2021. 407 с. EDN: PUSZLE.

17. ISO 2788:1986. Guidelines for the establishment and development of monolingual thesauri. 2nd ed. Geneva: International Organization for Standardization, 1986.

18. Соловьева А. Е. Англоязычные тексты военной авиации как основа лингвистического корпуса // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 369-372. DOI 10.26140/bgз3-2019-0803-0093. EDN: MSLXAE.

19. Антопольский А. Б. Международная стандартизация в сфере управления лингвистическими информационными ресурсами // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2021. № 5. С. 23-32. DOI 10.36535/0548-0027-2021-05-5. EDN: ORIEWZ.

20. Zeroual I., Lakhouaja A. Data Science in Light of Natural Language Processing: An Overview // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 127. Pp. 82-91. Crossref, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.01.101>.

21. Lust B., Blume M., Pareja-Lora A., Chiarcos C. Development of Linguistic Linked Open Data Resources for Collaborative Data-Intensive Research in the Language Sciences: An Introduction. Cambridge: The MIT Press, 2020. <https://doi.org/10.7551/mitpress/10990.003.0002>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье последовательно раскрывается предмет исследования, который строго соответствует теме. Исследование посвящено анализу современных лингвистических методов обработки информации, особенностям аннотирования и структурирования языковых данных. Все основные разделы статьи соотносятся с её заглавием, обеспечивая логическую согласованность между темой и содержанием работы.

Используется широкий спектр современных методов лингвистических исследований, приведены примеры обработки лингвистических данных, элементы XML-аннотирования, алгоритмы, что подтверждает высокий уровень методологической проработки. Методические подходы описаны подробно, что положительно сказывается на прозрачности и воспроизводимости научных результатов.

Актуальность темы статьи очевидна: развитие цифровой лингвистики, автоматизации языкового анализа в XXI веке обеспечивает значимость вопросов, рассматриваемых в статье, для лингвистической науки и практики.

В статье отчётливо прослеживается научная новизна: предложен сравнительный обзор алгоритмов и систем аннотирования, освещены новые подходы к обработке многослойной языковой информации, приведён анализ актуальных отечественных и зарубежных работ по теме. Особое внимание уделено теоретическим вопросам, связанным с многоуровневым анализом текстов, что расширяет современные представления в области цифровой лингвистики.

Статья отличается чёткой структурой: введение, постановка целей, основной

аналитический материал, выводы. Содержание изложено строгим научным стилем, терминология используется корректно. В тексте присутствуют таблицы, схемы, коды программ, что облегчает восприятие сложного материала. Логика изложения выдержана, переходы между частями статьи обоснованы и последовательны.

Библиографический список содержит более 20 источников: представлены современные зарубежные публикации, работы на русском языке, большие корпусные исследования, а также программные стандарты и документы. Все источники процитированы в тексте статьи.

В заключительной части подводятся итоги исследования, указываются перспективы дальнейшей работы, делаются выводы о необходимости развития цифровых лингвистических ресурсов. Материал будет интересен, прежде всего, специалистам в области цифровой лингвистики и студентам профильных направлений. Для широкой научной аудитории статья может послужить источником информации о современных тенденциях развития лингвистических исследований.

Комментарии по языку статьи:

В тексте не выявлено существенных орфографических ошибок. Отмечается достаточно высокая стилистическая культура изложения, что характерно для работ академического уровня. Однако присутствуют отдельные погрешности пунктуационного характера (например, непоследовательное выделение вводных слов: таким образом, в свою очередь; в предложении, начинающемся со слов: «Однако, считается, что полная репрезентативность...» - слово «однако» вводным не является, поэтому в запятой после него нет необходимости). Замечены небольшие грамматические неточности и опечатки («Множество (Set) – схожи с классическими математическими множествами, используются для...», «Основными целями тезаурусов является...», «модель позволить нам формировать», «приходится работы» (вместо «приходится работать»), а также слово «тестов» вместо «текстов» во втором абзаце статьи.

Статья может быть рекомендована к публикации после небольшой стилистической правки, что повысит её привлекательность в глазах читателей академического круга.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэн Ч. К вопросу о литературных отношениях Иакинфа (Бичурина) и М. П. Погодина // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76747 EDN: DWSSEB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76747

К вопросу о литературных отношениях Иакинфа (Бичурина) и М. П. Погодина

Чэн Чэнбянь

аспирант; кафедра истории русской литературы ; МГУ-ППИ в Шэньчжэне/ Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

518000, Китай, Гуандун, г. Шэньчжэнь, улица Гоцзидасюэюань, дом 1

✉ 865657038@qq.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76747

EDN:

DW SSEB

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2025

Дата публикации:

14-11-2025

Аннотация: Предмет исследования – литературные отношения Иакинфа (Бичурина), основоположника русской китаистики, и М. П. Погодина, писателя, историка и издателя журналов «Московский вестник» и «Москвитянин». Основной материал – переписка двух учёных писателей и публикации Иакинфа в журналах, издававшихся Погодиным. Анализируется, каким образом журнальная деятельность Иакинфа повлияла на становление его как писателя, занимающегося популяризацией знаний о Китае, Монголии и Средней Азии, и как он, со своей стороны, повлиял на становление литературно-научного дискурса в журналах Погодина. Особое внимание уделяется участию Иакинфа в обсуждении проблем древнерусской истории на страницах «Москвитянина». Работа позволяет уточнить характер взаимодействия двух авторов и выявить роль Иакинфа в формировании интеллектуальной среды России первой половины XIX века. В работе использованы традиционные литературоведческие методы,

в том числе культурно-исторический метод, и также методы источниковедческих и текстологических исследований. Новизна исследования определяется его результатами, позволяющими выявить динамику и механизмы литературных отношений Иакинфа и Погодина, а также уточнить характер их взаимодействия как в науке, так и в литературе – в процессе подготовки материалов для литературных журналов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о первостепенно важном значении литературно-журнальной деятельности Иакинфа и его отношений с Погодиным для популяризации знаний о Китае в России в первой половине XIX века: именно литературная среда стала пространством институционализации этих знаний и их интеграции в систему русской литературной культуры. Работа вносит вклад в изучение становления русской синологии и раскрывает роль личных и творческих контактов Иакинфа и Погодина в формировании научно-литературного диалога между Востоком и Россией.

Ключевые слова:

Иакинф Бичурин, М. П. Погодин, литературные отношения, переписка, история русской литературы, журналистика, Московский вестник, Москвитянин, русское китаеведение, научно-литературный диалог

Архимандрит Иакинф (Бичурин) (1777–1853), по праву считающийся основоположником российского китаеведения, и Михаил Петрович Погодин (1800–1875), крупнейший литературный деятель своего времени – писатель, историк, издатель журналов «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856), – имели длительную историю литературных отношений, охватывающую почти четверть века – с конца 1820-х годов до кончины отца Иакинфа в 1853 году. Специально они пока практически не изучались, хотя сохранившиеся письма Иакинфа к Погодину были собраны, опубликованы и прокомментированы П. Е. Скачковым еще в 1958 году [\[4\]](#) (всего 16 писем), а затем перепечатаны в подготовленном В. Г. Родионовым собрании избранных сочинений писателя, вышедшем в 1991 году [\[5, с. 319–328\]](#) (к 16-ти письмам, введенным в научный оборот П. Е. Скачковым, здесь добавлено одно ранее не печатавшееся письмо). Изучению литературных связей Иакинфа в 1820–1840-х гг. посвящена статья Д. И. Белкина [\[2\]](#), которому принадлежит и статья о нем в современном научном энциклопедическом издании «Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь» [\[3\]](#), однако имя Погодина в этих работах возникает только попутно. Между тем вопрос о литературных отношениях двух писателей и учёных представляется важным по многим причинам, в том числе и потому что под именем Погодина в 1871 году была издана первая биография отца Иакинфа [\[10\]](#), в основе которой лежала написанная им самим в 1847 году по просьбе Погодина краткая автобиография с перечнем наиболее значимых научных трудов и опубликованная в «Москвитянине» в 1849 году [\[7\]](#).

Цель нашего исследования – дать предварительный обзор истории литературных отношений Иакинфа и Погодина на основе имеющихся материалов, прежде всего – на основе переписки двух писателей и публикации Иакинфа в журналах, издававшихся Погодиным.

Иакинф (в миру Никита Яковлевич Бичурин) в 1807–1821 гг. проживал в Пекине, возглавляя там русскую православную миссию, и занимался не столько христианским миссионерством, которым ему положено было заниматься по должности, сколько

изучением китайского языка, а также истории, культуры и повседневной жизни Китая, и за 14 лет собрал множество материалов для своих будущих научных исследований.

После возвращения в Россию в 1822 году Иакинф формирует конкретную программу публикации своих трудов: он решает не издавать свои труды о Китае «целиком», а первым делом представить материалы о западных и северных пограничных с ним регионах. В 1826 году он был причислен к Министерству иностранных дел, что обеспечило институциональные условия для подготовки его трудов к изданию, и с 1827 г. Иакинф начинает печататься в литературных журналах – в «Московском телеграфе», «Северном архиве», а с 1828 г. – и в «Московском вестнике», издававшемся Погодиным.

«Московский вестник» отличался энциклопедическим характером: рядом с литературными текстами в нём публиковались исторические материалы, в том числе связанные с восточной проблематикой. Первые публикации Иакинфа в «Московском вестнике», появившиеся в 1828 году, — «Ежедневные упражнения китайского государя» (1828. № 14. С. 215–224) и «Разрешение вопроса: кто таковы были татары XIII века?» (1828. № 17. С. 341–354). Первая статья представляла собой описание придворных ритуалов и регламентированной повседневной жизни китайского императора, опирающееся на китайские хроники, а вторая содержала попытку разъяснить вопрос об этногенезе татар и монголов на основе первоисточников – китайских и монгольских исторических хроник, на тот момент практически неизвестных русским историкам.

Первое сохранившееся письмо Иакинфа к Погодину, датированное началом февраля 1830 г., показывает его заинтересованность «Московским вестником»: он просит регулярно высылать ему журнал и попутно сетует на невозможность встретиться с Ю. И. Венелиным, дружившим с Погодиным филологом-славистом [\[5, с.319\]](#).

Дневниковая запись Погодина от 22 февраля 1830 года фиксирует его первый личный контакт с Иакинфом — момент, с которого взаимодействие Иакинфа с московской литературной общественностью приобретает устойчивый характер (в это время он ненадолго приехал из Кяхты в Москву). В дневнике Погодина за 1830 год находим такие заметки: «К Иакинфу. Отыскал и приятных два часа. <...> К Якинфу два раза ездил <...> с утра не бывает у себя. Вчера еще попытался, застал. Встретил словами: “Я узнал от Шергена, что вы здесь и остановились там-то, именно к вам и собирался”» [\[1, кн. 3, с. 132-133\]](#).

Окончательное возвращение Иакинфа из Кяхты в 1832 году вместе с членами очередного состава Пекинской духовной миссии во главе с П. И. Каменским вызвало повышенный интерес московского общества к его трудам. Погодин устроил «обед в честь... знаменитого путешественника», на котором присутствовали представители московской научной и литературной общественности [\[1, кн. 4, с.124\]](#).

Сведений о контактах Иакинфа с Погодиным между 1832 и 1841 гг. не сохранилось, хотя известно, например, что в 1840 г. Иакинф приезжал в Москву и мог встретиться с Погодиным. Их регулярное общение по переписке возобновляется с 1841 г., то есть с того момента, когда Погодин начинает выпускать новый журнал – «Москвитянин». Сближение двух учёных было обусловлено в том числе и тем, что их научные интересы в некотором отношении пересекались: Погодин профессионально занимался историей Древней Руси и, в частности, периодом «татаро-монгольского нашествия», а Иакинф как раз обладал уникальными сведениями об эпохе Чингисхана и его потомков, почерпнутыми из китайских монгольских и среднеазиатских источников.

Стоит заметить, что к началу 1840-х годов Иакинф был уже общепризнанным ученым, главным российским знатоком Китая, автором целого ряда книг и множества статей о Китае, Монголии и Средней Азии, напечатанных в разных литературных журналах. Одним из журналов, с которым он тогда был особенно тесно связан, были «Отечественные записки», издававшиеся А.А. Краевским. Из сотрудников редакции этого журнала с Иакинфом более всего контактировал, как можно предположить, князь В.Ф. Одоевский, как известно, интересовавшийся Китаем. В «Отечественных записках» за период с 1839 до 1845 г. в общей сложности появилось не менее 10 статей Иакинфа (см.: [\[6\]](#)), в том числе такие статьи, как «О шаманстве» (1839. Т. 6. № 11, отд. 2. С. 73–81), «Меры народного продовольствия в Китае» (1839. Т. 7. № 12, отд. 2. С. 47–56), «Общественная и частная жизнь китайцев» (1840. Т. 10. № 5, отд. 2. С. 1–36; № 6, отд. 2. С. 63–103), «Воспитание военных людей в Китае» (1841. Т. 19. № 12, отд. 8. С. 59–63) и др.

Кроме «Отечественных записок», Иакинф сотрудничал и в «Русском вестнике», где в 1841–1842 гг. появилось несколько его статей о буддийской мифологии, а также в журнале «Сын отечества». Однако, после того как Погодин начал издание «Москвитянина», именно этот журнал стал главной площадкой для публикации трудов Иакинфа. Наибольшее число его журнальных публикаций в 1840-х годах приходится именно на «Москвитянин», что, вероятно, можно объяснить его давними хорошими отношениями с Погодиным и некоторой общностью взглядов на цели и задачи научной и литературной деятельности.

В письме к Погодину, датированном 1841 г., Иакинф пишет о «Москвитянине», что он «...как дитя — день ото дня лучше становится. Если даже будет расти таким же образом, то Москвитянин сделается <...> и редкими современными журналами» [\[5, с.319\]](#).

Внутреннее разделение «Москвитянина» на литературный и исторический отделы определяло режимы включения «восточного» материала, поставляемого Иакинфом: его критические заметки обычно помещались в литературном разделе, а крупные историко-филологические работы – в историческом разделе журнала.

Печатавшиеся в «Москвитянине» критические «Замечания» Иакинфа по поводу разных книг и статей составляют довольно обширный литературный цикл, в котором борьба шла не столько уточнение фактов, а за их правильную интерпретацию: «Замечания на географию Арсеньева» (1844. Ч. 4. № 8. С. 357–363), «Замечания на сочинение Неволлина» (1844. Ч. 5, № 9. С. 149–153), «Замечания на статью "Шесть сцен Онокского пастуха"» (1844. Ч. 2, № 4. С. 330–337), «Замечания на третью и последнюю статью о Средней Азии» (1844. Ч. 2, № 3. С. 155–170), «Замечания на статью в "Русской истории" г. Устрялова, под названием "Покорение Руси монголами"» (1845. Ч. 4, № 7–8. С. 81–102) и др. Все эти «Замечания» демонстрирует стремление автора не только исправлять ошибки, но и формировать стандарты описания восточного материала в русской литературной среде.

В «Замечаниях на географию Арсеньева», откликаясь на очередное переиздание «Краткой всеобщей географии» К. И. Арсеньева (первое издание было еще в 1820 г.), Иакинф замечает, в ней смешиваются китайские и монгольские административно-территориальные термины и воспроизводятся ошибочные европейские представления о географии Китая. Критикуя статью правоведа К. А. Неволлина о китайском законодательстве, опубликованной во втором томе «Энциклопедии законоведения» (СПб., 1840), Иакинф настаивает на необходимости различать правовые категории в восточной и европейской традициях и требует строгой проверки источников. В «Замечаниях на статью "Шесть сцен Онокского пастуха"» (Москвитянин, 1842, № 11)

объектом его критики становится предпринятая автором этих «сцен», скрывшегося под псевдонимом «Даурец», художественная стилизация, в результате которой реальный этнографический материал о жизни степи, по мнению Иакинфа, оказался подменен образом «романтического Востока».

«Замечания на третью и последнюю статью о Средней Азии» являлись откликом на публикацию в «Отечественных записках» в 1843 году цикла переведенных с немецкого статей Александра Гумбольдта о Средней Азии, а в особенности на третью статью, опубликованную в № 11, где предлагалась сугубо европейская интерпретация схема ее этнополитической истории. В своих «Замечаниях...» на Гумбольдта Иакинф полемизирует с его методом чтения восточных источников и показывает, что немецкий ученый опирается на вторичные пересказы, игнорируя китайские и монгольские хроники, которые дают иную периодизацию истории Средней Азии и иное представление о составе «татарских народов».

В «Замечаниях на статью в "Русской истории" г. Устрялова, под названием "Покорение Руси монголами"» Иакинф корректирует не только содержательные моменты «Русской истории» Н.Г. Устрялова, но и способ построения исторического нарратива, отвергая вторичное воспроизведение западных исторических клише. В письме Погодину от 17 октября 1844 г. Иакинф сетует: «Наши ученые от всей души согласны лучше врать, нежели нужное и дельное читать. У вас Корш, у нас Сокольский и Устрялов — доказательством тому. Им, как детям, более нравятся враки французские, нежели правда русская» [\[5, с.320\]](#).

Особенного внимания заслуживает статья Иакинфа «Кто таковы были монголы?», опубликованная в одном из номеров «Москвитянина» за 1850 г. [\[8\]](#), в которой он формулирует собственную модель этногенеза, где монгольский материал рассматривается как представляющий самостоятельный исторический интерес и источниковедческую ценность, а не нечто вторичное по отношению к европейской историографии.

По инициативе Погодина Иакинф принимает участие и в других издательских замыслах, не имеющих прямого отношения к востоковедению. Так, в 1849 году в «Москвитянине» под рубрикой «Современные писатели» появилась статья «Отец Иакинф» [\[7\]](#), написанная им самим в 1847 году, очевидно, по прямой просьбе Погодина и предназначенная для задуманного издателем «Москвитянина» проекта — словаря современных российских учёных. Проект остался нереализованным — статья об Иакинфе осталась единственной, которая была не только полностью подготовлена, но и опубликована (см. об этом комментарии В. Г. Родионова в издании, где эта автобиография перепечатана: [\[5\]](#)).

Показателен комментарий Погодина к биографии отца Иакинфа, добавленный им при ее расширенной и дополненной им самим публикации в 1871 г. [\[10\]](#). По словам Погодина, он в 1840-х гг. обратился ко многим литераторам с просьбой предоставить автобиографические сведения для продолжения «Словаря русских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова), но откликнулись лишь трое — Казембек, Ковалевский и Бичурин (см.: [\[10\]](#)). Примечательно, что спустя несколько лет сам Иакинф просил Погодина сообщить ему дату рождения и ранние сведения о его жизни, «справясь с посланною прежде биографией». Этот эпизод демонстрирует не только доверительный характер общения, но и участие Погодина в формировании публичного

образа Иакинфа (Бичурина) как писателя и ученого.

Что касается писем Иакинфа к Погодину, написанных в 1840-х гг., то нужно отметить, что в них не раз возникают замечания к публикациям в «Москвитяине», принадлежащим другим авторам. Чаще всего это замечания редакторского характера, требования к точности терминологии, например: «В прошедшей статье вы... написали *минг* вместо *мин*» [\[5, с.320\]](#). В этом и других подобных случаях Иакинф выступает не в качестве автора, а в качестве советчика для редакторов журнала. В том же письме он формулирует одно из своих самых острых замечаний в адрес современных российских ученых: «У нас ученые еще гордятся вралью, потому что он говорит отличное от других» [\[5, с.320\]](#).

Конечно, наиболее активно Иакинф высказывает своё недовольство поверхностным уровнем отечественной синологии и склонностью научного сообщества к бездумному копированию западных образцов. Его критика не ограничивается общими замечаниями: он предлагает Погодину конкретные изменения в структуре публикаций и обсуждает перспективы издания словаря китайских терминов, о чём пишет: «Ожидаю вашего мнения насчет посланных к вам опытов литографированных китайских букв для словаря» [\[5, с.320\]](#).

В письме от 25 декабря 1844 г. Бичурин сообщает о подготовке второго издания своего труда «Китай» и просит Погодина высказать замечания: «С сегодняшнего дня предпринимаю положить начало второму изданию Китая. Этот труд потребует около года... Я воспользуюсь вашими замечаниями с большой благодарностью» [\[5, с.322\]](#). В одном письме 1845 г. он благодарит за присылку журнала и снова сообщает о новых материалах: «Ваш Москвитянин год от году растет так, что Петербургская литературная моль ныне боится и приближаться к нему... Между тем я посылал вам еще статейку с наставлением для исторических писателей» [\[5, с.323\]](#).

Эти материалы не только расширяли тематический спектр сотрудничества, но и становились важной частью историографического дискурса о политическом наследии Монголии и месте Востока в истории Евразии.

Подобные письма свидетельствуют о том, что Бичурин рассматривал себя не только как поставщика источников, но и как соавтора историографической концепции. Он заботился о том, чтобы его материалы были поняты в нужном контексте и использованы корректно, а значит, участвовал в создании самой структуры журнала.

В письмах Иакинфа к Погодину, написанных в после 1845 г., заметно существенное изменение в интонациях: наряду с обычными суждениями по научным вопросам в них всё чаще звучат личные мотивы — болезнь, усталость, размышления о времени и возрасте. Так, в письме от 24 ноября 1846 г., написанном в день рождения Иакинфа, он упоминает и об этом обстоятельстве: «Ныне мне ровно 70 лет, и лекари очень советуют оставить сидячую жизнь. Скучно без дела; и потому занимаюсь с небольшими роздыхами...» [\[5, с.325\]](#).

Особенно много личных признаний и жалоб в последних письмах Иакинфа, относящихся к 1851-1852 гг. Так, в письме от 12 декабря 1851 г. он признается, что уже не может работать с прежней интенсивностью: «Я уже вступил в те годы жизни, в которых чувства одно за другим отказываются служить нам. Ныне особенно я жалуюсь на зрение, которое слабостью своей побуждает меня отказываться от чтения книг. Мне 77-й год и я вижу

необходимость расстаться с вашим Москвитянином, который интересными своими статьями доставил мне столько удовольствий». Однако далее он прибавляет: «Но я не вовсе оставляю ваш журнал, а по временам буду доставлять кое-что, в доказательство же сего и теперь прошу принять две статьи, еще не бывшие ни в одном из журналов; в первой из них описано первоначальное вступление езуитов в Макао и в Пекин, вторая содержит верную родословную Дома Чингисханова. Если одобрите, то прошу поместить их в вашем журнале...» [\[5, с.329\]](#).

Как видно, и в поздних письмах, где такие жалобы на старость становятся постоянными, Иакинф демонстрирует, что он, как и прежде, полностью погружен в свою профессиональную деятельность, которой он отдается самоотверженно, несмотря на физические немощи.

В самом последнем из сохранившихся писем Иакинфа к Погодину, от июня 1852 г., он говорит и делах журнала и советует изменить расположение статей о гуннских походах: «Мне рассудилось поставить сей трактат пред походами Аттилы в Галлию, которые по сему составить должны последнюю статью. Этот порядок более естественный и понятный... Пожалуйста, ради вечной памяти покойного Аттилы!!» [\[5, с.328\]](#). Такое замечание выходит далеко за рамки технической корректуры: оно демонстрирует стремление Иакинфа влиять на нарративную структуру публикуемого текста. В том же письме он подчёркивает необходимость публиковать пояснения и методологические предисловия к его трудам, чтобы облегчить их восприятие читателем: «Покорнейше прошу вас, для прояснения, предварительно сообщить чрез ваш журнал публикуемое объяснение, в чем состоит та противоположность, которая могла бы запутывать критические толкования прежних европейских историков» [\[5, с.326\]](#).

Стоит отметить и то, что в письмах к Погодину Иакинф, кроме частных, обсуждает и общие вопросы о состоянии современной науки и общественной жизни, причем как раз такие, которые волновали Погодина как издателя «Москвитянина» и его сотрудников, отличавшихся, как известно, консервативными взглядами и с тревогой наблюдавшими новыми явлениями в науке и литературе, которые им казались безнравственными. Так, в процитированном выше письме от 24 ноября 1846 г. Иакинф размышлял о миссии науки и её связи с нравственностью: «Надобно же будет когда-нибудь приняться за воспитание и нравственность. Без этого наша философия будет чучела огородная, а люди — французские куклы» [\[5, с.325\]](#).

В поздних письмах Иакинфа к Погодину речь идёт уже не только о Китае, гуннах или монгольских генеалогиях, но и о судьбе науки и общества в целом, причем его рассуждения оказываются во многом созвучными консервативным настроениям сотрудников «Москвитянина».

Таким образом, литературные отношения Иакинфа (Бичурина) и Погодина развивались не только в рамках личных дружеских отношений, а еще и в контексте их взаимодействия как автора и издателя в журналах «Московский вестник» и «Москвитянин». Востоковедческие (и, в частности, китаеведческие) публикации Иакинфа в журналах Погодина и сопровождающая эти публикации переписка двух писателей-учёных показывают, что именно в журнальном дискурсе происходило осмысление, нормирование и переопределение восточного материала как элемента русской литературной культуры XIX века.

Если в конце 1820-х годов в «Московском вестнике» Иакинф выступал преимущественно в роли стороннего автора, поставляющего интересные тексты по экзотической для

русских читателей тематике, то в 1840-х годах в «Москвитянин» он являлся уже не рядовым автором, а членом редакционного кружка, определявшего стратегию и политику журнала, и не раз выступал субъектом редакторских решений, корректируя терминологию в публикациях других авторов, касавшихся истории и культуры Средней Азии, Дальнего Востока и Китая.

Сотрудничество в «Москвитянин» для Иакинфа стало одной из форм институционализации его авторской позиции как ученого-востоковеда и писателя, популяризирующего знания о Востоке, и механизмом влияния на формирование связанных с этими знаниями научно-литературных норм. В этом, как кажется, заключается один из главных мотивов, обеспечившихся длительность и постоянство литературных отношений отца Иакинфа и Погодина.

Результаты настоящего исследования были получены при финансовой поддержке Правительства г. Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

The reported study was funded by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Библиография

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1-22. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888–1910.
2. Белкин Д. И. Русские литераторы 20-х-40-х гг. XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М.: Наука, 1984. С. 53-99.
3. Белкин Д. И. Бичурин Никита Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 270-272.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Письма к М. П. Погодину / Публ., вступ. статья и примеч.: П. Е. Скачков // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 141-154.
5. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма / сост., предисл. и комм. В. Г. Родионова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 350 с.
6. Боград В. Э. Журнал "Отечественные записки", 1839–1848: Указатель содержания. М.: Книга, 1985. 686 с.
7. [Иакинф (Бичурин)] Современные русские писатели: Отец Иакинф (Бичурин Н. Я.) // Москвитянин. 1849. Т. 3. № 8. С. 88-98; № 9. С. 1-14.
8. Иакинф (Бичурин). Кто таковы были монголы? // Москвитянин. 1850. Ч. 6. № 24, ч. 2. С. 85-92.
9. Корсаков Д. Погодин Михаил Петрович // Русский биографический словарь. Т. [14]. СПб., 1905. С. 154-166.
10. Погодин М. П. Биография отца Иакинфа Бичурина (писанная в 1847 году) // Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 62-68.
11. Попкова Н. А. "Московский вестник". Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827–1830: Указатель содержания. Саратов, 1991. 112 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «К вопросу о литературных отношениях Иакинфа (Бичурина) и М.П. Погодина» обращена к актуальной научной проблематике и обладает несомненной научной новизной. В ней раскрывается история литературных отношений основоположника российского китаеведения отца Иакинфа и издателя журналов «Московский вестник» и «Москвитянин» М.П. Погодина. Как справедливо указывает автор, эта сторона литературной жизни XIX века не получила должного освещения, а между тем изучение данного вопроса позволяет, во-первых, детальнее представить деятельность М.П. Полевого как издателя, углубить существующие знания о его принципах отбора материалов для своих журналов, о характере его отношений с авторами. Во-вторых, в статье существенно углубляются сведения о биографии Иакинфа (Бичурина), его становлении как ученого, уточняется специфика его деятельности в Китае, а также вводятся дополнительные сведения о первых этапах становления отечественного китаеведения.

Статья имеет четкую и продуманную структуру. Сначала автор дает представление о степени изученности проблемы, кратко и емко характеризует имеющиеся материалы: опубликованную переписку отца Иакинфа, комментарии к ней В.Г. Родионова, П.Е. Скачкова, статьи Д.И. Белкина. Анализ работ предшественников подводит его к выводу о том, что «имя Погодина в этих работах возникает только попутно». Однако, как показывает автор статьи, более детальное изучение контактов Иакинфа (Бичурина) и М.П. Полевого крайне важно, так как «под именем Погодина в 1871 году была издана первая биография отца Иакинфа», а переписка позволяет проследить, как формируется научный стиль в издании, ориентированном на широкую читательскую аудиторию. Основная часть статьи – аналитическое описание контактов отца Иакинфа и Полевого, а также его публикаций в журналах издателя, переписки. Особое внимание уделяется анализу тех замечаний Иакинфа, которые выявляют его научные принципы – такие как: опора на оригинальный источник, точность фактов и терминологии, внимание к контексту и др.

Ценность данной статьи обусловлена тем, что свои наблюдения и выводы автор делает на основе тщательного изучения источников, прежде всего переписки М.П. Полевого и отца Иакинфа, и не просто перечисляет темы, которые обсуждаются в ней, а прослеживает динамику отношений, выявляет перерывы в эпистолярном общении, показывает, как происходило сближение двух людей на основе пересечения научных интересов.

В статье также показаны (ровно настолько, насколько это необходимо в рамках данного исследования) контакты отца Иакинфа с другими журналами (петербургскими), что позволяет сделать вывод, что именно «Москвитянин» Погодина «стал главной площадкой для публикации трудов Иакинфа». По наблюдениям автора статьи, в журналах Полевого «Бичурин рассматривал себя не только как поставщика источников, но и как соавтора историографической концепции».

Статья написана хорошим языком. Правда, в ней встречаются некоторые незначительные опечатки, но они не влияют на понимание смысла.

Заявленная автором цель исследования достигнута. В научный оборот введен и интерпретирован важный литературный материал. Сама заявленная проблема имеет новаторский характер.

Статья рекомендуется к публикации в журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Захарина М.Р. Учитель vis-à-vis школьник: медиаприоритеты педагогики // Litera. 2025. № 11. DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76705 EDN: GYLVYW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76705

Учитель vis-à-vis школьник: медиаприоритеты педагогики

Захарина Мария Романовна

ORCID: 0009-0009-7170-8106

директор Медиацентра; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ mpolukhtina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76705

EDN:

GYLVYW

Дата направления статьи в редакцию:

10-11-2025

Дата публикации:

20-11-2025

Аннотация: Современный мир требует от нас умения ориентироваться в информационных потоках, анализировать и критически оценивать поступающую из них информацию, а также использовать медиа для сотрудничества и творчества. Сфера педагогики не исключение – уже не может существовать вне медиaprостранства. При этом в XXI веке функция учителя уже не сводится исключительно к процессу передачи учащимся определённого набора знаний. Цель настоящего исследования – определение важнейших составляющих медийного взаимодействия личностных миров педагога и школьника цифровой эпохи. Гипотеза – благодаря индивидуально разрабатываемым медиаприоритетам педагог способствует формированию потенциально безопасной информационной среды для своих учеников, так как в Интернете и других медийных источниках много информации, которая общепризнана неподходящей или вредной для детей. Поэтому педагог призван научить учащихся распознавать потенциальные опасности и уметь защищать себя в онлайн-пространстве. В исследовании

использовался социологический метод проведения серии фокус-групп. Их участниками стали учащиеся 309 школы Центрального района Санкт-Петербурга, школы-интерната № 1 им. К. К. Грота, а также преподаватели школы № 27 им. И. А. Бунина Санкт-Петербурга и образовательных учреждений Ленинградской области – Выборгского, Всеволожского, Кировского, Гатчинского районов. Полученные результаты подверглись сопоставительному анализу и показали, что эффективное освоение школьниками медийного пространства невозможно без целенаправленной педагогической деятельности, нацеленной на развитие скептического отношения к информации. Центральным практическим навыком, формируемым при поддержке педагога, становится алгоритм действий: «получил информацию – не доверяй слепо – проанализируй – проверь достоверность». Практическая реализация этого принципа заключается в том, что учащиеся приучаются рассматривать консультацию с педагогом как стандартный и необходимый шаг в анализе достоверности журналистских материалов. В свете полученных результатов, представляется целесообразным дальнейшее развитие методик, которые бы усиливали роль учителя как эксперта-консультанта по верификации информации в образовательной среде. Дальнейшие медиаприоритеты в педагогике должны быть направлены на разработку модели сотрудничества педагогов и учащихся в условиях становления цифрового информационного общества.

Ключевые слова:

медиа, медиасреда, медиaprостранство, С М И, подростки и СМИ, подростки, медиаобразование, учитель, навыки, ученики

Введение

Сегодня медиа – комплексное средство освоения человеком окружающего мира в его социальных, моральных, психологических, художественных, интеллектуальных аспектах [\[1, с. 8-12\]](#). Потенциал медиакультуры в современном образовательном процессе определяется широким спектром развития человеческой личности: эмоций, интеллекта, самостоятельного творческого и критического мышления, мировоззрения, эстетического сознания (восприятия, умений художественного анализа и др.), активизации знаний [\[2\]](#). Особенно надо отметить информационную и просветительскую функции медиа, благодаря которым массовой аудиторией приобретаются разнообразные сведения, часто противоречивые и несистематизированные [\[3\]](#).

Несомненно, СМИ обладают манипулятивной функцией на общество, а также оказывают влияние на сознание человека. Об этом пишет в своей работе Б. Багдикян, отмечая также влияние на саму медиасферу политическую и экономическую стороны жизни. По его словам, интерес к чтению газет в большей степени зависит от культурных различий в семейной жизни и трудовой деятельности граждан разных стран. Стиль подачи информации, например, в прессе СССР «позволяет рассматривать факты, о которых говорится в сообщении, как объяснение того, что происходит вокруг каждого отдельного человека или его семьи» [\[4, с. 261\]](#). Отчего можно сказать, что СМИ не столько побуждают нас принимать факты, как истину, сколько приглашают к мыслительной деятельности «о чём думать».

В современной образовательной структуре медиа трансформируют саму систему преподавания, существенным образом влияют на характер взаимоотношений между

участниками коммуникации, в том числе, между учителем и учениками [2], [5], [6], [7]. Меняется само отношение учителя к ученикам. Их взаимодействие становится в большей степени равноправным. Учитель не просто транслирует ученикам определённую информацию [8], а несёт им знания в условиях, когда у любого подростка есть доступ к различным источникам информации. У каждого учащегося формируется своё мнение, отношение к определённым объектам, явлениям, тематикам, которые транслируются в современных СМИ [9, с. 23-29]. Для современного подростка информационная лента в социальных сетях или рекомендации становятся главной «повесткой дня». Алгоритмы в реальном времени определяют, какие темы, мнения будут показаны. Они не говорят «думай, что этот блогер прав», но они постоянно предлагают «подумай об этом тренде, об этой проблеме».

В отличие от хаотичного медиа-потока, учитель может выстраивать учебную программу как продуманную «повестку» для размышлений — от глобальных проблем до философских вопросов. Он не вкладывает в голову ученика готовые истины («что думать»), а создаёт среду, задаёт направление, предлагает темы для размышления – «о чём думать», тем самым структурируя интеллектуальное пространство ученика. Учителю важно научить учащихся грамотному поиску информации, её критическому анализу и осмыслению, определению её достоверности. На основе тщательного анализа учащиеся должны уметь делать собственные выводы. Учитель ни в коем случае не должен навязывать ученикам свою позицию, своё мнение. Однако призван направлять мыслительный процесс определённым образом, организовывать учебно-воспитательный процесс так, чтобы он способствовал комплексному и всестороннему развитию учащихся, их успешной социализации, развитию нравственности, духовности, формированию устойчивого мировоззрения и гражданской позиции.

Именно поэтому сегодня внимание акцентируется на медиаприоритетах педагогики. Информация, СМИ окружают нас повсеместно. Учащихся нельзя оградить от больших объёмов информации, которая может оказаться и недостоверной. Медиа прочно и основательно вошли в нашу жизнь, а значит медиа могут быть эффективным средством обучения и воспитания учащихся. Их можно и нужно использовать в образовательном процессе в учебно-воспитательных целях, для встраивания эффективной коммуникации между учителем и учениками [3].

Цель настоящего исследования – определение важнейших составляющих медийного взаимодействия личностных миров педагога и школьника цифровой эпохи. При этом актуальная задача исследования - выделить степени самоидентификации педагогов и школьников в условиях современного перенасыщения информационной сферы, а также меры соответствия медиакомпетенций школьников их гражданскому самоосознанию.

Реалии современного общества – изменение характера производства и потребления информации, массовость, мгновенное распространение информации [1, с. 8]. Проблема психологического медийного воздействия – одна из наиболее актуальных и интригующих на сегодняшний день. Безусловно, вопрос о возможностях и силе влияния СМИ остаётся открытым, сами возможности воздействия различны, и особенности восприятия индивидуальны. Как бы то ни было, но тот факт, что медиа способны влиять на психику человека – бесспорен. Особенно остро эта проблема стоит по отношению к молодёжной аудитории, чьё мировоззрение и жизненная позиция ещё не устоялись, следовательно, воздействие на такую аудиторию наиболее продуктивно. Медиа оказывают всё большее влияние на развитие личности подростков, пропагандируя им цели, ценности жизни, образцы поведения [2].

Мы живём во времена информационной эпохи, которую отличают радикальные изменения в технологическом укладе жизни – способность генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Кроме того, она затрагивает все сферы человеческого существования: социальные процессы, способы коммуникации между людьми, экономические отношения, повседневные практики. Особое значение в информационную эпоху приобретают медиа [\[10\],\[11\],\[12\]](#). Медиа включают в себя средства коммуникации, способы передачи информации, а также образуемую ими среду – медиaprостранство. Всеобъемлющий характер медиа в современном мире позволил ввести в научный оборот понятие медиасреды [\[10, с. 68\]](#).

Медиасреда — всё, что нас окружает в мире информации: традиционные СМИ - газеты, журналы, телевидение, радио; новые типы медиа - такие, как социальные сети (ВКонтакте, Telegram), новостные агрегаторы (Яндекс. Новости), пользовательские платформы, где главными создателями контента являются сами пользователи (Rutube), а также аудио нового формата (подкасты) и другие. Современная медиасреда в значительной мере повлияла на то, как мы общаемся, как производим информацию, как потребляем её, и даже на иерархию в современном обществе. Медиасреда не менее важна, чем среда географическая, культурная, языковая, в которых существует современный человек [\[13, с. 144-149\]](#).

Наши отношения с медиатехнологиями выведены на уровень несущественного ряда событий. Они используются в автоматическом режиме, выполняя привычные действия. Особенно хорошо это видно при социологических опросах [\[14, с. 220-223\]](#). Мы просим респондента вспомнить, когда и что он слушал по радио, смотрел по телевизору, читал в газете, журнале. Требуется очень сложная работа памяти по восстановлению отношений со средствами коммуникации, которые прочно вошли в повседневность людей. Это уже не технические средства, наполняющие нашу жизнь разнообразными образами, а практически не рефлекслируемая окружающая среда. Техническая компетентность современного человека, реализуемая в миллионах повторяемых, рутинных, привычных действиях, объединяет нас и делает заложниками современной коммуникационной среды [\[15\],\[16\],\[17\],\[18\]](#).

Медиатехнологии проникают практически во все сферы человеческой жизни и деятельности, в том числе, в образовательную сферу. Учителям необходимо для формирования медиакультуры школьников овладеть современными педагогическими технологиями, уметь разрабатывать конкретные воспитательные и образовательные занятия, используя медиаресурсы. Всё это формирует чувство успешности, а энергию для своего интеллектуального роста и учитель, и ученик могут черпать только в своих успехах [\[3\]](#).

Сегодня всё больше внимания акцентируется на медиаприоритетах педагогики, возникает отдельное направление – медиаобразование [\[19\],\[20\]](#). В Российской педагогической энциклопедии медиаобразование определяется как «направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками закономерностей массовой коммуникации (прессы, телевидения, радио, кино, видео и т. д.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать её, осознавать последствия её воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств»

[\[1, с. 8\]](#).

В основе медиасреды лежат ценности (духовные, интеллектуальные, материальные), созданные в процессе человеческой деятельности и определяющие поведение людей, способы их взаимодействия и самоактуализации в медиасреде [\[18\],\[20\],\[21\],\[22\],\[23\]](#). Поскольку именно освоение культуры является глобальной задачей образования, сегодня важно определить, какие способы, формы и методы освоения медиакультуры являются актуальными и перспективными. В современной педагогике практики использования медиа рассматриваются в контексте освоения смыслов и ценностей культуры, опосредованных совокупностью технологических средств и приёмов коммуникации, служащих для передачи информационного сообщения в виде текста, музыки или изображения [\[10, с.66\]](#).

Целью медиаобразования является формирование активного субъекта медиакультуры – человека, способного к коммуникации с медиа на основе развитого критического мышления, реализующего творческую активность в процессе создания, распространения, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов и понимания роли и функций медиа в современном обществе [\[10, с. 70\]](#).

Сегодня важно приучить школьников настороженно относиться к медиапродуктам [\[24\],\[25\],\[26\]](#). Однако следует соблюдать меру, чтобы не вырастить в учениках мнительность и недоверчивость ко всем информационным средствам вообще, и не дать уйти в изоляцию. В целом надо говорить о медиакомпетенциях школьника, которые не сводятся к простой медиаграмотности с её умением фильтровать и оценивать информацию, хотя этот навык является важным ядром. Здесь следует выделить ещё четыре взаимосвязанных компонента:

1. аналитический (**думать**) — верификация источников, выявление манипуляций, понимание авторского замысла и целевой аудитории. Предрасположенность к анализу делает человека пассивно грамотным «потребителем», способным защититься от обмана, но который не обязательно является активным и полноценным участником медиасреды;
2. ценностно-этический компонент (**оценивать**) — понимание этических последствий распространения информации, ответственность за собственные действия в сети, осознание своих медиаприоритетов;
3. практико-созидательный компонент (**создавать**) — способность создавать собственный контент (видео, посты, подкасты). Владение «грамматикой» медиа — умение использовать язык разных платформ для эффективной коммуникации. Настоящее понимание медиа приходит только через практику создания. Когда школьник сам пытается снять ролик, он начинает лучше понимать монтажные склейки, работу с эмоциями зрителя и возможные манипулятивные приёмы в чужих видео;
4. правовой и экономический компонент (**понимать контекст**) — знание основ авторского права и интеллектуальной собственности. Школьник, не понимающий, что популярный блогер продвигает товар за деньги через нативную рекламу, не обладает полной медиаграмотностью, даже если умеет анализировать текст его ролика.

Ни знания фактов истории медиакультуры, ни частота общения с медиа, ни практические умения создавать медиатексты не могут сами по себе сделать индивида медиакомпетентным. Первичная цель медиаграмотности – умения, которые дают возможность школьникам быть осознанно независимыми от однообразных предпочтений

медиатекстов [\[6\]](#).

Медиасреда и образовательная среда выступают в роли конкурирующих «архитекторов» познавательной реальности подростка. Медиа предлагают стихийную, коммерчески и алгоритмически обусловленную повестку, которая часто поощряет поверхностное, эмоциональное и конформное мышление. Педагог может, и на наш взгляд, должен создавать альтернативную, рефлексивную повестку, целенаправленно развивая навыки критического мышления, анализа источников и глубокого погружения в проблему.

Объекты и методы исследования

В рамках проведённого исследования, был выполнен теоретический анализ литературы по вопросам отношений учителя и учащихся в условиях медиапространства, медиаприоритетов педагогики. Эмпирический анализ был осуществлён на основе проведения серии фокус-групп. Участниками первой части интервьюирования стали 10 педагогов школы № 27 им. И. А. Бунина Санкт-Петербурга и 25 учителей образовательных учреждений Ленинградской области – Выборгского, Всеволожского, Кировского, Гатчинского районов. Программа исследования предполагала обсуждение следующих вопросов:

- включённость педагогов в медиасреду;
- использование материалов СМИ в проведении уроков;
- положительное или отрицательное влияние средств массовой информации;
- патриотизм;
- воспитательный процесс;
- динамика изменения мнений школьников о внешнеполитических событиях;
- реакция подростков на конфликтные ситуации, носящих остросоциальный или политический подтекст;
- влияние родителей на восприятие детьми новостной информации.

Для участия во второй части интервьюирования мы пригласили 20 учащихся 309 школы Центрального района Санкт-Петербурга и 10 учеников школы-интерната № 1 им. К. К. Грота. Со старшеклассниками мы говорили об их интересах, проблемах, с которыми они сталкиваются, об использовании медиаресурсов в образовательном процессе, о положительном и отрицательном влиянии материалов СМИ, о разнице поколений и духовно-нравственных ценностях.

Результаты исследования

По результатам проведённого исследования (см. Таблицу 1) можно сделать вывод о том, что большинство современных педагогов понимает важность и значимость применения медийных подходов при обучении школьников. В связи с научно-техническим прогрессом, цифровизацией и компьютеризацией образования, всё большую значимость приобретает медиапространство образовательной среды.

Таблица 1

Присутствие в медийной среде: самооценки педагогов и школьников

Концепт обсуждения	Суждения респондентов (педагоги)	Оценка суждений педагогов	Суждения респондентов (школьники)	Оценка суждений школьников
1	2	3	4	
Отсутствие в р е м е н и обращение к традиционным медиаисточникам, но стремление к освоению современных медиаплатформ и трендов	- «Читаю, пролистываю телеграмм-каналы, в том числе, которые дают информацию о последних событиях, связанных с СВО, прежде всего. Навремени просто не хватает времени»; - «Следим за социальными сетями, иногда смотрим телевидение, радио в машине»; - «Слушаем различных блогеров, которые представляют свою точку зрения для того, чтобы послушать разные взгляды и сделать собственные выводы»; - «Я, как мама, могу сказать, я с ребёнком практически не включаю телевизор, потому что понимаю, что там нечего смотреть. И, если мы что-то смотрим, то я выбираю контент в Интернете».	Большинство педагогов из-за загруженности и быстрого темпа современной жизни мало уделяет времени традиционным СМИ, предпочитая получать информацию из онлайн-ресурсов. Однако они признают важность быть информированными для лучшего понимания современного мира и, следовательно, применяют это знание в образовательном процессе. Проявляя гибкость в медиапространстве (рассматривают новости из официальных источников, СМИ, социальных сетей), способствуют развитию критического мышления обучающихся.	- «Телевизор мы давно не включаем. Это в основном всякие Интернет-каналы. Что попадается в рекомендации»; - «В Интернете больше права выбора и больше фильтрации идёт для нас самих. Тессылки на статьи мы можем не открывать, если нас не интересует лид»; - «Подписался недавно на «Комсомольскую правду». Увидел, что в текстах много эмоциональной окраски и сразу отписался»; - «Если источник позиционирует новостным, и если в нём присутствуют эмоции или какая-то субъективная точка зрения, тут же нет!»; - «Что-нибудь связанное с животными или с музыкой очень нравится»;	Старшеклассники предпочитают получать информацию онлайн-форматом. Они используют рекомендованные источники информации, соответствующие собственным интересам.

			- «Интересует информация о медицине»; - «Иногда новости политики. Но чаще новости о музыке, о математике»	
Критический подход к анализу, полученной медиаинформации, путём изучения нескольких точек зрения	- «Стараюсь читать разное: правого, левого уклона, проправительственные, оппозиционные»; - «Наша задача, педагогов истории и обществознания, литературы и русского языка, заключается в том, чтобы научить детей этому критическому мышлению»; - «Критическое мышление базируется на умении видеть логические связи»; - «Критическое мышление – не просто умение найти подвох, а умение объяснить то, что ты узнал»; - «Есть, конечно, самородки, которые подключают критическое мышление и это больше заслуга родителей и учителей, которые с первых классов, это развивают в детях»; - «Ты находишься в суперпозиции, так как у тебя четыре точки зрения, и найти что-то среди них стоящее, крайне сложно. Но как раз-таки с учениками	Педагоги стремятся к многостороннему подходу к анализу информации, включая различные точки зрения и позиции, даже если они не всегда согласны с ними. К объективности отражения события учителя приходят благодаря критическому анализу информационных сообщений. Этому же они и учат детей в стенах образовательных учреждений. В старших классах развитие критического мышления сталкивается с проблемой недоверия получаемой информации из медиапространства. К этой конфронтации ведут осознание проблем общества и та «достоверность», как их преподносят СМИ. Поэтому педагоги видят ценность обсуждения	- «Я слушаю всех, стараюсь как можно больше информации получить и уже потом самой сформировать мнение»; - «Всё [информация] полезно в некоторой степени, просто для общего развития. То, что мы слушаем, читаем, мы можем этим поделиться с учителем и одноклассниками»; - «Большое количество людей иногда становятся жертвами СМИ, как раз в силу получения односторонней информации»; - «Если говорить о новостях политики, то достаточно интересно смотреть видео, в которых высказываются разные мнения об одном и том же событии. Это позволяет мне вычленять сухие факты и	Несмотря на активное потребление информации старшеклассниками, высказывая свой взгляд по отношению к некоторым источникам информации, с содержанием, качеством информации. Школьники осознают, что некоторые источники информации могут быть неинтересными или недостоверными, но при этом потребляют информацию, чтобы о ней в курсе и поддержать разговор

	это интересно обсудить и услышать их мнение».	различных точек зрения с учениками и поощряют формирование и собственного мнения.	формировать о них своё представление. А знания, например, полученные на общественно-научном познании, помогают нам интерпретировать всё»;	
			- «В Интернете, да и в СМИ, попадаются новости, которых либо не было, либо они освещены с одной стороны. И этот материал не будет полезен ни подросткам, ни взрослым»;	
			- «В зависимости от того, кого слушаешь, кого читаешь, перенимаешь ценности этого автора. Так что всё что угодно возможно получить из СМИ».	
Использование медиаинформации в образовательном процессе	- «Как раз закончили [изучать тему на уроках истории перестройку Горбачёва, и ради интереса я предложил посмотреть блогера, который про Горбачёва рассказывает. И решили выбрать самого мерзкого. Мы 40 минут слушали то, что он рассказывает про Горбачёва, и сравнивали с тем, что изучили на уроке, прочитали в документах. Нашли	Педагоги признают использование медиаинформации на уроках, хотя и выражают свои сомнения по поводу качества информации, особенно с точки зрения грамотности. Они акцентируют внимание на структуре текстов и грамматической правильности, что является особенно	- «Наш учитель истории поделился лайфхаком, что ответы на некоторые вопросы из ЕГЭ можно найти в фильмах Star Media»;	Также и считают, что некоторые контент Интернета быть вполне школьно образовательным процессу в выборе материала, обращаясь к достоверным фактам

	много ошибок»; - «Пересказываем на английском то, что дети прочитали в СМИ, социальных сетях. Последние новости города или школы»; - «Ты уже старый и немодный вообще. В TikTok сказали, и это правда. Все глаголы в немецком заканчивающиеся на «шин» и вот ты уже половину языка выучил. Но это не так. <...> они [социальные сети] вводят в заблуждение, дети потом начинают учить учителей»; - «Оцениваем сложность журналистских материалов: как он выстроен, какие слова используются. Поэтому можно много понять, что хотел донести до нас автор. Журналисты должны логически выстраивать свои тексты, а порой отсутствует логическое мышление. И школа пытается вернуть всё обратно».	важным для учителей филологических дисциплин. Говоря о познавательных видео, педагоги сталкиваются с проблемой особенности мышления нового поколения. Сложности, вызванные сформировавшимся в подрастающем поколении «клиповым» восприятием информации, влияют на усвоение школьной программы. Например, преподаватели отрицают варианты образования через короткие видео в социальных сетях, но в сети отсутствует фильтрация входящей информации. Вводя в часть урока, анализ медиасообщений, учителя делают акцент на анализе фактологической части источников, например, видео отдельных блогеров. Педагоги понимают, насколько опасно безоглядно доверять информации в медийном пространстве, даже	запоминается»; - «Видео о правильности ударений ещё смотрели»; - «Смотрели на уроках программу 5 канала "Суд времени", где спорили историки»; - «Учитель истории показывал видео о войне России и Японии. Что-то нарисованное от руки на компьютере, и в текст вставлялись смешные слова, придуманные, и картинка была очень интересная. Говорилось всё достаточно интересно и нам даже удалось запомнить информацию за 40 минут урока»; - «Вместе с учебником по истории смотрим развлекательные видео, нам это очень помогает».	коллектив преподавателей

		если она распространяется медийно «значимой» в определённых кругах личностью.		
Особенности формирования собственных взглядов на актуальные события политического мира	«До февраля [24 февраля 2022 года Президент России объявил о начале специальной военной операции], дети говорили так, как они говорили родители. А после 24 февраля стали говорить то, что говорят в официальных СМИ»; - «У нас в школе существует негласный запрет на обсуждение темы украинского конфликта»; - «К нам приходили в гости выпускники, которые были в зоне СВО. Они поблагодарили нас за уроки истории, потому что, будучи там, они понимали, что происходит, какая наша задача. Услышал, что он рассказывал, ребёнок видящий своими глазами события. И я ему верю».	Педагоги имеют сформированные мнения по различным вопросам, включая политические, но они стремятся не навязывать свои взгляды детям. Они подчёркивают важность формирования школьников собственных позиций и взглядов, ценят взаимоуважение и дружественные отношения в классе. С началом специальной военной операции педагоги отмечают существенные изменения в формировании взглядов школьников, их отношению к учебной программе, к повышению уровня патриотизма.	«Контактировать со всем этим [разговорами о политике] всё равно приходится, хотя бы потому, что нужно поддержать разговор. Поэтому хотелось бы чуть-чуть иметь об этом представление»; - «Не получается не обсуждать, потому что одноклассники очень внимательно слушают про то, о чём говорят учителя, о чём говорят дома, на улице». - «У нас ребята очень подвержены мнению окружающих, и они просто воспроизводят то, что они слышали. Они могут сами себе противоречить и это звучит неубедительно. Просто какой-то набор звуков».	Учащиеся обсуждают политику в этом неглубоко, в суть школьные признают некоторые сверстники просто и мнения, обладая пониманием. Однако различия зрения учащихся формируют собственное мнение.
Восприятие ценностей и формирование патриотических настроений посредством	«Разговоры о важном» – это такой культурно-исторически, патриотический проект, который направлен на формирование	Педагогическое сообщество позитивно оценивает внедрение учебно-	- «Сейчас патриотизм работает как ответная реакция на раздражители, которые действуют	Старшеклассники отмечают, что медиа формируют патриотические взгляды

медиа	гражданской идентичности. Они [школьники] гимн выучили, увидели, герб запомнили. Из эфир местных телеканалов, местных групп в социальных сетях узнали о Мариинском театре, о блокаде Ленинграда. Да и что Санкт-Петербург по-разному назывался. Идентичность географическая, историческая и культурная должна быть»;	воспитательный процесс цикла внеурочных занятий «Разговоры в эфире». Параллельно с этим респонденты констатируют заметное усиление влияния информационной среды на сознание молодого поколения. По мнению педагогов, контент, транслируемый современными СМИ, оказывает существенный позитивный эффект на рост патриотических настроений среди учащихся. Данный эффект проявляется в повышении интереса школьников к отечественной истории и культуре, укреплении чувства сопричастности к судьбе страны и формировании осознанной гражданской позиции на фоне актуальной политической повестки.	на нашу страну. Когда на нас налагаются санкции, СМИ пытаются пробудить в нас патриотический дух, чтобы мы смогли лучше противостоять». - «Я родилась в России и у меня русский менталитет. Слышать, что мы такие плохие, не очень приятно. И разумеется, что я больше себя отношу к тому, что я русская. Украинская моя составляющая она всё равно присутствует»; - «Я считаю, что патриотизм – это, прежде всего, здраво смотреть на то, что происходит в стране, и при этом всё равно любить, какая бы ни была»; - «Для меня апогей патриотизма – это скорее любовь не к стране, а гуманизм [по отношению] ко всему человечеству. Помимо того, что ты житель определённой страны, и у тебя есть	осознаю различия информации, воздействующей на меня, понимаю пропаганду, влияющую на восприятие текущих и национальных идентичностей

		национальность, в мире есть ещё люди, которые тоже жители других стран, у них другие национальности. Люди должны уважать друг друга».

Представленные в Таблице результаты исследования подтверждают известные теоретические подходы к вопросам идентичности педагогов и школьников цифровой эпохи: современные педагоги активно адаптируются к её вызовам, интегрируют в свою практику медиаинформацию, делая её частью как образовательного процесса, так и процесса воспитания — формируя в школьниках начала критического мышления и гражданской ответственности.

Школа готовит подростков к вызовам взрослой жизни, где пассивное потребление информации ведёт к инфантильной позиции, при которой человек перекладывает ответственность за свои взгляды на того, кто «громче крикнул». Критическое мышление, взращённое на анализе медиа, — это, своего рода, вакцина против манипуляций со стороны политиков или маркетологов. Изучая механизмы распространения информации, школьники лучше понимают этические аспекты авторского права, клеветы, буллинга, вторжения в частную жизнь. Это воспитывает более ответственных цифровых граждан, которые думают, прежде чем сделать репост или оставить комментарий.

Несмотря на собственные предпочтения в использовании онлайн-ресурсов для получения информации, педагоги осознанно подходят к отбору контента, практикуя его многоплановый анализ и прививая этот навык учащимся. Современные ученики требуют нового подхода к обучению, учитывая их отличия в мышлении и восприятии информации по сравнению с предыдущими поколениями. Участники фокус-групп подчёркивают, что СМИ и другие интернет-ресурсы значительно влияют на формирование образа мышления и базовых ценностей детей. Это воздействие может быть как положительным, так и отрицательным, так как медиа могут подвергать их различным манипуляциям и ориентировать на негативные примеры. В то же время СМИ также могут использоваться для воспитания и образования. Педагоги Санкт-Петербурга и Ленинградской области отмечают, что современные СМИ акцентируют внимание на политических и военных событиях, ущемляя другие важные аспекты жизни, такие как спорт, здоровый образ жизни и профориентация. Они выражают надежду на большее разнообразие информационного контента, который бы включал в себя достижения науки, техники, историю и другие сферы. При этом педагоги стремятся к объективности, поощряя формирование учениками собственной аргументированной позиции.

Вместе с тем, учащиеся проявляют разумное и последовательное мышление, способность анализировать информацию и формировать собственное мнение. Школьники отмечают, что интернет-ресурсы являются удобным способом для получения информации и более лёгкого её восприятия. Они рассуждают, что *«сейчас у многих не хватает времени, чтобы читать книги»* и даже предполагают, что философам прошлого сегодня было бы удобней распространять свои воззрения через сеть: *«я думаю, если бы Ницше жил в наше время, ему было бы проще продвигать свои идеи в Интернете»*. С другой — учащиеся демонстрируют сформированный критический скепсис по отношению к

качеству и достоверности информации, потребляемой в этих же каналах. Они понимают, что СМИ являются лишь инструментом для получения информации и призывают к критическому подходу к ней. В образовательном контексте старшеклассники признают потенциал интернет-контента как дополнения к школьной программе, при этом ключевым фильтром достоверности для них выступает не самостоятельный анализ, а коллаборация с педагогом, в процессе которой происходит верификация фактов. Аналогичная картина наблюдается в сфере политических дискуссий: интерес к множественности точек зрения существует, но зачастую обсуждения носят поверхностный характер, базируясь на ретрансляции заимствованных мнений без их глубокого осмысления. Наиболее значимым результатом исследования является констатация у старшеклассников высокого уровня медиарефлексии. Они не только фиксируют влияние медиа на формирование своих патриотических взглядов и национальной идентичности, но и рефлексивно осознают сам механизм пропагандистского воздействия, понимая его целенаправленный характер. Это позволяет говорить о том, что современные старшеклассники являются не пассивными объектами медиавоздействия, а субъектами, способными к его критической идентификации, даже не всегда обладая достаточными инструментами для противодействия ему. Портрет современного старшеклассника в контексте медиапотребления характеризуется противоречивым единством пассивного следования цифровым трендам и активной рефлексии относительно их содержания и целей. Данное противоречие актуализирует задачу педагогического сообщества по переходу от стихийного формирования медиаграмотности к её целенаправленному развитию через превращение имеющейся у учащихся рефлексии в инструмент осознанного и ответственного медиапотребления и гражданского участия.

Обсуждение результатов

Результаты проведённого нами исследования позволяют сделать вывод о том, что педагоги понимают важность использования медиаресурсов в образовательном и воспитательном процессе. Они понимают, что современные ученики нуждаются в ином подходе к обучению, что их образ мышления, особенности восприятия принципиальным образом отличаются от того образа мышления, который преобладал в предыдущих поколениях. При этом учителя акцентируют внимание на том, что сегодня преимущественно СМИ формируют образ мышления детей, формируют их базовые ценности и мировоззрение. Как официальные, так и неофициальные СМИ оказывают мощное воздействие на детей. С одной стороны, учащиеся могут подвергаться различным манипуляциям, могут ориентироваться на негативные примеры и подражать им. С другой стороны, СМИ – важное средство, инструмент, который может использоваться как в воспитательных, так и в образовательных целях.

Педагоги Санкт-Петербурга и Ленинградской области указывают на то, что сегодня с экранов телевизоров транслируется однобокая позиция, наполненная ограниченным кругом тем: преимущественно политическими дискуссиями и криминальными событиями. Так, на второй план ушли темы спорта, здорового образа жизни, истории, явлений окружающей действительности. Мало внимания уделяется профориентации школьников.

При анализе мнений учащихся было установлено, что ученики старших классов рассудительны, последовательны в своих суждениях, могут в полной мере анализировать информацию. У них есть своё мнение, формируется мировоззрение, основанное на сопоставлении фактов, на собственных чувствах, убеждениях и ценностях. Они понимают, что СМИ – это лишь инструмент, из которого можно получать

информацию. Однако эта информация может быть противоречивой и её необходимо анализировать. Они интересуются многими темами, такими, как достижения науки, техники, культурная жизнь, музыка. На телевидении, в Интернете смотрят в основном то, что им интересно. Политику стараются не обсуждать, для некоторых это болезненная тема. Тем не менее, у них есть своё устойчивое мнение по этому поводу. Интересуют передачи про животный мир, про медицину, про различные профессии. Многие используют материалы СМИ в образовательных целях. Считают, что СМИ помогают формировать и поддерживать чувство патриотизма, гордости за свою страну.

Заключение

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о критически важной роли учителя как репрезентанта школы в формировании у учащихся принципов медиаграмотности и, как следствие, осознанного определения ими медиаприоритетов. В условиях информационной перегруженности и распространения дезинформации базовое умение найти новость оказывается недостаточным. Педагоги стремятся сформировать у школьников компетенцию критического осмысления и верификации получаемых сведений. Результаты нашего исследования демонстрируют, что учителя выступают в роли навигаторов и фасилитаторов данного процесса: они не просто предоставляют доступ к медийным материалам, но и организуют их обсуждение, помогая ученикам деконструировать сообщения, выявлять скрытые смыслы, цели автора и потенциальные манипулятивные техники. Ключевым практическим навыком, формируемым при их поддержке, становится алгоритм действий: *«получил информацию — проанализируй — проверь достоверность»*.

При этом педагоги в большинстве своём убеждены в недостаточно развитых способностях подростков к анализу информации, а некоторые полагают, что критическое мышление у данной возрастной группы отсутствует априори. В связи с этим они видят свою ключевую задачу в целенаправленном обучении детей данному умению. В СМИ респонденты-педагоги склонны видеть скрытую или прямую угрозу, отмечая, что современные новости в массе своей носят негативный характер.

Однако анализ ответов старшеклассников позволяет сделать иные выводы. Учащиеся демонстрируют понимание сущности медиа и их функций, осознают риски манипуляции общественным сознанием. В этой связи они осознанно подходят к отбору информации, стремятся её критически анализировать, обращаться к разнообразным источникам и формировать собственные убеждения на основе множества точек зрения. Интересы школьников широки и включают такие сферы, как медицина, психология, саморазвитие и самоопределение. Важно отметить, что многие учащиеся не просто пассивно потребляют контент, но и активно его создают, ведя социальные сети, блоги (как личные, так и отдельных организаций, выпускают печатные газеты).

Если говорить о константах информационных предпочтений школьников, то большинство учащихся регулярно следит за теми СМИ, которые входят в круг их интересов. Тогда как педагоги говорят о том, что в силу высокой занятости и плотного графика они не всегда следят за СМИ. Если они и отслеживают определённую информацию, то только для того, чтобы иметь представление о чём-либо, чтобы суметь ответить на вопрос учащихся.

Таким образом, перспективы развития медиапедагогики видятся в организации совместной деятельности и тесного сотрудничества педагогов и учащихся. Для этого

педагогам необходимо целенаправленно повышать собственную медиакомпетентность, осваивая современные медиа. Не менее важной задачей является трансформация профессиональной позиции: в XXI веке функция учителя выходит за рамки трансляции готовых знаний. Формируется понимание того, как меняется облик школьника в современных медийных полях: быстро осваивая медийные компетенции и уверенно формируя собственное мнение, учащиеся, однако, в силу недостатка жизненного опыта остаются уязвимой мишенью для манипуляций. Следовательно, они требуют принципиально иного подхода, и дальнейшая продуктивная работа возможна лишь в логике партнёрства и совместного развития.

Задача современного образования — не устранить медиа-влияние, а сделать подростка осознанным пользователем этой среды, научив его распознавать механизмы формирования повестки и самостоятельно управлять своим интеллектуальным фокусом. В этом смысле педагог — не диктатор содержания мыслей, а тренер по интеллектуальной гигиене и наставник в построении собственной, осмысленной картины мира.

Библиография

1. Абрамовских Т. А. Организация деятельности руководителя по введению медиаобразования как направления развития образовательной организации в условиях становления информационного общества // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 1. – С. 8-16.
2. Кузина О. Ю. Медиаобразование. Использование современных педагогических технологий в деятельности классных руководителей и в работе с родительской общественностью. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/667155-ysclid=lmmbmkq1tkj586314323> (дата обращения – 10.04.2024).
3. Гунько А. И. Психолого-педагогические аспекты использования медиа в образовательной среде. URL: <https://infourok.ru/doklad-na-temu-psihologo-pedagogicheskie-aspekty-ispolzovaniya-media-v-obrazovatelnoj-srede-5210835.html-ysclid=lmbmki9vka61921864> (дата обращения – 09.09.2023).
4. Багдикян Б. Монополия средств информации / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1987. – 320 с.
5. Мурзина И. Я. Социокультурная составляющая актуальных образовательных практик (Уральский кейс) // Педагогический журнал Башкортостана. – 2019. – № 4(83). – С. 79-83. EDN: YWWITY
6. Надершина Л. Ф. Современные медиакомпетенции школьников. URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2013/12/03/sovremennye-mediakompetentsii-shkolnikov> (дата обращения – 25.11.2024).
7. Кленин А. А. Образовательная функция телевидения: теоретическое осмысление // Медиа Альманах. – 2022. – № 4. – С. 28-35. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.2835 EDN: CZDYEY
8. Катенева И. Г. Современное медиаобразование как практическая деятельность и объект исследования // Интерактивное образование: электронная газета. – 2018. – № 78-79. URL: <http://www.io.nios.ru/articles2/97/98/sovremennoe-mediaobrazovanie-kak-prakticheskaya-deyatelnost-i-obekt-issledovaniya-ysclid=lmcdmcwwqk966655533> (дата обращения – 25.11.2024).
9. Кириллова Н. Б. Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: учебное пособие. – Москва: Юрайт, 2019. – 109 с. EDN: YTIYBN
10. Мурзина И. Я. Медиапрактики в образовании: реализация воспитательных задач // Педагогический журнал Башкортостана. – 2021. – № 3(93). – С. 66-81. DOI: 10.21510/1817-3292-2021-93-3-66-81 EDN: CULUVT

11. Навыки XXI века: как формировать и оценивать на уроке? / М. А. Пинская, А. М. Михайлова, О. А. Рыдзе [и др.] // Образовательная политика. – 2019. – № 3(79). – С. 50-62. EDN: RWPFEH
12. Симбирцева Н. А. Просветительская деятельность: структурно-содержательный анализ понятия в Отечественной традиции / Н. А. Симбирцева, И. В. Челышева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2020. – № 4-5(89-90). – С. 127-140. DOI: 10.21510/1817-3292-2020-89-90-4-5-127-140 EDN: NBGVGS
13. Разлогов К. Э. Медиаобразование в социокультурном контексте // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 2(107). – С. 144-152. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10363 EDN: JWICUS
14. Тюрина Н. Ш. Медиа как ресурс для самореализации особенных людей // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 1. – С. 220-223. EDN: ERCSWN
15. Жилавская И. В. К вопросу о концепции теории всеобщих медиа // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2018. – № 24. – С. 1-16. EDN: NDITDL
16. Бардецкий С. С., Боговарова В. А. Формирование у субъектов учебной деятельности – младших школьников медиакомпетенций в процессе обучения // Казанский Вестник молодых ученых. – 2019. – Т. 3. – № 5. – С. 8-14.
17. Wang Z., Xu X., Han Q. et al. Factors associated with public attitudes towards persons with disabilities: a systematic review. BMC Public Health. 2021; 21: 1058. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-11139-3>. EDN: BOFONI.
18. Jensen K. B. Media // The International Encyclopedia of Communication. Malden (USA), Oxford (UK), Carlton (Australia), 2008 / K. B. Jensen. – Blackwell. – P. 2811-2817.
19. McMillen R., Alter F. A. Social media, social inclusion, and museum disability access. Museums & Social Issues. 2017; 12(3): 1-11.
20. Anderson D. R., Lavigne H. J., Hanson K. G. The Educational Impact of Television: Understanding Television's Potential and Limitations. In: A. N. Valdivia (ed.). The International Encyclopedia of Media Studies. 2013. – 1st ed. Vol. V: Media Effects/Media Psychology. New York: Blackwell Publishing. C. 1-22.
21. Carver L. J., Meltzoff A. N., Dawson G. Event-related Potential (ERP) Indices of Infants' Recognition of Familiar and Unfamiliar Objects in Two and Three Dimensions. Developmental Science. 2006; 9(1): 51-62.
22. Bollen J., Mao H., Zeng X. Twitter Mood Predicts the Stock Market. Journal of Computational Science. 2011; 2(1): 1-8.
23. Das S., Chen M. Yahoo! for Amazon: Extracting Market Sentiment from Stock Message Boards. In: Proc. of the Asia Pacific Finance Association Annual Conference (APFA). 2001. – C. 1-16.
24. Lövheim H. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. Medical Hypotheses. 2012; 78: 341-348.
25. Pang B., Lee L. Opinion Mining and Sentiment Analysis. Foundations and Trends in Information Retrieval. 2008; 2(1-2): 1-135.
26. ang B., Lee L., Vaithyanathan Sh. Thumbs up? Sentiment Classification Using Machine Learning Techniques. In: Proc. of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). 2002. – C. 79-86. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Учитель vis-à-vis школьник: медиаприоритеты педагогики" авторы ставили перед собой задачу следующего характера - раскрыть особенности школьной образовательной среды в век медиа, потенциал медиаинструментов, используемых учителем на уроках и внеклассных занятиях. Тема статьи, безусловно, является недостаточно изученной, актуальной, востребованной.

Но есть ряд существенных замечаний:

1. Вызывают вопросы методы исследования, заявленные авторами (необходимость, достаточность).

2. Обращаем внимание авторов на необходимость уточнить/исправить следующее:

а) некорректная работа с источниками, например: "Медиасреда — это всё пространство коммуникаций, которые окружают человека. Новые типы медиа повлияли на то, как мы общаемся, как мы производим информацию, как потребляем её, и даже на иерархию в современном обществе. Медиасреда не менее важна, чем среда географическая <...>"

б) тавтология (только один пример: "Учитель не просто транслирует ученикам определённую информацию [8], а несет им знания в условиях, когда у каждого учащегося есть доступ к различной информации, к различным ее источникам. У каждого учащегося <...>");

в) отсутствие логики повествования ("Мы живём во времена информационной эпохи, начало которой учёные относят к 1960-м годам. Её отличают радикальные изменения в технологическом укладе жизни...");

г) недостаточность аргументов для подобного рода выводов: "Ведь подростки являются «слепыми и бездумными» потребителями информации, легко подвергаются манипуляциям, бездумно следуют моде: «просто говорят о том, о чём модно говорить, но не понимают сути». Учителя считают, что им необходимо следить за современными СМИ для того, чтобы быть в курсе происходящих событий, и как следствие, понимать детей, знать, чем они живут, для того чтобы своевременно оградить их от пагубного воздействия медиа, научить их критическому мышлению".

3. Цель рецензируемого исследования – "определить профессиональные задачи учителя по отношению к школьнику в противоречивых условиях современного медиапространства" (сама формулировка требует уточнения!). К сожалению, даже в заключении статьи нет указания/перечисления этих профессиональных задач.

4. Авторы используют «е» и «ё». Просим пересмотреть с этой точки зрения текст статьи, вычитать материал.

5. В большинстве случаев требуются развёрнутые комментарии основных положений. Например, только ли умение "...фильтровать информацию, анализировать и оценивать медиатекст" позволяет говорить о медиаграмотности школьников? Или: "Современные педагоги активно адаптируются к вызовам цифровой эпохи, интегрируя медиаинформацию в образовательный процесс для развития у школьников критического мышления и гражданской ответственности". Нужен комментарий, объяснение, примеры и т.д.

И подобного рода суждений достаточно много в представленном для рецензии тексте.

Список литературы необходимо оформить, учитывая требования журнала.

Статья требует тщательной вычитки, ключевые положения - аргументации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Колодиев Н.Н. Социологические понятия в материалах российских СМИ // Litera. 2025. № 11. DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76838 EDN: GUGLQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76838

Социологические понятия в материалах российских СМИ

Колодиев Николай Николаевич

ORCID: 0000-0002-7457-917X

кандидат социологических наук

доцент, медиатеchnologies институт, Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, ул. Большая Морская, д. 18

✉ kolodiev@inbox.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.76838

EDN:

GUGLQN

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Дата публикации:

21-11-2025

Аннотация: Российские СМИ активно используют достижения современной социологической науки, в том числе обогащают медийный дискурс научными понятиями. Считается, что сотрудничество журналистики и социологии способно повысить качество первой из них, ее достоверность и объективность. Предметом настоящей статьи являются социологические понятия, транслируемые российскими СМИ. Актуализирует обращение к данному сюжету то, что многие понятия социологической науки являются дискуссионными. В социологической литературе принято различать научные понятия и обыденные. В СМИ в равной степени могут встречаться обе разновидности. Цель данной статьи заключается в выяснении особенностей использования социологических понятий журналистами в материалах современных российских СМИ и обосновании необходимости повышения социологической культуры журналиста в ходе их подготовки в вузе. Методологическую основу статьи составили идеи ряда известных социологов,

посвященные трактовке социологических понятий. Эмпирическая база работы включала материалы ведущих сетевых СМИ России: kommersant.ru, lenta.ru, mk.ru и ria.ru. В качестве методов сбора эмпирической информации использовались контент-анализ и традиционный (классический) анализ отдельных журналистских материалов. В статье практика использования российскими журналистами социологических понятий анализируется на примере понятия «средний класс». В ходе исследования выяснилось, что в обследованных СМИ средний класс показан как реально существующая социальная группа. Журналисты описывают его, как правило, в экономическом и политическом контексте. Новизна работы заключается в выводе о тяготении журналистов обследованных изданий при описании среднего класса к использованию не научных, а обыденных понятий. Тем самым, журналисты не столько отражают реальность, сколько порождают у аудитории иллюзорные представления об окружающем мире. В статье ставится вопрос о необходимости усиления социологической подготовки будущих журналистов и более глубокого изучения основных социологических понятий в рамках учебных социологических дисциплин.

Ключевые слова:

социологическое понятие, научное понятие, обыденное понятие, средства массовой информации, социология журналистики, средний класс, журналист, аудитория, эмпирическое исследование, учебная дисциплина

Введение

В литературе, посвященной социологии журналистики, давно утвердилось мнение о значимости социологических знаний и, шире, — социологической культуры в профессиональной деятельности журналиста. В частности, профессор Л. Г. Свитич убеждена, что социологическая грамотность выступает одним из важнейших показателей профессионализма журналиста [\[1\]](#). Продолжая данную мысль, исследователь П. Н. Киричёр, в свою очередь, уточняет, что «без социологии, дающей точные параметры жизни (...), журналистика обречена на перманентное лукавство, в лучшем случае — на полуправду, основанную на зыбко-универсальной точке зрения здравого смысла, в которой кажущаяся объективность порой лишь маскирует прячущуюся субъективность» [\[2\]](#).

Вместе с тем основной акцент в учебной литературе по социологии журналистики традиционно делается прежде всего на рассмотрении социологических теорий журналистики и СМИ, методах эмпирической социологии и умении грамотно использовать результаты массовых опросов в редакционной практике. Первое из этого перечня, по всей видимости, призвано способствовать профессиональной рефлексии журналистов, или, по меткому выражению профессора В. А. Сидорова, должно служить своеобразным «плацдармом для размышлений» [\[3, с. 5\]](#), а также, по утверждению Л. Г. Свитич, может помочь в «познании журналистами процессов современной российской жизни» [\[1, с. 55\]](#). Второе потенциально способно обогатить профессиональный инструментарий творческих сотрудников редакций. Это тот случай, когда, по мнению исследователя И. Н. Блохина, журналист использует социологические методы «в целях эффективного выполнения своей работы по освещению событий общественной жизни, объективному информированию аудитории, анализу социальных явлений и прогнозированию социальных процессов» [\[4, с. 153\]](#). В свою очередь третье — использование результатов

эмпирических исследований — в идеале может повысить «эффективность журналистских публикаций и доверие к объективности обнародованных социологических фактов» [\[1, с. 68\]](#).

В стороне, вне поля зрения авторов учебников и учебных пособий по социологии журналистики, остается работа с социологическими понятиями. Между тем, как отметил социолог Г. Блумер, понятие есть «элемент (...), или эпизод, научного акта» [\[5, с. 301\]](#), оно «позволяет схватить и удерживать некоторое содержание опыта и сделать его общим достоянием» [\[5, с. 304\]](#). Соответственно, следуя логике процитированных исследователей журналистики, было бы логично включить в учебные планы и литературу по социологии журналистики раздел или сюжет, посвященный социологическим понятиям, что в итоге могло бы повысить общую социологическую культуру журналистов и способствовало бы росту уровня аналитичности и объективности журналистских материалов, однако на сегодняшний день, как уже было отмечено, интерес к данной теме отсутствует.

Методология и методы исследования

Словарь по логике трактует понятие как мысль, которая фиксирует «признаки отображаемых в ней предметов и явлений, позволяющие отличать эти предметы и явления от смежных с ними» [\[6, с. 150\]](#).

Г. Блумер предлагает дифференцировать понятия обыденные и научные. По его мнению, главное отличие между ними состоит в том, что «абстракция, воплощенная в обыденном понятии (...) не делается предметом специального анализа и изучения (...) понятие вскоре застывает и подробно не разбирается в отличие от научных понятий» [\[5, с. 306\]](#). По Г. Блумеру, «обыденные понятия — это по сути своей стереотипы. Их значение просто принимается как самоочевидное (...). Обыденные понятия обособлены и разрозненны» [\[5, с. 308\]](#) и, соответственно, «для грубых требований обычного опыта обыденных понятий достаточно» [\[5, с. 307\]](#).

В представлении Г. Блумера научное понятие «есть способ понимания», а в совокупности понятия представляют собой «способы истолкования некоторых содержаний опыта» [\[5, с. 302\]](#). Отличительной особенностью научных понятий является то, что они «проявляют "стремление к согласованности" (...) соотнесены друг с другом и соединены в понятийный паттерн» [\[5, с. 308\]](#). Другую важную особенность социологических понятий отметили социологи Э. Гидденс и Ф. Саттон. С их точки зрения, такие понятия «неустойчивы и подвержены изменениям», а «большая часть понятий имеет принципиально оспариваемый характер: они используются исходя из различных теоретических позиций, а общего согласия относительно их значения не существует» [\[7, с. 10\]](#).

Г. Блумер обращает внимание еще и на то, что «в каждой социальной науке полно поборников и приверженцев, стремящихся обрести знание, "производя его из собственной головы". Они берут множество понятий, невнятных в силу своей абстрактности, и строят из них систему, черпая смысл в самих этих понятиях. (...) Дефект этих систем состоит в том, что исходные понятия были всего лишь конструктами (...) какой бы смысл ни извлекался из них дедуктивно, он всегда оказывается призрачным и лишенным ценности для понимания действительного мира и контроля над ним» [\[5, с. 315\]](#).

Еще одно важное с методологической точки зрения обстоятельство, на котором настаивают Э. Гидденс и Ф. Саттон, заключается в том, что социологическое знание и социологические понятия как его совокупная часть, «просачиваясь обратно в общество», или, по Г. Блумеру, «став социальной собственностью», порождают проблему рефлексивности: «становясь частью самого изучаемого социального контекста и, возможно, его изменяя» [7, с. 61].

Г. Блумер утверждает, что социальные и политические технологи, политики, как правило, отдают предпочтение обыденным понятиям, что связано с особенностями их профессиональной деятельности и «озабоченностью непосредственными практическими проблемами» [5, с. 309]. Уместно задать вопрос: какой же выбор делают журналисты? Отражая социальную реальность, пытаясь объяснить аудитории причины, логику и возможные последствия некоего социального действия, они уподобляются политикам и технологам и склоняются к использованию обыденных понятий или, наоборот, вооружившись знанием, стремятся использовать социологические, то есть научные понятия? Цель настоящей работы, таким образом, заключается в выявлении особенностей использования социологических понятий в материалах российских СМИ и обосновании необходимости повышения социологической культуры отечественных журналистов.

Для сбора эмпирического материала был применен контент-анализ материалов четырех сетевых российских изданий (kommersant.ru, lenta.ru, mk.ru, ria.ru) и традиционный (классический) анализ отдельных, наиболее показательных публикаций перечисленных СМИ.

Результаты исследования

Социологических понятий много и потому в данном исследовании ограничимся одним, ибо для нас важно в первую очередь понять, какой из двух вариантов понятия — научное или обыденное — наиболее характерен для журналистского дискурса.

Показательным, на наш взгляд, является использование понятия «средний класс», так как в социологической литературе можно найти взаимоисключающие мнения о нем, и прежде всего о тех признаках, которые характеризуют «средний класс», а также о самом факте его существования. Указание на это можно найти, в частности, в социологическом словаре британского издательства Penguin Books [8], в работах Э. Гидденса [9] и Р. Х. Чилкота [10], что косвенно может свидетельствовать о том, что перед нами либо «конструкт», не имеющий связи с реальностью, на присутствие которых в научном лексиконе указывал Г. Блумер, либо понятие, имеющее «принципиально оспариваемый характер», о существовании которых в науке говорили Э. Гидденс и Ф. Саттон. В этой связи можно было ожидать, что журналисты, учитывая эту особенность данного понятия, будут сопровождать его использование в СМИ уточняющими характеристиками, пояснениями, позволяющими читателям получить адекватное представление о группе или совокупности людей, которое это понятие обозначает.

Между тем проведенное нами ранее исследование показало, что в некоторых российских СМИ, в частности, в сетевых версиях изданий «Коммерсантъ» и «Независимая газета» (N=100 публикаций каждого издания, с 2006 по 2012 год), в 68% материалов, содержащих упоминание среднего класса, отсутствовали какие-либо признаки отображаемого предмета. В четырех случаях (2% выборки) отрицалось его

существование [\[11\]](#).

В настоящее время в российских сетевых СМИ понятие «средний класс» встречается по-прежнему достаточно часто (табл. 1).

Таблица 1. Количество публикаций, содержащих упоминание
среднего класса в сетевых СМИ
с января по июнь 2025 года

№	Название сетевого СМИ	Количество публикаций
1	kommersant.ru	38
2	lenta.ru	28
3	mk.ru	37
4	ria.ru	4
Всего		107

Примечание: результаты поиска номинации «средний класс» по сайтам упомянутых СМИ с использованием фильтра «по релевантности»

Результаты актуального исследования позволяют утверждать, что во всех обследованных материалах средний класс предстает как реальный участник социального взаимодействия. При этом, как правило, в журналистских материалах он упоминается либо в экономическом, либо в политическом контексте и значительно реже в других (49; 37 и 14% выборки соответственно). В первом, экономическом, средний класс изображается прежде всего как потребитель товаров и услуг и потому, в одном случае, страдает от инфляции, экономит на предметах роскоши, но инвестирует в женские сумки Birkin Bleu Lezard, в другом. Судя по публикациям, где-то численность его растет, а где-то — сокращается. В расчете на средний класс в России строят дома и даже проводят дегустации, в результате чего он пробует алкоголь, «к которому ранее проявлял меньше интереса» (kommersant.ru, 04.02.2025).

В политическом контексте средний класс изображается преимущественно как объект политического воздействия. Здесь следует оговориться, что большинство материалов данной группы посвящено зарубежной повестке дня и потому в российских СМИ пересказываются декларации западных чиновников и партийных деятелей о необходимости проведения политики в интересах среднего класса, а также критика текущей американской и европейской политики, негативно влияющей, по мнению зарубежных авторов, на положение национального среднего класса.

Примечательно, что экономическому контексту отдавали предпочтение lenta.ru и kommersant.ru, а политическому — mk.ru и ria.ru (рис. 1).

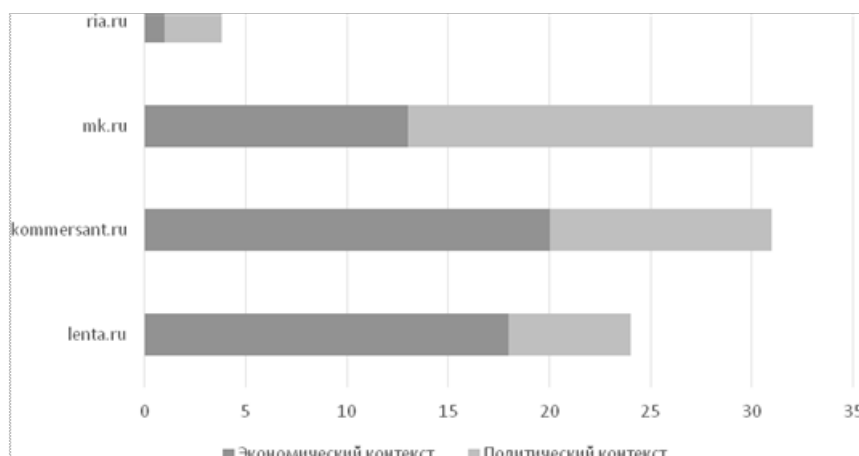

Рис. 1. Соотношение экономического и политического контекстов упоминания среднего класса в сетевых СМИ

Важно, что в 90% всех рассмотренных публикаций СМИ, в которых употребляется понятие «средний класс», не удалось обнаружить каких-либо признаков отображаемого предмета, которые позволяли бы отличить этот предмет от других. Соответственно, лишь в 11 журналистских материалах (10% выборки) подобные признаки все же были выявлены, на основании чего можно говорить о том, что в этих текстах средний класс присутствует либо как (условно) научное, либо обыденное понятие (в соотношении примерно 1 к 1,75).

В частности, в тех случаях, когда авторы прибегают к денотации, пытаясь подобрать жизненные примеры и реальные объекты, которые, на их взгляд, позволяют определить данное понятие, можно с уверенностью говорить о том, что здесь мы имеем дело с обыденным понятием. Например, характеризуя героя своего повествования, некий журналист отмечает, что он «родился в семье, относившейся к среднему классу: отец был юристом, мать — домохозяйкой» (kommersant.ru, 24.04.2025). В другом случае мы находим оценочное суждение: «Семья была обеспеченной — <...> настоящий, уверенный средний класс» (lenta.ru, 19.06.2025). Видно, что здесь, в приведенных примерах, а также в других подобных случаях журналисты в качестве отличительной черты, присущей среднему классу, стереотипно выделяют материальное благополучие.

Особый интерес вызывает относительно небольшая совокупность материалов, содержащих результаты социальных исследований и экспертных оценок, посвященных среднему классу России (4% выборки, по две публикации в lenta.ru и mk.ru). Именно это — экспертное мнение людей, представленных в СМИ в качестве аналитиков или научных работников, дает основание предполагать, что мы имеем здесь дело с научным понятием, однако присутствующие в тексте другие мнения, а также сведения, касающаяся методики исследования, проведенного специалистами одного из российских опросных центров, делает данный вывод не столь очевидным. Так, например, в одной из информационных заметок в самом начале был сделан акцент на заработке: «Представители среднего класса в России зарабатывают в среднем 75 тысяч рублей в месяц» (lenta.ru, 11.03.2025). Далее следовало описание некоторых подробностей исследовательской методики. В частности, утверждалось, что для того, чтобы быть включенным в выборку, у кандидата в реципиенты «должно было быть высокое материальное положение». Кроме того, он должен был соответствовать как минимум еще

одному критерию — иметь высшее образование и (или) «высокий социально-профессиональный статус». Интересно, что, как опять же следует из текста, «материальное положение определялось на основе оценки самих респондентов» (lenta.ru, 11.03.2025). Получается, что все описание «среднего класса» основано на мнении и оценках людей, которых аналитики-исследователи почему-то отнесли к представителям этого самого класса.

В двух публикациях mk.ru ссылка на результаты упомянутого ранее социального изыскания сопровождалась в одном случае суждением журналиста, в котором средний класс был представлен в качестве «этаким балансирующей на грани между бедными и богатыми прослойки» (mk.ru, 03.04.2025), и мнением эксперта о том, что «в средний класс на основе профессионального статуса входят работники бюджетной сферы (учителя, воспитатели детских садов, врачи и работники культуры с высшим образованием), а они, как правило, имеют невысокий доход. Но это большое количество людей, которые формируют интеллектуальный костяк общества» (mk.ru, 03.04.2025).

В другом случае читателям mk.ru предлагалась альтернативная точка зрения экономиста, заявившего, что «средний класс начинается в России от семейных доходов 200 тысяч рублей. Соответственно, если это двое работающих, то по 100 тысяч (каждый)». Цитируемый эксперт отметил, что «средний класс в России — это экономическая категория, когда человеку хватает на нормальную жизнь. В его понимании нормальная жизнь, это когда у семьи есть возможность оплатить себе отдых, платные медицинские услуги и образование» (mk.ru, 11.03.2025).

Таким образом, в рассмотренных тестах содержатся противоречивые и даже взаимоисключающие трактовки среднего класса. Журналист — автор одного из таких материалов, видимо осознавая неоднозначность ситуации, сочувственно обращается к читателям: «Запутались?» (mk.ru, 03.04.2025), впрочем, никак не проясняя ситуацию.

Можно предположить, что понятие «средний класс», будучи привнесенным в медиадискурс из научной сферы, было просто принято журналистами в виде своеобразного клише и никогда специально не рассматривалось ими в качестве объекта социального анализа и изучения. Уже это — не критичность восприятия и неспособность дать определение (имеется в виду не обывательское, а научное толкование) — косвенно свидетельствует о том, что журналисты оперируют не научным, а обыденным понятием. Соответственно, в данном случае, перефразируя П. Бурдьё, можно сказать, что СМИ из инструмента отображения реальности «превращается в инструмент создания реальности» [\[12, 35\]](#).

Выводы

Подводя итог проведенного исследования необходимо отметить, что в российских СМИ социологические понятия встречаются в двух вариациях: в виде собственно научного понятия и обыденного. Рассмотренные в статье случаи использования российскими журналистами понятия «средний класс» показывают, что вопреки существующим в социологии спорам и сомнениям относительно самого факта существования предмета, чьи признаки призвано отразить данное понятие, СМИ пишут о среднем классе как о реально существующей социальной группе, для которой характерен прежде всего фактор материального благополучия. Таким образом, журналисты, игнорируя дискуссионный характер этого понятия в социологии, не столько формируют у читателей научную картину мира, сколько участвуют в распространении спорных или даже ложных

представлений об обществе и его социальной структуре.

В связи с этим уместно поставить вопрос о необходимости более обстоятельной социологической подготовки журналистов в вузах в рамках как базового курса социологии, так и специальной учебной дисциплины — социологии журналистики. В частности, имеет смысл особое внимание уделить более углубленному изучению основных социологических понятий.

Библиография

1. Свитич Л. Г. Социология журналистики. М.: ВК, 2010. 342 с. EDN: QOKXBF.
2. Киричѐк П. Н. Река по имени "факт". Журналистика и социология // Вестник Мордовского университета. 1992. № 2. С. 27-30.
3. Сидоров В. А. 10 рассуждений о социологии журналистики. СПб.: ИД "Петрополис", 2012. 312 с. EDN: UGMMSB.
4. Блохин И. Н. Социологический инструментарий журналиста // Социология журналистики: учебник для вузов / отв. ред. С. Г. Корконосенко. М.: Изд-во Юрайт, 2025. С. 153-185.
5. Блумер Г. Наука без понятий // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 299-317. EDN: MXSIML.
6. Краткий словарь по логике / под ред. Д. П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
7. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.
8. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 420 с.
9. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
10. Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М.: ИНФРА-М, Изд-во "Весь Мир", 2001. 560 с.
11. Колодиев Н. Н. Границы среднего класса в представлении российских СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 15. С. 145-148.
12. Бурдьѐ П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", 2002. 160 с. EDN: TDSBMB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В представленной статье «Социологические понятия в материалах российских СМИ» раскрываются актуальные для теоретического осмысления вопросы значимости социологических знаний в профессиональной деятельности журналиста, выявления особенностей использования социологических понятий в материалах российских СМИ и обоснования необходимости повышения социологической культуры журналистов.

Автором продемонстрирован высокий уровень использования источников литературы по исследуемой теме, раскрывающих ее основные аспекты и являющихся хорошим базовым материалом для дальнейшего рассмотрения данного вопроса. Грамотное владение научным стилем изложения материала обеспечивает четкость и ясность его подачи, а

его цельность и структурированность облегчает восприятие. Представленный материал соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению научных публикаций.

Статья представляет собой хорошо структурированное исследование использования социологических понятий в материалах российских средств массовой информации. Автор подчеркивает недостаточность освещения социологических понятий в учебной программе медиаспециалистов, несмотря на наличие у них узкоспециализированных социологических знаний и навыков использования результатов эмпирических исследований в профессиональной деятельности. Автор, вслед за Г.Блумером, дифференцирует понятия на обыденные и научные и указывает на то, что журналисты в своих текстах зачастую оперируют понятиями обыденными.

В статье рассматривается употребление понятия «средний класс», имеющее неоднозначную дефиницию, как в научном, так и в обыденном понимании, и его использование в публикациях СМИ. Автор обоснованно применяет аналитические методы, включая контент-анализ российских СМИ, и исследует статьи, размещенные на ресурсах *kommersant.ru*, *lenta.ru*, *mk.ru*, *ria.ru*, что придает материалу объективность и научную ценность. Автором предоставляются данные частоты использования понятия «средний класс» за период январь-июнь 2025 г. в сетевых изданиях и подчеркивается, что за данный период понятие «средний класс» использовалось в различных контекстах 107 раз. При этом понимание «среднего класса» варьируется в зависимости от контекста его использования, например, в экономическом контексте средний класс рассматривается как потребитель товаров и услуг, а в политическом - как объект политического воздействия. Однако автор отмечает, что данное понятие публикуется в указанных российских СМИ в ходе анализа либо пересказа зарубежной повестки дня. При этом автор подчеркивает, что в большинстве проанализированных материалов (90%) данное понятие не содержит признаков, отличающих данный предмет от прочих, и только в 11 публикациях были выявлены признаки, указывающие на то, что в данных текстах средний класс присутствует либо как (условно) научное, либо обыденное понятие.

В результате исследования автор приходит к выводу, что в российских СМИ социологические понятия встречаются в двух вариациях: в виде собственно научного понятия и обыденного. При этом автор акцентирует внимание на игнорирование журналистами дискуссионности понятия «средний класс», присутствующую в социологии и трансляцию искаженных представлений об обществе и его социальной структуре.

В качестве отрицательных сторон работы следует указать недостаточность анализа использования одного понятия в четырех сетевых СМИ для экстраполяции результатов на генеральную совокупность. Тем не менее, представленные выводы дают почву для дальнейшего осмысления вопроса значимости углубленного изучения социологических понятий журналистами.

В целом, статья «Социологические понятия в материалах российских СМИ» является качественным исследованием, которое вносит большой вклад в понимание значимости освоения социологических знаний для повышения эффективности профессиональной деятельности журналиста. Актуальность темы, использование научных источников, а также высокий уровень подготовленности статьи делают ее ценным материалом для дальнейших теоретических исследований и практического использования.

Статья рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фэн Ц., Ван П. От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76026 EDN: GQALAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76026

От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований

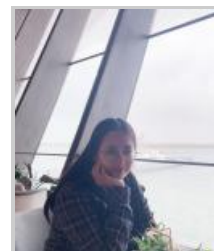
Фэн Цзин

кандидат культурологии

аспирант, кафедра культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина

620083, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, оф. 416

✉ 1144168496@qq.com

Ван Пэйнь

ORCID: 0009-0007-2438-9056

кандидат этнологии

преподаватель; Академия Сообщества Чжунхуаминаньцзу, Даляньский национальный университет

116600, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, ул. Ляохэ, 18

✉ 18097795112@163.com

[Статья из рубрики "Героическое"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76026

EDN:

GQALAD

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2025

Дата публикации:

24-11-2025

Аннотация: Данная статья исследует китайскую героическую нарратацию, выявляя её универсальные черты в рамках модели «пути героя» Джозефа Кэмпбелла и уникальные

культурные особенности. Цель работы – преодолеть ограничения западной теории «мономифа», а также обосновать необходимость построения локализованной теоретической рамки для адекватного анализа китайского материала. В данном исследовании были отобраны репрезентативные образцы классической китайской литературы, мифов, легенд и народных сказаний в качестве исследовательского материала. В работе применяется междисциплинарный подход, который сочетает теории культурологии, нарратологии и китайской философии для изучения китайского героического повествования. Ключевая инновация заключается в системном выявлении специфики китайского героя через призму конфуцианства, даосизма и буддизма. Ключевая инновация заключается в системном выявлении специфики китайского героя через призму конфуцианства, даосизма и буддизма. В статье показано, что «Исход» героя часто мотивирован долгом, а не личным призванием. «Посвящение» включает моральное саморазвитие и следование принципу «золотой середины», а «Возвращение» может быть трагичным или выражаться в уходе от мира, отражая даосскую идею «недеяния» и буддийскую карму. Результаты демонстрируют, что китайские философские идеи, такие как конфуцианские, даосские и буддийские концепции, оказали значительное влияние на повествование о местных китайских героях. Конфуцианство формирует идеальную личность и моральный кодекс героев, даосизм придает героям естественный трансцендентный темперамент, а буддийская концепция кармического воздаяния обогащает повествовательное содержание. Это исследование представляет китайскую исследовательскую оптику в изучении повествований о героях и подчеркивает уникальную ценность китайской героической литературы.

Ключевые слова:

образы героев, мономиф, путь героя, конфуцианство, даосизм, буддизм, локализованное повествование, глокализация, универсалия, уникальность

Данная статья является промежуточным результатом проекта Национального фонда социальных наук Китая 2025 года «Цифровизация и производство памяти: исследование нарратива общности китайской нации в устной истории содействия Синьцзяню» (проект № 25CMZ068), а также проекта Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин 2024 года «Исследование ценности и применения революционной культуры "шести городов" Ляонина в новую эпоху с перспективы общности китайской нации» (проект № L24CMZ002)

Введение

В современном гуманитарном знании интерес к сравнительному изучению культур обусловлен процессами глобализации, расширения и углубления культурных обменов. Традиция культурной компаративистики при этом имеет давнюю историю – на сходство сюжетов и персонажей разных мифологий исследователи обратили внимание еще в XVIII и XIX веках, с тех пор сложилось много подходов к изучению и сравнению мифов: исторический, лингвистический, структурный, психологический. Из многих теоретических моделей можно выделить модель «мономифа» Джозефа Кэмпбелла, которая имеет определенный методологический потенциал для выявления общих черт и уникальности героических повествований в различных культурах. В книге «Тысячеликий герой», опубликованной в 1949 году, Кэмпбелл предложил модель «Пути героя» на основе изучения мифов, легенд и религиозных текстов восточных и западных культур. Он считает, что, хотя героические истории в разных культурах различаются по конкретным

сюжетам и образу персонажей, все они следуют базовой повествовательной структуре, то есть модели «отправление – инициация – возвращение» [\[1, с. 23\]](#).

В данном академическом контексте китайские исследователи активно применяют и критически осмысляют модель «Пути героя», используя её как для анализа межкультурных текстов (например, интерпретация Ли Сянаном египетского романа «Лампа Умм Хашим» [\[2\]](#)), так и для исследования произведений отечественной массовой культуры (как в работе Ли Вэйлань о фильме «Нэчжа: Рождение дьявола» [\[3\]](#)), что предоставляет конкретные кейсы для изучения универсальности нарративов. Проведённые исследования демонстрируют, что на макроструктурном уровне китайские героические нарративы обладают общими чертами с глобальными героическими сюжетами, зачастую воспроизводя схему «отправление – инициация – возвращение» [\[4, с. 4\]](#).

Однако с момента своего появления теория «мономифа» подвергается серьёзной критике в академических кругах за свой универалистский и упрощенческий уклон. Основные критические замечания сводятся к следующему: во-первых, она игнорирует культурную специфику, насильственно втискивая богатое многообразие локальных знаний в единую схему, укоренённую в западном мифологическом опыте, что вызывает обвинения в культурном колониализме. Во-вторых, её линейно-прогрессистская нарративная модель не полностью совместима с повествовательной логикой многих культур, таких как китайская с её циклической исторической концепцией и трагической традицией. В-третьих, данная модель обладает выраженной андроцентричной окраской и не способна адекватно охватить нарративы о становлении женщин.

С учетом указанных теоретических затруднений данное исследование принимает перспективу «глокализации» в качестве методологического ориентира. Данный подход, признавая существование глобальных культурных потоков и универсалий, в то же время акцентирует необходимость сохранения культурной субъектности локальных традиций и их творческой трансформации [\[5, с.12\]](#). Он требует от исследователя совмещения макроподхода, основанного на межкультурном сравнении, с погружением в ткань конкретной культуры для выявления её имманентной и внутренне последовательной логики. Исходя из этого, использование в данной работе модели Кэмпбела продиктовано не целью «подтверждения» её истинности, а намерением использовать её в качестве «Другого» – зеркала, позволяющего с большей чёткостью выявить уникальные контуры и духовную специфику собственно китайского героического нарратива, что позволяет избежать ошибочных интерпретаций.

Исходя из этого, цель настоящей работы заключается в систематическом выявлении и анализе точек соприкосновения и расхождений между китайским героическим нарративом и моделью Кэмпбела. Посредством раскрытия их культурных истоков и нарративного своеобразия исследование направлено на развитие плюралистической теории культурных нарративов, рассматривая героический сюжет как продукт взаимного обогащения универсальных духовных устремлений человечества и уникальных характеристик локальной культуры.

Методы

Настоящее исследование систематизирует героические архетипы, представленные в классических китайских текстах, таких как «Путешествие на Запад», «Речные заводи» и «Ши цзи» («Исторические записки»), избирая в качестве материала для анализа

репрезентативные нарративы из области классической литературы, мифологии, фольклора и устных преданий с последующим выявлением их специфических повествовательных характеристик. Работа направлена на системный анализ их диалогических отношений с моделью «Пути героя» и углублённое раскрытие уникальных свойств китайской нарративной традиции. Используя междисциплинарный подход, интегрирующий культурологию, нарратологию и теорию китайской философии, а также опираясь на достижения сравнительной мифологии, исследование исследует универсалии и специфику героического нарратива в перспективе развития человеческой культуры. Основываясь на трёх ключевых элементах китайской философии – конфуцианстве, даосизме и буддийских концепциях, – данная статья уделяет первостепенное внимание анализу глубинных культурных оснований и ценностных ориентаций, присущих китайскому героическому нарративу.

Результаты

1. Универсалии и первоначальные расхождения китайского героического нарратива в перспективе модели Кэмпбела

Модель «Пути героя» Джозефа Кэмпбела предоставляет аналитический инструмент для выявления универсальных структур в героических сюжетах различных культур. Данная модель разделяет путь героя на три основные стадии: отправление, инициация и возвращение, где каждая фаза encompasses ряд типичных сюжетных ходов и событий, отражающих процесс духовного становления героя.

На стадии «отправления» китайский герой также часто откликается на некий призыв. Данный призыв может исходить от внешнего источника, такого как национальный кризис, просьба других о помощи; это также может проистекать из внутреннего желания героя, желания исследовать неизвестный мир или погони за славой. Например, Великий Юй усмирал наводнение в ответ на угрозу Поднебесной со стороны разлившихся вод. В «Ши цзи» об этом сказано: «*鴻水滔天, 浩浩懷山襄陵, 下民其憂.....(禹)乃勞身焦思, 居外十三年, 過家門不敢入*» [6, с. 82-85] («В то время воды потопа затопили землю, поднимаясь до горных вершин и окутывая холмы, и народ пребывал в великой скорби... (Великий Юй, усмирять наводнение) трудился до изнеможения, предавался тягостным раздумьям и провёл вне дома тринадцать лет, проходя мимо родного порога, но не смея войти»). Хоу И, сбивая солнца, отвечал на бедствие народа, вызванное появлением десяти светил. В отличие от западных героев, чей призыв часто коренится в личном стремлении к приключениям, призыв китайского героя гораздо чаще проистекает из коллективного кризиса или морального долга.

На стадии «инициации» китайский герой также сталкивается с испытаниями и претерпевает становление. В «Путешествии на Запад» Сунь Укун, охраняя Танского монаха Сюаньцзана в его паломничестве за священными текстами, на всём пути усмиряет демонов и побеждает чудовищ, что представляет собой двойное испытание как его сверхъестественных способностей, так и его внутренней природы. Он встречается наставников-проводников, таких как сам Танский монах и бодхисаттвы, и образует союз с Чжу Бацзе и Ша-сэном, совместно преодолевая тяготы и опасности. Данный процесс воплощает универсальную парадигму, в которой герой достигает внутренней трансформации через внешние вызовы.

На стадии «возвращения» герой, исполнивший свою миссию, возвращается, обретённые силу и мудрость, дабы служить обществу. Его возвращение не является простым физическим возвращением в буквальном смысле, а связано с миссией и

ответственностью, с необходимостью поделиться приобретенным в ходе приключений опытом с другими, принести благо обществу и способствовать восстановлению мирового порядка и моральному возвышению. Это также представляет собой возвращение к своей истинной сущности [\[7, с. 130\]](#). Так, Великий Юй, успешно усмирив потоп, получил престол по воле Неба и основал династию Ся, используя мудрость и лидерские качества, явленные в процессе борьбы с наводнением, для управления государством и установления гармонии в Поднебесной. Это представляет собой классическую форму «возвращения», приносящую сообществу порядок и благоденствие.

2. Культурная специфика китайского героического нарратива и её вызов универсальной модели

Несмотря на отмеченные структурные соответствия, китайский героический нарратив обнаруживает глубокое своеобразие в области конкретных сюжетных линий, ценностных ориентаций и философского наполнения, предлагая богатое идейное содержание и четкие аксиологические установки [\[8, с. 117\]](#), что бросает вызов универсальности модели Кэмпбела.

(1) Влияние конфуцианства

Конфуцианская мысль заложила прочный этический фундамент и ценностный порядок для китайского героического нарратива. В отличие от модели Кэмпбела, где герой зачастую отправляется в путь в поисках личной судьбы или славы, «путь героя» в конфуцианской парадигме по своей сути является моральной практикой «преображения из обычного человека в святого». Ключевой конфликт этого путешествия заключается не в противостоянии индивида с внешними чудовищами, а в напряжении и гармонизации между личными желаниями и социальной этикой, между малым «я» и великим «я».

До появления конфуцианской культуры герои имели многие мифологические черты, часто зооморфный или миксантропический облик, были далеки от обычных людей, и их образы постепенно размывались. Конфуцианство, в свою очередь, использует легенды о трех властителях и пяти императорах, мифических правителях Китая для создания образа идеального правителя. Конфуцианство, рассматривая Яо и Шуня в качестве идеальных личностей и героев, делает их примером для подражания: «каждый может быть Яо и Шунь» [\[9, с. 235\]](#).

«Жэнь» («человеколюбие»), «Чжи» («мудрость») и «Юн» («мужество») почитаются конфуцианцами как «три превосходных качества», которые составляют новый характер героического образа. «Жэнь» означает «гуманный человек, человеколюбие». Мы должны заботиться не только о своей семье, но и о других. Это высший стандарт морали и основное качество героя. Практика «Жэнь» может сформировать множество добродетелей и заставить людей успокоиться. «Чжи» требует, чтобы люди различали правильное и неправильное, правильно судили о поступках, накапливали мудрость путем обучения и спокойно анализировали вещи, когда сталкиваются с ними. «Юн» – это не просто смелость, а способность, основанная на «Чжи» и «Жэнь», управлять эмоциями с помощью разума, твердо придерживаться справедливости и обладать правильной системой ценностей. Эти три качества тесно взаимосвязаны: «Жэнь» является ядром, и без него легко нанести вред обществу; «Чжи» – это основа, и без мудрости гуманность становится неразборчивой, а действия – опрометчивыми; «Юн» – это гарантия, поскольку воплощение «Жэнь» и «Чжи» невозможно без смелости [\[10, с. 58\]](#). В событиях, известных как «Возвращение нефритовой печати в царство Чжао» и «Примирение министра и генерала», Линь Сянжу в полной мере продемонстрировал «Юн» в защите

государственных интересов, «Чжи» в проницательном распознавании замыслов циньского вана и «Жэнь», проявленную в подчинении личных амбиций высшим интересам государства.

Кроме того, конфуцианская концепция «золотой середины» сформировала характерные для героя черты рациональности и сбалансированности. Конфуций считал, что «золотая середина» заключается в умении находить баланс между противоположностями и действовать умеренно [\[11, с. 39\]](#). Чжу Си интерпретировал это как «не отклоняться ни в одну из сторон» [\[12, с. 1559\]](#). Чжан Дэшэн предложил, что «Золотая середина» включает в себя два аспекта: «Чжун» – уместность и соразмерность, и «Хэ» – стремление к гармоничному сосуществованию [\[11, с. 41\]](#). Стратегия Чжугэ Ляна о «разделении Поднебесной на три царства» служит примером такого рационального выбора, основанного на взвешенной оценке обстоятельств и исторического момента [\[13, с. 760-761\]](#). Продвигаемая конфуцианством «секуляризация» и «морализация» героического образа приблизила китайского героя к человеческому порядку бытия, в результате чего его путь становления чаще представляет собой совершенствование моральных качеств, нежели простое обретение силы.

(2) Влияние даосизма

Даосская мысль привнесла в китайский героический нарратив дух свободы, превосходящий мирские установления, и космологическую перспективу. Она обеспечила измерение «трансценденции», отличное от конфуцианской философии «вовлечённости в мир». В даосском понимании герой бросает вызов, как правило, окостеневшему искусственному порядку, противоречащему «естественности».

«至人无己, 神人无功, 圣人无名» [\[14, с. 20\]](#) («Для настоящего человека нет собственного "я", для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы»), – это описание идеальной личности Чжуан-цзы. Эти образы идеальной личности отражают стремление к естественности, свободе и отрешенности от суетного мира. Эволюция образа Сунь Укуна в романе «Путешествие на Запад» несёт в себе глубокую даосскую семантику. Его жизнь на Горе Хуаго олицетворяет состояние «недеяния» (увэй), характеризующееся естественностью и отсутствием внешних ограничений. После попадания на Небесный дворец противоречие между тамошними правилами и его природной сущностью приводит к конфронтации с небесной администрацией, что по сути представляет собой сопротивление навязанному извне порядку. На пути к изучению Священных Писаний он постепенно перешел от полагаться исключительно на силу к большему использованию мудрости (как, например, выяснение происхождения демонов или привлечение помощников из высших сил) для наблюдения за ситуацией и следования законам для решения проблем. Это отражает углублённое понимание и практическое воплощение принципа «недеяния» (следование Небесному пути). Более того, выбор некоторых героев удалиться от дел после достижения подвига и скрыться в горных лесах (распространённый сюжетный ход в уся-романах) также рефлексировал даосскую систему ценностей, направленную на обретение свободы и трансценденции [\[15, с. 103\]](#).

(3) Влияние буддийской мысли

Проникновение буддийской философии привнесло в китайский героический нарратив глубокую темпорально-пространственную структуру и метафизическую рефлексия. Концепции «закона кармы» и «круговорота перерождений в шести мирах» существенно обогатили повествовательное измерение и философскую глубину. Героическое

странствие стало рассматриваться в контексте грандиозной причинно-следственной цепи, простирающейся через множество жизней и перевоплощений.

«Путешествие на Запад» как таковое представляет собой героическое странствие, основанное на законе кармы и искуплении. Танский монах Сюаньцзан (перерождение Цзиньчань-цзы) в своей прошлой жизни проявил непочтительность к буддийскому Учению – что стало причиной; следствием же стало его паломничество на Запад за сутрами в нынешнем рождении с целью искупить эту вину. Многие демоны и чудовища, встречающиеся на пути, а также их поражение, часто вписаны в их собственные кармические цепи (как, например, Демон белой кости, уничтоженный вследствие своих злых помыслов [\[16, с.197-204\]](#)). Подобная нарративная структура придаёт героическому предприятию морально-дидактическое значение, возвышая его над уровнем простого приключенческого сюжета и наделяя более глубоким религиозно-философским смыслом [\[17, с. 618\]](#).

3. Ограниченность модели Кэмпбела и предварительное размышление о построении теории локализации

Сложность китайского героического нарратива выявляет ограниченность модели «мономифа» Кэмпбела по нескольким ключевым направлениям.

На стадии «отправления» мотивация китайского героя часто носит плюралистичный и ситуативный характер. В романе «Речные заводи» «отправление» героев Ляншаня имело свои причины: Линь Чун был подставлен Гао Цю и другими предателями и был вынужден отправиться в Ляншань только тогда, когда у него не осталось другого выбора. Сун Цзян же был вынужден отправиться в Ляншань из-за своей праведности и недовольства реальностью и постепенно встал на путь сопротивления правительству.

В «Речных заводях» у каждого из героев Ляншаньского братства были свои причины для «отправления»: Линь Чун был вынужден присоединиться к братству после того, как его оклеветали сановники во главе с Гао Цюем, оказавшись в безвыходном положении [\[18, с. 143-153\]](#). Сун Цзян же, движимый чувством братской верности и недовольством реальным положением дел, постепенно встал на путь противостояния имперской администрации [\[18, с. 508-526\]](#). Их «отправление» в большей степени являлось пассивным выбором, продиктованным переплетением социального гнёта и личной судьбы, нежели активным откликом на единый зов к приключениям.

На стадии «инициации» становление китайского героя заключается не только в победе над внешними врагами, но, в большей степени, в обретении и гармонизации внутреннего нравственного начала, а также культурной идентичности. Ключевым аспектом «инициации» Сунь Укуна является преодоление его природы «сердечной обезьяны» (синьюань) — беспокойного начала в сознании, и принятие ограничений, налагаемых буддийскими заповедями и конфуцианской верностью долгу. Его трансформация из «Цитянь-дашэн» («Великого Мудреца, Равного Небу») в «Победоносного Будду» представляет собой сложный внутренний процесс и культурную адаптацию, которые модель Кэмпбела не в полной мере охватывает.

На стадии «возвращения» финал китайского героя далеко не всегда представляет собой триумфальное возвращение. Цзин Кэ из «Ши цзи», чья миссия по убийству Циньского правителя потерпела неудачу и завершилась героической гибелью [\[6, с. 5506\]](#), олицетворяет архетип «героя-неудачника». Этот трагический исход глубоко отражает присущее китайской исторической нарративной традиции сложное понимание

изменчивости судьбы и духа индивидуального сопротивления [\[19, с. 74\]](#), что радикально расходится с моделью Кэмпбела, в которой герой в конечном счете одерживает победу и возрождает сообщество.

Следовательно, построение рамки локализованного теоретического нарратива имеет первостепенное значение для адекватной интерпретации китайского героического нарратива. Это требует от нас принятия перспективы глокализации, которая предполагает не только распознавание межкультурных нарративных универсалий, но и углублённое понимание уникального культурного контекста, тщательное выявление культурных коннотаций и раскрытие сущностных характеристик китайского героического повествования [\[20, с. 4\]](#). Только таким образом можно избежать механического подгоняния китайских текстов под западные концепции и, тем самым, способствовать развитию глобальных исследований героического нарратива на основе равноправного диалога.

Выводы

Настоящее исследование, используя в качестве ориентира модель «Пути героя» Кэмпбелла, проанализировало структурные особенности и культурное ядро китайского героического нарратива. Проведённый анализ демонстрирует, что если на поверхностном структурном уровне китайский героический нарратив обнаруживает определённые универсалии, общие с глобальными моделями, то его душа и плоть глубоко укоренены в почве традиционной китайской культуры, сплавляющей воедино конфуцианство, даосизм и буддизм. Конфуцианская моральная этика, даосский дух трансценденции и буддийская концепция причинно-следственной связи совместно сформировали уникальные поведенческие мотивации, пути становления и ценностные ориентиры китайского героя, что обусловило существенное отличие его нарратива от западной героической парадигмы.

Модель Кэмпбелла, в качестве аналитического инструмента, полезна для осуществления предварительных межкультурных сопоставлений и выявления универсалий. Однако её универсальная применимость оказывается недостаточной при столкновении с богатством и сложностью китайской нарративной традиции. Перспективные исследования должны выйти за рамки простого применения готовых теорий и сосредоточиться на создании более релевантных локализованных аналитических рамок, способных обеспечить более точное и глубокое объяснение сущностных характеристик и уникальной ценности китайского героического нарратива. Подобный подход будет не только содействовать международному распространению и диалогу о китайских историях, но и внесёт вклад в обогащение глобальной нарратологии за счёт китайской интеллектуальной традиции.

Библиография

1. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / перевод Чжу Каньжу. Пекин: Издательство "Цзиньчэн", 2012. 267 с.
2. Ли Сянань. Исследование "Лампа Умм Хашем": Взгляд с позиции мономифа // Вестник Гуандунского университета иностранных исследований. 2020. № 6. С. 160-162.
3. Ли Вэйлань. Исследование героического повествования в фильме "Нэчжа: Рождение дьявола" через призму мономифа // Обзор шедевров. 2020. № 4. С. 22-30.
4. Хэ Ну. Два примера археологии "мономифа" о героических приключениях в китайской предыстории // Цивилизации Восточной Азии. 2022. № 3. С. 3-28.
5. Стычинский М.С. От Мультикультурализма к культурной глокализации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 9-13. EDN:

UDNNBJ

6. Хань Чжаоци. Переводы и комментарии к "Ши цзи". Пекин: Китайское книгоиздательство, 2010. 7769 с.
7. Лю Сюмэй, Ван Яни. Пространство национальной культуры в китайском анимационном фильме: на примере фильма "Нэчжа: Рождение дьявола" // Вестник Ляонинского университета (Философия и социальные науки). 2021. № 3. С. 127-133.
8. Ван И, Гань Линь. Героические повествования в китайских мифологических анимационных фильмах // Искусство кино. 2024. № 24. С. 114-118.
9. Фан Юн. Переводы и комментарии к "Мэн-цзы". Пекин: Китайское книгоиздательство, 2010. 305 с.
10. Фэн Ц. Влияние конфуцианства на трансформацию образа героя в китайской культуре // Культура и искусство. 2024. № 8. С. 54-64. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.8.70191 EDN: YWFQAQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70191
11. Чжан Дэшэн, Цзинь Яоцзи, Чэнь Хайвэнь и др. О рациональности золотой середины: за пределами инструментальной, ценностной и коммуникативной рациональности // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 33-48.
12. Хуан Шиъи. Изречения Чжу-цзы. Шанхай: Шанхайское издательство "Древняя книга", 2014. 4703 с.
13. Чэнь Шоу. Записи о Трёх царствах. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2011. 1235 с.
14. Чэнь Гуин. Современные переводы и комментарии к "Чжуан-цзы". Пекин: Коммерческое издательство, 2007. 1043 с.
15. Чжан Гуйфан. "Самосовершенствование" и "уединение" – эстетика жизни в конфуцианстве и даосизме и ее практика // Китайская эстетика. 2023. № 13. С. 97-111.
16. У Чэньзэнь. Путешествие на Запад. Чанша: Юэлу шушэ, 1987. 764 с.
17. Чжан Чанхун. Анализ дзэнской мысли в "Путешествии на Запад" // Вестник Хуайиньского педагогического колледжа (социальная наука). 2023. № 6. С. 618-622.
18. Ши Найань. Речные заводи (Том-1). Пекин: издательство Жэньминьвэньсюэ чубаньшэ, 2005. 674 с.
19. Цю Ху, Лю Хао, Цай Нин. Сравнение мотивов героев в китайских и греческих мифах // Вестник Сианьского университета авиации. 2020. № 2. С. 70-75.
20. Чжоу Янь. Исследование практики локализации анимационного фильма "Путь героя" // Тенденции моды. 2024. № 15. С. 4-6.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «От мономифа к локализованному повествованию: универсальные черты и особенности китайских героических повествований» представляет собой попытку анализа сюжетов китайской мифологии с учетом модели мономифа Кэмпбелла и традиций конфуцианства/даосизма. Сразу отметим слабый теоретический фундамент работы и ее научно-методическую составляющую, начиная буквально с заглавия: "От мономифа к локализованному повествованию...." подразумевает некое движение, развитие от первого ко второму, и авторский текст действительно развивается по такому маршруту, но китайские героические повествования - нет. Автор заявляет объектом

исследования «репрезентативные образцы классической китайской литературы, мифов, легенд и народных сказаний в качестве исследовательского материала» (в заглавии сформулировано более конкретно – китайские героические повествования), но не указывает эти тексты во введении, не объясняет выбор цитируемых в работе текстов, не указывает эти тексты в библиографическом списке. Выбор кэмпбелловской модели для проведения исследования вызывает вопросы сам по себе, т.к. теория Кэмпбелла при всем ее значительном поп-культурном резонансе все же подвергалась существенной критике антропологами и исследователями мифологии как пример редукционистского подхода и др. Недостатки теории давно известны, соответственно вывод, к которому приходит автор в конце работы (сложность повествований о китайских героях бросает вызов модели «мономифа» Кэмпбелла по нескольким параметрам) вполне предсказуем. Обоснование автором обращения к модели Кэмпбелла представляется, мягко говоря, недостаточным – автор приводит ряд статей/тезисов, в которых китайских авторы пытаются анализировать по кэмпбелловской модели современные анимационные фильмы т.е. опять-таки произведения поп-культуры, в сценарных схемах которых кэмпбелловская модель (адаптированная во многих руководствах по написанию сценариев) заложена преднамеренно. Адекватного обзора литературы ни по кэмпбелловской модели, ни по китайскому героическому повествованию (мы не видим даже определения термина и конкретизации) таким образом в тексте не наблюдается. Раздел «Китайские героические повествования и модель «Путь героя» почему-то состоит из постоянным обращения к западной поп-культуре (Гарри Поттер, Звездные войны, Властелин колец), причем частично к произведениям, созданным уже после публикации работ Кэмпбелла и напрямую (Звездные войны) воспринявшим мономиф как свою структурную основу. Во второй части работы автор берется за бессистемный анализ китайских текстов (часть приведённых примеров не относится к героическим повествованиям), чтобы придти к предсказуемому выводу о влиянии конфуцианства/даосизма и соответственно неприменимости кэмпбелловской модели к китайскому героическому повествованию, и в выводах автор о теории мономифа уже не упоминает вовсе. Представляется, что поставленные автором задачи (анализ соответствия китайских текстов универсалиям глобального героического повествования, а также выявление их повествовательных уникальностей) исходят из спорного тезиса о собственно наличии глобального героического повествования, выявление же повествовательных особенностей китайской героической литературы требует принципиально иного уровня теоретической и источниковой базы. В данном своем виде текст не представляет ценности и к публикации не рекомендуется.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью переосмысления универсальных нарратологических моделей в контексте культурного многообразия. В условиях глобализации особую значимость приобретает исследование локальных нарративных традиций через диалог с западными теоретическими конструкциями. Работа вносит

вклад в современную дискуссию о пределах применимости теории «мономифа» Дж. Кэмпбелла и перспективах создания культурно-специфичных аналитических моделей.

Предметом исследования выступает китайский героический нарратив, анализируемый в сопоставлении с универсалистской моделью «мономифа». Автор ставит целью выявление структурных соответствий и принципиальных расхождений, позволяющих эксплицировать специфику китайской повествовательной традиции и обосновать необходимость разработки локализованной теоретической парадигмы.

Методологическую основу составляет синтез сравнительного анализа и принципов локализации. Данный подход позволяет сочетать макроподход, основанный на межкультурном сопоставлении с моделью Кэмпбелла, с имманентным анализом культурного контекста. Применение междисциплинарной методологии, интегрирующей инструментарий культурологии, нарратологии и китайской философии, обеспечивает комплексность исследования.

Важным достоинством методологии является рефлексивный подход к теории Кэмпбелла, используемой в качестве эвристического инструмента для выявления культурного своеобразия, а не в качестве догматической схемы.

Научная новизна работы заключается в системной апробации перспективы глокализации при анализе китайского героического нарратива. Автор выявляет философско-аксиологические детерминанты нарративной специфики, корнящиеся в синтезе конфуцианской этики, даосской концепции трансценденции и буддийской кармической логики. Результатом является многомерная модель китайского героя, чьи поведенческие стратегии и ценностные ориентации существенно отличаются от индивидуалистической парадигмы западного героизма.

Статья отличается строгой трехчастной архитектурой, последовательно раскрывающей универсальные аспекты, культурную специфику и теоретические импликации исследования. Научный стиль изложения сочетается с терминологической точностью и доступностью. Содержательная часть характеризуется глубиной проработки материала и репрезентативностью привлекаемого корпуса первоисточников.

Положительной характеристикой работы служит детальная демонстрация трансформации элементов модели Кэмпбелла под влиянием китайской культурной традиции. Особую ценность представляет анализ нарративов с трагической развязкой, не вписывающихся в прогрессистскую схему «мономифа».

Отдельным аспектом, требующим развития, является операционализация методологического аппарата глокализации применительно к конкретному текстовому анализу. Более развернутая методическая рефлексия могла бы усилить методологический раздел работы.

Список литературы репрезентативен и сбалансирован, включая как фундаментальные труды по теории нарратива, так и современные исследования на китайском языке. Привлечение авторитетных переводов классических текстов и актуальных научных публикаций обеспечивает надежность источниковой базы.

Автор последовательно полемизирует с двумя научными позициями: с апологетами универсализма, демонстрируя ограниченность модели Кэмпбелла при анализе незападных нарративов, и с радикальными партикуляристами, отрицающими саму возможность продуктивного межкультурного сравнения. Занятая автором взвешенная позиция позволяет использовать теорию Кэмпбелла как эвристический инструмент, одновременно показывая необходимость ее концептуального преодоления.

Выводы исследования логически завершены и коррелируют с поставленными задачами. Автор убедительно демонстрирует, что китайский героический нарратив представляет собой синтез универсальных повествовательных структур и уникального культурного кода, требующий разработки специализированных аналитических моделей.

Статья адресована широкому кругу специалистов в области компаративистики, культурологии, литературоведения и востоковедения. Материал представляет ценность как для теоретиков, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, так и для практиков, работающих с китайскими текстами.

Статья «От мономифа к локализованному повествованию» представляет собой актуальное, методологически обоснованное и содержательное исследование. Продемонстрировав высокий уровень владения теоретическим материалом и глубокое понимание специфики китайской культурной традиции, автор вносит существенный вклад в развитие плюралистического подхода к изучению культурных нарративов. Работа соответствует критериям научной новизны и рекомендуется к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь Ц. Визуальные коды и экфрасис в произведениях А. М. Ремизова // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76766 EDN: FOTKUZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76766

Визуальные коды и экфрасис в произведениях А. М. Ремизова

Чэнь Ци

ORCID: 0009-0001-4945-6610

аспирант; Кафедра ИРЛ XX-XXI вв; МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518000, Китай, Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, ул университета, д 1

✉ 847277014@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76766

EDN:

FOTKUZ

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Дата публикации:

25-11-2025

Аннотация: Исследование посвящено функциональной роли экфрасиса в прозе А. М. Ремизова и формированию его уникального визуально-вербального «культурного кода» на материале произведений «Пруд» (1905), «Плачужная канава» (1914–1918) и «Суд Божий» (1925). Цель работы состоит в реконструкции системы ремизовских визуальных кодов и в выявлении того, как лубок, сатирическая карикатура и икона становятся носителями культурной памяти и инструментами осмысления духовного кризиса Серебряного века и периода эмиграции. В центре внимания – взаимодействие изображения и слова, в котором визуальные мотивы не иллюстрируют текст, а формируют особую художественную оптику, задающую структуру ремизовского мифотворчества. Экфрасис у Ремизова функционирует как повествовательный механизм, способный трансформировать бытовой предмет в символ, а символ – в элемент авторского метатекста, отражающего движение от реальности к сновидческой,

метафизической глубине. Таким образом, анализ визуальных кодов позволяет раскрыть внутреннюю динамику художественного мира писателя. Методологическую основу составляют интермедиаальный подход, структурно-семиотический и мотивный анализ, а также сопоставление текстов Ремизова с иконографической и лубочной традицией, европейской живописью и визуальной сатирой начала XX века. Научная новизна работы заключается в том, что это первое системное описание ремизовского визуального кода как целостной интермедиаальной системы, в которой лубок, икона и карикатура функционируют как «мнемонические опоры» и механизмы интерпретации культурного опыта. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении поэтики Серебряного века, проблем интермедиаальности, визуальной теологии и механизмов культурной памяти в русской литературе XX века. Результаты исследования показали, что лубочный экфрасис в «Пруде» (образ льва, сцена «Блудодеяния» и др.) выполняет символично-психологическую функцию, маркируя разрушение сакрального пространства семьи. В «Плачужной канаве» карикатура из «Сатирикона» визуализирует скрытую структуру любовного треугольника и противопоставление «старой» и «новой» России, усиливая ироническое измерение текста. В «Суде Божьем» икона «Всех скорбящих Радость» образует смысловой центр повествования, являясь медиатором между человеческой и божественной волей и моделируя опыт веры в условиях исторической катастрофы и изгнания.

Ключевые слова:

А. М. Ремизов, Экфрасис, икона, лубочная картина, карикатура, интермедиаальность, Серебряный век, символизм, живопись, мифотворчество

Введение

Конец XIX — начало XX вв. были не только эпохой потрясений, но и временем русского культурного ренессанса, отмеченного апокалиптическими предчувствиями, ощущением кризиса и поисками выхода из него. Искусство, будучи формой отражения реальности, не могло оставаться в стороне от перемен, происходивших в общественной жизни и сознании.

В то время в художественной среде возник интерес к синтезу искусств. Многие русские писатели стали активно использовать прием экфрасиса для создания уникального «культурного кода», способного транслировать новые смыслы. Не исключение здесь и А. М. Ремизов — автор, работавший в разных жанрах и направлениях искусства, создававший сложные, многогранные тексты. По словам Д. С. Мирского, «творчество Ремизова — самое разнообразное в русской литературе; оно настолько разнообразно, что немногие из его поклонников могут восхищаться им в целом» [1. с. 784].

Именно «разнообразие» творческого метода Ремизова стала основой его уникального культурного кода. Стремясь найти выход из исторического и мировоззренческого кризиса начала века, Ремизов обратился к античным пластам культуры, древнерусской литературе, фольклору, апокрифам, иконописи и лубку. И хотя эта тема уже стала объектом научных исследований А. М. Грачева [2, 3], Я. В. Нагорной [4], она всё ещё остаётся малоизученной.

Важно отметить, что Ремизов не просто заимствовал образы и сюжеты визуальных искусств, но и трансформировал, перекодировал их с помощью экфрастических практик,

создавая причудливый личный миф. Этот сложный миф создавался, чтобы преодолеть «апокалипсические предчувствия» эпохи. «Для стиливого облика "Легенды о самом себе" характерен своеобразный синтез живописности, графичности, мозаичности, музыкальности и так называемого "московского стиля"» [5, с. 13]. Существует также ряд работ, посвященных интермедиальности творчества А. М. Ремизова. С позиций синтеза искусств (слова, музыки, живописи, танца) его наследие рассматривает А. д'Амелия в книге «Пляшущий демон» [6, с. 279].

Хотя «синтетичность» творчества Ремизова и стала общим местом в литературоведении, однако её системный анализ ещё не проведён, функции интермедиальных образов в текстах писателя исследованы недостаточно. В данной работе сделана попытка «декодировать» экфрастические коды Ремизова, рассмотреть их связи с сюжетами произведений, психологическими особенностями героев. Кроме того, исследована функция различных носителей экфрасиса: лубка, сатирической карикатуры и иконографии Богоматери на материалах таких произведений, как «Пруд» (1905), «Плачущая канава» (1914-1918) и «Суд Божий» (1925). Эти произведения были созданы в контексте трех ключевых периодов жизни писателя: после ссылки, во время Первой мировой войны и в эмиграции.

Экфрасис в романе «Пруд» А. М. Ремизова: лубок, иконы

Дебютный роман Алексея Ремизова «Пруд» впервые был опубликован в 1905 году — в тот самый год, когда писатель вернулся в Санкт-Петербург из ссылки. В этом произведении Ремизов исследует нравственные страдания человека, телесные муки, насыщая повествование элементами ужаса. Именно поэтому книга не была принята писательской средой. Впоследствии А. М. Ремизов так вспоминал реакцию первых слушателей текста (чтения проходили у Зинаиды Гиппиус): «...это мое первое публичное выступление. Я читал из ненапечатанного еще "Пруда", гл. 13 и 14. (Участвовали З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб, А. А. Блок, Леонид Семёнов (Тяншанский) и Д. С. Мережковский). Слушатели (это все больше великосветские) были возмущены. За меня вступились С. П. Дягилев и Бакст» [7].

«Пруд» представляет собой мрачную, психологически напряжённую хронику жизни семьи Финогеновых, что влачат жалкое существование, центром которого становится постоянное ощущение надвигающейся беды. Главным в произведении является мотив разрушения привычного миропорядка и постепенной духовной деградации персонажей. Для того, чтобы символически высветить эту тему, автор использует целый ряд визуальных образов, связанных в первую очередь с интерьером жилища Финогеновых. Визуальные образы приобретают особое символическое значение и становятся важными элементами повествовательной структуры. Так, при описании кухни Финогеновых упоминаются три лубочные картинки на стене, это: берестяная картина «Лев», рекламное изображение «Бенедиктинец с красным носом» и «Коронация Богоматери». Данные картинки встречаются в тексте трижды и каждый раз маркируют важные сюжетно-психологические особенности.

Когда они появляются в произведении впервые, то как бы фиксируют, что перед нами измененное пространство, некое инобытие, что-то выходящее за привычные рамки: «Такая картинка висит в столовой: лев висит между красноносый бенедиктинец-монахом — рекламой и священным коронованием» [8, с. 47]. Появление этих картинок указывает на дисгармонию, которая царит в этом пространстве: перед нами семантический диссонанс, свидетельствующий о неблагополучии семьи Финогеновых.

Эта визуальная триада представляет собой «расколотую икону», намекающую на распад внутреннего порядка семьи. Таким образом, первый экфрасис нужен автору не столько для описания интерьера, сколько для создания с помощью визуальных знаков особой атмосферы «расколотости» семейных отношений, дурных предчувствий.

Второе появление этих картин не менее символично. Здесь автор встраивает изображения в контекст детской игры, что придаёт сцене особую символическую значимость. Дети дорисовывают персонажам «хвостики и рожки» [\[8, с. 64\]](#), создавая демонологическую пародию на священные образы. В этом эпизоде экфрасис выполняет функцию инверсии ценностей: визуальный образ утрачивает прежние священные коннотации и становится предметом травести, отражением распада семейного уклада.

Третье появление триады – эпизод перед убийством Вареньки. Парасковья включает эти изначально бытовые, а порой даже комически окрашенные изображения в сакральный контекст. Она крестит льва, бенедиктинца-монаха и икону «Коронация Богоматери», как бы стремясь посредством священнодействия восстановить уже разрушенный духовный порядок в семье. Однако ее действия выглядят лишь как пародия на священный ритуал, поэтому они не имеют силы и не могут предотвратить будущую трагедию. Экфрасис в данном эпизоде приобретает характер духовной подмены, бесплодных усилий по восстановлению семейного порядка.

Следует отметить, что образ «Льва», помещённый между персонажем светской рекламной картинки (бенедиктинец-монах) и иконой («Коронация Богоматери»), представляет собой профанный, иноприродный символ – это не иконографический лев, а стилизация под лубок. К слову, львы нередко изображаются на иконах (см. образ Герасима Иорданского), но здесь стилистика рисунка принципиально другая. Для лубочной манеры характерны наивность, подчеркнутая грубоватость и смешение разных эстетических кодов. Именно эта поэтика лубка, допускающая соседство сакрального сюжета с бытовым мотивом, создаёт в тексте эффект «разрыва». Ремизов сознательно включает этот эффект в пространство повествования, маркируя им важные событийные отрезки.

В этом отношении ремизовский лев оказывается связующим звеном между текстовой реальностью и более широким культурным контекстом. Как подчёркивал А. Бенуа, обращение художников начала XX века к лубку объясняется стремлением «освободиться от изощрённости и вернуться к первичной грубой простоте» [\[9, с. 2\]](#) — тенденцией, охватившей не только живопись, но и литературу рассматриваемой эпохи. На это же указывал и Д. Ровинский, отмечавший, что само понятие «лубочный» содержит не только жанровое, но и оценочное значение, связанное с «народной» оптикой видения мира [\[10, с. 343\]](#). Обращение Ремизова к подобному визуальному коду позволяет придать образу льва двойственное значение: с одной стороны — перед нами стилистика примитивистская, внешне «простонародная», с другой — насыщенная глубокими символическими и психологическими смыслами.

Образ льва имеет глубокие культурные и богословские корни. В «Житиях святых» есть сюжет о святом Иерониме, вынимающем шип из лапы льва. То есть животное выступает здесь «символом раскаяния» [\[11, с. 86\]](#). Конечно, важен и ветхозаветный эпизод «Даниил во рву со львами», являющийся образом «укрощённой силы», который в средневековой экзегезе трактовался как метафора спасения человеческой природы от звериного начала. Изображение льва широко представлено и в западноевропейской живописи — у Сано ди Пьетро, Иеронима Босха, Гюстава Доре, П. П. Рубенса и других. Ремизов,

путешествовавший по Италии в 1914 году, вероятно, был знаком с этой традицией. Однако в его тексте львиный образ восходит не к высокой иконографической модели, а прежде всего к русскому народному лубку. Лубочная эстетика — с её наивностью, грубоватой выразительностью, резкими цветовыми пятнами и преувеличенными формами — превращает льва в «неведомого зверя», гротескное существо.

Таким образом, именно благодаря экфрасису писателю удается создать ту тревожную атмосферу, которая царит в семье Финогеновых, то есть интерьерная визуализация «работает» на психологическую конкретность повествования. Повторяющийся мотив льва становится не просто частью домашнего интерьера, но визуальным маркером внутреннего напряжения и знаком разрушения сакрального пространства семьи.

Именно сочетание этих различных культурных пластов — библейско-иконографического и лубочно-народного — делает образ льва у Ремизова принципиально многослойным и открытым для интерпретаций. На это указывает Т. Грачева [\[2, с. 591-592\]](#), анализируя ремизовскую переработку древнерусского сюжета о старце Герасиме и льве. По мнению исследовательницы, образ льва имеет отчетливый социально-политический подтекст, становясь скрытой сатирической аллегорией. В этом смысле лев предстает не просто символическим зверем, но фигурой, воплощающей напряжение между властью и народом, между «укрощённой силой» и вытесняемой правдой.

Соответственно, образ льва в повести представляет собой сложный культурный конструкт: он, с одной стороны, наделен лубочным примитивизмом, «простонародностью», с другой, отсылает к религиозно-иконографической традиции и имеет потенциал для социально-аллегорического прочтения. Благодаря этому пересечению культурных уровней лев становится центральной фигурой ремизовского экфрасиса — фигурой, через которую обнаруживается разлом между сакральным и профанным, между внешне стабильным бытом и нарастающим внутренним хаосом.

Другой характерный пример лубочного экфрасиса появляется в эпизоде, когда семья Финогеновых временно живёт в келье отца Никиты в Спасо-Карауловом монастыре: «Келья о. Никиты крохотная, вся в перегородочках. Над трапезным его столом лубочная картинка: краснощекая румяная баба в кокошнике и кумачном сарафане, и все чересчур уж дородно, и только вместо ног — чешуйчатые желтые гусиные лапы. Подпись: Блудодеяние. И это любимое Блудодеяние всегда являлось поджигающей искоркой для келейных воспоминаний и рассказов вообще» [\[8, с. 156\]](#).

Образ женщины с птичьими лапами, представленный на картине, явно отсылает к мифологическому существу, возникшему на пересечении античного образа, русских народных преданий и христианской символики, — к Сирене (Сирин-птице). В традиционном представлении Сирена изображается как птица с женской головой, иногда с венком или сиянием над головой, что символизирует её пророческую природу. Согласно народному поверью, святым Сирена открывает тайны будущего, но для обычных людей её пение становится смертельно опасным соблазном: услышав его, человек забывает земную жизнь.

Изображённая у Ремизова «краснощекая румяная баба» воспроизводит образ чувственной соблазнительницы, знакомый по картине Арнольда Бёклина «Сирены» (1894). Однако ремизовская лубочная Сирена обладает нарочитыми человеческими телесными формами и одновременно — птичьими лапами. Эта смешанная символика превращает изображение «Блудодеяния» в семантический центр текста. Оно служит не только предупреждением о тяжелых последствиях блудного греха, но и, будучи

помещённым в келии монаха, становится символическим зеркалом, отражающим внутренние соблазны отца Никиты и всей монастырской общины.

Следует отметить, что в 1898 году Ремизов тайно путешествовал по Швейцарии, и в то время картины Бёклина были столь популярны в Европе, что их можно было увидеть практически повсюду. Поэтому его знакомство с полотнами художника вполне возможно.

Визуальный код А. М. Ремизова: картинка из «Сатирикона» и икона

Произведение А. М. Ремизова «Плачущая канава» (1914–1918) было создано в годы Первой мировой войны, работа над ним продолжалась в революционный период и завершилась в условиях «красного террора». Все персонажи произведения представляют собой «оставленных» судьбой людей, каждый из них переживает состояние глубокого одиночества: Будрин пребывает в отчаянной изоляции; Баранцев оказывается покинутым семьёй; Маша и доктор Задорский любят друг друга, но лишены возможности быть вместе; Тимофеев оказывается в крайне стесненных жизненных обстоятельствах. Их общая судьба — быть отвергнутыми обществом, судьбой и даже Богом, что является характерной чертой художественного мира Ремизова в целом.

Пожалуй, самая яркая линия романа — это любовный треугольник Будрин — Маша — доктор Задорский. Ремизов прибегает к стратегии экфрасиса, визуализируя скрытую структуру отношений между персонажами. В спальне Будрина висит карикатура из журнала «Сатирикон», изображающая «некоего ржевского франта, который, под руку с барышней, шагает по деревянным мосткам» [\[12, с. 340\]](#). Этот визуальный образ заставляет Будрина задуматься о своих дальнейших действиях, о необходимости сделать решительный шаг в отношениях с возлюбленной. Но в итоге этим самым франтом оказывается доктор Задорский. Здесь герой как бы смотрит в будущее, но не понимает его, не опознает во «франте» своего соперника и свое будущее поражение. Таким образом, карикатура вступает в интертекстуальное взаимодействие с финалом повествования, производя отчётливый иронический и даже символический эффект.

Глубоко символичен в романе образ Маши, который может быть истолкован как символ «матери-России». Писатель подчеркивает: «Она тоже не покинет Россию — родину мечты и горя. В России во все времена — при всяких царях и владыках — жили люди, и таких многое множество» [\[12, с. 450\]](#). Будрин и доктор Задорский репрезентируют два противоположных полюса русской жизни начала XX века: первый «предпочитал русский костюм всем костюмам» [\[12, с. 305\]](#), то есть воплощает собою традиционный российский уклад; второй представляет «новую Россию», ориентированную на социально-экономический прогресс и европейскую рациональность. Таким образом, экфрасис не только связан с повествовательной линией, но и является психологической характеристикой персонажей, указывая на их глубинные устремления и на результат этих устремлений.

Рассказ А. М. Ремизова «Суд Божий» (1925) вошёл в сборник «Зга: Волшебные рассказы» (Прага: Пламя, 1925), обложка которого была выполнена самим автором. Центральной темой произведения является испытание веры, то есть конфликт между человеческой и божественной волей. Главный герой произведения, отец Иларион, изображён как благочестивый и милосердный монах, выслушивающий исповеди, утешающий страждущих и считающий это своим главным послушанием в деле служения Богу. Этот образ отчасти напоминает старца Зосиму из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Иларион получает поручение доставить в другой монастырь икону «Всех скорбящих Радость». В рассказе эта икона изображает Богоматерь у Креста: «Образ был древний, лик темен, но из тьмы явственно виднелись и скорбь, и мука, и вся горечь, и глубокое покорство святого сердца, через которое судимо было, чтобы прошел меч» [\[13, с. 426\]](#). Данный образ соотносится с реальной чудотворной иконой, прославившейся в 1888 году. Согласно преданию, во время грозы молния ударила в часовню и вызвала пожар, однако икона чудесным образом осталась невредимой и, побывав в огне, стала ещё светлее. После этого начали распространяться рассказы о чудесных исцелениях от чудотворного образа.

В поезде Иларион знакомится с молодым человеком, переживающим духовный кризис: ему предстоит сделать выбор — последовать за возлюбленной или исполнить волю родителей, женившись на другой. Иларион предлагает ему по монастырскому обычаю бросить жребий перед иконой, поручив окончательное решение воле Божией. Результат оказывается противоположным их ожиданиям: жребий указывает на необходимость повиноваться родителям и отказаться от любви. Здесь снова визуальный образ становится сюжетообразующим фактором, а сам экфрасис является символическим, пророческим знаком: в описании иконы можно увидеть тот жребий, который предстоит вытащить молодому человеку. Обратим внимание на слова, характеризующие лик: «скорбь, и мука, и вся горечь, и глубокое покорство святого сердца». Это именно в точности то, что судьба предуготовила влюбленному человеку.

Кульминационный момент наступает на свадьбе. Войдя в церковь, Иларион видит в центре гроб — символ смерти и духовной слепоты. После венчания он не возвращается в монастырь, а выходит из храма и следует за неизвестным прохожим. Этот образ может интерпретироваться как знак нового духовного призвания или как явление самой Божественной воли.

Икона «Всех скорбящих Радость» образует смысловой центр повествования. Она несёт в себе не только память о чуде, но и отражает внутренний путь героев. Так, старец Иларион именно перед этим образом решается полностью доверить свою судьбу Богу, отказавшись от разума и личного выбора. Икона становится материальным выражением веры и посредником между человеческой волей и волей Божией. Через этот образ Ремизов формулирует главный вопрос всего произведения: что есть истина, когда Божественное откровение вступает в противоречие с человеческим сердцем?

В условиях эмиграции, сопровождавшейся утратой привычных ценностных ориентиров и кризисом духовной идентичности, этот вопрос приобретал особую остроту. В сомнениях Илариона отразилось собственное переживание Ремизова, стремившегося осмыслить соотношение Божественной воли, судьбы и личной свободы в историческую эпоху катастроф и изгнания.

Заключение

По словам Х.-Г. Гадамера, «бытие изображения предстает как нечто большее, нежели бытие изображаемого материала» [\[14, с. 161\]](#). Е. Обатнина отмечает, что художественный мир Ремизова отличается «многообразием творческих векторов его художественного мира» [\[15, с. 2\]](#). Ремизов заявлял: «Только так, коллективным или преемственным творчеством, создается произведение, как создались великие мировые храмы, мировые великие картины...» [\[16\]](#). Эта идея отражает метод А. М. Ремизова, где текст и изображение образуют единую художественную систему, и эта связка выполняет

сюжетообразующую функцию, а также раскрывает внутренний мир героев. Экфрасис у Ремизова – это не просто описание внешнего, этот прием глубоко интериоризован и символичен, по сути, он является ключом к подтексту.

В «Пруде» экфрасис, связанный с лубочным изображением, выступает прежде всего как символично-психологический механизм: повторяющиеся картинки создают сеть смысловых ассоциаций, в которой эксплицируется разрушение сакрального пространства семьи.

В «Плачужной канаве» экфрасис через лубочные и сатирические изображения отражает внутреннее состояние Будрина и доктора Задорского, усиливая иронию и подчеркивая контраст между традицией и модерном, между разумом и чувством.

В «Суде Божьем» икона «Всех скорбящих Радость» связывает уровни повествования, отражает внутренние сомнения героя и служит посредником между человеческой и Божественной волей.

Таким образом, экфрасис у Ремизова функционирует не только как иллюстративный элемент текста, но и как механизм интерпретации и переосмысления культурного опыта. Лубок, икона и сатирическая карикатура выступают своеобразными «мнемоническими опорами», через которые выявляется психологическая, символическая и духовная структура произведения. Такой подход позволяет соотнести прошлое и настоящее, коллективное и индивидуальное, сакральное и светское, формируя комплексную модель художественного мышления. В итоге Ремизов демонстрирует, что визуальные коды могут быть одновременно источником смыслообразования и аналитическим инструментом, при помощи которого литература приобретает новую глубину и многослойность, раскрывая механизмы культурной памяти и авторской рефлексии.

Библиография

1. Мирский Д. С. Ремизов // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – С. 781-793. URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/irl/irl-7812.htm> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Грачева А. М. Между Святой Русью и Советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции / А. М. Грачева // Собрание сочинений: в 10 томах / Техническая подготовка текста: Линдеберг О. А. – Москва: Русская книга, 2000. – С. 589-605. – EDN YOQVSP.
3. Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб.: Дм. Буланин, 2000. – С. 333. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 19) EDN: ZTWYVX.
4. Нагорная Я. В. А. М. Ремизов и фольклор: К вопросу о методологии исследования // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 155-166. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-13 EDN: RUMFVX.
5. Блищ Н. Л. Автобиографическая проза А. М. Ремизова (проблема мифотворчества): специальность 10.01.01 "Русская литература": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. Л. Блищ. – Минск, 2000. – С. 22. – EDN ZKKNHJ.
6. Линдеберг О. А. Международная научная конференция "Наследие А. М. Ремизова и XXI век" / О. А. Линдеберг // Русская литература. – 2016. – № 3. – С. 279-283. – EDN WMMJOZ.
7. Ремизов А. М. Письма к Н. В. Зарецкому. Литературный архив Музея национальной литературы, Прага. Фонд Н. В. Зарецкого. URL: <https://pushkinskijdom.ru/remizov/content/Chronicle/1905.html> (дата обращения:

12.11.2025).

8. Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 1. Пруд: Роман. – М.: Русская книга, 2000. – С. 576. – EDN ZWAGZB.

9. Бенуа А. Поворот к лубку // Речь. – 1909. – № 75. – 18 марта. – С. 2.

10. Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 1. Сказки и забавные листы. – СПб., 1881. – С. III.

11. Булгакова А. И. Иконографический образ кардинала и писателя святого Иеронима из БСИИ как отражение западноевропейской живописной традиции // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. – 2021. – № 3 (35). – С. 82-91. – EDN HNAMIL.

12. Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 4. Плачужная канава. – М.: Русская книга, 2001. – С. 560. – EDN YJFYBO.

13. Ремизов А. М. Зга. Волшебные рассказы. Суд Божий // Ремизов А. М. Собрание сочинений. – М.: Русская книга, 2000–2003. – Т. 3. – С. 425-440.

14. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988. – С. 362 с.

15. Обатнина Е. Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 296.

16. Ремизов А. М. Письмо в редакцию. Печатается по изданию: Золотое руно. – 1909. – № 7-8-9. – С. 145-148. Электронный ресурс: URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%B2_%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8E_\(%D0%A0%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%B2_%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8E_(%D0%A0%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0) (дата обращения: 01.11.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Тема статьи «Визуальные коды и экфрасис в произведениях А. М. Ремизов[а]» интересна, актуальна. Автор делает важные и точные наблюдения о значимых для художественной манеры А.М. Ремизова визуальных кодах, о стилеобразующих функциях экфрасиса, о смысловых подтекстах, возникающих при включении в предметный мир произведений предметов визуального искусства (прежде всего массового и относящегося к сакральной сфере). Объектом исследования стали три произведения А.М. Ремизова - «Пруд» (1905), «Плачужная канава» (1914-1918) и «Суд Божий» (1925). Как указывает автор статьи, они были созданы в разные периоды жизни писателя (между ними – десять лет), что позволяет выявить, как на разных этапах творчества Ремизова меняются функции экфрасиса, какие типы изображения преобладают, как их сочетание (например, иконы, лубка, рекламной картинки) подсвечивает сюжет, выявляет характер героя, создает символический план в произведении. Автор статьи выделяет три визуальные формы, значимые для внутреннего строя произведений Ремизова: лубок, икону и сатирическую карикатуру – и последовательно рассматривает способы их включения в текст, способы актуализации визуального кода в повествовании, его функции. Очень удачен фрагмент статьи об изображении льва: в нем автор доказывает, что у Ремизова оно в большей степени навеяно лубком, чем религиозной живописью.

Выводы, которые делает автор статьи, не вызывают сомнений. Однако статья не может быть рекомендована к публикации, так как нуждается в самой тщательной редакции.

Во-первых, уже в названии статьи допущена небрежность – фамилия автора дана в именительном падеже, хотя ее необходимо было дать в родительном.

Во-вторых, обзор научной литературы о творчестве Ремизова нельзя признать репрезентативным. В списке литературы представлены лишь две статьи о творчестве писателя, одна – об иконографическом образе святого Иеронима, остальные – произведения Ремизова, воспоминания о нем и пр. – то есть то, что является не научной базой исследования, а его источниками.

В-третьих, в статье есть фрагменты, в которых пересказывается, а не анализируется произведение Ремизова, чего в научном исследовании стоит избегать.

Но главное – это невычитанный текст статьи. В нем есть орфографические ошибки («граммота» - в два н). Используется крайне неудачный синтаксис: в одно собирается несколько вполне самостоятельных в смысловом отношении предложений, что влияет на понимание той идеи, которую высказывает автор.

Это начатые и недописанные фразы, неточно выраженная мысль (« В «Житиях святых» сюжет о святом Иерониме, вынимающем шип из лапы льва, как А. Булгаков отметил лев — «символ раскаяния»» и т.д.). Неправильные согласования (« упоминаются три лубочных картин, висающие на кухне»); неудачный порядок слов («Лубок выступает как и предупреждение о грехе блуда...» - лучше: «Лубок выступает и как предупреждение о грехе блуда...»)... Есть пропущенные знаки препинания («Ещё более символический пример такого подхода это рисунки самого Ремизова в стилизациях по берестяные грамоты»). И так далее.

Все вышесказанное позволяет сделать следующее заключение: статья имеет безусловную научную ценность, но требует доработки и существенной редакторской правки.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Велос Льяно Х. К вопросу об английских заимствованиях в экономической сфере русского и испанского языков
// Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76841 EDN: EUNEGW URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76841

К вопросу об английских заимствованиях в экономической сфере русского и испанского языков

Велос Льяно Хуан Габриель

аспирант; кафедра общего и русского языкознания филологического факультета ; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

✉ gabrieltranslate33@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76841

EDN:

EUNEGW

Дата направления статьи в редакцию:

18-11-2025

Дата публикации:

30-11-2025

Аннотация: В эпоху глобализации и активного международного сотрудничества, особенно в экономической сфере, возрастает роль английского языка как "lingua franca". Это приводит к интенсивному проникновению англицизмов в другие языки, включая русский и испанский. Актуализируются особенности английских заимствований в русском и испанском языках (эквадорском варианте) в современных текстах экономического дискурса. Предметом исследования являются наиболее распространенные английские заимствования в русском и испанском языках, выявленные в международных документах на сайтах МИД РФ и МИД Эквадора путем частотного анализа 100 (ста) документов экономического характера. Данные заимствования были изучены с точки зрения этимологии и функционирования в официальных документах, что позволило провести анализ использования английских

заимствований через семантические и прагматические аспекты. Ключевыми методами явились описательный и сопоставительный анализы, с помощью которых было проведено описание соответствующих англицизмов и сравнение. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на материале текстов экономического дискурса проведен анализ англицизмов в русском и испанском языках на примере международных экономических текстов. Сделаны выводы, что особенности английских заимствований в текстах экономического дискурса в русском и испанском языках неразрывно связаны с ее прагматической составляющей, формирующейся экстралингвистическими факторами. В испанском языке, англицизмы используются в случаях невозможности подбора испанского эквивалента, в то время как в русском языке такие же англицизмы применяются в более широком значении. Увеличение объема английских заимствований в русском и испанском языках в рамках экономического дискурса апеллирует к технологическому прогрессу в мире и доминировании англоязычных реалий.

Ключевые слова:

английские заимствования, русский язык, испанский язык, Эквадор, экономический дискурс, менеджмент, маркетинг, международные документы, глобализация, экстралингвистические факторы

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена развитием цифровых технологий и доминированием англоязычных проектов в экономической сфере диктует предпосылки для проникновения английских заимствований в экономики России и испаноязычных стран. Появление новых англоязычных экономических реалий отодвигают локальные экономические аспекты на второй план. Однако, именно новые англоязычные экономические реалии позволяют разноязычным и испаноязычным странам находить точки соприкосновения и заключать контракты в экономической сфере, несмотря на различия в лингвистической плоскости. В этом контексте англоязычные заимствования становятся важным показателем развития той или иной страны, в языке которой они появляются.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобрать самые распространенные англицизмы в текстах экономического дискурса на сайтах МИД РФ и МИД Эквадора;
- выявить исторические и культурные предпосылки появления английских заимствований в экономическом дискурсе русского и испанского языков;
- выявить и описать общие и специфические аспекты английских заимствований в русском и испанском языках.

Материалом для исследования послужили этимологические словари русского и испанского языков, а также экономические документы с сайтов МИД РФ (50 документов) и МИД Эквадора (50 документов) которые являются частью экономического дискурса и используются для распространения экономической информации. В современном мире государственные официальные интернет платформы становятся наиболее важными

источниками донесения информации, потому что позволяют обеспечивать взаимодействие с разными аудиториями, которых они точно определяют по демографическим и поведенческим характеристикам.

Теоретическую базу исследования составили работы лингвистов в сфере изучения английских заимствований [\[1; 2; 3; 6; 11; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 20\]](#).

Для анализа особенностей английских заимствований в экономическом дискурсе России и Эквадора применялся описательный анализ. Метод позволил выявить характерные особенности английских заимствований в каждом из исследуемых языков, выделив доминантные и маргинальные элементы. В частности, структурный анализ позволил идентифицировать частотность использования английских заимствований, а также проанализировать их функциональную роль в достижении коммуникативной цели. Для сравнения роли английских заимствований в экономическом дискурсе России и Эквадора было проведено сравнительное исследование. Сравнительный анализ позволил установить, как общие тенденции в появлении английских заимствований, так и уникальные особенности, обусловленные лингвокультурными факторами. На основе сравнительного анализа были сформулированы обобщающие выводы о роли английских заимствований в экономическом дискурсе России и Эквадора.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материала в практике преподавания английского, русского и испанского языков, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам заимствований, общего и сравнительно-исторического языкознания.

Обзор литературы

Изучение проникновения английских слов в русский экономический дискурс имеет богатую традицию. Первые заимствования фиксируются ещё в дореволюционный период, когда Россия активно перенимала западный, в том числе английский, опыт в промышленности, торговле и финансах. По мнению С. В. Литвинова первые англицизмы были зафиксированы в документах русских посольств в Англии. Русские дипломаты стали использовать слова, заимствованные из английского: *чифджестес* 'верховный судья', *лорд кипер* 'хранитель печати', *лорд трезер* 'казначей' и другие [\[6\]](#).

Во времена реформ Петра I особенно активно заимствовались термины, связанные с морским делом. В 1793 г. А.С. Шишков составил «Трехязычный морской словарь». В XIX веке, с ростом влияния Британской империи, русские аристократы стали интересоваться английским языком. Дворянские дети изучали английский, что привело к росту числа преподавателей-иностранцев и увеличению использования англицизмов.

Новый всплеск интереса и реального проникновения англицизмов наблюдается в постсоветскую эпоху, с переходом к рыночной экономике. Этот период характеризуется массовым заимствованием терминов, связанных с бизнесом, финансами, маркетингом и информационными технологиями («маркетинг», «менеджер», «лизинг»). В конце XX – начале XXI века, с укреплением английского как международного языка, количество заимствований возросло, особенно в технической и компьютерной сферах. Исследование этих процессов позволяет проследить трансформацию экономического мышления и языковой картины мира в России [\[7; 8; 12\]](#).

Проникновение английских слов в экономический дискурс Эквадора – давний процесс,

отражающий глобализацию и зависимость страны от международной торговли и финансовых институтов. Н. Е. Боброва считает, что в первую очередь англицизмы проникали в экономический дискурс Эквадора через экспортно-ориентированные отрасли, такие как банановая промышленность, где терминология, связанная с логистикой, ценами и рыночными механизмами, была в основном английской [1; 9].

Позднее, с развитием финансовых рынков и привлечением иностранных инвестиций, волна новых англицизмов захлестнула экономический лексикон. Термины, связанные с бухгалтерским учетом, инвестициями, маркетингом и бизнес-стратегиями, быстро прижились в профессиональной среде. Это часто связано с тем, что обучение и учебные материалы в этих областях часто доступны на английском языке, а эквадорские специалисты перенимают международные стандарты.

В Латинской Америке, в частности, в Эквадоре, функционирование и использование английских заимствований имеет свои особенности. Именно в Эквадоре английские заимствования сосредоточены в основном в профессиональных сферах и СМИ, так как экономические связи с США и Европой не такие постоянные и прочные по сравнению с Аргентиной и Мексикой. Только в 2008 года США и Эквадор начали двусторонний диалог по вопросу обсуждения внешнеторговых и военных вопросов [10; 15].

В Эквадоре использование английских заимствований имеет особенности, выделяющие его на фоне других стран Латинской Америки. Хотя распространение англицизмов в испаноязычной среде присуще всему региону, интенсивность и способы их применения различаются от страны к стране. В государствах, таких как Мексика и Аргентина, где исторически сложились более тесные культурные и экономические связи с США и Европой, англицизмы получили большее распространение и затрагивают различные сферы, включая не только бизнес и технологии, но и повседневную речь. В Эквадоре же англоязычные заимствования сконцентрированы в основном в профессиональной терминологии и средствах массовой информации, что говорит об относительно сдержанном отношении к словам подобного рода [2].

Обсуждение и результаты

Для настоящего исследования были выбраны англицизмы *marketing* 'маркетинг', *management* 'менеджмент', *copywriter* 'копирайтер', *dealer* 'дилер', *know-how* 'ноу-хау' и *outsourcing* 'аутсорсинг', выбранные как самые распространенные в текстах экономического дискурса, представленных в изученных экономических документах на сайтах МИД РФ и МИД Эквадора (были отобраны методом случайной выборки на базе 50 русских экономических документов и 50 испанских документов).

По данным английского этимологического словаря термин *marketing* означает *buying and selling, act of transacting business in a market* 'покупка и продажа, совершение сделок на рынке' [13].

В русском языке англицизм *marketing* имеет несколько значений.

Согласно определению, представленному в словаре иностранных слов под редакцией Н.Г. Комлева, под маркетингом понимается «комплекс действий, связанных с передачей прав собственности на товары от продавца к покупателю» [5]. Кроме того, маркетинг

рассматривается как передовая практика в торговле, подразумевающая постоянное внимание к качеству и упаковке продукции, анализ психологии потребителей с целью воздействия на их решения.

Таким образом, англицизм маркетинг в русском языке частично совпадает со значением этого термина в английском языке.

La Real Academia Española (RAE) в своём Diccionario de la Lengua Española (DRAE) определяет "marketing" как "*acción de promocionar comercialmente productos o servicios, que incluye la investigación de mercado y la publicidad*" (действие, направленное на коммерческую рекламу товаров или услуги, включая исследования рынка и рекламу) [41], что лишь частично совпадает со значением этого термина в английском языке.

В экономических текстах на сайтах Мид России и Мид Эквадора, лексема маркетинг встречается в следующих вариантах.

(1) *El Gobierno Federal designó tres millones de dólares australianos a «Tourism Australia» para apoyar **un programa de marketing**, con el objetivo de captar más estudiantes y mochileros.* (<https://www.cancilleria.gob.ec/?s=marketing>, дата обращения 05.10.2025)

(2) *Los asistentes al taller recibieron, además, asesoramiento en materia contable, Derecho Laboral y tributación; así como se dieron a conocer los elementos necesarios para acceder a planes de ayuda y financiamiento, y, **estrategias de marketing**, networking y planificación de recursos.* (<https://www.cancilleria.gob.ec/?s=marketing>)

(3) *Россию представляли генеральный консул Российской Федерации в Калькутте А.М.Идамкин, заместитель генерального директора по стратегическому **маркетингу** ПАО «Силловые машины» М.А.Петров, вице-президент Санкт-Петербургской ТПП Е.Н.Лебедев* (<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1444492/>, дата обращения 05.10.2025).

В примерах (1-3) под маркетингом понимается ряд мероприятий по развитию рынков, или торговыми отношениями на рынке, что лишь частично совпадает с английским вариантов.

Анализ использования лексемы «маркетинг» в экономических текстах МИД России и МИД Эквадора выявляет интересные особенности интерпретации этого понятия в различных контекстах. Эквадорские источники применяют термин *marketing* в более широком смысле, охватывая финансовую поддержку программ по привлечению туристов и студентов, а также стратегии развития бизнеса, включающие элементы консалтинга и планирования ресурсов. В то время как в российском примере, "маркетинг" упоминается в контексте стратегического развития крупной компании, что подчеркивает его роль в продвижении продукции и расширении влияния на рынке.

Сравнение указывает на то, что, несмотря на общий корень термина, его понимание и применение могут варьироваться в зависимости от специфики деятельности и приоритетов организации. В эквадорском случае акцент делается на привлечении внешних ресурсов и развитии малого и среднего бизнеса, в то время как в российском – на стратегическом развитии крупной компании. Это свидетельствует о том, что "маркетинг" – это гибкий инструмент, который адаптируется к конкретным задачам и целям организации.

По данным английского этимологического словаря термин *management* означает *act of managing by direction or manipulation, и governing body, directors of an undertaking collectively (originally of a theater)* 'акт управления по указанию или манипулирования' и

‘управляющий орган в виде директоров предприятия, действующих совместно’ [13].

В русском языке термин менеджмент имеет несколько значений. Согласно определению, представленному в словаре иностранных слов под редакцией Н.Г. Комлева, под менеджментом понимается экономическая система управления, заведования, администрирования на крупных предприятиях, производствах и в концернах; управленческий учет [5].

Таким образом, англицизм *management* в русском языке частично совпадает со значением этого термина в английском языке.

La Real Academia Española (RAE) в своём Diccionario de la Lengua Española (DRAE) [4] не имеет англицизма *management*, а его аналог *manejo*, который, определяется как 1) *Acción y efecto de manejar o manejarse* ‘Действие и эффект от управления или обращения с собой’; 2) *Arte de manejar los caballos* ‘Искусство обращения с лошадьми’ 3) *Dirección y gobierno de un negocio* ‘Управление и управление бизнесом’, что лишь частично совпадает со значением этого термина в английском языке. Однако в текстах именно эквадорского варианта испанского языка встречается именно английское написание данного термина.

(4) Было подписано Соглашение о сотрудничестве с Правительством Республики. И.В.Халевинский принял участие в научно-практической конференции «Внешние связи Якутии сквозь призму времени», а также в Стратегической сессии Высшей Школы И н н о в а ц и о н н о г о **Менеджмента**. (https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1578561, дата обращения 05.10.2025).

(5) *El seminario, que se realizará de forma virtual durante los meses de abril y mayo, y cuenta entre los organizadores con la Cooperación Técnica Alemana (GIZ); el Consorcio GOPA Worldwide Consultants; International Centre for Migration Policy Development; y Policy and **Management** Consulting Group, está dirigido a los 25 cursantes de la actual promoción de la Academia Diplomática...* (<https://www.cancilleria.gob.ec/2021/04/10/funcionarios-reciben-curso-internacional-sobre-migracion-orientada-al-desarroll>, дата обращения 05.10.2025).

В примерах (4-5) под *менеджментом* понимается система управления каким-либо органом, что полностью совпадает с одним из значений английского варианта.

Итак, термин *менеджмент*, будучи англицизмом, прочно укоренился в русском и испанском языках, хотя и с некоторыми оттенками в значении. Если в английском языке он охватывает как процесс управления, так и управляющий орган, то в русском языке акцент смещается в сторону экономической системы управления. Испанский язык, в свою очередь, предлагает альтернативный термин *manejo*, лишь частично пересекающийся с английским *management*.

Важно отметить, что в текстах на испанском языке, особенно в Эквадоре, активно используется именно английское написание *management*, что свидетельствует о глобальном влиянии англоязычной бизнес-культуры. Приведенные примеры демонстрируют, что в современном контексте *менеджмент* воспринимается как система управления организацией или проектом, что соответствует одному из основных значений термина в английском языке. Таким образом, несмотря на языковые различия и культурные особенности, понятие *менеджмент* сохраняет свою актуальность и узнаваемость в различных странах мира.

Что касается термина *копирайтер*, то по данным английского этимологического словаря термин *копирайтер* означает *writer of copy for advertisement; writer* 'писатель текстов рекламных объявлений' и 'писатель' [13].

В русском языке термин копирайтер имеет следующее значение: *специалист по разработке слоганов, рекламных текстов, текстовик* [5].

Таким образом, англицизм *copywriter* в русском языке полностью совпадает со значением этого термина в английском языке.

La Real Academia Española (RAE) в своём Diccionario de la Lengua Española (DRAE) [4] не имеет англицизма *copyrighter*, а его аналог *redactor*, который, определяется как 1) *Que redacta* 'который редактирует'; 2) *que forma parte de una redacción u oficina donde se redacta* 'который является частью редакционной или ведомственной части', что лишь частично совпадает со значением этого термина в английском языке. Однако в текстах именно эквадорского варианта испанского языка встречается именно испанский вариант данного термина.

(6) Национальное агентство **копирайтеров**, медиа-блогеров и независимых журналистов

(https://mid.ru/ru/foreign_policy/compatriots/vsemirnyy_kongress_sootechestvennikov/id/1742004, дата обращения 24.11.2025).

(7) *En el podio con los redactores del periódico Business & Diplomacy, el Embajador acotó que en la última década, se han construido ocho centrales hidroeléctricas en Ecuador...*

(<https://www.cancilleria.gob.ec/2017/05/04/presentan-atractivos-turisticos-y-productos-ecuatorianos-ante-empresarios-e-inversores-en-berlin>, дата обращения 23.11.2025).

В примере (6) под *копирайтером* понимается специалист по разработке слоганов, рекламных текстов, что полностью совпадает с одним из значений английского варианта. Однако в испанском варианте (7) использовался аналог *redactors*, который обозначает именно редакторов журналов, что лишь частично совпадает со значением данного термина с его английским вариантом.

Итак, термин *копирайтер* будучи англицизмом, прочно укоренился в русском языке, хотя и с некоторыми оттенками в значении. Если в английском языке он охватывает как писателя рекламных текстов, так и писателя как такового, то в русском языке акцент смещается именно в сторону писателя рекламных текстов. Испанский язык, в свою очередь, предлагает альтернативный термин *redactor*, лишь малой частью пересекающийся с английским словом *copywriter*.

Приведенные примеры демонстрируют, что в современном контексте *копирайтер* воспринимается как писатель рекламных слоганов и текстов, что соответствует одному из основных значений термина в английском языке. Таким образом, понятие *копирайтер* сохраняет свою актуальность и узнаваемость в русском языке и практически не используется в испанском языке.

Термин *дилер* также представляет собой определенный интерес. По данным английского этимологического словаря термин *дилер* означает *divider, distributor; agent, negotiator; player who passes out the cards in a game; purveyor of illegal drugs* 'делитель, распределитель; агент, переговорщик; игрок, который раздает карты в игре; поставщик запрещенных наркотиков' [13].

В русском языке термин дилер имеет следующее значение: *экон. юридическое лицо, занимающееся биржевым и торговым посредничеством от своего имени и за свой счет; биржевой посредник* [5].

Таким образом, англицизм *dealer* в русском языке частично совпадает со значением этого термина в английском языке.

La Real Academia Española (RAE) в своём Diccionario de la Lengua Española (DRAE) [4] не имеет англицизма *dealer*, а его аналог *distribuidor*, который, определяется как 1) *Que distribuye* 'который распределяет' 2) *En algunas casas, pieza de paso que da acceso a varias habitaciones* 'В некоторых домах, коридор, который дает доступ к нескольким комнатам'; 3) *máquina agrícola para esparcir abonos* 'сельскохозяйственная машина для распыления удобрений'; 4) *Empresa dedicada a la distribución de productos comerciales* 'компания, занимающаяся распространением коммерческой продукции', что лишь частично совпадает со значением этого термина в английском языке. Однако в текстах именно эквадорского варианта испанского языка встречается именно испанский вариант данного термина.

(8) *Данные ГУФТД ГТК России свидетельствуют, что основной объем ввоза легковых автомобилей в торговом обороте приходится на организации, являющиеся официальными дилерами* (https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1690163, дата обращения 24.11.2025)

(9) *Durante la visita se llevó a cabo un Taller de Oportunidades Comerciales entre Ecuador y Hungría, así como una rueda de negocios B2B entre empresas húngaras y ecuatorianas en la Cámara de Comercio e Industria de Budapest, donde se concretaron más de 50 reuniones con importadores, supermercados y distribuidores húngaros. ...* (<https://www.cancilleria.gob.ec/2017/05/04/presentan-atractivos-turisticos-y-productos-ecuatorianos-ante-empresarios-e-inversores-en-berlin>, дата обращения 23.11.2025).

В примерах (8-9) под *дилером* понимается посредник, который занимается продажей тех или иных товаров, что частично совпадает с одним из значений английского варианта. Однако в испанском варианте (9) использовался аналог *distribuidor*, который обозначает именно поставщиков товаров, что лишь частично совпадает со значением данного термина в его английском варианте.

Итак, термин *дилер* будучи англицизмом, прочно укоренился в русском языке, хотя и с новыми оттенками в значении. Если в английском языке он достаточно большой диапазон лиц от переговорщика до поставщика наркотиков, то в русском языке акцент смещается именно в сторону агента, поставщика. Испанский язык, в свою очередь, предлагает альтернативный термин *distribuidor*, лишь малой частью пересекающийся с английским *dealer*.

Приведенные примеры демонстрируют, что в современном контексте *дилер* воспринимается как поставщик, переговорщик, что соответствует одному из основных значений термина в английском языке. Таким образом, понятие *копирайтер* сохраняет свою актуальность и узнаваемость в русском языке и практически не используется в испанском языке, в котором существует аналог *distribuidor*.

С английскими терминами *know-how* и *outsorsing* такая же ситуация как с англицизмами *dealer* и *copywriter*. В русском языке наблюдается частичное совпадение в значении, а в испанском языке используются аналоги, и наблюдается лишь частичное совпадение в значении.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проведенное исследование шести английских заимствований позволило предположить, что появление английских заимствований в экономическом дискурсе России и Эквадора, несмотря на географическую и культурную дистанцию, связано в первую очередь с глобализацией и

доминированием англо-американской экономической модели. При этом в России английские заимствования часто воспринимаются как признак современности и профессионализма, то в Эквадоре они вызывают неоднозначную реакцию, как символ иностранного влияния и утраты национальной идентичности. Анализ употребления англицизмов *marketing, management, copywriter, dealer, know-how* и *outsourcing* в экономическом дискурсе России и Эквадора позволил сделать выводы, что существуют как общие тенденции, так и значительные различия в функционировании англицизмов в русском и испанском языках. С одной стороны, во всех исследуемых терминах сохраняется связь с исходным английским значением, отражая глобальные тенденции в экономике и бизнесе. С другой стороны, адаптация и интерпретация этих понятий в каждом языке демонстрируют влияние национальных контекстов и приоритетов экономического развития.

В Эквадоре наблюдается использование испанских аналогов англицизмов в большей мере, чем в России и с более широким диапазоном значений, что свидетельствует о различной направленности экономической политики и приоритетах развития в обеих странах, а в особенности влияния англо-американской культуры на экономику России и Эквадора.

Использования англицизмов в экономическом дискурсе на примере исследуемых англицизмов является отражением процессов глобализации и интеграции в мировую экономику. Однако их адаптация и интерпретация в каждом конкретном языке и культуре подчеркивает важность учета локальных особенностей и контекстов.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание особенностей английских заимствований в других вариантах испанского языка и влияние английских заимствований в них.

Библиография

1. Боброва Н.Е. К проблеме использования англицизмов в экономической сфере // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). С. 1-4.
2. Демьянова П.И. Социолингвистический анализ примеров употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах // Филология: научные исследования. 2024. № 10. С. 49-57. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71856 EDN: AKXXYI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71856
3. Долгова Т.В., Охотникова Е.П. К вопросу об англоязычных заимствованиях в современном русском языке // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 1 (44). С. 5.
4. Испанская Королевская Академия. Этимологический словарь испанского языка. – URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 26.09.2025).
5. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. Москва: Эксмо, 2006. 669 с.
6. Литвинов С.В. Англицизмы в русском языке XVI-XIX вв. Историко-культурный аспект // Русская речь. 2004. № 6. С. 99-102. EDN: OXZELH.
7. Косова М.В. Нестатичный процесс англоязычных заимствований в современном русском языке как средство международной коммуникации // Актуальные исследования. 2020. № 23.
8. Мамедова Ф.А. Английские заимствования в экономическом дискурсе (на материале современной российской рекламы) // Филологические науки в МГИМО. 2024. № 10 (4). С. 22-36. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-4-41-22-36. EDN: XACNHY.
9. Сахарова Н.Г., Дмитриева О.П. Английские заимствования в русском языке как результат изменения Я-концепции нации // Интернет-журнал Мир науки. 2020. Т. 8. № 2.

– URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN220.pdf> (дата обращения: 24.11.2025). EDN: WPOZGJ.

10. Тарнаева Л.П., Никульникова Н.Ю. Особенности лексического состава национальных вариантов испанского языка Латинской Америки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 6. С. 9. DOI: 10.30853/phil20240288. EDN: HMWKKH.

11. Трубинова Е.А. Заимствования как процесс изменения языка // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). С. 1209–1212. EDN: WAOGGV.

12. Черноголовина Т.Г. Новейшие англицизмы в современном русском языке // Молодой ученый. 2017. № 47 (181). С. 255–258. EDN: ZULNUF.

13. Харпер Д. Этимологический словарь английского языка. – URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 26.09.2025).

14. Carreter F.L. Diccionario de términos filológicos. Madrid: Editorial Gredos, 1953. 368 p.

15. Gorelaya I. Mutual Influence of English and Spanish Language: Lexical borrowings. 2020. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3763123> (дата обращения: 26.09.2025).

16. Hladonik G. Borrowings of the English language – Old English Borrowings // Dynamics of the Development of World Science. Abstracts of the 4th International Scientific and Practice Conference. 2019. С. 157–161.

17. Hyman L. The role of borrowing in the justification of phonological grammars // Studies in African Linguistics. 1970. Vol. 1, No. 1. С. 1–48.

18. Peperkamp S. A psycholinguistic theory of loanword adaptations // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 2004. С. 341–352.

19. Perkovic A. Borrowings from and in the English Language // International Journal of Social Science and Human Research. 2022. С. 3405–3411.

20. Upton C., Kretzchmar W.A. The Routledge dictionary of pronunciation for current English. New York: Taylor & Francis, 2017.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают английские заимствования в экономической сфере русского и испанского языков. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена необходимостью комплексного изучения огромного пласта заимствованной лексики в русском и испанском языках в экономике. Как отмечается в рукописи, «именно новые англоязычные экономические реалии позволяют разноязычным и испаноязычным странам находить точки соприкосновения и заключать контракты в экономической сфере, несмотря на различия в лингвистической плоскости». Материалом исследования послужили этимологические словари, а также экономические документы с сайтов МИД РФ и МИД Эквадора.

Теоретической основой исследования выступили работы, посвященные англицизмам в русском языке и английским заимствованиям в экономическом дискурсе. Библиография составляет 6 источников, в том числе 3 лексикографических (Этимологический словарь испанского языка, Этимологический словарь английского языка Д. Харпер и Словарь иностранных слов Н. Г. Комлева). Хотя библиография соответствует специфике изучаемого предмета и находит отражение на страницах статьи, очевидно, что такое количество собственно научных источников (всего 3) недостаточно для обобщения и качественного анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, что и

наблюдается в представленном материале. Автору(ам) следует внимательно изучить требования и рекомендации редакции журнала относительно списка литературы (см «рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года» и пр.). Также в тексте некорректно даны ссылки на источники: см (Литвинов 2004; Боброва 2024; Комлев 2006). В соответствии с требованиями редакции «ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]».

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод сплошной выборки; сравнительно-сопоставительный метод и структурный анализ; метод изучения словарных дефиниций; а также дискурсивный анализ.

В ходе исследования рассмотрены исторические и культурные предпосылки появления английских заимствований в экономическом дискурсе русского и испанского языков; выявлены наиболее распространенные англицизмы в изучаемых экономических текстах; на примере англицизмов *marketing* 'маркетинг' и *management* 'менеджмент' проанализированы общие и специфические аспекты английских заимствований в русском и испанском языках («В Эквадоре наблюдается более широкое применение термина «маркетинг», охватывающее широкий спектр деятельности, от привлечения внешних ресурсов до развития малого бизнеса. В России же акцент делается на стратегическом развитии крупных компаний»). В заключении обобщены полученные результаты.

На наш взгляд, в представленном материале не хватает статистических данных, подтверждающих наибольшую распространенность заимствований *marketing* и *management* в изучаемых текстах экономического дискурса. Также возникает вопрос относительно объективности сделанных выводов на основе исследования всего двух слов («Анализ употребления англицизмов *marketing* и *management* в экономическом дискурсе России и Эквадора позволил сделать выводы, что существуют как общие тенденции, так и значительные различия в функционировании англицизмов в русском и испанском языках»).

Полученные результаты имеют скорее практическую значимость и могут применяться в вузовских курсах по лексикологии, словообразованию, лингвокультурологии, а также в лексикографической и переводческой практике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию.

Однако, по мнению рецензента, название статьи «К вопросу об особенностях английских заимствований в русском и испанском языках в современном мире» следует уточнить, так как в работе речь идет об английских заимствованиях в экономической сфере русского и испанского языков.

Обращаем внимание автора(ов) на языковые недочеты: см отсутствие пробела между словами («Методпозволил выявить характерные особенности»); неверное написание аббревиатуры МИД («на сайтах Мид России и Мид Эквадора»).

В целом стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают английские заимствования в экономической сфере русского и испанского языков. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена необходимостью комплексного изучения огромного пласта заимствованной лексики в русском и испанском языках в экономике. Как отмечается в рукописи, «именно новые англоязычные экономические реалии позволяют разноязычным и испаноязычным странам находить точки соприкосновения и заключать контракты в экономической сфере, несмотря на различия в лингвистической плоскости». Материалом исследования послужили этимологические словари, а также экономические документы с сайтов МИД РФ и МИД Эквадора.

Теоретической основой исследования выступили работы, посвященные вопросам заимствования, англицизмам в русском языке, взаимовлиянию английского и испанского языков, особенностям употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах, английским заимствованиям в экономическом дискурсе и др. Библиография составляет 20 источников, в том числе лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. В дальнейшем рекомендуем автору(ам) проводить более подробный анализ научных источников и не сводить обзор литературы к их перечислению: см «Теоретическую базу исследования составили работы лингвистов в сфере изучения английских заимствований [1; 2; 3; 6; 11; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 20]».

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод сплошной выборки; сравнительно-сопоставительный метод и структурный анализ; метод изучения словарных дефиниций; а также дискурсивный анализ.

В ходе исследования рассмотрены исторические и культурные предпосылки появления английских заимствований в экономическом дискурсе русского и испанского языков; выявлены наиболее распространенные англицизмы в изучаемых экономических текстах; на примере англицизмов *marketing*, *management*, *copywriter*, *dealer*, *know-how* и *outsourcing* проанализированы общие и специфические аспекты английских заимствований в русском и испанском языках («В Эквадоре наблюдается использование испанских аналогов англицизмов в большей мере, чем в России и с более широким диапазоном значений, что свидетельствует о различной направленности экономической политики и приоритетах развития в обеих странах, а в особенности влияния англо-американской культуры на экономику России и Эквадора»). В заключении обобщены полученные результаты.

Обращаем внимание автора(ов) на неверное написание аббревиатуры МИД («В экономических текстах на сайтах МИД России и МИД Эквадора, лексема маркетинг

встречается в следующих вариантах»).

Полученные результаты имеют скорее практическую значимость и могут применяться в вузовских курсах по лексикологии, словообразованию, лингвокультурологии, а также в лексикографической и переводческой практике.

Представленный материал характеризуется четкой, логически выстроенной структурой, способствующей его полноценному восприятию. В целом стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Все замечания носят рекомендательный характер.

Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чепурняк Д.С. Сетевые издания в условиях вооруженного конфликта: сравнительный анализ информационного освещения российско-украинской конфронтации (на примере недельного освещения контрнаступления ВСУ) // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76613 EDN: AHLMFR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76613

Сетевые издания в условиях вооруженного конфликта: сравнительный анализ информационного освещения российско-украинской конфронтации (на примере недельного освещения контрнаступления ВСУ)

Чепурняк Денис Сергеевич

Аспирант; Кафедра международной журналистики; Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11 литера А

✉ denischepurnyak@vk.com

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76613

EDN:

AHLMFR

Дата направления статьи в редакцию:

04-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является медиарепрезентация российско-украинского вооруженного конфликта в общественно-политических сетевых изданиях России и Украины. В центре внимания находятся особенности информационного освещения событий, способы конструирования образов участников конфликта, тональность и акценты публикаций, а также стратегии коммуникации, используемые для формирования общественного восприятия. В ходе анализа рассматриваются механизмы медиавоздействия в условиях информационного противостояния, проявляющегося в рамках гибридной войны. Исследование направлено на выявление различий в подходах сторон к подаче материалов, анализ используемых фреймов, эмоционально-оценочных характеристик и степени идеологической ангажированности сетевых изданий. Работа позволяет определить роль цифровых средств массовой информации как инструментов политической коммуникации и информационного влияния в современных

конфронтационных медиапространствах. Методология исследования основана на сочетании контент-, фрейм-, дискурс-анализа, позволяющих комплексно изучить медиарепрезентации конфликта и выявить используемые коммуникативные стратегии. Научная новизна исследования заключается в реализации междисциплинарного подхода к анализу медиарепрезентаций вооруженного конфликта в сочетании политологических, правовых и медиакоммуникативных подходов. Впервые на материале российских (kp.ru, ria.ru) и украинских (unp.com.ua, antikor.com.ua) сетевых изданий проведено сопоставление информационных стратегий сторон за конкретный период: 2–8 мая 2023 года, когда в медиапространстве активно обсуждались события, связанные с контрнаступлением ВСУ, а также атакой БПЛА на Кремль и празднованием Дня Победы. Установлено, что российские СМИ характеризуются преимущественно аналитической и легитимирующей подачей, в то время как украинские отличаются эмоционально-мобилизационной риторикой и созданием деструктивных нарративов. В обеих медиасредах выявлены сходные приемы: апелляция к официальным и анонимным источникам, эмоциональные акценты, фреймирование событий и использование визуально-семантических стратегий. Сделан вывод о том, что сетевые СМИ становятся активными участниками информационного противоборства, формируя не только медиакартину конфликта, но и общественное восприятие его участников.

Ключевые слова:

вооруженный конфликт, медиарепрезентация, фрейм-анализ, информационные стратегии, сетевые издания, общественно-политические издания, Россия, Украина, политическая журналистика, медиакоммуникации

УДК: 327.8:070.1:004.738.5.

Введение

Вооруженные и социальные конфликты сопровождают развитие общества на всех этапах его исторического существования. Конфликтные взаимодействия проявляются в самых разных формах: от межличностных столкновений до масштабных вооруженных противостояний на международной арене [\[16\]](#). Наибольший научный интерес представляют вооруженные конфликты, радикально нарушающие привычный общественный и государственный уклад, вовлекая как политические институты, так и гражданское население [\[13\]](#). Исторический опыт показывает, что периоды относительного мира значительно короче по продолжительности, чем эпохи военных действий. Эволюция социальных систем закономерно приводит к трансформации конфликтов: меняются не только причины и характер, но способы ведения [\[39\]](#): от традиционного использования вооруженных сил до не прямых форм воздействия, включая коммуникацию в цифровом пространстве [\[25\]](#).

Исследование современных вооруженных конфликтов требует междисциплинарного подхода, поскольку затрагивает проблематику сразу нескольких научных областей: политологии, международных отношений, военной стратегии, права, психологии и особенно медиакоммуникаций и журналистики. Журналистика занимает в этом ряду ключевое место, поскольку выполняет функцию не только фиксации распространения информации о конфликтах, но и активного воздействия на массовое сознание. В условиях цифровизации журналистика, трансформировавшаяся в сетевую форму,

приобретает новое качество [24]: она становится ключевым инструментом участия в информационном противостоянии, характерном для современных гибридных войн (в том числе информационных). Сетевые СМИ, используя ресурсы цифровых технологий, оказывают непосредственное влияние на ход конфликта: способны как обострять, так и сглаживать его, формируя общественное мнение, мобилизуя или деморализуя аудиторию [36]. Посредством различных коммуникативных стратегий, нарративных конструкций, визуальных и семантических маркеров сетевые издания создают образы событий и их участников, транслируя определенную политическую позицию. В этом контексте сетевые издания выступают как активные субъекты медиаполитического пространства.

Отдельной исследовательской проблемой является фрагментарность и недостаточная развитость правового регулирования информационной среды. Быстрое развитие цифровых технологий опережает возможности нормативно-правового регулирования [33], что создает угрозу распространения дезинформации и формирует почву для целенаправленного информационно-психологического воздействия на аудиторию [29]. В ситуации вооруженного противостояния государства обращаются к международным и внутренним правовым нормам, однако между ними часто возникает правовая коллизия. В результате государства по-разному интерпретируют допустимые границы медиакommunikации, что отражается на формировании их информационных стратегий. Внутренние законодательные механизмы также подстраиваются под эти условия, становясь частью общей медиатактики в рамках конфликта.

Одним из наиболее показательных примеров такого информационного противостояния является конфликт между Россией и Украиной. Освещение этого конфликта в российских и украинских общественно-политических сетевых изданиях демонстрирует, как медиапространство становится инструментом продвижения идеологических нарративов, героизации собственных вооруженных сил и дискредитации противника. Сетевые издания, благодаря своей оперативности, адаптивности к повестке и широкому охвату, формируют устойчивые медиарепрезентации событий, акцентов и ключевых акторов конфликта.

В отсутствие универсальных интерпретаций событий информационное пространство превращается в арену конкурирующих смыслов и оценок [27]. Каждая сторона конфликта транслирует через собственные медиаресурсы выгодную для нее интерпретацию событий, подстраивая контент под культурные, национальные и политические установки своей аудитории [41]. В связи с этим анализ освещения вооруженных конфликтов в сетевых изданиях представляется особенно актуальным и научно востребованным. Такой анализ позволяет выявить типовые фреймы, медиастратегии, способы формирования образов участников конфликта и определить степень эмоциональной и рациональной окраски материалов. Особое значение при этом приобретает сравнительный подход, позволяющий установить как общие тенденции, так и противоположные информационные практики сторон конфликта.

Объектом исследования являются публикации российских и украинских общественно-политических сетевых изданий, посвященные освещению недельного периода контрнаступления ВСУ. Предмет исследования составляют медиарепрезентации событий, информационные фреймы, коммуникативные стратегии и образные конструкции, применяемые в процессе освещения конфликта, а также особенности тональности, акцентов и структурной подачи материалов в сетевых изданиях России и Украины. Цель исследования состоит в выявлении сходств и различий в способах освещения вооруженного конфликта в российских и украинских сетевых СМИ, а также анализе

информационные стратегий, формирующих восприятие участников конфликта аудиторией. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие рабочие гипотезы: украинские издания в большей степени прибегают к эмоционально-мобилизационной риторике, в то время как российские ориентированы на формально-аналитический и легитимирующий подход; российские и украинские издания используют различные фреймы и приемы подачи информации, что связано с отличиями в медиаполитическом курсе государств и редакционной политике конкретных изданий.

Научная новизна работы заключается в реализации междисциплинарного подхода к анализу медиарепрезентаций вооруженного конфликта в российском и украинском медиапространстве на материале сетевых изданий. В рамках данного исследования проведено сопоставление информационных стратегий и медиарепрезентаций [4], применяемых сторонами конфликта, с учетом национального контекста, нормативно-правовой базы и политической направленности изданий. Особенностью исследования является акцент на сравнительном анализе публикаций, сформированных в ограниченный временной период, что позволило зафиксировать актуальные тенденции в информационной подаче [2]. В научный оборот введен значительный объем эмпирического материала, на основе которого выявлены устойчивые фреймы, коммуникативные приемы и тональные различия в освещении конфликта, а также прослежена зависимость медиастратегий от нормативно-правовой среды. Это позволило расширить представление о механизмах функционирования СМИ как инструмента политической коммуникации в условиях современного конфронтационного медиадискурса.

Методы

Методологическая основа исследования построена на сочетании количественных и качественных методов анализа медиатекста [8]. Базовым методом выступает контент-анализ, направленный на выявление частоты упоминаний ключевых понятий, тем, акторов и событий в корпусе текстов сетевых изданий [20]. Его применение позволило формализовать эмпирические данные о способах репрезентации конфликта в медиадискурсе. Фрейм-анализ применялся для выявления устойчивых интерпретационных структур, через которые СМИ конструируют образы конфликта и его участников, акцентируя внимание на смысловых доминантах и оценочных контекстах [38]. Дискурс-анализ направлен на изучение риторических и прагматических особенностей медиатекстов: стратегий аргументации, лексико-семантических средств, метафорических моделей и стилистических приемов, влияющих на формирование массового сознания и идеологических нарративов [18]. Эмпирическая база включает репрезентативную выборку более чем из 1500 новостных публикаций российских и украинских общественно-политических сетевых изданий, опубликованных в период с 2 по 8 мая 2023 г., когда в медиапространстве активно обсуждались темы контрнаступления ВСУ и приближения праздника Дня Победы. Издания отбирались по показателю посещаемости за указанный период на основе статистических данных LiveInternet.ru. Отбор материалов осуществлялся с учетом их тематической релевантности, регулярности публикаций и выраженности позиции по рассматриваемым событиям.

Материал исследования

Исследование освещения вооруженных конфликтов в СМИ предполагает применение междисциплинарного подхода, базирующегося на концепциях политологии, военной теории, права, психологии, а также медиакommunikаций. В научной литературе

вооруженные конфликты рассматриваются как социально-политическое явление, обусловленное геополитическими и экономическими интересами государств, а также факторами идентичности, идеологии и культурных различий. Политологический анализ вооруженных конфликтов опирается на такие концептуальные подходы, как: реализм [22], неореализм [11], либерализм [5], неолиберализм [14], конструктивизм [17], марксизм и неомарксизм [1]. Современные вооруженные конфликты невозможно анализировать вне феномена гибридной войны [30], в рамках которой ключевое понимание уделяется информационному воздействию. В информационном измерении конфликт предстает как борьба за интерпретацию событий, формирование образа противника и мобилизацию общественного мнения. В этом контексте СМИ, особенно сетевые издания, становятся не только ретрансляторами, но и активными участниками конфронтации [23], влияя на восприятие происходящего через нарративные, лексико-стилистические и визуальные стратегии [34].

С переходом журналистики в цифровое пространство трансформировалась структура информационного обмена и взаимодействия. Сетевые издания как форма онлайн-СМИ [37] сочетают оперативность, мультимедийность, платформенность и интерактивность, обеспечивая высокий уровень вовлеченности и участия [10]. Эти особенности позволяют сетевым изданиям не только эффективно распространять социально значимую информацию, но и транслировать манипулятивные сообщения, способные дезинформировать общество и исказить восприятие событий [19]. Теоретической основой анализа информационного освещения конфликтов выступают концепции «повестки дня» (agenda-setting), фрейминг и медиатизации. Теория повестки дня М. Маккоумза и Д. Шоу [6] позволяет определить, какие темы и события становятся приоритетными в медиадискурсе. Теория фрейминга В. Гэмсона и А. Модильяни [9] объясняет, каким образом информация структурируется и преподносится, влияя на интерпретацию событий аудиторией. Теория медиатизации [42] рассматривает медиа как автономный институт, способный преобразовывать общественные процессы за счет специфики медийной подачи, репрезентации и циркуляции смыслов.

В контексте настоящего исследования необходимо учитывать, что освещение вооруженных конфликтов в сетевых изданиях подвержено влиянию целого ряда факторов: редакционной политики [21], нормативно-правового регулирования, степени ангажированности СМИ, политического курса государства [35]. Особую значимость при этом приобретает не только содержание публикаций, но и выбор источников, используемая лексика, эмоциональный фон, визуальные элементы и стилистика подачи. Все это в совокупности формирует медиарепрезентацию, отражающую идеологическую и информационную стратегию актора [43].

Согласно ресурсу LiveInternet.ru популярными российскими сетевыми изданиями стали «Комсомольская правда» (kp.ru) и «РИА Новости» (ria.ru), а украинскими - «Українські Національні Новини» (unn.com.ua) и «АНТИКОР» (antikor.com.ua) [16: 138-139]. В совокупности было проанализировано 1 558 новостных материалов, вошедших в исследовательскую выборку за анализируемый период с 2 по 8 мая 2023 г.

«Комсомольская правда» - сетевое издание с регистрацией Роскомнадзора от 15 марта 2021 г., являющееся онлайн-версией одноименной общественно-политической газеты. Учредитель АО ИД «Комсомольская правда», главный редактор - Олеся Носова. Издание включает 60 региональных редакций, 44 партнерских предприятия и 16 дочерних

организаций, выпускает тексты, фото, аудио, видео и посты. В анализе рассмотрена рубрика «Спецоперация» за указанный период как наиболее релевантная - <https://www.kp.ru/daily/euromaidan/>. Доля публикаций в указанный период составила 44 новостные (развернутые) публикации.

«РИА Новости» - сетевое информационное агентство в составе медиагруппы «Россия сегодня», с регистрацией Роскомнадзора от 8 июня 2014 г. Генеральный директор - Дмитрий Киселев, главный редактор - Анна Гаврилова. Аудитория превышает 127 миллионов уникальных пользователей в месяц. Для анализа выбрана рубрика «Специальная военная операция на Украине» - <https://ria.ru/spetsialnaya-voennaya-operatsiya-na-ukraine/>. Доля публикаций в указанный период составила 623 новостных публикаций.

«Українські Національні Новини» - сетевое издание, регулируемое украинским законодательством от 31.12.2015, выпускает свыше 600 новостей в сутки, посещаемость более 100000 в день, более 1 миллиона в месяц. В фокусе исследования - рубрика «Війна в Україні» - <https://unn.ua/war>. Доля публикаций в указанный период составила 350 новостных публикаций.

«АНТИКОР» - национальный украинский антикоррупционный портал с 2013 г., расширивший тематику конфликта с Россией, что делает освещение темы актуальным. Для исследования выделена рубрика «Війна» - <https://m.antikor.info/articles/war>. Доля публикаций в указанный период составила 541 новостную публикацию.

Согласно имеющимся данным, доля публикаций украинских сетевых изданий (57,2%) превышает долю российских (42,8%), что свидетельствует о более высокой интенсивности публикационной активности украинских сетевых изданий в рассматриваемый период. Анализ позволяет выделить наиболее интенсивные по медиаактивности даты - 2, 4 и 5 мая. При этом, начиная с 6 мая, наблюдается снижение количества публикаций в российских сетевых изданиях, тогда как в украинских, напротив, фиксируется рост числа материалов 7 мая, что может быть связано с подготовкой к символическим датам и усилением информационного давления. Для более детального анализа различий в медиарепрезентации конфликта проведен контент-анализ с использованием тематического кодирования. Исследование сосредоточено, с одной стороны, на доминирующих темах, которые освещались каждой стороной в выбранный период, а с другой - на формах подачи информации, включая структуру сообщений, используемые лексико-стилистические средства и идентификацию ключевых героев медийного нарратива.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Контент-анализ публикаций, проведенный в четырех сетевых изданиях, позволил выделить доминирующие тематические направления, характерные информационные приемы, а также ключевые акторы, фигурирующие в медийном представлении вооруженного конфликта за период с 2 по 8 мая 2023 г.

Тематическая направленность публикаций:

Российские издания в основном концентрируются на таких темах как: ВСУ и ее неудачи, обстрелы российской территории со стороны ВСУ, действия ВС РФ, критика действий со стороны западных стран, потери противника и жертвы среди мирного населения. Кроме того, рассматриваются темы контрнаступления ВСУ, ход специальной военной операции, а в меньшей степени – вопросы спасения беженцев и гуманитарная помощь населению.

Украинские сетевые издания, напротив, фокусируются на образе противника как «оккупанта» [28], акцентируя внимание на обстрелах и разрушениях украинской территории, жертвах среди украинского населения, а также на представлении собственных военнослужащих как «защитников». Второстепенными, но значимыми темами становятся потери российской стороны, наступление ВСУ, поддержка Запада и документирование украинских потерь. Таким образом, можно утверждать, что каждая сторона конфликта формирует собственную информационную повестку, основанную на противоположной трактовке событий и событийных акцентах. Эта поляризация контента является отражением идеологической и военной конфронтации.

Следует отдельно подчеркнуть случаи искажения событий в украинских сетевых изданиях посредством распространения недостоверной информации или ее умолчания. Так, 3–4 мая 2023 г. активно обсуждался сюжет о предполагаемом ударе украинского БПЛА по Кремлю. Российские официальные лица квалифицировали данный удар, совершенный в ночь на 3 мая, как теракт и покушение на В. В. Путина со стороны Украины. По поручению А. И. Бастрыкина, Следственный комитет возбудил уголовное дело по статье 205 УК РФ. Кроме того, мэр Москвы С. С. Собянин объявил о запрете на запуск беспилотников над городом, заявив, что несанкционированный запуск дронов повлечет административную и уголовную ответственность (<https://ria.ru/20230503/terakt-1869519509.html?ysclid=mfs0xdf639913960549>). В то же время, украинскими официальными должностными лицами причастность к ночной атаке на Кремль отрицалась. М. М. Подоляк, советник главы Офиса президента Украины, обвинил российские власти в инсценировке удара БПЛА, а спустя время изменил позицию на причастность местных российских сил сопротивления к произошедшему (<https://ria.ru/20230504/ataka-1869623302.html>). Пресс-секретарь президента Украины С. С. Никифоров также заявлял, что информации об атаках нет и президент направляет все силы на освобождение собственных территорий (<https://ria.ru/20230503/kreml-1869438279.html>). В. А. Зеленский заявил, что обвинения России являются попыткой оправдать неудачи на фронте и мобилизовать общественное мнение (<https://unn.ua/ru/news/to-droni-to-gusi-zelenskiy-poyasniv-chomu-putin-zvinuvachuye-ukrayinu-v-sprobi-zamakhu-na-nogo>), поэтому в украинских СМИ отсутствует причастность при описании события и владельца БПЛА (https://antikor.info/articles/626520-ataka_bp_la_na_kremlj_kak_sejchas_vygljadit_senatskij_dvorets). Однако по состоянию на апрель–май 2023 г. Министерством Обороны России, пресс-секретарем президента России Д. С. Песковым, отмечаются успехи и продвижение российской армии, что дополнительно подтверждается проанализированными источниками за период 2–8 мая 2023 г.

В преддверии 78-й годовщины Победы фиксировались публикации, преувеличивающие или искажающие события Второй мировой войны, а также приписывающие российской стороне заведомо искаженный образ, что формирует деструктивные нарративы и усиливает эмоционально-негативную мобилизацию аудитории. Так, например, по состоянию на 8 мая 2023 г. в украинских СМИ был популярен сюжет указа В. А. Зеленского о ликвидации Дня Победы и представлении в Верховную Раду неотложного законопроекта № 9278 о Дне Европы (https://antikor.info/ru/articles/634652-zelenskij_podpisal_zakon_o_perenose_dnja_pobedy_na_8_maja) или Дня памяти и победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов. Таким образом 8 мая становится новым праздником на Украине, исключая советскую и российскую традицию празднования 9 мая, и интегрируется в европейский канон празднования (<https://unn.ua/ru/news/golova-yevrokomisiyi-yide-do-kiyeva-na-9-travnya>). Глава Верховной Рады Р. А. Стефанчук утверждал, что Украина уже с 2015 г. отмечает этот

день вместе с «цивилизованным миром» (<https://stefanchuk.rada.gov.ua/>). Также, Украинское посольство в Германии в лице официального представителя А. С. Макеева на фоне празднования объявило об отказе возлагать венки и цветы на советских мемориалах и местах с советской символикой в Берлине (<https://www.kp.ru/daily/27500/4760070/>). Вместо этого А. С. Макеев возложил цветы к немецкому мемориалу жертвам войны и тирании «Neue Wache». В российских СМИ высказывания должностных лиц акцентировались на единстве России и освобожденных территориях. Например, В. В. Сальдо, губернатор Херсонской области, поздравил россиян и участников СВО с Днем Победы. Он также обратился к украинским военным, призвав задуматься о тех, кто отправляет их воевать, и напомнил, что они не враги для России (<https://crimea.ria.ru/20230509/saldo-pozdravil-rossiyan-s-dnem-pobedy-i-obratilsya-k-soldatam-vsu-1128621155.html>). Такие факты подчеркивают активное использование украинскими СМИ медиатехнологий для формирования выгодной исторической и политической интерпретации событий.

Информационные приемы и стилистические особенности:

Как российские, так и украинские сетевые издания активно используют сходные информационные приемы. Наиболее часто применяются ссылки на официальные и анонимные источники, экспертные мнения, приемы демонстрации превосходства и компрометации противника [7]. Также широко распространены эмоционально окрашенные техники, включая навешивание ярлыков, преувеличение, повторение материалов, выборочную подачу информации и апелляции к чувствам аудитории [32]. Отличия проявляются в расстановке акцентов: российские издания преимущественно опираются на официальные источники, подчеркивая военные успехи, тогда как украинские издания акцентируют внимание на разоблачении действий противника и моральной мобилизации аудитории через эмоционально насыщенные формулировки и образы.

Ключевые факторы медиарепрезентации:

В российских сетевых изданиях основными фигурантами медиадискурса становятся представители власти России, вооруженные силы России, украинская армия, а также источники, отождествляемые с официальной позицией. Также значимыми остаются фигуры иностранных представителей, экспертов и свидетелей, в частности, беженцев. Украинские издания выстраивают репрезентацию вокруг образов национальной идентичности и противостояния [15]: центральными акторами выступают представители Украины, «враги-оккупанты», украинские защитники и украинские медиаисточники. Иностранные источники и представители, а также эксперты играют вспомогательную роль [26].

Анализ динамики и публикационной активности:

По результатам частотного анализа распределение публикаций за каждый день позволяет предположить существование событийных триггеров, побуждающих стороны усиливать медиаприсутствие в определенные дни. Это также указывает на синхронизацию информационных всплесков с военными событиями и официальными заявлениями.

Выводы

Цель исследования заключалась в комплексном анализе особенностей освещения российско-украинского вооруженного конфликта в сетевых изданиях обеих сторон за

период с 2 по 8 мая 2023 г. Проведенный контент-анализ российских (kp.ru, ria.ru) и украинских (unp.com.ua, antikor.com.ua) изданий подтвердил гипотезу о том, что СМИ формируют повестку в соответствии с национальными нарративами и политическими интересами, используя преимущественно эмоционально окрашенные темы и выразительные медиатехнологии.

Во-первых, тематическая структура публикаций демонстрирует высокую степень идеологической поляризации: российские издания акцентируют внимание на действиях ВСУ, угрозах со стороны Запада и успехах собственной армии, тогда как украинские ресурсы конструируют образ «врага-оккупанта» [40], фиксируют разрушения, жертвы и героизируют свои войска [31]. При этом активно распространяются материалы с признаками преувеличения событий и исторических искажений.

Во-вторых, обе стороны используют сходные медиатехнологии: ссылки на официальные и анонимные источники, экспертные оценки, эмоциональные акценты, элементы дискредитации противника. Отличие проявляется в смысловой направленности: российские СМИ преимущественно легитимизируют происходящее и информируют аудиторию, тогда как украинские мобилизуют ее, создают деструктивные нарративы и эмоционально насыщенные образы.

В-третьих, ключевые акторы публикаций варьируются в зависимости от политической ориентации источника: российские издания выделяют официальных представителей власти, вооруженные силы и государственные структуры, тогда как украинские формируют повествование вокруг своей армии, образа «врага» [12] и международной поддержки.

Таким образом, медиарепрезентация конфликта в сетевых изданиях выступает не только отражением фактов, но и инструментом информационного влияния, легитимации и мобилизации [3]. Полученные данные имеют научный интерес для дальнейшего изучения политической коммуникации, стратегического медиа-дискурса и анализа пропагандистских практик в цифровом пространстве.

Библиография

1. Амираев Р. Неомарксистская концепция международной политики // Наука и новые технологии. 2010. № 6. С. 182-184. EDN: XZRAPR.
2. Беклямышев В. О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. № 4 (26). С. 644-657. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657. EDN: ZSEGWN.
3. Вартанова Е. Л., Дунас Д. В., Гладкова А. А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 4. С. 3-32. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. EDN: PLANZI.
4. Вартанова Е. Л., Дунас Д. В., Гладкова А. А. Медиарепрезентация социального конфликта: подходы к формированию теоретической модели // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (10). С. 2015-2026.
5. Дробот Г. А. Либерализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 146-167. EDN: SQLXZL.
6. Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки

дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109-119. EDN: ESCXCN.

7. Ерофеева И. В., Михалева Л. И. Аксиологический потенциал эмоционального интеллекта военного журналиста в медиадискурсе // Гуманитарный вектор. 2024. № 4 (19). С. 132-140. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-132-140. EDN: AVCHZQ.

8. Калинин О. И., Приходько М. В. Контент-анализ как методы исследования информационной войны (на материале репрезентации китайско-американской торговой войны в медиадискурсе КНР и США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 12 (880). С. 39-47. EDN: NSGQXV.

9. Калугина Е. Г. Теоретические аспекты внешнеполитического медиафрейминга (обзор отечественных и зарубежных исследований) // Медиа@льманах. 2022. № 1. С. 16-24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.1624. EDN: UBWPDU.

10. Колесниченко А. В. Мультимедийные жанры в современных российских СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 2 (49). С. 3-22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2023.322. EDN: UGHCUJ.

11. Конышев В. Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Polis. Political Studies. 2020. № 4. С. 94-111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07. EDN: TNGUDV.

12. Куянцева Е. А. Русофобия в украинском медийном пространстве (2022–2024) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 2 (57). С. 294-303. DOI: 10.34680/2411-7951.2025.2(57).294-303. EDN: RFBQMW.

13. Латыпова Н. С. О роли историко-правовых исследований военных конфликтов как истоков трансформации государства и права // Legal Concept. 2022. № 4 (21). С. 26-32.

14. Лебедева М. М. "Мягкая сила": понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3. С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. EDN: ZAOVVX.

15. Мануйлов Е. Н., Прудникова Е. В. Информационно-культурная безопасность Украины в условиях "гибридной войны" // Вісник Національного університету "Юридична академія України імені Ярослава Мудрого". Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2017. № 1 (32). С. 26-36.

16. Ноибахуш Х. И. Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. Вызовы и угрозы XXI века: поиск решения // Вестник Московского государственного университета. Общественные науки. 2022. № 3 (848). С. 44-48.

17. Павленко О. В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 6 (149). С. 53-67. EDN: TSJRVZ.

18. Потанина А. М., Моросанова В. И. Особенности конструирования представлений о трудноразрешимом межгрупповом конфликте в дискурсе российских и украинских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. № 2 (20). С. 211-228. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228. EDN: WETRLJ.

19. Фарина А. Я. Анализ современных форм, методов и приемов информационно-психологического воздействия по каналам СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 581. С. 247-266. EDN: MSOLZJ.

20. Чепурняк Д. С. Особенности освещения вооруженного конфликта в онлайн СМИ: на примере российско-украинского противостояния // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 5-6 февраля 2024 г.). М.: Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2024. С. 138-139. EDN: CGPBQU.

21. Чепурняк Д.С. Редакционная политика и структура собственности как фактор формирования контента в общественно-политических сетевых изданиях в условиях современного вооруженного конфликта // *Litera*. 2025. № 10. С. 108-122. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76535 EDN: CQYWST URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76535
22. Шабага А. В. Методология исследования международных отношений: реализм // *Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения*. 2015. № 3 (15). С. 24-33. EDN: VIOIAD.
23. Якова Т. С. Международные конфликты в зеркале конструктивной журналистики: медиагеографические исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2024. № 4. С. 757-771. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-757-771. EDN: QVNKFY.
24. Alyukov M., Kunilovskaya M. Wartime media monitor (WarMM-2022): a study of information manipulation on Russian social media during the Russia-Ukraine war // 7th Joint SIGNUM Workshop on computational linguistics for cultural heritage, social sciences, humanities and literature, LaTeCH-CLfL 2023. 2023. P. 152-161.
25. Asmolov G. The transformation of participatory warfare: the role of narratives in connective mobilization in the Russia-Ukraine war // *Digital War*. 2022. № 3. P. 25-37. DOI: 10.1057/s42984-022-00054-5. EDN: ZQCANY.
26. Auvret-Finck J. La guerre en Ukraine au secours de la politique de sécurité et défense commune? // *Annuaire francais de relations internationales*. 2023. P. 649-669.
27. Chernov G. The Russian-Ukrainian war: persistence of frames and the media issue-cycles // *Athens Journal of Mass Media and Communications*. 2023. № 9 (4). P. 307-320.
28. Cotte B. Le conflit russo-ukrainien et les crimes de guerre // *Les Cahiers de la Justice*. 2023. № 1. P. 125-143. DOI: 10.3917/cdlj.2301.0125. EDN: BCPVBU.
29. Espírito-Santo P. Anticipatory approach to war and agenda building: a content analysis study of Portuguese press coverage of the Ukraine war (2014–2023) // *Frontiers in Political Science*. 2024. № 6. P. 1-10.
30. Ford M. From innovation to participation: connectivity and the conduct of contemporary warfare // *International Affairs*. 2024. № 4 (100). P. 1531-1549.
31. Hudoshnyk O., Krupskiy O.-P., Styrnik N. Mediatization of collective testimonies during the Russian-Ukrainian war 2022–2023 // *Communication and Society*. 2023. № 1 (38). P. 281-297.
32. Huțul T. D., Holman A. C., Karner A., Huțul A. Factors of fake news sharing in the context of the Ukraine-Russia conflict: the effect of suspicions about European Union's intentions // *Psychological Reports*. 2024. № 0 (0). P. 1-18.
33. Kishore-Shahi G., Mejova Y. Too little, too late: moderation of misinformation around the Russo-Ukrainian conflict // *Websci'25: Proceedings of the 17th ACM Web Science Conference 2025*. 2025. P. 379-390.
34. Krainikova T., Prokopenko S. Waves of disinformation in the hybrid Russian-Ukrainian war // *Current Issues of Mass Communication*. 2023. № 33. P. 12-25. DOI: 10.17721/cimc.2023.33.12-25. EDN: FCZLIP.
35. Makboula H. Guerre psychologique: le rôle des médias dans les conflits contemporains "La propagande de guerre dans le conflit Russo-Ukrainien" // *Revue algérien de la sécurité et développement*. 2023. № 2 (12). P. 273-285.
36. Moses J. M., Wilson F., Umar B. N. Media framing of the Russia-Ukraine war by TASS and Ukrinform during the first month of the invasion // *Cur Trends Mass Comm*. 2023. № 2 (1). P. 56-66.
37. Oleinik A., Paniotto V. Propaganda channels and their comparative effectiveness: the case of Russia's war in Ukraine // *International Sociology*. 2023. № 39 (3). P. 217-240.

38. Pawliszko J. Framing the Russian-Ukrainian conflict: the role of metaphor, nominalization, and appraisal in sharing media narratives // GEMA Online: Journal of Language Studies. 2025. № 1 (25). P. 156-175. DOI: 10.17576/gema-2025-2501-09. EDN: CAZSND.
39. Siman B. Hybrid warfare is not synonymous with cyber: the threat of influence operations // Security Policy Brief. 2022. № 155. P. 1-4.
40. Stephan K.-F. Die Normativität des allgemeinen Gewaltverbotes im Verhältnis zur "normativen Kraft des Faktischen" // StudZR-Wiss On. 2024. № 1. P. 123-150.
41. Verbytska A. Topic modelling as a method for framing analysis of news coverage of the Russia-Ukraine war in 2022–2023 // Language and Communication. 2024. № 99. P. 174-193. DOI: 10.1016/j.langcom.2024.10.004. EDN: BFVXJU.
42. Wang X. Comparative media framing and agenda-setting: analyzing Chinese and U.S. coverage of the Butcha incident in the Russia-Ukraine war // Lecture notes in education psychology and public media. 2023. № 27 (1). P. 259-267. DOI: 10.54254/2753-7048/27/20231226. EDN: HLUVZQ.
43. Young A., Omosun F. How does it look where you are? A visual media framing analysis of the 2022 war in Ukraine // Digital journalism. 2024. № 1. P. 18-36.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа является, безусловно, актуальной. Исследование посвящено востребованной проблематике – роли медиа в условиях вооруженного конфликта и информационной войны. В эпоху цифровизации сетевые СМИ становятся не просто ретрансляторами информации, но и активными участниками информационного противостояния, формируя общественное мнение и идеологическую повестку.

Предметом исследования выступают «медиапредставления событий, информационные фреймы, коммуникативные стратегии и образные конструкции, применяемые в процессе освещения конфликта, а также особенности тональности, акцентов и структурной подачи материалов в сетевых изданиях России и Украины». Объект исследования – «публикации российских и украинских общественно-политических сетевых изданий, посвященные освещению недельного периода контрнаступления ВСУ», которые представлены в значительном объеме (более 1500 новостных сообщений). Цель исследования и научные гипотезы сформулированы корректно.

Исследование выполнено в русле междисциплинарного подхода с учетом теоретических основ, выработанных в политологии, психологии, теории права, а также медиакommunikаций. Применяется метод сопоставления информационных стратегий и медиапредставлений, объективированных в российских и украинских СМИ, «с учетом национального контекста, нормативно-правовой базы и политической направленности изданий». Кроме того, в рецензируемой работе использованы контент анализ (выявление частоты упоминаний ключевых понятий), фрейм анализ (выявление интерпретационных структур, через которые СМИ конструируют образы конфликта), дискурс анализ (изучение риторических и прагматических особенностей текстов: аргументации, лексико семантических средств, метафор).

Стиль изложения соответствует научному. Рецензируемая статья имеет разделы: введение, методы, исследовательские результаты и их интерпретация, выводы, которые

отражают основные постулаты и умозаключения автора. Сделаны вполне релевантные выводы о тематических доминантах публикаций. В частности, в российских СМИ автор выделяет такие гипертемы, как «ВСУ и ее неудачи, обстрелы российской территории со стороны ВСУ, действия ВС РФ, критика действий со стороны западных стран, потери противника и жертвы среди мирного населения, ход СВО». В украинских СМИ представлены следующие медиатопики: «обстрелы и разрушения украинской территории, жертвы среди украинского населения». Автором также выделены информационные приемы, которые репрезентированы как в российских, так и в украинских СМИ: «ссылки на официальные и анонимные источники, экспертные мнения, приемы демонстрации превосходства и компрометации противника», что вполне обосновано в условиях информационной войны. Помимо этого, автор учитывает публикационную активность каждой стороны военного конфликта и выявляет ключевые факторы медиарепрезентации, манифестированные в российских и украинских медиа. Работа вносит вклад в изучение медиадискурса, политического медиадискурса благодаря комплексному сопоставлению российских и украинских сетевых изданий в ограниченный временной промежуток, выявлению устойчивых фреймов и коммуникативных приёмов, характерных для каждой стороны, демонстрации зависимости медиастратегий от нормативно правовой среды и редакционной политики. Библиографический список включает 43 наименования, в том числе современные исследования, что говорит о широком научном кругозоре автора. Конфликт интересов с другими исследователями не обозначен, автор корректно цитирует и интерпретирует научные работы. Статья соответствует требованиям к научным публикациям, обладает теоретической и практической ценностью, может быть интересна широкому кругу читателей. Рецензируемая работа может быть опубликована в научном журнале *Litera*.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Колобова С.В. Лингвостилистические особенности современных форм медиа-коммуникации в условиях информационной войны // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72762 EDN: ANICZE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72762

Лингвостилистические особенности современных форм медиа-коммуникации в условиях информационной войны

Колобова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0002-8518-8799

старший преподаватель; факультет психологии и медиакоммуникации; Мариупольский государственный университет (ФГБОУ ВО МГУ им.А.И.Куйбышева)
шеф-продюсер; 1 канал

115054, Россия, г. Москва, ул. Валуевская, 11/19, оф. 35

✉ prgaga@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.72762

EDN:

ANICZE

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2024

Аннотация: Статья посвящена коммуникативному и лингвостилистическому аспектам информационной войны как части гибридной войны. В настоящее время проблема стратегий информационной войны особенно актуальна в связи с геополитической обстановкой. В качестве материала отобран контент Telegram-каналов российских поэтов патриотической направленности: Акима Апачева, Анны Долгаревой и Александра Пелевина. В статье рассматриваются стратегии, используемые авторами для создания образа противника и для мотивации сторонников, а также языковые средства, с помощью которых они реализуются. Анализируются способы воздействия на сознание читателя. Целью настоящей статьи стало выявление языковых средств, с помощью которых реализуются те или иные коммуникационные стратегии выбранных авторов и то, как они служат целям информационной войны. В качестве методов исследования в статье нами использованы контент-анализ, сравнительный анализ, лингвостилистический анализ. Результаты нашего исследования показали, что авторы реализуют манипулятивную и конфликтную стратегии, которые опираются на широкий спектр

лингвостилистических средств. Данные средства принадлежат ко всем уровням языка: лексическому, синтаксическому, грамматическому, морфологическому, морфемному – и призваны подчеркнуть дихотомию «мы — они». Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что основной приём авторов в условиях информационной войны — это противопоставление «мы/они», и используемые языковые средства служат для усиления этого противопоставления. Поэты используют по большей части конфликтную и манипуляционную стратегии, что обусловлено задачами информационной войны. Научная новизна статьи заключается в том, что лингвостилистический анализ данных Telegram-каналов с целью определения коммуникативных стратегий ранее не проводился. Практическая значимость статьи заключается в том, что результаты данного исследования могут применяться для обучения специалистов в области журналистики и стилистики, а также в области лингвистической экспертизы.

Ключевые слова:

Стилистика, контент-анализ, лингвостилистические особенности, информационная война, коммуникативные стратегии, военные корреспонденты, медиабезопасность, психология информационной войны, образ врага, идеологический противник

Введение

Люди научились вести информационную войну много тысяч лет назад. Информационная война подразумевает переубеждение противника, навязывание ему своих идеалов и ценностей. С появлением СМИ, телевидения и Интернета информационная война стала ещё более динамичной, усложнились используемые языковые и технические средства ее ведения, что делает исследование в данной области актуальным.

В данной статье мы проанализируем лингвостилистические особенности стихотворений военкоров, публикующих свои произведения в Телеграм-каналах, в частности, Акима Апачева, Анны Долгаревой и Александра Пелевина в контексте информационной войны между Россией и Украиной. Целью настоящей статьи является выявление языковых средств, с помощью которых реализуются те или иные коммуникационные стратегии выбранных авторов и то, как они служат целям информационной войны.

Обзор литературы

В основу исследования легли работы на стыке журналистики и стилистики (Л. Е. Малыгина), лингвистики и медиакоммуникации (А. А. Романов, Л. В. Ухова, Ю. В. Лучинский, Е. В. Гончарова) и политического дискурса (Т. Л. Каминская, Т. Г. Добросклонская, П. Г. Логинова, Н. Л. Грейдина). В данных работах поднимаются проблемы манипулирования общественным сознанием с помощью языковых средств, коммуникативные и стилистические аспекты медиадискурса. Мы изучили особенности медиастили (Н. И. Клушина) и сопоставили их с особенностями стиля изложения в Telegram-каналах. Также мы рассмотрели работы в области лингвистики, направленные на изучение особенностей информационной войны (О. Г. Ламинина, Н. Г. Прибылова) и коммуникативных стратегий, которые используются в этих условиях. Мы проанализировали работы, посвящённые данной проблеме в сфере журналистики (В. В. Тулупов) и сопоставили их со стратегиями воздействия на читателя, которые применяются на площадке Telegram.

Методы и материалы исследования

Материалами исследования послужили публикации в Telegram-каналах А. Пелевина, А. Долгаревой и А. Апачева. Методом сплошной выборки мы проанализировали 30 публикаций А. Долгаревой, 30 публикаций А. Пелевина и 30 публикаций А. Апачева. Мы отбирали только текстовые публикации, которые могли представлять материал для лингвистического анализа. С помощью стилистического анализа мы выявили спектр языковых средств, которые использовали данные авторы. Методом контентанализа мы сопоставили языковую составляющую публикаций с экстралингвистической реальностью, что позволило определить интенцию авторов.

Коммуникативные стратегии, которых придерживаются участники информационной войны, обусловлены ее целями. Согласно Л. А. Журавлёвой и др., целями информационной войны с обеих сторон русско-украинского конфликта являются, во-первых, повышение мотивации, боевого духа и воли к победе как бойцов, так и мирного населения; во-вторых, «внесение смятения, страха и паники» в армию противника; в-третьих, «формирование негативного имиджа враждебных стран в глазах мирового сообщества» [\[6, с. 24\]](#). Мы предполагаем, что используемые языковые средства, выявленные в отобранном материале, будут служить для реализации этих целей.

Рассмотрим следующее определение информационной войны, данное О. Г. Ламиной: «Информационная война — это целенаправленная, организованная деятельность государства в сфере распространения и использования информации посредством массированного воздействия на информационные системы вероятного противника». [\[9, с. 18\]](#) Мы предполагаем, что в настоящее время информационная война может вестись не только от лица государства с помощью таких информационных систем, как телевидение и пресса, но и на более локальном уровне. На наш взгляд, даже единичные авторы, блогеры и журналисты также могут вести информационную войну.

В частности, в настоящее время большое воздействие на аудиторию оказывают военкорры- блогеры, которые ведут каналы на платформе Telegram, поскольку она имеет большую популярность среди молодых слоёв населения. Как отмечает Е. В. Гончарова, современные мессенджеры позволяют авторам своевременно узнавать о проблемах своей аудитории, реагировать на её высказывания, создавая доверительную атмосферу и оказывая на неё эмоциональное воздействие [\[1, с. 43\]](#). Медиасообщения служат для выполнения целого ряда функций: развлекательной, фатической, оценочной, самопрезентационной, политической, информативной, маркетинговой, экономической [\[2, с. 51\]](#). Это делает Telegram эффективным инструментом для ведения информационной войны.

Для анализа информационной войны в массмедиа и соцсетях необходимо учитывать особенности медиастилей. Согласно Н. И. Клушиной, медиастиль «объединяет в себе ведущие дискурсные интенции: убеждение, информирование и развлечение», что создает его особую интенциональную структуру. [\[8, с. 35\]](#) Это подтверждается примерами из анализируемых Telegram-каналов, которые очень разнообразны с точки зрения формы контента: в них представлены информационные сводки, репортажи, стихотворения, опросы, а также видео- и фото-контент с комментариями. Это многообразие служит для реализации выбранных коммуникативных стратегий.

Согласно В. В. Тулупову, журналистика в СМИ может опираться на несколько стратегий: конвенциональную, конфликтную или манипуляционную. При этом «качественные» издания и каналы опираются на конвенциональную стратегию, жёлтая пресса — на

конфликтную, а пропагандистские издания — на манипуляционную [14, с. 199]. Конфликтная стратегия подразумевает обнаружение разногласий и фокус на обнаруженных разногласиях участников освещаемого конфликта. Она направлена на разжигание конфликта либо его поддержание. Манипуляционная стратегия служит для захвата смыслового пространства с целью навязывания определенной коммуникативной стратегии и нужной автору точки зрения. Характерными чертами, которые позволяют опознать их использование, являются использование сниженной и даже обценной лексики, агрессивный тон повествования, искажение фактов, ложное домысливание.

В. В. Тулупов также отмечает, что выбор конфликтной и манипуляционной стратегий обусловлен такими личностными стремлениями авторов, как амбициозность, то есть желание настоять на своей точке зрения; наличие общественного темперамента, которое подразумевает желание изменить ситуацию к лучшему; и неудовлетворенность текущим статусом, которое вызвано ресентиментом [14, с. 199].

Согласно Н. Г. Прибыловой, в рамках информационной войны, как и в рамках реальных военных действий, выделяют стратегию и тактику. Стратегия включает в себя «общее планирование коммуникативного процесса» [12, с. 207], то есть осознанный выбор ряда вербальных и невербальных лингвистических средств для достижения определенной цели в рамках коммуникации. Это общая направленность говорящего на достижение того или иного коммуникативного эффекта, оказываемого как на противника, так и на аудиторию. Коммуникативная тактика менее долгосрочна и подразумевает речевые действия, одно или несколько, которые помогают реализовать ту или иную стратегию. Таким образом, это способ, с помощью которого осуществляется реализация коммуникативной стратегии.

В зависимости от конкретной цели выбор коммуникативной тактики может отличаться. Кроме того, выбор используемых языковых средств зависит также от сферы общения, то есть от конкретной формы общественного сознания. В зависимости от сферы могут меняться нормы употребления тех или иных лексических единиц, текстовых связей, конструкций. Таким образом, экстралингвистические факторы определяют выбор лингвистических единиц, и информационная война ставит своей целью повлиять на экстра-лингвистическую реальность с помощью языковых средств.

Одним из способов такого влияния является использование особых лингвостилистических приемов. Рассматриваемый нами материал взят с Telegram-каналов военкорov – блогеров патриотической направленности, соответственно, на каналах содержатся как публикации поэзии, которые относятся к художественному стилю, так и публицистические тексты.

Каналы в Telegram можно назвать примерами «гражданской журналистики», кото-рая, согласно Т. Л. Каминской, имеет целью предоставить независимую, точную и релевантную информацию по самым разным темам. Их чертами является горизонтальность сетевой коммуникации, активное использование социальных сетей, разрушение шаблонов политической коммуникации и неожиданные, порой неуместные и эксцентричные на первый взгляд речевые практики [7, с. 16]. В качестве примера последнего пункта из исследованных Telegram-каналов можно отметить публикации А. Апачева, который предлагает читателям отвечать на опросы типа: «Настюшка Ивлеева просит прощения за inferнальную оргию. Простим?» с ответами: «Простим, она же извинилась искренне» / «Простим, но не сразу. Пусть поработает на благо страны» / «Гойда». Таким образом, здесь автор обращается к образу идеологического противника,

настраивая против него общественность в лице подписчиков канала. Общность с подписчиками подчеркивается использованием глаголов первого лица множественного числа. Часть вариантов ответов содержит иронию и интертекстовые отсылки. А. Апачев использует уменьшительно-ласкательные суффиксы для номинации противника, чтобы продемонстрировать снисходительно-ироничное отношение к нему. Автор неоднократно использует подобные опросы по отношению к другим идеологическим противникам (например, певец Филипп Киркоров; США). Таким образом коммуникационная стратегия автора реализует сразу два «источника цели», сразу две противоположные модели общения: дискомфортно-психологического общения (по отношению к идеологическим противникам) и комфортно-психологического общения (по отношению к сторонникам) [\[13, с. 40\]](#).

Образ врага в выбранных стихотворениях А. Пелевина представлен по большей части людьми, придерживающихся отличных от авторов взглядов. Активное использование стереотипных образов типа «соевое молоко» как символ молодого жителя столицы указывает на способность публикаций в Telegram «воспроизводить разного рода схемы, а именно стереотипы, и способствовать укреплению их в общественном сознании» [\[10, с. 127\]](#). Образ врага складывается из деталей, закрепленных за той или иной группой, и активно эксплуатируется в публикациях.

Публикации А. Долгаревой в основном сосредоточены на военной тематике, и в качестве главного противника в них выступает украинская армия. Однако в качестве идеологического противника также рассматриваются и люди, придерживающиеся либеральных взглядов. Канал также служит цели приободрить российских бойцов и информировать читателей о вестях с фронта.

Лингвостилистический анализ выбранных материалов позволяет определить основные средства художественной выразительности, с помощью которых реализуются коммуникационные стратегии выбранных авторов.

Одним из распространенных средств, с помощью которых выбранные нами поэты отображают образ врага, являются эпитеты. В стихотворениях А. Долгаревой эпитеты используются в основном для описания ужасов войны: «синие губы», «бесхвостый кот», «мёртвая щека бывшего человека», «было жарко от горячего света», «бессмысленная круговерть», «черная смерть», «вот мы, царапающиеся, живые», «больничная тишина». Большинство эпитетов несет в себе семантику мертвенности, болезненности, бессмысленности происходящего.

А. Пелевин использует эпитеты с отрицательной коннотацией для образа идеологического противника: «вонючий нарратив», «неокомсомольский фемактив», «коварный прищур», «розовый комсомол», «немые клоуны» по отношению к группам, против которых ведется информационная война, при этом он зачастую объединяет противников в одну группу, в частности, метафорически соединяет сторонников феминизма с комсомольцами, чтобы создать образ жёсткого противника с косным мышлением.

Авторы также широко используют метафоры. Например, по отношению к идеологическому противнику они используют метафоры с символикой, присущей этим группам: «радужные ленты», «радужные облака» (метафора экстремистской организации, запрещенной в России). В публикациях А. Долгаревой также встречаются метафоры, призванные выразить негативное отношение к идеологическому противнику: «либералы превратились в скопище ядовитых змей». Ужасы войны автор также

описывает с помощью метафор: «крик замерзает около синих губ».

По отношению к российской армии А. Пелевин использует метафоры с семантикой силы, твёрдости: «парни сделаны из стали». Автор использует метафоры с лексемой «чёрт», «ад», с целью ярко описать ужасы войны и подчеркнуть гордость за бойцов: «куда и черти лысые боялись бы залезть»; «да, там ад, но там их ждут». А. Долгарева, напротив, часто обращается к тематике Бога, жизни: «молилась, чтоб Господь отвёл тебя от пули», «живи, живи, одно прошу, живи». А. Пелевин иногда использует метафору неба как чего-то трансцендентного, возвышенного: «улыбаясь небесам», «небо им пело» и земли как того, что сулит смерть: «земля их звала». А. Апачев также использует метафоры в сочетании с библейскими отсылками и оксюмороном для описания увиденного на войне: «И чёрным молоком рассвета вспыхнул Синай».

Авторы также используют синекдоху: «медузы балтийские», «разводные мосты» (отсылки к Санкт-Петербургу — топонимическому олицетворению идеологического противника), метонимию: «спит Москва новогодняя». Синекдоха также используется и в публикациях А. Долгаревой: «цель, которая стояла перед русским оружием».

Стихотворный размер, который используют авторы, также зачастую несёт определённый коммуникативный посыл. Так, А. Пелевин в некоторых стихотворениях использует четырёхстопный хорей, распространённый стихотворный размер для написания частушек, в которых сочетаются аллюзии на эзотерических авторов и явления и сниженная лексика: «Трансцендентный Тёмный Логос подчинил Евразию // Может быть, в последний раз на тебя залазию». Такой контраст призван создать комический эффект и призвать читателя к осмеянию «чересчур возвышенных» ценностей идеологического противника в противовес простым, «народным» физиологическим потребностям.

Военкоры также активно используют олицетворение. Олицетворению подлежит оружие: «лихо свистели пули», «танки шли, танки тоже об этом знали», «танки шли колон-ной», а также смерть: «смерть, летящая с небес», «черная смерть следит», «смерть от-вернула морду». Много из того, что может принести смерть, олицетворяется, например, война, снег: «о ликах войны, об улыбке ее щербатой», «снега обступают деревню во тьме». Это создаёт впечатление осмысленности неживых орудий. Бойцы как будто сражаются не с такими же, как они сами, людьми, которые находятся по ту сторону баррикад, а с живыми, имеющими собственные намерения, пулями, танками, смертью и зимой.

Наиболее распространенными средствами художественной выразительности также служат повторы. Как отмечает Л. Е. Малыгина, повторы могут оказывать сильное коммуникационное воздействие. Информация воспроизводится по принципу «вращающейся двери», что приводит к тому, что аудитория воспринимает её как действительно заслуживающую внимания. Таким образом повтор может стирать в сознании аудитории границы между нормой и ненормой, этичным и неэтичным в речевом поведении [\[11, с. 62\]](#).

В исследуемых каналах повторы широко используются на всех языковых уровнях: на уровне фонетики (рифма, аллитерация, ассонанс), на уровне морфем (гомеология), на уровне лексики (лексический повтор, анафора), морфологии (повтор грамматических форм), синтаксиса (синтаксический параллелизм) и семантики (градация, перифраз).

Рассмотрим некоторые примеры обнаруженных нами повторов, в частности, анафоры. Например, они в большом количестве встречаются в стихотворениях А. Пелевина: «если звезды стали тусклыми», «если жгут поля и хлеб» (для усиления эмоционального

эффекта); «не в синагоге», «не на вокзале», «не на каком-нибудь биеннале», «не в президенте на Украине» (иронический эффект). А. Долгарева также использует анафоры в стихотворениях: «И как будто я сейчас все понимаю, // И как будто смерть отвернула морду»; «Словно не решает ничто земное // Словно кошка тянется спинкой томной». Анафора служит эффективным способом оказания эмоционального воздействия на читателя.

Распространены и лексические повторы. Например, у Пелевина они служат созданию саркастического эффекта: «Покидает опять, потом покидает снова», «снова и снова, такие дела, времена такие», «манит и манит Россия». Поэт активно использует параллельные конструкции с лексико-синтаксическим повтором: «До дома ехать полчаса. До дома ехать восемь лет.». А. Долгарева также использует большое количество повторов, которые оказывают сильное эмоциональное воздействие: «только пот заливают глаза, только усталость, только выстрелы»; «и больше не плакать, не плакать». Таким образом, повтор может выполнять широкий спектр функций: создавать иронический эффект, подчеркивать важную информацию (в случае прозы), усиливать эмоциональное воздействие на читателя.

На канале Пелевина широко используется ирония: «Аллочка, свет моих глаз», «плачет маленький Галкин, оставленный умирать», «сегодня мы все — еврей в турбине»; «сладкая Волга-река из соевого молока». В ироничном смысле автор также использует и ретардацию: «Как же так вышло — никак не понять! Нас обманули партнёры опять!»; «На мистерии Грааля // Мы традицию блюли, // После тигра оседлали — // Чудно время провели!». В данном случае иронический эффект создаётся с помощью широкого спектра языковых средств: на морфемном уровне — путём уменьшительно-ласкательных-суффиксов по отношению к идеологическому противнику, Алле Пугачёвой. К иронии также можно отнести использование морфологических паттернов, характерных для противника, в частности, использование феминитивов: «психологиня», «авторки, редактор-и, поэтки». На лексико-семантическом уровне ирония создаётся с помощью отсылок и метафор: «соевое молоко»; «оседлали тигра» (отсылка к трудам Ю. Эвола); противопоставление ритма, характерного для частушек, и лексики, отсылающей к оккультизму. Таким образом автор высмеивает идеологических противников. По отношению к сторонникам Пелевин использует уменьшительно-ласкательные-суффиксы: «буханочка», «бараночка», «волонтёрша Анечка».

Авторы часто прибегают к употреблению антитеза: например, А. Пелевин противопоставляет людей, придерживающихся либеральных взглядов, людям, сражающимся на СВО: «гендерно-нейтральные студенты, фемактив», «авторки, редакторки, поэтки, бристы, активисты, петухи» противопоставляются «двухсотой бригаде», «буханочке с потертой буквой зэт». Также противопоставляются люди разных национальностей: «в одном строю чеченец и казак». В первом случае антитеза призвана отобразить личное негативное отношение автора к описываемым слоям населения и противопоставить их милитаристским образам. Во втором — напротив, антитеза призвана подчеркнуть единство, которое царит в строю армии несмотря на национальные различия. Другие примеры антитез: «Родина и пустота», «святая земля горяча, и хочется вновь на север».

В стихах А. Долгаревой также используются антитезы: «Кем мы были, довоенные, ласковые, безвозвратно ушедшие // Нынче бронежилет и каска». Данное противопоставление призвано передать тоску о мирном прошлом. Противопоставляются образы довоенного и военного мира, зимы и весны, смерти и жизни: «вот бы увидеть небо не синим, а серым», «Я видела детей <...> живых и мёртвых».

Авторы, в особенности А. Пелевин, также широко используют аллюзии: «где был летовский праздник, теперь винтовка», отсылки к реальным личностям: «плачет маленький Галкин», (идеологический противник), «я не слышал Монеточку...» (снисходительное отношение к кумирам молодёжи, придерживающейся иных ценностей), «Гарри Поттер в версии от Нетфликса» (ироничное смешение несовместимого в один образ). Аллюзии обеспечивают более эффективное вовлечение читателя в текст и демонстрацию общей культурологической базы, то есть создание эффекта общности.

Для усиления эмоционального эффекта авторы используют сравнения: «за лучшие дни поднимаю стакан, как пьет инвалид за обрубок», «как призрак», «как тень». А. Долгарева использует сравнения в стихах: «словно вокруг — тишина бывшего мира», «воздух тяжёлый, словно угарный газ».

К наиболее редким художественно-выразительным средствам, которые используют авторы, относится оксюморон: «большая широта в крохоборе».

При описании образа российских военных поэты часто используют местоимение «мы», «наши» для того, чтобы создать у читателя эффект причастности к описываемым событиям. В частности, в стихотворениях Пелевина встречаются следующие примеры: «хорошо, когда есть армия, а у армии есть мы»; «надо нашим помогать», «от нашей стороны» (коммуникативный посыл — необходимость помогать своим сторонникам), «нас прозвали орками», «такие уж мы», «спасибо, что мы не стали прекрасной Россией», «мы не стали эко-френдли» (коммуникативный посыл — противопоставление «своих» и «чужих»), а также глаголы первого лица множественного числа: «соберём на коллиматоры», «будем все с зарплатами». В прозаических публикациях-репортажах А. Долгаревой, повествующих об обстановке на фронте, также присутствует повествование от первого лица множественного числа, то есть от лица бойцов: «мы были на Авдеевке», «наши придут, потому что наши — это мы», «мы своих не бросаем». На канале А. Апачева также встречаются подобные примеры: «Мы же всё равно их убьём». Наиболее распространенная единица, которой обозначают бойцов — «ребята»: «ребята уставшие, взяли боеприпасы». Данная единица призвана расположить читателя к бойцам, представить их прежде всего как живых людей. Семантика слова «ребята» также связана с дружбой и детством, что также воздействует на подсознание читателя и ассоциирует бойцов с невинностью, товариществом, сентиментальными воспоминаниями. Другие распространенные лексемы для обозначения бойцов российской армии — «парни», («наши парни остались впереди»), «товарищи», часто вместе с местоимением «наши». Бойцов вражеской армии, в свою очередь, в публикациях часто обозначают собирательными существительными: «противник», «группировка»: «у противника на тот момент не было боеприпасов». Используются безличные предложения: «Обстреляли торговый центр». Такое собирательное обозначение призвано расчеловечить бойцов противоборствующей армии, дать о них представление как о чем-то неживом, механистичном. В противовес местоимению «мы» также используется местоимение «они»: «они засекли наших товарищей». Публикации также нацелены на поддержание боевого духа бойцов, и поэтому авторы для описания российской армии употребляют слова с семантикой героизма: «триумф героизма русских бойцов», «героизм русских солдат»; храбрости: «сражаются храбро и мужественно».

Авторы используют риторические вопросы: «Что происходит? И кто я? Где я?», «Зачем искать вообще хоть что-то?», «Зачем в турбине искать еврея?» (А. Пелевин), которые призваны передать замешательство автора в связи с политическими событиями.

Реализуя конфликтную коммуникационную стратегию, Пелевин использует обценную и

сниженную лексику по отношению к идеологическому противнику, например, «петухи» (в значении «лица нетрадиционной сексуальной ориентации»). Также обценная лексика используется для передачи экспрессии и речи «простого народа».

В поэзии А. Пелевина также часто используются жаргонизмы, неологизмы на военную тематику и сленг: «мавик», «укреп», «мох», «цифра», «мультикам», «располага». Автор также использует такие сленговые выражения, как: «хайпить», «норм», разговорные выражения и диалектизмы: «покраденный», «бахает». Эти выражения служат для сокращения дистанции с целевой аудиторией. В публикациях А. Долгаревой тоже встречаются военные жаргонизмы: «промка», «коксохим»; аббревиатуры: «ФАБы», «ПТУРЫ». Подобные единицы встречаются и у А. Апачева: «затрехсотился».

Авторы также используют, с одной стороны, лексику книжного стиля (у Пелевина — «рать», «стылыми»; у Долгаревой — «воинство»), с другой стороны, разговорные слова («ответочка», «подсветочка»), «буду нонеча осторожен» (у А. Долгаревой). С помощью этого контраста создается, с одной стороны, эффект создания серьезного, торжественного настроения, с другой стороны, разговорные слова как бы приближают поэта к «простому народу».

На канале А. Апачева распространённым приёмом является обращение к читателю как к непосредственному собеседнику. К читателям автор обращается следующим образом: «медвежата», «камрады», создавая атмосферу дружелюбия, единства и заботы. Автор также стремится поддерживать боевой дух армии: «Давайте ударим одним большим кулаком!». Таким образом, публикации имеют целью перлокутивный эффект «осуществление акта воздействия на аудиторию» [\[15, с. 224\]](#). В то же время автор так же обращается и к противнику, используя сниженную лексику. Коммуникационная стратегия данного канала строится на стремлении поддержать российских бойцов, осмеять идеологического противника, информировать подписчиков канала о грядущих и прошедших событиях, поделиться новостями с каналов идеологически близких авторов. Что касается средств художественной выразительности, то наиболее часто употребляемыми средствами на данном канале являются ирония и сарказм.

Результаты, дискуссия

Методом статистического анализа мы выявили, что количество использованных стилистических средств в стихотворных публикациях значительно превышает таковое в публикациях иной направленности. Это объясняется особенностями стихотворного текста, который, как правило, имеет более высокую эмотивность. В стихотворных текстах наиболее распространёнными средствами художественной выразительности являются повторы (лексические, синтаксические, морфемные). Также распространёнными являются антитезы, ирония и сарказм, эпитеты, метафоры. В прозаических публикациях основным рычагом воздействия на читателя служат инвективная лексика в сторону противника, ирония и сарказм, использование грамматических средств (местоимение «мы» и глаголы первого лица множественного числа призваны создать у читателя ощущение единения, общности).

Каждый автор имеет свои собственные стилистические особенности, в частности, для публикаций текстов А. Апачева в большей степени характерна ирония и сарказм в сторону идеологических противников, для А. Долгаревой — эмоциональное воздействие на читателя с использованием эпитетов, метафор, повторов, для А. Пелевина — инвективы в сторону противника, соединение образов различных противников в один. Большая часть публикаций подчинены манипуляционной и конфликтной

коммуникативным стратегиям.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, поэты реализуют свои коммуникативные стратегии с помощью многообразного спектра лингвостилистических средств: эпитетов, анафор, повторов. В прозаических публикациях и репортажах количество средств художественной выразительности ниже, однако авторы компенсируют это с помощью грамматических средств (местоимение «мы», глаголы второго лица множественного числа) и лексики (инвективы, жаргонизмы). Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что основной приём авторов в условиях информационной войны — это противопоставление «мы/они», и используемые языковые средства служат для усиления этого противопоставления. Поэты используют по большей части конфликтную и манипуляционную стратегии, что обусловлено информационной войной. В частности, данные стратегии сфокусированы на разногласиях участников освещаемого конфликта и на захват смыслового пространства с целью освещения определенной точки зрения. Авторы ставят перед собой несколько целей: информировать читателей о событиях на фронте, поддержать дух бойцов, а также сформировать негативный образ противников, как военных, так и идеологических.

Библиография

1. Гончарова Е. А. Жанрообразующие характеристики англоязычного микроблога Твиттер [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №3. С. 51-58.
2. Гончарова Е.А. Языковые механизмы англоязычного Твиттера: тенденции использования антиязыка [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 120-126.
3. Гончарова Е. А. Языковые средства выразительности англоязычного бизнес-Твиттера [Электронный ресурс] // СИСП. 2020. № 4. С. 43-57.
4. Грейдина Н. Л. Медийная агрессия в контексте политической коммуникации (на материале британских и американских СМИ) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11, № 2. С. 102-106. DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106
5. Добросклонская Т. Г., Логинова П. Г. Политическая медиариторика: системный подход к исследованию речевых практик политического медиадискурса [Электронный ресурс] // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. №. 4. С. 47-54. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-4-47-54> (дата обращения: 06.03.2024).
6. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Современная информационная война [Электронный ресурс] // Образование и право. 2022. № 9. С. 18-26.
7. Каминская Т. Л. Новые тренды в российской политической коммуникации [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 12-18.
8. Клушина Н. И. Медиастилистика и ее место в современной филологической науке [Электронный ресурс] // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2019. № 1. С. 35-38.
9. Ламинина О. Г. Информационные войны: миф или реальность? [Электронный ресурс] // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. № 1 (25). С. 17-23.
10. Лучинский Ю. В. Коммуникативные практики постмодернистских текстов: литературно-медийный дискурс. – Краснодар: Кубанский государственный университет,

2021. 158 с.

11. Малыгина Л. Е. Телевизионный анонс: информирование или манипулирование? [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 60-63.
12. Прибылова Н. Г. Лингвокоммуникативные стратегии и тактики информационной войны в текстах публицистического стиля. — Сборник научных тезисов и статей по материалам Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции. 2021. С. 207-214.
13. Романов А. А. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. / А. А. Романов, А. П. Костяев; Институт языкознания РАН. М.: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2011. 310 с.
14. Тулупов В. В. Коммуникативные стратегии в российской журналистике «нового времени» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2005. № 1. С. 197-211.
15. Ухова Л. В. Аргументация в текстах печатной рекламы: к вопросу об эффективности коммуникации // Филология и культура. 2011. № 4(26). С. 224-228.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Litera

Правильная ссылка на статью:

Милостивая А.И. Особенности экспликации субъективной модальности в нарративе информационного студенческого молодежного журнала (на материале русского языка) // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76603 EDN: ANYJKJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76603

Особенности экспликации субъективной модальности в нарративе информационного студенческого молодежного журнала (на материале русского языка)

Милостивая Александра Ивановна

ORCID: 0000-0001-5052-2622

доктор филологических наук

доцент; кафедра иностранных и русского языков; Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, Тимирязевский р-н, ул. Тимирязевская, д. 49

✉ amilostivaya@inbox.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76603

EDN:

ANYJKJ

Дата направления статьи в редакцию:

03-11-2025

Аннотация: Объектом исследовательской рефлексии послужили 600 микроконтекстов из пяти выпусков издаваемого Северо-Кавказским федеральным университетом информационного студенческого молодежного журнала «Nota bene! Обрати внимание», которые конституируют целостную нарративную секвенцию. Предметом исследования является специфика функционирования вербальных и креолизованных средств выражения субъективно-модальных отношений в нефикциональном русскоязычном нарративе информационного журнала для студенческой молодежи. Актуальность данного исследования связана с антропоцентрическим поворотом в современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигме, выдвигающим на передний план исследование субъективно-модальных оценочных обертонов смысла вербального макрознака. Цель исследования состоит в выявлении когнитивно-дискурсивно обусловленных особенностей языковых и невербальных средств, выражающих

субъективную модальность в политекстовом нарративе информационного студенческого молодежного журнала на русском языке. Методы исследования – контекстуально-герменевтический анализ текстов-кадров нарратива, критический дискурс-анализ и прагмалингвистический анализ для установления особенностей аксиологически маркированной субъективной модальности и персуазивности повествования. Научная новизна исследования состоит в выявлении вербальных средств выражения субъективной модальности в политекстовом нефикциональном нарративе информационного журнала для студентов, среди которых преобладают эмоционально-оценочные эпитеты, метафоры, аллюзии, модифицированные фразеологизмы, эпифоры. Отмечена также частотность таких креолизованных средств выражения субъективной модальности, как эмодзи и фотоиллюстрации. Особым вкладом автора в исследование субъективной модальности в политекстовом нарративе студенческого молодежного журнала является выявление того факта, что позитивная субъективная модальная оценка собственной деятельности осуществляется нарратором не только на вербальном и паралингвистическом уровнях, но и посредством селекции персонажей в диегезисе, куда помещаются только успешно функционирующие в академическом дискурсе акторы. В ходе исследования выявлено абсолютное доминирование позитивной субъективно-модальной оценочности в поликодовом нарративе информационного студенческого молодежного журнала, которая детерминирована интендированным нарратором персуазивным эффектом повествования, направленным на рекламную популяризацию университета среди потенциальных абитуриентов.

Ключевые слова:

нефикциональный нарратив, вербальный макрознак, субъективная модальность, персуазивность, содержательно-концептуальная информация, персонаж, диегезис, эпитет, метафора, аллюзия

Введение. В современных лингвистических студиях на передний план выходит исследование взаимодействия «человека говорящего» и феномена языка как средства вербализации его персуазивных и манипулятивных интенций [\[1, с. 1; 2, с. 105; 3, с. 608-609\]](#). В рамках данного проблемного поля очевиден экспансионизм объекта лингвистической дескрипции от предложения к речевому акту, тексту и дискурсу [\[4, с. 191\]](#). К числу вербальных макрознаков, манифестирующих прагматические интенции описанного выше типа, мы относим также нарратив, подразумевая под данным вербальным объектом материально-идеальную субстанцию, в рамках которой имеет место синергия «материально-физической текстовой составляющей» и «идеально-дискурсивной среды повествования» [\[5, с. 65\]](#). В рамках массмедийной коммуникации доминируют политекстовые нарративы [\[6, с. 1929\]](#), что детерминировано как длительной временной протяженностью описываемых в них социально-актуальных когнитивно-дискурсивных событий, так и необходимостью своевременного информирования о свершившихся фактах реципиентов СМИ.

Основным признаком нарратива как вербального макрознака, с нашей точки зрения, является сконструированность нарративного повествования [\[7, с. 53\]](#), т. е. наличие обработки описываемого контента (истории) нарратором, предусматривающая экспликацию субъективно маркированной и аксиологически окрашенной точки зрения нарратора, которая представляет собой «субъективное “скольжение смысла” нарратора в

динамике изменения события, о котором идет повествование» [8, с. 148]. Кроме того, представляется аксиоматичным, что нарратив обладает персуазивностью [см. также: 9, с. 25].

К политекстовым массмедийным нарративам относится нарратив информационного студенческого молодежного журнала, в когнитивно-дискурсивном пространстве которого происходит тематическое развертывание повествования о жизни данной социальной группы. Следует подчеркнуть нефикциональный характер этого повествования. Традиция отнесения вербальных макрознаков подобного типа к нарративам восходит к работам немецких исследователей М. Мартинеса, К. Клейна и М. Шеффеля [10; 11; 12; 13; 14]. Так, в частности, К. Клейн и М. Мартинес выделяют особые "Wirklichkeitserzählungen" (нарративы о действительности), к которым эти исследователи относят журналистские нарративы в газетах и журналах [11, с. 185-190].

Таким образом, нарратив – это целостный вербальный макрознак, который может быть нелитературным, нефикциональным, а также иметь политекстовую структуру. Следовательно, совокупность номеров информационного студенческого молодежного журнала может быть рассмотрена как целостный нарратив, а значит, в нем возможно проанализировать функционирование лингвистических категорий, присущих вербальным макрознакам, в том числе и особенности экспликации субъективной модальности.

Далее остановимся на трактовках сущности данной категории в трудах по лингвистике с тем, чтобы определить тот смысл, который вкладывается в настоящей статье в понятие «Субъективная модальность». Известный отечественный лингвист И.Р. Гальперин отмечает связь субъективной модальности и эксплицируемой в тексте содержательно-концептуальной информации, а также особого рода «распыленность» модальных оценок в отдельных элементах текста [15, с. 123]. Тем самым постулируется персуазивность субъективной модальности [см. также: 16, с. 189], которая выявляется в процессе коммуникации [17, с. 104] с использованием политекстового массмедийного нарратива. Современные исследователи также отмечают, что субъективно-модальное отношение автора к сообщаемой информации [18, с. 22; 19, с. 481; 20, с. 214], которое связано с вербализацией его ценностных ориентаций [21, с. 122], может выражаться посредством лексики [22, с. 79; 23, с. 27; 24, с. 31; 25, с. 67], синтаксиса [22, с. 79; 26, с. 41-43; 24, с. 32] и стилистических средств образности [22, с. 79; 24, с. 31; 27, с. 60; 28, с. 426]. Тем самым, «семантическая основа категории модальности образована предметной модальностью, которая отражает авторскую модель мира, и оценочной модальностью, модифицирующей предметную модальность посредством качественно-оценочных характеристик сообщаемого в тексте» [29, с. 9].

Актуальность данного исследования обусловлена, исходя из сказанного, повышенным интересом в рамках доминирующей в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы к антропоцентрическому фактору в вербальной интеракции, обуславливающему акцент на изучении субъективно-модальных оценочных обертонов смысла. Научная новизна данной статьи связана с описанием семантико-прагматических особенностей реализации субъективно-модальных отношений в нарративе информационного студенческого молодежного журнала, а также разноуровневых средств их экспликации в полимодальном пространстве исследуемой макроединицы вербальной коммуникации.

Цель данной статьи – выявление когнитивно-дискурсивно детерминированной специфики

языковых и невербальных средств, которые выражают субъективно-модальную содержательно-концептуальную информацию в нарративе российского информационного студенческого молодежного журнала.

Гипотеза настоящего исследования может быть сформулирована следующим образом: возможно допустить, что в политекстовом поликодовом пространстве нарратива информационного студенческого молодежного журнала субъективно-модальный смысл манифестируется в форме аксиологически гомогенной синсемантической тональности, оказывающей интендированное нарратором персуазивное воздействие на реципиента рассматриваемого типа массмедийного контента.

Объектом исследовательской рефлексии послужили 600 микроконтекстов, образующих целостную нарративную политекстовую секвенцию, из пяти выпусков журнала «Nota bene! Обрати внимание», который издается в Северо-Кавказском федеральном университете. Данное периодическое издание позиционируется его редакцией как информационный студенческий молодежный журнал. Предмет исследования – специфика функционирования вербальных и креолизованных средств экспликации субъективной модальности в нефикциональном нарративе указанного выше типа на русском языке.

Методом исследования послужил контекстуально-герменевтический анализ текстов-кадров, конституирующих нарративную синсемантическую секвенцию, а также критический дискурс-анализ для выявления специфики аксиологически окрашенной субъективно-модальной тональности повествования и прагматический анализ в целях спецификации оказываемого политекстовым нарративом персуазивного эффекта.

Анализ. Наблюдения над эмпирикой продемонстрировали яркую субъективно-модальную окрашенность всего поликодового контента нарратива информационного студенческого молодежного журнала, в которой в абсолютно во всех случаях доминирует позитивная оценочная тональность, касающаяся различных аспектов деятельности организации, являющейся учредителем и издателем рассматриваемого в данной статье периодического издания. Далее покажем основные типы языковых средств, с помощью которых на протяжении всего континуума проанализированного нефикционального нарратива манифестируется синсемантическая субъективная модальность повествования.

Прежде всего, отметим яркие эмоционально-оценочные эпитеты, семный состав которых содержит компоненты с положительной оценкой высшей степени интенсивности деятельности Северо-Кавказского федерального университета (Далее СКФУ. – А. М.): *СКФУ – это **уникальный научный и образовательный** центр подготовки конкурентоспособных кадров* (Nota bene! Обрати внимание, 2022, № 25; Nota bene! Обрати внимание, 2024, № 27). В политекстовом нарративе дважды дублируется информация, где присутствует положительная субъективно-модальная оценка выпускников данного учебного заведения, которые характеризуются *«**конкурентоспособные кадры**», обладающие «**высокой личностной культурой и креативным мышлением**, а также **способностью к непрерывному росту**»* (Nota bene! Обрати внимание, 2022, № 25; Nota bene! Обрати внимание, 2024, № 27).

Повествователь-нарратор, являющийся в данном случае также издателем журнала, где опубликован анализируемый нарратив, и коллективным субъектом повествования, обращается к ряду социально престижных и популярных в отечественном академическом дискурсе тематизмов с тем, чтобы сквозь их призму показать высокий статус описываемого высшего учебного заведения. Сюда относится, в частности, концепт «Искусственный интеллект». Нарратор упоминает, что университет держит «курс на

искусственный интеллект» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22), открывая новое направление подготовки «Программная инженерия». Позитивные субъективно-модальные коннотации в данном случае усиливаются посредством использования иноязычного неологизма «гринфилд»: *Разработчики позиционируют данный проект как **гринфилд** по подготовке специалистов в области искусственного интеллекта* (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22).

Рассматриваемый концепт выходит на передний план также в поликодовом тексте в составе нарратива под заголовком «На "ты" с искусственным интеллектом» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22), где обращение «ты» к молодежной читательской аудитории (потенциальным абитуриентам университета) сочетается с креолизированным изображением современных роботов, что усиливает персуазивный эффект сообщаемого, подчеркивая, что университет занимает лидирующие позиции в сфере науки и что поступление в данный вуз является перспективным выбором.

Еще одной актуальной в современном социуме темой является разработка лекарства для борьбы с раком. В тексте-конstituенте анализируемого нарратива под заголовком «Грандиозные открытия» повествуется о создании в университете таких лекарств, которые позиционируются как «**уникальные вещества, эффективные в борьбе с тремя видами рака**» и «**уникальные вещества для борьбы с раком кожи**» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22). В процитированных текстовых пассажах эпитет «уникальный» способствует характеристике СКФУ как ведущего научного центра.

Позитивная субъективная модальность при характеристике научного потенциала СКФУ в ряде случаев выражается посредством обращения к интертекстуальности. Например, в статье из исследуемого нефикционального нарратива под заголовком «Умники и умницы» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22) имеет место референциальная аллюзийная отсылка к популярной телепередаче, где разыгрывается очень ценный приз – поступление в Московский государственный институт международных отношений. В данной статье речь идет о выходе в финал конкурса «УМНИК» молодых ученых из СКФУ. Тем самым осуществляется имплицитное сопоставление двух вузов, с помощью которое у реципиентов закрепляется образ СКФУ как ведущего университета страны.

Содержательно-концептуальная информация, выражающая субъективно-модальную оценку научных разработок университета как ведущих в своей области, выражается в рассматриваемом нарративе при помощи модификации фразеологизма. В текста-кадре нарративной секвенции под заголовком «Ученым небо по колено» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22) сообщается о создании в университете современного беспилотного летательного аппарата малого класса. Фотоиллюстрации беспилотников и их создателей-ученых усиливают персуазивный эффект данного поликодового сообщения.

В рассматриваемом в данной статье нарративе подчеркивается, что в университете учатся успешные молодые люди. Данное субъективно-модальное значение эксплицируется посредством модификации прецедентного высказывания из фильма «Кавказская пленница»: «Студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, она просто красавица!». На страницах информационного молодежного журнала председатель студенческого совета характеризуется так: «Студентка, председ и просто красавица» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22).

С помощью звуковой эпифоры в публикации под заголовком «Гранты за таланты» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22) реципиентам, являющимся представителями

молодежи, сообщается о мерах государственной поддержки проявивших выдающие способности студентов. При этом имплицитно, что именно такие студенты есть в СКФУ, что является в высшей степени субъективной субъективно-модальной оценкой.

Представление доминантной позитивной субъективно-модальной тональности рассматриваемой нарративной секвенции осуществляется нарратором посредством вкрапления в повествование прямой речи описываемых персонажей. Данная интенция нарратора обуславливает изложение историй успеха молодых сотрудников в рубрике «#МолодыеУченыеСКФУ». Так, в частности, технолог наноматериалов Андрей Блинов, описывая успешные результаты своих научных изысканий, включает в повествование как субъективно-модально окрашенную (*состав уникален, результаты впечатляют*), так и эмодзи «Бицепс» (подчеркивает амбициозность) и «Огонь» (акцентирует удовлетворение достигнутым результатом). Подобная поликодовость речи персонажа повышает персуазивный эффект сообщаемого: *Мы создали защитное керамическое покрытие для автомобилей. ☐ В его основе нанокompозитные материалы. Состав уникален. Протестировали средство в детейлинг-центре. Результаты впечатляют ☐* (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22).

В целях экспликации указанных выше субъективно-модальных коннотаций на страницах рассматриваемого молодежного информационного журнала слово предоставляется также успешным выпускникам университета. Для этого существуют специальные рубрики «Даем старт успешной карьере» (Nota bene! Обрати внимание, 2022, № 25) и «Старт для успешной карьеры» (Nota bene! Обрати внимание, 2023, № 26; Nota bene! Обрати внимание, 2024, № 27). В них публикуются интервью с выпускниками, которые, используя поликодовые средства (эмодзи), связывают успешность своей карьеры со знаниями и навыками, полученными в ходе обучения в университете. Шамиль Байтоков, шеф-редактор Службы информационных программ телевидения ГТРК «Ставрополье», который обращается к читателям журнала в этой рубрике, призывает также их занимать активную жизненную позицию для достижения успеха в своей профессии: *После двух месяцев стажировки меня взяли на работу ☐ корреспондентом. Как найти своё место в жизни? Пробовать! ☐* (Nota bene! Обрати внимание, 2022, № 25).

На страницах анализируемого нарратива делается акцент на том факте, что в СКФУ развиваются таланты студентов самых различных сферах, в том числе и в художественном творчестве. Субъективная модальность, эксплицирующая успешность студентов вуза в данном направлении, присутствует в публикации «От Евровидения до Парижа», где речь идет об участии студента в международном фестивале: *Выступить на престижном конкурсе во Франции – такой шанс выпадает далеко не каждому молодому певцу. Студент СКФУ Максим Борисов исполнил свою мечту* (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22). Упомянутая выше субъективно-модальная коннотация выражена посредством эмоционально оценочного эпитета «престижный», а также с помощью выделенного жирным выражения, которые имплицитно тезис о том, что именно СКФУ обеспечил студенту возможность для самовыражения. В данной публикации присутствуют креолизованные элементы в форме фотографий студента с дипломом фестиваля и на фоне роскошного театрального зала, где он исполнял свой конкурсный номер. Данные поликодовые элементы усиливают персуазивность публикации-кадра нарративной секвенции, делая акцент на успехах и достижениях университета-субъекта повествования и выполняя рекламную функцию, призывая потенциальных абитуриентов избрать именно данный университет.

Следует отметить, что упомянутая выше рекламная функция и в высшей степени позитивная субъективно-модальная оценка деятельности университета взаимосвязаны. В

публикации-кадре нарратива под заголовком «Инвестируя в будущее» абитуриентам объясняется, почему следует сделать свой выбор именно в пользу СКФУ, при этом позиционируется при помощи выделенного жирным шрифтом пассажа научное лидерство университета: *Северо-Кавказский федеральный университет является **лидером технологических и научных инноваций в макрорегионе*** (Nota bene! Обрати внимание, 2024, № 27).

Кроме того, нарратором подчеркивается, что достоинством университета является такая позитивная аксиологическая доминанта, как готовность учета интересов и инициатив обучающихся. В публикации «Университет – это место притяжения» на это указывает в форме прямой речи ректор: *Я считаю, что университет – это место притяжения, **место диалога, место формирования инициатив*** (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22).

В нарративе делается акцент, что успешный университет ждет ориентированных на успех абитуриентов. В материале «Стань “звездой СКФУ”» повествуется о программе поддержки одаренных студентов-первокурсников, которые метафорически номинируются «звездами СКФУ». При этом указывается, эти студенты смогут саморазвиться и идти навстречу своей мечте, т.е. реализовать все свои начинания в полной мере: *Для большинства «звездных» первокурсников это возможность саморазвиться... Эти студенты знают, чего хотят, и уверенно идут навстречу своей мечте* (Nota bene! Обрати внимание, 2023, № 26). Университет заботится об интеллектуальном развитии обучаемых, позиционируя как приоритетную ценность развитие их профессионального потенциала. В рубрике «Умные развлечения» (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22) сообщается информация о конкурсах, способствующих становлению студентов как будущих специалистов, при этом эпитет «умный» в названии рубрики имеет позитивные коннотации в плане экспликации субъективной модальности.

Обучающиеся университета, как сообщает повествователь-нарратор, имеют все возможности участвовать в спортивных мероприятиях, которые характеризуются как значительные события с использованием субъективно-модально окрашенных эпитетов: *Спортивные мероприятия в СКФУ – это всегда **яркий** праздник* (Nota bene! Обрати внимание, 2019, № 22). Отмечается также отличная возможность организации питания студентов: «Учись с аппетитом!» (Nota bene! Обрати внимание, 2021, № 23). Указанные особенности студенческой жизни в СКФУ, изображенные в анализируемом нарративе с использованием позитивных субъективно-модальных обертонов смысла, способствуют рекламному продвижению вуза среди потенциальных абитуриентов.

В обозначенном выше рекламном ракурсе релевантен и такой момент смыслодеривации в рассматриваемом корпусе эмпирического материала, как позитивное субъективно-модальное маркирование ориентированности университета на успех универсантов в будущем. В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести поликодовый текстовый фрагмент с обложки одного из выпусков журнала, где на фоне улыбающейся девушки звучит призыв: *# Поступай в СКФУ. Будущее начинается здесь!* (Nota bene! Обрати внимание, 2021, № 23). Аналогичными субъективно-модальными коннотациями обладает слоган, помещенный в «сильную позицию» начала одного из выпусков рассматриваемого журнала: «Образование будущего – в СКФУ!» (Nota bene! Обрати внимание, 2022, № 25), а также следующий насыщенный экспрессивными эпитетами текстовый фрагмент: *Если ты решил поступать в СКФУ, знай: впереди тебя ждут **яркие и насыщенные студенческие годы**, которые обеспечат тебе **успешное будущее*** (Nota bene! Обрати внимание, 2021, № 23). Доверительная форма обращения на «ты» к реципиенту текста из журнала создает «домашнюю» атмосферу, что увеличивает прагматическое воздействие данной публикации.

Мотив дома, присутствующий на страницах журнала, также способствует экспликации содержательно-концептуальной информации о хороших условиях для студентов, при этом метафора «дом» субъективно-модально маркирована и выполняет персуазивно-рекламную функцию: *За десять лет Северо-Кавказский федеральный университет стал буквально центром притяжения для ребят из разных регионов России и стран мира... И каждый из них чувствует себя здесь как **дома!*** (Nota bene! Обращи внимание, 2023, № 26).

Высокой степенью персуазивности обладают в высшей степени позитивные субъективно-модальные оценки педагогов университета, выражаемые на языковом уровне в ходе информирования об институтах и факультетах посредством оценочных эпитетов, например: *Здесь работают **высококвалифицированные** преподаватели, **прошедшие стажировки в ведущих научных центрах и университетах России и мира.** К учебному процессу привлекаются также **известные** ученые из отечественных и зарубежных образовательных учреждений* (Nota bene! Обращи внимание, 2021, № 23).

Кроме языковых средств, субъективно-модальные обертона смысла эксплицирует в анализируемой нарративной секвенции также выбор описываемых персонажей. Среди последних в рубрике «Новости федеральных университетов» упоминаются представители университетов-партнеров с федеральным статусом, достигшие высот в научной сфере (см. публикацию ««Мегагрант» по философии» об ученых из Балтийского федерального университета им. И. Канта (Nota bene! Обращи внимание, 2019, № 22) или реализовавшие социально-значимый проект (см. материал «Кадровый автобус» о проекте Северного Арктического федерального университета по трудоустройству студентов-педагогов (Nota bene! Обращи внимание, 2019, № 22).

Субъективно-модально маркированными являются в рассматриваемой нарративной секвенции также те пассажи, где характеризуются ценности СКФУ и приоритеты развития данного университета. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть продвижение русского языка в других странах. В ходе наррации о Летней школе для словенцев использовано субъективно-модально маркированная номинация русского языка, где он охарактеризован при помощи эпитетов как основная ценность социума: *На практических занятиях группы в зависимости от уровня владения языком знакомились с азбукой, фонетикой, лексикой, грамматикой **великого и могучего**, русским кинематографом* (Nota bene! Обращи внимание, 2019, № 22). Аналогичные субъективно-модальные коннотации эпитетов отмечены в следующем пассаже: *На протяжении многих лет университет продвигает русский язык как основу единства, формируя **общее гражданское, культурное и образовательное пространство*** (Nota bene! Обращи внимание, 2024, № 27).

Позитивная субъективно-модальная оценка проявляется также при описании патриотического воспитания в военно-учебном центре университете в статье под заголовком «Стать в строй!»: *Обучение в нашем центре дает не только расширение стартовых возможностей, это еще и становление юношей как **настоящих** мужчин* (Nota bene! Обращи внимание, 2021, № 23; Nota bene! Обращи внимание, 2023, № 26). Данная статья вышла в свет в двух номерах журнала, что еще раз свидетельствует о внимании университета к патриотическому воспитанию.

Еще одним аксиологически релевантным для субъекта повествования моментом является аттрактивность географического расположения университета в курортном регионе Северного Кавказа. В связи с этим в анализируемом нарративе присутствует множество

микроконтекстов, в которых подобная аттрактивность актуализируется при помощи субъективно-модальных коннотаций языковых средств как реклама для привлечения абитуриентов. В подобном ракурсе позиционируются в иллюстрированном поликодовом формате в публикации «Загадки и красоты Северного Кавказа: путешествие в сердце природы и культуры» (Nota bene! Обрати внимание, 2024, № 27) основные достопримечательности Северного Кавказа (Эльбрус, мечеть «Сердце Чечни», Сулакский каньон, Кавказские Минеральные Воды), находящие поблизости от СКФУ.

В аналогичной функции употреблена субъективно-модально маркированная метафора: *СКФУ – сердце Кавказа* (Nota bene! Обрати внимание, 2023, № 26). В двух номерах исследуемого журнала (Nota bene! Обрати внимание, 2023, № 26; Nota bene! Обрати внимание, 2024, № 27) в целях экспликации содержательно-концептуальной информации с рассматриваемой семантикой в «сильной позиции» на второй странице, еще до содержания выпуска, приводится схема с указанием расстояния от СКФУ до основных достопримечательностей Северного Кавказа (Галереи минеральных источников в Ессентуках, Чегемских водопадов в Кабардино-Балкарии, Каспийского моря, ледника Суфруджу в Карачаево-Черкессии).

Результаты. Исследование особенностей субъективной модальности в нарративе информационного студенческого молодежного журнала позволяет сделать следующие выводы, обладающие научной новизной:

- Нарратив информационного студенческого молодежного журнала являет собой холистический вербальный макрознак, который нефикционален в плане референции и имеет политекстовую структуру, где отдельная журнальная публикация изображает лишь кадр нарративной секвенции. Субъективная модальность рассмотрена как синсемантическая лингвистическая категория, функционирующая во всем холистическом пространстве нефикциональной нарративной секвенции.
- В поликодовом нарративе информационного студенческого молодежного журнала представлена исключительно позитивная субъективно-модальная оценочность, характеризующая деятельность организации, являющейся коллективным субъектом повествования и одновременно издателем журнала, совокупность выпусков которого конституирует исследованный нефикциональный нарратив.
- Среди вербальных средств экспликации субъективной модальности в проанализированном эмпирическом материале доминируют эмоционально-оценочные эпитеты, метафоры, аллюзии, модифицированные фразеологизмы, эпифоры. Отмечены также такие креолизованные средства, выражающие субъективно-модальные обертона смысла, как эмодзи и фотоиллюстрации. Позитивная субъективно-модальная оценка собственной деятельности осуществляется коллективным повествователем-нарратором не только посредством выбора вышеуказанных языковых и паралингвистических средств, но и при помощи селекции персонажей, помещенных в диегезис, куда попадают исключительно получившие признание и успешно функционирующие в академическом дискурсе акторы.
- Избранный нарратором субъективно-модальный позитивный ракурс изображения собственной деятельности детерминирован интендированным им персуазивным эффектом, направленным на рекламную популяризацию вуза для потенциальных абитуриентов. Сквозь призму указанной персуазивной интенции в коммуникативно-прагматический фокус нарратора попадает успешная научно-исследовательская деятельность СКФУ, его выгодное географическое положение, а также комфорт и

хорошая инфраструктура для студентов.

Перспективой данного исследования является экстраполяция разработанных в его рамках теоретико-методологических положений в изучение других типов нарративов, функционирующих как в институциональных (административный, педагогический, рекламный), так и в фикциональных (литературный, автобиографический) и обиходно-бытовых (социальные сети, житейские истории, нарративы о домашних животных) дискурсах.

Библиография

1. Argaman O. The Power of Words: Using Persuasive Texts to Manipulate Teens' and Adults' Preferred Type of Chocolate // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2025. Vol. 54 (3). Article number 29. P. 1-13. DOI:10.1007/s10936-025-10142-8.
2. Lewis F., Vassileva J. The Heuristic Evaluation of Manipulative Interfaces // *Persuasive Technology. PERSUASIVE 2025. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 15711. Springer: Cham, 2025. P. 105-116. DOI:10.1007/978-3-031-94959-3_8.
3. Irfan F., Khan A. U. R., Islam A., Krishnasamy H. N., Parveen S. Persuasive Language in Leadership: Analysis of Mr. Imran Khan's Interview // *Journal of Applied Linguistics and TESOL (JALT)*. 2024. Vol. 7, No. 4. P. 608-622.
4. Milostiwaja A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform // *Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena. 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e. V. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2010. S. 191-199. EDN: YLYNST.*
5. Милостивая А. И. Конструирование эффективной научной карьеры в немецком академическом нарративе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. № 4(898). С. 63-69. EDN: NNQGDT.
6. Парамонова М. И. Функционирование гипертекстовых переходов в сетевом новостном политекстовом нарративе (на материале веб-версий англоязычных газет) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15, № 6. С. 1927-1934. DOI: 10.30853/phil20220295. EDN: NQDJQI.
7. Richter M. Postmoderne Subversion der Nation(en) in Christian Krachts Imperium. Spielform transnationaler Literatur oder Spiel mit Transnationalität? // *Transnationale Textwelten: Reflexionen über Grenzen*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2025. S. 53-70. DOI:10.36202/9783826085000.
8. Милостивая А. И. К вопросу о делимитации понятий "текст", "дискурс" и "нарратив" // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5-1 (47). С. 146-149. EDN: TQAEJ.
9. Sukalla F. Narrative Persuasion – theoretische Ansätze und empirische Ergebnisse zur Überzeugungskraft von Narrationen // *Soziale Passagen*. 2023. Vol. 15. S. 23-37. DOI:10.1007/s12592-023-00458-4. EDN: EMKDEG.
10. Martínez M., Scheffel M. Einführung in die Erzähltheorie. München: Beck, 2019. 234 S.
11. Klein C., Martínez M. Erzählen im Journalismus // *Wirklichkeitserzählungen*. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2009. S. 179-191.
12. Martínez M. Nullstufen und Vorstufen des Erzählens: Überlegungen zu einer liminalen Narratologie // *Anglistik: International Journal of English Studies*. 2023. No 34(2). S. 155-163.
13. Martínez M. Können Erzählungen lügen? // *Postfaktisches Erzählen? Post-Truth-Fake News-Narration*. Berlin: de Gruyter, 2021. S. 13-22. DOI:10.1515/9783110693065-002.
14. Scheffel M. Besonderheiten des Erzählens // *Kästner Handbuch. Leben-Werk-Wirkung*. Hrsg. v. S. Neuhaus. Stuttgart/Weimar: Metzler Verlag, 2023. S. 345-351. DOI:10.1007/978-3-662-67227-3_48.

15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2024. 144 с.
16. Князева Е. Г. Выражение субъективной модальности в речи коммуниканта // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 4. С. 189-191. EDN: ZWGVHD.
17. Донскова Е. Ю. Субъективная модальность как маркер идиостиля: когнитивно-прагматический аспект // Новая наука: проблемы и перспективы. 2016. № 53 (79). С. 103-106. EDN: XDWVRD.
18. Кукса И. Ю. Субъективная модальность газетного текста XVIII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 8. С. 21-28.
19. Цзыяо Х. Модальные значения и средства их выражения в речи Манилова и Ноздрева (в поэме Н.В. Гоголя "Мёртвые души") // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 480-485. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-3112-480-485. EDN: HLECMQ.
20. Белов В. А., Белова В. М. Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка // Русистика. 2025. Т. 23, № 2. С. 206-224. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224. EDN: FDCBNF.
21. Тагильцева Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в обзорном политическом тексте // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 122-134. EDN: JVKKBX.
22. Просвиркина И. И. Субъективная модальность как средство выражения оценочности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 6. С. 79-81. EDN: SBTMDL.
23. Лопашенкова Т. В., Бондарева Л. М. Особенности языковой реализации тактики призыва к действию в англоязычном экологическом дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 2. С. 27-40. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3. EDN: EYLGZM.
24. Мороз Н. А. Средства выражения субъективной модальности художественного текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 3. С. 29-33. DOI: 10.14529/ling170304. EDN: ZEZCOT.
25. Колесников В. В., Логинов А. В. Политический дискурс топливно-энергетического комплекса: коммуникативно-прагматический аспект // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 59-70. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-59-70. EDN: ZQQGYM.
26. Ванько Т. Р. Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиадискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3(871). С. 39-45. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39. EDN: NQGXXKX.
27. Дреева Дж. М., Болатов Т. А. Способы реализации поэтической и эмотивной функций языка в современном англоязычном песенном дискурсе // Язык и культура. 2023. № 63. С. 60-76. DOI: 10.17223/19996195/63/4. EDN: FETIBY.
28. Ван Л. Специфика условных союзов в современном русском языке // Litera. 2023. № 12. С. 419-430. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69304 EDN: LTVTOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69304
29. Кузнецова А. В. Субъективная модальность художественного текста: онтологический статус в авторской концепции мира // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 4. С. 5-14. EDN: IEBZNF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются особенности субъективной модальности в нарративе информационного студенческого молодежного журнала. Актуальность данной работы обоснованно аргументируется «повышенным интересом в рамках доминирующей в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы к антропоцентрическому фактору в вербальной интеракции, обуславливающему акцент на изучении субъективно-модальных оценочных обертонов смысла».

Теоретической базой исследования выступили научные работы по интерпретации макроединиц коммуникативно-когнитивной речевой деятельности - текста, дискурса и нарратива; проблеме текста как объекта лингвистического исследования; субъективной модальности и тональности и др. Библиография представлена значительным количеством источников и новейшей научной литературы (всего 29 источников, в том числе 17 – за последние три года), является исчерпывающей для затронутой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология исследования продиктована поставленной целью и задачами («выявление когнитивно-дискурсивно детерминированной специфики языковых и невербальных средств, которые выражают субъективно-модальную содержательно-концептуальную информацию в нарративе российского информационного студенческого молодежного журнала») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение; методы контекстуально-герменевтический и интертекстуального анализа, когнитивный анализ с инструментарием критического дискурс-анализа, нарратологии и семиотического анализа. Материалом исследования послужили 600 микроконтекстов из пяти выпусков журнала «Nota bene! Обрати внимание», который издается в Северо-Кавказском федеральном университете.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены теоретические основы нарратива, под которым понимается «целостный вербальный макрознак, который может быть нелитературным, нефикциональным, а также иметь политекстовую структуру», и сущности категории субъективной модальности. Проведен последовательный анализ поликодового контента нарратива информационного студенческого молодежного журнала «Nota bene! Обрати внимание», изучены основные типы языковых средств, с помощью которых «на протяжении всего континуума проанализированного нефикционального нарратива манифестируется синсемантическая субъективная модальность повествования». Полученные результаты позволили сделать ряд существенных выводов: «в поликодовом нарративе информационного студенческого молодежного журнала представлена исключительно позитивная субъективно-модальная оценочность, характеризующая деятельность организации», «среди вербальных средств экспликации субъективной модальности в проанализированном эмпирическом материале доминируют эмоционально-оценочные эпитеты, метафоры, аллюзии, модифицированные фразеологизмы, эпифоры», а также «креолизованные средства, выражающие субъективно-модальные обертона смысла, как эмодзи и фотоиллюстрации». Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования связана с описанием семантико-

прагматических особенностей реализации субъективно-модальных отношений в нарративе информационного студенческого молодежного журнала, а также разноуровневых средств их экспликации в полимодальном пространстве исследуемой макроединицы вербальной коммуникации. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Однако, по мнению рецензента, автору(ам) следует ограничить употребление заимствований (например, в выражениях «в современных лингвистических студиях», «интендированное нарратором персуазивное воздействие» и т. п.), отсутствующих в научном дискурсе. Это замечание носит рекомендательный характер.

Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Плотников И.П., Пархитко Н.П. Мобильные приложения политических партий РФ как инструмент сетевого взаимодействия с электоратом // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76777 EDN: AOIKZV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76777

Мобильные приложения политических партий РФ как инструмент сетевого взаимодействия с электоратом

Плотников Иван Павлович

аспирант, кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

101000, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ plotnikov.iv2014@gmail.com

Пархитко Николай Петрович

ORCID: 0000-0002-7678-5735

кандидат исторических наук

доцент, кафедра теории и истории журналистики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

доцент, кафедра политологии; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

101000, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ schamchorst@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76777

EDN:

AOIKZV

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: Статья посвящена трендам в области использования мобильных гаджетов политическими партиями. Предметом исследования выступают функциональные, структурные, визуальные особенности софта, созданного политическими объединениями «Единая Россия» и КПРФ. Объект исследования – мобильные приложения данных партий: «Единая Россия», «КПРФ ID», «Вверх. ПРО», «Наблюдатель ЕР» и «Агитатор ЕР»

Цель исследования – проанализировать и сравнить цифровые проекты «Единой России» и КПРФ, выявить их специфику, определить их роль и потенциал в современной российской политической коммуникации. Актуальность темы обусловлена современными политическими условиями. В связи с российско-украинским конфликтом российские цифровые продукты удаляют из международных магазинов AppStore и Google Play. А в последние годы политические организации РФ начали развивать свои разработки в отечественных сервисах RuMarket, NashStore и RuStore. Исследование базируется на описательном методе, а также на элементах количественного анализа. Выявлены показатели общей статистики каналов в российском сервисе RuStore (количество скачиваний, оценка пользователей и пр.). С помощью метода сравнительного анализа сопоставлены параметры общей статистики, а также визуальные и функционально-структурные аспекты партийных цифровых продуктов. Новизна исследования заключается в первом комплексном опыте систематизации цифровых партийных разработок в России. Впервые углубленно изучена специфика российских партийных медиа в условиях вызовов современного сетевого пространства, включая такие факторы, как антироссийские санкции, политика импортозамещения и переход на отечественные цифровые сервисы. В ходе исследования было установлено, что единственными партиями, размещающими приложения в RuStore, являются ЕР и КПРФ. Причем приложения ЕР образуют систему, рассчитанную как на электорат, так и на членов партии, в то время как КПРФ, являясь единственным конкурентом ЕР в сфере мобильных коммуникаций, пока фокусируется только на электорате. Также на основе полученных данных сформирована типология партийных мобильных приложений, исходя из их функционального назначения и целевой аудитории.

Ключевые слова:

партийные мобильные приложения, партийный софт, новые медиа, партийные медиа, политическая коммуникация, партийная коммуникация, Единая Россия, КПРФ, RuStore, партийные цифровые продукты

Введение

Современная политическая сфера все больше меняется в связи с внедрением цифровых технологий. Избиратели могут не только дистанционно получать информацию о работе партии, но даже голосовать за своих кандидатов, не выходя из дома. Одновременно с этим партии с помощью медийных инструментов способны охватывать широкие слои электората и получать от него оперативную обратную связь. Помимо этого, современные технологии изменили коммуникационное взаимодействие между политиками и избирателями, сделав обмен информацией более персонализированным и эффективным [\[9, с.1-2\]](#). Как полагает ряд экспертов, благодаря интерактивным и сетевым технологиям, процесс формирования и восприятия социальных знаний, а также понимание властных структур, претерпевают демократизацию, что, в свою очередь, стимулирует гражданскую и политическую активность [\[8, с.1\]](#).

Существуют два направления использования сетевого пространства: классическое и альтернативное. Первое характеризуется ориентацией на официальные сайты и порталы партии. Второе — на социальные сети и мобильные приложения. Такое разделение обосновано переходом медиамodelей избирательных кампаний на новый уровень, от профессиональной-постмодернистских к персональным [\[24, с.14\]](#); [\[29, с.198\]](#).

Предпочтение в политической агитации и пропаганде сегодня отводится второму направлению. Более того, исследователи обозначают, что это направление в большей степени ориентировано на мобильные медиа, к которым помимо приложений относятся также мобильные веб-сайты, социальные сети и мессенджеры [\[17, с. 65\]](#).

Хотя такие мобильные медиаплатформы, как Facebook, Telegram, X, WhatsApp, остаются важным инструментом по взаимодействию партий и электората, существует тенденция, когда политические организации стремятся создать собственные цифровые продукты. В нашем исследовании мы решили сосредоточиться именно на аспекте использования партийных приложений. Приложения с широким функционалом, которые, как отмечают ученые, предоставляют партиям и кандидатам ценные инструменты, в том числе «геймификацию», открывают возможности для мобилизации неопределившихся избирателей, для предоставления пользователям информации о значимых событиях и для повышения рейтинга конкретных политиков [\[13, с.2-3\]](#), [\[18, с.63\]](#).

Кратко отметим, что применение мобильных приложений как одного из инструментов партийной коммуникации связано с широким распространением Интернета и мобильных гаджетов. Так, по данным Statista, в 2024 году свыше 104 млн россиян стали пользователями смартфонов. Согласно опросу, проведенному «Мегамаркетом» и медиахолдингом Rambler&Co, 74% россиян выбирают гаджеты на операционной системе Android, и только 18% — на iOS. Кроме того, в еще одном опросе «СберСтрахования» и Rambler&Co утверждается, что 43% россиян предпочитают выходить в сеть со смартфонов. Причем если брать ситуацию в зарубежных странах, таких как США, Великобритания или Дания, то выяснится, что там количество смартфонов в качестве основных устройств уже превысило ПК и ноутбуки [\[12, с.104-105\]](#).

Исследователи отмечают, что все больше людей используют мобильные гаджеты (смартфоны, планшеты и другие устройства) для оперативного доступа к новостной информации, развлечениям и социальным коммуникациям [\[14, с.1-2\]](#); [\[16, с.1650\]](#). Еще часть экспертов среди особенностей мобильных медиа выделяет высокий уровень персонализации и интерактивности, позволяющий эффективно оказывать влияние на пользователя в режиме реального времени [\[26, с. 62\]](#). Именно поэтому мобильные гаджеты позволяют сегментировать аудиторию, в том числе и политическую, по демографическим, территориальным и другим характеристикам. Подобный подход может повысить вовлеченность аудитории и оперативно мобилизовать ее на политические акции, например, на голосование или протесты [\[11, с.614\]](#).

Вдобавок, по мнению экспертов, мобильные приложения эффективно решают проблему отсутствия интереса молодого поколения (людей до 25 лет) к политическому контенту за счет повышения интерактивности, то есть прямого, вирусного, реляционного, рекламного и основанного на местоположении контента [\[8, с.1-2\]](#). Ученые даже говорят о феномене «новостных игр» (проекты на стыке видеоигр и журналистики). Этот подход позволяет доносить информацию «интересным и аутентичным» способом. Благодаря этому аудитория начинает уделять больше внимания государственным делам, становясь ближе как к государственной власти, так и к СМИ в целом. Ожидается, что подобная персонализация, продвигаемая экосистемой приложений, со временем добавит новый, более увлекательный и развлекательный аспект, тесно связанный с массовой культурой, транслируемой медиа [\[6, с.279-280\]](#); [\[7, с.118-119\]](#); [\[19, с.111-112\]](#).

Причем некоторые исследователи констатируют, что мобильная связь стремительно

становится повседневным явлением даже в беднейших и географически изолированных регионах мира. Естественно, это влияет и на политику. К примеру, ранее в Африке среди населения сельской местности было сильно доверие к государственным институтам, однако по мере внедрения мобильной связи и стирания различий между городом и деревней уровень доверия к официальным властям начал уменьшаться. Таким образом, оппозиционные партии получили больше голосов избирателей. Кроме того, по прогнозам, часть населения вообще может отказаться от участия в выборах или предпочесть «недемократические альтернативы» [\[10, с.4-5\]](#); [\[20, с.1-2\]](#).

Таким образом, социальные медиа выполняют ключевую роль в коммуникации с электоратом, доставляя информацию об актуальных политических вопросах, оценивая действия правительства и оппозиции, а также предлагая различные политические альтернативы [\[12, с.104\]](#). Исследователи Н. Страуд, К. Пикок и А. Карри сделали открытие, указывающее на потенциальную связь между функцией push-уведомлений на смартфонах и знаниями политической сферы. Согласно их научной работе, люди, которые получали push-уведомления от новостных приложений, в определенных случаях имели лучшую осведомленность в политических вопросах, чем те, кто предпочел отключить эту функцию [\[15, с.9-10\]](#). Тем не менее другие специалисты считают, что ключевую информацию о предвыборных кампаниях и других политических акциях граждане продолжают получать в основном из традиционных СМИ, в частности телевидения [\[1, с.309\]](#); [\[12, с.11\]](#). Они также отметили, что в случае со смартфонами на эффективность контента будут главным образом влиять ситуативные факторы, включая время и местоположение мобильного устройства [\[12, с.16\]](#).

Говоря о функциональных аспектах мобильных приложений, подчеркнем, что часть исследователей придерживается мнения, что данный софт выполняет две функции: горизонтальную связь внутри партии и внешнюю коммуникацию с электоратом [\[26, с.61\]](#). Схожую позицию занимают Д. Чижов и Д. Ежов, которые отмечают следующие функции мобильных приложений: осуществление связи внутри партии между сторонниками политической организации, а также коммуникация с электоратом, желающим получать «оперативную информацию о деятельности политического объединения» [\[23, с.113\]](#); [\[31, с.334\]](#). Другие исследователи полагают, что мобильные приложения могут быть использованы как инструмент обсуждения и принятия политических решений [\[22, с.69\]](#).

Заметим, что все эти функции охватывает понятие «политический маркетинг». Политический маркетинг — это стратегический коммуникационный процесс, включающий создание и распространение политических сообщений с целью повлиять на общественное мнение. Политический маркетинг формирует благоприятный имидж партии у политического избирателя, а также убеждает его поддержать того или иного депутата [\[17, с. 63\]](#). Более того, с точки зрения некоторых авторов, в медиапространстве постепенно формируется тренд на выработку политическими организациями собственного партийного бренда. К примеру, в РФ в информационной среде доминируют «Единая Россия», КПРФ и Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) [\[27, с.150\]](#).

Мы полагаем, что наиболее последовательно к вопросу функций партийных мобильных приложений подошел российский исследователь Л. Сморгунов, утверждавший, что новые медиа выполняют три основные функции: информационную, мобилизационную и политического участия. Позже его идеи получили развитие и применялись для анализа социальных сетей и мобильных приложений [\[24, с. 14\]](#); [\[30, с.24\]](#). Впоследствии уже

зарубежные исследователи выделили схожую систему функций: информационную, пропагандистскую (убеждение), мобилизующую и игровую (развлечение, в том числе «геймификация») [\[4, с.279\]](#).

Эту точку зрения подтверждают примеры российских партий. Так, первый партийный софт был связан именно с интернет-сайтами: в 2013 году КПРФ запустила мобильное приложение на базе Android, которое было аналогом официального сайта партии. Цифровой продукт КПРФ позволял размещать новости, информацию о политических акциях и структуре партии.

Впрочем, заметим, что партийные мобильные приложения в достаточной степени персонализированы и охватывают различные медийные аспекты политической партии. Часть исследователей считает, что на данный момент мобильные приложения в большей степени интегрируются с социальными сетями [\[2, с.254\]](#). Другие отмечают, что собственные приложения разрабатываются даже для традиционных партийных СМИ, в первую очередь для печатных изданий [\[21, с.80\]](#). Так, в 2014 году в магазине AppStore КПРФ разместило мобильное приложение к собственному телеканалу «Красная линия» [\[25, с.119\]](#).

Причем в США мобильный софт привязан не столько к самим партиям, сколько к лидерам политических объединений. Так, во время президентских выборов в США в 2012 году появились мобильные приложения «Obama for America» и «Mitt's VP» на платформах iOS и Android. Впоследствии число подобных разработок только возросло. Для сравнения в период с 2015 по 2018 годы существовало по меньшей мере 400 мобильных приложений, посвященных Дональду Трампу. А количество загрузок этих проектов, в основе которых лежали интернет-тренды и политические мемы, превысило 37 млн скачиваний. Данные были собраны исследователями на основе поисковых систем Google Play и Sensor Tower. В качестве примера можно привести внедрение образа Трампа в приложение «Trump on Top», в котором разворачивалась борьба между двумя сторонами: республиканцами и демократами. [\[5, с.51\]](#). Впрочем, во многих цифровых продуктах зачастую фигурируют образы Хилари Клинтон, Барака Обамы, Владимира Путина, Ким Чен Ына и других известных политиков [\[5, с.54-55\]](#).

Наравне с развлекательными играми, мотивацией создания которых является скорее коммерческий интерес, популярность приобрели и официальные приложения, такие как «America First» и «Great America». Они выполняли в основном информационную функцию, сообщая об основных событиях президентской кампании 2016 года, а также функции убеждения и вовлечения. Добавим, что имели место не только приложения, поддерживающие Трампа, но и проекты с оппозиционным характером. В пример можно привести приложение «Boycott Trump», разработанное при содействии Демократической партии. Таким образом, политическое мобильное ПО можно условно разделить на развлекательное, информационное и идеологическое (критикующее или поддерживающее конкретного кандидата или партию) [\[5, с.54\]](#).

В Российской Федерации интерес к мобильным гаджетам в политической сфере происходил на протяжении 2010-ых годов. Так, А. Махрин отмечал, что в 2016 году КПРФ, ЛДПР, «Единая Россия», «Яблоко», «Партия Роста» заявляли о намерении создать мобильные приложения на базе Android. При этом автор отметил, что в 2022 году в магазине «Google Play» были доступны только разработки «Единой России» и ЛДПР. Каждая из них была скачана около 10 тыс. раз. Рейтинг этих приложений составил 1,2 балла у проекта ЕР и 4 балла у проекта ЛДПР. Вместе с тем анализ отзывов к партийному

ПО выявил медленное продвижение партийного софта среди избирателей и слабый интерес партий к собственным цифровым продуктам по сравнению с социальными сетями [\[25, с.119\]](#).

Единственным из российских исследователей, кто детально рассматривал цифровые разработки партий, был Д. Чижов. В своей работе он проанализировал софт Российской объединенной демократической партии «Яблоко», позволявший просматривать партийные новости и уведомления о различных акциях организации. Также с помощью данного софта депутаты получали ответную реакцию в виде обращений, вопросов или предлагаемых пользователями ссылок. Приложение «ЯБЛОКО» запустили в 2015 году, и оно было доступно в AppStore и Google Play, однако на данный момент данное ПО исчезло из этих сервисов [\[31, с.334\]](#).

Стоит отметить, что партия «Яблоко» разработала еще два цифровых продукта. Первое приложение «Я наблюдатель» было выпущено в 2012 году и было предназначено для контроля за выборами. ПО позволяло получать рекомендации по наблюдению за избирательным участком, а также предоставляло функцию подачи жалоб на нарушения. Вся информация по нарушениям, включая фото и видеоматериалы, поступала на специальную «горячую линию». Вторая разработка партии была выпущена перед выборами 2014 года в Московскую городскую Думу. Функции приложения включали просмотр биографий и программ кандидатов в депутаты по каждому избирательному округу, а также возможность для пользователей задать политикам интересующие вопросы. В магазинах AppStore и Google Play оба приложения сейчас не доступны.

Таким образом, как отмечал Д. Мухаметов, использование российскими партиями новейших цифровых платформ носит в основном догоняющий характер в сравнении с зарубежными, в частности европейскими политическими организациями [\[26, с.69\]](#).

Процедура и методы исследования

Мы рассмотрели цифровые продукты двух самых популярных в России партий: «Единой России» и КПРФ. Подробно мы проанализировали приложения «Единая Россия», «КПРФ ID», «Вверх», так как они обеспечивают свободный доступ для всех пользователей. Вдобавок мы частично затронули особенности приложений «Наблюдатель Единой России» и «Агитатор Единой России», которые доступны только для членов данной партии.

Очевидно, что в настоящее время рынок мобильного софта поделен между крупнейшими транснациональными компаниями. Речь идет о таких гигантах, как, Google (Google Play и Apple (App Store), которые контролируют цифровые разработки, связанные с системами Android и IOS. Подобное доминирование вступило в противоречие с интересами российского государства, примером чего послужили многочисленные разбирательства Федеральной антимонопольной службы (ФАС) с этими зарубежными структурами [\[28, с.105\]](#).

Подчеркнем, что на данный момент создатели партийных приложений сталкиваются с уникальной ситуацией, когда приходится отказываться от традиционных магазинов AppStore и Google Play в пользу отечественных сервисов, прежде всего RuStore, RuMarket, NashStore. После начала специальной военной операции (СВО) любые отечественные разработки, связанные с российской властью, могут быть удалены из европейских магазинов приложений, что и произошло в случае с ПО «Единой России».

Поэтому мы приняли решение целиком сосредоточиться на отечественной платформе RuStore. Кратко отметим, что RuStore является российским магазином приложений для мобильных устройств на базе Android. Сервис начал свою работу в 2022 году. Это самый популярный отечественный сервис. По официальным данным, в октябре 2025 года магазином пользовалось около 65 млн человек.

В ходе характеристики общих статистических данных мобильных приложений мы применили описательный метод и количественный анализ. Данные включали: число скачиваний, оценку, требование регистрации и основные функции. Полученные данные с помощью метода сравнительного анализа были рассмотрены во взаимосвязи и объединены в таблицу.

Далее мы попытались дать характеристику структурных и функциональных особенностей партийных приложений. Кроме того, мы также изучили дизайн цифровых продуктов. Стоит отметить, что важнейшими составляющими имиджа партии являются единый стиль, включая партийный логотип, характерные цветовую гамму, шрифты, аудиоматериалы и др. [\[31, с.333\]](#).

Результаты

Подчеркнем, что пока в сервисе RuStore размещены приложения только двух российских партий: Единой России и КПРФ.

Таблица 1. Статистические данные о партийных приложениях в Rustore

	В каком году размещено в RuStore	Количество скачиваний	Оценка пользователей	Требование регистрации	Основные функции
«Единая Россия»	Май 2023	40 тыс.	4,5 (280 оценок)	Присутствует, но не обязательна	Информационная
«КПРФ ID»	Октябрь 2023	1 тыс.	4,0 (20 оценок)	Присутствует, но не обязательна	Информационная
«Вверх»	Май 2023	80 тыс.	4,9 (3700 оценок)	Присутствует, но не обязательна	Мобилизация электората
«Наблюдатель Единой России»	Август 2023	50 тыс.	3,8 (160 оценок)	обязательна	Контроль выборов
«Агитатор Единой России»	Май 2023	10 тыс.	3,7 (80 оценок)	обязательна	Помощь в проведении опросов

Данные таблицы показывают, что почти все приложения были загружены в период 2023 года, что подтверждает наш тезис об ограничениях, наложенных на российские партии после обострения российско-украинских отношений и начала специальной военной операции.

Стоит подчеркнуть, что параметр, отражающий количество скачиваний, у всех приложений достаточно низкий. В особенности если сравнить данный параметр с численностью обеих партий: ЕР насчитывает 2,5 млн членов, КПРФ — 162 тыс. Заметим, что низкие значения скачиваний приложения КПРФ объяснимы старением ее электората, который предпочитает пользоваться традиционными СМИ [\[20, с. 475\]](#).

При этом обязательное требование по регистрации присутствует только у приложений «Наблюдатель Единой России», «Агитатор Единой России». Эти разработки рассчитаны только на членов партии, тогда как остальные охватывают широкий круг пользователей.

Рис. 1

Далее мы перейдем к описанию структурных, функциональных и визуальных особенностей каждого партийного приложения. Кроме того, мы отдельно рассмотрим отзывы пользователей.

Приложение «**КПРФ ID**» можно разделить на три раздела: «информационный блок», «календарь» и «обращения». Первый раздел представляет собой единую новостную ленту, агрегирующую статьи из газет «Правда» и «Советская Россия», репортажи телеканала «Красная линия», а также материалы с официального сайта партии и посты из социальных сетей депутатов. Помимо этого, пользователь может регулировать размер шрифта и настраивать новостную ленту, выбирая между федеральными, региональными и муниципальными новостями. При этом у любой новости есть ссылка на первоисточник. Есть возможность предложить важное, по мнению пользователя, новостное сообщение. Еще один раздел приложения — календарь, в котором отмечаются важные партийные акции, выступления, съезды и форумы. Третий раздел «Обращения» позволяет пользователю напрямую обращаться к интересующему его депутату с вопросом, предлагать собственные законопроекты и идеи по проведению партийных мероприятий, а также сообщать техподдержке о проблемах с приложением.

Визуальные особенности приложения полностью соответствуют идеологии партии. Как видно на рисунке 1, значок проекта на экране устройства изображает символ серпа и молота, а в самом приложении доминируют красные оттенки, характерные для коммунистов.

Необходимо отметить, что при анализе отзывов пользователей были выявлены существенные затруднения с процедурой регистрации. В частности, для завершения регистрации аккаунта требуется ввод телефонного номера с целью получения SMS-кода подтверждения. Однако пользователи нередко сообщают о проблемах с доставкой указанного кода, что фактически блокирует процесс создания учетной записи.

Схожие информационные функции выполняет приложение **«Единая Россия»**. Информационная лента, агрегирующая новости с официального сайта партии, позволяет читать партийные новости федерального и регионального уровня, посвященные инициативам и законопроектам ЕР, выступлениям депутатов, мероприятиям активистов из «Молодой гвардии» и других партийных организаций ЕР. Более того, новостную ленту можно настроить, выбрав предпочтительные регионы.

Преимуществом перед приложением КПРФ является возможность ознакомиться с краткой биографией депутатов ЕР, включая председателя партии, а также политиков из таких партийных структур, как Бюро Высшего совета, Высший совет, ЦИК, Президиум Генерального совета и Генеральный совет. Кроме того, в разделе «Мой депутат» у пользователей есть возможность найти с помощью поискового запроса депутата своего района и его контактные данные. Дополнительно пользователи могут получить информацию об адресах региональных отделений партии и о партийном уставе.

Между тем в структуре самого приложения есть вкладки: «Комиссия по этике» (регистрация обращений и жалоб на правовые нарушения партии и ее депутатов), «Мы в сети» (ссылки на партийные соцсети), «Высшая партийная школа» (обучение членов и сторонников партии), «Вверх. ПРО» (ссылка на другое приложение партии) и «Чат-бот поддержки».

Визуальные особенности цифрового продукта соответствуют образу партии: значок цифрового продукта на экране телефона изображает надпись «Единая Россия» на синем фоне, а в самом приложении доминируют оттенки синего цвета.

В комментариях к ПО пользователи также сообщают о проблемах со стабильностью работы приложения. Отмечаются случаи некорректного функционирования и непредвиденных завершений работы (вылетов).

Рис. 2

Еще одним популярным приложением ЕР является **«Вверх.ПРО»**. Данная разработка имеет уникальный подход к пользователям: в игровой форме им предлагается набирать

баллы, из которых составляются рейтинги. Баллы начисляются за участие в партийных акциях, включая прохождение опросов, оформление подписки на партийные соцсети, запись видео и др. Сами акции делятся на федеральные, региональные и местные. Мотивация для попадания в лидеры рейтингов — возможность пройти бесплатное обучение в высшей партийной школе или войти в руководящие структуры партии. Причем для получения большего количества баллов приложение стимулирует пользователей объединяться в группы: можно как присоединиться к существующей команде, так и создать собственную.

В мобильном приложении есть четыре раздела: «Главная» (здесь размещаются все партийные акции, в которых может участвовать пользователь), «Команда» (создание группы или присоединение к существующей), «Чаты», «Профиль» (здесь пользователь может настроить личные данные, ознакомиться со своими баллами и статусом, а также бросить вызов другому пользователю или команде, чтобы в приложении отображалось сравнение их активности). Кроме того, в главном разделе присутствуют ссылки на сайт Высшей партийной школы, на печатное издание «Первичка», а также на партийные новости федерального и регионального уровней.

Как видно на рисунке 2, визуальной особенностью приложения является значок, изображающий логотип партии - медведя. Сам цветовой стиль цифрового проекта нейтрален и выполнен в фиолетовых и белых тонах. Такой стиль соответствует функционалу приложения, которое стремится привлечь не только сторонников партии, но и новый электорат, прежде всего, молодежь.

Данное приложение имеет самый высокий рейтинг из всех ПО нашей выборки. Пользователи отмечают высокое качество функционала и дизайна цифрового продукта партии, но одновременно с этим жалуются на то, что не все баллы за выполненные задания учитываются корректно.

Далее мы кратко упомянем еще два приложения ЕР: **«Наблюдатель Единой России»** и **«Агитатор Единой России»**. Первое позволяет фиксировать нарушения на избирательных участках, второе — предназначено для агитаторов партии и выдает определенные задания для публикации контента в социальных сетях и собирает отчеты о выполнении этих задач. Отметим, что это цифровое ПО предназначено исключительно для работы с партийным активом.

В нашей выборке оба приложения имеют самые низкие рейтинги. Основная сложность, с которой сталкиваются пользователи, — проблемы с регистрацией. Так, для успешного создания аккаунта номера граждан должны быть предварительно внесены через региональные отделения партии в специальную сетевую систему, не всегда работающую корректно.

Таким образом, полученные нами данные свидетельствуют, что ЕР доминирует в сфере цифровых приложений не только по количеству, но и по качеству, обеспечивая широкий функционал, охватывающий как членов партии, так и остальной электорат. Единственным конкурентом ЕР в этой сфере является партия КПРФ, чье мобильное приложение сосредоточено больше на информационно-новостной функции и концентрируется в большей степени на рядовых избирателях, чем на активистах и представителях партии.

Вернемся также и к вопросу функций мобильных приложений. Мы можем четко обозначить их основные границы. Во-первых, они обеспечивают внешние и внутривнутрипартийные коммуникации. Во-вторых, представляют собой своеобразный хаб, объединяющий все сообщения из традиционных и новых партийных медиа. В-третьих,

мобильные приложения могут выступать еще и в качестве инструмента, полезного в деятельности агитаторов и помощников партии, включая проведение опросов и наблюдение за избирательными участками.

В связи с этим мы можем предложить следующую типологизацию мобильных приложений, исходя из их функциональных особенностей:

- Информационные приложения (размещение партийных новостей, сведений о структуре и депутатах, связь рядовых граждан с партией);
- Рейтинговые приложения (оценка активности членов и сторонников партии);
- Приложения-инструменты (помощь агитаторам партии).

Кроме того, приложения различаются и по пользователям, которые разграничиваются в зависимости от наличия или отсутствия членства в партии. Мы предлагаем разделить партийные цифровые продукты следующим образом:

- Сервисы для широкого круга пользователей;
- Сервисы исключительно для членов партии.

Дискуссия

Стоит сказать, что тема использования партийных мобильных приложений, несмотря на их достаточно продолжительное существование, исследована достаточно слабо. Российские исследователи обычно рассматривают цифровой софт только в рамках анализа партийных медиасистем в целом, что ограничивает понимание его роли в политической коммуникации и влияние на избирателей. Наша работа направлена на более глубокое изучение феномена партийных приложений. Мы описали функционал и выделили их визуальные особенности.

Функционал приложений соотносится с теорией В. Беннетта и А. Сегерберга, которые выделяли персонализацию цифровых медиа как одну из особенностей коммуникационного процесса [\[3\]](#). В функциональном аспекте в целом они соответствуют концепциям А. Конькова и Л. Сморгунова [\[24, 30\]](#). В большей степени это касается системы цифровых продуктов ЕР, которые сочетают значительный спектр функций: новостные, информационные, мобилизационные и др.

Помимо этого, нами выявлен и подтвержден феномен геймификации применительно к отечественным цифровым продуктам, в частности к приложению «Вверх.ПРО». Результаты исследования согласуются с выводами ряда зарубежных авторов, демонстрируя, что геймифицированный подход способен привлекать значительно более широкий электорат по сравнению с традиционными информационными приложениями [\[6\]](#); [\[7\]](#); [\[19\]](#).

Эмпирический анализ визуальных характеристик приложений выявил схожесть с дизайном обеих партий. Все цифровые проекты включали характерные атрибуты партийных объединений. Данные факты дополняют и подтверждают концепцию имиджа партий, предложенную Д. Чижовым [\[31\]](#).

Вместе с тем наши наблюдения подтверждают гипотезу А. Махрина о слабом уровне продвижения цифровых политических приложений. При этом сопоставление данных по партийным социальным сетям, представленных в работах наших коллег, с показателями

скачиваний мобильных приложений демонстрирует разительный контраст: аудитория соцсетей существенно превосходит количество пользователей приложений [\[25, с. 123\]](#); [\[31, с. 320.\]](#). Таким образом, полученные нами результаты позволяют существенно расширить существующие теоретические представления о современных медийных системах и новых медиа, осмысливая их эволюцию и взаимодействие.

Следует отметить, что в нашем исследовании мы не затронули детальное рассмотрение контента мобильных приложений. В будущих работах необходимо описать следующие аспекты: механизм выборки материалов в новостные ленты, соотношение новостных материалов из традиционных и новых медиа в новостной ленте, адаптация контента под формат мобильного приложения, изменение качества и количества публикаций в период избирательных кампаний и др.

Вдобавок настоящее исследование имеет ряд ограничений. В начале нашей работы мы говорили о том, что в текущих политических условиях партии используют отечественные магазины приложений, включая RuStore. Это означает, что мы не сможем полностью проанализировать характеристики партийных приложений в сервисах Google Play и AppStore, так как, например, цифровые продукты ЕР там заблокированы. Учитывая большие объемы пользователей в иностранных сервисах, сложно спрогнозировать, насколько широкий охват аудитории могли бы обеспечить рассматриваемые нами партийные цифровые продукты. Также, по нашему мнению, для полного понимания картины развития партийных цифровых продуктов в России, представляется целесообразным в будущих исследованиях уделить внимание отечественным площадкам RuMarket и NashStore, которые остались за рамками настоящего анализа.

Кроме того, мы сосредоточились на характеристике партийного софта в целом, не учитывая такого фактора, как значимость политических событий. Для полноценного изучения феномена мобильного ПО следует рассмотреть его также в контексте политических выборов, чтобы выявить объем охвата аудитории и эффективность коммуникаций с использованием мобильных приложений по сравнению с другими медиа. Соответственно, дальнейшие исследования в этой области могут помочь в практическом применении полученных выводов для улучшения политической коммуникации.

Заключение

В ходе нашего исследования мы проанализировали функциональные, структурные и визуальные особенности партийного софта российских политических партий, сосредоточившись на приложениях ЕР и КПРФ. Важно отметить, что в исследовании мы исходили из современных политических реалий, когда международные сервисы становятся недоступными, а разработка и внедрение отечественных мобильных решений представляют собой важный шаг для партий в сохранении и расширении влияния на электорат.

В теоретическом аспекте исследования основным выводом стали типологические характеристики цифровых продуктов партий. Первая типология относится к функциональным особенностям, а вторая — к целевой аудитории приложений.

Также мы придаем высокое значение дальнейшему исследованию мобильного ПО в более узких рамках, например, его использованию во время предвыборной агитации. Мы полагаем, что будущие исследовательские проекты и работы выявят новые возможности в контексте цифровой трансформации политической коммуникации.

Говоря о практической составляющей нашего исследования, касающейся анализа

современной политической медиасистемы, стоит отметить ряд важных пунктов.

Во-первых, мы установили, что, несмотря на то что мобильные приложения в российской партийной практике менее популярны по сравнению с социальными сетями, они обладают значительными возможностями для взаимодействия с аудиторией. Кроме того, положительный опыт, накопленный «Единой Россией» и Коммунистической партией Российской Федерации, может способствовать появлению цифровых продуктов других партий на платформе RuStore.

Во-вторых, партия «Единая Россия» продолжает оставаться лидером в сфере мобильного программного обеспечения, успешно создав комплексную экосистему мобильных приложений, включающих в себя инструменты информирования, агитации и мобилизации электората. В свою очередь, КПРФ, оставаясь единственным конкурентом ЕР, также проявляет интерес к развитию своего софта и, вероятно, будет создавать дополнительные приложения, что позволит ей усилить свои позиции в этой области.

В-третьих, предложенная нами типология партийных цифровых продуктов позволяет лучше оптимизировать ПО, ориентировать его на определенные сегменты аудитории и адаптировать под требуемые задачи.

Библиография

1. Andersen K., Strömback J. Media platforms and political learning: The democratic challenge of news consumption on computers and mobile devices // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. Pp. 300-319.
2. Baguma R., Eilu E. Using Mobile Phones in Elections in Developing Countries: Opportunities and Challenges // In: Gamatié A. (eds) *Computing in Research and Development in Africa*. Springer. 2015. Pp. 251-265.
3. Bennett W. L., Segerberg A. THE LOGIC OF CONNECTIVE ACTION: Digital media and the personalization of contentious politics // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15, No. 5. Pp. 739-768.
4. Gil-Torres A., Navarro-Sierra N., San José-de la Rosa C., Herranz-Rubio C. El ecosistema app en las elecciones estadounidenses de 2020: entre la información y el politainment // *Comunicación Y Sociedad*. 2022. Pp. 1-28.
5. Gómez-García S. et al. Constructing Donald Trump: Mobile Apps in the Political Discourse about the President of the United States // *Comunicar: Media Education Research Journal*. 2019. Vol. 27, No. 59. Pp. 49-58.
6. Gómez-García S., De la Hera T. Games as political actors in digital journalism // *Media and Communication*. 2023. Vol. 11, No. 2. Pp. 278-290.
7. Gómez-García S., Paz-Rebollo M. A., Cabeza-San-Deogracias J. Newsgames against hate speech in the refugee crisis // *Comunicar*. 2021. Vol. 29, No. 67. Pp. 123-133.
8. Guerrero-Velástegui C. A., Páez-Quinde C., Mejía-Vayas C., Arévalo-Peralta J. Mobile marketing as a communication strategy in politics 2.0 // In: *International Conference on Computer Science, Electronics and Industrial Engineering (CSEI). Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 678. Springer, Cham. 2022. Pp. 55-69.
9. Hadma A. M., Anggoro J. D. Political communication in the age of social media // *COMMICAST*. 2021. Vol. 3, No. 1. Pp. 1-7.
10. Kosec K., Wantchekon L. Can information improve rural governance and service delivery? // *World Development*. 2020. Vol. 125. Pp. 104376.
11. Kushin M. J., Yamamoto M. Did Social Media Really Matter? College Students' Use of Online Media and Political Decision Making in the 2008 Election // *Mass Commun Soc*. 2010.

Vol. 13. Pp. 608-630.

12. Ohme J. Mobile but Not Mobilized? Differential Gains from Mobile News Consumption for Citizens' Political Knowledge and Campaign Participation // *Digital Journalism*. 2019. Vol. 8, No. 1. Pp. 103-125.

13. Quevedo-Redondo R. Political Leaders in the APP Ecosystem // *Social Sciences*. 2021. Vol. 10, No. 8. Pp. 307.

14. Sadiku M., Kotteti C., Sadiku J. O. Social media in entertainment // *International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation*. 2024. Vol. 5, No. 1. Pp. 137-141.

15. Stroud N. J., Peacock C., Curry A. L. The Effects of Mobile Push Notifications on News Consumption and Learning // *Digital Journalism*. 2019. Vol. 8, No. 1. Pp. 32-48.

16. Teodorescu C. A., Durnoi A. N. C., Vargas V. M. The rise of the mobile Internet: Tracing the evolution of portable devices // *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 2023. Vol. 17, No. 1. Pp. 1645-1654.

17. Uwalaka T., Nwala B. Examining the role of social media and mobile social networking applications in socio-political contestations in Nigeria // *Communication and the Public*. 2023. Vol. 8, No. 3. Pp. 175-190.

18. Vázquez Sande P. Políticapp: hacia una categorización de las apps móviles de comunicación política // *Fonseca, Journal of Communication*. 2016. Vol. 12, No. 1. Pp. 59-78.

19. Wan X., Shao Y. Innovative Research on the Interactive Communication of Political News in the Convergence Media Era by Taking the Newsgames Products of Mainstream Media for Example // *The Frontiers of Society, Science and Technology*. 2019. Vol. 7. Pp. 111-117.

20. Yeandle A. The political consequences of Africa's mobile revolution // *American Journal of Political Science*. 2025. Pp. 1-20.

21. Афонасьева Н. А. Современные российские партийные средства массовой информации в интернете: стратегии вовлечения аудитории // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2016. Т. 5, № 3. С. 382-395.

22. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2020. № 3(64). С. 66-72.

23. Ежов Д. А. Цифровые технологии в партийном строительстве: опыт современной России // *Власть*. 2025. Т. 33, № 2. С. 111-114.

24. Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12, № 6. С. 6-28.

25. Махрин А. В. Имидж политических партий в цифровую эпоху развития российского общества // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2022. № 3. С. 114-128

26. Мухаметов Д. Р. Политические партии в цифровой реальности. Партии сетевого контроля и сетевой координации // *Обозреватель*. 2021. № 2(373). С. 59-70.

27. Осипов А. В. Политические коммуникации в сетевых электоральных кластерах: кибертехнологии в формировании сетевого партийного бренда // *Коммуникология*. 2021. Т. 9, № 3. С. 145-154.

28. Павлова Н. С. App Store: границы рынка и рыночная власть Apple // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2021. № 1. С. 103-127.

29. Плотников И.П., Пархитько Н.П. К вопросу о тематической специфике каналов депутатов КПРФ в Telegram // *Litera*. 2025. № 2. С. 196-211. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73225 EDN: BNHVQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73225

30. Сморгунов Л. В. Сетевые политические партии // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 4. С. 21-37.

31. Чижов Д. В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1(131). С. 313-338.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность темы, рассматриваемой автором, не вызывает сомнения. В XXI веке интернет- и мобильные технологий стали активно внедряться в государственные и дипломатические практики. В научном дискурсе прочно укоренился термин «цифровая дипломатия» (или интернет-дипломатия, э-дипломатия) – способ взаимосвязи между официальными государственными органами, политическими партиями и аудиторией посредством соцсетей, мессенджеров для создания положительного имиджа и поддержания своей репутации.

Представленная к публикации статья «Мобильные приложения политических партий РФ как инструмент сетевого взаимодействия с электоратом» концептуальна, интересна, целостна. Предметом исследования в данной рецензируемой работе являются созданные политическими партиями цифровые приложения как инструмент партийной коммуникации. Как отмечает автор, цифровые приложения позволяют мобилизовать неопределившихся избирателей, предоставлять аудитории информацию о значимых событиях в интересной форме (например, используя геймифицированный подход), повышать рейтинг конкретных политиков, а также привлекать интерес молодых людей к политическому контенту.

Несмотря на то, что партийные мобильные приложения существуют уже достаточно давно, в российском научном дискурсе очень мало работ, посвященных их исследованию. Сегодня, когда международные сервисы становятся недоступными, разработка и внедрение отечественных мобильных решений особенно важна для отечественных партий.

В статье анализируются цифровые продукты «Единой России», КПРФ, «Вверх», а также приложения «Наблюдатель Единой России» и «Агитатор Единой России». Автор отмечает, что «положительный опыт, накопленный «Единой Россией» и «Коммунистической партией Российской Федерации», может способствовать появлению цифровых продуктов других партий на платформе RuStore». Партия «Единая Россия», лидер в сфере мобильного программного обеспечения, создала свою «экосистему мобильных приложений, включающих в себя инструменты информирования, агитации и мобилизации электората».

В статье впервые даётся развернутая характеристика структурных и функциональных особенностей партийных приложений; описывается дизайн цифровых продуктов, а также предлагается типологизация мобильных приложений. Предложенная в работе типология партийных цифровых продуктов позволяет лучше оптимизировать ПО, ориентировать его на определенные сегменты аудитории и адаптировать под требуемые задачи. Новизна представленной работы обоснована.

Автор приходит к важному выводу о том, что, несмотря на меньшую (в сравнении с социальными сетями) популярность мобильных приложений в российской партийной практике, они «обладают значительными возможностями для взаимодействия с аудиторией», являются важным инструментом политического влияния. На наш взгляд,

тема может быть рассмотрена и далее, следовательно, дискуссионный ценз данной статьи выдержан. Выводы по работе соотносятся с основной частью. Статью можно использовать в режиме освоения ряда социальных, экономических, гуманитарных дисциплин.

Замечаний по соблюдению формальных требований в работе с текстом (стиль изложения, правильность использования терминологии, соблюдения требований к оформлению сносок, примечаний, составлению библиографии) не выявлено.

Рекомендую статью «Мобильные приложения политических партий РФ как инструмент сетевого взаимодействия с электоратом» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Колесникова М.П. Интерпретация идиом и культурно маркированных элементов в нейросетевом переводе (на материале русско-английских параллелей) // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76823 EDN: ASJVOO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76823

Интерпретация идиом и культурно маркированных элементов в нейросетевом переводе (на материале русско-английских параллелей)

Колесникова Мария Павловна

ORCID: 0009-0003-7973-0355

старший преподаватель; институт гостиничного бизнеса и туризма; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

101000, Россия, г. Москва, Миклухо-Маклая, 10-408

✉ mariarudn@mail.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76823

EDN:

ASJVOO

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу механизмов интерпретации идиом и культурно маркированных выражений при машинном переводе с русского языка на английский на примере нейросетевых систем ChatGPT, DeepL и Google Translate. В качестве предмета исследования выступают особенности обработки переносных значений, культурных импликаций и устойчивых образных моделей, входящих в состав русской идиоматики. Эмпирическую базу составляет корпус из ста идиоматических и фразеологических единиц, сопоставляемых по результатам перевода в трёх языковых моделях. Целью исследования является выявление различий между формально-алгоритмической обработкой идиом и когнитивной реконструкцией смысла, реализуемой современными генеративными системами, а также определение степени сохранения культурно обусловленного содержания в каждом типе моделей. Полученные результаты позволяют уточнить границы автоматизированного перевода и выявить наиболее уязвимые зоны культурной семантики, не поддающиеся формализуемой обработке. Методологический

инструментарий исследования включает сопоставительный анализ, ориентированный на выявление межмодельных различий на уровне эквивалентности; контент-анализ для классификации ошибок по типам; дискурс-анализ для определения влияния контекста на окончательное решение модели; а также методы корпусной лингвистики, использованные для проверки идиоматических значений выражений в аутентичных текстах. Научная новизна исследования состоит в систематизации и аналитическом обобщении данных, полученных при сопоставлении идиоматических и культурно маркированных выражений в трёх нейросетевых системах машинного перевода. На основе специально сформированного корпуса выявлены устойчивые закономерности обработки идиом различной семантической и культурной природы, что позволило выделить типовые модели интерпретации, характерные для каждой системы. Предложена классификация ошибок передачи идиоматического содержания, включающая семантические, прагматические, культурно-контекстуальные и морфосинтаксические искажения, снабжённые эмпирическими показателями распространённости. Дополнительно установлена связь между архитектурными параметрами моделей, типом обучающих корпусов и характером формируемых переводческих стратегий. Показано, что различия между системами проявляются на уровне предсказуемых паттернов поведения: склонности к калькированию, функциональной адаптации или нейтрализации образа. Обобщающие выводы уточняют механизмы семантической адаптации нейросетевых моделей и расширяют представления о том, как современные системы обрабатывают культурно нагруженные элементы при отсутствии прямых межъязыковых соответствий.

Ключевые слова:

машинный перевод, искусственный интеллект, нейросетевые модели, культурно маркированные элементы, эквивалентность перевода, когнитивная адаптация, идиомы, Google Translate, ChatGPT, DeepL

1. Введение

Стремительное развитие нейросетевых языковых моделей поставило перед переводоведением ряд принципиальных вопросов, связанных с границами автоматизированной интерпретации языковых выражений, обладающих культурно обусловленной семантикой. Несмотря на значительные достижения современных систем, основанных на архитектуре трансформеров, их способность к воспроизведению формально-структурных и лексико-семантических соответствий не сопровождается сопоставимой точностью в сфере идиоматики и фразеологии. Именно эта область языка, где значение формируется в рамках культурных сценариев, концептуальных моделей и устойчивых образных схем, остаётся наименее доступной для вычислительной обработки.

Проблема эквивалентности перевода культурно маркированных выражений традиционно занимает центральное место в теоретических исследованиях отечественной и зарубежной школы переводоведения. Представленные в трудах Е. Найды, М. Бейкер, В. Комиссарова и др. уровни эквивалентности — формальный, семантический, прагматический и культурный — демонстрируют различие между лексико-грамматической воспроизводимостью и реконструкцией коммуникативной функции высказывания. Практика применения нейронных систем машинного перевода показывает, что они сравнительно успешно справляются с формально-семантическим уровнем, однако значительно чаще оказываются несостоятельными при необходимости интерпретации

переносных значений и культурных импликаций.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в эпоху глобальной коммуникации и цифрового взаимодействия языковые модели становятся инструментом не только межкультурного обмена, но и культурной медиации. Возрастающая роль языковых моделей в межкультурной коммуникации и интеграция нейросетевых систем в профессиональные переводческие среды обуславливают необходимость анализа того, в какой мере такие модели способны реконструировать скрытый когнитивно-культурный потенциал идиом и фразеологических оборотов. Данная задача приобретает особую значимость в условиях расширения человеко-машинного взаимодействия, когда языковые модели начинают выполнять функции не только структурно-семантического преобразования текста, но и посредничества между различными культурными кодами. Исследование механизмов обработки идиоматических выражений позволяет выявить различия между формальной вычислительной интерпретацией и когнитивной реконструкцией смысла и определить те аспекты культурно обусловленной семантики, которые остаются принципиально уязвимыми в условиях машинной обработки.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении специфики интерпретации и перевода идиоматических и культурно маркированных выражений, характерных для русскоязычного культурного пространства, в нейросетевых системах машинного перевода (ChatGPT, DeepL, Google Translate), а также в установлении типичных стратегий адаптации и закономерностей возникновения ошибок, связанных с утратой культурного контекста и снижением семантической точности.

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи:

- сформировать корпус русских идиоматических и культурно обусловленных выражений с учётом их частотности, прагматической и культурной значимости;
- провести сопоставительный анализ переводов указанных выражений, выполненных тремя различными нейросетевыми системами в стандартизированных условиях;
- классифицировать виды переводческих стратегий (буквальных, адаптивных, описательных) и оценить их соответствие принципам переводческой эквивалентности;
- выявить характерные типы ошибок (семантические, культурные, прагматические), возникающих при переводе рассматриваемых выражений;
- установить взаимосвязь между архитектурными особенностями нейросетевых моделей и уровнем культурной и когнитивной интерпретации;
- сформулировать рекомендации по оптимизации нейросетевых переводчиков в части передачи идиоматических и культурно специфичных смыслов.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении механизмов передачи идиоматических и культурно маркированных выражений в нейросетевом машинном переводе и в расширении существующих представлений о взаимодействии лингвистического, прагматического и культурного уровней при обработке образных единиц. Исследование позволяет конкретизировать принципы функционирования современных моделей перевода при работе с выражениями, имеющими высокий культурный и концептуальный вес, а также дополняет теоретические модели эквивалентности новыми данными о поведении нейросетевых систем в условиях отсутствия прямых межкультурных соответствий. Полученные выводы уточняют роль архитектурных и обучающих факторов NMT-моделей в формировании переводческих

стратегий и могут служить основанием для дальнейшего развития когнитивно ориентированных подходов в переводоведении.

Практическая значимость работы состоит в разработке функциональных рекомендаций, направленных на повышение качества передачи идиоматических и культурно обусловленных выражений в нейросетевых системах перевода. Выявленные закономерности ошибок и стратегии адаптации могут быть использованы при создании и обучении моделей машинного перевода, а также при интеграции гибридных человеко-машинных решений в CAT-инструменты. Результаты исследования применимы в деятельности профессиональных переводчиков и редакторов — как ориентиры при постредактировании машинных переводов, так и в качестве методической базы для анализа текстов, содержащих культурно нагруженные элементы. Кроме того, материалы исследования могут быть включены в образовательные программы по переводоведению, машинному переводу и межкультурной коммуникации, способствуя формированию навыков критической оценки качества нейросетевого перевода.

Научная новизна исследования состоит в проведённой систематизации и аналитическом обобщении данных, полученных при сопоставлении идиоматических и культурно маркированных выражений в трёх нейросетевых системах машинного перевода — ChatGPT, DeepL и Google Translate. На основе специально сформированного корпуса выявлены устойчивые закономерности в обработке идиом различной семантической и культурной природы, что позволило впервые выделить и описать типовые модели интерпретации, характерные для каждой из рассматриваемых систем.

В работе предложена развернутая классификация ошибок, возникающих при передаче идиоматического и культурного содержания, включающая семантические, прагматические, культурно-контекстуальные и морфосинтаксические искажения. Каждая категория снабжена эмпирическими показателями распространённости и характеристиками условий возникновения, что обеспечивает аналитическую полноту описания.

Дополнительно установлена зависимость между архитектурными параметрами моделей, типом используемых обучающих корпусов и характером генерируемых переводческих стратегий. Впервые показано, что различия между системами проявляются не только на уровне качества отдельных переводов, но и на уровне предсказуемых паттернов поведения: склонности к калькированию, функциональной адаптации или нейтрализации образа.

Обобщающие выводы исследования позволили уточнить механизмы семантической адаптации нейросетевых моделей в условиях культурной асимметрии и расширили теоретическое представление о том, как современные системы NMT обрабатывают культурно нагруженные элементы без наличия прямых межъязыковых соответствий. Эти результаты дополняют существующие концепции эквивалентности и когнитивного моделирования перевода, формируя методологическую основу для дальнейшего изучения культурной интерпретации в автоматических переводческих системах.

2. Степень изученности предмета исследования

Изучение перевода идиом и культурно маркированных выражений занимает устойчивое место в переводоведении и смежных направлениях лингвистики. В отечественной научной традиции фундаментальными являются работы В. Н. Комиссарова, развившего теорию уровней эквивалентности как многоаспектной категории, ориентированной на коммуникативную и прагматическую точность перевода [\[1\]](#). Значимый вклад в разработку

функционально ориентированных подходов принадлежит А. Д. Швейцеру, рассматривавшему перевод как форму межъязыковой и межкультурной коммуникации, в которой приоритет принадлежит воспроизведению прагматического воздействия исходного текста [2].

Существенной методологической основой анализа трансформаций служат положения Ю. И. Рецкера, который систематизировал виды переводческих преобразований — конкретизацию, генерализацию, смысловое развитие, антонимический перевод и компенсацию [3]. Несмотря на историческую дистанцию, предложенная им классификация сохраняет значимость для анализа ошибок современных алгоритмов машинного перевода, в том числе возникающих при работе с идиомами.

В зарубежной исследовательской традиции важнейшим направлением является концепция динамической эквивалентности Ю. Найды (E. Nida), ориентированная на реакцию реципиента и на сохранение функциональных характеристик выражения [4]. Многоуровневая модель соответствий, предложенная М. Бейкер (M. Baker) [5], и дискурсивный подход Б. Хэтима и И. Мейсона (B. Hatim, I. Mason) [6] позволяют рассматривать перевод идиом как когнитивно-интерпретационный процесс, включающий реконструкцию прагматического и культурного контекста. Работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона (G. Lakoff, M. Johnson), посвящённые концептуальной метафоре [7], демонстрируют зависимость фразеологических значений от культурно закреплённых схем интерпретации, что делает перевод идиом задачей восстановления метафорической модели.

В исследованиях последних десятилетий, посвящённых машинному переводу, отмечается, что нейросетевые системы, несмотря на значительное улучшение синтаксической и лексической точности, сохраняют ограничения при обработке культурно нагруженных единиц [9; 10]. Особую группу составляют работы 2023–2025 годов, где предпринимаются попытки систематического изучения закономерностей ошибок NMT при работе с идиоматическими конструкциями. Так, К. Базиотис и соавт. (C. Baziotis et al.) разрабатывают метод автоматической оценки идиоматичности перевода и выявляют характерную склонность нейронных моделей к буквальным стратегиям [11]. П. Навин и П. Троёвский (P. Naveen, P. Trojovský) в обзорном исследовании подчёркивают, что наибольшие трудности NMT связаны с выражениями, требующими реконструкции культурного сценария [12]. Э. Лю и соавт. (E. Liu et al.) показывают возможность повышения качества idiom-aware перевода с применением retrieval augmentation, хотя системная разница между буквальными и функциональными решениями сохраняется [13].

Работы, посвящённые возможностям больших языковых моделей (LLM), демонстрируют зависимость качества идиоматического перевода от структуры запроса и контекстуальной насыщенности. Так, А. Кастальдо и Д. Монти (A. Castaldo, J. Monti) анализируют влияние шаблонов prompting на передачу идиом [14]. Исследование Д. Азизова (D. Azizov) выявляет устойчивую культурную неадекватность NMT и LLM при переводе реалий и образных выражений [15]. Прикладные исследования, включая работы Н. Дарвиша и соавт. (N. Darwish et al.) [16] и А. С. Альделаа (A. S. Aldelaa) [17], подтверждают, что нейросетевые системы переводят идиомы с существенными семантическими и культурными искажениями.

Таким образом, существующая научная традиция демонстрирует значительную

разработанность теоретических оснований, но в меньшей степени — систематизацию различий в стратегиях обработки идиом в разных моделях нейросетевого перевода и влияния архитектуры моделей на результаты. Настоящее исследование обращается именно к этому недостаточно изученному аспекту, объединяя классические и современные подходы в рамках анализа трёх актуальных NMT/LLM-систем.

3. Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составил корпус из 100 русских идиом и устойчивых выражений, включающих фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения и реалии, характерные для разговорной и литературной речи. Отбор осуществлялся на основании их частотности, культурной значимости и степени образной насыщенности, причём приоритет отдавался выражениям, опирающимся на концептуальные метафоры, не имеющие прямых эквивалентов в английском языке. Дополнительным критерием отбора служила их устойчивость в дискурсе, подтверждаемая материалами Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Это позволило обеспечить репрезентативность корпуса и гарантировать, что анализируемые единицы действительно функционируют как идиоматические и культурно маркированные элементы русскоязычной коммуникации.

Для анализа были выбраны три нейросетевые системы машинного перевода, представляющие различные архитектурные и методологические принципы обработки естественного языка. Google Translate рассматривался как массовая трансформерная NMT-модель, основанная на параллельных корпусах. DeepL привлекался как система, демонстрирующая высокую структурную чувствительность и способность к контекстной реконструкции синтаксических зависимостей. ChatGPT (GPT-4/5) использовался как пример генеративной языковой модели, в которой вероятностное моделирование дополняется когнитивно-прагматическими механизмами, обеспечивающими более гибкую интерпретацию выражений. Такой выбор систем позволил сопоставить различающиеся архитектуры (NMT, гибридная система и LLM) и выявить, как эти различия отражаются на обработке культурно нагруженных единиц.

Переводы исследуемых выражений выполнялись в идентичных условиях: каждое выражение вводилось дважды — в изолированной форме и в составе контекстного предложения. Такой подход позволил выявить различия между контекстно-зависимым и контекстно-независимым режимами работы моделей и оценить влияние дискурсивной среды на выбор переводческой стратегии.

Исследование проводилось поэтапно. На первом этапе был осуществлён автоматизированный сбор переводов и их систематизация в единую таблицу. На втором этапе применялся экспертный анализ: переводчик-лингвист оценивал каждое решение по параметрам семантической точности (semantic accuracy), сохранения идиоматического содержания (idiomatic fidelity), культурной релевантности (cultural adequacy) и естественности (fluency). На заключительном этапе выполнялась количественная обработка данных, включавшая расчёт средних значений по каждому параметру и интегрального индекса качества перевода, что обеспечило статистическую интерпретируемость результатов.

Теоретическая основа исследования включала модель стратегий перевода идиом М. Бейкер (1992) и концепцию динамической эквивалентности Е. Найды (1964). На основе этих подходов были выделены три основные переводческие стратегии, наблюдаемые в работе нейросетевых систем, и каждая из них была дополнена эмпирическими примерами из исследуемого корпуса. Буквальный перевод (literal translation)

фиксируется как стратегия, основанная на формальном воспроизведении компонентов выражения. Эта стратегия приводила к семантическим и культурным искажениям, уходящим от идиоматической функции выражений: например, «как снег на голову» → *"like snow on the head"*, «вешать лапшу на уши» → *"to hang noodles on someone's ears"*, «дело пахнет керосином» → *"the matter smells of kerosene"*. Такие решения нарушали образную структуру и не обеспечивали прагматического соответствия целевому языку. Функциональная адаптация (functional equivalent) предполагала подбор выражения, вызывающего у носителя языка аналогичный коммуникативный эффект. В этой группе наблюдались примеры адекватного сопоставления культурных сценариев: например, «дело пахнет керосином» → *"something's fishy"*, «в Тулу со своим самоваром» → *"to carry coals to Newcastle"*. Эта стратегия демонстрировала способность некоторых моделей использовать функциональные аналоги целевого языка, сохраняя коммуникативную цель оригинала. Когнитивная замена (cognitive substitution) проявлялась в использовании описательных конструкций, передающих смысл выражения при отсутствии прямого аналога: например, «душа болит» → *"to feel deeply worried or sad"*, «ком в горле» → *"to feel unable to speak because of strong emotion"*. Данная стратегия позволяла моделям воспроизвести семантическое ядро выражения, но приводила к утрате образной составляющей и культурной специфики. Каждая из указанных стратегий анализировалась с точки зрения её соответствия коммуникативной цели оригинала, степени культурной адекватности и способности передавать когнитивные элементы исходного образа. Такой подход позволил проследить не только факт выбора стратегии, но и условия, при которых модели склоняются к буквальному или функциональному решению.

Методологический инструментарий исследования включал сопоставительный анализ, ориентированный на выявление межмодельных различий на уровне эквивалентности; контент-анализ для классификации ошибок по типам (лексические, семантические, культурные, прагматические); дискурс-анализ для определения влияния контекста на окончательное решение модели; а также методы корпусной лингвистики, использованные для проверки идиоматических значений выражений в аутентичных текстах. Представление результатов в табличной форме с комментариями обеспечило сочетание количественного и качественного анализа и позволило выявить системные закономерности в работе нейросетевых моделей.

4. Анализ и результаты исследования

Проведённый анализ продемонстрировал устойчивые различия в способах обработки идиоматических выражений тремя исследуемыми нейросетевыми системами. Установлено, что качество перевода определяется не только типом идиомы, но и способностью модели учитывать контекст, распознавать культурные ассоциации и восстанавливать образную структуру выражения. Корреляция между архитектурой модели и характером переводческих решений позволяет объяснить зафиксированные различия в сохранении значения и степени когнитивной интерпретации.

Корпус исследованных выражений был систематизирован по четырём типологическим категориям: эмоционально-оценочным идиомам (38 %), ситуативно-поведенческим выражениям (29 %), культурно-реалийным метафорам (21 %) и пословицам (12 %). Такая классификация позволила выявить, что для каждой группы характерен свой набор переводческих сложностей: эмоционально-оценочные конструкции требуют реконструкции внутреннего состояния, культурно-реалийные — интерпретации культурного кода, а пословицы — сохранения прагматической установки и жанровой формы.

Сравнительный анализ показал, что Google Translate демонстрирует устойчивую тенденцию к буквальному воспроизведению формальных признаков выражения, что ведёт к высокой частоте калькирующих переводов. DeepL характеризуется большей устойчивостью при работе с синтаксически прозрачными выражениями и нередко выбирает готовые английские эквиваленты, однако при культурно нагруженных метафорах модель также склонна к калькированию. Наиболее гибкую стратегию демонстрирует ChatGPT: в зависимости от контекста он использует описательные конструкции или функциональные эквиваленты, что обеспечивает более точную передачу коммуникативного и прагматического содержания, хотя иногда сопровождается утратой образной составляющей.

Экспертная оценка качества перевода подтверждает различия между системами: средние значения по пятибалльной шкале составили 2,4 для Google Translate, 3,35 для DeepL и 4,05 для ChatGPT. Эти данные отражают зависимость качества идиоматического перевода от способности модели осуществлять когнитивную интерпретацию значения и выбирать функционально адекватный эквивалент.

Анализ примеров показывает, что различия между моделями носят не эпизодический, а систематический характер. Так, ChatGPT чаще предлагает функциональные или описательные решения: выражение «с душой» он перевёл как “wholeheartedly”, тогда как DeepL и Google дали буквальное “with soul”. Идиома «в Тулу со своим самоваром» была интерпретирована ChatGPT через английский эквивалент “to carry coals to Newcastle”, тогда как DeepL и Google ограничились буквальной передачей (“to Tula with one’s/your samovar”), что делает выражение непонятным для носителя английского языка. Характерно, что DeepL нередко сохраняет образ дословно, даже когда он не имеет аналогов: например, «на душе кошки скребут» модель передала как “cats are scratching in the soul”, что воспроизводит русские компоненты, но нарушает когнитивную интерпретируемость. Google Translate демонстрирует аналогичную стратегию, хотя по широко распространённым пословицам способен выбрать правильный эквивалент (“no pain, no gain” для «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», “out of the blue” для «как снег на голову»).

Количественный анализ ошибок подтвердил различия в распределении типов искажений. Из 100 выражений ChatGPT допустил ошибки в 27 случаях, DeepL — в 46, Google Translate — в 73. Семантические ошибки составили около 44 % всех сбоев и в основном проявлялись в буквальном воспроизведении компонентов («душа не на месте» → “the soul is not in place”, «свет не мил» → “the light is not nice”). На культурные ошибки пришлось около 31 % случаев, главным образом связанные с нераспознаванием культурных реалий: например, DeepL перевёл «ни пуха ни пера» как “not a feather or a hair”. Прагматические ошибки (18 %) возникали там, где нарушалась жанровая природа высказывания: пословица «волков бояться — в лес не ходить» была передана DeepL как повествовательная конструкция, тогда как ChatGPT предложил функциональный эквивалент “nothing ventured, nothing gained”. Морфосинтаксические ошибки (7 %) наблюдались преимущественно у Google Translate и проявлялись в нарушении порядка слов, пропусках артиклей и неправильно оформленных словосочетаниях.

Сравнение степени сохранения образности показало, что ChatGPT чаще отказывается от дословной передачи образа в пользу функциональной эквивалентности. Например, «дело пахнет керосином» он перевёл как “something’s fishy”, сохранив прагматическую коннотацию подозрительности. DeepL и Google, напротив, воспроизвели метафору буквально: “the matter smells of kerosene”. Аналогичным образом ChatGPT заменил пожелание «ни пуха ни пера» эквивалентом “break a leg!”, тогда как DeepL предложил

буквальный вариант. В ряде случаев ChatGPT использовал нейтрализованную передачу значения (например, «с гулькин нос» → "tiny"), тогда как DeepL и Google переводили выражение буквально, воспроизводя непонятный для англоязычного читателя образ.

Для количественной оценки степени эквивалентности был рассчитан индекс культурной адекватности (ICA), объединяющий параметры сохранения значения, идиоматичности и естественности. Средние значения составили 0,48 для Google Translate, 0,67 для DeepL и 0,81 для ChatGPT. Разница между системами статистически значима ($p < 0,05$, критерий Уилкоксона). Наиболее выраженные различия наблюдались в категории культурно-реалийных выражений, что подтверждает решающую роль контекстной обработки и когнитивной адаптации в достижении эквивалентности.

Полученные данные позволяют заключить, что способность к идиоматической точности определяется не только архитектурой модели, но и глубиной интерпретации культурного и когнитивного содержания. Анализ показывает, что исследованные системы демонстрируют различающиеся модели интерпретации выражений, которые можно охарактеризовать как три устойчивые стратегии. Generative Pre-trained Transformer (ChatGPT) проявляет наиболее высокую степень переводческой адаптивности. Данная модель ориентируется на восстановление переносного содержания идиомы, прибегает к функциональной замене и использует прагматически мотивированные эквиваленты, что обеспечивает передачу коммуникативного и жанрового смысла даже при утрате исходного образа. Поведение DeepL можно охарактеризовать как структурно-выравнивающее: система стремится сохранить формально-семантический каркас выражения и минимизирует вмешательство в исходный образ, вследствие чего редко выходит на уровень культурной интерпретации и чаще допускает буквальную передачу культурных реалий. Google Translate демонстрирует статистически-буквальную стратегию: его переводческие решения во многом зависят от вероятностных соответствий, заложенных в параллельных корпусах, что приводит к высокой доле калькирующих переводов и ограниченной способности к функциональной адаптации.

Характер ошибок, выявленных в исследовании, подтверждает различия в стратегиях перевода. Наиболее многочисленные семантические искажения связаны с буквальным воспроизведением внутренней формы выражения и возникающими вследствие этого нарушениями базового значения, что особенно характерно для Google Translate и менее выражено у DeepL. Значительная доля культурных ошибок у систем NMT указывает на недостаточную интерпретацию культурно значимых образов и неспособность замещать их функционально сопоставимым эквивалентом. Прагматические искажения возникают преимущественно в случаях, когда системы не распознают жанровую специфику пословиц и эмоционально-оценочных идиом, сводя высказывание к нейтральной повествовательной форме. Морфосинтаксические нарушения фиксируются главным образом у Google Translate и отражают ограниченную способность модели к синтаксической перестройке текста. Таким образом, типология ошибок демонстрирует прямую зависимость между выбором стратегии и характером переводческого результата: чем ниже степень интерпретации, тем выше вероятность буквального переноса, культурной нейтрализации и прагматического упрощения.

Сводный анализ результатов позволяет заключить, что исследованные модели репрезентируют три различающихся типа переводческой компетенции. В совокупности это свидетельствует о том, что различия в качестве перевода определяются прежде всего уровнем интерпретации и способностью модели учитывать культурный и прагматический контекст, тогда как технические параметры архитектуры становятся

пояснительным фактором.

5. Сравнение лингвистической и когнитивной ограниченности нейросетевых моделей

Проведённый анализ выявил не только различия в результатах перевода между исследуемыми системами, но и продемонстрировал фундаментальные расхождения в их архитектуре, типах языкового моделирования и механизмах когнитивной интерпретации контекста. Понимание этих различий имеет ключевое значение для объяснения того, почему нейросетевые модели демонстрируют неодинаковую способность к передаче идиоматических и культурно маркированных выражений.

Google Translate представляет собой гибридную систему, сочетающую элементы статистического машинного перевода и нейронного машинного перевода. В основе работы системы лежит модель трансформера с механизмом внимания, однако значительная часть предсказаний формируется на основе вероятностных моделей типа *n*-грамм и технологий фразового выравнивания (phrase alignment), что обеспечивает линейно-ассоциативный характер сопоставления сегментов. Механизм внимания используется главным образом для устранения омонимии и обеспечения морфосинтаксической согласованности, но не формирует многоуровневых семантических представлений. В результате Google Translate опирается на так называемую корпусно-ассоциативную семантику, в которой значение выводится из частотных закономерностей, а не из концептуальных структур. Этот тип обработки контекста обеспечивает устойчивость перевода в грамматически прозрачных случаях, но ограничивает способность модели распознавать идиомы как неделимые семантические единицы.

DeerL реализует углублённый вариант трансформерной архитектуры с многофокусным механизмом внимания (многоузловое самовнимание) и контекстуальными векторными представлениями. Модель обучена на отредактированных параллельных корпусах высокого качества, что формирует у неё структурно-семантический тип языкового знания. DeerL эффективно вычисляет синтаксические зависимости, сохраняет структуру предложения и обеспечивает высокую точность грамматического выравнивания. Однако данный подход предполагает преимущественно локальное моделирование контекста и не включает полноценного механизма интерпретации культурных импликаций. Вследствие этого DeerL демонстрирует развитую способность к синтаксическому отображению, но ограниченную способность к метафорической реконструкции, то есть редко заменяет образ, отсутствующий в обучающих данных, функционально эквивалентным выражением целевого языка.

ChatGPT (модель семейства GPT-4/5) принципиально отличается от предыдущих систем, поскольку представляет собой генеративную языковую модель общего назначения, обученную методом предобучения без учителя (unsupervised pre-training) в сочетании с обучением с подкреплением на основе человеческой обратной связи. В отличие от моделей нейронного машинного перевода, ориентированных на параллельные корпуса, ChatGPT формирует дискурсивно-когнитивный тип языкового знания: векторные представления основаны не только на лексико-синтаксических связях, но и на сценарных структурах, жанровых моделях и прагматических зависимостях. Механизм внимания в этой модели обладает рекурсивным характером: система способна учитывать глобальный, а не только локальный контекст и интерпретировать выражение как элемент более широкого речевого акта. Это позволяет модели подбирать функционально эквивалентные фразеологизмы и сохранять прагматическую установку высказывания.

Различия в корпусах, на которых обучены модели, также оказывают определяющее влияние на глубину интерпретации. Google Translate и DeepL обучены на параллельных корпусах, представляющих собой преимущественно нормативные, технические и административные тексты, что формирует корпусно-сопоставительный тип знаний, основанный на фиксированных лексико-семантических шаблонах. ChatGPT обучен на широком круге естественных дискурсов — художественных, публицистических, разговорных и аналитических — что формирует контекстно-инференциальный тип знаний, в котором ключевую роль играют вероятностные связи между смысловыми фреймами.

Механизмы вероятностного вывода также различаются: Google Translate использует локальные вероятностные оценки, DeepL — структурно-вероятностное моделирование с опорой на синтаксические зависимости, ChatGPT — глобально-дискурсивный вероятностный вывод, включающий прогнозирование речевых сценариев. Архитектура внимания в Google реализована как одноуровневая фокусировка на токенах, DeepL использует многоуровневое синтаксическое внимание, а ChatGPT — рекурсивное внимание, позволяющее учитывать контекст всей коммуникации.

Сводный технический анализ показывает, что рассматриваемые системы воплощают три различающихся типа языкового моделирования: корпусно-статистический (Google Translate), структурно-семантический (DeepL) и дискурсивно-когнитивный (ChatGPT). Эта типологическая разница определяет границы их переводческих возможностей и объясняет выявленные ранее различия в обработке идиоматических выражений и культурно маркированных структур.

С точки зрения переводоведения, эти различия демонстрируют постепенный сдвиг от семантических к когнитивным моделям перевода. Если ранние системы работали по принципу «слово за слово», современные — по принципу «смысл за смысл». Тем не менее, даже ChatGPT пока не способен к подлинной когнитивной реконструкции: модель не создает культурных ментальных карт, а лишь аппроксимирует их через вероятностные связи.

В терминах А. Д. Швейцера (1988), нейросетевой перевод можно отнести к «вторичной коммуникации», где значение воспроизводится, но не осознаётся. Следовательно, проблема перевода идиом выявляет границу между машинной обработкой языка и человеческим пониманием — ту точку, где статистика перестаёт быть достаточной, а требуется интерпретация.

Именно здесь проявляется перспектива гибридного переводческого подхода, при котором машина выполняет рутинную работу по выравниванию структур, а человек обеспечивает когнитивно-культурную коррекцию. Такой синтез, вероятно, станет основой профессионального перевода будущего, где переводчик превращается в редактора и интерпретатора, а искусственный интеллект — в инструмент когнитивного расширения.

6. Интеграция исследуемых языковых моделей в CAT-инструменты и практические аспекты машинного постредактирования при переводе идиоматических выражений

Практическая значимость проведённого исследования состоит в том, что выявленные закономерности функционирования нейросетевых языковых моделей могут быть непосредственно интегрированы в современную систему профессионального перевода, основанную на использовании CAT-инструментов (Computer-Assisted Translation). Эти программные комплексы — SDL Trados Studio, MemoQ, Smartcat, Memsource, Wordfast — формируют технологическую среду, в которой языковые модели участвуют не только в

автоматизированной генерации сегментов, но и в когнитивной интерпретации текста. Благодаря этому переводческий процесс приобретает характер кооперации человека и машинного алгоритма, что соответствует современной тенденции перехода от линейной модели перевода к модели распределённого когнитивного взаимодействия.

Интеграция исследуемых моделей — Google Translate, DeepL и ChatGPT — в CAT-системы демонстрирует два различных технологических принципа. В первом случае речь идёт о подключении традиционных модулей нейронного машинного перевода, обеспечивающих первоначальную структурную обработку текста, но ограниченных локальными синтаксическими зависимостями и практически не учитывающих дискурсивный контекст. Подобный механизм приводит к сохранению грамматической корректности, но затрудняет интерпретацию идиоматических и культурно маркированных выражений. Во втором случае интегрируются генеративные языковые модели, ориентированные на анализ глобального контекста документа и распознавание коммуникативной установки автора. Такие модули, как OpenAI GPT Plugin for Trados или Smartcat AI Assist, демонстрируют способность к реконструкции прагматической функции высказывания: например, при переводе пословицы «делить шкуру неубитого медведя» генеративная модель предлагает эквивалент "to count one's chickens before they hatch", тогда как традиционные системы NMT воспроизводят буквальную, но коммуникативно несостоятельную кальку.

Особый интерес представляют гибридные решения, сочетающие машинный перевод и генеративное постредактирование. Эксперимент, проведённый в среде SDL Trados Studio 2022 на материале объёмом около двадцати тысяч слов и включавшем сто идиоматических выражений, предусматривал трёхступенчатую обработку: первичный перевод с использованием DeepL, передачу результата в генеративный модуль ChatGPT для дискурсивной коррекции и последующее минимальное постредактирование переводчиком. Результаты показали увеличение доли корректной передачи идиоматического значения с пятидесяти восьми до семидесяти девяти процентов после генеративной коррекции и до девяноста трёх процентов после вмешательства переводчика. Эти данные свидетельствуют о том, что генеративная модель выполняет функцию когнитивного фильтра, компенсирующего ограниченность структурных алгоритмов нейронного машинного перевода, тогда как человек осуществляет прагматическую и культурную верификацию текста.

Анализ исследуемых моделей и результаты проведённого эксперимента позволяют предложить трёхуровневую гибридную архитектуру CAT-системы, основанную на распределении функций между структурной, дискурсивной и человеческой когницией. На первом уровне функционирует модуль нейронного машинного перевода, обеспечивающий формально-семантическое выравнивание. На втором уровне работает генеративный модуль, ориентированный на интерпретацию глобального контекста, восстановление переносных значений, идентификацию культурных импликаций и коррекцию стилистических параметров. На третьем уровне переводчик осуществляет прагматическую проверку результата, уточняя интенциональные, культурные и стилистические особенности текста. Такое распределение функций позволяет рассматривать перевод как многоуровневый когнитивный процесс, в котором машинная и человеческая обработка информации взаимно дополняют друг друга.

Предложенная архитектура обладает высокой практической ценностью, поскольку может быть интегрирована в существующие CAT-инструменты и использована при разработке адаптивных систем перевода нового поколения. Её применение обеспечивает повышение точности при интерпретации идиоматики и культурно специфических

выражений, сокращение объёма ручного постредактирования и создание условий для воспроизведения текстов, приближённых к коммуникативной и культурной структуре оригинала. В этой модели переводчик выполняет не механическую корректировку, а роль координатора взаимодействия между различными типами когнитивной обработки текста, обеспечивая синтез структурной точности, дискурсивной интерпретации и культурной релевантности.

Таким образом, внедрение языковых моделей в CAT-инструменты знаменует собой переход к новой парадигме перевода, основанной на принципе «кооперативного интеллекта». Машина берёт на себя вычислительную и структурную составляющую, человек сохраняет за собой когнитивную, эмоциональную и культурную функции. В результате формируется синергетическая модель перевода, в которой технологические и гуманитарные аспекты взаимно усиливают друг друга. Этот подход открывает перспективу создания по-настоящему адаптивных систем перевода, способных не только передавать смысл, но и воспроизводить культурный контекст оригинала.

8. Заключение

Проведённое исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что качество передачи идиоматики и культурно маркированных элементов в нейросетевом переводе определяется не только объёмом обучающих корпусов и формально-алгоритмической сложностью моделей, но прежде всего характером контекстного моделирования и степенью когнитивной адаптации. Сопоставление трёх широко используемых систем — Google Translate, DeepL и ChatGPT — показало, что различия их архитектур и источников данных порождают устойчивые дивергенции переводческих стратегий. Google Translate преимущественно реплицирует поверхностные формально-лексические соответствия и склонен к калькированию образов, DeepL обеспечивает более стабильное синтаксико-семантическое выравнивание, а ChatGPT демонстрирует наибольшую близость к человеческой интерпретации за счёт функциональных замен и дискурсивного считывания коммуникативных намерений.

Эмпирическая база — корпус из ста устойчивых выражений с последующей экспертной оценкой — позволила выявить статистически значимые различия в культурной адекватности перевода. Интегральные показатели (ICA) и распределение ошибок согласуются между собой: преобладают семантические и культурные искажения, возникающие при отсутствии прямых эквивалентов и при попытке дословного переноса образа; прагматические потери и морфосинтаксические неточности встречаются реже, но существенно снижают естественность результата. Полученные данные количественной верификации соотносятся с качественными наблюдениями: эмоционально универсальные метафоры, закреплённые в обоих языках, воспроизводятся сравнительно надёжно, тогда как культурно-реалийные выражения и пословицы требуют не линейного сопоставления, а реконструкции концептуального сценария.

Выводы исследования имеют двоякую проекцию — профессионально-переводческую и дидактическую. В профессиональной практике оптимальной оказывается гибридная организация труда: нейросетевая система формирует первичный черновой слой с приемлемой лексико-грамматической точностью, а переводчик выполняет когнитивно-культурное редактирование, восстанавливая идиоматичность, прагматику и социокультурные импликации. Интеграция генеративных плагинов в CAT-среды подтверждает эффективность такой кооперации: дискурсивная «догадка» модели на этапе предложения решения и человеческая проверка на этапе постредактирования обеспечивают прирост как по качественным, так и по количественным метрикам.

Теоретические следствия результатов состоят в уточнении границы между «формальной эквивалентностью» и «когнитивно-культурной адекватностью» в условиях машинного перевода. Нейросетевые модели, даже при доступе к широким дискурсивным данным, пока имитируют, но не воспроизводят культурную память и эмпатическое понимание, необходимое для устойчивой интерпретации образных единиц. Это означает, что прогресс в области нейроперевода напрямую связан с включением в обучение специализированных культурных корпусов, связевых графов знаний и аннотированных фразеологических ресурсов, а также с развитием механизмов глобального контекстного внимания, способных учитывать не только соседние предложения, но и жанрово-риторические конвенции текста.

Ограничения работы объяснимы исследовательским дизайном: выборка идиом, хотя и репрезентативна по частотности и типологии, неизбежно селективна; экспертная оценка по четырём параметрам содержит компонент субъективности; результаты привязаны к конкретным версиям моделей и к состоянию их обучающих данных на момент эксперимента. Эти факторы не нивелируют полученные выводы, но задают рамки их экстраполируемости.

Перспективные направления включают расширение корпуса за счёт межжанровых и междиалектных данных, введение многоцелевых метрик, объединяющих прагматическую уместность, культурный резонанс и стилистическую изоморфность, а также разработку процедур «обучения с культурной подсказкой» — от разметки фразеологических сценариев до адаптации генеративных моделей к локальным нормам употребления. На прикладном уровне целесообразно закрепить в профессиональных стандартах постредактирования отдельный контур проверки идиоматики и культурных реалий, а в образовательных программах — модули по критическому чтению машинного перевода.

В совокупности результаты работы показывают, что современный нейросетевой перевод достиг уровня, достаточного для грамматически корректной и смысловой передачи большинства буквальных высказываний, но остаётся ограниченным при обработке культурно нагруженных единиц. Дальнейший прогресс возможен в режиме «кооперативного интеллекта», где технологические средства усиливают вычислительную и структурную компоненты перевода, а человек обеспечивает интерпретацию, культурную ответственность и коммуникативную целесообразность. Именно такая синергия представляется наиболее реалистичной траекторией движения к модели перевода, сочетающей скорость и масштабируемость машинной обработки с глубиной и точностью человеческого понимания.

Приложение А. Сравнение переводов идиом тремя нейросетевыми моделями

В таблице представлены результаты перевода идиом и устойчивых выражений из исследуемого корпуса тремя системами — ChatGPT, DeepL и Google Translate. Для каждой единицы указаны тип конструкции и краткий комментарий о стратегии перевода.

А.1. Эмоционально-оценочные идиомы

№	Русское выражение	Тип конструкции	Перевод ChatGPT	Перевод DeepL	Перевод Google Translate	Комментарий
1	Душа не на	номинативная	<i>feeling uneasy</i>	<i>the soul is the soul is</i>		GPT передаёт эмоциональный смысл;

	месте		<i>not in place not in place</i>	остальные — буквальны.
2	Сердце замирает	глагольная	<i>my heart skips my heart my heart a beat skips a beat skips a beat</i>	Все корректны — идиоматический аналог
3	Ком в горле	номинативная	<i>a lump in one's a lump in a lump in throat the throat the throat</i>	Все корректны — устойчивое соответствие GPT использует устойчивый эквивалент; DeepL и Google калькируют GPT адаптирует эмоционально; DeepL и Google переводят буквально
4	С душой	предикативная	<i>wholeheartedly with soul with soul</i>	эмоционально; DeepL и Google переводят буквально
5	Душа болит	глагольная	<i>to feel deeply the soul the soul worried hurts hurts</i>	Все корректны — устойчивое соответствие G P T и Google передают естественно; DeepL— ближе к буквальному переводу
6	Кровь стынет жилах	глагольная в метафора	<i>my blood runs the blood the blood cold runs cold in runs cold in my veins my veins</i>	Все корректны — устойчивое соответствие G P T и Google передают естественно; DeepL— ближе к буквальному переводу
7	Сердце ёкает	глагольная	<i>my heart skips my heart is my heart pounding skips a beat</i>	естественно; DeepL— ближе к буквальному переводу
8	Дух захватывает	глагольная	<i>brehtaking / it takes my breathtaking breathtaking breath away</i>	В с е сохраняет экспрессию GPT правильно передаёт эмоцию; Google ищет подходящее выражение; DeepL калькирует. GPT выбирает естественную фразу; DeepL и Google переводят буквально
9	На душе кошки скребут	метафорическая	<i>feeling cats are my soul is downhearted scratching in the soul aching</i>	ищет подходящее выражение; DeepL калькирует. GPT выбирает естественную фразу; DeepL и Google переводят буквально
10	Душа радуется	глагольная	<i>my heart the soul the soul rejoices / I rejoices rejoices feel happy</i>	Все стилистически точные Все три
11	Сердце разрывается	глагольная	<i>my heart is my heart is heart breaking breaking breaking</i>	Все стилистически точные Все три

12	Не по себе	краткая форма	<i>reel</i> <i>uncomfortable</i>	<i>not feeling well</i> <i>uneasy</i>	адекватны, но GPT естественнее GPT и DeepL выбирают
13	На душе легко	номинативная	<i>feeling relieved</i>	<i>feeling my soul is lighthearted easy</i>	семантически корректный вариант; Google калькируют GPT сохраняет экспрессию,
14	На душе тяжело	номинативная	<i>feel hearted</i>	<i>heavy-the soul is the soul is heavy heavy</i>	DeepL и Google переводят буквально GPT заменяет метафору
15	Глаза мокрые	на сравнительная	<i>tearful / ready to cry</i>	<i>eyes on a wet spot wet</i> <i>e y e s are wet</i>	функциональной; DeepL и Google предлагают буквальный перевод
16	Мурашки по коже	номинативная	<i>goosebumps</i>	<i>goosebumps goosebumps</i>	Все корректны GPT выбирает семантически корректный вариант; DeepL и Google дают варианты дословного перевода GPT переводит
17	Руки опускаются	глагольная	<i>lose motivation</i> <i>give up</i>	<i>/ hands drop hands down</i>	естественнее, чем DeepL и Google
18	Терпение лопаётся	глагольная	<i>losing patience</i>	<i>patience is patience is running out running out</i>	естественнее, чем DeepL и Google
19	Сердце кровью обливается	глагольная	<i>my heart bleeds</i>	<i>heart heart is my heart bleeding bleeds</i>	Все корректны GPT даёт правильный английский аналог, чем Google; DeepL предлагает дословный перевод
20	Камень души	с номинативная	<i>a weight off one's chest</i>	<i>a stone the weight off my shoulders</i> <i>it's like a weight off</i>	

					GPT передаёт эмоциональный оттенок; DeepL и Google предлагают пословный перевод
22	Злость берёт	глагольная	<i>feel angry / anger takes I'm getting get mad over angry</i>		
23	До слёз	наречная	<i>to tears to tears to tears</i>		Все варианты верны GPT более правильно нейтрализует культурную метафору; DeepL и Google предлагают пословный перевод
24	Тоска зелёная	метафорическая	<i>deep melancholy green melancholy green melancholy</i>		GPT идиоматичен; DeepL и Google предлагают пословный перевод
25	Свет не мил	предикативная	<i>nothing brings joy the light is not pleasant the light is not nice</i>		DeepL и Google предлагают пословный перевод

А.2. Ситуативно-поведенческие идиомы

№	Русское выражение	Тип конструкции	Перевод ChatGPT	Перевод DeepL	Перевод Google Translate	Комментарий
26	Вешать лапшу на уши	на глагольная	<i>to fool someone / to pull someone's leg</i>	<i>to pull the wool over someone's eyes</i>	<i>to pull the wool over people's eyes</i>	GPT передаёт смысл, выбирая английскую идиому; DeepL и Google также передают смысл, выбирая другую идиому
27	Крутиться как белка в колесе	сравнительная	<i>to run around like a crazy</i>	<i>to run around like a squirrel in a wheel</i>	<i>to spin like a squirrel in a wheel</i>	GPT функционально корректен; DeepL и Google переводят более буквально
28	Как снег на голову	сравнительная	<i>out of the blue</i>	<i>the like snow on the head</i>	<i>out of the blue</i>	GPT и Google идиоматичны; DeepL калькируют.

GPT передаёт

29	Бить баклуши	глагольная	<i>to loaf around</i>	<i>to twiddle one's thumbs</i>	<i>to idle away</i>	смысл, выбирая английскую идиому; DeepL также передает смысл, выбирая другую идиому; Google только передает смысл
						GPT передаёт смысл; DeepL и Google переводят более буквально.
30	Ломиться в открытую дверь	глагольная	<i>to reinvent the wheel / to do what's already done</i>	<i>to break into force an open door</i>	<i>open door</i>	
31	Ходить вокруг около	да глагольная	<i>to beat around the bush</i>	<i>beat to the around the bush</i>	<i>beat to the around the bush</i>	Все корректны
						GPT и Google передают смысл, выбирая английскую идиому; DeepL передает только смысл
32	Тянуть резину	глагольная	<i>to drag things out</i>	<i>to procrastinate things out</i>	<i>to drag things out</i>	
						GPT сохраняет коммуникативный эффект; DeepL и Google только передают смысл
33	Забалтывать	глагольная	<i>to talk someone into confusion</i>	<i>to chatter away</i>	<i>to chatter away</i>	
						GPT лучше передает смысл; DeepL и Google калькируют
34	Разводить демагогию	глагольная	<i>to talk nonsense / to use demagoguery rhetoric</i>	<i>to spread demagoguery</i>	<i>to engage in demagoguery</i>	
35	Ударить по рукам	по глагольная	<i>to shake hands</i>	<i>to shake hands</i>	<i>to shake hands</i>	Все корректны
						GPT заменяет метафору, передавая смысл; DeepL выбирает идиому, неточно подходящую по смыслу; Google калькируют.
36	Пустить пыль в глаза	в глагольная	<i>to put on a wool show</i>	<i>to pull the someone's eyes</i>	<i>to throw dust in eyes</i>	
37	Наступать на одни и те же грабли	глагольная	<i>to make the same mistakes again</i>	<i>to make the same mistakes again</i>	<i>to step on the same rake</i>	GPT и DeepL прагматически точны, Google калькирует.
38	Ставить	глагольная	<i>to put a</i>	<i>to put a</i>	<i>to put a</i>	Все корректны

	палки колёса	в		<i>spoke in the wheel spoke in the wheel spoke in the wheel</i>	
39	Рубить плеча	с	глагольная	<i>to act rashly to cut from the shoulder to act rashly</i>	GPT и Google когнитивно точные; DeepL калькирует. GPT передает
40	Бросать слова ветер	на	глагольная	<i>to talk idly to throw words into the wind to throw words into the wind</i>	смысл; DeepL и Google дают дословный перевод
41	Брать за рога	быка	глагольная	<i>to take the bull by the horns to take bull by horns to take bull by horns</i>	Все корректны
42	Тянуть одеяло себя	на	глагольная	<i>to act selfishly to pull the blanket over oneself to pull the blanket over oneself</i>	GPT передаёт смысл; DeepL и Google дают дословный перевод
43	Метать бисер перед свиньями		глагольная	<i>to cast pearls before swine to cast pearls before swine to cast pearls before swine</i>	Все корректны
44	Играть первую скрипку		глагольная	<i>to play first fiddle to play the first violin to play the first violin</i>	GPT естественнее, чем DeepL и Google
45	Держать марку		глагольная	<i>to keep up appearances to keep up appearances to keep the appearances mark</i>	GPT и DeepL передают смысл; Google переводит дословно
46	Давить жалость	на	глагольная	<i>to play on pity to play on pity to play on pity</i>	Все корректны
47	Идти банк	ва-	глагольная	<i>to go all in to go all in to go all in</i>	Все корректны
48	Держать язык зубами	за	глагольная	<i>to keep one's mouth shut to keep one's mouth shut to keep one's mouth shut</i>	Все корректны
49	Падать духом		глагольная	<i>to lose heart to lose heart to lose heart</i>	Все корректны
50	Работать засучив рукава		глагольная	<i>to roll up one's sleeves and get to work to roll up one's sleeves and get to work to roll up one's sleeves and get to work</i>	Все корректны

А.3. Культурно-реалийные выражения и бытовые метафоры

№	Русское выражение	Тип конструкции	Перевод ChatGPT	Перевод DeepL	Перевод Google Translate	Комментарий
51	Ни пуха ни пера	пословицная	<i>break a leg</i>	<i>not a feather or a hair</i>	<i>break a leg</i>	GPT и Google находят культурный аналог; DeepL даёт буквальный перевод
52	За тридевять земель	культурная	<i>in a far away land</i>	<i>far, far away</i>	<i>across the world</i>	Все корректны
53	Дело пахнет керосином	метафорическая	<i>something's fishy / it looks dangerous</i>	<i>the matter smells of kerosene</i>	<i>this smells like kerosene</i>	GPT сохраняет коннотацию опасности; DeepL и Google переводят дословно
54	Семь пятниц на неделе	культурная	<i>to change seven one's mind all the time</i>	<i>seven Fridays in a week</i>	<i>seven Fridays in a week</i>	GPT передаёт смысл непостоянства; DeepL и Google переводят дословно
55	После дождичка в четверг	культурная	<i>when pigs fly</i>	<i>after a rain on Thursday</i>	<i>after rain on Thursday</i>	GPT заменяет на английский аналог; DeepL и Google переводят дословно
56	С гулькина нос	сравнительная	<i>tiny</i>	<i>with a snub nose</i>	<i>the size of a gulkin's nose</i>	GPT сохраняет смысл; DeepL и Google калькируют
57	Кот наплакал	номинативная	<i>hardly any / very few</i>	<i>the cat cried</i>	<i>the cat cried</i>	GPT сохраняет смысл; DeepL и Google калькируют
58	Чёрт ногу сломит	метафорическая	<i>a real mess / you'd get lost in it</i>	<i>damn it to hell</i>	<i>all the devil will break his leg</i>	GPT сохраняет смысл; DeepL находит идиому, которая неточно подходит; Google калькируют
59	Сидеть на	глагольная	<i>to be ready</i>	<i>pack your to sit on</i>	<i>pack your to sit on</i>	GPT даёт функциональный эквивалент и сохраняет

	--	чемоданах		<i>to leave</i>	<i>bags</i>	<i>suitcases</i>	смысл; DeepL дает неточный перевод; Google калькирует
60	У чёрта на куличках	культурная		<i>in the middle of nowhere</i>	<i>in the middle of nowhere</i>	<i>in the middle of nowhere</i>	Все корректны
61	За семь морей	сравнительная		<i>beyond seven seas</i>	<i>the beyond seven seas</i>	<i>beyond seven seas</i>	Все корректны
62	Не выносить сор из избы	глагольная		<i>don't dirty laundry in public</i>	<i>air don't trash the hut</i>	<i>take don't dirty laundry in public</i>	GPT и Google используют функциональный аналог; DeepL переводит дословно
63	Не Сеньке шапка	по метафорическая		<i>the job's too big for him</i>	<i>the doesn't Senka</i>	<i>cap the fit doesn't Senka</i>	GPT интерпретирует смысл; DeepL и Google переводят дословно
64	Семь потов сойдёт	глагольная		<i>to work up a sweat</i>	<i>seven sweats do the trick</i>	<i>seven will sweats come off</i>	GPT точен идиоматически; DeepL выбирает неточную фразу; Google переводит дословно
65	В Тулу со своим самоваром	культурная		<i>to coals Newcastle</i>	<i>carry to Tula with to one's samovar</i>	<i>to Tula with your samovar</i>	GPT заменяет на английский аналог; DeepL и Google переводят дословно
66	Своя рубашка ближе к телу	к пословицная		<i>charity begins home</i>	<i>one's shirt is own shirt body</i>	<i>is closer to the closer to the body</i>	GPT дает английскую идиому, частично передавая значение; DeepL и Google переводят дословно
67	Обещать золотые	глагольная		<i>to promise the moon</i>	<i>to promise the moon</i>	<i>to promise golden</i>	GPT и DeepL используют функциональный аналог; Google

	горы				<i>mountains</i>	переводит дословно GPT корректно передает значение; DeerL и Google переводят дословно
68	Медведь на уху наступил	метафорическая	<i>tone-deaf</i>	<i>the bear stepped on the ear</i>	<i>bear stepped on my ear</i>	
69	Хлеб насущенный	номинативная	<i>daily bread</i>	<i>daily bread</i>	<i>daily bread</i>	Все корректны GPT идиоматичен; DeerL и Google переводят дословно
70	Грош цена	номинативная	<i>worth to nothing</i>	<i>next a worth</i>	<i>penny's a price</i>	<i>penny</i>
71	Шапочное знакомство	номинативная	<i>casual acquaintance</i>	<i>brief acquaintance</i>	<i>nodding acquaintance</i>	Все корректны GPT сохраняет коннотацию; DeerL
72	Как Христа пазухой	у за сравнительная	<i>safe sound</i>	<i>and like a bird in the hand</i>	<i>like Christ's bosom</i>	<i>under</i>
73	Идти поклон	на глагольная	<i>to begging / to seek favor</i>	<i>go to take a bow</i>	<i>a to go to bow</i>	GPT передает смысл; DeerL и Google переводят дословно
74	На золота	вес сравнительная	<i>worth weight gold</i>	<i>its worth in weight gold</i>	<i>its worth in weight gold</i>	<i>its in</i>
75	На хлебе и воде	метафорическая	<i>barely surviving</i>	<i>on bread and water</i>	<i>on bread and water</i>	GPT передает смысл; DeerL и Google переводят дословно

А.4. Пословичные конструкции и фразеологизмы с моральным подтекстом

№	Русское выражение	Тип конструкции	Перевод ChatGPT	Перевод DeepL	Перевод Google Translate	Комментарий
76	На ошибках учатся	пословичная	<i>we from mistakes</i>	<i>learn our mistakes</i>	<i>people learn from mistakes</i>	Все корректны

	Без труда не вытащишь и пословичная рыбку из пруда		<i>without effort you no pain, no won't pull no pain, gain a fish no gain from the pond</i>	GPT и Google даёт устойчивый аналог идиомы; DeepL калькурует.
77				
78	Не всё то золото, что пословичная блестит	<i>all that glitters is not gold</i>	<i>not all that glitters is gold</i>	Все корректны
79	Лучше синица в руках, чем пословичная журавль в небе	<i>a bird in the hand is worth two in the bush</i>	<i>a bird in a bird in the hand the hand is worth is worth two in two in the bush bush</i>	Все корректны
80	Семь раз отмерь — пословичная один раз отрежь	<i>measure twice, cut once</i>	<i>measure seven, twice, cut cut one once</i>	GPT и Google даёт устойчивый аналог идиомы; DeepL калькурует.
81	Яблоко от яблони пословичная недалеко падает	<i>like father like son</i>	<i>apple falls not far from the apple tree</i>	GPT и Google даёт устойчивый аналог идиомы; DeepL калькурует
82	Не имей сто рублей, а пословичная имей сто друзей	<i>a friend in hundred need is a rubles, friend indeed have hundred friends</i>	<i>don't have in hundred rubles, but hundred friends</i>	GPT заменяет на английский аналог; DeepL и Google переводят дословно
83	Тише едешь — дальше пословичная будешь	<i>slow and steady wins the race</i>	<i>slow and slow and steady steady wins the wins the race race</i>	Все корректны
84	Аппетит приходит во пословичная время еды	<i>appetite comes with eating</i>	<i>appetite comes while eating</i>	Все корректны
85	Кто ищет, тот всегда пословичная найдёт	<i>seek and you shall find</i>	<i>He who seeks shall always find</i>	Все корректны
			<i>it's not</i>	

			the place it is not	
			that the place	
86	Не место красит человека, а пословичная человек место	it's not the place that honors the man, but the man honors the place	that the place makes that the makes the person, man, but the the man person that makes the makes place the place	GPT по сравнению с другими наиболее точен
87	Волков бояться — в лес не ходить	nothing ventured, nothing gained	if you're afraid of wolves, don't go to the forest	GPT передаёт смысл через аналог; DeepL и Google дают дословный перевод
88	Не рой другому яму — сам в неё попадёшь	he who digs a pit for others falls in himself	Don't dig a hole for someone else — you'll fall into yourself	GPT предлагает библийскую пословицу; DeepL и Google более простой вариант
89	Работа не волк — в лес не убежит	no need to hurry	work isn't a wolf — it won't run away into the forest.	GPT передает смысл; DeepL и Google дают дословный перевод.
90	Нет худа без добра	every cloud has a silver lining	every cloud has a silvera silver lining	Все корректны
91	Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь	a word once spoken past recall	a word is sparrows; not once they fly away, you cannot catch them	GPT сохраняет прагматику; DeepL и Google дают дословный перевод

- В гостях *east or it's nice visiting is* GPT находит
хорошо, а пословичная *west, home to visit, nice, but* точный
дома лучше *is best but home home is* эквивалент;
Deepl и
Google дают
дословный
перевод.
- Скупой *the miser the miser the miser*
93 платит пословичная *pays twice pays pays* Все корректны
дважды *twice twice twice*
- За двумя *if you . if you*
зайцами *if you chase chase chase two*
погонишься пословичная *two rabbits, two rabbits,* Все корректны
— ни одного *you catch rabbits, you catch*
не *neither you catch neither*
поймаешь *neither*
- Терпение и *patience patience* GPT выбирает
95 труд всё пословичная *perseverance and hard and hard* устойчивое
перетрут *work will work will* выражение;
Deepl и Google
более
буквальный
перевод
- Делу время *there is a there's a*
96 — потехе пословичная *a time for time for time for* Все корректны
час *work and a work and work and*
time for play a time for a time for
play play
- Копейка *take care of* GPT
97 рубль пословичная *the pennies every a penny* использует
бережёт *and the penny saved is a* более точный
pounds will penny английский
take care of counts penny аналог по
сравнению с
Deepl и
Google
- Утро вечера *morning morning is* GPT передаёт
98 мудренее пословичная *sleep on it is wiser wiser* устойчивое
выражение;
Deepl и
Google дают
дословный
перевод.
- Где тонко, *the chain is* GPT
99 там и рвётся пословичная *only as where it's where it's* использует
английский
фразеологизм;
Deepl и

		<i>weakest link breaks</i>	<i>breaks</i>	Google	дают
					дословный
					перевод
				GPT	
			<i>a</i>		использует
Рыбак			<i>fisherman fisherman</i>		английский
рыбака		<i>birds of a</i>	<i>sees sees</i>		фразеологизм;
100 видит	пословичная	<i>feather flock</i>	<i>another fisherman</i>	DeerL	и
издалека		<i>together</i>	<i>fisherman from afar</i>	Google	дают
			<i>from afar</i>		дословный
					перевод

Библиография

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. – М.: Наука, 1990.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.
3. Рецкер Ю. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974.
4. Найда Ю. (Nida E.) Прагматическая и лингвистическая эквивалентность. – М.: Прогресс, 1980.
5. Бейкер М. (Baker M.) Перевод и лексика: учебное пособие *In Other Words*. – Лондон: Routledge, 1992.
6. Хэтим Б., Мейсон И. (Hatim B., Mason I.) Дискурс и перевод. – Лондон: Longman, 1990.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. (Lakoff G., Johnson M.) Метафоры, которыми мы живём. – Чикаго: University of Chicago Press, 1980.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975.
9. Toral A., Way A. What Level of Quality can Neural Machine Translation Attain? // *Machine Translation*. – 2018. – Т. 32(2). – С. 179-193.
10. Freitag M., Bapna A., Firat O. et al. Experts, Errors, and Context in Neural Machine Translation. // *TACL*. – 2022. – Т. 10. – С. 20-37.
11. Базитис К., Матор П., Хаслер Э. (Baziotis C., Mathur P., Hasler E.) Automatic Evaluation and Analysis of Idioms in Neural Machine Translation // *Proceedings of EACL*. – 2023.
12. Навин П., Троёвский П. (Naveen P., Trojovský P.) Overview and Challenges of Machine Translation for Contextually Appropriate Translations // *iScience*. – 2024. – Vol. 27, Issue 10. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110878 EDN: NOZVGM
13. Лю Э., Чодхари А., Ньюбиг Г. (Liu E., Chaudhary A., Neubig G.) Crossing the Threshold: Idiomatic Machine Translation through Retrieval Augmentation and Loss Weighting // *EMNLP*. – 2023.
14. Кастальдо А., Монти Д. (Castaldo A., Monti J.) Prompting Large Language Models for Idiomatic Translation // *Creative-text Translation and Technology Workshop*. – 2024.
15. Азизов Д. (Azizov D.) From Idioms to Algorithms: Translating Culture-Specific

Expressions in AI Systems // IRE Journals. – 2024. – Vol. 7, No. 10. – С. 543-551.

16. Дарвиш Н. и др. (Darwish N. et al.) A Reception Study of AI-Translated Idioms and Proverbs Between Arabic and English // Research Journal in Advanced Humanities. – 2025. – Т. 6(3).

17. Альделаа А. С. (Aldelaa A. S.) Investigating Problems Related to the Translation of Idiomatic Expressions in the Arabic Novels Using Neural Machine Translation // Theory and Practice in Language Studies. – 2024. – Т. 14(1). – С. 71-78. DOI: 10.17507/tpls.1401.08 EDN: TXCMBF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является сравнение и сопоставление трех нейросетей на предмет русско-английского перевода идиом и культурно-маркированных элементов, объектом исследования являются сами идеомы и их перевод с помощью искусственного интеллекта. Автор проводит большую сравнительно-сопоставительную работу по частотным идиомам и их переводу и выявляет закономерные ошибки в переводе, разрабатывает рекомендации по их преодолению.

Кроме того, ориентируясь на особенности трех нейросетей, выявляет наиболее перспективную с позиции перевода идиом и культурно-маркированных элементов.

Методология исследования состоит в сравнении и сопоставлении перевода частотных русских идиом и маркированных элементов тремя основными нейросетями, которые есть в России

Представлена типология типичных распространённых моделей перевода, классификация типичных ошибок и предложены рекомендации по их устранению.

В статье применялись импирические методы, метод анализа, сравнения, сопоставления, представлен ретроспективный анализ, частотный выборка, контекстуальный анализ, статистический метод, метод моделирования, автоматической выборки, оценочной, наглядный.

Самый информативный метод в статье-это наглядный, который представлен в форме таблиц, иллюстрирующих в сравнительной и сопоставительной форме варианты перевода идиом и маркированных элементов в трех основных обучающих моделях искусственного интеллекта.

[Актуальность статьи заключается в том, что автор рассматривает уровни эквивалентности перевода: формальный, семантический, прагматический и динамический и выделяет необходимость создания алгоритмов для искусственного интеллекта, которые помогли бы преодолеть неправильность перевода культурных смыслов и кодов русского языка на английский и наоборот.

Научная новизна статьи состоит в том, что автор анализирует модели искусственного интеллекта с точки зрения способов интерпретации и перевода идеом русской культуры, чтобы выявить наиболее эффективные из них с помощью выявления закономерных ошибок и частичной адекватности.

Стиль, структура и содержание статьи отвечают требованиям научного стиля речи, так как автор заявляет тезис, иллюстрирует его примерами и делает микровывод, затем микровыводы оформляет в обобщенное умозаключение в конце статьи.

Библиография статьи содержит издания с 1964 года, что показывает глубокую

ретроспективную проработку данного вопроса автором в историческом контексте развития переводческих моделей искусственного интеллекта.

Кроме того, автор использует работы последних пяти лет в своей статье, что позволяет проследить современные тенденции в развитии перевода идиом и культурно-маркированных элементов в русско-английском переводе с использованием искусственного интеллекта.

Автор делает закономерные выводы в конце статьи о том, что архитектура модели искусственного интеллекта и особенности ее обучения напрямую влияют на глубину культурной и когнитивной интерпретации, а следовательно и на степень адекватности перевода.

Статья может быть интересна как преподавателям английского, так и переводчикам, исследователям филологам и лингвистам.

Статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал имеет открытой компилятивный вид, ибо большая часть суждений и позиционных тезисов нарочито трюиистична. Например, «цель настоящей работы заключается в анализе способов интерпретации и перевода идиом русской культуры при помощи нейросетевых переводчиков, а также в выявлении закономерностей, определяющих их ошибки и частичную адекватность». Как видим языковые клише не дают достаточно конкретно сформулировать цель и тему настоящего изыскания. Что означает «анализ способов», что значит «определяющих их ошибки»? Вариатив «адекватность» вообще не соотносится с данным контекстом, он только вводит в заблуждение и мешает... Ряд важных моментов нужных для научного изыскания также нуждаются в правке и коррективе, например, «теоретическая значимость»: «теоретическая значимость работы состоит в углублении понимания механизмов взаимодействия когнитивных и культурных факторов в машинном переводе. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов при разработке мультимодальных моделей перевода, ориентированных на сохранение национально-культурного компонента». Что значит «состоит»? Что такое «углубление понимания механизмов...» и т.д. Следовательно, материал ориентирован на иные задачи, порой и не связанные с научным изысканием. Нет в данном тексте серьезной методологической канвы, нет и концептуального позиционирования наработок. Не отличается работа и грамотно обозначенной научной новизной; не хватает статье полновесной аналитики, систематизации имеющихся данных, обобщения. Стиль соотносится с научным типом, но ряд тезисов можно скорректировать: например, «Изучение вопросов, связанных с переводом идиом и культурно маркированных элементов, имеет глубокие теоретические корни и опирается на классические положения переводоведения, когнитивной лингвистики и теории межкультурной коммуникации. Проблема эквивалентности перевода, адекватной передачи семантики и культурного контекста рассматривалась в трудах как отечественных, так и зарубежных

исследователей, заложивших основы современной теории перевода», или «Проведённый анализ позволил выявить не только характер типичных ошибок в машинном переводе, но и проследить зависимости между типом идиомы, контекстом её употребления и стратегией перевода, реализуемой каждой из исследованных нейросетевых систем. Результаты подтвердили гипотезу о том, что архитектура модели и особенности её обучения напрямую влияют на глубину культурной и когнитивной интерпретации, а следовательно, и на степень смысловой адекватности перевода» и т.д. Ссылки в ряде мест не корректны, нужно уточнение: например, «Ю. И. Рецкер в монографии «Теория перевода и переводческая практика» [3] разработал понятие «переводческой трансформации», включающей лексические, грамматические и стилистические изменения, направленные на достижение смысловой эквивалентности. Эти положения легли в основу современных попыток классифицировать типы ошибок в машинном переводе, связанных с утратой идиоматического значения» и т.д. Сравнительно-сопоставительный фон нужен для статьи, и его можно оставить: «Аналогично, ChatGPT по возможности заменяет реалии на аналогичные: например, пожелание «ни пуха ни пера!» он перевёл устоявшимся аналогом "break a leg!", полностью сменив образ (с охотничьего на театральный) ради функциональной близости. Google в этом случае поступил так же, тогда как DeepL дословно предложил "not a feather or a hair" – фразу, сохраняющую оба исходных слова, но лишённую смысла пожелания. Похожий подход наблюдается при переводе культурных реалий: выражение «в Тулу со своим самоваром» (аналог английского «со своим уставом в чужой монастырь») ChatGPT заменил на смысловой эквивалент "to carry coals to Newcastle", используя понятный носителю языка образ про уголь. DeepL и Google же дословно упомянули Тулу и самовар ("to Tula with one's/your samovar"), формально сохранив оригинальную метафору, но фактически утратив её значение для новой аудитории». В целом же работа компилятивна, она нуждается в утяжелении, усложнении терминологической базы. Нет в тексте статьи и серьезных выводов, при формировании которых можно указать на перспективу изучения данного вопроса. Список источников желательно дополнить статьями по указанной проблеме, которые вышли за последние три года. Резюмирую: статья «Интерпретация идиом и культурно маркированных элементов в нейросетевом переводе (на материале русско-английских параллелей)» нуждается в правке и коррективе, только после внесения ряда изменений ее можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал (после существенной доработки) имеет завершённый вид, ибо большая часть суждений и позиционных тезисов аргументирована. Цель работы, которая была сведена к анализу способов интерпретации и перевода идиом русской культуры при помощи нейросетевых переводчиков достигнута. На мой взгляд, тема исследования достаточно актуальна и интересна, ибо оценка «действий» ИИ, нейросетей в рамках адекватного анализа

должна осуществляться в научной среде. Общие формулировки не вызывают серьезных нареканий, автор стремится к объективности в высказываниях. Стил работы ориентирован на научный тип: например, «эмпирическую основу исследования составил корпус из 100 русских идиом и устойчивых выражений, включающих фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения и реалии, характерные для разговорной и литературной речи. Отбор осуществлялся на основании их частотности, культурной значимости и степени образной насыщенности, причём приоритет отдавался выражениям, опирающимся на концептуальные метафоры, не имеющие прямых эквивалентов в английском языке. Дополнительным критерием отбора служила их устойчивость в дискурсе, подтверждаемая материалами Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Это позволило обеспечить репрезентативность корпуса и гарантировать, что анализируемые единицы действительно функционируют как идиоматические и культурно маркированные элементы русскоязычной коммуникации» и т.д. Автор удачно включает в статью цитации, правильно делает отсылки к критическим наработкам: например, «в исследованиях последних десятилетий, посвящённых машинному переводу, отмечается, что нейросетевые системы, несмотря на значительное улучшение синтаксической и лексической точности, сохраняют ограничения при обработке культурно нагруженных единиц [9; 10]. Особую группу составляют работы 2023–2025 годов, где предпринимаются попытки систематического изучения закономерностей ошибок NMT при работе с идиоматическими конструкциями. Так, К. Базиотис и соавт. (С. Baziotis et al.) разрабатывают метод автоматической оценки идиоматичности перевода и выявляют характерную склонность нейронных моделей к буквальным стратегиям [11]. П. Навин и П. Троёвский (Р. Naveen, Р. Trojovský) в обзорном исследовании подчёркивают, что наибольшие трудности NMT связаны с выражениями, требующими реконструкции культурного сценария [12]. Э. Лю и соавт. (Е. Liu et al.) показывают возможность повышения качества idiom-aware перевода с применением retrieval augmentation, хотя системная разница между буквальными и функциональными решениями сохраняется [13]» и т.д. Материал имеет практическую значимость, она заключается в возможности применения полученных результатов при разработке мультимодальных моделей перевода, ориентированных на сохранение национально-культурного компонента. Наличного текстового объёма достаточно для раскрытия темы, достижения итогового результата. Сравнительно-сопоставительный принцип, который выбран как ведущий даёт возможность автору планомерно верифицировать удачность / неудачность трёх платформ – Google Translate, DeepL, ChatGPT. В целом работа сложилась, она может стать неким импульсом для дальнейшего изучения темы, расширения позиций и конкретизации точек зрения на проблему ИИ. Итоги фактически подведены, практические наработки представлены в приложения (см. текст). Список источников вариативен, общие требования издания учтены. Рекомендую статью «Интерпретация идиом и культурно маркированных элементов в нейросетевом переводе (на материале русско-английских параллелей)» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Клименко С.И. Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72733 EDN: ASYWPI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72733

Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой

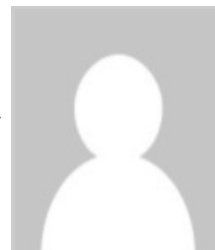
Клименко Станислав Игоревич

ORCID: 0009-0003-7218-1509

ассистент; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет
аспирант; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс 10, Восточный Институт

✉ valiriec5656@bk.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.72733

EDN:

ASYWPI

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является функционирование антиномии "человек – мир" в текстах отечественной рок-поэзии. Объектом исследования стали тексты песен Ольги Викторовны Арефьевой. В исследовании особое внимание уделяется влиянию романтической традиции на поэтику автора, рассматривается специфика функционирования образов и мотивов, даётся комментарий относительно того, каким образом Арефьева реализует антиномию "человек – мир", какой интенцией наделяет взаимоотношения между лирическим субъектом и миром, выраженным через "других". В ходе исследования даётся комментарий относительно организации системы образов в текстах Арефьевой, анализируются способы демонстрации антиномии. Изучается фигура лирического субъекта, его отношение к окружающему миру, взаимоотношения с "миром" в поэтике Арефьевой. В рамках обсуждения системы образов особе внимание уделяется описанию "других" и "тебя" в текстах автора. В рамках исследования использовался метод сопоставительного литературоведческого анализа. Для получения результатов проводилась выборка из корпуса текстов песен Ольги Арефьевой, которые подбирались

по принципу соотнесённости с антиномией "человек — мир". Затем тексты анализировались для выявления общих и различных образных и мотивных особенностей. Новизна исследования заключается в том, что тексты песен Ольги Арёфьевой в рамках обсуждения влияния на них романтической традиции не обсуждалась в рамках отечественного литературоведения. В результате проведённого исследования удалось установить, что в поэтике Арёфьевой антиномия "человек — мир" раскрывается через взаимосвязь лирического субъекта с "другими", отождествляемыми в разных текстах с машинами, подчиняемой толпой, алчными лицемерами. При этом для лирического субъекта Арёфьевой становится важной фигура "ты", обозначающая, как правило, любимого человека. "Ты" занимаем промежуточное положение между лирическим субъектом и "другими", в одних текстах оказывая помощь, а в других – являясь частью разрушительного социума. В поэтике Арёфьевой выход из антиномии становится возможным при контакте с "горним" пространством, в которое открыт доступ только тем, кто способен полюбить, простить или же творить.

Ключевые слова:

русская рок-поэзия, романтизм, антиномия, Ольга Арёфьева, постсоветская поэзия, литературоведение, образ общества, романтический герой, литературная традиция, синкретичный текст

Рок-поэзия, как отдельный и комплексный феномен, уже несколько десятилетий является обсуждаемым и «продуктивным» объектом филологических исследований, что подтверждается появлением научных трудов, касающихся изучения семантической, жанровой и языковой природы рок-текста [\[1, 2, 3, 4, 5\]](#). За всё время функционирования такой научной отрасли, как рок-филология [\[6\]](#), оформилось множество направлений исследований, среди которых, на наш взгляд, наиболее выделяются следующие: изучение вопроса жанровой и стилистической специфики рок-текста, в том числе анализ общих черт и специфик, характеризующих данный феномен; а также описание особенностей, свойственные произведениям конкретных представителей рок-поэзии (в этом контексте наиболее полно исследовано творчество Е. Летова [\[7\]](#), В. Цоя [\[8\]](#), Я. Дягилевой [\[9\]](#), А. Башлачёв [\[10\]](#) и др.). Последнее направление исследований мы находим наиболее продуктивным в сфере филологических научных изысканий, так как при углублённом анализе авторского подхода открывается возможность обнаружить как общие тенденции, свойственные всей рок-культуре, так и различия, напрямую коррелирующие с индивидуальным ощущением окружающего мира и особенностями его изображения через художественный текст. В данном контексте нас наиболее интересует связь между рок-поэзией и одним из её идейных и эстетических предтеч – романтизмом. Данное направление исследований является одним из возможных способов работы с рок-поэзией, например, через обращение к вопросу соотношения и наследования рок-текстом черт романтических стихотворных жанров, таких как баллада [\[11\]](#).

О связи между рок-культурой и романтизмом особенно точно выразилась Е. Г. Милюгина в своей работе «Феномен рок-поэзии и романтический тип мышления». Исследователь размышляет о связи романтизма и рок-культуры следующий образом: «Кризисность бытия конца века и конца тысячелетия в очередной раз актуализирует романтический тип мышления. Наиболее ярко эта особенность мышления проявляется в контркультуре,

в том числе рок-культуре. В феномене рока она выражается в революционно-разрушительном пафосе по отношению к традиционному искусству и сложившейся системе культурных ценностей, ведущем к демонстративному отказу от "прямого" отражения видимой действительности, осознанно экспериментальному характеру творчества и бытия и т.д. Противостояние рока традиционной культуре носит, как и в случае с романтизмом и неоромантизмом, не только и не столько социальный, политический, идеологический или эстетический, сколько экзистенциальный характер» [12, с. 55]. Романтизм в понимании Милюгиной стоит рассматривать как один из важнейших эстетических и философских компонентов рок-поэзии, аккумулирующей в себя не только «чистое» наследие художественного направления, но и его «возвращения» в разнообразные периоды времени (например, неоромантизм, символизм и т.д.) [12, с. 54]. В реалиях, актуальных автору рок-текста, романтическая концепция трансформируется, наполняется субъективно оформленной атрибуцией и коннотацией, реализуясь в новой синкретичной форме.

Одним из наиболее ярких примеров функционирования романтической поэтики в современных рок-текстах можно считать обращение авторов к романтическим антиномиям, обозначенными Е. Г. Милюгиной через три бинарные оппозиции: «человек — мир», «идеал — действительность» и «жизнь — искусство» [12, с. 55]. Вышеуказанные оппозиции можно обнаружить в качестве узлового семантического компонента у многих авторов, создающих тексты в рамках рок-культуры. Если посмотреть на вопрос глубже, то можно обнаружить, что способы реализации вышеуказанных оппозиций различаются в зависимости от специфики авторской поэтики: здесь можно говорить и о способах разрешения противоречия, оформленного в оппозиции, и о форме организации конфликта на семантическом и языковом уровнях. Через анализ данных особенностей мы можем обнаружить не только индивидуальные черты автора, но и описать развитие романтической поэтики в рамках дискурса о современной русской литературе и культуре.

Особый интерес для нас представляет творчество О. В. Арефьевой, известной и в качестве самостоятельного исполнителя, и в качестве лидера группы «Ковчег». Несмотря на то, что творчество Арефьевой особым образом интегрировало в себя множество направлений и стилей, как музыкальных, так и литературных, её тексты до сих пор изучены недостаточно, а в контексте собственно «наследования» романтической традиции практически не рассматривались. При этом синкретическая природа текстов Арефьевой, использование ею приёмов, свойственных постмодерну, фольклору, символизму и романтизму, разнообразие лирических героев и ситуаций — всё это делает поэтику автора комплексной и многогранной, представляющую особый интерес в рамках разговора о рок-поэзии, (в частности, наиболее полно исследовалась роль интертекстуальности в поэтике автора) [13]. Поэтому в настоящем исследовании мы будем говорить о том, каким образом Арефьева реализует в своей поэтике конкретную романтическую антиномию «человек — мир», как она «разрешается», какими авторскими чертами эта антиномия наделяется. Обращение к конкретной антиномии было сделано для того, чтобы «сузить» границы исследования и сконцентрироваться на анализе таких явлений.

Первое, на что необходимо обратить внимание при работе с текстами Арефьевой, это на то, что в её прочтении антиномия «человек — мир» хоть и оформляется согласно романтическому канону, однако участники оппозиции (лирические героини и общество) обладают собственными «лицами» и их «противостояние» представлено не только с позиции драматического неразрешимого конфликта между индивидуалом и социумом. Мы обнаружили следующие закономерности романтического характера: лирические героини

и герои Арефьевой отделены от общества (либо по своей воле отдаляясь от «мира» и фокусируясь на рефлексии («Забор», «Одинокое время», «Картонное пальто»); либо по причине противостояния с «миром», окончившимся для лирической героини разочарованием в социуме («Мыловар», «Се ля ви», «Не верьте мне»); либо из-за отсутствия контакта с «миром» по причинам внутренней непохожести/внутреннего «отсутствия» в общественной жизни («Сторона От», «Без меня», «Дочь человечья»)). Лирические субъекты не могут найти общего с социумом, стремятся от него дистанцироваться, но при этом им свойственно как желание признания со стороны «мира» и получения любви со стороны «другого» («Сторона От», «Полюби меня», «Оборотень»), так и желание быть вне общества и связи с кем-либо («Забор», «Лётчица»).

Вышеуказанная тенденция связана, на наш взгляд, с тем, что лирические героини и герои Арефьевой представлены в её творчестве как непонятые авантюристы и гении: они идут туда, куда не рискнёт идти обычный человек, обладают сверхъестественными способностями, «возвышаются» над обывателем благодаря знанию и умению творить («Сторона От», «Трудоголя», «Магия чисел»). При этом одиночество, сопровождающее непонятых героев, у Арефьевой связывается с контекстом тёмного времени, мучительным состоянием и, как было указано выше, иногда с жадой признания со стороны «других» («Про фольгу», «Одинокое время», «Каллиграфия» и др.), хотя оно и может контрастировать с текстами, где лирический герой или героиня, наоборот, стремятся дистанцироваться от реальности через связь с природой, Богом, творчеством и самой природой жизни («Моление», «Аллилуйя», «Весенние дни», «Мышка Божия» и др.). При этом в текстах Арефьевой «другие» имеют конкретные атрибуты и характеристики, за счёт которых стандартный образ «непонимающей толпы» обретает многоаспектную природу.

Наиболее показательным примером изучаемой нами антиномии можно считать текст песни «Сторона От», написанном в 1992 году и ставшем частью альбома «Колокольчики». Лейтмотивом текста выступает движение в Сторону От, к которой никто, кроме лирической героини, идти не желает. В песне нет конкретных черт, соотносящихся со Стороной От, кроме того, что «больше никто со мной не идёт» ^[14]. Однако в самом тексте отношение к неизвестной стороне разделяется между лирической героиней (отображённой через «я») и «мира» («Кто», «они»). В тексте песни «Кто» представляются чем-то машинизированным, прагматичным, стремящимся не к незнакомому, а к понятному и прямолинейному («Всё шито-крыто у тех, Кто, / Они запивают железом слова / Их экскаватор шагает вперёд / Их бронепоезд, увы, не идёт, в сторону От» ^[14]). Прагматизм «Кто» соотносится семантически с поиском понятных и доступных целей в настоящий момент времени, тогда как будущее и прошлое их и не волнует, что видно в следующих строках: «Они забывают о том, что их ждёт, / Но они не забудут нажать на курок / Пусть мушка сломалась и ствол не бьёт, / Они целят в цель, а не наоборот, / В сторону От//» ^[14]. Прямолинейность «кто» лирической героине не свойственна: она представляется как индивидуалистка, неподчиняющаяся правилам фигура, нарочно стремящаяся не походить на «Кто» и стремящаяся идти «окольными» путями: «Я иду спиной, чтобы не смотреть/ Чтоб не успеть, чтобы опоздать / К часу, когда они будут петь оду од / Стороне От» ^[14]. Движение в Сторону От интересует лирический субъект только до тех пор, пока никто, кроме неё, не видит таинственного и неизведанного направления, к открытию которого она желает «опоздать», чтобы остаться в позиции, противопоставленной «Кто», сохранить свою непохожесть на «мир».

Однако лирическая героиня в тексте вступает во внутреннее противоречие: она одновременно желает не быть с «Кто», самостоятельно отыскать свою дорогу и не быть частью общества, а с другой стороны — жаждет внимания хоть от кого-то, готового разделить с ней эту дорогу в сторону О, что можно увидеть в следующих строках: «Но никто не поёт — / Смотрите, она / идёт, в Сторону От // [\[14\]](#)». Наличие «другого», оценки «со стороны» для лирической героини как будто необходимо, как и сохранение индивидуальности, как будто существование без признания неполное. При этом в тексте «Стороны От» нет прямо выраженной конфронтации «Кто» и «я», их существование не ставит под угрозу друг друга, но их гармонии и баланса в тексте не достигается, так как «Кто» предпочитают простые и понятные «направления», что находит выражение в перечислении наиболее употребляемых грамматических конструкций, оформляющих движение человека: «Кто идёт в/ Кто идёт к/ Кто-то идёт на/ Кто-то идёт под// [\[14\]](#)». Здесь конфликт «человек — мир» выражается скорее через внутренние искания лирической героини, попытки осознать, что ей нужно: непохожесть на «Кто» или же их одобрение. Подобный вариант романтической антиномии можно считать «типизированным», в том числе и с точки зрения эстетических аспектов, где обнаруживается противопоставление мира «природного» (я) и мира «машинного» («Кто»), выступающих в качестве противоположно существующих явлений. Однако текст Арефьевой подобную «типичную» картину раскрывает через семантику и грамматику языка (если обратиться к перечислению «понятных» направлений), что позволяет рассматривать подход Арефьевой как «переосмысление» романтических типажей.

В то же время, нельзя не сказать о том, что «другие» в поэтике Арефьевой представляются не только через семантику «машинизацию», но и через семантику угрозы и коварства. Наиболее показателен данный контекст в песне «Забор», написанной в 1989 году. «Другие» в тексте представлены не просто «запрограммированными» идти только вперёд людьми, стремящимися к понятному и доступному результату. Здесь «они» — враги, которые не понимают лирическую героиню и её близкого человека, стремятся украсть, предать, обмануть, уничтожить. «Они» представляется как те, кто «что угодно отдадут за то, чтоб посмотреть, как горит твой дом» или же «продадут не за рупь, не за грош, а за право вонзить тебе в спину свой нож» [\[15\]](#). «Другие» представляется следующим образом: «В толпе болтунов, лицемером и пьяни — / Попутчики, зовущие себя друзьями, / Эти искатели дешёвой ласки, / Эти маски, с которых сыплются краски// [\[51\]](#)». «Другие» преобразуются из просто непонимающих людей во вражескую силу, способную уничтожить человека ради удовлетворения своих потребностей, причём этот враг не будет действовать прямо, а примет на себя выгодную для достижения своих целей социальную роль. В тексте песни для защиты себя и своего близкого человека создаётся забор, который не позволит другим «твоеё тело и душу делить поровну» [\[15\]](#). Агрессия общества для лирической героини может быть ликвидирована только закрытием себя и своих близких, разрушением связей с «попутчиками», что свойственно романтической поэтике, где непонятый герой мог разорвать контакт с миром ради обретения покоя.

Сам сюжет «Забора» можно соотнести со «Стороной От» в контексте реакции «других». Если во втором случае лирическая героиня существует отдельно от незамечающего её общества, которому её «нетривиальные» цели не интересны, то в «Заборе» наблюдается иная картина. «Другие» заполняют жилое пространство «где негде встать и негде присесть» [\[15\]](#), являются незванными и неузнанными, жаждущими от хозяина дома удовлетворения страсти, сопоставляемой с деньгами и властью. Тот, кого лирическая героиня хочет «закрыть» от «других» — это «козырная масть», которую готовы разыграть

все подряд, но, когда карта сыграет своё, «завтра эта мразь спихнёт тебя в грязь» [15]. Если в «Стороне От» общество не понимает человека, то в «Заборе» оно пытается его использовать для реализации неких целей, что для человека может окончиться губительно. Чужие в тексте песни – маргиналы, которым неважно ничего, кроме собственного выживания и удовлетворения низменных потребностей («Так любят жрать и водку пить / Так спешат, что по дешёвке купить» [15]). Складывается впечатление, что в поэтике Арефьевой опаснее интегрироваться в общество, чем быть не в нём, так как в «Стороне От» лирическая героиня хоть и испытывает переживания о том, что «никто» кроме неё не идёт в «Сторону От», но она не подвергается агрессии со стороны как в «Заборе». «Мир», выраженный через «других» в песне, для лирической героини Арефьевой — это место непонимания, место опасности, место, где только близкий человек способен понять и принять.

Единственный человек, которому лирические героини Арефьевой готовы доверять — это «ты». Как правило, «ты» представляется единственным человеком, с которым возможно быть открытым и честным, продемонстрировать чувства и эмоции. При этом лирическая героиня не будет непонята («Сторона От») и не будет подвергнута опасности («Забор»). Отношения с «ты», как правило, можно охарактеризовать как любовные и драматические, разворачивающиеся в ситуациях, где связь между возлюбленными имеет экзальтированный характер, «выводящий» человека за пределы тела и разума из-за чрезмерности силы чувств («Сделай что-нибудь», «Ночь в октябре», «Про фольгу»). Другим способом реализации любовного сюжета становится история о разрыве отношений, сопровождающихся предательством в отношении лирической героини («Мыловар», «Се ля ви»). В первом варианте его принуждают к действию, просят принять любовь лирической героини и, если обратить внимание на текст, обнаруживаются призывы указать путь, помочь преодолеть тяжесть существования («Ты, если не спишь, позови меня из огня» [16]; «Укажи мне путь — от ночи до трамвая, / Укажи мне путь — ты его знаешь» [17]; «Я не знаю, что мне делать, когда я хочу к тебе/ Сделай что-нибудь //» [17]). Только в случае с возлюбленным лирическая героиня готова принять положение, в котором допустима уступка её свободе: возлюбленный здесь становится единственным «проводником» в окружающем мире, устойчивым центром. Хотя общий характер отношений представлен скорее в трагедийно-драматическом пафосе, только возлюбленный может дать лирической героине причины жить в мире, где она не может найти места («Где собачонька моя? — / Я не знаю, я — не я, / Я не помню, где лечу, / Отведи меня к врачу. //» [18]). Здесь же можно сказать, что одиночество в творчестве Арефьевой имеет амбивалентную природу: с одной стороны лирические героини видят в нём свободу, независимость и возможность самовыражения, с другой — воспринимают его как муку, невозможность обрести поддержку в тяжёлый период жизни, который без близкого человека сложно вынести.

В варианте предательства, наиболее полно отображённом в тексте песни «Мыловар», написанной Арефьевой в 1992 году и вошедшей в альбом «Колокольчики», обнаруживается иной подход к оформлению сюжета и образа «ты»: любимый «развенчивается» и становится частью «других». Момент предательства описывается в первых строках текста: «Я знаю тебя, а ты знаешь им цену, / Ты, кажется, нашёл достойную замену: / Они танцевали, а ты им подпел, / Мой дом сгорел, зато весь город цел» [19]. Мы интерпретируем данный фрагмент следующим образом: лирическая героиня была предана возлюбленным по доброй воле ради интересов «других». Возлюбленный «знает цену» людям, ради которых он предаёт лирическую героиню,

однако по неуказанным причинам, «подпевает» «другим», как будто управляя ими. Возлюбленный в этой ситуации уподобляется маргинальной стороне «других», отвергнув любовь главной героини на «достойную замену» (предположительно, на власть над толпой через творческую силу). В данном контексте строка «Мой дом сгорел, зато весь город цел» может быть рассмотрена в качестве «описания» самого акта предательства, где «жертвой» ради власти становится лирическая героиня.

В данном контексте обнаруживается, что антиномия «человек — мир» в творчестве Арефьевой реализовываться по следующей модели: с одной стороны представлен компонент «я» — лирическая героиня, с противоположной стороны находится «мир», выраженный через «они», а между ними расположен возлюбленный «ты», который способен как понять лирическую героиню, так и предать её в угоду «миру». В «Мыловаре» наиболее подробно отображается процесс, когда «они» и «ты» начинают объединяться, фигура возлюбленного, ранее выступающего в роли поддержки и указателя, обращается во врага, в обманщика. Лирическая героиня с трудом преодолевает это предательство, она называет возлюбленного «мой мальчик» [19], признаётся в том, что: «Я просто любила тебя целовать / знай, это больше чем стол и кровать!» [19].

Вспоминая о том, что любовь в антиномии «человек — мир» в творчестве Арефьевой является одним из путей преодоления одиночества, что любовь находится выше, чем «земные» потребности человека, можно говорить о том, что в «Мыловаре» верность самой идее любви воспринимаются как способ обретения если не земного счастья, то горнего. В частности, в тексте мы обнаруживаем, что лирическая героиня обнаружила «небо в небесах» [19], продолжая утверждать, что «не ведает слов кроме слова "люблю"» [19], следовательно, можно предположить, что верность и чистота любви отождествляются с «ключом» к непостижимому для большинства раю. Однако доступ к «небу небес» открывается лирической героине только после перенесённой боли от предательства, когда она разочаровывается в земном мире окончательно, отвергая пространство «других» окончательно, говоря следующее: «Где ставить свечу если в храме сарай? Так снимай с себя тело и голеньким в рай!» [19]. «Снятие с себя тела» можно интерпретировать как физическую смерть, переходящую в духовное вознесение, получение «высшей награды» за преданность и веру в идею любви. Лирическая героиня заявляет следующее: «Но я не подвластна ведьмовским чарам / Я не отвечаю на выстрел ударом» [19]. Сохранение любви обозначает отказ от всякой мести в адрес возлюбленного-предателя, ведь таким образом лирическая героиня уподобится «другим», ведомым и управляемым «чарами».

В то же время лирическая героиня позволяет себе «низвести» возлюбленного до «других», как будто разорвав его связь с собой. «Я хотела плыть, но ты не был волной, / Я дала тебе нить, но ты шёл не за мной, / Я искала дождя, чтобы вызвать пожар, / Я ждала короля, а пришёл мыловар! //» [19] — лирическая героиня отмечает, что ошибочно сделала целью своей любви человека, который не был способен принять её или последовать за ней. Возлюбленный теперь полностью соотнесён с «другими»: он способен на обман и фальшь, не может помочь лирической героине обрести спокойствие и гармонию. Она обрела «благодать» не благодаря ему, а вопреки, сохранив «себя» и не поддавшись «другим». Следовательно, в сюжете о предательстве, мы обнаруживаем не только сложность взаимосвязи между «я» — «ты» — «они», но и то, что преодоление антиномии «человек — мир» в поэтике Арефьевой состоит в верности себе и идеалу любви, чтобы сохранить внутреннюю «благодать» и двигаться дальше.

Подводя итоги, необходимо сказать, что в поэтике Арефьевой антиномия «человек — мир» представлена в соответствии с романтической литературной традицией, сложившейся в русской культуре. Лирические героини автора представлены как индивидуалистки, стремящиеся сохранить свою непохожесть на окружающих, при этом испытывая страдание от одиночества и непонимания. «Другие» в поэтике Арефьевой — это общество прагматиков, циников, кровожадных лицедеёв, ведомых простаков, что в лучшем случае проигнорируют существование лирической героини, а в худшем — будут пытаться уничтожить её ради удовлетворения своих интересов и прихоти. Единственный человек, которому лирическая героиня способна довериться, — возлюбленный, отношения с которым могут быть представлены как единственный источник «опоры», так и отношения предательского характера и обретения статуса ужаснейшего грешника. Предательство становится причиной слияния «ты» с «другими», разрушением надежд лирической героини на понимание хоть с чей-то стороны. Однако в поэтике Арефьевой предательство не может уничтожить лирическую героиню: она сохраняет свой взгляд на мир, способна на прощение предателя и обретение наивысшего блаженства. Дух в творчестве Арефьевой неизменно оказывается выше материи, любовь и творческое искание будут гораздо ценнее, чем жажда выгоды и поиск «прямой дороги». Вышеуказанные особенности творчества Арефьевой, на наш взгляд, нельзя считать единственным способом проявления романтической поэтики в её творчестве: в нашем исследовании не рассматривалось использование иронии по отношению к непониманию и отвержению обществом, не был подробно рассмотрен вопрос связи между миром земным и миром небесным в творчестве автора. Поэтому описание других, более «редких» и своеобразных черт влияния романтической традиции на поэтику Арефьевой ещё только предстоит. Однако даже сейчас мы можем констатировать, что автор не просто «наследует» романтическому канону, а преобразует его, демонстрируя то, что в рок-поэзии наследие русской литературной традиции обретает новые особые формы.

Библиография

1. Беляева Н. П. Современные подходы к типологии способов циклизации в рок-поэзии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1 (869). С. 126–133.
2. Карпов Д. Л. Лирический герой в рок-поэзии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3.
3. Доманский Ю. В. Поэтика рок-поэзии: о ключевых формулах рок-текста как объекте его идентификации и анализа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 6–17.
4. Хохряков А. Л. Рок-поэзия vs Рок-лирика: проблема соотношения понятий // Мировая литература в контексте культуры. 2022. № 15 (21). С. 67–76.
5. Пантелеев А. Ф., Талалаева М. А. Грамматическая метафора в поэзии русского рока конца XX – начала XXI века // Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 1. С. 80–87.
6. Доманский Ю. В. Рок-филология: проблемы и приоритеты // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 24. – М.: Эдитус, 2024. С. 5–8.
7. Щербакова-Калинина А. А. Неопределённо-личные предложения в творчестве Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2024. № 24. С. 82–89.
8. Петрова С. А. "Чёрный" и "белый" в художественном мире рок-поэзии Виктора Цоя // МНИЖ. 2021. № 12-5 (114). С. 70–75.
9. Пауэр К. Ю. Джоан Баэз и Янка Дягилева: опыт компаративного анализа песен // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 183–194.
10. Темиршина О. Р. Лиминальный сюжет в лирике Александра Башлачева: структура и семантика // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 257–268.

11. Лочмелис Е.Р. Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» // Litera. 2024. № 8. С. 78-89. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71295 EDN: NFKABE URL: https://e-notabene.ru/fil/article_71295.html
12. Милюгина Е. Г. Феномен рок-поэзии и романтический тип мышления // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. С. 53–59.
13. Гавриков В. А. Альбом "Театр" Ольги Арефьевой в зеркале интертекстов (Данте, Шекспир, Коллоди, Кэрролл, Ломоносов, Радищев, Тредиаковский, Пушкин...) // Art Logos. 2018. № 1 (3). С. 115–126.
14. Арефьева О. В. «Сторона От» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/storonaot/> (дата обращения: 15.08.2024).
15. Арефьева О. В. «Забор» // URL: <https://ark.ru/lyrics/hvoin/zabor/> (дата обращения: 15.08.2024).
16. Арефьева О. В. «Ночь в октябре» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/nochvoktjabre/> (дата обращения: 20.08.2024).
17. Арефьева О. В. «Сделай что-нибудь» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/sdelajchtonibud/> (дата обращения: 15.08.2024).
18. Арефьева О. В. «Про фольгу» // URL: <https://ark.ru/lyrics/bozhia-korovka/yatakbolshenemogu/> (дата обращения: 20.08.2024).
19. Арефьева О. В. «Мыловар» // URL: <https://ark.ru/lyrics/vremya-nazad/mylovar/> (дата обращения: 15.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой». Статья посвящена актуальной теме – поэтике текстов рок-музыки и представляет собой исследование в области литературоведения.

Статья состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы. Во введении автор обосновывает актуальность выбранной темы и ставит целью своего исследования изучение романтического аспекта рок-поэзии на примере творчества О. В. Арефьевой, в частности, исследование антиномии «человек – мир». Автор также приводит в пример работы филологов-исследователей рок-текстов, анализировавших данную антиномию на примере произведений отечественных рок-музыкантов.

Основная часть статьи содержит описание проведённого автором анализа текстов нескольких песен в контексте проявления романтической антиномии «человек – мир». Описан образ лирической героини, «Других» и образ спутника лирической героини, к которому она обращается на «ты» - единственному, кому она может довериться в своем противостоянии миру. В заключении автор делает выводы и обобщает результаты своего исследования.

Новизна темы, по мнению автора, заключается в том, что «несмотря на то, что творчество Арефьевой особым образом интегрировало в себя множество направлений и стилей, как музыкальных, так и литературных, её тексты до сих пор изучены недостаточно, а в контексте собственно «наследования» романтической традиции практически не рассматривались».

В результате анализа поэтических текстов О. В. Арефьевой и рассмотрения антиномии

«человек – мир» автор получил следующие выводы: «в поэтике Арефьевой антиномия «человек — мир» представлена в соответствии с романтической литературной традицией, сложившейся в русской культуре. Лирические героини автора представлены как индивидуалистки, стремящиеся сохранить свою непохожесть на окружающих, при этом испытывая страдание от одиночества и непонимания. «Другие» в поэтике Арефьевой — это общество прагматиков, циников, кровожадных лицедеев, ведомых простаков, что в лучшем случае проигнорируют существование лирической героини, а в худшем — будут пытаться уничтожить её ради удовлетворения своих интересов и прихоти».

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Однако в статье имеются некоторые недостатки:

Недостаточно четко описаны методы исследования, а также цели и задачи.

Статья написана в стиле в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Объём статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя актуальные исследования по данной теме.

В целом, статья «Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в развитие литературоведения в области исследования отечественной рок-поэзии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю Х. Ритуальное пространство и время в повести «Вий» Н.В. Гоголя // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76628 EDN: AYSWOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76628

Ритуальное пространство и время в повести «Вий» Н.В. Гоголя

Лю Хэньюань

аспирант, кафедра теории литературы; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119415, Россия, г. Москва, р-н Проспект Вернадского, пр-кт Вернадского, д. 37

✉ liuhy242@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76628

EDN:

AYSWOP

Дата направления статьи в редакцию:

04-11-2025

Аннотация: В данной статье исследуется мифопоэтика раннего творчества Н. В. Гоголя, а именно мифопоэтические ритуалы и уникальные хронотопы в его повести «Вий». Эта повесть ярко отражает мифологический характер, присущий раннему творчеству писателя. Повесть не только наследует традиции малороссийского фольклора, но и содержит уникальные творческие идеи автора, создавая собственный гоголевский мифологический мир. Автор подробно рассматривает обряды перехода во времени и пространстве, а также структуру повести с точки зрения морфологии сказки. Особое внимание уделяется взаимодействию пространства и времени в творчестве Гоголя, которое создает для читателей необыкновенные переживания. Эти уникальные взаимодействия, по мнению автора, формируют специальные гоголевские хронотопы, которые делают его произведения по-настоящему незабываемыми. В данной статье автор с точки зрения морфологии волшебной сказки В. Я. Проппа, хронотопа М. М. Бахтина и обрядов перехода Арнольда ван Геннепа анализирует ритуалы, описанные в повести. Основные результаты исследования заключаются в том, что хронотопы, представленные в повести, будь то «дорога» или «замок», обладают творческими особенностями, характерными для Гоголя. С точки зрения времени, в мире «Вия» день

олицетворяет реальный мир, а ночь – волшебный. Поэтому все сверхъестественные явления в повести происходят после захода солнца. Скорость течения времени в течение дня относительно высока, а ночью время движется медленно. Это отражено в романе через длинные описания. Исследование также показало, что Гоголь предпочитает описывать «вертикальное» пространство, а не традиционное «горизонтальное». Эта особенность проявляется в «ночном полете» и «ночной молитве». Панночка всегда использует магическую силу. Темы «инициация» и «свадьба» также нашли своё отражение в повести. Это нашло отражение в других ранних произведениях Гоголя.

Ключевые слова:

Н. В. Гоголь, Вий, Арнольд ван Геннеп, обряды перехода, В.Я. Пропп, морфология сказки, М.М. Бахтин, хронотоп, фольклор, психоанализ

«Вий» — мистическая повесть Н. В. Гоголя, впервые опубликованная в его сборнике «Миргород» в 1835 г. Как и все раннее творчество Гоголя, данная повесть богата фольклорными и мифологическими элементами. В рамках сюжета данной повести образ Вия представляет собой главный мифологический образ. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (далее по тексту – Словарь) о нем говорится: «...в малорусской демонологии грозный старик с бровями и веками до самой земли; <...> взглядом своим Вий убивает людей, разрушает и обращает в пепел города и деревни. Афанасьев видит в В. отражение древнего и могучего божества славян, именно бога-громовника» [\[1, с. 617-618\]](#). Также волшебную силу имеют героиня Панночка и герой Хома Брут. Как указывает О. Р. Хомякова, «...в семантике имени Хома пересекаются важнейшие для Гоголя смыслы: "человек" (от лат. Homo) и неверующий (евангельское – Фома неверующий)» [\[2, с. 10\]](#). Но в данной статье мы сосредоточимся на анализе ритуалов, которые происходят в повести «Вий».

Сначала ответим на вопрос: что такое ритуал, или обряд? Ритуал (лат. ritualis — «обрядовый», от ritus — «торжественная церемония; культовый обряд») в Словаре определяется как синоним «церковного обряда», а обряд, в свою очередь, это внешнее выражение верований человека.

В теории литературы, которая также обращается к вопросам мифологии, существует крупная и влиятельная Ритуально-мифологическая (неомифологическая) школа. Она сложилась в западных литературоведении и культурологии в 1930-е гг. как синтез ритуально-мифологической теории, оформившейся в начале XX в., и аналитической психологии К. Г. Юнга и З. Ш. Фрейда [\[3, с. 136\]](#). С точки зрения Е.М. Мелетинского, «ритуалы — вторая, практически действенная сторона единого ритуально-мифологического комплекса» [\[4, с. 419\]](#). А значит, ритуал не тождественен мифу, однако служит его воплощением.

Кроме того, нам потребуется еще один термин – «обряд перехода». Он был предложен французским этнографом и фольклористом Арнольдом ван Геннепом в одноимённой книге «Обряды перехода»: «...принимая во внимание важность этих переходов, я считаю обоснованным выделить особые категории обрядов перехода: обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения» [\[5, с. 15\]](#). В повести «Вий», мы считаем, могут быть обнаружены именно некоторые переходные обряды.

Притом речь идет о реальности художественной, отличной от жизненной действительности. Гоголевские обряды в повести «Вий» разворачиваются в художественном пространстве и времени, которые являются факторами эстетического воздействия текста на читателей. Художественные пространство и время вступают в особые взаимодействия, образуя «хронотопы».

Поэтому в данной статье мы будем анализировать ритуальное время и пространство в повести «Вий» с точки зрения ритуально-мифологической школы в сочетании с теорией хронотопа М.М. Бахтина.

Прежде всего необходимо выделить общую структуру повести «Вий» в соответствии с теорией «морфологии волшебной сказки» В. Я. Проппа. Согласно этой теории, «меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия, или функция <...> это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц» [6, с. 38]. Исходя из этого, Пропп выделяет 31 функцию (например, нарушение запрета (b), вредительство(A), недостача (a) и т.д.). Применительно к повести Н. В. Гоголя «Вий» можно составить следующие формулы:

$$I \text{ } Ie^{16}A^{11}Л^8\downarrow$$

$$II \text{ } A^{14}a^6B^2C\uparrow D^1\Gamma^1Z_{\text{contr}}D^1\Gamma^1w^2 [B^1П^1\downarrow] \times 2B^1 Z_{\text{neg}}$$

Сначала опишем и проанализируем первую формулу. Бурсаки семинарии ждали на площади, пока директор произносил речь, а затем разошлись по домам (I). Богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобец идут вместе домой (e1). Они решили найти место для ночлега и в конце концов заночевали в доме старухи (b2). Посреди ночи старуха улетела на Хоме (A11). Во время полета Хома боролся со старухой с помощью молитвы. Когда Хома победил старуху с помощью заклинания, то обнаружил, что старуха превратилась в молодую прекрасную девушку (Л8). Так Хома вернулся в киевскую семинарию (↓).

Первую часть формулы можно рассматривать как «обряд инициации» Хома Брута. Он вышел из «дома» (т.е. семинарии), по дороге прошел «испытания» от старухи, а затем вернулся «домой». В этом обряде мы можем выделить очевидный хронотоп «дороги» и тему «метаморфозы».

Гоголь в начале повести описывал ситуации беспорядка в семинарии и на рынке. «Но философов и богословов они боялись задевать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притом целою горстью»; «Когда вся эта ученая толпа успевала приходить несколько ранее или когда знали, что профессора будут позже обыкновенного, тогда, со всеобщего согласия, замыслили бой» [7, с. 415]. Учёный народ семинарии похож на подростков – люди там обжорливые, активные и динамичные. Это характеризует и психологию нашего главного героя, который все еще находится на стадии подросткового развития.

Далее Гоголь пишет: «Самое торжественное для семинарии событие было вакансии — время с июня месяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домам» [7, с. 421]. «Вакансия» здесь является выражением хронотопа «дороги». Данный хронотоп имеет следующее значение: «выход из родного дома на дорогу с возвращением на родину — обычно возрастные этапы жизни (выходит юноша, возвращается муж)» [8, с. 371]. Именно в этом путешествии главный герой достигает совершеннолетия (и тела, и души). В то же

время через конкретные описания поведения персонажей на дороге создается образ повседневных, бытовых пространства и времени, что впоследствии создает контраст с волшебными событиями.

«Один раз во время подобного странствования три бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем чтобы в первом попавшемся хуторе запастись провиантом, потому что мешок у них давно уже был пуст. Это были: богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець», – сообщает гоголевский рассказчик [\[7, с. 417\]](#). История начинается с нехватки еды, так как трем бурсакам нужно срочно найти «провиант» и место для ночлега. Для этого им приходится покинуть «главную дорогу» в поисках хуторов. Они свернули в вечернее время и шли через болота и нивы до поздней ночи, не находя никаких признаков человеческого жилища до самой темноты. И вот, уже на пределе своих физических и душевных сил, по лаю собаки путники нашли один хутор. Путем долгих уговоров трем бурсакам удалось убедить хозяйку-старуху, чтобы та приютила их на ночь. Примерно здесь начинается «обряд инициации», который проходит Хома Брут.

Пока старуха готовила комнаты, герой воспользовался возможностью украсть сушеного карпа, ранее также украденного семинаристами. По стечению обстоятельств старуха поселила его отдельно в овечьем загоне. После того, как герой съел рыбу, начинается ритуал, управляемый магическими силами хозяйки: «Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его; <...> он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих» [\[7, с. 416\]](#). Затем старушка улетает на спине Хома Брута.

Так в тексте возникает классическая тема волшебного рассказа – «метаморфоза». Согласно Бахтину, «на основе метаморфозы создается тип изображения целого человеческой жизни в ее основных переломных, кризисных моментах: как человек становится другим» [\[9, с. 376\]](#). Жизнь Хома Брута также была подвергнута трансформации.

Однако она не вполне типична. Творческое сознание Гоголя переосмыслило привычную связку образов человека и коня, сделав Хому «ездовым животным» ведьмы. Притом позиции двух персонажей в результате вечернего полета переменились: герой совершил обратную трансформацию, когда с помощью молитвы оседлал саму ведьму и подчинил ее себе.

После полета старуха превратилась в прекрасную молодую девушку. «Подобная двойственность вообще характерна для женских образов Гоголя середины тридцатых», – отметил Б. А. Максимов [\[9, с. 141\]](#). Это означает, что в первом ритуале Хома Брут и старуха оба совершили метаморфозу, для того чтобы выполнить условие второго ритуала. Однако, как пишет А. Цындра, «изначальная встреча с ведьмой подчеркивает животный страх Хома и его недостаток моральной ясности» [\[10, с. 250\]](#). Этот страх и отсутствие подлинной веры закрыли для героя возможность прохождения следующего обряда.

Высказывалось суждение об «откровенном эротизме, окрашивающем сцену скачки, включая, кроме явных порывов сладострастия, еще и скрытые намеки на половые

отношения» [\[11, с. 86\]](#). Можно заметить, что во время полета Хома Брут испытывал волнение, которого не испытывал никогда прежде: «Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение» [\[7, с. 422\]](#).

Вечерний полет Хома Брута со старухой и смена позиций относительно друг друга во время полета могут быть истолкованы как первый сексуальный акт Хома Брута, символизирующий его физиологическую зрелость. После возвращения в Киев поведение героя постепенно теряло юношеские характеристики: «Того же самого вечера видели философа в корчме: он лежал на лавке, покуривая, по обыкновению своему, люльку, и при всех бросил жиду корчмарю ползолотой. Перед ним стояла кружка. Он глядел на пришедших и уходивших хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думал о своем необыкновенном происшествии» [\[7, с. 424\]](#).

Ю. М. Лотман о пространстве полета писал: «...нам пришлось ввести понятие "точки зрения". Оно нам пригодится и в дальнейшем. <...> построение такого сверхраспространенного пространства требует особой позиции наблюдателя, и Гоголь решает вопрос, вынося "точку зрения", с которой строится описание пейзажа, вертикально вверх и переходя тем самым к трехмерному пространству. Все обилие волшебных полетов, неожиданных вознесений вверх служит созданию особых, неожиданно расширенных пространств» [\[12, с. 264-265\]](#). Кроме того, хутор – это место, где волшебный и повседневный миры пересекаются. Поэтому «бытовые сцены у Гоголя очень часто происходят в закрытых помещениях, и наоборот: там, где в закрытом помещении совершается фантастическое действие, "закрытость" его отменяется» [\[12, с. 262\]](#).

В целом, «уход из дома» и «метаморфоза» в первой части повести оформляют традиционный переходный обряд – обряд инициации, который знаменует не только биологическую зрелость Хома Брута, но и его право на следующий переходный обряд – свадьбу. Причина, по которой мы называем вторую часть церемонии свадьбой, заключается в том, что «определенное влияние при создании образа панночки в "Вие" оказали на Гоголя народные свадебные песни» [\[13, с. 437\]](#). Теперь мы проанализируем вторую часть повести.

Дочь богатого сотника погибла в результате несчастного случая (A14). Перед смертью дочь сотника (Панночка, которая является старухой в первой части повести) попросила отца найти человека по имени Хома, чтобы он помолился за нее (aб). Сотник послал своих людей на поиски Хома (B2). Хома пошел с ними, казаки вернулись в деревню вместе с Хомой (C↑). Сотник попросил Хому помолиться за его дочь (D1). Хома не захотел молиться за дочь сотника, поэтому попробовал сбежать (Г1). Хома был схвачен и приведен обратно (Zcontr). Сотник изложил свою просьбу, надеясь, что Хома сможет помолиться за дочь (D1). Хома согласился на просьбу сотника (Г1). Во время еды перед молитвой жители деревни рассказали Хоме несколько странных историй о дочери сотника (w2). Во время молитвы поздно ночью труп (Панночка) внезапно залился слезами, встал и огляделся в поисках Хома (Б1). Хома нарисовал мелом круг, чтобы защитить себя, и продолжал молиться до рассвета, пока петух не прокукарекал три раза и Панночка не вернулась в гроб (П1). Хому задержали жители деревни, которые пришли проверить, что происходит (↓). Панночка пыталась убить Хому с помощью заклинания (Б1). Хома снова полагался на круг, нарисованный мелом, и молился целую ночь (П1). Сотник снова попросил Хому помолиться за его дочь. Хома не хотел молиться за дочь

сотника, поэтому он ещё раз попробовал сбежать и снова был схвачен. На третью ночь Панночка призвала Вия на помощь (Б1). Хома не смог сдержать своего любопытства и посмотрел на Вия. Тем самым он открыл свое место, поэтому темные силы смогли пройти через круг и убить Хому (Zneg).

Вторая формула – это «свадьба» Хома Брута и Панночки. Ему снова было приказано отправиться на выполнение задания, и в конце задания он умер, но его смерть повысила его социальный статус. И здесь снова появились хронотоп «дороги» и хронотоп «замка», а также тема «карнавального танца» и использование магического числа три. После первого обряда (обряд взросления) и небольшого перерыва наступает «свадьба» Хома Брута, но данная «свадьба» наполнена гоголевским юмором, вернее, соотносится с творческим мышлением Гоголя (он устраивает духовную «свадьбу» Хома в виде похорон).

Вскоре после возвращения в Киев из хутора в 50 русских верстах прибыли казаки, которые по приказу сотника искали Хому Брута и несли ему задание, от которого он не может отказаться: умирающая дочь сотника попросила философа совершить над ней трехсуточную молитву после ее смерти.

Философ вздрогнул по какому-то безотчетному чувству, которое он не смог себе объяснить. Мрачные предчувствия говорили ему, что его ждет что-то недоброе. Сам не зная почему, он сказал, что не поедет. Возможно, таким образом, повинувшись инстинкту, герой сопротивляется просьбе, предвещающей для него трагичный конец. Но казаки были так убедительны, что Хоме пришлось пойти с ними.

После того как казаки и философ договорились, хронотоп «дороги» появляется в тексте вновь. В этот раз путешествие оказывается достаточно долгим, и Хома Брут предпринимает попытку побега. Данная попытка происходила в гостинице, в которой казак в начале пути велел кучеру остановиться: «...как будешь подъезжать к шинку, что на Чухрайловской дороге, то не позабудь остановиться и разбудить меня и других молодцов, если кому случится заснуть» [\[7, с. 426\]](#).

Пока все были пьяны, Хома попытался добиться сочувствия казаков (поскольку был сиротой) и попросить отпустить его. Ему это почти удалось, так как большинство казаков согласились. Но в дело снова вмешалась таинственная сила: «...когда философ вздумал подняться из-за стола, то ноги его сделались как будто деревянными и дверей в комнате начало представляться ему такое множество, что вряд ли бы он отыскал настоящую» [\[7, с. 428\]](#).

С наступлением ночи все продолжили путь. Но когда они приблизились к ферме, произошло еще одно сверхъестественное явление. Повозка не смогла пройти по хорошо известному маршруту: «Проколесивши большую половину ночи, беспрестанно сбиваясь с дороги, выученной наизусть, они наконец спустились с крутой горы в долину, и философ заметил по сторонам тянувшийся частокол, или плетень, с низенькими деревьями и выказывавшимися из-за них крышами» [\[7, с. 428\]](#).

Здесь, очевидно, Гоголь намеренно размывает границы селения, усиливая тем самым ощущение замкнутости, которое повторяется и в дальнейшем. Селение представляет собой «замок». Иными словами, мы попадаем в хронотоп «замка». Это селение оказывается замкнутой и самостоятельной системой с изолирующими временем и пространством, которые отделены от остального времени и пространства в повести, существуют по своим собственным законам.

Отметим следующее совпадение: в первую ночь после приезда Хома Брута умерла дочь сотника, что предвещает скорое начало «свадьбы» Хома. Говорят, что душа умершего еще три дня после смерти остается рядом с телом, поэтому молитва на протяжении трех ночей необходима для защиты души усопшего. В результате первого обряда мы узнаем, что старуха превращается в молодую девушку только тогда, когда близка к смерти или умирает, поэтому, как только Хома Брут приехал в селение, Панночка полностью завершила свою метаморфозу и теперь только ждала, что «жених» придет и помолится за нее.

Сообщив читателю весть о смерти дочери сотника, гоголевский рассказчик не спешит описывать похороны, а вместо этого создает описание обстановки: «Все селение помещалось на широком и ровном уступе горы. С северной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самого двора. При взгляде на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе» [7, с. 429]. Здесь автор еще больше усиливает ощущение изолированности деревни, изображая возвышенность местности, обрисовывая те условия, в которых таинственные ритуалы будут разворачиваться позднее без каких-либо вмешательств извне. Главный герой в этот момент предпринимает вторую попытку бежать, но его обнаруживает и останавливает, как он думает, старый казак. Здесь же мы узнаём: «Тут не такое заведение, чтобы можно было убежать; да и дороги для пешехода плохи» [7, с. 430]. Так ощущение изолированности деревни усиливается до максимальной степени.

Затем, после разговора с сотником, Хома Брут наконец-то приходит к умершей дочери сотника. Когда он увидел труп, то «трепет пробежал по его жилам <...> Вдруг что-то страшно знакомое показалось в лице ее» [7, с. 433]. Герой наконец понял, почему так упорно противился своей миссии, но было уже поздно. После захода солнца Хома и казаки отнесли черный гроб в старую деревянную церковь, расположенную на окраине деревни. Благодаря почти полной изоляции селения и еще большей изоляции самой церкви (она стоит на краю селения), Гоголь создает для Хома и Панночки замкнутое ритуальное пространство для совершения обряда похорон («свадьбы»).

Перед официальным обрядом есть ужин – ведь молиться всю ночь может быть физически тяжело. Этот ужин – не просто торжественный прием пищи. Гоголь вводит эту сцену для того, чтобы дать дополнительную информацию о Панночке. Из разговоров жителей селения мы узнаем, что она уже давно повинна в ряде странных поступков: соблазнила и убила Микиту, управляющего охотничьими собаками; кроме того, Панночка однажды убила ребенка и жену Шепчиха. Как пишет М. М. Иоскевич, «мотив насыщения преломляется в истории про Шепчиху. Ночью ведьма под видом собаки врывается в казацкий дом, хватает годовалое дитя и насыщается его кровью, прокусив горло. Затем наступает черед Шепчихи, которую панночка искусила до смерти» [14, с. 373]. Через эти дополнительные истории мы узнаём, что Панночка и раньше была злой ведьмой, но поскольку она является дочерью сотника, то жители селения ничего не могли сделать. Наконец она встречает Хома Брута и понимает, что в мире есть мужчина, который может быть сильнее ее. Поэтому он должен стать её женихом.

После того как дверь церкви была заперта, образовалось абсолютно замкнутое пространство, молитва началась. Мы не будем вдаваться в подробности религиозного обряда. Однако обратим внимание на некоторые моменты. В первую ночь при нападении женщины протагонист спасается, начертив на земле круг и прочитав молитву. В этом случае круг не только выполняет защитную функцию в горизонтальном измерении, но и

сдерживает нападение ведьмы в измерении вертикальном (в ее полете). За счет полета Панночки Гоголь расширяет пространство по вертикали. «Крещение воздуха гробом, в котором находится представительница inferнальной стихии, объясняется сложной и двусмысленной контаминацией в повести христианских и языческих черт», – отмечает по этому поводу К. К. Невельская [\[15, с. 32\]](#). Когда петух прокричал три раза, первая ночь закончилась. Но после дневной «передышки» начинается вторая ночная молитва.

Во вторую ночь, помимо того, что Хома и Панночка повторяют все то же, что было в первую ночь, женщина к тому же начинает читать заклинание: «Ветер пошел по церкви от слов, и послышался шум, как бы от множества летящих крыл» [\[7, с. 443\]](#).

Стук окон означает, что границы этого абсолютно замкнутого пространства размыкаются демоническими силами. «В "Вие" пространство церкви наполнено производимым нечистой силой отвратительным царапаньем, свистом и звоном в окнах», – пишет Л. А. Сапченко [\[16, с. 172\]](#). Однако Хоме удастся продержаться до крика петуха (то есть до рассвета), но после второй ночной молитвы все волосы Хома стали белыми. Испуганный протагонист пытается убедить сотника отпустить его, но это, очевидно, невозможно. Тогда герой во второй раз пытается сбежать. И уже собирается пересечь границу деревни, как таинственная сила проявляется вновь: «Когда философ хотел перешагнуть плетень, зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипла к земле, как будто ее кто приколотил гвоздем» [\[7, с. 446\]](#).

Третий и последний побег Хома Брута также не удался. Его обнаружил Явтух. Поняв, что он не может отказаться от этой «свадьбы» (церемонии), Хома «упросил Дороша, который посредством протекции ключника имел иногда вход в панские погреба, вытащить сулею сивухи, и оба приятеля, севши под сараем, вытянули немного не полведра, так что философ, вдруг поднявшись на ноги, закричал: "Музыкантов! непременно музыкантов!" – и, не дождавшись музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака» [\[7, с. 447\]](#). Он танцевал до изнеможения и потерял сознание. Его разбудили холодной водой, после чего он отправился на ужин, а затем в церковь для третьей ночной молитвы.

Во время последней ночи бесы и демоны разбивали окна и запертые двери церкви. Церковь – прежде абсолютно замкнутое пространство – оказалась разрушена силами зла. Только круг, нарисованный Хомой, по-прежнему защищал его. Поэтому Панночка решила вызвать Вия. Хотя Хома знал, как защититься от его нападения, герой потерял терпение после первого крика петуха и встретился с Вием взглядом. В этот момент свадьба была, наконец, завершена, а судьба Хома, подобно брошенному копьё Гунгнир Одина, твердо и неуклонно «летела» по направлению к смерти. Магический круг больше не работал, поэтому бесы и демоны проходили сквозь него, пугая душу Хома. В этот час он совершил свою окончательную метаморфозу – «смерть» – и тем самым завершил свадебную церемонию с Панночкой. Надо отметить, что Гоголь «в окончательной версии "дорисовывает" очень заметную и важную деталь – философ падает на землю и теряет дух "от страха"» [\[17, с. 123\]](#). Это еще раз показывает, что главному герою не хватило душевных сил, чтобы противостоять ритуалу. Вий здесь напоминает в некотором роде священника, неуклонно исполняющего свой долг – завершение свадебной церемонии жениха и невесты. Притом призраки и гоблины, которые не успели убежать, остались в церкви навсегда: «Так навеки и осталась церковь с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла, лесом, корнями, бурьяном, диким терновником; и никто не найдет

теперь к ней дороги» [\[7, с. 449\]](#). На этом церемониальное пространство, которое было разрушено, вновь заполнилось, что означает успешное завершение церемонии. Таким образом ясно выражается важнейшая черта гоголевского пространства — способность «трансформироваться непредсказуемым образом» [\[18, с. 18\]](#).

Следует сказать, что Пропп выделял два типа царевны: «С одной стороны, она правда верная невеста <...> с другой стороны, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха» [\[19, с. 442\]](#). Панночка представляет собой второй тип невесты, которая убивает жениха на свадьбе. В природе примером такого поведения служит брачный танец богомол, во время которого самка съедает самца, чтобы восполнить питательные вещества, необходимые для последующего размножения. На «свадьбе» в повести Гоголя, которая на первый взгляд кажется молитвой за душу умершей, с точки зрения мифа происходит духовная церемония бракосочетания главного героя, но именно эта церемония приносит ему смерть. Образ принцессы имеет не только положительную коннотацию в матриархальных сюжетах. Принцессы иногда совершают плохие поступки, и эти классические темы воплощены в нескольких сюжетных ситуациях в повести «Вий», что свойственно творческому методу Гоголя. В частности, «особенность мотива молитвы в творчестве Н. В. Гоголя <...> проявляется в виде антимолитвы» [\[20, с. 56\]](#). Такова и «молитва» Хома.

Ещё нужно отметить, что «для поэтики Гоголя характерно, что один персонаж затягивает в свой мир другого при встрече взглядами, причем для этого обычно требуется пограничный характер как минимум одного персонажа или обоих» [\[21, с. 48\]](#). Поэтому, когда Хома встречается взглядом с Виём, его затягивает в мир мертвых, и после того, как его душа отделяется от физического тела, он умирает.

Таким образом, повесть «Вий» состоит из обрядов инициации и свадьбы Хома, но из-за того, что герой не был физически и ментально готов к ним, он не смог пройти испытание во время обряда и в итоге был убит своей невестой.

Своеобразие гоголевского «Вия» во многом обусловлено спецификой пространственно-временной характеристики повести. Стремление к расширению пространства и трансформации ряда пространств от бытового к волшебному и обратно является двумя значимыми чертами пространственно-временного устройства гоголевского мира. В частности, «обращает на себя внимание, что главные события повести "Вий", связанные с жанром былички, происходят в "переходное" и "страшное" ночное время. Так, местом временного перехода является ночь, а пространственного – "нечистое" пространство» [\[22, с. 77\]](#).

В данной повести отражается уникальный гоголевский взгляд на пространство и время: во-первых, освоение вертикального пространства (об этом мы уже подробно говорили выше); во-вторых, двойное пространство на единой локации, т. е. свободное переключение между закрытым и открытым пространством. Например, Хома завершает свою первую метаморфозу со старухой в закрытой овчарне, а с помощью «полёта» расширяет пространство обряда. Благодаря магической силе закрытое пространство становится открытым. Кроме того, днём церкви остаются обычными церквями, а с наступлением ночи они становятся ареной для дьявольского веселья. При этом волшебный мир может быть включен в бытовой, составляя в нем своего рода «островки» (хата Пацюка, овраг в "Вечере накануне Ивана Купала") [\[12, с. 260\]](#).

Библиография

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1892. Т. VI(a).
2. Хомякова О. Р. Путь к Вию: особенности художественного конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. Т. 28, № 1. С. 7-20.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 22. М.: Советская энциклопедия, 1975.
4. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГУ, 1998. EDN: YORZMW.
5. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, А. В. Покровской. М.: Восточная литература РАН, 1999.
6. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: АСТ, 2023.
7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. EDN: RUKUED.
8. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961). М.: Языки славянских культур, 2012. EDN: QWDWHT.
9. Максимов Б. А. Загадки "Вия" и сюжетная традиция "Вечеров" // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 6. С. 129-144. EDN: NCEUCN.
10. Цындра А. Образ ведьмы в повести Н. В. Гоголя "Вий" // Русский язык в XXI веке: исследования молодых. Сургут.: Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа-Югры "Сургутский государственный педагогический университет", 2025. С. 249-251.
11. Кривонос В. Ш. Повесть Гоголя "Вий": структура и смысл // Отечественная литература как выражение самосознания русского народа (к 135-летию юбилею А. Н. Толстого: Восемнадцатый год двух столетий: уроки и параллели). Самара.: Научно-технический центр, 2018. С. 80-101.
12. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
13. Виноградов И. А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: Научное издание в 7 томах. М.: ИМПИ РАН, 2024. Т. I. DOI: 10.22455/978-5-9208-0749-6. EDN: ZHMYMG.
14. Иоскевич М. М. Зеркальные мотивы в повести Н. Гоголя "Вий" // Нургалиевские чтения-XII: Научное сообщество ученых XXI столетия. Филологические науки. Астана: Товарищество с ограниченной ответственностью "Мастер ПО", 2023. С. 371-375. EDN: KGMASG.
15. Невельская К. К. Мифопоэтика повести Н. В. Гоголя "Вий" // Художественная картина мира в фольклоре и литературе. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2024. С. 29-33.
16. Сапченко Л. А. Пространственный образ церкви в произведениях Н. В. Гоголя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39). С. 168-176. EDN: PZGQPH.
17. Евтихьева А. С. Образ Вия в славянском фольклоре и литературе // Слово. Грамматика. Речь. М.: МАКС Пресс, 2024. С. 121-134. DOI: 10.29003/m4138.WGS_XXIII/121-135. EDN: PPWISC.
18. Лотман Ю. М. О семиотике страха в русской культуре // Семиотика страха. М., 2005. С. 13-35.
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: АСТ, 2023.
20. Налетова Т. Б. Мотив молитвы в раннем творчестве Н. В. Гоголя // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома: Костромской государственный университет, 2014. С. 54-58. EDN: XZNIMH.
21. Заславский О. Б. Зло в "Вие": структура мира и структура текста // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 37-51. DOI: 10.31857/S241377150002549-6. EDN: YQHCAN.

22. Себелева А. В. Мифологическая картина мира славян в повести Н. В. Гоголя "Вий" // Нижневартковский филологический вестник. 2023. № 2. С. 71-81. DOI: 10.36906/2500-1795/23-2/05. EDN: TRQKLS.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию пространственно-временных характеристик повести «Вий» Николая Васильевича Гоголя. Отмечается, что «стремление к расширению пространства и естественная трансформация множества пространств формально являются двумя значимыми чертами гоголевского пространственно-временного характера». Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена как важностью изучения категорий пространства и времени в художественном дискурсе, так и интересом научного сообщества к феномену Гоголя.

Теоретической основой исследования выступили работы Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, О. Б. Заславского, В. Ш. Кривоноса, Е. М. Мелетинского. Библиография составляет 27 источников. Однако автору(ам) следует внимательно изучить требования редакции в части оформления библиографического списка и привести библиографию в соответствующий вид: в библиографии неоднократно повторяются одни и те же источники (например, 16 раз указан источник 4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009; Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961). М.: Языки славянских культур, 2012 – дважды; Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988 - трижды). Таким образом, автор(ы) фактически апеллируют к 6 научным работам и двум энциклопедиям, что представляется недостаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Также нет ни одного источника за последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на данном этапе.

Методология исследования не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и поставленных задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, контекстуальный анализ, методы социокультурного и интертекстуального, дискурсивного и когнитивного анализа.

В ходе исследования анализируются категории времени и пространства в повести «Вий» с точки зрения ритуально-мифологической школы («в данной повести также отражается уникальный гоголевский взгляд на пространство и время: во-первых, освоение вертикального пространства...; во-вторых, двойное пространство на единой локации, т. е. свободное переключение между закрытым и открытым пространством»). В целом проведен качественный анализ изучаемой проблематики.

Однако рукопись нуждается в серьезной редакторской правке: см «Но, отличается от реальных обрядов, гоголевские обряды в повести «Вий» имеют особое взаимодействие пространства и времени, которое создает читателей необыкновенное переживание при чтении. Эти особые взаимодействия, с точки зрения автора, создает специальные хронотопы», «Поэтому, в данной статье будем проанализированы и обсуждены

ритуальные время и пространство в повести «Вий» с точки зрения ритуально-мифологической школы и сочетается с теорией Хронотопа Бахтина», «Прежде всего, мы будем быстро разобраться в общей структуре повести «Вий» с помощью теории «морфология волшебной сказки» Проппа. И мы можно подытожить следующие формулы из повести Н.В. Гоголя «Вий», «В то же время обозначает психика нашего главного героя все еще находится на стадии подростка», «А к этому времени приближается «обряд инициации», принадлежащая Хомой Брутом», «После поспешного бегства в Киев поведение Хомя Брута постепенно теряет свою юношескую характеру» и т. д.

В данном виде рецензируемая статья «Ритуальные пространство и время в повести «Вий» Н. В. Гоголя» не может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является описание пространства и хронотопа ритуалов в повести Николая Васильевича Гоголя "Вий".

Методология статьи охватывает большое количество литературоведческих приёмов от сравнения и сопоставления фольклорных и повествовательных жанров до теории "Волшебной сказки" В.Я. Проппа. Кроме того, автор статьи применяет 31 функцию данной теории к повествовательному жанру и не просто выделяет, а представляет их в наглядной форме через универсальные схемы. Актуальность статьи заключается в том, что в литературоведение предпринята первая попытка связать художественное своеобразие повествовательных жанров с жанрами сказки и представлены в наглядной форме универсальные схемы, которые применимы к тексту повести Николая Васильевича Гоголя "Вий".

Научная новизна исследования заключается в том, что автор применяет концепции фольклорных традиций к текстам литературоведения не сказочного, а повествовательного характера, тем самым исследователь выводит не только приемственность литературных текстов, но и выявляет связь между гоголевскими повестями и самобытными народными сказками, а значит и с фольклором как направлением в литературоведении. Это помогает определить приемственность текстов и их постепенное развитие.

Стиль, структура и содержание статьи демонстрирует высокое владение автором формами научного стиля речи.

Логика научного изложения не нарушена. Автор от теоретических тезисов переходит к их обоснованию, основываясь на конкретном материале повести, выводя при этом логические выводы и умозаключения, опираясь на фактические примеры из повести Николая Васильевича Гоголя "Вий".

Библиография статьи показывает высокую теоретическую проработку данного вопроса в контексте современного литературоведения, так как многие исследования из списка литературы датированы последними пятью годами. Следовательно автор проработал

данный вопрос не только в исторической ретроспективе, но и с позиции современных подходов и концепций.

Выводы по статье логичны и обобщены в конце статьи в общее умозаключение, которое представляет из себя несколько обширных пунктов, которые резюмируют основную мысль автора.

Интерес данная статья может представлять для студентов, филологии, литературоведов и практикующих преподавателей в школе.

Данная статья оставляет положительное впечатление от прочтения и может быть рекомендована к публикации.

В качестве пожеланий автору: было бы интересно применить другие универсальные схемы для анализа хронотопа, чтобы рассмотреть полноту и многообразие текстов Николая Васильевича Гоголя, провести параллели с другими повестями как самого автора, так и писателей зарубежной и русской литературы, от этого бы статья приобрела бы более широкую связь с мировой литературой

Но данное пожелание носит исключительно рекомендательное характер.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Меркулова М.Г., Герасимова С.А. Жанр литературного научного диалога во Франции XVIII века // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.75891 EDN: AYWAEK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75891

Жанр литературного научного диалога во Франции XVIII века

Меркулова Майя Геннадиевна

ORCID: 0000-0002-0054-5647

доктор филологических наук

профессор; кафедра английской филологии; Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, Басманный р-н, Малый Казённый пер., д. 5Б

✉ merculovamaya@mail.ru

Герасимова Светлана Анатольевна

ORCID: 0000-0003-3960-8841

кандидат филологических наук

доцент; институт иностранных языков; Московский городской педагогический университет

105064, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Малый Казенный Пер., 5Б

✉ gerasvetlana@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.75891

EDN:

AYWAEK

Дата направления статьи в редакцию:

15-09-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье стал жанр литературного научного диалога, возродившийся в XVII в. во Франции и получивший свое развитие во второй половине XVIII в. Ставится задача выявить характерные черты данного жанра художественной литературы, которые наиболее ярко проявились в творчестве Д. Дидро – одного из виднейших деятелей французской культуры, философа, прозаика,

драматурга, внесшего значительный вклад в литературное просвещение французского общества. Уточняется, что Д. Дидро как автор литературных научных диалогов преследовал несколько целей: поиск идейных единомышленников, обучение и передача знаний своим согражданам, поощрение дальнейших научных поисков учеными, философами, метафизиками. Функцией литературного научного диалога как жанра стало превращение науки в ценность и законный объект общественного интереса. В исследовании применяется культурно-исторический метод, позволяющий трактовать появление литературного научного диалога как результат культурно-исторических условий жизни социума эпохи Просвещения и проследить связи возродившегося жанра с исторической традицией. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе и определении своеобразия взаимодействия научного диалога и художественной литературы, проявившегося в становлении нового литературного жанра эпохи Просвещения. Основным выводом проведенного исследования становится тезис о том, что литературный научный диалог носит дидактический характер, поскольку, представляя новые научные открытия эпохи, Д. Дидро как автор стремится просветить сограждан через изложение своих материалистических взглядов на природу и место в ней человека. Данный жанр не претендовал на углубленное изложение научных явлений и фактов сравнению со специальной научной литературой и стал новым средством коммуникации с интересующимся, грамотным читателем. Среди социальных причин возникновения литературного научного диалога как одной из первых художественных форм популяризации науки в XVII в. и дальнейшего его развития в XVIII в. назовем: потребность читательской аудитории в новых средствах получения знаний, упрощение передачи информации за счет использования национального, французского языка, уменьшение роли латыни как международного языка науки.

Ключевые слова:

литературный научный диалог, Дени Дидро, эпоха Просвещения, поэтика диалога, популяризация науки, диалог идей, диалоги Платона, первый диалог Дидро, Сон ДАламбера, Продолжение разговора

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Введение

Целью работы является выявление особенностей жанра литературного научного диалога, воплотившего идеи популяризации научного знания во Франции XVIII в., что связано с увеличением изданий светской литературы: научных, философских и художественных произведений. Распространение таких сочинений было сопряжено со значительными изменениями в общественном мировоззрении эпохи Просвещения, с ростом интереса к светской стороне жизни человека как нового, хотя и не столь многочисленного, но мыслящего самостоятельно читателя [\[1, с. 42\]](#). Просвещение как переломную эпоху в истории «взросления» общества во Франции [\[2, с. 10\]](#) можно

охарактеризовать радикальным переосмыслением сложившихся норм, традиций и установок. Идеи философов-просветителей (пафос Разума и разумное переустройство общества) как основа Просвещения повлияли на изменения таких институциональных процессов как образование, просветительство и наука, развитие которых способствовало поиску истины и самоочевидных оснований познания [\[3, с. 6\]](#).

Просветительское движение во Франции XVIII в. имело несколько источников, к которым отнесем социально-экономические условия, процесс становления менталитета народа и формирование единой французской нации. Замыслы просветителей найдут широкое распространение в литературном и научном процессах. Формирование новой личности предопределяло активизацию роли литературы и науки, обусловленную стремлением философов воспитать граждан в духе социального и политического возрождения общества. Просветители рассматривали произведения литераторов и ученых как социальный объект, который способен не просто облагородить ум читателя, но и воспитать его [\[4, с. 280\]](#). О создании Просвещением идеологии самостоятельного научного мышления и восприятии её человеком в XVIII в. И. Кант писал: «публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным и только оно может дать просвещение людям <...>. Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется ученым перед всей читающей публикой» [\[5, с. 177\]](#).

Благодаря изменению сущности печатной продукции в Новое время появляются новые виды чтения, позволявшие образованному читателю расширять свои возможности и изменять свои читательские привычки. Отражение эпохой Просвещения интенсивных информационных процессов сказалось на появлении во французском обществе широкой читательской среды. Современники упоминали в своих сообщениях, что французы «читают в карете на прогулке, в театре в антрактах, в кафе, в банях, в лавках, на крылечках домов по воскресеньям; лакеи читают, стоя на запятках карет, кучера на своих козлах, солдаты на посту, рассыльные на своей бирже» [\[6, с. 90\]](#). Большое число читающих обозначило своеобразную революцию в сфере чтения и предопределило появление обновленного книжного рынка. Научная революция и открытия XVII-XVIII вв. проложили путь так называемой «открытой науке», что способствовало созданию нового литературного жанра и повлекло за собой развитие научно-художественной литературы эпохи «промышленного просвещения» и «занимательной, народной науки» [\[7, с. 70\]](#). При знакомстве с такой литературой читатель осваивал новые виды чтения, общедоступными для него становились знания о мире природы и человека.

Материал и методология исследования

Материалом исследования являются диалоги Д. Дидро, написанные в 1769 г.: "Разговор Д'Аламбера и Дидро" (*Entretien entre D'Alembert et Diderot*), "Сон Д'Аламбера" (*Le rêve de D'Alembert*), "Продолжение разговора" (*Suite de l'Entretien*), где писатель размышлял о разновидностях популяризации науки. Со стороны авторов проведена аналитика отечественных и зарубежных литературоведческих работ, касающихся вопросов просветительства, а также посвященных творчеству Д. Дидро. Методология работы предопределена практикой историко-литературного исследования: творчество Д. Дидро рассматривается в контексте расцвета философских материалистических идей в XVIII в. и в связи с широким распространением просветительской идеологии, отличавшейся переосмыслением сложившихся норм, традиций и мировоззренческих установок.

Литературный научный диалог - новый жанр эпохи Просвещения

Жанр литературного научного диалога имел колоссальный успех в конце XVII в., основу чему во Франции заложила книга-рассуждение Бернара Ле Бовье де Фонтенеля (Bernard le Bovier de Fontenelle, 1657-1757). В отличие от учения христианства о едином мире, созданном Творцом, написанное им произведение имело явно провокационное название – «Разговоры о множестве миров» (*Entretiens sur la pluralité des mondes*, 1686). Затем литературный научный диалог долго подвергался критике, обвиняемый в разобщенности как с наукой, так и с литературой, но в 50-е годы XVIII в. снова стал актуальным. Социальными причинами его возрождения стали потребность в новых средствах получения знаний и научном информировании публики о новинках, передача информации за счет использования французского языка при уменьшении роли латыни как языка науки. Научный диалог эпохи Просвещения как одна из разновидностей рациональной коммуникации, разворачивавшейся писателем в литературном произведении, определял общение с читателем. Именно читательский интерес, впечатление, которое производил такой диалог на читательскую публику, позволяли оценить его полезность и глубину. В статье «Философский диалог в литературе» (*Dialogue philosophique en littérature*) литератор XVIII в. Ж.-Ф. Мармонтель писал: «Le dialogue quand il n'est pas oiseux, a pour un résultat <...> des idées» (Диалог, если он не праздный, имеет в качестве результата <...> идеи) [\[8, p. 401\]](#). Популяризируя науку, литературный научный диалог мог заинтересовать разные категории читателей: от обывателей, проявлявших интерес к описываемым научным фактам, и почитателей той или иной отрасли знания до специалистов и тех, кто занимался наукой целенаправленно («Республику ученых»). Как активная форма распространения знаний во Франции XVIII в. научное просветительство вовлекало читателей в научно-техническое развитие нации, а мнение читающей публики воспринималось как важная часть научного прогрессивного познания. Произведения, сочетавшие в себе художественную и научную составляющие, как духовное пространство служили средством самопознания читающей публики [\[9, p. 369\]](#).

В силу того, что литературный научный диалог Нового времени реалистично преподносил вымышленный автором научный и философский дискурс, он популяризировал новое научное знание через движение мысли и спор идей. Функционал этого литературного жанра заключался в:

- передаче читателю новой в научном плане информации, что позволило сделать науку одной из социальных ценностей, без чего немислим сам процесс передачи знаний, что и вызвало к ней общественный интерес [\[10\]](#);
- трансляции мировоззрения автора за счет изложения собственного видения на предмет обсуждения в произведении, для чего необходимо глубокое знание информации, но в то же время и умение передать её читателю доступно и просто;
- использовании на практике в качестве учебников по основам наук, поскольку в них излагалась основная информация для читательской публики о состоянии современных (согласно эпохе) научных знаний. Зачастую ни образование, ни социальный статус, ни возраст, ни пол читателя не являлись препятствием для популяризации этих знаний, авторы таких сочинений попутно решали познавательные и учебно-воспитательные задачи в среде непрофессионального читателя [\[11\]](#).

«Диалоги идей» (*dialogues d'idées*) или научные диалоги (*dialogues scientifiques*) согласно французскому литературоведу М. Роленсу, в отличие от диалогов сатирических и философских (*dialogue satirique, dialogue philosophique*) [\[12, p. 259-290\]](#), подчеркивали

критическое движение мысли, когда знания подвергались сомнению, а методы их передачи вызвали полемику, поэтому они становились частью общего движения философских просветительских идей. Эти диалоги, с одной стороны, документально воплощали культурную историю наук, а с другой, впервые благодаря художественному изложению привлекали читательскую публику, делая легитимным в обществе научный дискурс. В XVIII в. такие популярные диалоги, облаченные в научно-литературную форму (*dialogue de vulgarisation*), являлись скорее жанром литературно-историческим, чем теоретическим [\[17, p. 16\]](#).

Наиболее ярко функционал жанра литературного научного диалога проявился в творчестве Д. Дидро, возродившего данный жанр в XVIII в. В своем творчестве Д. Дидро воплотил жанр литературного научного диалога спустя почти сто лет после де Фонтенеля при написании таких диалогов как «Разговор Д'Аламбера и Дидро» (*Entretien entre D'Alembert et Diderot*) (1769), «Сон Д'Аламбера» (*Le rêve de D'Alembert*) (1769) и «Продолжение разговора» (*Suite de l'Entretien*) (1769). Именно в этих произведениях наблюдаем включение научных жанров в литературные за счет их объединения, что позволило Д. Дидро размышлять о разных путях и видах популяризации научных знаний. Поскольку этот процесс возможен через разнообразные литературные формы, литературные жанры и классические тексты XVII-XVIII вв. предполагали коллективное потребление, подразумевавшее атмосферу общения и беседы [\[13\]](#). Знакомство с диалогами создавало ощущение реальности происходившей беседы, как будто разговор персонажей был записан, что обусловило специфику произведений Д. Дидро. Читатель был так увлечен и поглощен общением героев, что не замечал, как умело и с определенной целью автор развертывал сюжет произведения: изложить свое мнение на один из важнейших вопросов эпохи Просвещения – как использовать человеческий разум для критики суеверий, дабы обеспечить прогресс общества, защитить процесс постижения научного и технического знания и приобщить к нему читателя [\[14\]](#). Тексты диалогов не просто отображали мировоззрение писателя, но доказательно и выразительно в художественном плане излагали материалистические взгляды Дидро-автора на природу и место в ней человека.

Факт беседы, происходившей между персонажами диалогов, подтверждался выбором реально существовавших участников разговора, изображенных в качестве героев. Театральность диалогического стиля в рассматриваемых сочинениях не помешала Д. Дидро следовать поэтике научного диалога: «Инсценировка с участием ученых, призванная сделать обмен мнениями более правдоподобным и «интересным», – процедура, которая в первой половине XVIII в. обсуждалась и пересматривалась как модель идеального научного диалога» (*Mettre en scène des savants encore vivants afin de rendre plus vraisemblable et plus "intéressant" l'échange des idées est un procédé qui fut discuté et rêvé comme modèle du dialogue scientifique idéal au cours de la première moitié du XVIII-e siècle*) [\[12, p. 281\]](#).

Сравнение письменных диалогов Д. Дидро с диалогами Платона

Внимание авторов XVIII в. к жанрам сочинений античных философов, мода на Античность, определенным образом формировавшая европейскую культуру, сыграли важную роль в возрождении жанра литературного научного диалога [\[15, с. 13\]](#). Письменные литературные научные диалоги Д. Дидро имитировали устную речь – художественный прием, применявшийся в сочинениях не впервые. Новатором письменного диалога выступил в свое время древнегреческий философ, поэт и писатель Платон (427 г. – 348/347 г. до н.э.). В своих диалогах Платон поднимал множество

проблем (идеальное государство, взаимодействие политики и искусства, вопросы добродетели, отсутствие объективных знаний и др.), которые придавали его произведениям не только философский и политический, но и художественный характер. Отметим стилистические и содержательные приёмы литературного научного диалога Д. Дидро как жанра в сравнении с письменными диалогами Платона. К середине XVIII в. во Франции жанр научного диалога был обесценен и не использовался как дидактический инструмент. Хотя просветительская идеология в диалогах Д. Дидро и проявила себя в авторской иронически-игровой тональности, но опиралась она на свободные и разумные суждения собеседников-ученых, что позволяет говорить о воспитательном потенциале диалогов. Это позволило французскому исследователю С. Пюжолу назвать его произведения «учебными диалогами» (*dialogues pédagogiques*) [10, p. 336].

В отличие от Платона писатель не использует в качестве персонажей участников, среди которых есть герои неравные как по интеллектуальным способностям, так и по нравственным качествам: так называемые любители от науки [16]. Для изложения сути собственных теорий Д. Дидро предоставляет в диалогах слово известным ученым, фактически заставляя вступать в общение реально существовавших людей [17]. Писатель, как и Платон выстраивал напряженную беседу с опорой на проблемную ситуацию, основанную на столкновении точек зрения (у Платона неравностатусные участники диалога выслушивают чужие доводы и защищают свои). Д. Дидро в отличие от древнегреческого философа помещал на сцену равноправных героев-единомышленников. Персонажи находят истину сообща в «дружеском, легком, несмотря на его глубокое научное содержание, полном иронии, фантазии и веселой интеллектуальной игры разговоре» [18, с. 54]. Приведем пример: «*Даламбер*. Сделать мрамор съедобным, – это, кажется, не так легко. *Дидро*. Это уж мое дело... Я беру вот эту статую, кладу ее в ступку и пестом... *Даламбер*. Поосторожней! Ведь это шедевр Фальконэ. Если бы это было произведение Гюэ или какого-нибудь другого... *Дидро*. Для Фальконэ это ничего не значит: за статую заплачено, а с общественным мнением он мало считается, отзыв же потомства вовсе не интересует его» [19, с. 369].

Идея организовать вокруг себя общество единомышленников придает литературным научным диалогам Д. Дидро просветительский характер, доказательство чему находим в диалоге «Разговор Д'Аламбера и Дидро». В диалоге участвуют персонажи, известные своей дружбой, что следует из текста благодаря эксплицитному маркеру обращения *мой друг, друг мой* в течение разговора: «*Дидро*: Так вот, друг мой, если вы хорошо подумаете...», «*Даламбер*: Прощайте, мой друг, хорошего вечера и спокойной ночи» [19, с. 381-382]. В произведении сам писатель наравне с Ж.-Л. Д'Аламбером становится персонажем, чтобы выразить свои мысли и идеи по концептуальным научным вопросам (научные математические, химические, биологические знания, вопросы материи, сенсуализма и детерминизма). Это позволяет Д. Дидро сохранять единый сквозной лейтмотив вопросно-ответной научной беседы, который делает понятным смысл диалога [16], что сближает его с диалогами Платона. В отличие от последнего Д. Дидро и Ж.-Л. Д'Аламбер как собеседники не противостоят друг другу, а сотрудничают, один из них осуществляет «обучение». Приведем пример: «*Даламбер*: Мне бы очень хотелось, чтобы вы мне сказали, в чем, по-вашему, разница между человеком и статуей, между мрамором и плотью. *Дидро*: Разница небольшая. Мрамор делается из плоти, плоть – из мрамора. *Даламбер*: Но это не одно и то же. *Дидро*: Так же как то, что вы называете живой силой, не есть мертвая сила. *Даламбер*: Я вас не понимаю. *Дидро*: Я объяснюсь. Перемещение тела из одного места в другое не есть движение, это лишь результат.

Движение имеется в равной мере и в перемещаемом теле, и в теле неподвижном» [\[19, с. 381\]](#). Налицо дидактический или кооперативный обмен как элемент единства жанра литературного научного диалога [\[17, р. 88\]](#), поскольку Д. Дидро не просто отвечает на вопросы пытливого Ж.-Л. Д'Аламбера, но и побуждает его к научным поискам, убеждая друга в истинности научного знания.

Подобно сочинениям Платона главными героями в художественных диалогах второй половины XVIII в. становятся наставник и ученик (*maître et disciple*), где первый как учитель ориентирует второго, постепенно вводя его в мир идей для открытия собственного знания. Д. Дидро лишь частично придерживается этого канона, потому что в следующем диалоге («Сон Д'Аламбера») в беседе участвуют уже не два, а три персонажа. Эти реальные исторические персонажи ведут трехсторонний диалог, все герои произведения близки автору по образу мышления, хотя центральным героем по-прежнему остается ученый-математик, секретарь Французской академии Ж.-Л. Д'Аламбер (Jean Le Rond D'Alembert, 1717-1783). Основной разговор происходит между мадам Жюли де Леспинас (Mlle de l'Espinasse, 1732-1776), известной в XVIII в. как хозяйка популярного парижского салона, который посещали многие энциклопедисты, и теоретиком медицины, врачом, одним из сторонников витализма, Теофилом Бордё (Docteur Bordeu, 1722-1776).

«Сон Д'Аламбера», написанный в жанре литературного научного диалога, занимает важное место среди сочинений Д. Дидро, адресованных читателю. Рождение светского научного диалога, преодолевшего узконаправленные пределы, не связанного ни с религиозной, ни с духовной жизнью, помогает привлечь к обсуждению вопросов статусную публику и женскую аудиторию – читателей, далеких от науки (*extra-savante*) [\[17, р. 77\]](#). Согласимся, что в данном сочинении материалистические идеи писателя Д. Дидро выступают как программа настоящих и будущих исследований, «а не теория, претендующая на истинность» [\[14, с. 65\]](#). Персонажи диалога выражают воззрения Д. Дидро, хотя и разными способами:

– привычка постоянно забрасывать собеседника вопросами, чуткое восприятие всего нового у Ж.-Л. Д'Аламбера: «Существует ли в природе хотя один атом, безусловно похожий на другой?.. Нет... Разве вы не согласны, что все в природе взаимно обусловлено и невозможно допустить, чтобы в цепи вещей недоставало одного звена? Что же вы хотите сказать своими индивидами? Их вовсе нет, нет, они не существуют... Есть только один великий индивид, целое» [\[19, с. 397\]](#);

– интерес к общим закономерностям устройства мира и склонность к парадоксам у Т. Бордё: «*Борде*: Разве вы думаете, что для вас безразличию допускать или отрицать существование высшего разума? *Леспинас*: Нет. *Борде*: Разве вы думаете, что можно решить вопрос о высшем разуме, не зная, какого мнения держаться по вопросу о вечности материи и её свойствах, о различии двух субстанций, о природе человека и происхождении животных? *Леспинас*: Нет. *Борде*: Значит, это не праздные, как вы сказали, вопросы. *Леспинас*: Но какое мне дело до их важности, если я не сумею разрешить их? *Борде*: А как вы разрешите их, если вы не занимаетесь ими? Но могу ли я спросить вас о тех, которые вы находите столь ясными, что вам кажется излишним исследование их?» [\[19, с. 395\]](#);

– любознательность и жажда новых знаний, тонкость, вкус к серьезным материям у госпожи Ж. де Леспинас): «*Борде*: Это софизм преходящего существа, которое верит в бессмертие вещей. *Леспинас*: Вроде розы Фонтенеля, которая говорила, что никогда,

насколько она помнит, еще не видела, как умирает садовник. *Борде*: Точно так. Легко и глубоко. *Леспинас*: Почему ваши философы не выражаются так грациозно, как Фонтенель? Нам легче было бы понимать их» [\[19, с. 394\]](#).

Писатель представляет разного рода научные открытия своего времени с помощью установления истины и, таким образом, стремится просветить сограждан. Контаминации жанров учебного (*dialogue pédagogique*), популярного (*dialogue de vulgarisation*) и научного (*dialogue scientifique*) диалогов позволяет говорить о дидактическом характере литературного научного диалога, что демонстрируется читателю благодаря беседе дамы, доктора и философа. Такой жанровый синтез был характерен для литературного творчества Д. Дидро.

Одним из ярких художественных приемов, используемых в диалоге «Сон Д'Аламбера», становится молчание персонажей. Авторские ремарки с указанием на безмолвие как тишину должны направить мысль читателя на обдумывание вопроса о способе мышления героев диалога: «*Даламбер*: Кто это там?.. Это вы, м-ль Леспинас? *Леспинас*: Т-с, т-с... (Некоторое время Леспинас и доктор хранят молчание, затем Леспинас говорит тихо.) Кажется, снова заснул» [\[19, с. 395\]](#). Такие пояснения призваны пробудить приглушенную работу читательской рефлексии, так как молчание предполагает внутренний отклик, осознание и усвоение телом авторских идей [\[17, p. 315-316\]](#).

Содержательно отличается предмет разговора в литературном научном диалоге «Продолжение разговора», героями которого становятся доктор Т. Бордё и госпожа Ж. де Леспинас. Персонажи беседы обсуждают тайны природы и некоторые вопросы сексуальности человека с точки зрения медицины: «*Леспинас*: Что вы думаете о смешении видов? *Борде*: Что ж, это тоже хороший вопрос. Я думаю, мужчины придавали большое значение акту деторождения, и они были правы; но я недоволен их законами, как гражданскими, так и религиозными. *Леспинас*: И что вы в этом плохого находите? *Борде*: Что они были созданы без справедливости, без цели и без всякого уважения к природе вещей и общественной пользе» [\[19, с. 440\]](#). Герои одновременно рассматривают эмпирические факты и примеры, излагаемые в стиле спонтанной устной беседы и действительно относившиеся к научному знанию эпохи, и развивают популярные идеи, ожидавшие подтверждения. Интересным в этом отношении является отражение в диалоге концепции витализма (целесообразность, целостность развития и поведения живых систем), сторонником которой выступал Теофиль Бордё: «*Борде*: Природа ничего не терпит бесполезного; и как я могу быть виноват в том, что помогаю ей, когда она взывает ко мне с самыми недвусмысленными симптомами? Никогда не будем её провоцировать, но протянем ей руку, когда представится случай. В отказе и праздности я вижу лишь глупость и упущенное удовольствие. Живи трезво, скажут мне, преодолюй себя усталостью. Я слышу тебя: позволь мне лишиться себя удовольствия; позволь мне потрудиться, чтобы удержаться от другого удовольствия. Хорошо придумано!» [\[19, с. 442\]](#). Сама концепция была признана позднее, в XIX в. идеалистической и устаревшей. Тем не менее, достигнув вершины в поэтике литературного научного диалога, Д. Дидро заставляет размышлять читательскую аудиторию благодаря парадоксальной авторской манере мышления автора и синтезу философичности и «интеллектуальной провокации»: придает правдоподобие и содержательность эксцентричной теории, развивая и обобщая идеалистическую научную модель.

Заключение

Социально-экономические условия и изменение менталитета становятся базовыми

источниками просветительского движения во Франции XVIII в. Как процесс восприятия человеком идеологии познания (разумная победа над невежеством, объединение социального и естественного) просветительство отражало значимые идеи века Просвещения. Эволюционные процессы в научно-технологической сфере жизнедеятельности общества, активная роль литературы и науки в объяснении этих изменений стали стимулом для появления и развития научно-художественной литературы. Ясное и понятное трактование информации о научных исследованиях способствовало знакомству с ней разнородных категорий читателей: от обывателей и почитателей знания до специалистов-практиков, занимавшихся научными изысканиями.

Наиболее ярко идеи популяризации научного знания в эпоху Просвещения воплотились в творчестве Д. Дидро при написании литературных научных диалогов. Проведенное в работе исследование жанровой специфики данных диалогов позволяет говорить о сочетании в указанных произведениях учебного, популярного и научного жанров, что способствовало активизации читательского восприятия научно-художественного текста, заставляя читателя не пассивно усваивать новые знания, излагаемые персонажами литературных научных диалогов, но стать своеобразным соучастником диалогов через постижения авторских мыслей [\[15\]](#). Использование Д. Дидро как философом-просветителем аналитического приема заострения, трансформации и углубления идей заставляет читателя задуматься над развернутой перед ним интеллектуальной дискуссией, диалогом позиций и точек зрения, что подтверждает мнение Н.Т. Пахсарьян: «В мире литературы Просвещения, как и в жизни этой эпохи, человек должен был иметь мужество пользоваться собственным умом» [\[14, с. 69\]](#). Сочинения адресованы широкой читательской аудитории, в том числе тем, кто был далек от науки, что несомненно придает им дидактический характер.

Результаты исследования не исчерпывают поставленную проблему, что обуславливает перспективы дальнейшего исследования, в частности, применительно к изучению в диахроническом плане энциклопедических изданий XVIII-XX вв. как научно-художественных произведений. Это позволит проследить вектор развития диалога с читательской аудиторией, научным сообществом, конкретизировать и детализировать авторские художественные приемы, используемые в литературных научных диалогах энциклопедической направленности. Интересно было бы выявить своеобразие их применения как в печатном, так и в цифровом варианте энциклопедических изданий.

Библиография

1. Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1(25). С. 42-49. EDN: YJGTID.
2. Гутова С. Г. Феномен культуры в философии французского просвещения // Культура. Наука. Образование: актуальные вопросы. Чебоксары: Чувашский гос. институт культуры и искусств, 2020. С. 9-22. DOI: 10.31483/r-75440. EDN: WPFHXV.
3. Драч Г. В. Просвещенческая модель культуры: уроки и предостережения // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2 (78). С. 5-16. EDN: SIUMMJ.
4. Меркулова М. Г., Герасимова С. А. Литературные опыты энциклопедиста XVIII века: Жан-Франсуа Мармонтель // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 8. С. 273-293. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-273-293. EDN: FKUMMV.
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? (1784 г.) // Поволжский педагогический поиск. 2017. № 3(21). С. 175-180. EDN: ZSOQSN.
6. Гордон Л. С. Некоторые итоги запрещенной литературы эпохи Просвещения вторая половина XVIII века // Французский ежегодник. 1959. Москва: Наука, 1960. С. 89-120.

7. Ваганов А. Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв. // Наука. Инновации. Образование. 2016. Т. 11, № 3. С. 64–77. EDN: WYJTM D.
8. Marmontel J. F. Éléments de littérature. Paris: Desjonquères, 2005. 1300 p.
9. Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context. 1991. Vol. 4. № 2. P. 367–386.
10. Pujol S. Le dialogue d'idées au dix-huitième siècle // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 2005. № 6. P. 336.
11. Герасимова С. А. Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века // Научный диалог. 2021. № 4. С. 28–41. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41. EDN: XSYTHQ.
12. Roelens M. Le dialogue d'idées au XVIII-e siècle // Histoire littéraire de la France. Vol. 6 (1715–1794). Paris: Éditions sociales, 1976. P. 259–290.
13. Викулова Л. Г., Рянская Э. М. Этикетность диалога в коммуникативной практике XVII века // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 53–67. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.06. EDN: RTOGUO.
14. Пахсарьян Н. Т. "Ирония судьбы" века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая исчерпанность старого? // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. Москва: Высшая школа, 2001. С. 40–69.
15. Жанровая палитра зарубежной литературы / К. М. Баранова, Л. Г. Викулова, С. А. Герасимова [и др.]. Москва: Языки народов мира, 2025. 265 с. EDN: NYSUTY.
16. Слезак Т. А. Как читать Платона. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 314 с.
17. Chassot F. Le dialogue scientifique au XVIII-e siècle. Postérité de Fontenelle et vulgarisation des sciences. Paris: Classiques Garnier, 2011. 638 p.
18. Разумовская М. В. Роман-диалог и философский диалог у Дидро: синтез научного и художественного познания ("Племянник Рамо" и "Сон Д'Аламбера") // Вестник Ленинградского гос. университета. Серия 2. 1984. № 20. Вып. 4. С. 46–54. URL: <https://md-eksperiment.org/ru>. (дата обращения 15.01.2025).
19. Дидро Д. Собрание сочинений в 10-ти томах: Т. 1: Философия / Под общ. ред. И. К. Луппола. Москва-Ленинград: Академия, 1935. 516 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Целью рецензируемой работы является выявление особенностей жанра литературного научного диалога, воплотившего идеи популяризации научного знания во Франции XVIII века. На мой взгляд, вопрос, который выбран автором для исследования, нетривиален, по-своему интересен, да и малоизучен в массе критических наработок. Научный диалог как таковой есть достаточно сложный динамичный процесс, который вбирает разные эпохи и точки зрения, различные позиции и альтернативные взгляды. Европейская научная мысль (причем акцентно во Франции XVIII века) развивалась довольно быстро, но стоит не исключать и влияния античных изводов, векторного рассмотрения идей Эпохи Возрождения и далее. Собственно на это и ориентирован автор данного труда, отмечая, что «научная революция и открытия XVII–XVIII вв. проложили путь так называемой "открытой науке", что способствовало созданию нового литературного жанра и повлекло за собой развитие научно-художественной литературы эпохи "промышленного просвещения" и «занимательной, народной науки».

Следовательно, системная оценка вопроса достаточно актуальна. Статья имеет т.н. сегментарный тип: введение, методы..., смысловые блоки, заключение. В данном случае это оправдано, но стоит, на мой взгляд, «утяжелить» их. Не хватает, порой явно текстовой разверстки для раскрытия темы, хотя именно этот уровень должен быть выверен. Стил – соотносится с научным типом: например, «В эпоху Просвещения научный диалог как одна из разновидностей рациональной коммуникации, разворачивавшейся писателем в литературном произведении, определял общение с читателем. Именно "читательский интерес", впечатление, которое производил такой диалог на читательскую публику, позволяли оценить его полезность и глубину» и т.д. Но и цитаций явно мало, автору желательно создать полноценный фон, который и подчеркивает актуальность и нетривиальный интерес к проблеме м.б. становления / обновления научного диалога в указанных временных рамках (отчасти и в сопоставлении с новым временем). Ссылки желательно оформить по правилам – «...» [2, стр. 456], это снимет некое напряжение относительно т.н. заимствований и «плагиата». Нужно также в русле правки скорректировать и саму текстовую раскладку – графика / начертания, например, «Зачастую ни образование, ни социальный статус, ни возраст, ни пол читателя не являлись препятствием для популяризации этих знаний, авторы таких сочинений попутно решали познавательные и учебно-воспитательные задачи в среде непрофессионального читателя [6]» [Я – верхний регистр нужно убрать]. Позиционные точки можно оставить, но и их нужно унифицировать, придать единый вид: поправить, например, «внимание авторов XVIII в. к жанрам сочинений античных философов, мода на Античность, определенным образом формировавшая европейскую культуру, сыграли важную роль в возрождении жанра литературного научного диалога [10, с. 13]. Письменные литературные научные диалоги Д. Дидро имитировали устную речь – художественный прием, применявшийся в сочинениях не впервые» и т.д. В целом разверстка вопроса понятна, но, явно усилит текст, аналитическая канва, более острая конструктивная оценка. Автор, порой, очень нейтрален и неоткрыт для диалога с читателями, а это необходимо сделать. Выводы можно в целом оставить, но финал ... «"В мире литературы Просвещения, как и в жизни этой эпохи, человек должен был иметь мужество пользоваться собственным умом" [9]. Сочинения адресованы широкой читательской аудитории, в том числе тем, кто был далек от науки, что несомненно придает им дидактический характер» стоит оформить в режиме общей направленности на дальнейшее изучение проблемы, это придаст статье некую и провокационную составляющую, либо интерес. Поэтому, данный вариант несколько не совершенен, его лучше дополнить и доработать. После внесения правки статью «Жанр литературного научного диалога во Франции XVIII века» можно будет рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Жанр литературного научного диалога во Франции XVIII века»

Статья посвящена всестороннему анализу жанра литературного научного диалога как

феномена эпохи французского Просвещения. Автор стремится показать, каким образом данный жанр, возникший на пересечении науки и литературы, стал инструментом популяризации научного знания и интеллектуальной коммуникации во Франции XVIII века. Центральное место в исследовании занимают диалоги Дени Дидро — «Разговор Д'Аламбера и Дидро», «Сон Д'Аламбера» и «Продолжение разговора», рассматриваемые в контексте просветительской идеологии, а также в сравнении с античными образцами — диалогами Платона. Таким образом, предмет работы очерчен чётко и охватывает не только литературоведческий, но и философско-культурологический аспект.

Автор применяет комплексный историко-литературный и компаративистский подход. Анализ строится на сопоставлении текстов Дидро с античными диалогами Платона, а также с трудами предшественников жанра, в частности Б. де Фонтенеля. Исследование сочетает элементы герменевтического и семиотического анализа: внимание уделено композиции, дидактическим функциям, роли персонажей, особенностям диалогической формы. Опора на широкий круг отечественных и зарубежных источников свидетельствует о серьезной теоретической подготовке автора и владении современными методами литературного анализа. Отдельного упоминания заслуживает точное воспроизведение цитат на французском языке с переводом, что делает аргументацию убедительной и академически корректной.

Работа отличается высокой актуальностью. В условиях растущего интереса гуманитарных наук к проблемам научной коммуникации, популяризации знаний и междисциплинарных форм взаимодействия литературы и науки исследование жанра литературного научного диалога XVIII века приобретает особое значение. Автор показывает, что этот жанр предвосхитил многие черты современной научно-популярной прозы и стал важным этапом в истории развития «открытой науки». Кроме того, актуальность статьи обусловлена обращением к Дидро — ключевой фигуре французского Просвещения, чьи тексты до сих пор остаются предметом научных споров и переосмыслений.

Новизна исследования заключается в системном осмыслении жанра литературного научного диалога как самостоятельного феномена, объединяющего художественные и научные формы познания. Автор убедительно демонстрирует, что диалоги Дидро не просто художественные произведения, а важный инструмент просветительской педагогики, где реализуется дидактическая и философская функция литературы. Впервые в отечественной филологии столь последовательно прослежена эволюция жанра от Фонтенеля к Дидро и выявлено его сходство и различие с платоновской моделью диалога. К оригинальным результатам можно отнести также выделение «триптиха» диалогов 1769 года как целостного философско-литературного цикла.

Текст статьи отличается четкой структурой, академической логикой и богатством фактического материала. Работа выстроена последовательно: от введения и постановки проблемы к теоретическому обзору, анализу диалогов и заключению. Стиль изложения соответствует требованиям научного дискурса — он строг, аргументированный, без излишней эмоциональности, при этом читается легко благодаря хорошей композиции и логической связности. Особо стоит отметить умелое сочетание научной терминологии и доступности изложения, а также органичное включение французских и русских цитат. Грамматические и пунктуационные ошибки отсутствуют, лишь в некоторых местах встречаются мелкие типографические огрехи (например, несогласованность пробелов перед скобками, случайная заглавная буква в слове «исследования»), не влияющие на общее впечатление.

Список литературы внушительен и включает как отечественные, так и зарубежные источники (Фонтенель, Мармонтель, Роленс, Пюжоль, Chassot, Kant, Daston и др.), что демонстрирует интернациональный характер исследования. Использованы публикации последних лет, включая статьи 2021–2025 годов, что говорит о хорошей

ориентированности автора в современной научной повестке. Библиографическое оформление выполнено корректно, с соблюдением академических стандартов (указаны DOI, EDN, страницы, языки источников).

Автор статьи проявляет академическую добросовестность в обращении к позициям других исследователей, в том числе к мнениям французских и русских литературоведов. При этом критически осмысляет существующие подходы, избегая декларативности. В тексте содержатся имплицитные полемические акценты — например, в вопросах жанровой принадлежности диалогов Дидро или трактовки их как «учебных диалогов», что придаёт исследованию дискуссионный потенциал и открывает возможности для дальнейших научных дебатов.

В заключении автор подводит итоги исследования, формулируя четкие и обоснованные выводы. Основная идея — показать литературный научный диалог как форму философской рефлексии и средство популяризации науки — раскрыта полно и убедительно. Статья представляет интерес для широкой академической аудитории: литературоведов, философов, культурологов, специалистов по французскому Просвещению, а также для исследователей научной коммуникации.

Статья отличается высоким уровнем научной культуры, методологической строгостью и логической завершенностью. Она может быть рекомендована к публикации в рецензируемом научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сухих О.С. Специфика сюжета рассказа Л.И. Бородина «Флюктуация» // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72722 EDN: AWPLMA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72722

Специфика сюжета рассказа Л.И. Бородина «Флюктуация»

Сухих Ольга Станиславовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Героя Быкова, 12, кв. 50

✉ ruslitbx@list.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.72722

EDN:

AWPLMA

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Аннотация: Объектом литературоведческого исследования является рассказ Л. И. Бородина «Флюктуация». Предметом изучения в статье становится специфика сюжета в этом произведении. Цель работы состоит в выявлении двойственности событий, составляющих сюжет рассказа. Автор статьи ставит перед собой задачу показать, что основные из них могут быть истолкованы и как обыденные, и как совершенно необычные, даже фантастические. Автор работы стремится доказать, что характер истолкования происходящего в рассказе зависит от точки зрения на главного героя, с которым анализируемые события связаны, от взгляда на суть его личности и его жизни. Также исследуется построение сюжета, в котором цепь событий не является однолинейной. Она строится как «синусоида» – переход от повествования о повседневности к тем самым событиям, в которых можно увидеть и типичное, и исключительное. Использование метода целостного анализа текста даёт возможность через призму художественной формы увидеть содержательные аспекты, определить роль сюжета в раскрытии образа героя, смысла названия рассказа и основной идеи автора, стремящегося подчеркнуть ограниченность однозначного понимания людей и событий.

Научная новизна данной статьи определяется тем, что рассказ Л. И. Бородина «Флюктуация» ранее не становился объектом подробного исследования в отечественном литературоведении, двойственность его сюжета не рассматривалась в научных работах. Изучение данного рассказа с точки зрения построения сюжета и его функций приводит автора статьи к следующим выводам. Каждое из основных событий, составляющих сюжетную линию произведения, имеет двойственный характер: оно может трактоваться и как часть повседневности, и как проявление глобального, вселенского начала, высшего смысла. В самом характере сюжета можно увидеть постоянные перепады от обыденных событий к чему-то необъяснимому. Такое построение событийной линии служит раскрытию характера героя, в котором сочетаются черты и типичного психически больного человека, и гениальной личности, наделённой сверхспособностями. Практическая значимость статьи состоит в возможности её применения в школьном и вузовском изучении литературы начала XXI в.

Ключевые слова:

Леонид Бородин, сюжет, рассказ, герой, обыденность, фантастика, человек, космос, смысл названия, двойственность

О жизненном и творческом пути Л. И. Бородина появилось много материалов в конце XX – начале XXI вв. О нём писали диссертации (Казанцева И., Рябова Т., Нестерова Л., Дружинина В., Федченко Н., Еремеева Ю. и др.), публицистические статьи, публиковались интервью с ним. О заинтересованности общества творчеством писателя со сложной судьбой говорит и тот факт, что в 1992 г. появился фильм В. Криштофовича «Женщина в море» – экранизация одноимённой повести Л. И. Бородина. В газетах, интернет-изданиях с тех пор появилось ещё много публикаций, в которых рассматриваются взгляды Л. Бородина на нравственные вопросы, жизнь общества и человека (статьи К. Кокшеневой, О. Куимова, В. Педченко, П. Басинского, Л. Аннинского и др.). Во многих публикациях рассматривался и рассматривается вопрос о судьбе Л.И. Бородина, о его противостоянии официальной советской идеологии, о его социально-политических взглядах. Одной и самых показательных в этом отношении является статья Ю. Кублановского в материалах «Бородинских чтений» (2018 г.) [1]. В свете этой темы чаще всего исследователей привлекает автобиографическое повествование Л. Бородина «Без выбора», которое видится отражением как историософских взглядов автора [2], так и социально-политических. Об этом пишут, например, Галактионова В. в статье «Правота обречённых (Леонид Бородин «Без выбора». Автобиографическое повествование)» (Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_1297.html), Сендеров В. в статье «Записки прямоходящего, или Утопия Леонида Бородина» (Новый Мир. 2004. №3) . Есть целый ряд исследований, в которых рассматриваются религиозно-философские взгляды Л.И. Бородина, например, статьи Ю. Еремеевой [3; 4], Н. Федченко [5], труд М. Дунаева (Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. VI/1. Издание 2-е, испр. и доп. М.: Христианская литература. 2004. 512 с.), а также исследуются социально-философские его воззрения, о которых пишет, например, Н. Федченко в статье «Леонид Бородин: в поисках “золотой рыбки”» (Журнал «Москва». 2013. № 11). Ряд исследований посвящён отдельным вопросам поэтики произведений этого писателя – это, например, статьи Н. Федченко и И.

Тарасовой [6], Н. Федченко [7; 8] Т. Васильевой [9; 10], Н. Цветовой [11] и др. Ещё один важный аспект творчества Л. Бородин – изображение исторических событий, что тоже интересует исследователей: например, в статье В. Дружининой [12] речь идёт об осмыслении Л. Бородиним современности через призму истории. Что касается рассказов, вошедших, как и «Флюктуация», в сборник «Киднепинг по-советски и другие рассказы», они анализируются с нравственно-философской точки зрения в монографии В. Серафимовой [13]. Однако рассказ «Флюктуация» пока не привлёк серьёзного внимания литературоведов и по сей день ждёт детального исследования. С этим связана **научная новизна** нашей статьи. С нашей точки зрения, изучение названного выше рассказа Л.И. Бородин является **актуальным**, поскольку тема зыбкой грани между реальностью и фантастикой, нормальностью и ненормальностью, раскрываемая в произведении, относится к разряду вечных и неразрешимых до конца, она интересна читателю и исследователю в любую эпоху. **Цель** работы – выявление двойственного характера тех событий, которые лежат в основе сюжетной линии произведения Л. И. Бородин. Этой цели служит использование **метода целостного литературоведческого анализа**. Рассматривая текст как неразрывное единство формы и содержания, мы можем осмыслить, как двойственность сюжета помогает глубоко проникнуть в сущность характера героя, который тоже неоднозначен, а также раскрыть смысл названия рассказа.

Как известно, сюжет – один из важнейших элементов художественной формы произведения, позволяющих проникнуть в авторский замысел. М. М. Бахтин писал о сюжете Достоевского, что у него нет завершающей функции, он призван «ставить человека в различные положения, раскрывающие и провоцирующие его» [14, с. 193]. Подобную роль играет сюжет и во многих произведениях Л. И. Бородин, в частности в рассказе «Флюктуация», где благодаря двойственности характера основных событий, составляющих действие, образ героя до конца остаётся олицетворением разных начал, их раскрытие действительно как будто провоцируется сюжетными поворотами и возможностью разной трактовки происходящего. В этом смысле «сюжет – целенаправлен» [15, с. 9]. Он становится инструментом выявления неоднозначной сути характера героя-философа, занятого осмыслением принципов жизни Вселенной и человека в ней, – это один из персонажей Л. И. Бородин, которые «мыслят и страдают на нелёгком пути оправдания собственного существования» [16].

1 . Двойственный характер основных элементов сюжета. Сюжет рассказа «Флюктуация» построен таким образом, что его основные составляющие порождают в сознании читателя **двойственное впечатление о герое** – Григории Скороходове. Его образ раскрывается в диалогах с рассказчиком и всё время сохраняет неоднозначность: этот персонаж то представляется психически ненормальным, то есть в известном смысле ущербным человеком, то кажется сверхличностью, способной понять и почувствовать гораздо больше, чем обычные люди, соприкоснуться с некими надмирными истинами. Соответственно для рассказчика этот герой предстаёт то заурядным пациентом психиатрической клиники, то личностью, окружённой фантастическим ореолом (оговоримся, что это не делает произведение в целом фантастическим, поскольку фантастика может пониматься не только как жанр, но и как приём [17], что мы и видим в данном случае). Рассказчик колеблется в оценке своего нового знакомого, а вместе с ним и читатель ступает на зыбкую почву, не может прийти к окончательному выводу: умалишённый ли перед ним или же, наоборот, человек с глубочайшим умом и

восприятием мира.

1.1. Завязкой действия в произведении становится встреча героя-рассказчика, студента-историка по имени Алексей, с Григорием Скороходовым. Их диалог на первый взгляд обрисован как разговор нормального, здорового человека и психически больного. Поскольку Алексей представлен как посетитель, а Григорий – как пациент психиатрической клиники, то такое восприятие происходящего закономерно. Так вначале понимает событие сам Алексей, и к такому же осмыслению это подталкивает читателя, поскольку мы видим героя глазами рассказчика.

К восприятию Скороходова как типичного умалишённого, какими населены психиатрические больницы, подготавливает нас экспозиция рассказа, которая дана в нарочито бытовых тонах, в грубовато-простом стиле. Это и характеристика девушки Наташки, которая «головкой заболела», хотя, по мнению рассказчика, там, по большому счёту, «и болеть нечему» [\[18, с. 346\]](#). Это и описание «психушки», куда они с другом приходят её навестить: заборчик, будка, прихожая, окрашенная в «дикий» зелёный цвет, равнодушный дежурный, комната для встреч, где с первого взгляда можно понять, кто пациент, а кто посетитель. Буквально каждая деталь подчёркивает обыденность обстановки, в которой, хотя речь и идёт о больных людях, нет ничего трагического, поразительного – всё ожидаемо, объяснимо. На этом фоне даётся портрет Скороходова, необычный, в чём-то даже пугающий, но именно это в обыденном восприятии и соответствует образу «психа»: это должен быть не такой человек, как все, ненормальный и пугающий этой ненормальностью. Рассказчик, видя его впервые, делает вывод: «Форменный псих!» [\[18, с. 348\]](#). У Григория «огромные карие глазищи» [\[18, с. 348\]](#), глубоко посаженные, как будто проваленные внутрь черепной коробки, губы настолько тонкие, что их как бы практически нет, пальцы длинные и гибкие, постоянно движущиеся. Эти портретные детали несут на себе отпечаток некой «потусторонности», и рассказчик закономерно ассоциирует отклонение от нормы во внешности человека с отклонением от нормы в психике.

С другой стороны, когда начинается диалог героев, вдруг всё отчётливее проявляется возможность совершенно иного восприятия образа «психа». Не случайно рассказчик заинтересовывается разговором и при прощании даже обещает вновь прийти и пообщаться. Всё, что говорит Скороходов, имеет свой смысл. Он рассуждает о неизмеримости Вселенной, о ничтожности человека по сравнению с ней, об удивительном, глубоком зелёно-фиолетовом цвете всей толщи космического пространства. Он говорит, что слова порой излишне длинны и люди тратят массу времени на произнесение стольких звуков. Во всём этом есть своё рациональное начало: действительно, трудно представить себе и безграничную Вселенную, и смесь зелёного и фиолетового цветов на протяжении тысяч километров. А что касается длины слов, то и сам рассказчик сокращает своё имя. Правда, слово «короче» герои используют в разных значениях. Алексей, представляясь, говорит: «Лёха, короче», и в его высказывании это вводное слово в значении «короче говоря». А Григорий воспринимает слово «короче» в его прямом значении: имя «Лёха» короче, чем «Алексей». Скороходов от этой мысли приходит к рассуждению о нерациональности длинных слов и даже предполагает, что можно вывести формулу, связывающую временные затраты с длиной слов, количеством «лишних» звуков в них. В его размышлениях нет ничего «сумасшедшего», наоборот, они очень осмысленны. Необычными их делает то, что люди не привыкли задумываться о таких вопросах в самой приземлённой бытовой обстановке, а также то, что он всё время использует в речи слово «человечий» («человечья жена», «человечьи слова»), как будто смотрит на мир

людей откуда-то извне, как будто он сам не из «человечьего» измерения.

Мысли героя о ничтожности людей по сравнению с целой Вселенной, об интуиции как единственном выражении родства человека и космоса – всё это не свидетельство сумасшествия, а, пожалуй, даже наоборот, выражение глубокого, осмысленного, философского взгляда на жизнь. И эти мысли приводят Григория Скороходова к противоречивому восприятию взаимоотношений человека и мира, Галактики: они соприкасаются, между ними есть тонкая нить связи, но они слишком различны, несопоставимы по масштабу, возможностям, значению. Именно эта несопоставимость порождает тоску в душе героя.

Рассказчик чувствует в этих рассуждениях что-то притягательное, неожиданно глубокое, поэтому первая его реакция – желание продолжить общение, и лишь потом, как будто возвращаясь в обыденный мир, он начинает сожалеть о своём обещании прийти к «психу» ещё раз. Скороходов же просто как медиум улавливает его настрой ещё до того, как сам рассказчик его осознаёт, – это ещё раз подчёркивает глубину восприятия мира этим «психом».

Первый диалог героев, таким образом, производит **противоречивое впечатление**. Сначала он видится как разговор **нормального человека с сумасшедшим**, а затем – как общение **заурядной личности с незаурядной**. А Григорий Скороходов, сначала предстающий «форменным психом», в дальнейшем трансформируется в умного и интересного человека, способного увидеть и понять больше, чем остальные.

1.2. Диалог персонажей во время их второй встречи подтверждает двойственное впечатление, о котором говорилось выше. «Псих» говорит такие вещи, которые с точки зрения обыденного сознания могут быть восприняты как бред сумасшедшего: астрономия – «туфтовая наука» [\[18, с. 353\]](#); смешно считать плоть человека протоплазмой, ведь «прото» – значит «первый» или «высший», тогда как человек – ничтожное существо; эйнштейновская теория – «суждения таракана о природе человеческой натуры» [\[18, с. 354\]](#) и т.д. С другой стороны, как и в первом диалоге, здесь можно увидеть в словах «психа» философскую глубину: человеческая природа несовершенна, астрономия не объясняет и сотой доли тайн Вселенной, упрощает их до «человеческого измерения», и получается, что нет объективной науки о космосе, а есть лишь «наука о том, как космос видится человеку» [\[18, с. 356\]](#).

Рассказчик, который не в силах опровергнуть рассуждения своего нового знакомого, приходит к мысли, что Скороходов «или... вовсе не псих, или суперпсих» [\[18, с. 354\]](#). То есть он или здоров, просто не похож на остальных по своему восприятию мира, или его болезнь настолько масштабна, что выводит его за рамки категории типичных психически больных людей. Но кто знает, может быть, и здоровье можно понять как выход за рамки, заданные болезнью? Не случайно рассказчик признаёт, что по привычке называет Скороходова «психом», как будто навязывая самому себе такое восприятие этого человека, **как будто запрещая себе давать ему иное определение, хотя в душе уже склоняется именно к иному**.

1.3. Эпизод поисков «знака», который космический разум должен дать Скороходову, оборачивается, как и диалоги героев, разными гранями, и они отмечены разными смыслами. Рассказчик, вопреки своему скептицизму, по просьбе «психа» заглядывает в сделанный последним тайник и находит необычный, зелёно-фиолетовый, излучающий тепло камень, который затем исчезает.

Всё в этом эпизоде двойственно.

Вполне вероятно, что камень попал в углубление в столбе благодаря действиям человека, но, с другой стороны, «псих» верил, что именно в этом тайнике окажется космический «знак» – и он там появился, а в этом уже проступает что-то фантастическое, то есть, по определению исследователей, то, чего по нашим представлениям не может быть в реальности [\[19\]](#).

Геолог, приятель рассказчика, подтверждает, что камень нетипичного вида и плотности. С материалистической точки зрения это ещё не чудо: в природе случаются необычные феномены, своего рода флуктуации. Но природа этого камня так и осталась необъяснённой, поэтому его образ окружён фантастическим ореолом.

Пропажу камня рассказчик старается объяснить себе тем, что его украл в автобусе воришка. В этом уж точно нет ничего фантастического, но, с другой стороны, какой обычный преступник будет воровать камень, который не представляет материальной ценности? Исчезновение камня, как и его появление, порождает мысли о фантастическом, необъяснимом, по крайней мере, с точки зрения человеческого разума, «эвклидовского», как говорил Иван Карамазов у Достоевского.

И вновь мы видим, как **возможность разных толкований события влечёт за собой возможность различного восприятия образа Григория Скороходова** – «психа» или же действительно необычного человека, имеющего некую связь с космическим разумом.

1.4. Финал произведения, где рассказчик узнаёт, что Скороходов исчез из «психушки», вновь является двойственным по своей сути. Друг Алексея объясняет событие в приземлённом духе: «псих» сбежал, и разыскивать его не собираются, считая безопасным и тихим. Сам же Алексей высказывает догадку, что Скороходова вновь «забрали» в космос, на что тот и рассчитывал, даже мечтал об этом. Контраст двух толкований события подчёркнут разными значениями слова «забрали». Друг спрашивает, за что забрали Григория, и слово сразу приобретает сниженный оттенок, который бросает соответствующую тень и на само событие. Рассказчик же отвечает, что забрали Скороходова не «за что», а «куда», то есть в пространство космоса, в которое он так стремился и где чувствовал истинный смысл всего и вся. Такое значение слова освещает и событие совсем иным светом, фантастическим и высоким. Точно так же слова Алексеева друга о том, что всё произошло по закону (с чем и соглашается рассказчик), «отсвечивают» разными смыслами. Для говорящего это означает, что если Григория «забрали» в милицию за какое-нибудь хулиганство, то всё справедливо. Для рассказчика же «закон» в данном случае приобретает значение и масштаб закономерности жизни космоса: благодаря космическому разуму Скороходов оказался там, где его настоящее место.

Конечно, можно понять высказывание Алексея как фантазию подвыпившего студента, «отмечавшего» окончание сессии. Это склонит чашу весов в пользу прозаической трактовки произошедшего. Но стоит обратить внимание на то, что, когда рассказчик узнал об исчезновении «психа», первая его мысль была о новом путешествии Григория Скороходова в космос, а значит, в душе он всё-таки поверил в фантастическую суть событий и «космическую» судьбу своего странного знакомого, как ни восставали против этого его материалистические убеждения. Как видим, финал рассказа ещё раз подтверждает **возможность двойного толкования истории Григория Скороходова и самой его личности**.

Во всех приведённых нами эпизодах автор сталкивает, точнее, **сливает воедино**

противоположные понимания происходящего: реально-бытовое и фантастически-мистическое. Текст построен писателем так, что исчезает, **не просматривается чёткая грань между этими началами.** То же касается и образа Скороходова: он и воспринимается и как «псих», и как «сверхчеловек».

2. Колебания сюжетной линии.

Сюжетная линия, вроде бы простая и небогатая событиями, на уровне философско-психологическом состоит из нескольких крутых виражей, характеризуется постоянным движением от обыденности к космическим категориям и обратно. Если понимать сюжет произведения как «динамический строй» [20, с. 15], как «динамический аспект инкарнации смысла» [21, с. 3], то в рассказе Л. И. Бородина «Флюктуация» он вдвойне динамичен: перед нами не только движение событийной линии, но и **колебания самого характера сюжета, а вместе с ним – и стиля, и восприятия рассказчиком героя.**

Сначала даётся прозаически сниженная экспозиция – затем представлены философски возвышенные рассуждения о величии Вселенной и ничтожности человека в ней. Далее следует возвращение рассказчика в повседневность, общение с друзьями, из разговора с которыми он узнаёт, что «псих» попал в клинику, когда его бросила невеста. Повествование обретает прозаически-обыденную окраску. Персонажи погружаются в обсуждение сугубо земных реалий, планов на жизнь – и неожиданно проступает нить связи с фигурой «психа». Образ Наташки, в которую влюблён друг рассказчика и которая лечится в «психушке» вместе с Григорием Скороходовым, связывает «психа» и обычных людей: влюблённый юноша своими самозабвенными мечтами, своей поглощённостью чувством напоминает Алексею «психа», с которым ему довелось пообщаться. Эта параллель в тексте мотивирует новое обращение к образу Скороходова, которое уже дано в духе необычном, если не сказать мистическом. Мы узнаём о том, что воспоминание о разговоре с Григорием не оставляет рассказчика, хотя тот вовсе не стремится думать об этом, даже внутренне отторгает это воспоминание, но оно его преследует, а однажды приводит к тому, что он совершенно неожиданно бросает повседневные дела и едет на новую встречу с «психом».

Здесь сюжетная линия снова делает вираж – перед нами вновь картина, в которой нет ничего необычного, поразительного, «космического»: клиника, охранник, «комнатуха» для встреч, врач – женщина крепкой комплекции. Всё нарочито прозаично. А далее, во втором диалоге с Григорием, – вновь поворот к необычному, неожиданному, вселенскому.

Апогей развития мысли Скороходова – это его заявление о пребывании в космосе и контакте с разумом Вселенной. Здесь наполненность сюжета фантастическим началом наиболее высока. Но тут же происходит крутой поворот к обыденности: именно слова Григория о контакте с космосом убеждают рассказчика в том, что его собеседник – самый типичный сумасшедший: «... псих прокололся по полной программе. Теперь с ним проще» [18, с. 357]. Прежние суждения Скороходова о космосе и человеке производили, конечно, впечатление заикленности, практически маниакальной сосредоточенности на этой тематике, но такой настрой можно было объяснить глубоким интересом к подобным вопросам, полной погружённостью в философию, физику. Это выходит за рамки обычного, но нет оснований назвать такое нереальным, и подобное поведение ещё не делает человека психически больным. Поэтому рассказчик, ведя диалог с этим героем, каждый раз не мог точно решить для себя вопрос: а действительно ли тот сумасшедший? Утверждение же Скороходова, что он побывал в космосе и соприкоснулся с мировым

разумом, уже находится за гранью привычной нам реальности – для рассказчика оно становится несомненным свидетельством того, что перед ним «псих». Вроде бы вопрос решён. Однако следующий поворот сюжета дискредитирует именно это «несомненное» доказательство. Казалось бы, сюжет окончательно «съехал» на обыденные рельсы, но именно за этим следует кульминация – фантастический виток повествования. Рассказчик – вновь как будто неожиданно для себя – забывает о повседневных заботах и бросается искать космический «знак» в тайнике, на который указал «псих». И знак в виде необычного камня находится, но странным способом потом исчезает, а вскоре пропадает из клиники и Скороходов.

Как видим, **сюжетная линия постоянно колеблется от одного полюса к другому**: от обыденного к фантастически-мистическому. Такое сюжетно-композиционное построение рассказа помогает автору подчеркнуть двойственность происходящего, а также всё время проявляющуюся **возможность разного осмысления образа Григория Скорохова**.

На этом фоне и портретные детали (большие, тёмные, глубоко посаженные глаза, длинные ресницы, тонкие и гибкие пальцы), которые в начале рассказа способствовали восприятию Скорохова как «психа», могут быть поняты и по-другому – как отражение глубины мысли, душевной тонкости, сосредоточенности не на внешнем, а на внутреннем. А его тонкие губы, которых как будто вообще невидно, вызывают ассоциацию с невозможностью до конца выразить нетипичное восприятие мира, ведь сам Скороходов замечает, что вынужден говорить о высших реалиях обычными человеческими словами, а это не даёт возможности ясно передать глубинную суть мысли.

И заключение рассказчика при первой встрече со Скороховым: «Форменный псих!» [\[18, с. 348\]](#) – является точным в речевом плане: герой выглядит «психом» с точки зрения «формы» – внешнего вида, поведения, неожиданной тематики разговоров, не характерной для «среднестатистического» человека. Но с точки зрения «содержания» – внутреннего мира – Григорий Скороходов является нетривиальной личностью, по-своему чувствующей связь с миром.

Итак, мы приходим к следующим выводам. Сюжет рассказа «Флюктуация» можно назвать двухплановым. Во-первых, **каждый значительный элемент сюжета порождает двойственное впечатление**, поскольку поведение и слова героя можно истолковать и в плане приземлённом, **обыденном**, и в плане **фантастическом**, надмирном. Изображая поведение, психологическое состояние, размышления рассказчика, писатель в каждое событие закладывает потенциал двойного истолкования, будто провоцирует читателя рассмотреть происходящее в разных ракурсах. Во-вторых, **построение сюжета** таково, что линия повествования движется подобно маятнику: **от обыденного к фантастическому**, вселенскому, мистическому. Рассказчик то погружён в повседневность, то соприкасается с каким-то надмирным началом, а вместе с ним это делает и читатель.

И та, и другая особенность сюжета в художественном плане работает на **создание образа Григория Скорохова, который предстаёт живым противоречием**: вроде бы он типичный «псих», но его можно понять и как человека наделённого необычными свойствами, даже близкими к гениальности. Не случайным является резкий диссонанс между обычным, вполне тривиальным именем героя – Григорий Скороходов (он сам называет его «нелепым обозначением человеческого существа» [\[18, с. 350\]](#)) – и необычностью тех мыслей, которые он выражает. С одной стороны, в его высказываниях и поведении есть такие черты, которые в сознании большинства людей связываются с

сумасшествием, потому и есть соблазн объяснить его мировосприятие в банальном духе – болезнью. С другой стороны, в тех же высказываниях можно увидеть свидетельство глубокого проникновения в тайны космических пространств и какого-то интуитивного знания, неизмеримо большего, чем сведения из всех учебников по астрономии. Именно поэтому рассказчик всё время думает об этом человеке, стремится к общению с ним, выполняет его просьбы, чувствуя в нём нечто не просто интересное, а действительно поднимающее человека над земной жизнью.

Такой образ героя актуализирует для читателя вопрос о том, как вообще можно оценить нормальность / ненормальность и что же следует считать нормой. Прямого, сформулированного автором или рассказчиком ответа на этот вопрос мы в рассказе не найдём, поскольку здесь, как и во многих произведениях Л. И. Бородина, «автор избегает прямой экспликации собственного художественного видения» [6, с. 41]. Это тот случай, когда «смысл вырабатывается самим читателем» [22], который в соответствии с собственными представлениями и творческими способностями, можно сказать, строит в своём сознании сюжет читаемого произведения [23], хотя «вектор» и даёт ему «смыслообразующая интенция самого автора» [23, с. 13].

Постановка вопроса о границах нормальности / ненормальности влечёт за собой и разное понимание **смысла названия** рассказа Л. И. Бородина.

Флюктуацией называют отклонение какой-либо величины от типичного её значения (Большая российская энциклопедия), отход от нормы (Словарь иностранных слов. Комлев Н. Г., 2006).

В рассказе Л. И. Бородина, с одной стороны, «флюктуация» – это Григорий Скороходов на фоне остальных людей, представляющих собой норму – так сказать, среднее значение понятия «нормальный человек», от которого герой отклоняется. **Такое истолкование смысла названия возможно благодаря реально-бытовому плану сюжета**, в котором герой, с его мыслями о космическом разуме, предстаёт «психом».

С другой стороны, в понимании Скороходова «флюктуация» – это человечество по отношению к космосу. Герой убеждён, что наша цивилизация – это «случайный, побочный продукт совершенствования космоса» [18, с. 352]. Человек, привыкший считать себя высшим существом по отношению к природе, окружающему миру, в действительности лишь песчинка во Вселенной, лишь флюктуация в жизни космоса. **Такое понимание смысла название происходит из возможного восприятия Скороходова как глубокого философа**, как гения, знающего некую истину, недоступную другим.

Таким образом, двойственность сюжета взаимосвязана и с противоречивостью героя, и с разными планами смысла названия рассказа. В целом всё это даёт возможность глубже проникнуть в замысел автора, стремящегося показать, что однозначное истолкование характеров и событий является обманчивым и всегда возможна другая трактовка, а значит, **восприятие личности и события не должно быть прямолинейным**, нужны многомерность и глубина, чтобы приблизиться к истине.

Библиография

1. Кублановский Ю. «Без выбора»: неволя, нищета, счастье... // Бородинские чтения. Выпуск 3. Материалы научно-практической конференции (Москва, 17 мая 2018 г.). //

- Русское поле. 2020. <http://golos.ruspole.info/node/12689> (дата обращения: 03.11.2024).
2. Даренский В. Ю. Историософские размышления Леонида Бородина в автобиографическом повествовании «Без выбора» // Ортодоксия. 2023. № 1. С. 32–57.
3. Еремеева Ю. Человек и время в поэзии Л.И. Бородина // Бородинские чтения. Выпуск 3. Материалы научно-практической конференции (Москва, 17 мая 2018 г.). // Русское поле. 2020. URL: <http://golos.ruspole.info/node/12689> (дата обращения: 03.11.2024).
4. Еремеева Ю. А. Литературное творчество как особая «форма религиозности» (Л.И. Бородин) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3 (36). С. 278–281.
5. Федченко Н. Л. Храм как духовный контекст для героев прозы Леонида Бородина // Universum: Филология и искусствоведение: Электрон. научн. журн. 2018. № 7(53). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6137>.
6. Федченко Н. Л., Тарасова И. И. Пространственные категории и их роль в характеристике образа героя в прозе Л. Бородина (на примере «Повести о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефедова») // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 2. Т. 2. С. 40–49.
7. Федченко Н. Л. Символизация в произведениях Леонида Бородина (на примере повести «Третья правда») // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки. Сб. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. Том № 3 (7). 2018. С. 56–60.
8. Федченко Н. Л. Авторская типология героев в повествовании Леонида Бородина «Полюс верности» (в контексте «лагерной» прозы) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева 2021. № 1. Т. 1. С. 57–65.
9. Васильева Т. И. Динамика концептосферы Л. И. Бородина // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 28 (282). С. 42–47.
10. Васильева Т. И. Кинематографичность прозы Л. И. Бородина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. С. 332–336.
11. Цветова Н. С. Л. И. Бородин в поисках третьей правды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 4. С. 697–712.
12. Дружинина В. Повесть Л. Бородина «Царица смуты» в контексте дискуссии о новой исторической прозе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 18–21.
13. Серафимова В. Д. Поэтика прозы Л. И. Бородина: диалог с культурным пространством. М.: ИНФРА-М, 2021.
14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
15. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
16. Калус И. Игры «Доброй неволи», или Философия духовного бытия в прозе Леонида Бородина // Бородинские чтения. Выпуск 3. Материалы научно-практической конференции (Москва, 17 мая 2018 г.). // Русское поле. 2020. URL: <http://golos.ruspole.info/node/12689> (дата обращения: 03.11.2024).
17. Коробейникова Ю. О фантастике и фантастической литературе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 507–509.
18. Бородин Л. И. Флюктуация // Бородин Л. И. Киднепинг по-советски и другие рассказы. М.: Изд-во журнала «Москва», 2012. С. 346–362.
19. Заваркина М. В. Фантастика, миф и эсхатология в повести А. Платонова «Эфирный тракт» // Проблемы исторической поэтики. 2022. № 20 (4). С. 224–251.
20. Левитан Л. С., Цилевич Л. М. Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990.
21. Подковырин Ю.В. Смысловые параметры сюжета литературного произведения //

Litera. 2023. № 6. С.1-12. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40933 EDN: HVPHTH URL: https://e-notabene.ru/fil/article_40933.html

22. Рымарь Н. Т. Проблема «Авторского сюжета» // Новый филологический вестник. 2006. № 2 (3). С. 189–194.

23. Силантьев И. Сюжет и смысл. М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена произведению Леонида Бородина, который, с одной стороны, уже давно известен российской читательской аудитории, но, с другой стороны, мало изучается в вузах и тем более школах, по сравнению с такими писателями второй половины XX века, как, например, А.И. Солженицын или В. Распутин. Практическая значимость рецензируемой статьи как раз состоит в возможности её использования в преподавании русской литературы XX века.

Всплеск интереса к Л. Бородину был в 1990-е годы, но мотивировался он, к сожалению, в основном драматической биографией писателя-диссидента. Творчество же этого автора, а тем более поэтика отдельного произведения изучены далеко не полно – с этим связана актуальность рецензируемой статьи, ведь отечественное литературоведение до сих пор заполняет лакуны в осмыслении художественного мира писателей, ставших открытием для нас в конце XX – начале XXI в.

Научная новизна данной статьи определяется тем, что анализируемый в ней рассказ Л. Бородина «Флюктуация» ранее не являлся объектом подробного изучения в литературоведческих работах. В диссертациях, статьях и монографиях изучается малая проза Л. Бородина, но рассказ «Флюктуация» не оказывается в центре внимания.

В рецензируемой работе это произведения изучается с точки зрения характера сюжета и особенностей его «конструкции». Автор делает вывод, что писатель чередует в своём рассказе изображение повседневной жизни и контрапунктные события, определяющие для структуры основной линии повествования, и это такие эпизоды, которые можно толковать по-разному. С одной стороны, в том, что происходит с героем, можно видеть типичную историю психической болезни, когда человек маниакально сосредоточен на космическом разуме. С другой стороны, автор статьи обосновывает мысль о том, что в этих событиях проявляется «сверхчувство», «сверхидея», а сам герой, носитель этих начал, может быть гением, способным познать мир с наибольшей глубиной.

Тезисы автора статьи получают подтверждение анализом текста, хорошо продуманным и аргументированным.

Работа чётко структурирована, что способствует лучшему восприятию идей автора.

В финальной части статьи делается обоснованный вывод о взаимосвязи характера сюжетной линии рассказа «Флюктуация» со смыслом его названия. Его можно понимать как отсылку к образу главного героя, который на первый взгляд воспринимается как отклонение от нормы из-за необычных взглядов и поведения. Но название можно понимать и как отсылку к образу космоса, по отношению к величю которого всё человечество лишь «флюктуация».

Также автору работы удаётся доказать, что сюжет анализируемого рассказа является для Л. Бородина одним из основных средств характерологии, так как сочетание

обычного и необычного отражает суть образа главного героя.

В целом рецензируемая работа является аргументированным исследованием и заслуживает публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Д. От критики до признания: диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.74787 EDN: AVCDCH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74787

От критики до признания: диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае

Ли До

кандидат филологических наук

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 15

✉ liduo1805162154@126.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.74787

EDN:

AVCDCH

Дата направления статьи в редакцию:

10-06-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена всестороннему исследованию восприятия, интерпретации и перевода поэзии Евгения Евтушенко в Китае на протяжении более шестидесяти лет. Основное внимание уделяется трансформации отношения китайских исследователей к личности и творческому наследию поэта в зависимости от изменения социально-политической обстановки, идеологических установок различных исторических этапов, а также в контексте интенсификации культурного диалога между Китаем и Россией. В статье прослеживается эволюция литературной оценки — от периода официальной критики и идеологического неприятия до признания его поэтического таланта, художественного мастерства и гражданской позиции. Отдельно рассматривается роль переводов и личных встреч с поэтом в формировании более глубокого и разностороннего восприятия его творчества в Китае. Используется комплексный междисциплинарный подход, объединяющий историко-литературный анализ, сравнительное литературоведение, переводоведческий и культурологический методы. Научная новизна статьи заключается в комплексном освещении диахронической

трансформации восприятия Евгения Евтушенко в китайском культурном и академическом пространстве. Показано, что с изменением общественно-политических условий в Китае изменялись и подходы к интерпретации его поэзии: от негативной критики до позитивной переоценки. Подчёркивается рост интереса к разнообразным аспектам его творчества, включая не только политическую поэзию, но и лирические, философские и автобиографические произведения. Анализ подтверждает устойчивый интерес китайских исследователей к Евтушенко как к поэту с универсальной системой ценностей, гуманистическим мировоззрением и уникальным поэтическим стилем. Выводы подчеркивают, что его творчество не только получило признание, но и сыграло значительную роль в развитии китайского литературоведения, расширяя его методологические горизонты и тематическое разнообразие.

Ключевые слова:

китайско-российские культурные обмены, Евгений Евтушенко, поэзия, перевод, восприятие, литературные концепции, оценка, социально-политический контекст, комплексный междисциплинарный подход, китайская академическая среда

Введение: Евгений Александрович Евтушенко (1932-2017) - выдающийся русский поэт середины и второй половины XX века, один из ярких представителей так называемой «громкой» поэзии. Его творчество охватывает широкий спектр тем - от личных переживаний до остросоциальных и политических вопросов, отражая разнообразие поэтических форм и художественных приёмов. Евтушенко сыграл значительную роль не только в развитии отечественной литературы, но и завоевал признание за рубежом, став одним из символов русской поэтической культуры на мировой арене.

Как отметил мэр Москвы Сергей Собянин в день его ухода из жизни: «Вместе с Евгением Евтушенко ушла целая эпоха. Это был великий поэт. Светлая память. Соболезную семье и близким» [\[1\]](#). Эти слова точно отражают масштаб личности поэта и его влияние на культурное сознание нескольких поколений.

Данное исследование посвящено изучению истории восприятия и оценки творчества Евтушенко китайскими академическими кругами. В фокусе анализа - трансформация подходов к его произведениям в разные исторические периоды, от идеологически окрашенной критики к признанию его литературной и гуманистической значимости. Работа направлена на осмысление процесса встраивания Евтушенко в контекст китайской литературной мысли, а также призвана способствовать углублению культурного и литературного диалога между Китаем и Россией. Исследование имеет важное значение для расширения академического взаимодействия и достижения научного консенсуса между исследователями двух стран.

Методологическая база исследования основана на междисциплинарном подходе, включающем общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический подходы, социокультурный и культурно-исторический анализ, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа.

Исследование опирается на материалы, связанные с развитием китайско-российских социальных и исторических отношений за более чем 60 лет - с момента появления произведений Евтушенко в Китае. Используются как эмпирические данные об исследованиях его творчества в китайских академических кругах, так и оценки, данные

его личности и произведениям, включая анализ переводов его поэзии на китайский язык. Временная шкала процесса признания Евтушенко в Китае условно делится на четыре этапа.

1) 1960–1970-е годы: отрицание и субъективная критика

Произведения Евгения Евтушенко впервые были представлены китайскому читателю в 1960-х годах - в период обострения китайско-советских отношений. На фоне идеологического разрыва с Советским Союзом в Китае развернулась широкая кампания критики так называемого «советского ревизионизма». В рамках идеологической борьбы Отдел пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая поручил ряду крупных издательств подготовить и выпустить серию зарубежных литературных произведений, доступных только в ограниченном количестве и предназначенных исключительно для внутреннего пользования. Эти издания получили неофициальное название «жёлтые книги» и служили материалом для критики и идеологической обработки.

В числе таких публикаций оказалась книга «"Бабий яр" и другие - избранные стихотворения молодых советских поэтов», изданная в 1963 году издательством «Писатель». В сборник вошли 14 стихотворений Евгения Евтушенко, в том числе «Наследники Сталина», «Свадьбы», «Бабий яр», «Хотят ли русские войны», «Россия и Куба», «Наш-то нигилист» и другие. Эти произведения, обладающие яркой публицистической направленностью, рассматривались как художественное выражение «советского ревизионизма» и потому были отобраны для публикации в критическом контексте. В издании также приводились фрагменты зарубежной критики, направленной против Евтушенко, что усиливало негативную интерпретацию его творчества [\[2\]](#).

Под влиянием официальной идеологической линии восприятие Евтушенко в китайском академическом сообществе носило откровенно политизированный характер. Так, в 1975 году китайские исследователи Чжоу Цицзя, Чжан Юйлинь и Лю Яньчжао охарактеризовали поэта как представителя «новой буржуазии», чьё творчество, по их мнению, «ослабляет революционную волю советского народа» и «подобно ржавчине, разъедает души людей» [\[3\]](#).

Ограниченные культурные контакты с зарубежным миром, а также строгий контроль над информацией в тот период способствовали формированию предвзятого и одностороннего восприятия Евтушенко в Китае. Такая негативная оценка поэта сохранялась почти два десятилетия, оставив значительный след в литературной критике и академической среде страны.

2) 1980-е годы: принятие и объективная оценка

С окончанием Культурной революции в Китае возобновилось распространение русской и советской литературы. Имя Евтушенко вновь появилось в Китае - на этот раз с новым, позитивным, признанным и восхваляемым имиджем. Эту поразительную переоценку исследователь Хун Цзычэн объясняет применением методов «устранения политизации» и «повторной политизации», характерных для современного периода [\[4\]](#).

Особый переломный момент произошёл в октябре 1985 года: в составе делегации советских писателей Евтушенко посетил Китай и принял участие в поэтическом вечере, организованном Ассоциацией писателей Китая и журналом «Поэзия». После этого интерес к Евтушенко в стране начал постепенно возрастать.

Прежде всего, в области перевода стали один за другим появляться переводы произведений Евтушенко на китайский язык. В 1986 году был опубликован роман «Ягодные места» [5]. В том же году вышли переводы семи стихотворений, таких как «Женщинам» и «Качался старый дом» [6].

В 1987 году в Китае была издана книга «Избранные стихи Евтушенко», в которую вошли 111 коротких стихотворений, в том числе «Бабий Яр», «Свадьбы», «Хотят ли русские войны», а также две поэмы - «Мама и нейтронная бомба» и «Дальняя родственница» [7]. Кроме того, в сборник был включён перевод эссе «Воспитание поэзией» на китайский язык.

Книга открывается двумя вступлениями. Первое, озаглавленное «Музыка мысли - китайским читателям», принадлежит самому Евтушенко и представляет собой обращение автора к китайской аудитории. Второе вступление написал переводчик Су Хан. Он дал содержательную характеристику поэзии Евтушенко, основываясь, в частности, на высказывании критика Е. Сидорова: «Поэзия Евтушенко - это как бы кардиограмма времени» [8]. Эту метафору Су Хан использует в заголовке своего эссе - «Электрокардиограмма советского общества: о поэзии Евтушенко».

Су Хан подчёркивает, что, несмотря на полярность мнений - как со стороны сторонников, так и оппонентов поэта, - его талант был признан всеми. По словам переводчика, Евтушенко обладал острым политическим чутьём и смелостью, впервые используя поэзию как форму гражданского высказывания, своего рода оружие в борьбе с социальными и политическими проблемами. В эссе «Считайте меня коммунистом!» он открыто заявил свою позицию и стремление к справедливости [9].

Су Хан также дал характеристику индивидуальному стилю Евтушенко, отметив, что поэт не склонен «довольствоваться своим жребием», а стремится к поиску «нового языка». Он активно использует яркие и острые образы, приближая свою поэзию к публицистике и сатире, выступая против пошлости, мещанства и социальных пороков. Это свидетельствует о высоком уровне гражданской ответственности и внутренней этики поэта. В отношении любовной лирики Су Хан отметил её искренность и глубину, особо подчеркнув эмоциональную достоверность. В то же время он критически признал, что некоторые произведения Евтушенко под воздействием политической эпохи оказались не столь удачными.

С расширением переводов произведений Евтушенко на китайский язык китайское литературоведение также стало уделять больше внимания его творчеству. В этот период появляются первые критико-аналитические статьи, посвящённые его поэзии, общественной деятельности и вкладу в современную советскую литературу.

В 1988 году китайский литературовед Ван Шоужэнь опубликовал в научном журнале статью «Евтушенко и его поэтическое творчество», в которой дал всестороннюю и высокую оценку таланту, социальной ответственности, стилю и уникальности поэта.

Прежде всего, исследователь подчеркнул выдающийся литературный дар Евтушенко и своеобразие его поэтического стиля. По его мнению, творчество поэта насыщено правдой, оригинальными идеями и искренними эмоциями, которые способны вдохновлять читателей и вызывать у них глубокие размышления. Евтушенко, по словам Ван Шоужэня, расширил горизонты советской поэзии, открыв в ней новые тематические и художественные направления. Он рассматривается не только как один из самых влиятельных поэтов Советского Союза, но и как автор с мировым признанием.

Особое внимание Ван Шоужэнь уделяет чувству социальной ответственности поэта. Он отмечает, что Евтушенко глубоко сопереживает судьбе простых людей, открыто выражает своё мнение по общественно значимым вопросам и не боится критиковать пороки эпохи. Его поэзия отличается публицистичностью, эмоциональной насыщенностью и прямоотой. Автор называет этот стиль проявлением личной миссии поэта, а также свидетельством его выдающихся способностей к публичному выступлению. Тем самым Евтушенко открыл новую страницу в развитии поэтической речи и социальной лирики.

Вместе с тем, несмотря на признание заслуг поэта, Ван Шоужэнь остаётся объективным в оценке его творчества. Он указывает, что при всей тематической значимости стихов Евтушенко, некоторые из них страдают поверхностностью и недостаточной художественной глубиной. В отдельных случаях ощущается стремление к внешним эффектам, звуковым приёмам и эмоциональной экспрессии в ущерб содержательному наполнению. Эта критика подчёркивает стремление китайских исследователей не только восхищаться, но и глубоко анализировать художественные достижения Евтушенко в контексте его времени.

Анализируя поэтический стиль Евтушенко, Ван Шоужэнь отмечает его способность интегрировать лучшие традиции различных литературных школ. Поэт, по мнению исследователя, унаследовал публицистическую силу Маяковского и лиризм Есенина, а также демократическую направленность поэзии Некрасова. Он также развивает ораторский стиль и использует его как инструмент социальной критики. В его произведениях можно обнаружить отголоски эстетики Пушкина, глубины Ахматовой и философичности Пастернака.

Учёные подчёркивают новаторский характер поэтического искусства Евтушенко. Он отказывается от стереотипного образа идеализированного героя, разрушая эстетические рамки советского соцреализма. Вместо этого он обращается к внутренним противоречиям, конфликтам, сомнениям, соединяя поэзию с философским поиском. Таким образом, он открывает новое пространство художественного мышления, лежащее на стыке лирики, публицистики и экзистенциальной рефлексии.

Особое внимание исследователи обращают на глобальное мышление поэта. Евтушенко не ограничивается национальной повесткой: в центре его внимания находятся судьбы человечества, мировые конфликты и общечеловеческие ценности. Как подчёркивает Ван Шоужэнь, «антивоенная тематика и защита мира являются ключевыми в его творчестве, определяя его как поэта-гуманиста с глобальной гражданской позицией» [\[10\]](#).

В том же году вышел в свет китайский перевод «Избранных стихотворений Евтушенко» в исполнении самого Ван Шоужэня, включающий 106 стихотворений. В предисловии к сборнику он особо отметил гуманистический дух поэта, сравнив Евтушенко с Прометеем, готовым жертвовать собой ради блага человечества: «Он готов приносить пользу человечеству, как Прометей, даже если его печень клонет горный орёл Кавказа» [\[11\]](#).

На основе перевода Ван Шоужэня исследователь Лоу Чжаоин провёл детальный анализ десяти стихотворений Евтушенко, в числе которых «Ракеты и телеги», «Ты спрашивала шёпотом: "А что потом? А что потом?"», «И другие» и «Россия, я тебя люблю». Исследование охватывало такие аспекты, как жанр, стиль, содержание, художественные приёмы и философская идея. Лоу Чжаоин высоко оценил поэта, подчеркнув его верность гуманистическим идеалам и выразив восхищение его творческой силой: «Поэт высоко поднял флаг гуманизма, используя кровь как перо, а тушь - как средство

очищения мира от грязи» [\[12\]](#). Это не только оправдывает имидж Евтушенко, но и обогащает восприятие его произведений в Китае.

Тем временем продолжалась работа над переводами. В 1988 году был издан ещё один сборник - «Избранные лирические стихотворения Евтушенко» в переводе Чэнь Сюна и Сюэ Фу. В него вошло 60 стихотворений, включая «Перед встречей» и «Море» [\[13\]](#), что способствовало дальнейшему распространению поэзии Евтушенко в Китае.

Кроме того, учёные Бай Ди и Гуань Юань в своих кратких исследованиях представили как поэтическое творчество Евтушенко [\[14\]](#), так и его общественную деятельность [\[15\]](#), усилив тем самым культурный интерес к его личности.

Со сменой политического курса Китая и укреплением культурных связей с СССР, русская литература вновь начала активно распространяться в стране. Переводы произведений Евтушенко выходили один за другим, а китайские исследователи всё более объективно и всесторонне анализировали его творчество. В результате этого процесса имя Евгения Евтушенко приобрело устойчивую положительную репутацию в Китае, а его произведения нашли широкий отклик среди китайских читателей и литературоведов.

3) 1990-е годы - XXI век: всестороннее понимание и дальнейший разбор

Начиная с 1990-х годов, на фоне постепенной нормализации китайско-российских отношений, перед Евгением Евтушенко открывались новые возможности для расширения влияния в Китае. Однако в этот период он эмигрировал в США в рамках так называемой «четвёртой волны» российской эмиграции, что, безусловно, повлияло на снижение его личного присутствия и актуальности в китайском литературном пространстве.

Показательно, что в 1990-х годах Джиди Мацзя - известный китайский поэт и заместитель председателя Союза китайских писателей - во время визита в Россию выразил явное желание встретиться с Евтушенко. Однако встреча не состоялась из-за проживания поэта в США. Как отмечает Чжан Мэйюнь, хотя Евтушенко продолжал литературную деятельность, постепенно внимание китайской аудитории сместилось, и его имя стало всё реже появляться в публичном поле: «Хотя он продолжал писать и после того, как поселился в США, возможно, что он вступил в новый век, и внимание читателей сместилось. Кроме того, поэт в основном занимается преподавательской деятельностью в США, и новых шедевров нет, - постепенно поэт исчезает из поля зрения наших читателей» [\[16\]](#).

Это отражается и в количественном сокращении переводов. В 1991 году вышел сборник «Свадьбы - Избранные стихи Евтушенко», включающий 53 стихотворения [\[17\]](#). В 1998 году был опубликован перевод «Преждевременной автобиографии» [\[18\]](#), а в 1999 - китайская версия произведения «Не умирай прежде смерти» [\[19\]](#). Однако общий объём переводимой литературы Евтушенко в этот период был значительно меньше, чем в 1980-х годах.

Тем не менее, несмотря на снижение популярности, китайские литературные круги не утратили интереса к Евтушенко. Более того, в это время начались более глубокие и комплексные исследования его творчества. Ученые стремились понять не только художественные особенности поэзии Евтушенко, но и внутреннюю эволюцию его творческой личности в контексте политических и культурных перемен.

Так, в 1996 году российский литературовед Лю Вэньфэй подчеркнул трансформацию

поэтического стиля Евтушенко, заявив: «Он остро почувствовал изменения в атмосфере времени и вышел из убежища "лирики"» [\[20\]](#). Лю Вэньфэй рассматривал Евтушенко как неофициального «поэта-лауреата» Советского Союза и отмечал разнообразие и изменчивость его стиля. При этом он критически замечал, что некоторые произведения написаны поспешно и страдают от поверхностности, что перекликается с более ранними оценками Ван Шоужэня. Ученый также объяснил переменчивость стиля Евтушенко двумя ключевыми причинами: с одной стороны, его активной и беспокойной творческой натурой, с другой - влиянием переменчивой политической среды. Первая причина обогащает читателя художественным многообразием, а вторая подчеркивает внутреннюю драму поэта, балансирующего между искренностью и требованиями времени.

Таким образом, несмотря на физическую удалённость Евтушенко от Китая и временное ослабление читательского интереса, его творчество продолжает играть важную роль в китайском восприятии русской литературы. Углублённое научное внимание к его произведениям свидетельствует о переходе от поверхностного восприятия к зрелому литературоведческому анализу, что внесло значительный вклад в формирование полноценного и объективного образа поэта в китайской культурной среде.

В 1998 году Су Хан перевёл на китайский язык «Преждевременную автобиографию» Евгения Евтушенко. Это событие стало важным этапом в изучении его творчества в Китае, поскольку позволило читателям и исследователям получить целостное представление о жизненном и творческом пути поэта. На основе этой книги учёный Юй Цзе представил краткое обобщение этапов художественного развития Евтушенко [\[21\]](#), что стало ценным справочным материалом для китайского академического сообщества и способствовало дальнейшему углублению интереса к его личности и идеям.

В 1999 году вышел китайский перевод романа Евтушенко «Не умирай прежде смерти», к которому исследователь русской литературы Чжан Цзяньхуа написал предисловие. В нём он выразил восхищение сильным чувством социальной миссии поэта и его новаторским духом. По мнению Чжан Цзяньхуа, Евтушенко - «это поэт, который никогда не терял души России» [\[19, с.12\]](#), и при этом - творец с глобальным мировоззрением. Он отмечает: «Он всегда обращал внимание на насущные проблемы общества, наблюдал за сердцами людей и искал судьбу человечества. Он стремится к истине, свободе, ощущая угнетённость и деформацию как величайшие бедствия. Он ненавидит лицемерие, ложь, невежество и тиранию. Он любит жизнь и преклоняется перед ней... Каждое его новое стихотворение - это новый голос, новая окраска... Он всегда настойчиво стремится к жизненному прогрессу, сознательно сосредотачиваясь на создании лучшей жизни, и всегда полон кипучего энтузиазма по отношению к жизни» [\[19, с.11, 12\]](#).

Чжан Цзяньхуа сопоставляет темперамент Евтушенко с экспрессией Маяковского и мудростью Ахматовой. Говоря о самом романе, он подчеркивает уникальность формы произведения, сочетающей «макро-восприятие с микро-наблюдением», что позволяет художественно передать сложные и живые картины социальных, политических и межличностных взаимоотношений в постсоветской России [\[19, с.4\]](#). Исследователь расценивает роман как «новый тип художественного размышления о современном российском обществе с ярко выраженным гражданским и поэтическим пафосом» [\[19, с.12\]](#).

В 2004 году вышла книга Гу Юньпу «Поиск красоты в стране поэзии: исследование русской поэзии и искусства», где автор дал углублённый анализ творчества Евтушенко. Он отметил характерную особенность поэта - умение впитывать лучшие черты разных

поэтических школ. Гу Юньпу особо подчеркнул преемственность по отношению к Некрасову и Маяковскому, а также выделил индивидуальные инновации Евтушенко, внесённые в современную поэзию.

Однако, как и ряд других исследователей, Гу Юньпу сохранял критическую объективность. Он указал на то, что в поэзии Евтушенко, особенно в его социально-политических текстах, нередко превалирует страстная импровизация и декламация. Несмотря на внимание к ритму и звуковым эффектам, Евтушенко порой пренебрегает изобразительностью и иносказательностью, что может ослаблять художественное воздействие его поэзии.

Тем не менее, автор высоко оценил вклад Евтушенко и всей «громкой поэзии», к которой он принадлежал. Главным их достижением Гу Юньпу считает не столько формальное совершенство, сколько расширение горизонтов поэтического мышления и освоение новых форм художественного сознания. Среди ключевых черт поэтики Евтушенко он выделяет: гуманистическое сознание, сознание трагизма и бедствия, сознание первооткрывателя, планетарное мышление, а также стремление к историческим корням [\[22\]](#).

Таким образом, китайское научное сообщество продолжало не только сохранять интерес к творчеству Евтушенко, но и постепенно углубляло и уточняло подходы к его анализу. Сдвиг от популяризаторских и идеологических оценок 1980-х годов к более критическому и многоплановому осмыслению свидетельствует о зрелости восприятия поэта в Китае и признании его сложной, но значимой роли в литературе XX века.

В целом, на данном этапе - в период с конца 1990-х до начала XXI века - внимание китайских переводчиков к творчеству Евгения Евтушенко заметно снизилось. Это было связано, прежде всего, с эмиграцией поэта в США, сокращением его поэтической активности и смещением интересов читателей к другим авторам и тематикам. Как следствие, количество новых переводов его произведений в Китае значительно сократилось.

Тем не менее, в литературно-критических кругах наблюдалась противоположная тенденция: интерес к Евтушенко сохранялся и даже углублялся. Исследователи начали отходить от узко политического восприятия его поэзии, расширяя спектр анализа за счёт более разностороннего подхода к содержанию и эстетике его творчества. Ученые отмечали, что поэзия Евтушенко выражает яркое стремление к добру, жизнеутверждающее мировоззрение, наполненное энтузиазмом, гуманизмом и верой в прогресс.

Особое внимание стало уделяться вкладу поэта в формирование нового поэтического сознания, включающего планетарное мышление, гражданскую активность, философское осмысление действительности и эксперимент с формой. Постепенно формировалось более зрелое и многоаспектное понимание Евтушенко как значимого поэта эпохи, не только советской, но и глобальной.

Однако, несмотря на эти позитивные сдвиги, в последние десять лет интерес к творчеству Евтушенко в китайском академическом сообществе ослаб. Новые исследования стали появляться всё реже, и изучение его наследия, по сути, перешло в фазу стагнации. Тем не менее, уже накопленный корпус критических работ и переводов остаётся важной основой для возможного возобновления интереса к поэту в будущем.

4) 2015 - настоящее время: высокая оценка и многогранные углубленные

исследования

До 2015 года имя Евгения Евтушенко вновь начало привлекать внимание в китайских литературных кругах, достигнув кульминации с присуждением ему значимой награды. 15 ноября 2015 года на пятой церемонии вручения Международной поэтической премии Чжункунь, организованной Институтом поэзии Пекинского университета, Евтушенко был удостоен этой престижной награды. Премия, вручаемая в рамках международной поэтической биеннале, была направлена на поощрение гуманистического начала, критического мышления и общественной ответственности в современной поэзии.

В торжественной речи организаторов подчеркивалось, что поэзия Евтушенко глубоко отражает внутренние изменения и психологическое состояние человека на фоне великих исторических трансформаций в советском обществе XX века. Ключевыми темами его творчества были: антивоенные настроения, борьба за духовную свободу, защита человеческого достоинства, разоблачение невежества и тирании, а также стремление к правде и справедливости. Поэт, по мнению китайских исследователей, демонстрировал эстетические принципы эпохи: гражданственность, непосредственное вмешательство в социальные и политические вопросы, лирическое освоение исторического опыта, использование декламации как средства живого взаимодействия с аудиторией [\[23\]](#). Эта премия не только засвидетельствовала высокую оценку творчества Евтушенко со стороны китайского литературного сообщества, но и символизировала новый пик интереса к его творчеству.

На следующий день в честь Евтушенко была организована литературная встреча, на которой выступил профессор Лю Вэньфэй. Он назвал Евтушенко, возможно, «самым влиятельным ныне живущим русским поэтом в мире» [\[1, с.3\]](#) и подчеркнул его исключительную роль как представителя направления «громкой поэзии». По словам Лю Вэньфэя, стихи Евтушенко охватили всю советскую культурную сцену 1960–1970-х годов, а его влияние на китайскую поэзию и культурное пространство особенно ощутимо после его визита в Китай в 1985 году. Именно тогда в Китае возник так называемый «евтушенковский бум».

Лю Вэньфэй также напомнил об известном афоризме поэта: «Поэт в России - больше, чем поэт», добавив, что Евтушенко воплощал этот принцип на практике: «он был не только поэтом, но и общественным деятелем, исторической фигурой, писателем, кинорежиссёром, актёром, критиком, переводчиком и фотографом» [\[1, с.3\]](#).

13 ноября 2015 года, в день прибытия поэта в Пекин, профессор Се Мян и другие преподаватели кафедры китайского языка Пекинского университета устроили в его честь приветственный банкет. Несмотря на то что Се Мян давно знал творчество Евтушенко, это была их первая личная встреча. В ходе общения он отметил покладистость, живой ум, энергичную речь и человеческую теплоту поэта. Самым важным было то духовное единство, которое они ощутили - близость взглядов, чувств и устремлений, выходящая за рамки времени, пространства, национальной принадлежности и языка.

Позднее Се Мян опубликовал статью «Запись о вечернем банкете в Июане: моя встреча с Евтушенко в Пекинском университете», в которой выразил глубокое уважение к поэту. Он подчеркнул, что Евтушенко был не просто талантливым автором, но и ярким представителем поэтического авангарда 1960-х годов, прославившимся политически заряженными, искренними и критическими стихами, способными затронуть сердца читателей. Особенно сильное впечатление на него произвело стихотворение «Бабий яр», которое он впервые прочитал в 1960-х годах - тогда оно стало частью

«критического материала», но вызвало у него личное потрясение [\[24\]](#).

Через несколько дней после вручения премии Евтушенко с супругой приняли участие в частной встрече, организованной Лю Вэньфэем. Среди гостей присутствовал и поэт-меньшинств Джиди Мацзя, заместитель председателя Союза китайских писателей. Вечер длился около четырёх часов, во время которого обсуждались литература, кино, международная культура и история. По словам Джиди Мацзя, «эта встреча стала для меня одним из самых запоминающихся событий года» [\[25\]](#). Он охарактеризовал Евтушенко как «классика современной литературы», а также отметил, что этот диалог позволил китайской литературной общественности ближе познакомиться с личностью поэта и глубже понять его духовный мир, творческое мировоззрение и художественную эволюцию.

В честь приезда Евгения Евтушенко профессор-литературовед Хун Цзычжэн специально подготовил исследовательскую статью под названием «Чтение произведений: "Бабий яр" и другие», опубликованную в 2016 году. В ней подробно анализируются особенности восприятия творчества Евтушенко в современном Китае, а также основные темы, затронутые в его поэзии. В частности, профессор Хун Цзычжэн отметил, что Евтушенко сыграл особую роль в массах, подчеркнув: «Политические поэты часто используют свои голоса и тела в качестве носителей коммуникации. Они - ораторы и декламаторы. Это можно увидеть как у Евтушенко, так и у Маяковского» [\[4, с.12\]](#).

1 апреля 2017 года Евгений Евтушенко скончался на 85-м году жизни. Новость о его смерти вызвала широкий отклик: ведущие российские СМИ почти сразу опубликовали некрологи и памятные материалы. В тот же день президент России Владимир Путин выразил глубокие соболезнования, а китайский телеканал CCTV также выпустил соответствующие репортажи.

Литературовед Лю Вэньфэй посвятил Евтушенко статью под названием «Евтушенко: не умею прощаться», в которой выразил глубокое сожаление по поводу ухода столь эмоционального и самобытного поэта. В статье он поделился личными воспоминаниями о встречах с Евтушенко. Первое впечатление, полученное во время визита в Советский Союз, было отрицательным: на фоне тяжелого социального положения в стране, день рождения поэта отмечался с чрезмерной роскошью, что вызвало у Лю Вэньфэя ощущение расточительности и несоответствия образу великого поэта.

Однако позже его мнение изменилось. В 2015 году, во время вручения поэтической премии имени Евтушенко, Лю Вэньфэй пригласил поэта к себе домой. В беседе с ним он отметил два впечатления: во-первых, Евтушенко обладал глубокими связями с мировыми культурными кругами XX века; во-вторых, он поразил своей искренностью, особенно когда рассказывал о премии в Тоскане и делился своими размышлениями о Маяковском. Лю Вэньфэй пришёл к выводу, что так называемая «неуравновешенность» поэта проистекала из его подлинности и бесхитростности - не в уничижительном, а в подлинно человеческом смысле.

После смерти писателя Фазиля Искандера в 2014 году Лю Вэньфэй отправил Евтушенко электронное письмо со словами: «Теперь вы остались последним костылём русской литературы советского периода» [\[1, с.3\]](#). Эти строки отражали как признание его влияния, так и печаль по поводу положения современной русской поэзии.

В завершение своей статьи Лю Вэньфэй отметил: «Прощаясь с Евтушенко в XXI веке, мы особенно остро ощущаем его значение для эпохи» [\[1, с.3\]](#). Он высоко оценил поэта,

сказав: «Евтушенко своей поэзией и поэтической деятельностью объяснил, что значит быть поэтом, который "больше, чем поэт". Немногие так глубоко проникали в эпоху и общество через поэзию, как он, и немногие смогли добиться столь широкого мирового влияния на русскую поэзию». Тот, кто «не умеет прощаться», несомненно, останется в истории поэзии надолго [\[1, с.3\]](#).

Поэт китайского этнического меньшинства Джиди Мацзя начал проявлять интерес к творчеству Евгения Евтушенко с момента появления поэмы «Бабий Яр» в Китае. Впоследствии он опубликовал статью в честь поэта, в которой назвал Евтушенко «поэтом с идеями и широким, открытым мировоззрением, каким и должен быть поэт мирового уровня» [\[25\]](#). В длинной поэме «Мама и нейтронная бомба» Джиди Мацзя выразил восхищение Евтушенко, подчеркнув: «Нет сомнений в том, что он - самый влиятельный русский и советский поэт в Китае своей эпохи. Если выбирать первое место - оно, безусловно, принадлежит ему» [\[25\]](#). Несмотря на то что ему доводилось слышать и критику в адрес Евтушенко, уважение и любовь Джиди Мацзя к поэту никогда не ослабевали. Это чувство основывается не на личных качествах поэта, а на глубоком сочувствии к угнетённым и любви к различным народам, которая пронизывает его творчество.

Подобно исследователю Се Мянью, Джиди Мацзя, впервые встретив Евтушенко, ощутил мгновенное чувство близости. Даже присутствие языкового барьера между ними возникло понимание и теплота. Джиди Мацзя отметил мудрость, отличную память, искренность, юмор и душевную щедрость поэта - качества, лишённые фальши или показного пафоса. Особенно трогательно было, когда Евтушенко делился личными переживаниями - в его глазах Джиди Мацзя заметил редкое чувство мимолётности жизни и глубокую печаль. Когда его попросили описать общее впечатление от Евтушенко, он ответил без колебаний: «Это гигант эпохи. Он олицетворяет целую эпоху, и сегодня трудно представить, что может появиться кто-то подобный» [\[25\]](#).

После смерти Евтушенко, Джиди Мацзя отправил письмо его вдове, в котором написал: «Евтушенко - не просто символ поэзии бывшего Советского Союза и России. Он был единственным великим поэтом, способным соединить с помощью поэзии два лагеря - Восток и Запад - в период холодной войны. Его смерть словно тревожный сигнал для человечества. Сегодня, как никогда, важны диалог, общение и взаимное уважение. То, что останется в памяти навсегда, - это его предисловие к моему сборнику на русском языке "Стихи, которые охватывают всё". Возможно, это были его последние слова. Как поэт, он никогда не умрёт. Он уже стал частью мировой поэтической истории. Евтушенко, мой уважаемый старший брат и словно отец, в тот момент, когда твоя поэтическая душа отправляется в далёкое путешествие, позвольте мне, стоящему в горах юго-западного Китая, спеть и проводить тебя традиционным способом древнего народа. Я верю, что ты услышишь мой голос!» [\[25\]](#).

Уважение к Евтушенко со стороны ведущих китайских литературоведов и поэтов вдохновило молодых исследователей на углублённое изучение его творчества. Они начали анализировать как сами тексты стихов, так и творческие идеи поэта, уделяя внимание художественным приёмам и новаторству. Привносили новую академическую энергию в область исследований Евтушенко.

В марте 2017 года исследовательница Чжан Мэйюнь провела всесторонний анализ поэтики Евтушенко. В своей работе она выделила следующие черты: выраженное гражданское сознание, публицистичность, агитационность, связь с традициями

Маяковского, антивоенная тематика и стремление к миру - всё это при использовании пера как микрофона [\[16, с.37\]](#). В качестве примера она рассмотрела роман «Ягодные места», подробно разобрав использование метафор, повторов, сравнений, переплетение реальности и воображения, смену времени и пространства - все эти приёмы формируют узнаваемый стиль Евтушенко.

В 2021 году исследователь Су Ливэй в своей докторской диссертации «Исследование поэзии Евтушенко» системно и профессионально проанализировала эстетическую и идейную ценность поэтического творчества Евгения Евтушенко с художественной точки зрения. В тематическом аспекте она отметила, что его политическая поэзия охватывает широкий спектр тем, насыщена эмоциями и вызывает глубокий отклик у представителей всех социальных слоёв, благодаря чему его произведения часто называют «энциклопедией советского общества». Что касается философской лирики о природе, исследователь считает её своеобразной «скрытой жемчужиной», долгое время остававшейся в тени политической поэзии, и подчёркивает необходимость её пристального анализа, открывающего новые перспективы для последующих исследований. В плане художественных средств Су Ливэй выделяет характерную языковую инновационность поэта, включая неологизмы, использование идиом, афористичность выражений и каламбурность [\[26\]](#).

В том же году китайский магистрант из России Ангелина Пархомчук (Бай Сяолин) защитила магистерскую диссертацию «Китайские переводы Евтушенко и Межелайтиса и их влияние на поэзию Бэй Дао». В анализе лирических стихов Евтушенко она отмечает, что стремление к актуальности является как сильной стороной, так и потенциальной слабостью его поэзии, поскольку может снижать уровень художественной проработки. Особое внимание она уделяет гуманистическим взглядам поэта, проявляющимся в сочувствии к массовому, обезличенному протесту простых людей. Несмотря на сравнительно малое количество любовной лирики, стихи Евтушенко отличаются искренностью и глубокой эмоциональной насыщенностью. В формальном аспекте Бай Сяолин выделяет ряд характерных черт его творчества: окказионализм, особую ритмику, анафору, афоризм, выраженное авторское «я» и тонкость деталей [\[27\]](#).

Таким образом, исследования молодых учёных свидетельствуют о выходе китайской евтушенковедческой науки на новый уровень системного анализа, а также способствуют развитию сравнительного литературоведения и переводоведения между Китаем и Россией.

Однако при всей значимости изучения, объём китайских переводов Евтушенко по-прежнему остаётся ограниченным. В 2016 году профессор Ван Цзяньчжао перевёл пять его стихотворений для «Ежемесячного журнала поэзии» [\[28\]](#). В 2017 году Лю Вэньфэй перевёл сборник «Стихи, которые охватывают всё» [\[29\]](#), а к 2020 году опубликовал книгу «Стихи Евтушенко», включающую 50 произведений разных лет [\[30\]](#). Этот сборник раскрывает тематическое и жанровое разнообразие творчества Евтушенко, силу его образов и дерзость поэтического слова. Поэт стал уникальным явлением на российской поэтической сцене и получил репутацию «поэтического посла России». Примечательно, что сам Евтушенко участвовал в отборе текстов для перевода и предложил ещё десять стихотворений в качестве альтернативы, это выражает его заботу о переводчике.

В контексте китайско-российских культурных обменов китайские литературоведы, критики и поэты получили возможность лично познакомиться с Евгением Евтушенко, почувствовать его искренность, доброту и внутреннюю силу. Эти встречи, впечатления и

диалоги послужили основой для высоких оценок, которые он получил от китайского интеллектуального сообщества, подтверждая его беспрецедентный статус и влияние как в мире поэзии, так и в международной культурной сфере в целом. На этом фоне молодые исследователи начали систематически изучать творчество Евтушенко с различных аспектов - литературного, художественного и философского. Эти усилия способствовали углублению понимания его поэзии и вывели восприятие Евтушенко в Китае на качественно новый уровень.

Заключение:

Китай знаком с Евгением Евтушенко уже более 60 лет. В зависимости от конкретной политической обстановки и субъективных оценок в разные периоды, восприятие и оценка личности и творчества поэта китайскими учёными претерпели значительные диахронические изменения.

В первые годы знакомства, под влиянием специфической политической ситуации в Китае, отношение к Евтушенко было в основном негативным. Его творчество воспринималось как проявление буржуазной идеологии, способной "вредить душам людей". Даже переводы его стихов на китайский язык, как правило, использовались в целях критики.

Со временем, по мере изменений в общественном и культурном климате Китая, взгляды на Евтушенко стали постепенно меняться. С одной стороны, усилилась активность переводчиков, выпускавших всё новые переводы его произведений; с другой - в литературных кругах началось переосмысление его творчества: всё больше исследователей стали признавать как поэтический талант, так и его гражданскую ответственность. Учёные стали ценить разносторонность Евтушенко, хотя и отмечали, что в ряде случаев форма стихов превосходит содержание. Новым важным открытием стало то, что герои Евтушенко - это не идеализированные образы, а сложные, живые личности, ближе к реальности. Некоторые исследователи высоко оценили широту мышления поэта, подчеркивая, что он выходит за рамки частных тем, сосредотачиваясь на универсальных ценностях - борьбе за мир и против войны, готовности к личной жертве ради общего блага.

Однако с эмиграцией Евтушенко за рубеж и снижением интереса широкой аудитории количество опубликованных переводов значительно сократилось. Тем не менее, китайское литературное сообщество не утратило интерес к его творчеству, напротив - круг исследуемых текстов расширился. Наряду с политической поэзией стали изучаться и другие жанры, в которых прослеживается жизнелюбие Евтушенко и его глубокое чувство художественной миссии. Одновременно были выявлены и критически осмыслены определённые творческие ограничения Евтушенко, при этом его значительный вклад в поэтическое искусство был убедительно подтверждён - особенно в аспекте освоения поэтики, отражающей современное сознание. Хотя процесс восприятия поэта в Китае развивается постепенно, перспективы исследований продолжают расширяться.

В условиях активизации культурного диалога между Китаем и Россией ведущие литературоведы и поэты получили возможность лично встретиться с Евтушенко, ощутить его искренность и доброжелательность. Эти встречи стали основой для новых, всё более высоких оценок, ещё раз подтвердивших его выдающееся положение в мировой поэзии. Молодые исследователи всё активнее погружаются в его творчество, проводя разносторонний анализ с литературной, эстетической и культурологической точек зрения. Это не только усилило позиции Евтушенко в академическом сообществе Китая,

но и способствовало расширению горизонтов самого китайского литературоведения.

Результаты исследования дают ясное представление о трансформации восприятия и оценки личности и творчества Евгения Евтушенко в Китае. Эти результаты могут быть востребованы в дальнейшем научном осмыслении восприятия наследия поэта в мировом контексте и применяться в вузовских курсах по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской литературы и культуры, а также в междисциплинарных исследованиях.

Библиография

1. Лю Вэньфэй. Евтушенко: я не умею прощаться // Литературная и искусственная газета. 2017. URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2017/0410/c405171-29198089.html>
2. Евтушенко Е. А. "Бабий яр" и другие-избранные стихотворения молодых советских поэтов. Издательство "Писатель", 1963. С. 7-73.
3. Чжоу Цицзя, Чжан Юйлинь, Лю Яньчжао. Комментарий к ревизионистскому поэту СССР Евтушенко // Журнал Кайфэнского педагогического университета. 1975. № 2. С. 88.
4. Хун Цзычжэн. Чтение произведений: "Бабий яр" и другие // Исследование поэзии. 2016. № 7. С. 6.
5. Чжан Цаожэнь, Бай Сыхун. Ягодные места / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1986.
6. Сто пятьдесят известных современных советских лирических стихотворений / Под. ред. Современная советская литература. Вухань: Издательство "Литература и искусство Чанцзяна", 1986. С. 184-198.
7. Су Хан. Избранные стихи Евтушенко / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Юньнань: Издательство Лицзян, 1987.
8. Сидоров Е. Голосом времени (Заметки о поэзии Евгения Евтушенко). М.: Художественная литература, 1983. С. 1.
9. Су Хан. Электрокардиограмма советского общества: о поэзии Евтушенко // Чтение. 1987. № 4. С. 49.
10. Ван Шоужэнь. Евтушенко и его поэтическое творчество // Общественные науки за рубежом. 1988. № 1. С. 53.
11. Ван Шоужэнь. Избранные стихи Евтушенко / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Хунань: Хунаньское народное издательство, 1988. С. 24.
12. Ван Шоужэнь, Лоу Чжаомин. Суд времени и самосуд-Лирика Евтушенко. Избранное (Часть III) // Знакомство с шедеврами. 1988. № 4. С. 50.
13. Чэнь Сюнь, Сюэ Фу. Избранные лирические стихотворения Евтушенко / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Чжэцзян: Чжэцзянское литературное издательство, 1988.
14. Бай Ди. Евгений Евтушенко // Мировая литература. 1989. № 4. С. 269-271.
15. Гуань Юань. Мнение Евтушенко о реформе и литературе в СССР // Иностранная литературная критика. 1989. № 7. С. 141-142.
16. Чжан Мэйюнь. Поэты должны знать, для кого они пишут, и все поэты должны жить для людей // Изучение русского языка. 2017. № 3. С. 39.
17. Су Хан. Свадьбы-Избранные стихи Евтушенко / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Пекин: Издательство иностранной литературы, 1991.
18. Су Хан. Преждевременной автобиографии / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Гуанчжоу: Издательство Хуачжэн, 1998.
19. Мяо Хуа, Лю Мяохуан. Не умирай прежде смерти / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Пекин: Издательство Куньлунь, 1999. С. 12.
20. Лю Вэньфэй. История русской поэзии XX века. Пекин: Пекийское академическое издательство общественной науки, 1996. С. 205.
21. Юй Цзе. Поэт между раем и адом: к прочтению "Преждевременной автобиографии"

- Евтушенко // Издательский обзор. 1999. № 9. С. 37-39.
22. Гу Юньпу. Поиск красоты в стране поэзии: исследование русской поэзии и искусства. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2004. С. 379.
23. Хэ Жуйцзюань. Совесть должна быть основой всего литературного мира: Евтушенко, Шао Яньсян и Си Чуань стали лауреатами Международной поэтической премии "Чжункунь" // Журнал китайского искусства. 2015. С. 1.
24. Се Мянью. Запись о вечернем банкете в Июане: моя встреча с Евтушенко в Пекинском университете // Новое поэтическое обозрение. 2016. № 1. С. 246-247.
25. Джиди Мацзя. В память о поэте Евтушенко: поэтический гигант целой эпохи // Вэньхуэйбао. 2017. URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2017/0801/c404064-29442027.html>
26. Су Ливэй. Исследование поэзии Евтушенко. Шанхай: Шанхайский университет иностранных языков, 2021. С. 153-154.
27. Ангелина Пархомчук (Бай Сяолин). Китайские переводы Евтушенко и Межелайтиса и их влияние на поэзию Бэй Дао. 2021. С. 17-27.
28. Ван Цзяньчжао. Пять стихотворений Евтушенко // Ежемесячник поэзии. 2016. № 1. С. 30-33.
29. Лю Вэньфэй. Стихи, которые охватывают всё / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. // Мировая литература. 2017. № 3. С. 220-226.
30. Лю Вэньфэй. Стихи Евтушенко / пер. с РФ. Евтушенко Е. А. Пекин: Коммерческое издательство, 2020.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом материале являются диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае. Актуальность работы обусловлена особым интересом китайских ученых к литературному наследию Евгения Александровича Евтушенко (1932-2017), выдающегося русского поэта XX века: «Евтушенко сыграл значительную роль не только в развитии отечественной литературы, но и завоевал признание за рубежом, став одним из символов русской поэтической культуры на мировой арене». Несомненно, видится важным проследить особенности восприятия литературного творчества поэта китайскими читателями и критиками в диахронии.

Теоретической основой работы выступили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные истории русской поэзии XX века и различным аспектам поэзии Евгения Евтушенко. Библиография насчитывает 29 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако в тексте отсутствуют ссылки на ряд источников, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые !упоминаются! в тексте статьи». Также автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит

комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, социокультурный и культурно-исторический методы, методы дискурсивного и когнитивного анализа.

В ходе исследования подробно изучены понимание и оценка творчества Евгения Евтушенко в Китае в 1960–1970-е годы («ограниченные культурные контакты с зарубежным миром, а также строгий контроль над информацией в тот период способствовали формированию предвзятого и одностороннего восприятия Евтушенко в Китае»); 1980-е годы («со сменой политического курса Китая и укреплением культурных связей с СССР русская литература вновь начала активно распространяться в стране: переводы произведений Евтушенко выходили один за другим, а китайские исследователи всё более объективно и всесторонне анализировали его творчество»); 1990-е годы - XXI веке («в последние десять лет интерес к творчеству Евтушенко в китайском академическом сообществе ослаб, новые исследования стали появляться всё реже, и изучение его наследия, по сути, перешло в фазу стагнации»); с 2015 года – по настоящее время («молодые исследователи начали систематически изучать творчество Евтушенко с различных аспектов - литературного, художественного и философского; эти усилия способствовали углублению понимания его поэзии и вывели восприятие Евтушенко в Китае на качественно новый уровень»). В заключении сформулированы обоснованные выводы.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они дают представление о трансформации восприятия и оценки личности и творчества Евгения Евтушенко в Китае, могут оказаться востребованы при дальнейшем научном осмыслении проблемы восприятия наследия поэта в мире, а также использоваться в вузовских курсах по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской литературы и культуры, а также в курсах по междисциплинарным исследованиям.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. В целом, стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "От критики до признания: диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае" представляет собой исследование в области русской литературы в полилингвальном контексте и поликультурном контексте.

Целью работы - изучить историю восприятия и оценки творчества Евтушенко китайскими академическими кругами.

Предмет исследования - трансформация подходов к его произведениям в разные исторические периоды, от идеологически окрашенной критики к признанию его литературной и гуманистической значимости.

В основной части работы автор выделяет основные этапы формирования отношения китайских критиков к поэту, от негативного до восторженного, связывая данные изменения с влиянием политического контекста.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к написанию научных статей и не содержит существенных недостатков.

В целом статья характеризуется чёткостью и последовательностью изложения, а также сбалансированностью составляющих её частей.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Резюмируя свое исследование, автор приходит к выводу о том, что изначально отношение к Евтушенко в Китае было негативным, но со временем этот взгляд на поэта изменился, так как поменялась политическая ситуация. Автор также отмечает, что "некоторые исследователи высоко оценили широту мышления поэта, подчеркивая, что он выходит за рамки частных тем, сосредотачиваясь на универсальных ценностях - борьбе за мир и против войны, готовности к личной жертве ради общего блага".

Кроме того, особое влияние на его восприятие в Китае, по мнению автора, оказала эмиграция.

"Однако с эмиграцией Евтушенко за рубеж и снижением интереса широкой аудитории количество опубликованных переводов значительно сократилось. Тем не менее, китайское литературное сообщество не утратило интерес к его творчеству, напротив - круг исследуемых текстов расширился. Наряду с политической поэзией стали изучаться и другие жанры, в которых прослеживается жизнелюбие Евтушенко и его глубокое чувство художественной миссии. Одновременно были выявлены и критически осмыслены определённые творческие ограничения Евтушенко, при этом его значительный вклад в поэтическое искусство был убедительно подтверждён - особенно в аспекте освоения поэтики, отражающей современное сознание. Хотя процесс восприятия поэта в Китае развивается постепенно, перспективы исследований продолжают расширяться".

К сожалению, в работе присутствует ряд недостатков. В частности, отсутствуют такие ключевые пункты, как описание методологии и материалов исследования, актуальности и новизны исследования.

Таким образом, статья "От критики до признания: диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае" может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera" после устранения вышеперечисленных недостатков.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит констатировать факт, что «Китай знаком с Евгением Евтушенко уже более 60 лет», «в зависимости от конкретной политической обстановки и субъективных оценок в разные периоды, восприятие и оценка личности и творчества поэта китайскими учеными претерпели значительные диахронические изменения». Следовательно, есть

необходимость обобщить и систематизировать критические работы по творчеству Е.А. Евтушенко, сформированные китайскими учеными. Автор статьи обозначает, что «результаты исследования дают ясное представление о трансформации восприятия и оценки личности и творчества Евгения Евтушенко в Китае», «результаты могут быть востребованы в дальнейшем научном осмыслении восприятия наследия поэта в мировом контексте и применяться в вузовских курсах по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской литературы и культуры». В общем плане работа имеет цельный вид, основные критические источники хронологически упорядочены. На мой взгляд, методы обобщения данных вполне подходят, ибо описательный план в работе является ведущим. Стиль соотносится с научным типом: например, «Прежде всего, исследователь подчеркнул выдающийся литературный дар Евтушенко и своеобразие его поэтического стиля. По его мнению, творчество поэта насыщено правдой, оригинальными идеями и искренними эмоциями, которые способны вдохновлять читателей и вызывать у них глубокие размышления. Евтушенко, по словам Ван Шоужэня, расширил горизонты советской поэзии, открыв в ней новые тематические и художественные направления. Он рассматривается не только как один из самых влиятельных поэтов Советского Союза, но и как автор с мировым признанием» и т.д. Цитации по ходу работы выверены: например, «под влиянием официальной идеологической линии восприятие Евтушенко в китайском академическом сообществе носило откровенно политизированный характер. Так, в 1975 году китайские исследователи Чжоу Цицзя, Чжан Юйлинь и Лю Яньчао охарактеризовали поэта как представителя «новой буржуазии», чье творчество, по их мнению, «ослабляет революционную волю советского народа» и «подобно ржавчине, разъедает души людей». Считаю, что тексты Е. Евтушенко вполне объективно оцениваются китайскими учеными, она обращают внимание на своеобразие его поэтики, определяются со смысловой нагрузкой текстов: «анализируя поэтический стиль Евтушенко, Ван Шоужэнь отмечает его способность интегрировать лучшие традиции различных литературных школ. Поэт, по мнению исследователя, унаследовал публицистическую силу Маяковского и лиризм Есенина, а также демократическую направленность поэзии Некрасова. Он также развивает ораторский стиль и использует его как инструмент социальной критики. В его произведениях можно обнаружить отголоски эстетики Пушкина, глубины Ахматовой и философичности Пастернака». Статья дробится на т.н. хронологические периоды становления поэта, данная логика вполне перспективна. Рецензируемый материал можно использовать в практическом русле, при знакомстве (оценке) творчества Е.А. Евтушенко за рубежом. Общие требования издания учтены, цель достигнута, тема как таковая раскрыта. Рекомендую статью «От критики до признания: диахронические трансформации восприятия поэзии Евгения Евтушенко в Китае» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильченко Н.М. «Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола» // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76718 EDN: AXUKON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76718

«Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола»

Ильченко Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.76718

EDN:

AXUKON

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2025

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена научной значимостью проблемы городского текста как одного из магистральных направлений современной отечественной истории литературы. Изучение регионального литературного процесса – кёнигсбергского / калининградского – способствует выявлению его локальной специфики. В статье системно рассмотрен образ монастыря святой Липы в контексте современного городского ландшафта. Уникальность образа, запоминающегося с первых страниц по яркому словесному описанию, обусловлена культурно-историческим контекстом и местной мифологией. Образ монастыря святой Липы представлен в статье как физическая реальность и литературное пространство, с которым связано развитие одной из ведущих тем романа «Эликсир дьявола» – расплата за вину предков. Отсылки к этому образу даны на протяжении всего повествования; с ним связана возможность искупления вины преступным родом. В процессе анализа используется комплексный литературоведческий подход, сочетающий историко-культурный, биографический, сравнительно-типологический методы. Показано, как с образом монастыря святой Липы

соотносится сюжетно-мотивное наполнение романа «Эликсир дьявола»: мотивы паломничества / пути, искупления греха, таинственных обстоятельств рождения, «небесного утешения» стали особенно значимыми в повествовании. Лейтмотивным является воспоминание Медарда о раннем детстве, проведенном в монастыре святой Липы, сопровождающем его в «ярко-разноцветном мире» и выполняющем спасительную функцию. Внимание уделяется образам родоначальника рода, «старого паломника», «дивного ребенка», таинственная встреча с которыми произошла в монастыре святой Липы и стала судьбоносной. Новизна исследования связана с тем, что уточнена историко-культурная модель Кёнигсберга-Калининграда. На материале жизни Э. Т. А. Гофмана и его романа «Эликсир дьявола» проанализирована проблема *genius loci*. Такой подход позволил уточнить специфику пространства Кёнигсберга / Калининграда, сохраняющего память о гениальном романтике и его художественном мире.

Ключевые слова:

город, монастырь, символ, сюжет, образ, мотив, ландшафт, комментарий, дневник, воспоминание

Введение

Роман «Эликсир дьявола» (*Die elixiere des Teufels*, 1815 - 1816) создан в драматический период жизни писателя: 26 февраля 1814 года Э. Т. А. Гофман был уволен из труппы Йозефа Секонды. Писатель надеялся, что роман, который он начал писать 5 марта, поможет решить финансовые проблемы. Для работы над первой частью Гофману потребовалось чуть больше месяца. В дневнике 17 – 23 апреля 1814 года он записывает: «Завершил первую часть "Эликсиров сатаны"» [\[1, с. 530\]](#). По справедливому утверждению О. К. Логиновой, «жизненные впечатления, зафиксированные Гофманом в дневнике, находят затем отражение в его творчестве. Так, чрезвычайно интересна запись от 9.II.1812 г. о посещении им монастыря капуцинов, что впоследствии дало толчок к созданию «Эликсиров сатаны» [\[2, с. 581\]](#). В этот день Гофман, тогда живший в Бамберге, побывал в монастыре капуцинов и испытал «приятное настроение», которое «под влиянием религиозного окружения превратилось в восторженное» [\[1, с. 472\]](#). Биографы Гофмана, например, Г. Виткоп-Менардо, обратили внимание, что в бамбергский период (1808 – 1812) автор «Эликсира дьявола» вместе с К. Ф. Кунцем, первым издателем Гофмана, бывали с визитами в капуцинском монастыре, знакомились с монахами, слушали их рассказы о прошлом, с интересом наблюдали за особенностями жизни капуцинов [\[3, с. 150\]](#). В «Предисловии (от издателя)» к роману Гофман описывает «великолепный сад капуцинского монастыря в городе Б.» [\[4, с. 23\]](#). В письме К. Ф. Кунцу из Лейпцига, где создавалась первая часть «Эликсира дьявола», Гофман формулирует идею романа как «власти сил небесных и демонических» над человеком; местом рождения главного героя делает свою родину – «монастырь святой Липы в Восточной Пруссии» [\[5, с. 221\]](#).

Благочестивая обстановка монастырей Бамберга и Кёнигсберга, их идиллическое пространство, противопоставляются Э. Т. А. Гофманом обстоятельствам, в которых оказались герои романа «Эликсир дьявола» и в которые попал он сам: в феврале 1812 года любовь к Юлии Марк приобрела драматическую форму, и в дневнике появляется слово «безумие»; в конце февраля 1814 года уже в Лейпциге – «тягостное, неприятное, отвратительное время» из-за ссоры с Секондой. Однако уже 4 марта, когда сложилась

идея романа, он отмечает: «очень хорошее настроение» [\[1, с. 528\]](#).

Во всех комментариях (или примечаниях) к роману поясняется расположение монастыря «святой Липы» – «недалеко от Кёнигсберга» [\[6, с. 279\]](#), [\[7, с. 477\]](#); «неподалеку от Кёнигсберга» [\[5, с. 437\]](#) и др. Пространство родного города и кёнигсбержцы «оживают» во многих произведениях Гофмана – в романе «Житейские воззрения кота Мурра», в рождественской сказке «Щелкунчик и мышинный король», в новеллах «Майорат», «Артурова зала», «Фермата» и др. В «Эликсире дьявола» тоже «зашифрованы» отсылки к городу детства и юности. По словам Г. Виткоп-Менардо, «почти все существенные элементы и почти все лейтмотивы его творчества имеют своим источником его детские впечатления или, по меньшей мере, состояние души, навеянное этими впечатлениями» [\[3, с. 14\]](#).

Произведения Э. Т. А. Гофмана участвуют в формировании «кёнигсбергского текста» и литературы Восточной Пруссии [\[8\]](#), [\[9\]](#), [\[10\]](#), [\[11\]](#), [\[12\]](#), [\[13\]](#) и др. В. И. Грешных – один из ведущих исследователей творчества Э. Т. А. Гофмана, в частности, связи писателя с Кёнигсбергом, отмечал, что у него, как и у других уроженцев этого края, «глубинная суть повествования рождена интуитивным чувством природы... выйдя на просторы «большой жизни», они «возвращаются в тот чарующий своей простотой мир родной земли, откуда они произросли» [\[14, с. 46\]](#).

Художественное пространство Кёнигсберга в романе «Эликсир дьявола» имеет условно-символический характер. Если в комментариях (и примечаниях) к роману указывается на пространство «вблизи Кёнигсберга» [\[15, с. 421\]](#), то сам автор предпочитает говорить в общем – о «далекой, холодной Пруссии», «далекой, но родной стране» [\[4, с. 25, 33\]](#). Уехав из Кёнигсберга в 1796 году из-за скандальной ситуации, связанной с любовью к замужней женщине, Гофман только дважды на короткое время возвращается в родной город. Однако волнующие описания монастыря святой Липы доказывают его привязанность к родному краю.

«Если хотите уловить дух Гофмана в сегодняшнем ландшафте, лучше отправиться на гору Ролльберг, во дворы за улицы Коперника и Житомирской, где если не старые стены, то сам ландшафт подскажет взгляду...» [\[16, с. 155\]](#). В данной статье рассматривается образ монастыря святой Липы как физическая реальность и литературное пространство, с которым связан комплекс мотивов (воспоминания, паломничества, искупления греха, «небесного утешения» и др.), обеспечивающих, в том числе, развитие одной из ведущих тем «Эликсира дьявола» – расплаты за вину предков.

Основные результаты

В монастырь святой Липы отправляется из Италии предок Медарда, здесь заканчивается жизненный путь его отца и рождается он сам. «Мои первые воспоминания связаны с мирными картинами жизни в монастыре «Святой Липы» и с его великолепной церковью» [\[4, с. 26\]](#). Монастырская церковь называется «чудотворной обителью», окруженной «густым, столетним лесом», которому даются определения «благоухающий лес», «священный лес» [\[4, с. 26, 33, 215\]](#). Удивительная обстановка храма связана с «чудотворной иконой пресвятой девы Марии» на стволе липы [\[4, с. 26\]](#).

В комментарии Н. Литвинец дается следующее пояснение: «Монастырь Святой Липы – монастырь неподалеку от Кёнигсберга, во времена Гофмана был популярным местом

паломничества. Посреди старой, разрушенной церкви XIV века на территории монастыря выросла липа, отсюда название монастыря» [\[17, с. 437\]](#). В примечаниях Н. А. Славятинского и Т. А. Жирмунской к изданию романа в серии «Литературные памятники» уточняется, что церковь, описанная Гофманом, появилась на рубеже XVII – XVIII вв. «на месте старой (конец XIV – начало XV вв.), разрушенной лютеранами в эпоху Реформации. Посреди старой церкви стояла липа, в новой церкви заменена резным липовым стволом со статуей Мадонны; с внешней стороны храма возвышалась каменная липа с железной листвою и статуей Мадонны» [\[6, с. 279\]](#). В комментарии А. Бариновой повторяется данное объяснение [\[7, с. 477\]](#). В комментарии В. Микушевича и А. Ботниковой высказывается предположение, что «Гофман, вероятно, почерпнул сведения об этом монастыре из трагедии Захария Вернера «Крест на Остзее» (1806), к которому он написал музыку» [\[15, с. 421\]](#). Захарий (Цакариас) Вернер (1768 – 1823) – писатель, проповедник, уроженец Кёнигсберга. В 1808 году Э. Т. А. Гофман написал музыку к его «Кресту на Балтийском море». Однако источником «предивной церкви» могли быть их общие личные впечатления: З. Вернер со своей матерью занимали квартиру в доме Дёрферов на Постштрассе, но друзьями с Гофманом они никогда не были. Следы влияния З. Вернера Р. Сафрански справедливо находит в ситуации, когда «Медард, ограждающий себя от плотских страстей, становится страстным проповедником (вероятно, Гофман имел в виду Захария Вернера, применявшего свои эротические таланты при чтении проповедей, которыми в 1814 году в Вене увлекал прежде всего дам» [\[18, с. 271\]](#).

Крепость Кёнигсберг была возведена на северном берегу Прегеля (Преголи) в 1255 году. В 1724 году три городских поселения – Альтштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф – объединились в город Кёнигсберг. Жизнь Э. Т. А. Гофмана в Кёнигсберге была связана с пространством, находящимся рядом с Королевским замком и Замковым (Нижним) прудом. Особую «привязанность» Гофман испытывал к Лёбенихту (Löbenicht = Липник), простиравшемуся между Шлоссстайх и рекой Преголь (с севера на юг), между Королевским замком и вершиной горы Мюленберг (с запада на восток), что объясняется красотой местности и многочисленными легендами этого живописного пространства. На территории Лёбенихта располагался бенедиктинский монастырь Святой Марии, основанный в 1349 году. В 1400 году здесь была возведена часовня вокруг липы, на которой держалось изваяние Девы Марии. В «Эликсире дьявола», в «Записках старинного художника», говорится о явлении предку Медарда двух женщин, направивших его на север: «Далеко отсюда, в Пруссии, воздвигнут божией матери храм на том месте, где ангелы господни принесли на старую липу чудотворное ее изображение. Храм этот до сих пор не украшен живописью. Иди туда...» [\[4, с. 289\]](#). Монастырь в Лёбенихте, как и другие монастыри Восточной Пруссии, был закрыт в XVI веке после распространения лютеранства. Великий магистр Тевтонского ордена, последний гроссмейстер и первый герцог Пруссии Альбрехт Гогенцоллерн сделал лютеранское вероисповедание официальной религией. Католицизм возвратится наряду с другими конфессиями только в XVII веке. Поэтому в 1531 году монастырь Святой Марии преобразовали в женский приют и Лёбенихтский госпиталь [\[19, с. 124\]](#). Часовня была разрушена, но в 1619 году ее восстановили. В 1764 году бывший монастырь, как и Лёбенихтская ратуша, кирха святой Барбары, католический костел и др. сгорели.

Особенностью кёнигсбергского ландшафта являются руины. «Они были здесь всегда» [\[16, с. 107\]](#), не только после Второй мировой войны. В начале семидесятых годов XVIII века (примерно за шесть лет до рождения Гофмана) госпиталь восстановили. Тогда же

появились ворота 1771 года постройки в стиле рококо. Балдур Кёстер обращает внимание на то, что сейчас они – «единственный сохранившийся элемент из всего того богатства форм рококо, которые имелись в городе в виде фасадов и внутренних помещений» [20, с. 119]. Р. Д. Минакова, «оживляющая» Кёнигсберг в своем путеводителе, сообщает: «Поразительно, но, кроме нескольких корпусов на улице Черепичной, сохранилась хорошо спрятанная во дворе дома № 73-79 часовня госпиталя Лёбенихта» [19, с. 125].

В комментариях к роману говорится о предании об иноземном художнике, расписавшем церковь как не имеющем «исторических оснований», «свободном вымысле» Гофмана [6, с. 279], [7, с. 477] и др. Возможно, предание имеет отношение к Юдиттен-кирхе, тоже посвященной Деве Марии. Она была построена в 1288 году на западной окраине Кёнигсберга. «Самая древняя постройка из сохранившихся в городе. Памятник архитектуры раннегерманской готики XIII – XIV вв.» [21, с. 5]. По преданию, в конце XIV века мастер по имени Петер украсил стены кирхи искусными фресками с изображениями Пресвятой Богородицы, Иисуса Христа, портретами евангелистов и др. На куполе алтаря в золотом обрамлении выделялась надпись: «Да станет лжецом (неверным) тот, кто причинит мастеру (художнику) зло». В переводе романа В.Л. Ранцовым слова «предание» присутствует: «... я порою все-таки верю, что однажды видел собственными глазами в пустом монастырском храме величавого мужа, оказавшегося великим художником, о котором повествует предание, будто он давным-давно, когда только еще начали строить церковь, появился в ней неведомо откуда» [4, с. 26]. В оригинальном тексте слово «предание» отсутствует: «So ist es mir, als hätte ich selbst einmal in der öden Kirche die wunderbare Gestalt eines ernsten Mannes gesehen, und es sei eben der fremde Maler gewesen, der in uralter Zeit, als eben die Kirche gebaut, erschien, dessen Sprache niemand verstehen konnte und der mit kunstgeübter Hand in gar kurzer Zeit die Kirche auf das herrlichste ausmalte, dann aber, als er fertig worden, wieder verschwand» [22, s. 12].

Главной ценностью Юдиттен-кирхе была чудотворная икона «Мадонна с младенцем на полумесяце», созданная неизвестным мастером и выполненная из дерева. По художественной выразительности эта скульптура, выше человеческого роста, считалась шедевром пластики. По преданию, скульптура всегда была теплой, ей приписывали чудеса исцеления. Сюда, даже после Реформации (сначала Юдиттен-кирха была католической орденовой, потом стала приходской евангелической церковью Девы Марии, сейчас в ней располагается православный Свято-Никольский храм), приходили многочисленные паломники. В «Эликсире дьявола» говорится: «В мою душу глубоко запали матушкины рассказы о чудесах, совершавшихся в монастыре» [4, с. 26]. Известно, что перед «Мадонной с младенцем на полумесяце» молилась прусская королева Луиза (1776 – 1810), ровесница Гофмана (1776 – 1822). Окрестности Юдиттен-кирхи были покрыты густыми лесами. Хотя сейчас – это часть Центрального района Калининграда, в ней сохраняются дубовая аллея, а также редкие породы деревьев.

В комментариях к роману говорится, что «чудотворная икона богоматери, будто бы возложенной на ветви дерева ангелами, известна в ряде вариантов у католиков и православных» [6, с. 279]. Święta Lipka – еще один монастырь, история которого, возможно, была известна Э. Т. А. Гофману. Этот монастырский комплекс расположен сейчас в Варминско-Мазурском воеводстве Польши, между Кентшином и Решелем (примерно в ста километрах от Калининграда). Свента Липка является жемчужиной барокко. В соборе находится образ Свято-Липковской Божией Матери. Известны легенды

о появлении в достаточно глухом месте необычного костела. В одной – говорится о преступнике, приговоренном к смертной казне, которому, усердно молившемуся, явилась Пресвятая Дева и повелела вырезать свое изображение на куске дерева. Так возникла статуя Божьей Матери с ребенком на руках. Помилованный узник оставил фигурку на липе, как и велела Богородица. На этом месте поставили часовню, а липа оказалась внутри нее. По другой легенде, комтуру Тевтонского ордена Генриху фон Плоцке во сне явилась Богоматерь; с этого времени здесь начинается почитание Девы Марии. События легенд относят к XIV веку. В XVI веке протестанты уничтожили часовню, срубили липу, а скульптуру утопили в озере. В XVII веке иезуиты открыли здесь великолепный храм в стиле барокко. Слева от алтаря на одной из колонн был установлен искусственный ствол дерева с Богоматерью и младенцем Иисусом, символизирующий срубленную протестантами липу. В тридцатые годы XVIII века над входом в костел был установлен вырезанный из липы образ Девы Марии, обрамленный липовыми ветвями.

В «Эликсире дьявола» монастырь святой Липы становится своеобразным символом, в котором переплетаются авторские впечатления от реального пространства и его художественной интерпретации. При этом образ монастыря соотносится с жизнью Гофмана: свои переживания, заветные мечты он воплощает в романе.

Одним из ведущих в романе становится мотив воспоминания о детстве, связанный с пространством монастыря: «Тотчас же во мне пробудились в ярких красках дивные картины. Я опять очутился в священном лесу, на той самой поляне, куда паломник в странном костюме принес ко мне, в бытность мою ребенком, очаровательного мальчика» [4, с. 215]. Начиная с первых страниц романа Медард, глубоко прочувствовавший волнующую таинственность монастыря святой Липы, характеризует его как «дивное», «удивительное» (хотя покинул его, когда ему «не было двух лет») пространство [4, с. 26]. «*Mich umrauscht noch der dunkle Wald – mich umduften noch die üppig aufgekeimten Gräser, die bunten Blumen, die meine Wiege waren*» [22, s. 11]. (Вокруг меня все еще шумит темный лес – все еще благоухают пышно проросшие травы, яркие цветы, которые были моей колыбелью).

Образ монастыря святой Липы, названный «благословенным святилищем святой девы» [4, с. 298], всплывает в памяти Медарда, когда он испытывает сильное душевное волнение от открывшейся ему здесь связи с небом: «Со стен храма и из глубины купола улыбаются мне лики ангелов и святых, облаченных в разноцветные одежды...» [4, с. 26]. Так, впоследствии он сравнивает «отрадное спокойствие» капуцинского монастыря в Б. с «блаженством, которое веяло на меня до сих пор лишь от детских воспоминаний о монастыре «Святой Липы» [4, с. 41]. В другом капуцинском монастыре, расположенном недалеко от Рима, Медард тоже переживает потрясение в церкви – «как в былое время, когда я еще ребенком приходил в восторг от церкви св. Липы» [4, с. 270]. Медард соотносит атмосферу, царящую в монастыре святой Липы, с переживаемым религиозным восторгом и принятием важных решений – стать послушником капуцинского монастыря в Б. или, когда, оставив позади свое отступничество, спешит в Рим, как «нищенствующий монах»: «достопримечательности места моего рождения – монастыря «Святой Липы» [4, с. 29] сохраняются в его памяти.

Воспоминания из детства приобретают и конкретную форму, когда он посещает выставку и с удивлением всматривается в «копии с икон, изображенных на стенах монастыря св. Липы» [4, с. 118]. Эти иконы ему запомнились навсегда: будучи ребенком, он вдохновенно

описывает их княгине, «как если бы тогда уже понял их сокровенный смысл» [4, с. 29]. Когда же Медард раскрывает «тетрадь художника», «первым, что бросилось мне в глаза, были эскизы икон, написанных альфреско в монастыре св. Липы» [4, с. 277].

С пространством монастыря святой Липы связано явление таинственных персонажей, которые сопровождают Медарда на протяжении всей жизни. «В лесу, окружающем со всех сторон монастырь святой Липы, я подошел к скорбевшей матери, которая плакала над новорожденным мальчиком, оставшемся после смерти отца сиротою, и ободрил ее словами утешения» [4, с. 298]. Родоначальник рода – художник Франческо – появляется в самые «ужасные» моменты жизни потомка, чтобы остановить от опрометчивого выбора, оградить от «враждебной силы». Так, в день святого Антонио, ослепленный успехом своих проповедей, Медард видит чужестранца в «странном темно-фиолетовом плаще» и узнает в нем того самого «незнакомоего художника», которого «однажды видел в монастыре «Святой Липы» [4, с. 50-51]. Если сначала появление художника вызывало страх у Медарда, то потом – в темнице и в сцене гибели Аврелии – «ужас» исчезает. Если сначала художника видел только Медард, то потом его видят все: «Он производил впечатление святого, и все, даже сама игуменья, прониклась к нему благоговейным почтением» [4, с. 341]. Незадолго до смерти Медарда из его кельи выходит «незнакомец с белой кудрявой бородой, закутанный в фиолетовый плащ» [4, с. 347].

Медарда на его пути к «небесному утешению» сопровождает еще старый паломник, впервые явившийся ему в монастыре святой Липы. Впоследствии герой соотносит его «со святым Иосифом» [4, с. 48, 118], а также с настоятелем капуцинского монастыря недалеко от Рима и передавшем тетрадь основателя рода: «В это мгновение мне показалось, что этот настоятель – никто иной, как престарелый паломник, являвшийся мне в монастыре св. Липы» [4, с. 271]. Однажды он приходит к нему с «дивным ребенком» и объясняет матери Франциска-Медарда цель появления – зажечь «искру истинной, святой любви» [4, с. 27]. Медард вспоминает эти встречи и вопрос-пожелание «младенца-Иисуса»: «Где ты был так долго, Франциск? У меня много прекрасных ярких цветов, и все они будут твоими, если только ты останешься здесь навсегда и будешь любить меня вечно» [4, с. 33]. Обязательным сопровождением этих встреч рядом с монастырем святой Липы становятся картины природы – «нежные лилии», из-за которых появляется «дивный мальчик», «благоухающий лес», «прекрасные яркие цветы» и др. Пространство вокруг монастыря святой Липы ассоциируется с садом-раем.

В романе присутствуют таинственные соответствия, связывающие человека и природу. Для Э. Т. А. Гофмана природа – воплощение мистического чувства, основанного на натурфилософских идеях Ф. Шеллинга, считавшего, что «отдельные существа живут не сами через себя, не сами для себя, но природою и для природы» [23, с. 261]. Уже в «Предисловии (От издателя)» Гофман, обращаясь к «благоклонному читателю», поясняет: «Ты проследишь, как зародыш, посеянный злым роком, превращается в пышное растение, дает от себя отпрыски, разрастающиеся все гуще и гуще, пока, наконец, один из распустившихся на нем цветов не превратится в плод, который притянет к себе все живые соки растения и погибнет вместе с растением» [4, с. 24]. Соотнесение жизни растения (цветка) с жизнью человека – характерный прием немецких романтиков, в том числе и Гофмана [24].

Складывая в траве фигурки из камешков, у Франциска-Медарда и «дивного мальчика» «всегда в конце концов составлялся крест» [4, с. 27]. Крест, как символ мученичества

Иисуса Христа, соединяется и с судьбой Медарда, расплачивающегося за грехи предков [25]. Свое представление о земном счастье он соединяет с мечтой об Аврелии. «Старый паломник» появляется и перед ней в монастырской церкви. В эпизоде сна-видения ее спасают «благодетельные утешения религии, словно небесный бальзам»: «А затем старый паломник взял меня за руку и медленно провел к выходу из церкви» [4, с. 245]. «Святой муж» заботится о Медарде и об Аврелии, спасает их, помогая «в смертельной борьбе с мрачной силой» [4, с. 298].

«Искры небесной любви» пробуждаются в детской душе Франциска-Медарда, выбранного для борьбы с таинственной могущественной силой. Поэтому престарелый паломник говорит матери Франциска-Медарда: «Ваш сын богато одарен природой... Из него может выработаться доблестный подвижник. Пусть посвятит себя служению богу!» [4, с. 27]. Поэтому так радуется матушка выбору, сделанному сыном: «В день св. Медарда она ясно видела старого паломника, которого некогда встречала в монастыре «Святой Липы»; он вел за руку меня, одетого в облачение Капуцинского ордена» [4, с. 297].

С образом монастыря святой Липы связаны мотивы паломничества и искупления греха. Они относятся не только к основателю рода, но и к отцу Медарда, которому «предписано отправиться в паломничество к святой Липе, где рождение сына послужит для него залогом помилования» [4, с. 297]. К размышлениям о «таинственных обстоятельствах рождения» герой возвращается несколько раз. Он замечает, как его решение «постричься» радует матушку; она «видела в нем осуществление таинственных намеков паломника, стоявших в очевидной связи с неизвестным мне тогда еще видением покойного отца» [4, с. 33]. Святой Бернард предсказал, что рождение сына дарует ему прощение. «В монастыре «Святой Липы» отец заболел... когда я появился на свет, батюшка мирно скончался, получив отпущение грехов» [4, с. 25-26].

«Таинственная сеть связей», которыми пронизана природа, проявляется и в том, что святой Бернард является покровителем картезианского монастыря, с которым будет связана жизнь Медарда.

Мотив пути-паломничества воплощается в романе в трех главных пространственных обозначениях: Восточная Пруссия (Кёнигсберг) – Б. (Бамберг) – Италия (Рим) [26]. Для родоначальника рода, отца Медарда и для него самого монастырь святой Липы – «святилище» [4, с. 298]. «На возвратном пути с паломничества к святой Липе» [4, с. 187, 220] они с матушкой оказываются в Б. у игуменьи картезианского монастыря, а затем его жизнь будет связана с капуцинским монастырем, который находится в черте города. В дальнейшем путь Медарда лежит в Рим и обратно в капуцинский монастырь Б.

Точное обозначение Кёнигсберга использовано только в рассказе Леонарда Кржчинского, за которого себя выдает Медард: Краков – Данциг – Франценбург – Кёнигсберг – герцогская резиденция; затем – «рассчитывал продолжить путь в Италию» [4, с. 199]. На вопрос о пребывании в Б. он отвечает отрицательно, уточняя, что из Кёнигсберга «ехал другой дорогой» [4, с. 205].

В «Эликсире дьявола» присутствуют традиционные характеристики Италии («небесная обетованная страна» [4, с. 257]), говорится о благодатном климате, возвращающем здоровье, сообщается о «воззрении на иноческую жизнь» как «отрадную и светлую» в отличие от католической Германии [4, с. 36-37]. Однако случившееся в Риме заставляет

Медарда вернуться в родную обитель [\[27\]](#). Мученическая смерть иеромонаха Кирилла, свидетелем которой он стал, приснившийся вещий сон, но в большей степени «глубокая непреодолимая тоска по родине» вернула его назад. Действие романа заканчивается в капуцинском монастыре Б., где Медард возвращается к служению богу и пишет свое жизнеописание.

Заключение

Таким образом, монастырь святой Липы представлен Э. Т. А. Гофманом как пространство, близкое к небу и богу. Отсылки к нему даны на протяжении всего романа «Эликсир дьявола», с ним связана возможность искупления вины преступным герцогским родом. «Небесное утешение» даровано было родоначальнику рода после «долгого и многотрудного паломничества в монастырь св. Липы в Восточной Пруссии» [\[4, с. 289\]](#). «Луч утешения» «небо послало» Францу тоже после «паломничества к святой Липе» [\[4, с. 297\]](#). Появление на свет Франциска-Медарда в монастыре святой Липы представлено в качестве награды как «проявление милости божией к ребенку» [\[4, с. 298\]](#). Монастырская жизнь тех, кто сознательно отрекся от мирской суеты и соблазнов, вызывало уважение Гофмана. При этом истинную религию и беззаветное служение богу он соотнес в романе с родной страной. Монастырь святой Липы Э. Т. А. Гофман сделал своеобразным образом-символом возможного рая на земле, воплотив в ярких словесных описаниях свои лучшие воспоминания о родном городе. Автор романа «Эликсир дьявола», как можно предположить, создал собирательный образ известных ему локаций из своего детства и юности. Гофмановский Кёнигсберг по-прежнему существует: «следы» художественного мира писателя и память о нем хранит современный Калининград.

Библиография

1. Гофман Э. Т. А. Дневники / Перевод О. К. Логиновой // Гофман Э. Т. А. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники / Издание подготовили: И. Ф. Бэлза, А. С. Големба, О. К. Логинова. М.: Издательство "Наука", 1972. С. 431-537.
2. Логинова О. К. Дневники Гофмана // Гофман Э. Т. А. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники / Издание подготовили: И. Ф. Бэлза, А. С. Големба, О. К. Логинова. М.: Издательство "Наука", 1972. С. 564-591.
3. Виткоп-Менардо Г. Э. Т. А. Гофман сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Перевод с нем. О. Мичковского. Челябинск: Издательство "Урал LTD", 1999. 320 с.
4. Гофман Э. Т. А. Эликсир дьявола / Перевод с немецкого В. Л. Ранцова, под ред. З. А. Вершининой // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 7 тт. М.: "Недра", 1929. Т. IV. С. 21-349.
5. Гофман Э. Т. А. Письма Карлу Фридриху Кунцу // Гофман Э. Т. А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Перевод с нем. Составление К. Гюнцеля. М.: Радуга, 1987. С. 221-222.
6. Славятинский Н. А., Жирмунская Т. А. Примечания // Гофман Э. Т. А. Эликсыры сатаны / Перевод с немецкого Н. А. Славятинского. СПб: "Наука", 1993. С. 276-286.
7. Баринова А. Комментарии // Гофман Э. Т. А. / Перевод с немецкого А. Бариновой // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 8 тт. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. III. С. 475-507.
8. Венцлова Т. "Кёнигсбергский текст" русской литературы и о кёнигсбергских стихах Иосифа Бродского // Будущее Калининграда. От конфликтов к сотрудничеству / Под общей редакцией М. Заппера, Ф. Вайксера. М.: Изд. "Весь мир", 2003. С. 11-32.

9. В мире Э. Т. А. Гофмана: сборник статей / Главный редактор Грешных В. И. Калининград; Гофман-центр, 1994. Выпуск I. 222 с.
10. Гильманов В. Х., Мальцев Л. А. Теология начал в литературной судьбе Восточной Пруссии. Монография. Калининград: Изд. БФУ им. И. Канта, 2018. 257 с.
11. Гильманов В. Х. Проблемы региональной литературы: "кёнигсбергский текст" как предмет художественного опыта: учебное пособие. Калининград: Изд. РГУ им. И. Канта, 2010. 92 с. EDN: RASMGV
12. Грешных В. И. Э. Т. А. Гофман: Кёнигсбергская страница жизни // Гофман Э. Т. А. Избранное. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1994. С. 5-22.
13. Губин А. Б. Очерки литературной жизни Кёнигсберга // Преголя: Четвертое художественное приложение к Балтийскому альманаху. Калининград, 2009. С. 4-56.
14. Грешных В. И. "Магический мир" литературы Восточной Пруссии // Вестник Калининградского государственного университета, 2000. № 1. С. 41-49.
15. Микушевич В. и Ботникова А. Комментарии // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 тт. М.: "Художественная литература", 1994. Т. II. С. 419-426.
16. Калининградский словарь / редактор-составитель М. С. Попов. Калининград: Пикторика, 2021. 176 с.
17. Литвинец Н. Комментарий // Гофман Э. Т. А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Перевод с нем. Составление К. Гюнцеля. М.: Радуга, 1987. С. 401-455.
18. Сафрански Р. Гофман / Перевод с немецкого; Вступительная статья В. Д. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005. 381 с.
19. Минакова Р. Д. Калининград. В поисках Кёнигсберга: путеводитель. Калининград: Живем, 2019. 320 с.
20. Кёстер Б. Кенигсберг: Сегодняшний Калининград: Архитектура немецкого времени / Перевод с немецкого Алексея Шубина. Хузум, 2000. 256 с.
21. Минасян Л. Р. Калининград. Полная история города. М.: Издательство АСТ, 2024. 256 с.
22. Hoffmann E. T. A. Die elixiere des Teufels // Hoffmann E. T. A. Sämtliche poetischen Werke. Der vierte Band. Wiesbaden, 1972. S. 5-282.
23. Михневич И. Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга // Фридрих Шеллинг: pro et contra / Сост., вступ. Ст. В. Ф. Пустарнакова, примеч. М. А. Ходанович. СПб: РХГИ, 2001. С. 244-276.
24. Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г. "Растительный орнамент действительности": цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 7. С. 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275 EDN: UYMNTR
25. Королева В. В. Символический смысл образов розы и креста в романе Э. Т. А. Гофмана "Эликсиры сатаны" // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. № 5. С. 197-203. EDN: ZWDMBL
26. Мишина Л. А. Тексты Э. Т. А. Гофмана как художественный путеводитель // Вестник Удмуртского университета, 2019. Т. 29, № 5. С. 848-851.
27. Мишина Л. А. Рим в концепции романа Э. Т. А. Гофмана "Эликсиры сатаны" // Вестник Нижегородского государственного университета, 2011. № 6 (2). С. 438-442.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью "«Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола»"

Статья посвящена изучению истории создания романа Э.Т.А. Гофмана «Эликсир дьявола» и установлению связей с биографией писателя и пространством, где он когда-то жил и бывал.

Актуальная тема «литературной географии» и определения «гения места» позволяет включить статью в ряд исследований, посвященных изучению локальных текстов – здесь речь идет о «кёнигсбергском тексте». Исследование, выполненное в таком аспекте, несомненно, является актуальным и обладает научной новизной.

Автор статьи оперирует обширным фактографическим и исследовательским материалом, опираясь на комментарии ведущих исследователей творчества Э.Т.А. Гофмана – В.И. Грешных, Н. Литвинец, Н.М. Ильченко, Л.А. Мишиной и других.

В статье глубоко и убедительно отражена суть «кёнигсбергского текста», особенности ландшафта и истории его формирования, специфика пространства, архитектурных объектов края, рек. Всё это позволяет автору исследования прийти к справедливым выводам об отражении впечатлений Э.Т.А. Гофмана от посещения монастырей, жизни в Кёнигсберге в романе «Эликсир дьявола».

Автор статьи раскрывает особенности художественного текста, показывая, как жизнь героев романа – Медарда, Аврелии, Франческо – связана с пространственно-символическим образом монастыря «Святой Липы», Пруссией, Италией. Подробный, детальный анализ текста художественного произведения позволяет говорить о достоверности выводов автора исследования.

Однако следует отметить, что цитаты из романа «Эликсиры дьявола» приводятся, в основном, на русском языке, за исключением некоторых случаев с использованием оригинального текста и подстрочника. Однако нет пояснений, почему автор исследования прибегает к такой форме цитирования.

Стиль изложения в представленной работе – научный, текст статьи не перегружен излишней терминологией.

В библиографический список включены двадцать семь источников, однако только один из них относится к последним пяти годам, рекомендую дополнить актуальными исследованиями. То же относится к зарубежным исследованиям – они в библиографическом списке отсутствуют, единственным источником на немецком языке стал роман Гофмана.

В рецензируемой статье приведены различные точки зрения по поводу отражения пространства в романе «Эликсир дьявола», комментарии литературоведов, что позволяет показать дискуссионность проблемы, освещённой в работе: где находился монастырь «Святой Липы», какие монастыри послужили основой для создания этого образа, как могли отразиться в романе личные впечатления писателя.

На наш взгляд, статья будет интересна не только специалистам в области творчества Э.Т.А. Гофмана и «кёнигсбергского текста», архитектуре и культуре XVII-XVIII веков, но и широкому кругу читателей, которые хотели бы найти в условно-символическом пространстве романа реальной истории и культурного ландшафта Кёнигсберга.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Литневская Е.И. Существительные с вариативностью (колебанием) по роду: нормативное и узуальное // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72905 EDN: AYIHJX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72905

Существительные с вариативностью (колебанием) по роду: нормативное и узуальное

Литневская Елена Ивановна

ORCID: 0009-0003-3408-6332

кандидат педагогических наук

доцент, Филологический факультет, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1, стр.51, ауд. 961

✉ litn-elena@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.72905

EDN:

AYIHJX

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2024

Аннотация: В статье рассматриваются существительные с вариативностью (колебанием) родовой характеристики, наличие которых представляет трудность как для носителей языка, так и особенно для иностранцев. Группы таких слов неоднородны и состоят из склоняемых и — в основном — несклоняемых существительных, род которых выражается только синтагматически (флексиями атрибута и/или предиката). Среди несклоняемых существительных представлено несколько групп. В первой группе род вариативен только в узусе. Во второй группе род вариативен не только в узусе, но и в словарях. В третьей группе род регулируется правилом, причем у разных подгрупп этой группы факторы, определяющие родовую характеристику, различны, при этом в обыденном языковом сознании носителей языка встречается нарушение этих правил. В ходе работы применены методы наблюдения, сравнения, статистики и обобщения. Особое внимание уделено анализу источников, в частности словарей. В результате исследования материалов Национального корпуса русского языка сделаны выводы о существующих неверных употреблении рекомендуемых нормами родовой характеристик

некоторых склоняемых существительных, о частоте узуального выбора и узуального расхождения родовых характеристик несклоняемых существительных с нормативными родовыми характеристиками, рекомендуемыми словарями и справочниками, о выборе фактора для появления вариативности. Существование разноплановых факторов при установлении рода несклоняемых существительных заставляет предположить, что несклоняемые неологизмы и дальше будут приобретать вариативные родовые характеристики, причем наибольшее влияние будет оказывать род гиперонима, а также наличие применительно к определенному слову гиперонимов разного рода (страна/государство, автомобиль/машина и т.д.), в том числе и у слов, определение рода которых не предполагает обращения к роду гиперонима.

Ключевые слова:

вариативность родовой характеристики, языковая норма, узуальное употребление, существительные общего рода, несклоняемые существительные, обыденное языковое сознание, нарушение определения рода, факторы вариативности рода, роль гиперонима, перспективы рода неологизмов

Введение

Род русского существительного, как известно, его постоянный признак (классифицирующая морфологическая категория). Общепринято, что в русском языке три рода — мужской, женский и средний, причем универсальным средством их выражения является синтагматика — сочетаемость с атрибутом и предикатом. Однако в целом родовое употребление существительных сложнее: в языке есть также не являющийся отдельной граммемой скрещенный общий род, род наименований лиц по социальному статусу, а также выделенный А. А. Зализняком парный род, который, впрочем, так и не был введен в лингвистический обиход. Кроме того, в русском языке есть слова с колебанием (вариативностью) по роду. Правильное употребление родовых характеристик является одним из показателей владения языком, поэтому данный материал особенно актуален для пособий по практической стилистике. Как известно, род представляет собой одну из самых сложных морфологических категорий для изучения русского языка иностранцами, особенно если в их родном языке (например, китайском) родовая характеристика у существительных отсутствует.

В статье рассматриваются вариативные родовые характеристики, рекомендуемые грамматиками (например, «Русской грамматикой» 1980 года [\[1\]](#)), справочниками (например, авторитетным справочником Д. Э. Розенталя [\[2\]](#)) и словарями [\[3, 4, 5\]](#). Как показано в статье А. С. Барановой «Отражение вариативности родовой характеристики несклоняемых существительных в современных словарях» [\[6\]](#), разные словари нередко дают разные указания на род подобных существительных, поэтому для единообразия поиска мы пользовались преимущественно шестым, последним изданием «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка [\[4\]](#).

Правила употребления родовых характеристик сопоставлены с реальной языковой практикой на примере текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [\[7\]](#). При поиске задействованы все подкорпусы НКРЯ, но почти все примеры найдены в беллетристике, устной речи, на форумах и отражают обыденное языковое и

метаязыковое сознание [8]; всего в работе более 60 примеров. Поскольку все примеры взяты из НКРЯ на состояние ноября 2024 года, в каждом примере давать ссылку на НКРЯ мы не будем. Цитаты приведены в орфографии и пунктуации их авторов.

В ходе работы применены методы наблюдения, сравнения, статистики и обобщения исследуемых имен существительных.

Основная часть

Существительные с колебанием по роду следует отличать от двуродовых существительных, которые включают слова общего рода и наименования лиц по социальному статусу [9].

Слова общего рода типа *зануда*, *соня* и т. п. обозначают лиц по характерному признаку и в зависимости от пола обозначаемого лица используются как слова мужского или женского рода соответственно (*наш соня проснулся / наша соня проснулась*).

Наименования лиц по социальному статусу (*врач*, *учитель*, *депутат* и т. п.) фиксируются в словарях с одной, преимущественно мужской родовой характеристикой, но в узусе ведут себя иначе: при обозначении лица мужского пола они реализуют мужской род как в атрибуте, так и в предикате, а при обозначении лица женского пола узואально возможен мужской, женский род и рассогласование по роду атрибута и предиката (*наш врач пришел, наш врач пришла, наша врач пришла* при невозможности **наша врач пришел*) [10]. Знаменательно, что у этих слов возможно даже употребление нескольких атрибутов в формах разного рода (*наша главный инженер*) — об этом см. [11]

Колебание же существительных по роду представлено у неодушевленных существительных (о словах типа *кенгуру* и *инкогнито* будет сказано отдельно), несемантизировано и может быть нормативным, отраженным в словарях (*кофе* — м/ср) [3], в некоторых же случаях — узואальным и даже окказиональным (*виски* — ср/м/мн, *тюль* — м/ж, *шампунь* — м/ж, *Сочи* — м/мн).

Среди слов с колебанием по роду представлены склоняемые и несклоняемые существительные.

Склоняемые существительные с колебанием выражают род как парадигматически (всей своей словоизменительной парадигмой), так и синтагматически (флексиями согласованных с ними по роду зависимых слов). Разная их парадигма делает эти слова с точки зрения определения рода несложными для восприятия, но не для употребления.

Среди них представлены следующие группы.

1. Склоняемые нарицательные существительные с характерными для соответствующих родов парадигмами без различий в значении.

«За забором всегда **висел прозрачный тюль, за тюлем** — живописный задник с нарисованной природой». [М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)].

«В гостиной или столовой эффектно смотрится **вышитая прозрачная тюль, закрепленная** поверх плотных однотонных портьер». [С иголки (2004) // «Homes & Gardens», 30.04.2004]

«Люся притащила **«свой» шампунь**, а потом ее «задействовали» везти какого-то старика на четвертый этаж и, подождав минут десять, я сам вымыл В.С. голову над

раковиной». [С. Н. Есин. Дневник (2007)]

«Не все могут позволить себе купить **элементарную шампунь**, а мылом мыть голову... сами понимаете, что получится... » [Форум: Хватит губить детей! (2011)]

В словарях у таких слов обычно отмечен как нормативный только один из родов (в случае приведенных выше примеров мужской), а женский род является хоть и достаточно распространенной, но узурпаторской ошибкой. Большой интерес представляет фиксация подобных слов в шестом издании «Грамматического словаря» А. А. Зализняка [4]. Так, в нем слово *тюль* не отмечено как лексема с колебанием по роду (в отличие от лексемы *шампунь* с пометой *м//ж*), что, как мы видели по примерам выше, не соответствует узусу.

Параллельные формы не связаны со смысловыми или стилистическими различиями и выступают как вариативные, однако бóльшую часть таких слов следует употреблять в одном из указанных в словарях и справочниках родов [2, с. 196].

«Когда я был в ванной в комнату вышла Муська и поймала канарейку и лишь метко **брошенный тувель** спас ей жизнь, а сегодня я заметил, что она ничего не ест и не пьет, а только спит на своей жердочке». [Сергей Скисов. Дневник (1972)]

«Мы оказались на Каменном мосту, стояли у перил, о чем-то горячо спорили, и вдруг **одна моя туфля улетела в воду**». [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)]

У таких существительных в словарях обычно зафиксирован только один нормативный род с соответствующей ему начальной формой (*жираф*, *туфля*), и этот нормативный род в узусе употребляется чаще (например, в НКРЯ зафиксировано 40 примеров с формой *туфля* и только один пример с формой *туфель* мужского рода).

2. Во втором случае параллельные формы различаются прагматическими компонентами значения — стилистической окраской или сферой употребления, например: *глист* и *глиста* (вторая форма просторечная).

«А Гешка тоже пузико такое отъела, заметно потяжелела, раньше вообще **глиста была**». [Кошки форева! (2008)]

3. В современном литературном русском языке форма одного рода представляется устаревшей, например: *рельс* и *рельса* (устар.), *кинофильм* и *кинофильма* (устар.).

«Я присел на **выгнутую, скрюченную** пылом пожара **рельсу** и задумался». [Вл. А. Гиляровский. Друзья и встречи / Фогабал (1934)]

3. Отдельные имена существительные приобрели различающиеся понятийные компоненты значения, например: *зал* (мужской род: 'большое помещение для многолюдных собраний, для занятий чем-л. и др. целей') — *зала* (женский род: устар. к *зал* — 'парадная комната в частном доме') — *зало* (средний род: устар. к *зал*).

«Но вот распахнулась стеклянная дверь: вступаем **в просторную залу**». [И. А. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете? (1841)]

«Теперь квартира напоминает **зал** ожидания большого вокзала». [Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», 2004].

Что касается слов типа *зал* — *зала*, *сопрано* ('голос') — *сопрано* ('певица'), представляется, что в случае семантических различий (понятийных и прагматических)

следует говорить не о колебании по роду, а об отдельных лексемах с фиксированной родовой характеристикой.

Вторая группа — **несклоняемые существительные**, род которых выражается только синтагматически (имеющими родовую характеристику согласованными зависимыми словами — прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, местоименными прилагательными, глаголами в прошедшем времени или сослагательном наклонении) [\[1, 2, 12, 13\]](#).

Существенным как для нормативного, так и для узуального употребления этих существительных является то, что в разных их группах действуют разные правила употребления родовой характеристики [\[5, 12\]](#).

1. У нарицательных неодушевленных предметных существительных в основном фиксируется средний род (*пианино, бра*) с некоторыми нормативными исключениями (*авеню, кольяраби* и др. — женский род по родовому названию *улица, капуста* и др.):

*«Окна были почему-то плотно зашторены, над диваном **горело бра**»*. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

*«В самом деле, Нью-Йорк вот уж истинный *melting pot*, там в час пик на **Пятой авеню** не так часто правильную английскую речь услышишь»*. [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]

2. Несклоняемые названия лиц (*инкогнито, визави* и др.) имеют мужской или женский род, равно как и некоторые несклоняемые собственные личные имена и фамилии (*Валери, Седых*). Эти существительные относятся к общему роду, а не к словам с колебанием по роду.

*«Время от времени Ильич гладил ее по волосам (**визави** при этом **смотрел** себе в карты)»*. [Сергей Юрьенен. Покер с Ильичом // «Столица», 1997.04.01]

*«Но **моя визави** под прицелом пистолета выкидывает козырь, как карточный шулер»* [Александр Мардань. Тайна на троих // «Дальний Восток», 2019]

3. Несклоняемые зоонимы мужского рода (*какаду*) с исключениями — женский род при обозначении в тексте того, что это самка (эти слова близки по своему поведению к наименованиям лиц по социальному статусу), а также у слов *колибри, цеце, иваси*:

*«Ее маленькая квартирка, кстати, была такой же точно крохотной городской оранжереей (кроме нее там **жил большой белый какаду**, в совершенстве **ругавшийся** матом)»*. [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)]

*«Чтобы действительно не сболтнуть чего-нибудь, он торопливо ухватился за кружечку с кофе и попытался пить его как можно медленнее, хотя, как он заметил про себя, даже **колибри бы управлялась** с такой дозой кофе за пять минут»*. [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015]

4. Для сложных слов и аббревиатур род определяется по роду главного слова в производящей базе (*наш МГУ — Московский государственный университет*), исключения *вуз* (высшее учебное заведение), *БАМ* (Байкало-амурская магистраль) и др., у которых на родовую характеристику влияет внешний вид слова, и при этом они становятся склоняемыми:

«Сейчас **вуз** формально **должен** отдать все заработанные средства государству». [Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31]

Не следует забывать, что некоторые похожие на аббревиатуры слова, например *НАТО*, аббревиатурами в русском языке не являются и заимствованы в готовом виде (в английском *НАТО* является аббревиатурой от *Североатлантическая военная организация*); в этом случае род обычно определяется внешним видом (финалью) слова:

«Только вот что именно получает от этого **само НАТО** и главным образом США, остается неясно». [Сергей Минаев. Двадцатым будешь? // «Вечерняя Москва», 2002.05.16]

5. Род топонимов определяется по роду гиперонима (*Миссисипи* — 'река', *Кентукки* — 'штат').

«Отчего Москва-река теперь стекает в Риони, а **Миссисипи** биссектрисой **рассекла** *Междуречье*?» [Александр Иличевский. Спуск // «Союз Писателей», 2010]

«Путеводитель по штату Теннесси и **лежащему** рядом **Кентукки** обещал нам дорогу «голубой травы» («блю грасс»)). [Василий Песков, Борис Стрельников. Земля за океаном (1977)]

Хотя названные выше группы существительных обычно приводятся в одном ряду, среди них есть принципиальные отличия, связанные с семантизованностью родовой характеристики. Так, существительные второй группы типа *визави* и существительные третьей группы типа *кенгуру* относятся к общему роду (являются двуродовыми). Общий род — это внутрисловная омонимия, при которой родовая характеристика лексемы семантизирована (об этом см. выше).

Так и ведут себя слова второй группы (наименования лиц), например:

«Тебя подпитывают обстоятельства... вроде **молодого влюбленного полночного визави**». [Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012]

«Не оттуда у меня растут руки, — улыбается Ангела **своей верной визави**, представшей после ласкового душа в запотелом зеркале». [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012]

(От существительного *визави* надо отличать слово *визави* как наречие ('напротив'), например:

«О, вот как это произошло: сидим мы как-то ночью в отделе **визави**». [Инна Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013]).

Что касается слов третьей группы (зоонимов), то по правилу семантизированным у них является только женский род, и то лишь у некоторых существительных. Если речь идет о биологическом виде, то употребляется мужской род.

Так, например, интерес вызывает слово *кенгуру*. В большинстве случаев оно употребляется в мужском роде, т.е. по правилам.

«Почему в Австралии так много сумчатых животных? — Собака сумчатая, **кенгуру сумчатый**, все сумчатое. Такого нет больше нигде!» [Евгений Коваленко. Коллекционер! // «Пятое измерение», 2002]

Слово *кенгуру*, которое по правилам может быть женского рода только при указании в

тексте на самку, и вне подобных контекстов может употребляться как слово женского рода (в НКРЯ 17 примеров), а единожды оно встретилось в среднем роде.

«Внутрь загородки он не пошел, поскольку там нас приветствовала кенгуру, тоже с герба». [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)]

«Все устали бы, точно в аудиторию прискакала кенгуру». [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001]

«Если к маленькому черепахе привязать большой шарик, заполненный гелием, то перемещаться он будет как заправское кенгуру — прыжками». [Запись LiveJournal (2004)]

При этом один из найденных нами примеров вовсе противоречит правилу, поскольку при прямом указании на самку (у которой в сумке растет кенгуренок) слово *кенгуру* употреблено в мужском роде.

«Виллу Сафаралиева украшало множество красочных птиц — в клетках и с подрезанными крыльями они плавали в бассейнах и гуляли по саду хрустальных своих копий и копий иных животных: павлины — перышко к перышку, страусы, броненосцы, споткнуться о них, кенгуру, в сумке которого мастер сумел выдуть кенгуренка; дно бассейнов устилали венецианские зеркала, по углам лицом к небу, обхватив стеклянные колени, сидели русалки». [Александр Иличевский. Перс (2009)]

Остальные группы (1, 4, 5) несемантизированы и могут иметь вариативный род, причем несклоняемых существительных с нормативным и узуальным вариативным родом значительно больше, чем склоняемых. Среди несклоняемых существительных с вариативностью рода можно выделить следующие группы.

1. Группа неизменяемых существительных, которые имеют нормативные словарно закрепленные равноправные родовые характеристики, например: *кофе, виски* — мужской род / средний род. Представляется, что параллельные синтагматически выражаемые грамматические формы этих существительных связаны или с процессом перехода этих существительных из одного рода в другой, или с соотносительностью с гиперонимами (родовыми понятиями) разных родов, или с вариативностью выбора между нормативным правилом отнесения к роду и гиперонимом.

2. Отдельные несклоняемые имена существительные среднего рода с параллельными формами другого рода, одна из которых в той или иной мере устаревшая, на которые обратил внимание В.В. Виноградов еще в пятидесятые годы XX века^[14], например: *какао* (ср.) и *какао* (м.): «... Мне пора пить **мой какао**» (И.С. Тургенев «Отцы и дети»), *боа* (ср.) и *боа* (м): «Он счастлив, если ей накинёт **боа пушистый** на плечо» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин»).

3. Несклоняемые собственные имена существительные: некоторые топонимы (например, *Никарагуа*), некоторые имена и фамилии (например, *Валери, Седых*) и марки автомобилей (например, *Ауди*).

В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка есть характерные пометы для фиксации у лексемы колебания по роду, при этом в последние издания внесены не только нарицательные, но и собственные имена — названия городов, государств и других геополитических объектов, а также некоторые личные имена и фамилии (например: *Никарагуа* с//ж: 'государство' и 'страна'). Марки автомобилей включены

частично [4].

Для нарицательных несклоняемых существительных (нулевого склонения, по А.А. Зализняку) с колебанием по роду в словаре есть пять помет: *с//м*, *м//с*, *с//ж*, *ж//с*, *с//мн*. Каждая первая характеристика в паре является приоритетной. Всего таких существительных 39 из 829 неодушевленных несклоняемых существительных (4,7%), и оканчиваются они в основном на *и*, *е*, *о*.

Самая многочисленная группа имеет помету *м//с*, это следующие слова: *бренди*, *евро*, *кофе*, *кюри*, *липси*, *мартини*, *мокко*, *наргиле*, *сиртаки*, *сулгуни*, *чили*, *шерри*, *эку*, а также историзмы *роно*, *районо*, *облоно*, *гороно*. Как мы видим, семантически группа крайне неоднородна: тут представлены названия денежных единиц (*евро*, *эку*), физические единицы измерения (*кюри*), еда, приправы и напитки (*бренди*, *кофе*, *сулгуни*, *мокко*, *чили*), танец *сиртаки*, группа несклоняемых аббревиатур (*роно* и под.).

«Пока варится **ваш кофе**, возьмите, размороженное заранее, слоеное тесто "Мастерица"». [Мастерица. Праздник каждый день! // «Даша», 2004]

«Универсальную активность к перечисленным выше болезнетворным микроорганизмам проявляют виды рода *каланхоэ*, *сансевьера трёхполосая*, *плющ обыкновенный*, *герань зональная*, *аспидистра высокая*, *лавр благородный*, *цитрус лимон*, **кофе арабийское**, *плоскоцветочник восточный*». [Наталья Цыбуля. Фитонцидные растения: уют с пользой // «Наука и жизнь», 2009]

Вторая группа имеет пометы *с//м*: *антука*, *ауди*, *виски*, *вольво*, *га*, *габбро*, *идо*, *па-де-де*, *пенальти*, *песо*, *сентаво*, *скудо*, *сольдо*, *статус-кво*, *эскудо*.

«Это было любимое **виски** кумиров того времени — Хемингуэя и Фицджеральда». [Понемногу о многом // «Знание — сила», 2005]

«Хлебное же вино, обладающее своим собственным вкусом, пьется точно также, как коньяк или, скажем, **односолодовый виски**: по чуть-чуть, глоточками». [Дмитрий Михайлин. Односолодовая водка // «Русский репортер», 2015]

Третья группа имеет помету *с//ж*: *брокколи*, *мацони*, *меджие*, *ткемали*.

Однако в НКРЯ нам не встретилось ни одного употребления слова *брокколи* в среднем роде: основное употребление фиксируется в женском роде (по роду гиперонима *капуста*), единожды слово *брокколи* употреблено во множественном числе (вероятно, по финали *и*):

«400 г мелко **нарезанной брокколи** соль 350 г фасоли 200 г зеленого горошка 220 г консервированных каштанов (без жидкости) 1 пучок зеленого лука» [Имбирь + лайм + кориандр (2004) // «Homes & Gardens», 16.04.2004]

«**Брокколи** бывает **ветвистой** — едят молодые и толстые мясистые побеги, их можно замораживать для длительного хранения, и головчатой — небольшие рыхлые кочешки, очень быстро увядающие, поэтому их надо использовать в течение 1-2 дней». [В. Мещерякова, В. Мухин. Капустник (1997) // «Здоровье», 15.12.1997]

«Живешь, дышишь воздухом, от которого легким так хреново, от того, что он такой прозрачный, ешь **сырые брокколи** без соуса и чувствуешь, что умрешь здоровым». [Кира Сурикова. Толю из Жуковки знаешь? (2003)]

Помету *ж//с* в словаре имеет только слово *бери-бери*, обозначающее болезнь.

Диагностические примеры на это слово в НКРЯ не встретились.

Помету *с//мн* имеют слова *жалюзи* и *спагетти*. Средний род, как мы видим из пометы в словаре, должен быть приоритетным, однако для слова *спагетти* он не встретился в НКРЯ ни разу, все употребления демонстрируют множественное число (по финали и и гиперониму *макароны*).

«Мало того, **на моих спагетти** нигде не было сказано, сколько их варить». [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)]

«Дортман, не вставая, дотянулся до плиты, снял кастрюлю, щепотью достал оттуда **длинные тонкие спагетти** и, широко раскрыв рот, опустил их туда». [А. И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010]

Слово *беби* имеет уникальную помету: *со//мо-жо*, т.е. *это/этот/эта беби*.

«Среди этой компании попадались довольно странные персонажи, например, тучный мальчик, белокурый, толстощекий и розовый — ну просто этакий гигантский **английский беби, выраженный** турком, или тощий грек, угловатый, с лисьей мордочкой, утопающий в длинном, отороченном мехом суконном одеянии вроде доломана...» [Кирилл Кобрин. Обманщик (о кн. Теофиля Готье «Путешествие на Восток») // «Октябрь», 2001]

«Никто не заметил, как брошенный зрителями и прокатчиками, оставшийся в обществе **любимой беби** и изумленного мецената из бывших налетчиков, Ланцелот впервые взял в руки револьвер». [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)]

Примеров на употребление слова *беби* в среднем роде в НКРЯ не встретилось.

В соответствии с собранными нами примерами мы не можем согласиться с и с некоторыми другими пометами. Так, слово *мюсли* имеет в словаре помету *с* (средний род неодушевленное), однако в узусе это слово обычно имеет согласованные с ним слова множественного числа, т.е. относятся к группе *мн//с*:

«Вынула полтинник, положила на стол: "Это тебе за **съеденные** мной **мюсли**". [Извини — подвинься // «Истории из жизни», 2004]

В НКРЯ не встретилось ни одного примера, где *мюсли* имеет характеристику среднего рода.

У А. А. Зализняка слово *пенальти* преимущественно среднего рода, однако узואльно оно употребляется почти всегда как слово мужского рода: среди многочисленных примеров в НКРЯ нам встретилось одно только употребление в среднем роде, причем датированное 1948 годом.

«87 (3:0). **Нереализованный пенальти**: Лоськов, 52». [Алексей Самура. Ничья вслепую. Герои и неудачники 21-го тура первенства страны по футболу // «Известия», 2002.08.26]

«Лешка снял 2 раза; один раз схватку около ворот, а другой раз — **тренировочное пенальти** мне». [Н. Н. Козаков. «Дневник», 1948]

А. С. Баранова в статье «Отражение вариативности родовой характеристики несклоняемых существительных в современных словарях» (2016), проанализировав несколько значимых толковых словарей, выявила, что в этих словарях бывают расхождения в описании рода несклоняемых существительных [\[6\]](#).

Большой интерес вызывает представление о роде несклоняемых существительных у носителей непрофессионального обыденного сознания [8, 13]. А. С. Баранова, анализируя метаязыковые высказывания носителей языка, описывает причины выбора ими того или иного рода для несклоняемого слова. «Наиболее обсуждаемые пользователями лексемы можно распределить по следующим тематическим группам: “алкогольные напитки” — *виски, бренди, мартини, сакэ*; “марки автомобилей” — *вольво, ауди, БМВ, феррари, порше, мицубиси, бентли, шевроле*; “специи, приправы” — *чили, карри*; “фрукты” — *киви, фейхоа, помело, кивано*; вне групп — *евро, биеннале, фэнтези*» [15, с. 7]. Автор выделяет мотивирующие критерии выбора, что можно обобщить следующим образом.

1. Лингвистические критерии: 1) знание общего правила нормативного определения рода, 2) финаль слова — на гласный или на согласный, 3) семантическая аналогия и опора на род гиперонима, 4) знание первоисточника наименования (наименее распространенный фактор).

2. Экстралингвистические критерии: 1) обращение к авторитетному источнику, 2) субъективное отношение к денотату, 3) интуитивный фактор.

Говоря о тенденциях в группах несклоняемых существительных, можно отметить следующее.

Некоторые новые несклоняемые двуродовые существительные приобретают в соответствии со своей финалью склоняемость и фиксированную родовую характеристику (например, вначале не склоняемое слово *Интернет*, довольно скоро осмысленное как склоняемое слово мужского рода).

«Это международный проект, целью которого является организация интеллектуального поиска в Интернет и автоматическое накопление новых знаний». [С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004]

«Все известные поисковые системы, выполняющие подготовку (индексирование) документов и их поиск в Интернете, оперируют только с ключевыми словами». [С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004]

Знаменательно, что оба приведенных выше примера взяты из одного источника.

Отдельные несклоняемые существительные, меняя свою финаль, также оказываются склоняемыми (автомобиль *Жигули* — *Жигуль*):

«А еще там, в «жигуле» злосчастного, погребенного под ванной, представителя фирмы «Этаж», был... мобильник». [Андрей Измайлов. Трюкач (2001)]

Появление и распространение электронных справочных ресурсов (в частности популярного портала «Грамота.ру» [16]), в отличие от печатных словарей, которыми пользуются по большей части профессиональные филологи, делает информацию о нормативной родовой характеристике слов более доступной для носителей обыденного языкового сознания, однако спонтанное (и даже не спонтанное) порождение речи по-прежнему демонстрирует значительные колебания в некоторых группах несклоняемых существительных.

Так, с опорой на внешний вид слова (финаль на и) топоним *Сочи* употребляется не только нормативно (в мужском роде — в соответствии с родом гиперонима *город*), но и окказионально в форме множественного числа (подобно словам *мюсли* и *спагетти*) и в этой форме приобретает склоняемость.

*«Море! Сочи! Принято считать, что **Сочи стал** курортом в 1909 г. Именно тогда открылся гостиничный комплекс "Кавказская Ривьера"». [Елена Зенина. Морская симфония // «Туризм и образование», 2001.03.15]*

*«Впоследствии, увидев знакомую марку у себя в городе, они наверняка отдадут предпочтение ей и расскажут знакомым о том, что именно такой магазин видели "летом в **Сочах**". [События (2004) // «Бизнес-журнал», 03.03.2004].*

В этом примере завышенное *летом в Сочах* предполагает, что это употребление автор считает неправильным, поэтому он приписывает его неким знакомым.

*«Слетали из **Сочей** в Иркутск и вернулись обратно». [В. В. Ершов. Дневник (1999) // Летные дневники. 1984–2002 годы / Проза.ru]*

Интересно, что топонимы-города (например, *Тбилиси*) в НКРЯ употребляются только в мужском роде единственного числа и не склоняются.

Значительное расхождение в роде показывают несклоняемые названия марок автомобилей *Вольво, Ауди, БМВ, Феррари, Порше, Мицубиси, Бентли, Шевроле* (в справочнике Д.Э. Розенталя этот материал отсутствует). Для примера возьмем марки *Вольво, Пежо, Ауди, Рено*. Словарь А.А. Зализняка для марок *Пежо* и *Рено* указывает только средний род, а для *Ауди* и *Вольво* — с//м [4]. Вопреки словарю и общему правилу о принадлежности несклоняемых существительных, обозначающих предметы, к среднему роду, эти названия чрезвычайно редко употребляются в среднем роде, а имеют род мужской (чаще) или женский (реже). Такие родовые характеристики обусловлены соотношением названий марок автомобилей с гиперонимами *машина* (женский род) или *автомобиль* (мужской род), причем оба употребления, по мнению экспертов образовательного портала «Грамота.ру», являются допустимыми [16]. Найденные нами примеры из НКРЯ подтверждают это, но употреблений в мужском роде оказалось больше. При этом НКРЯ априори исходит из того, что названия марок автомобилей мужского рода: если задать в поисковике к этим названиям характеристику «мужской род», программа выдаст примеры употребления как в мужском роде, так и без указания на род (с отсутствием согласованных зависимых слов).

Для марки «*БМВ*» из 643 употреблений это слово в женском роде употреблено 54 раза.

*«Владик его встречать поедет на **служебной БМВ**». [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]*

*«Владислав Борисович Арбузов, молодой успешный профессионал и правая рука своего босса, в превосходном настроении восседал на переднем сидении **мощного БМВ** и снисходительно поддерживал неинтересную беседу с водителем Колей». [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]*

*«Вместе они радовались первым серьезным покупкам, особенно первой машине — **белой, изящной**, как фарфор из благородного сервиза, **спортивной "БМВ"** семьдесят мохнатого года выпуска, которую Тамара водила еще неумело, и **"БМВ"** продвигался рывками, будто игрушечная машинка на веревке, среди рассерженно гудящих*

"Жигулей"». [О. А. Славникова. 2017 (2017)]

Как мы видим, в последнем из примеров слово *БМВ* употреблено как в мужском, так и в женском роде в пределах одного предложения.

Для существительного «*Вольво*» всего найдено 400 примеров, из них употреблений в женском роде 125.

«**Темная "Вольво"** медленно объезжает широкую лужу, двигаясь к серокаменным воротам». [Марина Ахмедова. Место подвига // «Русский репортер», 2012]

«Короче, на скорости около 200 **сдалась "Вольво"**, а "Жигуль" просвистел мимо». [С.Л. Львов, Г.Д. Митин, А.А. Новиков. Красная книга (2002) // «Автопилот», 15.05.2002]

«Такое же впечатление **произвел** и **"Вольво-ХС90"**». [Петр Меньших. Я знаю, что такое заводить! (2004) // «За рулем», 15.04.2004]

«В том, что произошло с плотно **груженным "Вольво"** на обратном пути неподалеку от Лодзи, уже вторую неделю разбиралась польская полиция». [Игорь Сахновский. Человек, который знал все (2007)]

Для марки «*Пежо*» из 268 примеров по поиску указано 14 употреблений в женском роде, однако все они относятся к компании «*Пежо*», зато употреблений в мужском роде достаточно много, средний же род встречается единично.

«В цепких колючках череды, пиявках и липкой паутине он вбежал в дом и, застав Ксюху с матерью и бабой Шурой у раскрытого чемодана, забаррикадировал входную дверь полутонным сервантом и закричал с такой силой, что возле автостанции **замигало** и **запищало чье-то перепуганное "Пежо"**». [Светлана Крещенская. Черный лебедь, белый лебедь... (2014) «// «Ковчег», 2014]

«14 ноября через Йеменскую таможню в Литву направлялся **старенький "Пежо"**». [З. Мазепов. У мадам были «крепкие нервы» (2004) // «Калининградские Новые колеса», 26.11.2004]

«Что за машина — **новый "Пежо-307 WRC"**, пришедшая на смену "206-й" модели, и какова очередная эволюция «Лансера WRC», с которой после годичного перерыва вернулась в турнир "Мицубиси"» [С миру по гонке (2004) // «За рулем», 15.03.2004]

Интересно, что в последнем примере *Пежо* мужского рода, а *Мицубиси* — женского.

Для «*Ауди*» из 394 примеров найдено 125 диагностируемых употреблений в женском роде.

«Пока **"Ауди"** тихонько **пыхтела**, разогреваясь, Сергей с неким сожалением глядел на компанию однокурсников». [Александр Богомолов. Живи, Серега. «Я не заражу окружающих». Из дневника 22-летнего ВИЧ-инфицированного (2002) // «Известия», 29.11.2002]

«Но генерал — человек бесстрашный: еще год назад он заявил, что область без своей твердой руки не оставит. Так что **бронированная "Ауди"** пригодится. Если не от чеченских боевиков, так от своих избирателей защитит». [Александр Григорьев. Шаманские пляски (2003) // «Вслух о...», 04.08.2003]

«С другой, это все-таки новый "Мондео", а не **новый "Ауди"**, "БМВ" или "Мерседес", так что есть надежда, что не угонят». [Андрей Колесников. Бублики Мондео // «Автопилот»,

2002.01.15]

«Поэтому экономической неудачей обернулся **компактный "Ауди-А2"**». [Алексей Воробьев-Обухов. Трудно быть легким (2004) «// «За рулем», 15.04.2004]

У «Рено» встретился не только мужской и женский, но и средний род. Представляется, что именно внешняя оболочка слова (финаль на ударный о) порождает возможность употребления данного слова среднем роде. Количество примеров в мужском роде велико, количество же примеров женского рода малозначительно.

«А за сопоставимую сумму можно взять куда более интересное авто, чем **предлагаемое "Рено"**». [В. О. Авченко. Правый руль (2009)]

«В 05.00 утра на дороге Чистые Пруды — Гусев — Госграница на высокой скорости **"Рено" впечаталось в придорожное дерево**». [Девять трупов за семь дней... (2004) // «Калининградские Новые колеса», 11.11.2004]

«Что стало с "Блейзером", почему не **"поехала" "Рено"**, будет ли "Шевроле-Нива" и так далее. [Письмо месяца (2002) // «Автопилот», 15.07.2002]

«Цена в двести его вполне устраивала. **Старый "рено" казался ухоженным и надёжным**. Глеб расслабился, откинув голову на подголовник кресла». [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)]

Как мы видим, носители обыденного языкового сознания допускают значительную вариативность в родовом употреблении несклоняемых марок автомобилей. Так же вариативно у них в сознании устроен выбор в написании этих марок — со строчной или прописной буквы, в кавычках или без кавычек.

Заключение

Таким образом, существование описанных выше разноплановых факторов при установлении рода несклоняемых существительных заставляет предположить, что несклоняемые неологизмы и дальше будут приобретать вариативные родовые характеристики, причем наибольшее влияние будет оказывать род гиперонима, а также наличие применительно к определенному слову гиперонимов разного рода (*страна/государство, автомобиль/машина* и т.д.), в том числе и у слов, определение рода которых не предполагает обращения к роду гиперонима.

Библиография

1. Русская грамматика. В 2-х тт. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М.: Наука, 1980.
2. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: ИК "Комплект", 1997.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Изд. 6-е, дополненное. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://gramdict.ru/>.
5. Успенская И. Д. Современный словарь несклоняемых слов русского языка: ок. 3000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2009.
6. Баранова А. С. Отражение вариативности родовой характеристики несклоняемых существительных в современных словарях // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 1. С. 45–57.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru>.

8. Норман Б. Ю. Грамматическая категория рода как фрагмент обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2010. Ч. 3. С. 87–105.
9. Ян Нань. Двуродовые существительные и тенденции их употребления в современном русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2024.
10. Ян Нань, Литневская Е.И. Способы обозначения женского пола у существительных переходного к общему роду («кандидатов» в общий род): традиционное и новое // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 14–20.
11. Герасимова А. А., Лютикова Е. А. К проблеме вариативности языковых данных: рассогласование по роду в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. 2020. № 2. С. 25–37.
12. Садилов И. В. Определение рода несклоняемых имен существительных // Научный диалог в языковом пространстве. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Саратов: Вавиловский университет. 2023. С. 209–211.
13. Турко У. И. О родовой принадлежности новых несклоняемых слов // Апробация. 2013. № 11. С. 27–28.
14. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3, испр. М.: Высшая школа, 1986.
15. Баранова А. С. Критерии выбора рода несклоняемых неодушевленных существительных рядовыми носителями языка (на материале метаязыковых комментариев) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 5–13.
16. Портал «Грамота.ру» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gramota.ru>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению существительных с вариативностью (колебанием) по роду. Рассматриваются вариативные родовые характеристики, рекомендуемые грамматиками, справочниками, словарями. Как отмечается, «разные словари нередко дают разные указания на род подобных существительных», поэтому для единообразия поиска автор(ы) пользовались преимущественно последним изданием «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка. Данное исследование видится актуальным в силу того, что, «правильное употребление родовых характеристик является одним из показателей владения языком», однако «род представляет собой одну из самых сложных морфологических категорий для изучения русского языка иностранцами, особенно если в их родном языке (например, китайском) родовая характеристика у существительных отсутствует». Следует признать, что даже носители языка допускают отклонения от нормы в родовом употреблении слов с колебанием (вариативностью) по роду. Поэтому в работе проводится сопоставление нормативного употребления таких существительных со случаями реальной языковой практикой на примере текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка. Также многие примеры найдены в художественной литературе, устной речи, на форумах и

отражают обыденное языковое и метаязыковое сознание. Всего в работе более 60 примеров.

Теоретическую базу исследования составили труды таких российских ученых, как В. В. Виноградов, Б. Ю. Норман, У. И. Турко, А. С. Баранова, посвященные грамматической категории рода в целом, вариативности родовой характеристики несклоняемых существительных, родовой принадлежности новых несклоняемых слов и т. п. Библиография статьи включает 12 источников, в том числе три словаря (Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Кузнецова, 1998; Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка; Современный словарь несклоняемых слов русского языка И. Д. Успенской, 2009), два электронных ресурса (Национальный корпус русского языка и Портал «Грамота.ру»), а также справочник по правописанию и стилистике Д. Э. Розенталя (1997). Таким образом, оставшееся количество собственно научных источников видится недостаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Кроме того, автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; сравнительно-сопоставительный метод; лингвостатистический анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) рассмотреть слова с колебанием по роду в числе склоняемых и несклоняемых существительных и по ходу изложения материала сформулировать ряд выводов: например, «появление и распространение электронных справочных ресурсов ... делает информацию о нормативной родовой характеристике слов более доступной для носителей обыденного языкового сознания, однако спонтанное (и даже не спонтанное) порождение речи по-прежнему демонстрирует значительные колебания в некоторых группах несклоняемых существительных»; «носители обыденного языкового сознания допускают значительную вариативность в родовом употреблении несклоняемых марок автомобилей» и др.

Теоретическая значимость работы заключается в изучении и сопоставлении нормативного и узуального употребления существительных с вариативностью по роду. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, а также в процессе преподавания вузовских курсов по языкознанию и теории языка, по лексикологии и лексикографии, по практической стилистике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после расширения библиографии, в том числе актуальными работами.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что «род представляет собой одну из самых сложных морфологических категорий для изучения русского языка иностранцами, особенно если в их родном языке (например, китайском) родовая характеристика у существительных отсутствует». В рецензируемой статье «рассматриваются вариативные родовые характеристики существительных, рекомендуемые грамматиками, справочниками и словарями». Автор обращается к достаточно актуальной проблеме лингвистики, следовательно, работа имеет научное значение, причем как в теоретическом, так и практическом планах. Материал в целом самостоятелен, интересен, он грамотно сложен; на мой взгляд, автор стремится к объективной разверстке темы, так как в тексте статьи имеет достаточное количество цитаций, ссылок на работы лингвистов (А.А. Зализняк, Д.Э. Розенталь, В.В. Виноградов и т.д.). Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом: например, «Склоняемые существительные с колебанием выражают род как парадигматически (всей своей словоизменительной парадигмой), так и синтагматически (флексиями согласованных с ними по роду зависимых слов). Разная их парадигма делает эти слова с точки зрения определения рода несложными для восприятия, но не для употребления», или «В словарях у таких слов обычно отмечен как нормативный только один из родов (в случае приведенных выше примеров мужской), а женский род является хоть и достаточно распространенной, но узурпаторской ошибкой. Большой интерес представляет фиксация подобных слов в шестом издании «Грамматического словаря» А. А. Зализняка [4]. Так, в нем слово *тюль* не отмечено как лексема с колебанием по роду (в отличие от лексики *шампунь* с пометой *м//ж*), что, как мы видели по примерам выше, не соответствует узусу» и т.д. Термины / понятия, которые используются по ходу исследования, унифицированы, серьезных разночтений не выявлено. Примечательно для статьи достаточно большое количество иллюстративного материала: «Когда я был в ванной в комнату вышла Муська и поймала канарейку и лишь метко брошенный туфель спас ей жизнь, а сегодня я заметил, что она ничего не ест и не пьет, а только спит на своей жердочке». [Сергей Скинсов. Дневник (1972)]. «Мы оказались на Каменном мосту, стояли у перил, о чем-то горячо спорили, и вдруг одна моя туфля улетела в воду». [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)]», или ««Но вот распахнулась стеклянная дверь: вступаем в пространную залу». [И. А. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете? (1841)]. «Теперь квартира напоминает зал ожидания большого вокзала». [Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», 2004]. Что касается слов типа *зал* — *зала*, *сопрано* ('голос') — *сопрано* ('певица'), представляется, что в случае семантических различий (понятийных и прагматических) следует говорить не о колебании по роду, а об отдельных лексемах с фиксированной родовой характеристикой» и т.д. Должный аналитический комментарий / диалог с оппонентами продуктивен: «У А.А. Зализняка слово *пенальти* преимущественно среднего рода, однако узурпаторски оно употребляется почти всегда как слово мужского рода: среди многочисленных примеров в НКРЯ нам встретилось одно только употребление в среднем роде, причем датированное 1948 годом. «87 (3:0). Нереализованный пенальти: Лоськов, 52». [Алексей Самура. Ничья вслепую. Герои и неудачники 21-го тура первенства страны по футболу // «Известия», 2002.08.26]». Считаю, что основная цель исследования достигнута, поставленный грейд задач решен. Выводы по тексту созвучны основной части, автор отмечает, что «существование описанных выше разноплановых

факторов при установлении рода несклоняемых существительных заставляет предположить, что несклоняемые неологизмы и дальше будут приобретать вариативные родовые характеристики, причем наибольшее влияние будет оказывать род гиперонима, а также наличие применительно к определенному слову гиперонимов разного рода (страна/государство, автомобиль/машина и т.д.), в том числе и у слов, определение рода которых не предполагает обращения к роду гиперонима». Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Материал продуктивно использовать в вузовской практике. Рекомендую статью «Существительные с вариативностью (колебанием) по роду: нормативное и узуальное» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каратаракис Н. Дискуссионность понятия «эврисемия»: методологический принцип «Бритва Оккама» // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.73995 EDN: AYJJQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73995

Дискуссионность понятия «эврисемия»: методологический принцип «Бритва Оккама»

Каратаракис Николаос

ORCID: 0009-0000-0104-6607

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nikokara41@gmail.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.73995

EDN:

AYJJQE

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает концепция эврисемии в российском языкознании, подвергаемая критическому переосмыслению. Объектом анализа становятся теоретические положения российских лингвистов, которые трактуют эврисемию как особый семантический феномен, характеризующийся широкой денотативной сотнесённостью и контекстуальной обусловленностью значения. Автор детально рассматривает такие аспекты проблемы, как методологическая несостоятельность термина "эврисемия", отсутствие чётких критериев его выделения, а также смешение данного понятия с другими лингвистическими категориями. Особое внимание уделяется анализу аргументации, согласно которой наблюдаемая "широкозначность" является не самостоятельным явлением, а следствием типологических особенностей грамматического строя сопоставляемых языков — прежде всего различий между аналитическими и синтетическими языковыми системами. Автор приводит многочисленные примеры из английского, французского, немецкого и русского языков, что позволяет наглядно продемонстрировать основные положения исследования. В исследовании применяется комплексная методология, включающая:

сопоставительный анализ языковых явлений, метод концептуального моделирования, компонентный анализ семантики, дедуктивный метод, а также принцип "Бритвы Оккама" как инструмент критической оценки теоретических конструкций. Особое значение придается анализу широкого корпуса примеров из разных языков и различных функциональных стилей. Научная новизна исследования заключается в последовательной деконструкции понятия "эврисемия" как методологически несостоятельного. Автор доказывает, что наблюдаемые явления "широкозначности" представляют собой: 1) результат межязыкового сопоставления, а не внутреннее свойство лексики; 2) проявление типологических различий между аналитическими и синтетическими языками; 3) следствие смешения различных лингвистических явлений (полисемии, грамматикализации, синтагматической вариативности). Основной вывод работы заключается в том, что эврисемия не обладает статусом самостоятельного языкового феномена, поскольку не соответствует критериям универсальности, системности и верифицируемости. Практическая значимость исследования состоит в разработке более строгого методологического подхода к анализу семантических явлений без использования терминологически избыточных конструкций. Автор приходит к выводу о необходимости пересмотра традиционных представлений об эврисемии в современной лингвистической науке.

Ключевые слова:

эврисемия, широкозначное слово, Бритва Оккама, словообразование, аналитизм, синтетизм, русский язык, семантика, общее значение, широкозначность

1. Введение

Термин «широкозначность» был впервые введён Н. Н. Амосовой, которая определила его как «лингвистическое явление лексико-семантического уровня, характеризующееся расширением семантического объёма слова для обозначения различных денотатов» [\[1, с. 114\]](#). Это определение сформировало представление о том, что широкозначные слова обладают единым «общим, инвариантным, предельно обобщённым значением», представляющим собой своего рода моносемию, уточняемую в зависимости от контекста или речевой ситуации.

В рамках этой концепции О. Е. Феодосова трактует широкозначность как наличие у слова сигнификативного, обобщённого значения [\[2\]](#), тогда как Е. А. Евдокимова рассматривает её как степень обобщённости лексической единицы [\[3\]](#). А. А. Авдеев определяет широкозначность («платеосемию» в его работе) как «особую категорию лексической семантики, существующую в языках как аналитического, так и синтетического строя и объединяющую слова (главным образом, имена существительные) с потенциально широкой референциальной отнесенностью и высокоабстрактным лексическим значением» [\[4\]](#).

М. Ю. Евтеева сформулировала следующее определение: «широкозначность основана на существовании «общего» инвариантного значения, которое может быть представлено несколькими прототипическими значениями, участвующими в реализации различных метонимических и метафорических переносов на основании регулярной когнитивной модели, не всегда приводя к образованию нового значения» [\[5, с. 243\]](#). Е. Д. Маринова определяет широкое значение как «прямое значение, содержащее максимальную

степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщенное понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию» [\[6, с. 9\]](#); А.М. Дудина даёт следующее компактное определение широкозначных лексических единиц: это «такие лексические единицы, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью» [\[7, с. 20\]](#).

Несмотря на различные подходы к определению данного явления, большинство исследователей выделяют ряд специфических признаков широкозначных единиц, исключая такие явления, как десемантизация и грамматикализация. Так, В. К. Колобаев указывает на следующие черты:

1. Полиденотативность — способность обозначать разнородные объекты и явления;
2. Синкретизм — наложение оттенков и подзначений;
3. Синсемантизм — отсутствие определенного денотата;
4. Десемантизация — утрата лексического значения и переход в грамматическую сферу;
5. Полифункциональность — способность выполнять как лексические, так и грамматические функции;
6. Контекстуальная зависимость — необходимость широкого контекста для конкретизации значения (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (На материале медицинских публикаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. - 14 с.).

В.Я. Плоткин считает, что широкозначность не характеризует широкий понятийный охват, поэтому и не сводится к максимальному абстрагированию, которое существенно каждому языку [\[8\]](#). В качестве примеров он приводит слова *делать, существовать, предмет, вещь*, которые, несмотря на высокий уровень абстракции, не считаются широкозначными [\[8; 9\]](#). Примечательно, В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул отрицают полностью наличие широкозначных существительных в русском языке [\[10, с. 86\]](#).

В противоположность этому А. М. Плотникова подчёркивает, что широкозначные слова имеют значение характерно для широкой денотативной отнесенности и контекстуальной обусловленности, например, английские глаголы *to give, to get, to take, to put* и др. В дополнение тому она разделяет понятия «широко развитая многозначность» и «широкозначность», заявляя, что не являются синонимичными, поскольку в первом подчеркивается количественный аспект явления (наличие множества значений), а во втором – семантический (обобщенный характер семантики, широкая референция, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями) [\[11\]](#).

В целом внимание исследователей сосредоточено на абстрактных существительных *вещь, слово, thing, matter, way* и частотных глаголах *иметь, быть, делать, get, take, do* и др., преимущественно в аналитических языках, где структура поощряет развитие широкозначности [\[4; 6; 12\]](#).

Так, М. Ю. Евтеева исследует глаголы с общим значением «делать» в русском, латышском и немецком языках, приходя к выводу о наличии у них прототипических широкозначных структур [\[5\]](#). Аналогично, Е. И. Малютина рассматривает глаголы *do, have, be*, определяя их как однозначные по природе, но обладающие обобщённым

лексическим прототипом-инвариантом [9].

Также в ряде работ рассматриваются в диахронии английские глаголы *get, keep* [6], *build, create, define, develop, include* и др. [13], глаголы размещения *mettre, to put* [14], а также глаголы *give, take, make, come, go* [15]. Среди существительных изучаются *thing, matter, fact, way, body, person* [16; 17; 18 и др.].

Существенным остаётся вопрос о возможности разложения инвариантного значения широкозначного слова. В. К. Колобаев утверждает, что такое значение невозможно представить в виде набора дифференциальных признаков, что отличает широкозначность от полисемии (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (На материале медицинских публикаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. 14 с.). Согласно с этим, Е. П. Беляева считает, что обширная понятийная основа таких слов не позволяет свести их значения к единому содержательному ядру [19, с. 88]. Е. И. Малютина объясняет это «чрезвычайной абстрактностью и обобщённостью» инварианта, который трудно выразить средствами языка [9, с. 43]. Фундаментальное представление об инвариантном значении как основе широкозначности (или эврисемии) принадлежит Н. Н. Амосовой, которая отмечала, что подобное значение проявляется лишь в условиях изоляции и конкретизируется в речи [1, с. 114].

В рамках нашего исследования было показано, что за понятием «широкое» значение в контексте эврисемии скрывается не особое значение, а скорее широкая сочетаемость. Это объясняет активное функционирование таких слов в аналитических языках, в которых грамматические и лексические связи ярче выражаются на синтагматической оси. Также было проведено разграничение между «общим» значением, представляющим собой инвариант в системе полисемии, и обобщённым значением, основанным на сочетании обобщённой понятийной основы с широкой денотативной соотнесённостью [20].

Настоящая статья является продолжением предыдущей, в которой была начата аргументация несостоятельности понятия «эврисемия» или «широкозначность» [20]. В данном исследовании предпринята попытка её деконструкции с использованием методологического принципа, известного со времён средневековой схоластики, — **бритвы Оккама**, предполагающей устранение избыточных сущностей при научном анализе. В продолжении данной работы будет применен термин «эврисемия», вместо «широкозначность».

2. «Многообразие» в понятии «эврисемия»

Автор настоящей статьи исходит из методологического принципа «бритва Оккама», согласно которому «сущности не следует умножать без необходимости» (в оригинальной формулировке: «*То, что может быть объяснено меньшим числом предпосылок, не следует объяснять большим*»; «*Многообразие не должно допускаться без необходимости*») (НФЭ - <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ec01008dba3d6c128fb7>). Это означает, что понятие «эврисемия» оправдано лишь в том случае, если оно позволяет объяснить языковые явления, не поддающиеся интерпретации с помощью уже существующих понятий, и не требует привлечения громоздких гипотез. В противном случае мы имеем дело с необоснованным «умножением сущностей».

В качестве отправной точки формулируется на первый взгляд очевидный тезис: термин «широкозначность» (или «эврисемия») восходит к семантике слова **«широкий» (количественное прилагательное)**, которое всегда требует сравнение с другим объектом, например, «коридор» определяется «широким» по сравнению с другим, более узким. Таким образом показывается, что сама идея «широкозначности» возникла в российской лингвистике как результат сопоставления русского языка с преимущественно аналитическими языками (английский и французский), где значения активнее выражаются на синтагматической оси. Русский язык как синтетический тип более выразителен на парадигматической оси. В этом контексте «широкое значение» обозначает скорее высокую сочетаемость лексемы, а не единое, общее значение [20].

Отсюда следует важный вывод: лексемы, признанные широкозначными, воспринимались как таковые исключительно в сопоставлении с русским языком, а не на основании универсальных языковых характеристик. Таким образом, «эврисемия» — это не системная языковая категория, а феномен, проявляющийся лишь в межъязыковом анализе. Она не является внутренней характеристикой языка, а представляет собой **«продуктом сопоставления»**.

Тем не менее хоть и продукт сопоставления, понятие «эврисемия» не является таковым, поскольку зачастую не проводится конкретный сопоставительный анализ широкозначных единиц. Наоборот, в научной литературе, посвящённой эврисемии, широкозначные лексические единицы выявляются на основе множества гипотетических характеристик, таких как: полифункциональность, синсемантизм, обобщённое значение, абстракция, частичная десемантизация, синкретизм, полиденотативность, способность вступать в гипо-гиперонимические отношения, широкая референция и т.д.

В результате почти все исследуемые лексемы объявляются широкозначными. Так, М. Ю. Евтеева относит к ним глаголы с общим значением «делать» в латышском, русском, немецком и английском языках [5]; Е. Л. Соболева рассматривает как широкозначные глаголы *turn* и *grow* [15]; Е. И. Малютина — *do, have, be* в английском [9]; А. М. Дудина относит к широкозначным *иметь/avoir, делать/faire* в белорусском и французском [7]. Перечень таких исследований является огромной.

Отсутствие объективных критериев делает невозможным сопоставление лексем между языками, так как:

1. неясно, по отношению к чему определяется степень широкозначности, если лексемы напрямую не сопоставляются;
2. непонятно, на каком основании можно отнести единицу к категории широкозначных без соблюдения некоторых общих методологических принципов и положений.

Проблематика концепции эврисемии раскрывается также в разнообразии исследуемого материала: одна и та же лексическая единица может анализироваться в различных жанрах, типах текста, контекстах, что влияет на интерпретацию её широкой сочетаемости и референции. И. В. Иевлева исследует глаголы с обобщённым значением «делать» в пяти языках, опираясь на художественную литературу [21]; С. В. Иванова и П. Е. Гапиенко усматривают проявления эврисемии в терминосистемах искусствоведения [22]; Н. В. Литвинова рассматривает образование отрицательной формы повелительного наклонения глагола *do*, исследуя его широту: *don't do it!* «не делай этого!»; *do not speak!* «не говори! молчи!»; *don't be afraid!* «не бойся!»; *don't be silly!* «не глупи!» [23, с.

[3731](#); А. Г. Торжок подчёркивает номинативную широту слова *thing*, сравнивая её с семантическим объемом глагола *do* [\[24, с. 213\]](#).

П. С. Федюк относит к эврисемии глаголы *to put, to set, mettre*, исходя из их способности реализовывать широкий спектр значений в разных контекстах и коллокациях [\[14, с. 74–75\]](#). Лингвист дает следующие примеры: «*mettre la voiture au garage* 'поставить машину в гараж'; *mettre debout* 'поставить на ноги'; *mettre les gants* 'надевать перчатки'; *mettre la conversation sur le sujet* 'направлять разговор на какую-либо тему'; *mettre la radio* 'включить радио'; *to put more sugar in the tea* 'положить еще сахара в чай'; *to put in order* 'приводить в порядок'; *to put on* 'надевать'; - *to put a new handle to the knife* 'приделать новую рукоятку к ножу'; *to set foot on smth.* 'наступить на что-либо'; *to set the table* 'накрывать на стол'; *to set one's mind on smth.* 'сосредоточить мысль на чем-либо'» [\[14, с. 75\]](#).

Здесь следует отметить, что «эврисемия» фразовых глаголов объясняется **аналитическим способом словообразования**. Приведем простейший пример в защиту данного аргумента: различие фразовых глаголов, такие как *go in, go through, go out* и соответствующих к ним, например, в русском языке глаголов *войти, пройти, выйти*, заключается в самом словообразовании: при анализме значение передаётся через сочетание, в синтетизме — через суффиксацию и добавление приставок. Также это объясняется **десемантизацией, прозрачностью и композициональностью** фразеологических единиц. Существуют идиоматические выражения, которые могут быть вообще не членимы или анализированы ('analyzability'), а другие до определенной степени, т.е. семантически членимы ('decomposable idioms', 'idiomatically combining expressions', 'idiomatic combinations') [\[25\]](#).

Таким образом, складывается представление, что эврисемию можно выявить на основе анализа любого языкового материала — афоризмов, фразеологизмов, коллокаций, предложений, текстов и т.д., без учёта семантической специфики контекста и/или текста. Это приводит к методологическому релятивизму, при котором любое слово может быть объявлено широкозначным.

Наверное, сам термин «широкозначность» впервые был введен Н. Н. Амосовой в контексте её работы «Основы английской фразеологии» [\[1\]](#), где десемантизированные и грамматикализованные элементы фразеологических единиц трактовались как слова с «одним общим значением».

В итоге исследование лексических единиц без чётких методологических рамок и объективных критериев приводит к неопределенности понятия «эврисемия». Если оно зависит исключительно от исследовательского выбора материала, жанра, дискурса или индивидуального употребления, то утрачивает статус объективной языковой категории. До тех пор, пока не будут выработаны строгие и воспроизводимые критерии разграничения «широкого» и «узкого» значения, понятие «эврисемия» остаётся неопределённым и методологически сомнительным.

3. Возможность обобщения в лингвистической науке понятия «эврисемия»

Поскольку понятие «эврисемия» в его современном толковании не может рассматриваться как системное языковое явление, единственным возможным направлением, на наш взгляд, может быть разработка такой модели анализа, которая

позволяла бы рассматривать любую лексическую единицу с точки зрения всех аспектов её функционирования и была бы применима ко всем единицам языка (или, по крайней мере, к отдельным частям речи — например, глаголам, существительным и т. д.). Такая универсальность соответствовала бы методологическим признакам устойчивых лексико-семантических отношений (синонимии, антонимии, полисемии и др.), признанных в лингвистике как системные явления. Только при соблюдении этих условий можно говорить о потенциальной научной целесообразности использования термина «эврисемия».

Тем не менее даже при соблюдении указанных условий концептуализация эврисемии как системного языкового феномена представляется проблематичной. Почти все исследования в данной области исходят из наличия некоей обобщённой семы, типичной синтаксической конструкции или общей парадигматической принадлежности (общая парадигма), что выражается в устойчивом включении анализируемых лексем в определённые лексико-семантические группы: глаголы обладания, перемещения, действия, бытийности, движения и др. Из этого вытекает закономерный вывод: лексемы с существенно различными характеристиками не могут быть сопоставлены. Иными словами, сравнение несопоставимых, неравных единиц ведёт к неправильным обобщениям.

Рассмотрим три логически возможных способа выявления эврисемии на материале глаголов, принадлежащих к разным лексико-семантическим классам:

1. Индивидуальный подход Если принять за аксиому, что, например, глаголы *go* и *do* являются широкозначными (как это утверждается в ряде работ), то единственным способом обоснования такой трактовки становится индивидуальный анализ каждой единицы (по отдельности) ради их «обобщенного, широкого значения». Однако если понятие «широкое значение» не соотносится с каким-либо универсальным критерием, оно теряет научную обоснованность и превращается в произвольную и индивидуальную интерпретацию.

2. Неравноправное сравнение. При выявлении признаков эврисемии у глаголов *go* и *do* в рамках одного языка возникает проблема общих критериев сопоставления, поскольку их семантические структуры принципиально различны. Указанные глаголы относятся к разным семантическим полям, имеют различную валентность (переходность vs непереходность), выражают разные типы действия (перемещение против выполнения). Единственным общим свойством может быть аспектуальная характеристика динамичности, которая, однако, недостаточна для такого сопоставления и универсальной категоризации лексем как широкозначных.

3. Межъязыковое сопоставление. Если эврисемию пытаться обосновать путём межъязыкового сопоставления, анализ сводится к переводной интерпретации и перестаёт быть частью внутрисистемного лингвистического описания. Таким образом, феномен эврисемии оказывается производным от сопоставления синтетических и аналитических языков, а не результатом внутренней языковой организации.

Дополнительную сложность представляет и тот факт, что даже при выявлении «эврисемии» у типологически сходных глаголов, например, *have* и *avoir*, остаётся нерешённым вопрос о том, относительно чего именно эти глаголы считаются широкозначными. Отсутствие чёткой классификации или шкалы измерения семантической «широты» делает подобные утверждения методологически непроверяемыми. В частности, это демонстрируется в монографии И. А. Семиной, где

эврисемия постулируется как универсальный феномен: в каждой главе анализируются различные части речи, однако применяются (различными исследователями) разрозненные подходы, которые не соотносятся между собой и неприменимы за пределами конкретных примеров. Всё это свидетельствует о методологической фрагментарности и невозможности научного обобщения понятия «эврисемия» [12].

Учитывая неоднородность и неопределенность понятия «эврисемия» и невозможность его интеграции в систему лингвистических терминов, а также в систему семантических отношений, автор настоящей статьи, опираясь на принцип «бритва Оккама», приходит к следующим выводам:

1. Понятия «эврисемия» и «широкое значение» не обладают достаточной методологической обоснованностью и не имеют чётких дифференциальных признаков, позволяющих выделить их как самостоятельные научные термины.
2. Любая корреляция между лексической единицей и признаками, приписываемыми эврисемии, приводит к априорному признанию её эврисемии без достаточных эмпирических оснований (например, без анализа сочетаемости или семантической вариативности).
3. Эврисемия не обладает универсальностью, так как лексемы признаются широкозначными преимущественно в сравнении с русским языком, что делает обобщение невозможным.
4. Эврисемия представляет собой интерпретационную конструкцию, возникшую в результате сопоставления синтетических и аналитических языков, в частности — через противопоставление парадигматических и синтагматических способов выражения значения.
5. В настоящее время отсутствует методология, способная охватить всё функционирование лексической единицы в языке и применяемая ко всем частям речи. Это делает невозможным научное описание эврисемии как системного явления.
6. В соответствии с принципом «бритва Оккама» («сущности не следует умножать без необходимости»), следует признать, что понятие «эврисемия» не является необходимым научным инструментом, а представляет собой совокупность разрозненных интерпретаций.

4. Исследование «широты значения» вне рамок понятия «эврисемия»

Несмотря на критику концепции эврисемии как теоретически неопределённой и методологически неустойчивой, следует признать, что стремление описывать явления широкой семантики и многозначности отражает объективную потребность в осмыслении лексических процессов, происходящих как в отдельных языках, так и в межъязыковом сравнении. Таким образом, дальнейшее исследование так называемой «эврисемии» может быть продуктивным **при условии отказа от терминологической догматики и перехода к операционализируемым, наблюдаемым параметрам анализа вне рамок идеи «одного, общего» значения.**

Возможно, целесообразно перенести акцент с поиска универсальных определений на описание конкретных механизмов обобщения, синкретизма и семантического расширения в рамках более гибких и эмпирически обоснованных моделей, например, в

когнитивной семантике или лингвистической типологии. В этом контексте не сама эврисемия, но исследования по ней, выполненные в её русле, могут стать отправной точкой для новых направлений, в которых «широта значения» будет рассматриваться как одна из характеристик слова, а не как его доминирующая или определяющая функция.

Заключение

Проведённый анализ показал, что концепция эврисемии в её нынешнем теоретическом оформлении характеризуется серьёзными методологическими затруднениями, препятствующими её функционированию в качестве полноценной лингвистической категории. Наиболее существенным недостатком является отсутствие чётких критериев, позволяющих однозначно разграничивать широкозначность и смежные явления, такие как полисемия, семантическая деривация, гипонимия и другие устоявшиеся типы семантических отношений. В ряде случаев феномен, обозначаемый как эврисемия, по сути представляет собой результат межъязыкового сопоставления, возникающий при анализе типологически разнородных языковых систем, что лишает его статуса универсальной лингвистической сущности.

Дополнительную сложность представляет терминологическая и понятийная неоднородность существующих описаний эврисемии, варьирующаяся от трактовки как инвариантного значения до понимания как широкой сочетаемости. Это затрудняет применение термина и нередко приводит к подмене объяснения лингвистических фактов введением избыточного понятия. Отсутствие единой методики выявления и описания широкозначных единиц, а также несопоставимость эмпирических данных различных исследований подрывают надёжность обобщений, основанных на концепции эврисемии.

Тем не менее, несмотря на высказанную критику, концепция эврисемии может рассматриваться как эвристический инструмент, применимый в рамках когнитивного, дискурсивного и функционально-типологического подходов. Перспективы её дальнейшего развития связаны с необходимостью теоретической переинтерпретации и уточнения понятийного аппарата.

Таким образом, дальнейшее использование концепции эврисемии в лингвистических исследованиях требует глубокой теоретико-методологической доработки. В противном случае в соответствии с принципом «бритва Оккама» мы сталкиваемся с неоправданным «умножением сущностей».

Библиография

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 208 с.
2. Федосова О. В. Глаголы широкого значения в испанском обиходном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5), ч. I. С. 218-221.
3. Евдокимова Е.А. Местоимение *it* как широкозначное слово // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2(59). С. 176-178.
4. Авдеев А.А. Проблемы широкозначности и её соотношение с полисемией и дейксисом (На материале имен существительных английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 172 с.
5. Евтеева М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением "делать" в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

293 с.

6. Маринова Е.Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1995. 194 с.
7. Дудина А.М. О широкозначности глагольных единиц в диахроническом аспекте (на материале французского и белорусского языков) // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. 2019. № 1 (98). С. 20-26.
8. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 239 с.
9. Малютина Е.И. Глаголы широкой семантики в когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 198 с.
10. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. Кишинёв: Штиинца, 1982. С. 81-86.
11. Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. 2009. № 1/2 (63). С. 24-31.
12. Семина И.А. Широкозначность в аспекте универсальности и аналитизма. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. 186 с.
13. Загородняя В.А. Перевод глаголов широкой семантики в научно-технических текстах с английского языка на русский. М.: Издательство МГОУ, 2005. 144 с.
14. Федюк П.С. Глаголы размещения предметов в пространстве в языках различных групп: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 179 с.
15. Соболева Е.Л. Развитие широкозначности у глаголов *turn* и *grow*. Опыт системного диахронического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 146 с.
16. Арнольд А.А. Лексикология современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 376 с.
17. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семантического описания лексики / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
18. Димова С. Н. К проблеме широкого значения слова (на материале английского существительного *way*) // Учен. записки. Т. 416. Вып. 1. М.: МГПИ, 1971. С. 120-135.
19. Беляева Е. П. Прототипическая база семантики английских глаголов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 190 с.
20. Каратаракис Н. К иллюзии эврисемии: между "общим", "обобщенным" и "широким" значениями // Litera (в печати).
21. Иевлева И. В. Фундаментальный глагол действия в языках различных групп: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 193 с.
22. Иванова С.В., Гапиенко П.Е. Терминосистема искусствоведения: широкозначность и многозначность в действии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 38-46.
23. Литвинова Н. В. Семантический потенциал широкозначного глагола "ДЕЛАТЬ" в языках различных групп // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 371-375.
24. Торжок, А. Г. Еще раз о широкозначности и многозначности // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования. Сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь". С. 211-215.
25. Добровольский Д. О. Между лексиконом и грамматикой: о синтаксисе идиом // Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936-2019). Избранные доклады / под ред. В. П. Казакова. –

СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. (St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. Vol. 3). С. 85-99.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается дискуссионность понятия «эврисемия». Предмет исследования актуален в силу его терминологической и понятийной неоднородности, дискуссионности и неоднозначности: «несмотря на различные подходы к определению данного явления, большинство исследователей выделяют ряд специфических признаков широкозначных единиц, исключая такие явления, как десемантизация и грамматикализация», «складывается представление, что эврисемию можно выявить на основе анализа любого языкового материала — афоризмов, фразеологизмов, коллокаций, предложений, текстов и т.д., без учёта семантической специфики контекста и/или текста. Это приводит к методологическому релятивизму, при котором любое слово может быть объявлено широкозначным», «до тех пор, пока не будут выработаны строгие и воспроизводимые критерии разграничения «широкого» и «узкого» значения, понятие «эврисемия» остаётся неопределённым и методологически сомнительным».

Теоретической базой исследования обоснованно послужили фундаментальные и актуальные труды таких российских ученых, как Н. Н. Амосова, А. А. Уфимцева, А. А. Авдеев, О. В. Федосова, М. Ю. Евтеева, В. Я. Плоткин, Л. Я. Гросул, Е. И. Малютина, А. М. Плотникова, И. А. Семина, С. В. Иванова, П. Е. Гапиенко, Д. О. Добровольский и др., посвященные проблемам широкозначности, глаголам широкой семантики и т. п. Библиография статьи составляет 25 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Автор провел достаточно серьезный комплексный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на неполное библиографическое описание источника 24.Торжок, А. Г. Еще раз о широкозначности и многозначности // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования. Сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь". С. 211–215 (отсутствует год публикации).

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод; сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы, когнитивный и контекстуальный анализ и др.

В результате анализа теоретического материала и его практического обоснования сделаны выводы о том, что «концепция эврисемии в её нынешнем теоретическом оформлении характеризуется серьёзными методологическими затруднениями, препятствующими её функционированию в качестве полноценной лингвистической категории». Определены её наиболее существенные недостатки: «отсутствие чётких критериев, позволяющих однозначно разграничивать широкозначность и смежные явления, такие как полисемия, семантическая деривация, гипонимия и другие устоявшиеся типы семантических отношений». Отмечено, что концепция эврисемии

может рассматриваться как эвристический инструмент, применимый в рамках когнитивного, дискурсивного и функционально-типологического подходов. Перспективы её дальнейшего развития автор(ы) связывают с необходимостью теоретической переинтерпретации и уточнения понятийного аппарата.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в изучение концепции эврисемии («в настоящее время отсутствует методология, способная охватить всё функционирование лексической единицы в языке и применяемая ко всем частям речи. Это делает невозможным научное описание эврисемии как системного явления», «в соответствии с принципом «бритва Оккама», следует признать, что понятие «эврисемия» не является необходимым научным инструментом, а представляет собой совокупность разрозненных интерпретаций»). Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей проблемы широкозначности в языках, а также использоваться в вузовских курсах по общему языкознанию, лексикологии и когнитивной лингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кошкарёва Н.Б., Чепрасова А.А. Модели простых предложений с семантикой движения в корякском языке // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76783 EDN: BUAQQG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76783

Модели простых предложений с семантикой движения в корякском языке

Кошкарёва Наталья Борисовна

ORCID: 0000-0002-4578-6591

доктор филологических наук

заведующий сектором; сектор языков народов Сибири; Институт филологии СО РАН

630090, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

✉ koshkar_nb@mail.ru

Чепрасова Александра Андреевна

ORCID: 0009-0001-4353-5529

младший научный сотрудник; сектор языков народов Сибири; Институт филологии СО РАН

Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

✉ a.cheprasova@alumni.nsu.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76783

EDN:

BUAQQG

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: Объектом описания являются элементарные простые предложения корякского языка с семантикой движения, предметом – структурные и семантические характеристики таких предложений. Цель – провести классификацию простых предложений, репрезентирующих ситуацию движения, а также охарактеризовать типичные для данных предложений признаки. Рассматриваемые предложения формируют подсистему синтаксических единиц, репрезентирующих пропозицию

движения. С их помощью описываются динамические пространственные ситуации типа «субъект движется из одной точки пространства в другую по трассе». Исследование опирается на теорию моделирования элементарного простого предложения Новосибирской синтаксической школы. На синтаксическом уровне языка выделяется основная и единственная единица – элементарное простое предложение (ЭПП). Пропозиция как план содержания и структурная схема как план выражения составляют модель ЭПП – способ репрезентации ЭПП как языкового знака. Метод моделирования структуры и семантики предложения как двустороннего языкового знака позволяет исследователю абстрагироваться от видоизменений высказывания в речи и выявить признаки, обеспечивающие структурную и смысловую полноту. Этот метод направлен на установление дифференциальных признаков, на основе которых отдельные модели отличаются друг от друга, но вместе с тем формируют единую систему. Впервые выявлены и систематизированы модели элементарного простого предложения с семантикой динамического движения в корякском языке. Они формируют разветвленную систему, в которой противопоставляются три типа синтаксических конструкций: адлативные модели, характеризующие движение субъекта по направлению к определенной точке пространства; делативные модели, характеризующие движение субъекта от определенной точки пространства; транслативные модели, указывающие на место, по которому совершается движение. Каждая из моделей представлена серией структурно-семантических вариантов. В позиции локализатора могут стоять наречия, формирующие адвербиальный вариант модели, в котором пространство предстает в самом общем виде или соотносится с местом, названным ранее. Имена существительные обозначают конкретные пространственные ориентиры: падежный показатель латива, аблатива или транслатива обозначает ориентацию движения по направлению к конечной точке, из начальной точки или по трассе соответственно. Пространственные суффиксы конкретизируют части предмета, который служит ориентиром. Потенциально каждый из пространственных падежей может сочетаться с любым пространственным суффиксом, формируя симметричные подсистемы структурно-семантических вариантов.

Ключевые слова:

корякский язык, эргативный язык, элементарное простое предложение, пространственные отношения, модели движения, латив, аблатив, транслатив, пространственный суффикс, локализатор

Введение

Объектом описания в данной статье являются элементарные простые предложения корякского языка с семантикой движения. Рассматриваемые предложения формируют подсистему синтаксических единиц, репрезентирующих пропозицию движения. С их помощью описываются динамические пространственные ситуации типа «субъект движется из одной точки пространства в другую по трассе». Предметом исследования является моделирование структуры и семантики таких предложений. Цель – провести классификацию элементарных простых предложений, репрезентирующих пропозицию движения, а также охарактеризовать типичные признаки таких предложений.

Теоретическим фундаментом исследования послужила теория моделирования элементарного простого предложения как двустороннего знака языка, разработанная в

рамках Новосибирской синтаксической школы [\[1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; и др.\]](#) с опорой на работы отечественных синтаксистов [\[9; 10; 11; 12; 13; и др.\]](#) и зарубежных лингвистов, посвященных вопросам функциональной грамматики [\[14; 15\]](#), ролевого и референциального синтаксиса [\[16\]](#) и грамматике конструкций [\[17; 18; 19; 20\]](#) в языках разных систем в типологическом освещении.

Теория моделирования элементарного простого предложения успешно зарекомендовала себя при описании синтаксических структур пространственной семантики многих урало-алтайских языков Сибири [\[21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; и др.\]](#). Однако по отношению к языку эргативно-абсолютивного строя, каким является корякский язык, она применяется впервые, что обеспечивает новизну и актуальность данного исследования.

Синтаксис корякского языка исследован крайне фрагментарно. В грамматических описаниях корякского и близкородственного ему алюторского языков разделы, посвященные синтаксису, либо вовсе отсутствуют [\[28; 29\]](#), либо кратко представлены самыми общими понятиями, такими как члены предложения, типы простых предложений по структуре и цели высказывания [\[30, с. 197-245\]](#), порядок слов, виды связи, включая инкорпорацию [\[31, с. 217-222\]](#), а также описанием некоторых синтаксических явлений, так или иначе связанных с морфологией глагола (конструкции с лабильными глаголами, антипассив, инкорпорирующие комплексы и др.) [\[32\]](#).

Имеется ряд работ, посвященных отдельным типам полипредикативных конструкций в алюторском и корякском языках [\[33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41\]](#), при этом специальные работы, в которых рассматривалась бы структура и семантика элементарного простого предложения как единицы языка, единичны [\[42; 43\]](#).

Мы исходим из представлений о том, что основной и единственной языковой единицей синтаксического уровня является элементарное простое предложение (ЭПП), которое, как и всякий языковой знак, характеризуется единством двух сторон – плана выражения и плана содержания. В плане содержания ему соответствует одна пропозиция – объективное содержание предложения, отвлеченное от всех сопровождающих его субъективных значений, семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций) [\[44, с. 401\]](#). Планом выражения является структурная схема – последовательность условных символов, отражающих количество и морфологический способ выражения обязательных компонентов, характерных для какого-либо типа предложения, а также их отношения между собой. Пропозиция как план содержания и структурная схема как план выражения составляют модель ЭПП – способ репрезентации ЭПП как языкового знака.

При изучении предложений со значением движения мы ориентируемся на работы, в которых категория локативности освещается в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах [\[45; 46; 47; 48; и др.\]](#). Для классификации разновидностей пространственных отношений используется терминология, разработанная И. А. Мельчуком, в соответствии с которой, с одной стороны, различаются эссивные (статические) и лативные (динамические) ориентации и, с другой стороны, конкретные локализации типа IN- «внутри», SUPER- «над», SUB- «под», APUD- «сторона» и др. [\[49\]](#). Комбинация понятий, характеризующих ориентации и локализации, дает возможность конструирования терминов для описания системы пространственных отношений, таких как инлативный

(направленный внутрь), инэлативный (направленный изнутри), суперлативный (направленный на поверхность), суперэлативный (направленный с поверхности) и под.

Бытийно-пространственные предложения отличаются от всех других типов элементарных простых предложений тем, что позиции локализаторов являются обязательными. Представление о движении предполагает изменение положения предмета в пространстве, которое описывается в терминах «разрыв прежних» (делокация) и «установление новых» (адлокация) пространственных отношений.

В блоке динамических пространственных моделей устанавливается оппозиция элементарных и неэлементарных простых предложений. К элементарным относятся предложения со значением движения, в которых описывается ситуация самостоятельного передвижения субъекта в пространстве («субъект движется из начальной точки в конечную по трассе»); к неэлементарным – предложения перемещения, в которых базовая пропозиция движения осложняется каузативным смыслом, в них описывается ситуация, когда предмет перемещается в пространстве не самопроизвольно, не по собственной воле, а под воздействием внешней силы – субъекта-каузатора («субъект-каузатор делает так, что предмет перемещается из начальной точки в конечную по трассе»).

Пропозиция движения включает пять обязательных компонентов: субъект, предикат, директив-старт (начальная точка движения), директив-финиш (конечная точка движения), трасса (путь, или маршрут, по которому осуществляется движение). Каждая из этих позиций на уровне речевых репрезентаций может оставаться эксплицитно не реализованной, возможны также самые разные комбинации локализаторов, что обусловлено особенностями контекста и актуальным членением высказывания, но в представлении модели как абстрактного знака включаются все потенциально возможные обязательные компоненты независимого от их речевого воплощения.

Материалы и методы

Основным методом, используемым в данной работе, является метод синтаксического моделирования структуры и семантики предложения как двусторонней знаковой языковой единицы, которая позволяет исследователю абстрагироваться от разнообразных видоизменений конкретного высказывания в речи, его усложнения (распространения, осложнения теми или иными членами предложения, разнообразных случаев обособления и т. п.) или, наоборот, упрощения (неполноты, эллипсиса) и выявить самые существенные признаки, обеспечивающие структурную и смысловую полноту, но не перегружающие конструкцию факультативными компонентами.

Метод моделирования направлен на установление дифференциальных признаков, на основе которых отдельные модели отличаются друг от друга, но вместе с тем формируют единую систему. Для наглядного представления элементарного простого предложения как единицы языка используется система условных обозначений – формализованная запись, в которой латинские буквы символизируют частеречную принадлежность обязательных компонентов, в нижнем индексе даются морфологические характеристики, в верхнем отмечаются семантические роли. Например, высказывание *В холодный дождливый день мы переправляемся на лодках на противоположный берег озера* репрезентирует элементарное простое предложение с пропозицией «субъект движется откуда куда по трассе», сущность которого как единицы языка мы представляем записью модели $N_{NOM}^{Ag} V_f^{Mot} n a N_{ACC}^{DF}$, где N_{NOM}^{Ag} – агент, активно действующий субъект, иницирующий и контролирующий действие (*мы*), V_f^{Mot} – глагол направленного

движения (*переправляемся*), **на Nacc^{DF}** – директив-финиш, обозначающий конечную точку движения (*на берег*). Все прочие компоненты в структуре модели не отражаются, так как вносят дополнительные по отношению к базовой пропозиции смыслы, выражают их в свернутом виде и не влияют на прототипическое значение движения.

Для достижения цели исследования используются также общенаучные и частнонаучные (собственно лингвистические) методы: для сбора материала предпринята сплошная выборка примеров с семантикой движения из опубликованных текстов на корякском языке; для наглядного представления корякских предложений использован метод глоссирования – поморфемной разбивки каждого слова и поморфемного перевода, при необходимости дается также буквальный перевод; первичное описание фактического материала позволяет систематизировать признаки каждой модели; для классификации применяются индуктивный и дедуктивный методы, сравнение, обобщение, анализ, синтез, аналогия, дистрибутивный анализ.

Материалом исследования послужили рассказы носителей корякского языка, представляющие разнообразные жанры – мифы, сказки, исторические предания, рассказы о традициях, а также автобиографические нарративы [50; 51; 52]. Все тексты сопровождаются переводом, глоссированием и комментариями. В первой строке примеров представлено предложение в оригинальной записи в соответствии с первоисточником. Во второй строке дается поморфемное членение каждого слова, запись фонематически унифицирована и транслитерирована в латиницу. Третья строка содержит поморфемный перевод всех слов в предложении. В четвертой строке приводится переводной литературный эквивалент оригинального предложения.

Результаты и обсуждение

Гипермодель направленного движения имеет следующий вид:

$$\mathbf{N}^{\mathbf{AG}}_{\mathbf{ABS}} \mathbf{LEX}^{\mathbf{DF}} \mathbf{LEX}^{\mathbf{DS}} \mathbf{LEX}^{\mathbf{TR}} \mathbf{V}_f^{\mathbf{Mot}}.$$

Типовое значение гипермодели – «субъект движется из одной точки пространства в другую по трассе».

В состав гипермодели входят следующие компоненты:

1) **N^{AG}_{ABS}** – агенс, т. е. субъект, который осуществляет действие активно, целенаправленно, контролирует достижение цели; он выражается именами существительными или личными местоимениями в форме абсолютива;

2) **V_f^{Mot}** – глагол направленного движения;

3) серия локализаторов: **LEX^{DF}** (директив-финиш, или начальная точка движения, в форме латива), **LEX^D S** (директив-старт, или конечная точка движения, в форме аблатива), **LEX^{TR}** (транслатив, или трасса, в форме пролатива), они выражаются словами разных частей речи (наречиями, именами существительными), что символизирует условное обозначение **LEX** «лексема», и имеют в своем составе аффиксы соответствующих пространственных падежей. Характерной особенностью чукотско-корякских языков является наличие специализированных пространственных суффиксов, обозначающих локализации «внутри», «снаружи», «над», «под», «рядом» и др.,

конкретизирующих пространственные ориентации типа «куда?», «откуда?», «по какой трассе?», задаваемые падежами [53, с. 63–66]. В записи моделей позиция пространственных суффиксов отмечается в скобках как факультативная, поскольку существительное может употребляться без них, тогда как показатели падежа обязательны, ср. примеры:

Чинин □эллы кул□ыты□ алак а□□айты□ то □айчейпык купкийы□ а□□айты□ □эллы. [50, с. 14, предл. 2]

činin	ηellə	ku=lqət=ə=η	amin	ala=k	аηqa= jtəη
сам	табун.ABS.sg	PRES=уйти=E=PRES	ну	летний=LOC	море= LAT
to	qaj=čejp=ə=k	ku=pkij=ə=η		аηqa= jtəη	ηellə
и	DIM=сохнуть=E=LOC	PRES=подходить=E=PRES	море= LAT	табун.ABS.sg	

‘Сам табун идёт летом к морю и в августе приходит к морю табун.’

А ынней куччев’ в’аямчыкойтыη йыгаллай. [51, с. 58–59, предл. 19]

ənj=njej	quč=čew	wajam= čəko=jtəη	jəyal=la=j
тот=ADJ.nsg один	из=ADJ.pl	река= IN=LAT	влезть=PL=3sgS.PFV

‘А эти другие [рыбы] в речку вошли.’

В зависимости от типа локализатора и его семантики различаются три типа моделей:

- 1) адлативные, характеризующие направленное движение субъекта в определенную точку пространства;
- 2) делативные, характеризующие движение субъекта от определенной точки пространства;
- 3) транслативные, указывающие на трассу или маршрут, по которому совершается движение.

В речи гипермодель реализуется в виде высказываний, в которых эксплицитно заполняются не все позиции. Из локализаторов чаще всего выражается только один из них (адлативный чаще, чем делативный, транслативный встречается намного реже других), при этом возможны самые разные комбинации локализаторов.

Соответственно, далее в описании мы различаем конкретные модели, репрезентирующие данную гипермодель, с адлативной, делативной и транслативной семантикой, каждая из которых, в свою очередь, представлена набором структурно-семантических вариантов.

1. Адлативная модель движения $N_{ABS}^{Ag} LEX(=SFF^{Loc})=LAT^{DF} v_f^{Mot}$

«субъект движется по направлению к какой-либо точке пространства»

В состав модели входит адлативный локализатор $LEX(=SFF^{Loc})=LAT^{DF}$, обозначающий директив-финиш – конечную точку пространства. Он может быть выражен наречием или существительным в направительном падеже с пространственными суффиксами или без них.

В зависимости от способа выражения локализатора и его семантики различаются два структурно-семантических варианта адлативной модели: адвербиальный, в котором

локализатор выражен наречием и обозначает неопределенное пространство или отнесенность к пространству, названному в предыдущем контексте, и субстантивный, в котором локализатор выражен именем существительным и указывает на определенное пространство.

Локализатор оформляется показателем одного из направительных падежей – датива *-у* или латива *-йтәу*.

1.1. Адвербиальный вариант адлативной модели движения $N_{ABS}^{Ag} ADV=LAT / DAT^{DF} V_f^{Mot}$

В зависимости от способа выражения локализатора выделяются два структурных варианта:

а) $N_{ABS}^{Ag} ADV=LAT^{DF} V_f^{Mot}$: локализатор выражается серийными или несерийными наречиями, показатели которых восходят к лативу:

«А еҗин г’ам җакые гаяллин ыннин эльг’апэль?» [\[51, с. 32-33, предл. 21\]](#)

а	jeq=in	ham	җа=kəje	ү=aj.al=lin
	что=POSS.sg	part	вон=ADV.lat	PP=падать=3sgS
	әnj=njin	eljha=pelj		
	тот=ADJ.sg	девушка=DIM.ABS.sg		

‘А как же туда упала эта девушка?’

Вявайтың гәлҗыллин. [\[51, с. 168, 169, предл. 7\]](#)

әjava=jtəŋ	үе=lqəl=lin
далеко=LAT.adv	PP=уйти=3sgS

‘Далеко ушёл.’

Выг’аёк Мити гаҗтолән җайҗынойтың. [\[51, с. 38, 39, предл. 28\]](#)

vəhajok	miti	үа=ŋto=len	җајҗəno=jtəŋ
потом	Pers.ABS.sg	PP=выходить=3sgS	вне дома=LAT.adv

‘Наконец Мити вышла на улицу.’

б) $N_{ABS}^{Ag} ADV=DAT^{DF} V_f^{Mot}$: локализатор выражается серийными или несерийными наречиями, показатели которых восходят к дативу:

То мую ымың г’опта мыччалгылла елың. [\[51, с. 98, 99, предл. 9\]](#)

to	muј=u	әməŋ	hopt.a	məč=čalʏəl=la	jel=ə=ŋ
и	мы=ABS.pl	весь	тоже	1nsgS=кочевать=PL	прочь=E=DAT.adv

‘И мы все покочевали туда.’

1.2. Субстантивный вариант адлативной модели движения $N_{ABS}^S N(=SFF^{LOC})=LAT^{DF} V_f^{Mot}$

В данном варианте модели локализатор выражается именем существительным в лативе с показателем *=йтәу*, перед ним факультативно располагаются пространственные

суффиксы, обозначающие конкретную часть предмета, к которой направлено движение: это может быть пространство внутри или снаружи пространственного ориентира, верхняя или нижняя, горизонтальная или вертикальная плоскость и т. п.

1.2.1. Директивный вариант адлативной модели движения $N_{ABS}^S N(=SFF^{LOC})=LAT^{DF} V_f^{Mot}$

Локализатор выражается именем существительным в форме латива с показателем *-йтың* без каких-либо суффиксов локализации:

Койкылявылыг'атың ынпықлавол аңқайтың. [51, с. 38, 39, предл. 36]

ko=jkəlj.av=ə=ljhat=ə=ŋ ənp=ə=qlavol aŋqa=**jtəŋ**

PRS=бежать=E=HABIT=E=PRS старый=E=муж.ABS.sg море=**LAT**

'Бежит старик к морю.'

Ыннеңчең г'оячек гыг'эқэв'лин нотайтың... [2019: 168–169, предл.4]

ənjn'ieŋ=čəŋ hojaček ɣ=ə=heq.ew=lin nota=**jtəŋ**

один=ADV.num парень.ABS.sg PP=E=отправиться=3sgS тундра=**LAT**

'Однажды парень отправился в тундру...'

1.2.1. Иллативный вариант адлативной модели движения $N_{ABS}^S N(=SFF^{In})=LAT^{DF} V_f^{Mot}$

Типовая семантика – «субъект движется внутрь определенного пространства». Локализатор представлен существительным в форме латива в сочетании с пространственным суффиксом *=чыко=* / *=чыку=*, который имеет значение 'внутри'.

Тылқытык омкычыкойтың... [51, с. 134, 135, предл. 47]

t=ə=ləqət=ə=k o=mk=ə=**čəko=jtəŋ**

1sgS=E=уйти=E=1sgS.PFV дерево=NMLZ.группа=E=**IN=LAT**

'Я пошла в лес...'

А ынней жучев' в'аямчыкойтың йыгаллай. [51, с. 58, 59, предл. 19]

ənj=njej quč=čew wəjam=**čəko=jtəŋ** jəɣal=la=j

тот=ADJ.nsg один из=ADJ.pl река=**IN=LAT** влезть=PL=3sgS.PFV

'А эти другие [рыбы] в речку вошли.'

1.2.2. Суперлативный вариант адлативной модели движения $N_{ABS}^S N(=SFF^{Sup})=LAT^{DF} V_f^{Mot}$

Типовая семантика – «субъект движется на поверхность определенного пространственного ориентира». Локализатор представлен существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом *=лҕ=* / *=льҕ=*, который имеет значение 'на поверхности'.

Тыңтоқ айкатыльҕ этың... [51, с. 134, 135, предл. 41]

t=ə=nto=k

aikat=ə=**lɨn=etan**

1sgS=E=выходить=1sgS.PFV берег=E=**SUPER=LAT**
 'Я вышла на берег...'

...ынней каюру □ано тынопыль□эты□ когынтав'ла□, г'ытг'ылг'у или гэкэ□ылг'у...
[\[51, с. 94, 95, предл. 14\]](#)

ənj=niej kajur=u ɲano tənop=ə=**lɪq=etəŋ** ko=yənt.aw=la=ŋ
 тот=ADJ.nsg каюр=ABS.pl это сопка=E=**SUPER=LAT** PRS=убежать=PL=PRS
 həth=ə=lh=u или ʏekeŋ=ə=lh=u
 собака=E=ATR=ABS.pl упряжка=E=ATR=ABS.pl
 '...эти каюры на сопку убегают на собаках или на оленьих упряжках...'

То яёл г'э□ыткэты□ гэл□ыллин [то аму йынны ныпычгычгы□ин гэкмиллин...]
[\[52, с. 182, 183, предл. 74\]](#)

to jajol heŋ=ə=**tq=etəŋ** ʏe=lqel=lin
 и лиса.ABS.sg нос=E=**SUPER=LAT** PP=уйти=3sgS
 'А лиса на мыс пошла [и что-то гремящее там взяла.]'

1.2.3. Сублативный вариант адлативной модели движения $N^S_{ABS} N(=SFF^{Sub})=LAT^{DF}$ V_f^{Mot}

Типовая семантика – «субъект движется под определенный пространственный ориентир». Локализатор представлен существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом =гиу= / =гэу= 'под нижней поверхностью'.

[Гыммо тычайпатык, и вот гэллэлг'атигым, и тыкугитэ□нэв' –] г'уемтэв'илг'у
 милгыгинуэтың колжыллаң. [\[51, с. 146, 147, предл. 28\]](#)
 hujemtewi.lh=u milʏ=ə=**ɣiŋ=etəŋ** ko=lqəl=la=ŋ
 человек=ABS.pl огонь=E=**SUB=LAT** PRS=уйти=PL=PRS
 'Я чай заварила, и вот я под мухомором, и смотрю –] люди в огонь уходят.'

1.2.4. Адлативный вариант адлативной модели движения $N^S_{ABS} N(=SFF^{Ad})=LAT^{DF}$ V_f^{Mot}

Типовая семантика – «субъект движется к стороне пространственного ориентира». Локализатор выражен именем существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом =нолу= / =нольу= 'на склоне чего-либо'.

И мыттыпгалла ңайнолуэтың. [\[51, с. 46, 140, предл. 28\]](#)
 и mət=təpɣ=al=la ɲaj=**noŋ=etəŋ**
 1nsgS=взобратсья?=VBLZ=PL гора=**AD.склон=LAT**
 'И мы взбирались на склон горы.'

Гэлжыллинэт аңжанолюэтың Мити то Кыг'уйкынеку. [\[51, с. 28, 29, предл. 5\]](#)
 ʏe=lqəl=line=t aŋqa=**noŋ=etəŋ** miti to
 PP=уйти=3nsgS=DU море=**AD.склон=LAT** Pers.ABS.sg и
 kəhujk=ə=nequ
 Pers=E=AUG.ABS.sg
 'Пошли на крутой берег моря Мити и Куйкынеку.'

1.2.5. Метафоризация адлативной модели

Данная модель является полисемантической и, помимо прямого значения движения в физической сфере, имеет переносные значения: конечная точка переосмысливается как цель движения, если позицию локализатора занимают не имена конкретной пространственной семантики, а абстрактные существительные, обозначающие разные виды деятельности субъекта:

И □онпы□, ыппулюк вама, энпичик, тэ□ын □ой□эгим, тыколым□энагаг'ы□
имымиңки, оқотайтың, миңкые тайңатынвэтың. [50, с. 30, 122, предл. 2]

и қопрәң әрпүлюк ва=ma enjpiči=k teqən
всегда маленький=LOC находиться=CV.sim отец=LOC словно
ηojη=eγəm t=ə=ko=ləmηena=γah=ə=η im=ə=miŋki
хвост=1sgS 1sgS=E=PRES=следовать за=ASP=E=PRES весь=E=где
oqota=**jtəŋ** miŋkəje tajŋat=ə=nv=**etəŋ**
охота=**LAT** как запаса́ть рыбу=E=NMLZ.loc=**LAT**

'И всегда, будучи маленькой, за отцом, как хвост, я следовала везде, на охоту, куда-то на рыбалку.'

2. Делативная модель движения $N^S_{ABS} LEX(=SFF^{Loc})=ABL^{DS} V_f^{Mot}$

«субъект движется от какой-либо точки пространства»

Локализатор $LEX(=SFF^{Loc})=ABL^{DS}$ обозначает начальную точку движения в пространстве и выражается наречиями или существительными в аблативе. Аналогично адлативной модели, данная модель представлена двумя разновидностями в зависимости от морфологического способа выражения локализатора – адвербиальной и субстантивной.

2.1. Адвербиальный вариант делативной модели движения $N^S_{ABS} ADV=ABL^{DS} V_f^{Mot}$

Типовая семантика – «субъект движется от неопределенной точки пространства». Локализатор выражается указательными местоимениями и наречиями, в составе которых выделяются суффиксы, восходящие к показателям аблатива:

То ңанқо гымлэ аңқайтың. [51, с. 54, 55, предл. 22]

to ңan=qo γəmle aŋqa=jtəŋ
и вон=**ADV.abl** опять море=**LAT**

'А оттуда снова в море [возвращаются].'

Қоқнәльгыпәль гәтәйкылин, ыңқо гәйиңәлин. [51, с. 64, 65, предл. 58]

qoq=njoly=ə=peļj γe=tejk=ə=lin ən=qo
дыра=NMLZ.вместилище=E=DIM.ABS.sg PP=делать=E=3sgP тот=**ABL**
γe=jije=lin
PP=лететь=3sgS

'Дырочку сделала, оттуда улетела.'

2.2. Субстантивный вариант делативной модели движения N^S_{ABS}

$N(=SFF^{LOC})=ABL/PROLAT^{DS} V_f^{Mot}$

В субстантивном варианте делативной модели локализатор выражается именем существительным в форме аблатива с показателем $=\eta\eta o = / = \square o = \text{эл} \square$ в сочетании с пространственными суффиксами или без них.

2.2.1. Элативный вариант делативной модели движения $N^S_{ABS} N=ABL/PROLAT^{DS} V_f^{Mot}$

Типовая семантика – «субъект движется из пространства, обычно имеющего большую протяженность или неопределенную форму». Чаще всего имя существительное в позиции локализатора принимает аффикс аблатива:

Кытав'ут тылэг'ун – кав'ьялыг'ын куетын, прям в'аямынко. [\[51, с. 110, 111, предл. 2\]](#)

ката=wut t=ə=lehu=n kawja=lih=ə=n
а когда=part 1sgA=E=увидеть=3sgP поворачивать=ATR=E=ABS.sg
ku=jet=ə=η wajam=ə=ηqo
PRS=приходить=E=PRS река=E=**ABL**
'Вдруг я увидела – вихрь идёт, прямо с реки.'

...аппа тынопы $\square \square o$ кутэкъеты $\square$ то кукум $\square$ аты $\square$, кукум $\square$ аты $\square$: «Мамок!» [\[51, с. 132, 133, предл. 15\]](#)

аппа tənop=ə=ηqo ku=tekj.et=ə=η
папа.ABS.sg сопка=E=**ABL** PRS=спускаться=E=PRS
'...папа с сопки спускается и кричит, кричит: «Мамок!»'

Однако позиция локализатора допускает варьирование падежного оформления: директив-старт может оформляться суффиксом пролатива, который, как и в алюторском языке, где аблатив отсутствует, обозначает начальную точку движения.

Использование суффикса пролатива для оформления позиции директива-старта может быть связано с переносом в социальную сферу, если в позиции локализатора стоят имена, обозначающие не пространственные ориентиры, а явления, связанные с профессиональной занятостью субъекта. Так, показателем пролатива регулярно оформляется слово 'табун', которое в проанализированных контекстах обозначает не место, где табун находится, а тот вид пастушеской деятельности, которым субъект обычно занят, находясь в табуне. В форме пролатива используется также слово 'работа':

Г'уемтэв'илг'ын куеты $\square$ $\square$ алвылг'эпы $\square$, накэв'ламык... [\[50, с. 14, 99, предл. 4\]](#)

hujemtewilh=ə=n ku=jet=ə=η ηalv=ə=lh=**epəη**
человек=E=ABS.sg PRES=приходить=E=PRES табун=E=ATR=**PROL**
na=k=ew=la=mək
LowA=PRES=сказать=PL=1nsgP
'Человек приходит из табуна, говорит нам: ...'

Нучель $\square$ ын в'эв'анма, гыммо вэтатынвэпы $\square$ тыетык и таччыг'атык. [\[51, с. 45, 139, предл. 4\]](#)

niŋe=lin=ə=n

wewan=ma

vammn

тундра=SUPER=E=ABS.sg дрожать=CV.sim я.ABS.sg
 vet=at=ə=nv=**ерəŋ** t=ə=jet=ə=k и
 работа=VBLZ=E=NMLZ.loc=**PROL** 1sgS=E=приходить=E=1sgS.PFV
 t=aččəhat=ə=k
 1sgS=лечь=E=1sgS.PFV
 '[В тот день], когда земля дрожала, я с работы пришла и легла [спать].'

2.2.2. Инэлативный вариант делативной модели движения $N_{ABS}^S N(=SFF^{In})=ABL^{DS}$ V_f^{Mot}

Типовая семантика – «субъект движется изнутри пространства». Локализатор выражается именем существительным в аблативе в сочетании с пространственным суффиксом =чыко= / =чыку= 'внутри'.

Мити гаҗтолэн яячыкоҗо... [\[51, с. 40, 41, предл. 55\]](#)

miti ʎa=ŋto=len ja=ja=**čəko=ŋqo** miti
 Pers.ABS.sg PP=выходить=3sgS дом=дом=**IN=ABL** Pers.ABS.sg
 'Мити вышла из яранги...'

Пространственный суффикс =ч ы к о = / = ч ы к у = 'внутри' оформляет имена существительные, обозначающие предметы, имеющие внутреннюю полость, например:

ja.ja=**čəko=ŋqo** [\[51, с. 211\]](#)

дом=**IN=ABL**

'из дома'

pače=**čəko=ŋqo** [\[51, с. 213\]](#)

печка=**IN=ABL**

'из печки'

koکا=**čəko=ŋqo** [\[51, с. 217\]](#)

котёл=**IN=ABL**

'из котла'

kojŋə=**čəko=ŋqo** [\[51, с. 218\]](#)

кружка=E=**IN=ABL**

'из чашки'

рәсе	әсс=и	ко=іқәі=іа=іј	ја=іік=еіәіј
пока	те=ABS.pl	PRS=уйти=PL=PRS	дом=NMLZ.группа=LAT
čawčəva=ηqo		<i>например</i>	jel=ə=η
чавчувен=ABL			прочь=E=DAT.adv
nəm=ə=lh=etəη		ko=lqəl=la=η	ənp=ə=čh=etəη
посёлок=E=ATR=LAT	PRS=уйти=PL=PRS		старый=E=ATR=LAT

‘Сначала они отправлялись в стойбище от чавчувеннов, например, туда, к нымыланам отправлялись, к старикам’ (то есть отправлялись в свое стойбище из стойбища чавчувеннов, из того места, где чавчувенны находились).

В позиции локализатора возможны существительные временной семантики, называющие периоды времени. В этом случае происходит метафорический перенос из физической пространственной сферы в абстрактную темпоральную:

ləqlaη=ə=ηqo [\[51, с. 225\]](#)

зима=E=**ABL**

‘с зимы’

ano=ηqo [\[51, с. 226\]](#)

весна=**ABL**

‘с весны’

ηaj=ə=ηqo [\[51, с. 226\]](#)

осень=E=**ABL**

‘с осени’

Если в позиции предиката находится глагол речевой деятельности, происходит метафорический перенос из физической сферы в психическую. По меткому выражению Е. В. Падучевой, такие конструкции выражают «фиктивное движение», например:

Гыг’эйηэв’лин ηайныноηю. [\[51, с. 160, 161, предл. 23\]](#)

γ=ə=hejη=ew=lin

PP=E=звук=VBLZ=3sgP

ηajηəno=ηqo

вне

дома=**ADV.abl**

‘Позвал снаружи.’

3. Транслативная модель движения $NS_{ABS} N(=SFF^{Loc})=PROLAT^{Trans} v_f^{Mot}$

«субъект движется по трассе»

Транслативная модель описывает ситуацию движения субъекта по определенной трассе. Имя в позиции локализатора обозначает маршрут и оформляется падежным суффиксом пролатива =*эпә* в сочетании с пространственными суффиксами или без них.

3.1. Пролативный вариант транслативной модели движения N_{ABS}^S $N=PROLAT^{Trans}$

Имя существительное в форме пролатива в позиции локализатора обозначает широкое неограниченное пространство, в котором осуществляется движение, например:

heh=**epən** [\[51, c. 224\]](#)

небо=**PROL**

'по небу'

3.1. Суперлативный вариант транслативной модели движения N_{ABS}^S

$N = SFF^{Super} = PROLAT^{Trans} V_f^{Mot}$

Локализатор в форме пролатива регулярно сочетается с пространственным суффиксом =л□=/ =ль□='на поверхности', который обозначает, что движение совершается по поверхности предмета, имеющего широкую горизонтальную верхнюю плоскость, например:

ja.ja=**ǰ**q=epən [\[51, с. 213\]](#)

ДОМ= **SUPER** = PROL

'по крыше'

ajotq=ə=**ɟ**q=epən [\[51, c. 229\]](#)

лужа=E=**SUPER**=PROL

'по [поверхности] лужи'

həl=ə=ɨq=epən [\[51, c. 227\]](#)

cher=E=**SUPER**=PROL

'по снегу'

ajkat=ə=ᵑᵑ=ерəᵑ [\[51, с. 229\]](#)

берег=E=**SUPER**=PROL

‘по берегу’

кəčᵑ=ə=ᵑᵑ=ерəᵑ [\[51, с. 229\]](#)

сухой=E=**SUPER**=PROL

‘по суше’

təpəᵑ=ə=ᵑᵑ=ерəᵑ [\[51, с. 230\]](#)

сопка=E=**SUPER**=PROL

‘по сопке’

vəhəj=ə=ᵑᵑ=ерəᵑ [\[51, с. 232\]](#)

травa=E=**SUPER**=PROL

‘по траве’

3.1. Адлативный вариант транслативной модели движения N_{ABS}^S $N=SFF^{Ad}=PROLAT^{Trans} V_f^{Mot}$

Имя в позиции локализатора может сочетаться также с пространственным суффиксом =нолᵑ= / =нольᵑ= ‘на склоне чего-либо’ для обозначения ситуации, в которой субъект движется по склону пространственного ориентира, например, по склону горы, сопки, крутого берега:

А муйу мыткоялекола□ □айнол□эпы□, [мыткояйвыткола□, мыткоча□ычг’алла□
 мыев’ уйᵑэ, мучгинэв’ эн̄пичив’ коветаллаᵑ, а муйу мыткочваллаᵑ.] [\[50, с. 21, 108, предл. 24\]](#)

а	muᵑ=u	mət=ko=jaleko=la=ᵑ	ᵑaj= нолᵑ =ерəᵑ
	мы=ABS.pl	1nsgS=PRES=кататься	с гора= AD.склон = PROL
		горы=PL=PRES	

‘А мы катаемся на санках с горы, [гуляем, веселимся, потому что не [следят за нами], наши родители работают, а мы играем.]’

Заключение

Динамические пространственные модели, при помощи которых описываются ситуации

направленного движения, формируют разветвленную систему, в которой противопоставляются друг другу три типа синтаксических конструкций: адлативные модели, характеризующие направленное движение субъекта по направлению к определенной точке пространства; делативные модели, характеризующие движение субъекта от определенной точки пространства; транслативные модели, указывающие на маршрут или трассу, по которой совершается движение.

Каждая из моделей представлена серией структурно-семантических вариантов в зависимости от способа выражения локализатора и передаваемого им значения. В позиции локализатора могут стоять наречия, формирующие адвербиальный вариант модели, в котором пространство предстает в самом общем виде или соотносится с местом, названным ранее. Имена существительные обозначают конкретные пространственные ориентиры: падежный показатель латива, аблатива или транслатива обозначает ориентацию движения по направлению к конечной точке, из начальной точки или по трассе соответственно. Пространственные суффиксы конкретизируют части того предмета, который служит ориентиром. Потенциально каждый из пространственных падежей может сочетаться с любым пространственным суффиксом, формируя симметричные подсистемы структурно-семантических вариантов:

- директивный вариант обозначает движение субъекта по отношению к пространственному ориентиру, форма или расположение которого не дифференцированы;
- ИН- вариант указывает на движение относительно внутренней части какого-либо пространства;
- СУБ- вариант актуализирует движение относительно нижней горизонтальной поверхности пространственного ориентира;
- СУПЕР- вариант обозначает, что движение осуществляется по отношению к верхней горизонтальной плоскости пространственного ориентира;
- АД- вариант описывает ситуацию движения относительно склона пространственного ориентира, т. е. относительно наклонной поверхности.

Большими возможностями варьирования обладают адлативные варианты, вероятно, в силу большей частотности в текстах. Однако не все комбинации одинаково частотны в естественных текстах на корякском языке, поэтому для исчисления всех возможностей необходимы дополнительные консультации с информантами.

Библиография

1. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18. EDN: YFJMIL.
2. Черемисина М. И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1997. С. 56–61.
3. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Строение предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1992.
4. Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29. EDN: WOHZRT.
5. Кошкарёва Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная

коммуникация. 2006. Т. 4, Вып. 2. С. 64–76. EDN: HYRSFN.

6. Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007. 47 с. EDN: QDYTVB.

7. Кошкарёва Н. Б. О полисемии синтаксических единиц // Вестник НГУ. 2012. Том 11, Выпуск 9. С. 164–171.

8. Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26. EDN: TWKTLN.

9. Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1979. 198 с.

10. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. М.: Наука, 1973. 351 с. EDN: QCQSWP.

11. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса "Современный русский язык". Красноярск, 1988. 54 с.

12. Белошапкова В. А. Современный русский язык. М.: Высш. школа, 1989. 800 с.

13. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагм. приклад. (пед.) модели яз.: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 501 с.

14. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar / Ed. K. Hengeveld. 2nd ed., rev. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1997. 477 p.

15. Givón T. Functionalism and Grammar. Amsterdam, 1995. 486 p.

16. Van Valin R. D., Jr., Lapolla R. J. Syntax: Structure, Meaning and Function. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 713 p.

17. Fillmore Ch., Kay P., O'Connor C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of let alone // Language. 1988. Vol. 64. Pp. 501-538.

18. Goldberg A. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. The University of Chicago Press, 1995. 271 p.

19. Croft W. Radical construction grammar. Oxford University Press, 2001. 448 p.

20. Constructions grammars: Cognitive grounding and theoretical extensions. Amsterdam, John Benjamins, 2005. 325 p.

21. Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 304 с. EDN: QOKXMT.

22. Кошкарёва Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–119. EDN: QZDACX.

23. Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 53–65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65 EDN: YZJBNJ.

24. Серээдар Н. Ч. Структурно-семантические типы моделей бытийных предложений в тюркских языках южной Сибири // Мир науки, культуры, образования. 2014. С. 220–222.

25. Серээдар Н. Ч. Бытийные модели в тувинском языке: характеризующие значения // Мир науки, культуры, образования. № 6 (79). 2019. С. 680–683. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10295 EDN: EQLZNQ.

26. Чугунекова А. Н. Формально-семантические модели предложений с предикатами движения, построенные по схеме N=1 N=6 V=дв. (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (18): в 2 ч. Ч. 1. С. 219–221. EDN: PGEWMF.

27. Чугунекова А. Н. Модели элементарных простых предложений каузированного перемещения объекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Oriental

- Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 208–224. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-208-224 EDN: PPEESI.
28. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: фонетика, морфология. Л.: Наука, 1972. 323 с.
29. Нагаяма Ю. Очерк грамматики аляutorского языка (ELPR Publication Series A2-038). Osaka Gakuin Univ., 2003. 314 с.
30. Жукова А. Н. Корякский язык: учебник для учащихся педагогических училищ. Л.: Просвещение, Ленингр. отделение, 1987. 256 с.
31. Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1960. 236 с.
32. Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор аляutorцев. М.: Наследие, 2000. 468 с. EDN: RAFKVB.
33. Мальцева А. А. Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 28–35. EDN: LACRWR.
34. Мальцева А. А. Элементы предикативного склонения в чукотско-корякских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 2. С. 70–79. EDN: KZBVDJ.
35. Мальцева А. А. Темпорально-каузальные полипредикативные конструкции в диалектах аляutorского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 2. С. 72–80. EDN: NDISVV.
36. Мальцева А. А. Структурные типы целевых полипредикативных конструкций в чукотско-корякских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 2. С. 71–83. EDN: ORJRYD.
37. Мальцева А. А. Динамика соотношения перегринативных форм и целевых полипредикативных конструкций в чукотско-корякских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 9. С. 102–113. EDN: RFKCKF.
38. Мальцева А. А. Синтетические и аналитические средства выражения начала действия в таксисных полипредикативных конструкциях чукотско-корякских языков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 2. С. 28–44. EDN: RXMKIJ.
39. Мальцева А. А. О разных источниках синтетизма в системах таксисных конструкций чукотско-корякских языков // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 44–61. EDN: TWKTMR.
40. Тарасевич Д. В. Аналитические и аналитико-синтетические условные конструкции в корякском языке // Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание. Материалы 62-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2024. С. 268–269. EDN: XILNRY.
41. Тарасевич Д. В. Структурная и функционально-семантическая классификация корякских полипредикативных конструкций со скрепой *тите* 'когда' // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (49). С. 42–59. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-1-42-59 EDN: JJYBJV.
42. Чепрасова А. А. Бытийно-локативные предложения в корякском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (50). С. 64–74. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-2-64-74 EDN: DVJVJS.
43. Чепрасова А. А. Структура простых акциональных предложений в корякском языке и пути их метафоризации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (46). С. 76–88. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-2-76-88 EDN: TAXCBE.
44. Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 401.

45. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 57–149.
46. Talmy L. How language structures space // Spatial orientation. Theory, research, and application. Ed. by H. Pick & L. Acredolo. New York & London: Plenum Press, 1983: 225–282.
47. Levinson S. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 621 p.
48. Levinson S. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 415 p.
49. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II: Пер. с фр./ Общ. редакция Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. Москва – Вена: "Языки русской культуры", венский славистический альманах, 1998. 544 с. EDN: SUMCHF.
50. Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство "Гео", 2015. 172 с. EDN: VUNYUH.
51. Мальцева А. А., Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое изд-во "Гео", 2019. 288 с.
52. Культура камчатских коряков-чавчуменов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынэтэгина / Сост. Т. А. Голованева. Новосибирск: СО РАН, 2022. 252 с.
53. Мальцева А. А. Релятивные слова в чукотско-корякских языках // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 57–95. EDN: OWROJN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают модели простых предложений с семантикой движения в корякском языке, который является младописьменным языком малочисленной народности коряков и относится к языкам чукотско-камчатской группы палеоазиатских языков (язык эргативно-абсолютивного строя). Предмет исследования представляет значительный интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения. С одной стороны, актуальность работы определяется значимостью в современных условиях всестороннего анализа и описания синтаксических моделей языка эргативно-абсолютивного строя с учетом теории моделирования элементарного простого предложения, которая «успешно зарекомендовала себя при описании синтаксических структур пространственной семантики многих урало-алтайских языков Сибири». С другой стороны, подобные исследования способствуют развитию и сохранению малых языков Российской Федерации.

Теоретической базой исследования обоснованно послужили труды ученых новосибирской синтаксической школой под руководством Майи Ивановны Черемисиной и других российских лингвистов-исследователей фонетики, грамматики, лексикологии и синтаксиса языков коренных народов Сибири, в частности чукотско-камчатской группы (Наталья Борисовна Кошкарёва, Алла Александровна Мальцева, Алевтина Никодимовна Жукова, Дмитрий Вадимович Тарасевич и др.), а также фундаментальные работы по функциональному и семантическому синтаксису, структуре предложения в современном языке отечественных и зарубежных ученых (Г. А. Золотова, Т. В. Шмелева, Т. П. Ломтев,

Simon Cornelis Dik, Talmy Givón, Robert D. Van Valin Jr., Charles J. Fillmore и др.). Список литературы представлен значительным количеством источников (53 источника) и является исчерпывающим для затронутой проблематики. Библиография статьи соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям, находит отражение на страницах статьи.

С учётом специфики предмета, объекта и цели работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, наблюдение, обобщение, описание, методы классификации и систематизации, метод сплошной выборки материала, метод глоссирования (поморфемная разбивка каждого слова и поморфемный перевод), дистрибутивный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод синтаксического моделирования структуры и семантики простого предложения как единицы языка. Эмпирической базой послужил аутентичный материал (разножанровые устные рассказы носителей корякского языка).

В ходе исследования подробно рассмотрены элементарные простые предложения корякского языка с семантикой движения. С помощью метода моделирования установлены дифференциальные признаки синтаксических моделей с адлативной, делативной и транслативной семантикой, каждая из которых, в свою очередь, представлена набором структурно-семантических вариантов. Проведена классификация элементарных простых предложений, репрезентирующих пропозицию движения. Выявлено, что «большими возможностями варьирования обладают адлативные варианты, вероятно, в силу большей частотности в текстах». Отмечается, что «не все комбинации одинаково частотны в естественных текстах на корякском языке, поэтому для исчисления всех возможностей необходимы дополнительные консультации с информантами». В заключении обобщены полученные результаты. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в изучение особенностей синтаксиса корякского языка («синтаксис корякского языка исследован крайне фрагментарно», «в грамматических описаниях корякского и близкородственного ему алюторского языков разделы, посвященные синтаксису, либо вовсе отсутствуют, либо кратко представлены самыми общими понятиями...»), а также в возможности использования данных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории синтаксиса, синтаксису русского языка и языков коренных народов Сибири и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Леонтьева Н.А. Стихотворение О. А. Седаковой «Предпесня» в аспекте интертекстуального анализа // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72793 EDN: BVNSMP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72793

Стихотворение О. А. Седаковой «Предпесня» в аспекте интертекстуального анализа

Леонтьева Наталья Анатольевна

ORCID: 0009-0006-5098-7407

аспирант; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Аякс, 10

✉ leonteva.na@dvfu.ru[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.72793

EDN:

BVNSMP

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2024

Аннотация: О. А. Седакова, филолог, теолог, переводчик, преподаватель, является одним из видных представителей современной мировой литературы. Круг её научных и творческих интересов в гуманитарной сфере обширен. Автор полагает, что в творчестве поэтессы, крепко укоренённом в мировой культуре, интертекстуальность с высокой вероятностью может реализовываться и как принцип, и как приём поэтики. Таким образом, лирика О. А. Седаковой обладает высоким интертекстуальным потенциалом, открывая перед исследователем широкие перспективы: природа, функции и механизмы включения интертекстуальности в произведения поэтессы требуют уточнения, что обуславливает актуальность и новизну работы. Итак, предмет нашего исследования – специфика и функционирование интертекстуальности при создании образа Гомера в стихотворении О. А. Седаковой «Предпесня». Интертекстуальный анализ проведен с опорой на разработки Р. Дресслера, В. Богранда, В. Е. Чернявской; применены элементы теории информативности текста И. Р. Гальперина, сопоставительного метода и мотивного анализа. В результате исследования установлено, что в семантически осложнённом стихотворении О. А. Седаковой «Предпесня» интертекстуальность

оказывается конституирующим компонентом, формируя образ Гомера. При этом связи «текст-текст» и «текст-культура» в данном произведении реализуются в виде аллюзий, узнавание которых требует от читателя развитой интертекстуальной компетенции. В качестве фактов интертекстуальности в «Предпесне» способны выступать не прецедентные феномены, а слова обыденного языка, приобретающие особое значение и специфику интертекстуальной единицы в контексте самого произведения. Благодаря контекстуальной обусловленности слова-образа у О. А. Седаковой возникает многозначный текст. Так, образ Гомера состоит из двух мотивных комплексов; мы назвали их «оптическое» и «поэтика Гомера». Группа «оптическое» объединяет в себе отсылку к гомеровскому вопросу и ряду условных фактов о биографическом Гомере, а также к элементам натурфилософии, запечатлённой в его творчестве. Концептуальный слой стихотворения тесно связан с фактуальным, являясь его переосмыслением, и создаётся на основе художественно оформленных представлений об аэде и его поэтике: физическая слепота древнего певца становится маркером причастности к божественному и поэтическому началу, а наделённый особым видением Гомер превращается в прозорливого творца и вдохновителя последующей поэтической традиции.

Ключевые слова:

интертекстуальность, типологическая интертекстуальность, референциальная
интертекстуальность, интертекстуальный анализ, поэтика, поэтика Гомера,
художественный образ, образ Гомера, Гомер, Ольга Седакова

Исследовательское внимание к межтекстовым связям возросло во второй половине XX в. после публикации работы Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман», 1967 г. В филологической науке методике интертекстуального анализа посвящены труды М. М. Бахтина, Р. Барта, Ж. Женетта, М. Риффатера, Н. Пьеге-Гро, М. Л. Гаспарова, М. Ю. Лотмана, В. Е. Чернявской, Н. А. Кузьминой, и других учёных. Изучение художественных произведений в рамках теории интертекстуальности остаётся по-прежнему актуальным.

Интертекстуальный подход к изучению творчества Ольги Александровны Седаковой представляется нам продуктивным в связи со следующими особенностями. Научная и творческая деятельность Ольги Седаковой реализуется в сфере гуманитарных дисциплин (филология, переводоведение, философия, теология), что обуславливает высокую частотность фактов интертекстуальности в её произведениях, которым в современном мировом литературном процессе отведена заметная роль. Тексты Ольги Седаковой переведены на множество языков, а заслуги отмечены многочисленными премиями и научными степенями (личный сайт Ольги Седаковой: <https://olgasedakova.com>). Однако обретение Ольгой Седаковой творческого признания состоялось благодаря её способности быть не цитирующим посредником, но искусным творцом новых смыслов, рождающихся при столкновении фактов интертекстуальности. По словам О. А. Седаковой, поэт не может «не увидеть того, что видишь, голым, без одежды его многовековых осмыслений (без “культуры”, “традиционности”, пускай в полемическом ее повороте, стихотворная речь невозможней, чем прозаическая); не услышать голым слова, без его смысловых, корневых, звуковых, стилистических и т. п. историй (“своеобразие поэтической семантики”)» [14, с. 40].

В лекции 1992 г. В. В. Биbihин охарактеризовал Ольгу Седакову так: «её все читали и

никто не прочел; её все знают и никто не знает ей цену» [\[2, с. 270\]](#). В настоящее время отечественные и зарубежные исследователи внимательно изучают творчество поэтессы — корпус текстов о Седаковой пополнился (работы Н. Г. Медведевой, Е. Э. Фетисовой, сборники научных работ «Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения», «Два венка: посвящение Ольге Седаковой» и др.). Тем не менее, интертекстуальный компонент творчества Ольги Седаковой (его формы, механизмы включения в текст, степень значимости для художественного метода поэтессы) всё ещё остаётся малоисследованным. Целью нашей работы является изучение специфики и функционирования интертекстуальности в лирике Ольги Седаковой на примере образа Гомера в стихотворении «Предпесня» (сборник «Дикий шиповник. Легенды и фантазии», 1976-1978 гг.). Мы предприняли попытку провести интертекстуальный анализ этого стихотворения, учитывая предложенное Р. Дресслером и В. Бограндом разграничение типологической (связь «текст-канон/жанр») и референциальной (связь «текст-текст/слово») интертекстуальности [\[15, с. 78\]](#) и выделяя группы слов-образов (маркеров интертекстуальности), формирующих ткань стихотворения на фактуальном и концептуальном уровнях (термины И. Р. Гальперина [\[3, с. 27\]](#)).

Читая Ольгу Седакову, мы встречаемся с текстом семантически осложненным. И, осложнение, на наш взгляд, заключается в самом языке поэтессы, который оказывается неожиданным, ассоциативным, называющим понятия иносказательно, подобно тому, как это делают кеннинги в германской литературе.

Проиллюстрируем это положение, сопоставив объединенные общим образом стихотворения О. А. Седаковой «Предпесня» и О. Э. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...». Последнее наполнено прецедентными именами (*Гомер, Эллада, Елена, Троя, ахейские мужи*) [\[6, с. 68\]](#), обнаруживающими интертекстуальные связи в роли исходных данных для интерпретации текста. Рассмотрим стихотворение «Предпесня» [\[13, с. 75\]](#):

Предпесня

И перед ним водой смущенной

толпятся темные слова...

Он глаз не поднимает - и вода

глаза отводит. Широко шумит

предания двойная слепота.

Так вот что ты, ужасная вода,

ты, слипшееся вещество мгновенья,

само себе закрывшее глаза зачатие,

враждебное рожденью.

Непокидаемая колыбель стыда.

Но как змею двузвучная дуда,
высвистывая внутреннее зренье,
заставит повторить его - тогда,
когда слепец положит на колени
всю лиру легкую, когда найдет на ней,
сияя мелочью невиданных вещей,
полубожественное снаряжение,

тогда, огромный свет держа перед собой,
мы медленно пойдём, предварены тобой.

Текст данного произведения лишен каких-либо прецедентов в строгом определении Ю. Н. Караулова: «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [\[4, с. 105\]](#). Тем не менее, не называя имени Гомера, Ольга Седакова говорит именно о нём с помощью интертекстуальных связей, что является первым шагом к семантической многослойности стихотворного текста, осложняющей процесс читательской рецепции.

Обратимся к рассмотрению маркеров интертекстуальности, образующих **смысловые (мотивные) группы** в стихотворении «Предпесня», которые формируют образ Гомера. Отметим, что группы выделяются нами с долей условности, так как в художественном произведении смыслы не закрепляются за конкретными носителями, а как бы разливаются во всём тексте.

1. Группа «оптическое».

В стихотворении частотны слова-образы, которые можно отнести к группе **«оптическое»**: это оппозиция *тьма-свет, глаза, слепота, слепец, закрывшее глаза зачатие, тёмные слова*. Данная группа лексики выполняет в тексте связующую функцию и образует наиболее поверхностный, фактуальный слой информации, который содержит отсылку к биографическим сведениям о Гомере как о слепце (заметим, что если взглянуть на стихотворение с точки зрения читателя, то текст будет лишь намекать на образ Гомера).

Однако сведения о Гомере как о слепце нельзя считать однозначно достоверными (гомеровский вопрос затрагивает не только проблему авторства, но и проблему личности

древнего певца; о Гомере и его поэтике как об оригинальной фигуре писали древние авторы — Демокрит, Аристотель и др., в то же время у ряда античных учёных возникали сомнения в существовании Гомера и авторстве его поэм [5, с. 35-102]. В связи с этим достаточно прозрачен смысл слов *широко шумит предания двойная слепота*. Они буквально говорят, что, с одной стороны, предание рассказывает о легендарном слепом поэте, с другой стороны, указывают на ненадежность коллективного источника, сведения которого уже закрепились в общекультурном фонде знаний, что образно представлено в стихотворении обширной шумящей водой (морем). Таким образом, в этом контексте слепоту следует трактовать ещё и метафорически как неоднозначность и неточность восприятия действительности наблюдателем (однако заметим, что в стихотворении в целом реализуется другое значение данного слова, о чем речь пойдет далее).

Столь же неоднозначно может быть истолковано и *зачатие, враждебное рождению*. На фактуальном уровне оно указывает на физическую патологию, возникшую на стадии внутриутробного развития (стадия зачатия). В данном случае вода реализует значение одного из химических веществ, но также и некоего первоэлемента, едва ли не обладающего божественной волей распоряжаться судьбой человека. Здесь следует искать отсылку к космо- и теогонии Гомера (в «Илиаде» бог Океан — отец богов) и Фалеса Милетского, полагавшего воду материальной и духовной основой бытия, и, возможно, вдохновленного в своей философии творчеством Гомера [1, с. 60]. Древние натурфилософские представления находят отражение в поэтическом мире Ольги Седаковой. Например, как отмечает К. Мегрелишвили, во многих стихотворениях Седаковой вода выполняет роль посредника между человеческим и божественным, человек посмертно перевоплощается в дождь [7, с. 455]: *такие ивы в Китае, / смывающие свой овал с великой охотой, / ибо только наша щедрость / встретит нас за гробом* («Китайское путешествие» [13, с. 327]), *Что делает он там, где нет его? / Где вечным ливнем льётся существо* («Стансы вторые. На смерть котёнка» [13, с. 279]).

На концептуальном уровне *зачатие, враждебное рождению* содержит мысль о последствиях факта незрячести; она реализуется посредством антитезы *зачатие-рождение*, и в данном случае идея рождения тесно связана с триадой «рождение — прозрение (буквальное, когда младенец видит свет) — познание». Слепой от рождения человек с трудом может пройти этот путь, неизбежно пребывая во тьме, подобно младенцу в утробе матери, на что могут указывать слова о *непокидаемой колыбели стыда*. Гомер как герой стихотворения Ольги Седаковой на фактуальном уровне лишен возможности прямого постижения мира, т. е. как бы не рождён для этого.

Итак, мы показали, как поэтесса виртуозно конденсирует несколько смыслов в одном высказывании. Эти примеры подтверждают слова С. Пратт о принципиальной и естественной многозначности слова в поэтике Ольги Седаковой и механизме смыслопорождения, где, согласно самой Ольге Седаковой, слова «не означают гарантированных, готовых вещей, но становятся событием» [9, с. 263], слово видится Ольге Седаковой неисчерпаемым образом, созданным для «долгого общения с ним» [10]. Оказиональный, а не предзаданный смысл актуализируется как раз в процессе интертекстуальных столкновений с другими единицами смысла, что позволяет нам поставить вопрос об интертекстуальной организации лирики Ольги Седаковой как об одной из ключевых черт ее художественного метода. Отметим, что в случае с поэзией Седаковой, интертекстуальность следует понимать широко, как связь не только с текстом когда-либо реально существовавшим или существующим, но и с «текстом» культурной памяти. В данный макротекст включается и микротекст о Гомере, отсылками к нему, как

мы убедились, становятся самые обыденные слова, которые, лишь включаясь в целостный контекст произведения, приобретают статус интертекстуальных маркеров.

2 .Группа «поэтика Гомера» и факт типологической интертекстуальности, зафиксированный в заголовке стихотворения.

Нам представляется целесообразным выделить дополнительную группу образов, назовём её **«поэтика Гомера»**: *водой смущенной толпятся темные слова, вода глаза отводит, внутреннее зрение, слепец положит на колени всю лиру легкую, мелочь невиданных вещей, полубожественное снаряжение.*

Если взглянуть на стихотворение «Предпесня» с этого ракурса, то мы увидим, как в нём запечатлён легендарный плодотворный момент — возникновение древнегреческой (и западной) поэзии, когда Гомер расслышал, опять же согласно преданию, в шуме моря, в этой *смущенной* воде (неспокойной, непрестанно движущейся и противоположной водной глади) , **прообраз стихотворного размера** и ритма гекзаметра. Выявляя особенности поэтики гомеровского текста, отраженные в стихотворении Ольги Седаковой, отметим использование поэтессой прилагательных, созданных по модели **гомеровских составных эпитетов** (*двузвучная* и *полубожественное*), что является прямой отсылкой к образу аэда. Намёком на **приём ретардации**, у Гомера реализующейся через тщательные описания предметной составляющей изображаемого мира, служит упоминание *мелочи невиданных вещей* и *полубожественного снаряжения*, собственно, одного из объектов описания. Как и предыдущих примерах, здесь возможна неоднозначная трактовка: *сияющая мелочь невиданных вещей* — это, возможно, струны лиры.

Если возвращаться к рассмотрению поэтики Ольги Седаковой, то возможность неоднозначного толкования скрыта не только в **контекстуально обусловленной многозначности слова**, но и в стихотворном синтаксисе, отмеченном приёмом переноса (анжамбемана):

Он глаз не поднимает - и **вода**

глаза отводит. Широко шумит

предания двойная слепота.

Каждый стих в строфе оказывается микропредложением, способным плавно переходить в следующий. К примеру, первый стих можно воспринимать буквально: слепой поэт не поднимает взгляд, а перед ним море — представление о топосе морского берега мы получаем из слов второй строфы *широко шумит*. Учитывая, что для творческого мировосприятия Ольги Седаковой характерно наделение природного, дочеловеческого мира особой жизнью, символом которой является поэтически переосмысленная способность к зрению («Мир всматривается в нас, наблюдает за нами: «Ты помнишь эту розу, глядящую на нас?», [\[8, с. 123\]](#)), в данном случае рождается целый комплекс смыслов. Появляется возможность задаться вопросом чьи же *глаза отводит вода*, свои или гомеровские? Привлекает ли она внутренний взор слепого певца к себе (буквально заставляя своим шумом перевести внимание (взор) на себя); может ли наделённая особым зрением стихия в мире времен архаического мифа, где человек только начинает

свое отделение от природы, испытывать сочувствие к своему сыну, обделённому радостью бытия, и потому *смущаться* (вспомним смущенную воду в эпиграфе); может ли *смущение* воды и *отведение глаз* (уклонение, движение назад) трактоваться как художественное описание равномерного движения волн? Мы предполагаем, что все эти **варианты смысла** имеют право на **сосуществование**.

Рассматривая группу «**поэтика Гомера**», мы переходим на концептуальный уровень произведения, где слепота уже приобретает значение способности постигать без помощи одних физиологических каналов восприятия (надчувственная природа такого восприятия в стихотворении передается посредством музыкальной семантики в третьей строфе: *но как змею двузвучная дуда, / высвистывая внутреннее зренье*). В мировой культуре слепота нередко оказывалась маркером особых способностей или постижения смысла (см. образы Демодока, Тиресия, Эдипа, Глостера, Самсона), так и Гомер в контексте стихотворения Ольги Седаковой становится не только слепцом, гениальным поэтом, но и избранным высшими силами. Предание о Гомере-поэте и море, давшем ему ритмическое откровение, в тексте Седаковой органично соединяется с упомянутым выше характерным для её поэтики представлением о стихии воды как о маркере божественного присутствия.

Причастность к высшему миру является неотъемлемым атрибутом создания легендарного образа Гомера, достойного **хвалебной песни**, каковой и становится рассматриваемое нами стихотворение, ведь если Ольга Седакова и выражает долю сомнения в существовании реального Гомера, отсылая нас к гомеровскому вопросу и таким образом обрисовывая и свой образ в качестве автора-творца данного текста, то в значимости фигуры Гомера для мировой культуры она не сомневается. Прообраз идеального поэта, Гомер, может служить напоминанием об особом даре вглядываться и вслушиваться в саму жизнь и её законы (буквально в вещество, воду), которым он обладал как человек синкретической эпохи натурфилософии. Итак, название стихотворения отсылает к **оде**, что переводится с древнегреческого как «песнь» или, точнее, «хвалебная песнь», и таким образом реализует факт типологической интертекстуальности. Ольга Седакова не ограничивается отсылкой к одическому жанру; **расширяя семантику слова**, поэтесса позволяет нам прочесть в «Предпесне» дополнительные смыслы:

а) прежде всего существовало уже упомянутое нами божественное начало и его песня как акт творения (тканья, плетения — ср. *textus* т. е. ткань) мира, замысел этого начала способен постичь человек с особым видением;

б) предпесней для Гомера на фактуальном уровне был ритм моря;

в) предпесней является и творчество самого Гомера по отношению к лирике следующих поколений поэтов, мысль об этом прямо дана в заключительной строфе.

Размышляя об образе Гомера, Ольга Седакова отражает в «Предпесне» и развитие творческого процесса как такового. Первоначальный замысел творения возникает на основе открытия, прозрения, подобно тому, которое случилось с Гомером услышавшим шум волн. Приведём цитату Ольги Седаковой: «зримый мир сложился для нас в зрительные слова — и зрение уже не работает каждый раз наново, не *зрит*, а *различает* давно ему известные знаки» ^[11]. Но как вода, **смущены**, **темны** пока ещё слова будущих песен. Это обрывки идеи, которые **толпятся** перед художником. Таковы они потому, что в них еще не выявлена суть, не совершен процесс **выведения на свет** смысла из потаённого. Пока концепция только оформляется, автор как бы перевоплощается в архетипического слепца, подбирая средства и форму выражения

зигдущейся идеи. Она видится пока еще лишь **внутренним зрением**, и лишь когда наступает момент творения, произведение начинает проясняться (ср. с мыслью Ольги Седаковой об «общем смысле поэзии» — расширении «нашего наличного мира, вспышки *aletheia* (истины), как толковал это слово М. Хайдеггер: не-сокрытого, откровенного» [\[12. с. 21\]](#)) и наконец источать собственный свет смыслов. Так, слово *предпесня* — это ещё и переосмысленное обозначение интертекстуальности как закона жизни художественного мира, а кроме того, всего массива интертекстуального фонда художественного творчества (*огромный свет*).

В заключение исследования мы пришли к следующим выводам. Стихотворение Ольги Седаковой «Предпесня» в основном выстроено с опорой на интертекстуальные связи. Не прибегая к использованию прецедентных имён, поэтесса создаёт узнаваемый образ легендарного древнегреческого певца Гомера, этот эффект достигается путём введения в текст мотивов, вызывающих у читателя ассоциации с фоновыми культурологическими знаниями.

В данном произведении благодаря ассоциативной перекличке и контексту (лексическому и графико-синтаксическому) слова превращаются в многослойные образы — согласно собственной эстетической установке, Ольга Седакова максимально раскрывает способность слова передавать множество значений одновременно, не сводясь ни к одному из них. Так, образ Гомера последовательно приобретает черты слепца (фактуальный уровень), талантливой аэды и отца европейской поэзии (фактуально-концептуальный уровень) и обладателя особого благословения высшего мира, позволившего ему открыть эпоху авторской поэзии и стать вдохновителем и наставником всех последующих поколений поэтов (концептуальный уровень). Сложность образа Гомера обусловлена целым комплексом мотивов и более компактных образов, формирующих его: мотив слепоты и особого видения, мотив избранности, мотив творчества и поэтического метода, мотив преемственности и культурной памяти, бинарная оппозиция образов света и тьмы, воды и моря и др.

Осложняется стихотворение и включением филологической игры: оперирование не цитатами, а аллюзиями подчеркивает поэтическое мастерство Ольги Седаковой, а обращение к типологической интертекстуальности (вопросе о жанровой специфике произведения) и отсылкам к поэтическому методу Гомера ожидает от читателя наличие интертекстуальной компетенции.

Так как предтекст творчества Ольги Александровны Седаковой — это вся мировая культура, мы можем предполагать высокий интертекстуальный потенциал её творчества и выдвинуть гипотезу, рассматривающую интертекстуальность у Ольги Седаковой не как преходящий элемент, так или иначе встречающийся в произведениях любого автора, а как принцип и приём поэтики. Однако названные положения требуют развития в дальнейших исследованиях.

Библиография

1. Бакина В.И. Раннегреческая философия и наука. Фалес Милетский (VI в. до н. э.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 58–62. DOI: 10.24158/fik.2017.7.14.
2. Биbihин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 592 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 128 с.

4. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации. М.: Русский язык, 1986. С. 105–126.
5. Лосев А.Ф. Гомер [2-е изд., испр.]. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
6. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. Стихотворения / О.Э. Мандельштам; сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца. СПб.: Интернет-издание, 2020. 700 с.
7. Мегрелишвили К. Топография «иной местности» в творчестве Ольги Седаковой // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения: сборник научных статей; [ред. С. Сандлер и др.]. М.: Новое литературное обозрение. 2017. С. 435–467.
8. Медведева Н.Г. «Тайные стихи» Ольги Седаковой. Ижевск, 2013. 267 с.
9. Пратт С. Разрушение разрушения: православный импульс в творчестве Николая Заболоцкого и Ольги Седаковой // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения: сборник научных статей; [ред. С. Сандлер и др.]. М.: Новое литературное обозрение. 2017. С. 232–264.
10. Седакова О.А. «Чтобы речь была твоей речью». Беседа с Валентиной Полухиной / Персональный сайт О.А. Седаковой. URL: <https://www.olgasedakova.com/interview/177> (дата обращения: 21.12. 2024).
11. Седакова О.А. Путешествие с закрытыми глазами. Письма о Рембрандте. / Персональный сайт О.А. Седаковой. URL: <https://www.olgasedakova.com/art/2061> (дата обращения: 21.12. 2024).
12. Седакова О.А. Четыре тома Т. 2. Переводы / О.А. Седакова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 576 с.
13. Седакова О.А. Четыре тома. Т. 1. Стихи / О.А. Седакова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 432 с.
14. Седакова О.А. Четыре тома. Т. 3. Poetica / О.А. Седакова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 584 с.
15. Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77–83.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена интертекстуальному анализу стихотворения О. А. Седаковой «Предпесня» (сборник «Дикий шиповник. Легенды и фантазии», 1976-1978 гг.). Как верно замечают автор(ы), «во второй половине XX в. исследовательское внимание к межтекстовым связям возросло», поэтому по-прежнему остаётся актуальным изучение художественных произведений в рамках теории интертекстуальности. Выбор стихотворения О. А. Седаковой «Предпесня» в качестве материала исследования обоснован: «ее научная и творческая деятельность реализуется в сфере гуманитарных дисциплин (филология, переводоведение, философия, теология), что обуславливает высокую частотность фактов интертекстуальности в её произведениях. Однако обретение Ольгой Седаковой творческого признания состоялось благодаря её способности быть не цитирующим посредником, но искусным творцом новых смыслов, рождающихся при столкновении фактов интертекстуальности».

Теоретической базой данного исследования послужили фундаментальные работы таких

ученых, как В. Е. Чернявская, Ю. Н. Караулов, И. Р. Гальперин, В. В. Биbihин, В. И. Бакина, Н. Г. Медведева, С. Пратт и др. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Так, продемонстрировав, как «поэтесса виртуозно конденсирует несколько смыслов в одном высказывании», автор(ы) подтверждают это словами Сары Пратт о принципиальной и естественной многозначности слова в поэтике Ольги Седаковой и механизме смыслопорождения, где, согласно самой поэтессе, слова «не означают гарантированных, готовых вещей, но становятся событием». Библиография насчитывает 15 источников, в т. ч. 7 литературных, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью («изучение специфики и функционирования интертекстуальности в лирике Ольги Седаковой на примере образа Гомера в стихотворении «Предпесня»») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также собственно интертекстуальный анализ, предполагающий изучение межтекстового взаимодействия, выявление роли аллюзий, цитат и т.п. в выражении концептуального смысла вторичного текста на основе его связи с текстом-источником. Автор(ы) обращаются к рассмотрению маркеров интертекстуальности, образующих смысловые (мотивные) группы в стихотворении «Предпесня», которые формируют образ Гомера: группу «оптическое» и группа «поэтика Гомера».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования сформулированы выводы о том, что «стихотворение Ольги Седаковой «Предпесня» в основном выстроено с опорой на интертекстуальные связи. Не прибегая к использованию прецедентных имён, поэтесса создаёт узнаваемый образ легендарного древнегреческого певца Гомера, этот эффект достигается путём введения в текст мотивов, вызывающих у читателя ассоциации с фоновыми культурологическими знаниями»; «осложняется стихотворение и включением филологической игры: оперирование не цитатами, а аллюзиями подчеркивает поэтическое мастерство Ольги Седаковой, а обращение к типологической интертекстуальности (вопросе о жанровой специфике произведения) и отсылкам к поэтическому методу Гомера ожидает от читателя наличие интертекстуальной компетенции». Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы.

Полученные результаты имеют теоретическую и практическую ценность: они вносят определенный вклад как в развитие теории интертекстуальности, так и лингвопоэтики в целом, так как дает научное описание лирического текста с точки зрения интертекстуальности и ее проекции на индивидуальный художественно-словесный стиль; их можно использовать при разработке курсов по теории языка, теории интерпретации, стилистике, интерпретации текста.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ма Л. Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76982 EDN: BVTXYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76982

Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева

Ма Линь

ORCID: 0009-0004-2090-4880

аспирант; кафедра русского языка и методики его преподавания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

✉ LinMa2025@yandex.ru

[Статья из рубрики "Риторика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76982

EDN:

BVTXYT

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является риторическая организация философского дискурса Бердяева на материале лексем и лексико-семантических полей, связанных с понятиями прогресса, разложения, «дьявольской морали». В качестве объекта исследования выступают тексты философа (эссе, статьи, автобиографические фрагменты, публичные выступления) конца XIX – первой половины XX в., в которых проявляется проблематика цивилизации, морали и духовного распада. Автор подробно рассматривает вопросы семантической поляризации лексем, механизмов их усиления в рамках риторических контекстов и способов, которыми эти лексические средства продуцируют эмоциональную и оценочную напряжённость текста. Особое внимание уделяется не только самим лексемам как единицам языка, но и их прагматическому функционированию в тексте: тому, как слова вступают в сочетания и контрасты, задают тон рассуждению и формируют образ «негодной цивилизации». Методология исследования опирается на комплексный подход, в котором лексико-семантический

анализ сочетается с дискурсивной, прагматической и стилистической интерпретациями, а также историко-культурным анализом контекстов возникновения трудов Бердяева. Особое место в методологическом наборе занимает анализ метафорических и мифологических образов, через которые у философа осуществляется критика современной цивилизации. Основными выводами исследования являются то, что риторика Бердяева конструирует образ «негодной цивилизации» через системное использование лексем, связанных с прогрессом, разложением и «дьявольской моралью», причём эти лексические поля оказываются не просто описательными средствами, а активными прагматическими инструментами критики. Поляризация семантик (позитивные маркеры прогресса противопоставляются негативным маркерам распада) служит для создания оценочного контраста, усиливающего апокалиптическую тональность рассуждений и переводящего философскую аргументацию в регистр нравственного предостережения. Метафорические и мифологические образы упрочивают эту поляриность, придавая абстрактным понятиям «телесную, болезненную и демоническую плоть», что делает критику более наглядной и эмоционально воздействующей. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявляется и теоретически обосновывается механизм семантической поляризации как ключевой стратегии аргументации у философа, обеспечивающей в тексте апокалиптическую нравственно-оценочную интонацию.

Ключевые слова:

риторика негодной цивилизации, философский дискурс, семантическая поляризация лексем, тексты Бердяева, прагматическое функционирование, апокалиптическая нравственно-оценочная интонация, лексемы прогресса, дьявольская мораль, метафорические образы, лексико-семантические поля

I

Николай Александрович Бердяев (1874-1948) – один из наиболее ярких представителей религиозно-философской критики модерна в русской мысли XX века. Его труды сочетают в себе строгую философскую рефлексию и апокалиптическую риторику, в которой модерн и «цивилизация» выступают не просто как объективные исторические явления, но как нравственная и экзистенциальная угроза [\[2; 10\]](#). Тема «негодной цивилизации» у философа развивается через особенный лексический набор: слова «прогресс», «разложение», «распад», «бесовщина», «дьявольская мораль» и пр. становятся не нейтральными категориями, а оценочными клише, с помощью которых формулируется нравственная диагональ «дух – цивилизация», «творчество – техника», «свобода – рабство» [\[8, с. 11\]](#). Отсюда актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами:

- во-первых, проблемы, которые формулирует Бердяев – соотношение духа и техники, кризис личности в условиях массовости, дегуманизация общественных институтов – сохраняют свою актуальность в условиях позднего модерна и технократической цивилизации;
- во-вторых, анализ специфики употребления и переосмысления ключевых лексем у Бердяева позволяет отследить механизмы создания оценочной лексики в философской прозе и её роль в развитии общественно-культурных нарративов;

– в-третьих, лексико-стилистические особенности дискурса философа представляют интерес для исследования не только как свидетельство идейно-философской позиции, но и как пример формирования образа «врага» цивилизации [\[14\]](#), что имеет значение для развития концепций культуры XX в.

Отметим, что данные факторы рассматривались многими современными лингвистами и философами (среди них: Н. М. Азарова [\[1\]](#), С. В. Андросенко [\[2\]](#), А. Вадимов [\[7\]](#), Н. В. Козловская [\[9\]](#), Ма Линь [\[11\]](#), А. Ф. Макарова [\[12\]](#), С. Н. Мареев [\[13\]](#), С. Н. Стародубец [\[15\]](#) и др.), однако целый ряд вопросов до сих пор остается открытым: в частности, недостаточно изучены вопросы реализации лексем и лексико-семантических полей таких понятий, как «прогресс», «разложение», «дьявольская мораль» в контексте механизма семантической поляризации как ключевой стратегии аргументации у философа. Все это, в конечном итоге, и определило цель исследования – выявить и описать специфику восприятия риторики «негодной цивилизации» на материале лексем и лексико-семантических полей, связанных с понятиями прогресса, разложения, «дьявольской морали».

II

Анализ трудов Н. А. Бердяева [\[3-6\]](#) позволил выделить (среди ключевых перекрещивающихся лексико-семантических полей) три наиболее значимых для формирования риторики «негодной цивилизации» группы лексем:

1. Лексико-семантическое поле *прогресса*: лексемы, номинирующие развитие, технократический успех, рационализм, цивилизацию. При обычной дескриптивной функции эти слова у Бердяева часто несут и ироническо-критическую нагрузку: «прогресс» как явление, которое внешне предполагает благо, но в конкретном контексте определяет фактор нравственного и духовного искажения, поскольку здесь также воплощается утверждение философа:

«Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо» [\[6, с. 81\]](#).

Прогресс в материальном и организационном плане сопровождается духовной пустотой, рационализм и технократия оборачиваются обезличиванием и утратой свободы личности [\[5\]](#). Такая ирония достигается благодаря контрасту между общественным стереотипом о прогрессе и конкретной критической интерпретацией автора: знакомые термины сохраняют внешнюю достоверность описания, но оборачиваются обвинением в односторонности и разрушительных последствиях. Подобная критика предполагает и анализ механизмов, через которые технократическое развитие и культ рационального расчёта подтачивают нравственные основания общества. В центре этого анализа оказывается редукция человека до функционального звена: когда ценность личности определяется её полезностью в системе производства и управления, исчезает место для автономного духовного поиска и творческого самовыражения:

«Земной дух человечества, пошедшего по пути змия, загипнотизировал человека заманчивой идеей прогресса и грядущего в конце прогресса земного рая, и так обольщен был человек, что не заметил безумия своего служения прогрессу и своего подчинения счастливцам грядущего рая. Прогресс цветет на кладбище, и вся культура совершенствующегося человечества отравлена трупным ядом» [\[4, с. 116\]](#).

Рационализм превращается в догму, которая выдавливает из общественной жизни вопросы смысла, веры и свободы; культура как совокупность внешних форм рискует превратиться в стандартизированный набор вкусов и обрядов, лишённых глубины. В результате эстетические и материальные достижения цивилизации сосуществуют с утратой внутренней связи человека с высшими духовными ценностями.

2. Лексико-семантическое поле *разложения и распада*: лексемы, обозначающие тление, упадок, дегенерацию, падение нравов и разложение общества. Семантика этих слов насыщается телесными, патологическими коннотациями (*тление, гниль, язва*), что переводит общественные процессы в плоскость болезни и смерти:

«Так и наука: ее сфера есть помещение больницы, мира, заболевшего от греха и подпавшего закону тления, подчинившегося закону необходимости» [\[4, с. 117\]](#).

Такие лексемы, как *тление, упадок, гниль* и пр. не только формирует идею постепенного уничтожения, но и передает ощущение *запаха, мягкости, разложения*; употребление слов вроде *язвы* и *опухоли* создает образ агрессивного, инвазивного характера, который действует извне и внутри одновременно. В итоге общественные процессы перестают восприниматься как сложные исторические и экономические явления и начинают читаться сквозь призму болезни и смерти, где присутствует явное разделение на «здоровое» и «вредоносное», на «норму» и «патологию». Такой лексический выбор не нейтрален: он формирует эмоциональную реакцию, усиливает отвращение и тревогу, определяет причинно-следственные связи и часто служит ресурсом риторики, оправдывающей радикальные меры по «лечению» или «очищению». В трудах Бердяева эта метафорика получает отчетливое философско-религиозное звучание: духовная жизнь общества и личности предстает в контексте поля болезни и тления, утраты живой свободы и творческого духа. Он говорит о «духовной болезни» модерна, о растлении нравов и «закостенении» человека в механистической рациональности; при этом патологические образы – «смерть духа», «тление», «распад личности» – служат не только описательным, но и нормативным инструментом. Такая лексика усиливает апокалиптическую тональность рассуждений и ставит задачу не просто социокультурной критики, но нравственного и духовного исцеления – часто через призыв к возрождению, очищению, восстановлению «здоровой» духовной формы.

3. Лексико-семантическое поле «*дьявольской морали*»: лексические маркеры демонизации нравов и смыслов – «*дьявольский*», «*сатанинский*», «*бесовщина*», «*ложная мораль*», «*антихрист*» и т. п. Эти лексемы вводят в дискурс мифологический и антропологический план, связывая социально-исторические явления со сверхъестественным злом. Другими словами, такого рода лексемы переносят внимание с причинно-следственных связей на морально-онтологическое измерение: события объясняются не столько экономическими или политическими механизмами, сколько вмешательством злых сил или моральным развращением, что упрощает сложные процессы и делает их доступными для массовой эмоциональной реакции:

«Путь исторического величия и могущества есть путь объективации, путь выбрасывания человека во вне и самопорабощения. Этот путь влечет к царству антихриста, которое есть царство античеловеческое. Подлинное же ... в героическом усилии прорвать порабощающее царство объективации, кончить роковой путь ее и выйти на свободу, к преображенному миру, к миру экзистенциальной субъективности и духовности, то есть подлинности, к царству человечности, которая может быть лишь царством богочеловечности» [\[3, с. 299\]](#).

Внутри этого поля каждая единица несёт свои оттенки смысла и исторические ассоциации, которые усиливают общее демонизирующее воздействие. Одни слова «работают» как интенсивные оценочные маркеры, придающие действию или явлению крайнюю негативную окраску, другие ссылаются на религиозно-эсхатологическую картину, апеллируя к архетипам борьбы добра и зла, третьи обозначают коллективные психические состояния или массовые отклонения от нормы. За счёт таких нюансов лексика не просто называет «плохое», она конструирует образ врага, связывая его с понятиями греха, предательства и конца света, что делает обвинение абсолютным и неовозвратно отчуждающим.

В целом вышеупомянутые лексико-семантические поля не существуют независимо друг от друга: между ними осуществляется постоянная семантическая поляризация. То, что в общественно-политическом дискурсе может именоваться «цивилизацией» [15], в тексте у философа предстает как система, утратившая духовную свободу и обратившаяся в самоцель технического и экономического бытия, порождающая внутреннюю пустоту и моральное истощение. Между полями *прогресса*, *разложения* и «*дьявольской морали*» устанавливается не механическое сопоставление, а динамическая поляризация: лексемы прогресса теряют нейтральную и позитивную оценку и работают как маркеры ложного благополучия, лексемы разложения реализуются в рамках описания обратного процесса, а категория «дьявольского» придает всему комплексу апокалиптический нравственный пафос. Таким образом, риторика Бердяева опирается на противопоставление духовного и антидуховного, на метафоры болезни, тления и демонизации, на моральные акценты, которые перенастраивают общественные понятия в ключе угрозы для личности и вечных ценностей [11]. В результате языковая стратегия не только обуславливает кризис, но и выполняет нормативную функцию, призывая к переоценке смыслов и к возвращению к тому, что философ видит как подлинную духовную жизненность.

Все вышеизложенное позволяет выделить риторические механизмы и приёмы усиления значения:

- антонимические контрасты и бинарные оппозиции: «развитие – дегенерация», «технический триумф – духовный крах» [4; 6], что формирует аргументацию не просто описательной, но нормативно-оценочной;
- сочетания и коллокации: определённые лексемы вступают в устойчивые комбинации («прогресс в духе», «техническое могущество – моральная пустота», «цивилизация разложения» [6]), что закрепляет тематические связи в тексте и облегчает их прагматическую передачу читателю;
- интенсификация через модальность и экспрессивность: оценочные прилагательные, усилительные частицы, риторические вопросы и восклицательные структуры создают тон тревоги и предостережения;
- метафоризация: социальные явления описываются через метафоры *болезни*, *тления*, *заражения* [3-5] – это придаёт абстрактным проблемам конкретную, чувственно воспринимаемую форму и усиливает эмоциональное воздействие;
- мифологизация: использование образов *дьявола*, *антихриста*, *бесовских сил* ставит происходящее в риторiku космической борьбы добра и зла [3], что переводит философскую критику в регистр эсхатологии и нравственной угрозы.

Кроме того, следует выделить такие приемы, как:

- прямое обращение: обращение к «человеку», «духу», «церкви», «миру» персонализирует абстрактные категории и вовлекает адресата в моральную дилемму, стимулируя рефлексию и эмоциональный отклик;
- анафора, эпифора, параллелизм, хиазм: придают высказываниям особую ритмическую структуру и усиливают запоминаемость аргументации; инфинитивные конструкции и эллипсис сокращают мыслительную дистанцию, создавая впечатление непосредственного откровения; восклицательные интонации и риторические вопросы переводят рассуждение в режим проповеди и призыва, усиливая нормативную нагрузку высказывания;
- интертекстуальность и обращение к авторитетам: ссылки на религиозные тексты, классиков духовной традиции, философов и современных ученых усиливают функцию аргументации и позиционируют автора внутри целого интеллектуального корпуса;
- эвфемизация и демонизация: чрезмерно позитивные «социально-полезные термины» подчас оборачиваются эвфемизмами для скрытия нравственного провала («*прогресс*» как эвфемизм разложения), тогда как демонизирующие метафоры выворачивают наизнанку лицемерие и утрату смысла, и т. д.

Соответственно, лексемы и лексико-семантические поля, связанные с понятиями *прогресса*, *разложения*, «*дьявольской морали*» у Бердяева выполняют не только репрезентативную функцию (описание мира), но и прагматическую: они формируют читательское восприятие тревоги, определяют моральную позицию автора и образуют стратегию убеждения. Семантическая поляризация служит средством аргументации: так, противопоставляя *прогресс* и *разложение*, автор создаёт причинно-следственные связи – «*технический прогресс ведёт к нравственному падению*» – и тем самым обосновывает призыв к нравственному пробуждению. Метафорические и мифологические образы играют роль эмотивных триггеров, повышающих доступность и наглядность философских обобщений. При этом выбор риторических приёмов в текстах Бердяева во многом обусловлен историко-культурными условиями: бурный рост науки и техники, кризисы общественных институтов, революционные потрясения – все это послужило фоном для усиления апокалиптической риторики. В контексте духовных исканий начала XX в. такие лексемы и лексико-семантические поля находили резонанс у широкой аудитории, что позволяло философу выступать не только как мыслителю, но и как проповеднику морали и нравственности.

III

Таким образом, риторика Бердяева конструирует образ «негодной цивилизации» посредством системного использования и семантической поляризации трёх ключевых лексико-семантических полей: *прогресса*, *разложения* и «*дьявольской морали*». Эти лексемы в тексте действуют как активные прагматические инструменты: они создают оценочный контраст, усиливают апокалиптическую тональность и превращают философскую аргументацию в нравственное предупреждение. Эти поля не просто повторяются – они переплетаются в тонально-семантической сети, где каждая лексема приобретает дополнительный заряд за счёт окружения и риторической позиции автора. На уровне синтаксиса это проявляется в частом употреблении параллелизмов и инверсий, усиливающих контраст и делаая высказывания более афористичными; на

уровне семиотики – в постоянной метафоризации социальных явлений через биологические и демонические образы, что позволяет переводить абстрактную критику в наглядную моральную оценку. Риторика Бердяева склонна смещать соотношение аргументации в сторону апелляции к чувству и авторитету: логическая реконструкция часто подчинена пафосу предостережения, а позиция рассудительности подкрепляется обращением к духовной опыту и библейским мотивам, что создаёт эффект пророческого голоса и усиливает нормативную силу высказывания.

Соответственно, семантическая поляризация как одна из центральных стратегий аргументации у Бердяева обеспечивает переход от аналитического описания общественных процессов к экспрессивному обращению к нравственному самосознанию читателя, что по-новому раскрывает проблему

риторической организации философского дискурса Бердяева (новизна исследования), в том числе в контексте выявления специфики риторики «негодной цивилизации» на материале лексем и лексико-семантических полей, связанных с понятиями прогресса, разложения, «дьявольской морали».

Библиография

1. Азарова, Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в.: монография. – Москва: Логос; Гнозис, 2010. – 250 с. EDN: QVAEDF
2. Андросенко, С. В. Соборность как антропологическая и экклезиологическая категория в трудах Н. А. Бердяева // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2021. – Вып. 40. – С. 9-34. DOI: 10.25803/26587599_2021_40_9 EDN: CBGIKX
3. Бердяев, Н. А. Самопознание: сборник / сост., авт. вступ. ст., с. 3-18, А. А. Ермичев. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 395 с.
4. Бердяев, Н. А. Философия свободы; Смысл творчества / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова; Журн. "Вопр. Философии" и др. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.
5. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / вступ. ст., сост., примеч. Р. А. Гальцевой. – Москва: Искусство; Москва: ИЧП "Лига", 1994. – [Т. 1.] – 541 с.; [Т. 2.] – 508 с.
6. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / сост. и послесл. П. В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – Москва: Республика, 1995. – 382 с.
7. Вадимов, А. (А. В. Цветков). Жизнь Бердяева. Россия. – Oakland (Calif.): Berkeley slavic specialties, 1993. – 287 с.
8. Кара-Мурза, А. А. Культура, цивилизация и "новое варварство": историософские прозрения Николая Бердяева // Философский журнал. – 2025. – Т. 17; № 2. – С. 5-20.
9. Козловская, Н. В. Лексемы "Нация" и "Национальность" в философских терминосистемах Н. А. Бердяева и К. Н. Леонтьева // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 104-109. EDN: TWGEEJ
10. Кочетков, Г. С. Гений Бердяева и Церковь // Православная община. – 1998. – № 2. – URL: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1992/no8/article/svjashchennik-georgii-kochetkov-genii-berdjaeva-i-cerkov/-ysclid=mies8th65h797625760> (дата обращения: 25.11.2025).
11. Ма Линь. Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева // Litera. – 2025. – № 4. – С. 131-143.
12. Макарова, А. Ф. Консерватизм Николая Бердяева: свобода преображения традиции // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2023. – Вып. 47. – С. 69-88. DOI: 10.25803/26587599_2023_47_69 EDN: WOLDLX

13. Мареев, С. Н. Миф о Бердяеве: монография. – Москва: Изд-во СГУ, 2012. – 287 с. EDN: UNVGTB
14. Райхельт, Ш. Николай Бердяев в Германии 1920–1950. Исследование по истории влияния (Отрывки из книги) // *Coincidentia oppositorum*. От Николая Кузанского к Николаю Бердяеву. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – С. 397-426.
15. Стародубец, С. Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2000. – 20 с. EDN: PNMNQM

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева» представляется достаточно актуальной, поскольку изучение лексико-стилистических особенностей дискурса Н. А. Бердяева, в частности анализ специфики употребления и переосмысления в нем ключевых лексем, не только способствует более глубокому постижению идейно-философской позиции автора, но и позволяет вскрыть в целом «механизмы создания оценочной лексики в философской прозе и её роль в развитии общественно-культурных нарративов».

Выбор объекта изучения обусловлен отсутствием комплексного описания реализации лексем прогресса, разложения и «дьявольской морали» «в контексте механизма семантической поляризации как ключевой стратегии аргументации у философа», с чем, несомненно, связана научная новизна работы. Теоретической основой исследования выступили труды современных лингвистов и философов: Н. М. Азаровой, С. В. Андросенко, А. Вадимова, Н. В. Козловской, Ма Линь, А. Ф. Макаровой, С. Н. Мареева, С. Н. Стародубец.

Структура статьи включает в себя введение, основную часть, заключение и библиографию. Во введении содержится постановка проблемы, развернутое обоснование актуальности исследования, его цель, перечисление ученых, труды которых связаны с тематикой работы. Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевидно использование автором методов с учётом специфики его предмета, объекта и цели. Основная часть посвящена подробному описанию трех наиболее значимых для формирования бердяевской риторики «негодной цивилизации» лексико-семантических полей, заявленных в теме и цели исследования. Автор статьи акцентирует внимание на особенностях их функционирования, в том числе и на уровне синтаксиса, вскрывая риторические механизмы и приёмы усиления значения ключевых лексем. В заключении излагаются выводы, логично вытекающие из содержания основной части. Библиография насчитывает 15 источников, соответствующих специфике изучаемого предмета.

В целом, статья отличается точностью и логикой изложения материала, ее стиль отвечает всем требованиям научного описания. Опечатки, орфографические, синтаксические и речевые ошибки в тексте отсутствуют.

Давая общую оценку работы, можно утверждать, что ее тема раскрыта, сделанные выводы достаточно обоснованы. В качестве замечаний следует указать на скудость описания степени разработанности темы, представленного лишь перечислением ученых,

труды которых связаны с изучаемой проблематикой, а также отсутствие указания на методологию исследования. Кроме этого, необходимо отметить недостаточность иллюстративных примеров при описании некоторых риторических механизмов и приёмов усиления значения ключевых лексем (анафора, эпифора, параллелизм, хиазм и др.). Однако данные замечания не сказываются серьезным образом на качестве рецензируемого исследования, которое представляет собой завершённую самостоятельную работу, интересную и полезную для широкой аудитории, вследствие чего статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каратаракис Н. К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72705 EDN: BPDW XF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72705

К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями

Каратаракис Николаос

ORCID: 0009-0000-0104-6607

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nikokara41@gmail.com[Статья из рубрики "Семантика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.72705

EDN:

BPDW XF

Дата направления статьи в редакцию:

13-12-2024

Аннотация: Предметом исследования являются понятия «общее», «обобщенное» и «широкое» значение в рамках понятия широкозначности. Объектом исследования стало понятие «широкозначности» или «эврисемии», на основе которого возникает одно «общее», «обобщенное», «широкое» значение. Цель данной статьи – выявить и проанализировать данные понятия, чтобы определить правомерность или неправомерность трактовки лексемы «широкозначность» как явления с одним общим, абстрактным значением. Поставленная цель определяет следующие задачи: провести анализ понятия «общее», «инвариантное» значение, определить объем термина «общее значение» и его интерпретацию относительно эврисемии, выявить и описать характеристики эврисемии, которые не могут быть сведены к одному «общему» значению, но, напротив приводят к иллюзии полисемии. Материалом исследования послужили теоретические работы Е. Куриловича, Л. А. Новикова, В. В. Виноградова, С. А. Песиной, Р. Якобсона, Н. В. Перцова о понятии «общее» и «инвариантное» значение, а также научные труды Н. Н. Амосовой, Е. И. Малютиной, Е. Д. Мариновой, В. К. Колобаева, В. Я. Плоткина, Л. Я. Гросулы, М. Ю. Евтеевой о понятии эврисемии. При

проведении исследования применялись следующие методы: дедуктивный метод (поскольку мы опираемся на проверку уже существующих теорий), метод логического сопоставления для дальнейшей аргументации, метод сплошной выборки языковых примеров и интроспекция. Новизна настоящего исследования заключается в системном рассмотрении проведенных понятий, доказывающих неправомерность применения понятия «эврисемия» как «общее значение», противопоставленное языковому феномену полисемии. В рамках проведенного исследования становится очевидно, что понятие «эврисемия» не существует, поскольку оно само есть иллюзия, возникшая в результате сопоставления русского с другими языками. Данный аргумент основывается на самой тенденции синтетизма в русском языке в противопоставлении с тенденцией аналитизма в сопоставленных языках с ним языках. Это наглядно доказывается в определении понятия «широкое значение», которое в прямом или косвенном смысле подразумевает широкую сочетаемость. В связи с этим автор считает, что, во-первых, невозможно назвать понятие «эврисемия» языковым явлением, а во-вторых, что такого значения, как «широкое», не существует.

Ключевые слова:

Широкозначность, Эврисемия, Полисемия, Обобщенное значение, Общее значение, Аналитизм, Синтетизм, Широкое значение, Сигнификант, Денотат

Введение

В статье рассматривается комплексное понятие «широкозначность» или «эврисемия», которое в последние годы получило чрезмерную популярность, и которое подыскивает свое место в научном обиходе и на лексико-семантическом уровне языка. Проблемный характер эврисемии выражается ярко в абстрактных критериях её выявления с акцентом на «общем значении», которое в каждом исследовании воспринимается с совсем другим смыслом. Данная статья посвящена уточнению объема термина «общее значение», который смешивается с такими терминами, как «широкое значение» и «обобщенное значение» и приводит к ошибочному его употреблению.

Основная часть

1. Определение понятия «эврисемия» и «общее» значение

Проблема широкозначности впервые была затронута в работах В.Н. Ярцевой и получила дальнейшее развитие в научных работах на материале широкозначных слов английского языка. Термин «широкозначность» введен впервые Н.Н. Амосовой: «Широкозначность — это лингвистическое явление лексико-семантического уровня, которое характеризуется расширением семантического объема слова для обозначения различных денотатов» [\[1, с. 114\]](#). Данное определение стало причиной рождения мнения о том, что у широкозначных слов есть одно «общее, единое, инвариантное, предельно обобщенное значение» как некая моносемия «на пределе», данное предельно обобщенное значение конкретизируется в речевой ситуации или в контексте.

Работы по эврисемии начали появляться сравнительно недавно. В общих чертах все ученые признают роль контекста в функционировании широкозначных единиц и чаще всего выражается мнение, что широкозначные единицы – это слова, которые вне контекста определяются достаточно легко, отмечается взаимосвязь широкой

сочетаемости и широкого значения. Тем не менее, мнения ученых о природе широкого значения и соотношении с полисемией значительно расходятся; первая на природу широкого значения указала Н.Н. Амосова: «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [\[1, с. 114\]](#).

В российской лингвистике ученые проводили исследования отношения данного явления к полисемии. Анализ ряда работ показывает, что большинство склонны к оценке «однозначной природы» данного явления, отмечается одно «общее, единое, инвариантное, предельно обобщенное значение», которое конкретизируется в речевой ситуации или в контексте. С целью отграничить эврисемию от полисемии, Н.Н. Амосова отмечает, что «при употреблении многозначного слова в речи все значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое значение в контексте только конкретизируется, но не изменяется, не исчезает и остаётся основой любого своего суженного варианта, или подзначения» [\[1, с. 114-115\]](#). Поэтому ученые данного направления всегда затрагивают вопрос об «инварианте» слова, который является «стержнем», «прототипом» значения, не изменяющимся в любом употреблении. Исходя из этого большинство ученых утверждают целостность широкого значения, которая отличает эврисемию от полисемии, для которой характерна фрагментарность. Таким образом, исследователи видят несоответствие эврисемии и полисемии, которые, по их словам, являются двумя «различными явлениями».

В нашем исследовании мы считаем, что эврисемия («широкозначность») не может быть «моносемией на пределе» и противопоставлена полисемии по многочисленным причинам, которые сами приводят к иллюзии полисемии. В данной статье мы ограничиваемся выяснением и анализом аргумента об «общем, инвариантном значении», играющем центральную роль для понятия эврисемии. Чтобы максимально ориентироваться в анализе данной проблемы и её решении, мы должны уточнить, что понимается под «общим, обобщенным, инвариантным значением».

«Общее» или инвариантное значение появляется под разными терминами, такими как «содержательное ядро», «семантический центр» и «семантический стержень». Понятие о семантическом центре лексемы впервые упоминается в работах В.В. Виноградова для описания значения многозначного слова [\[2, с. 34\]](#). Предположение о том, что не все компоненты обладают одинаковым статусом, упоминалось в работах многих исследователей языковых значений [\[3-5\]](#); [\[6, с. 256\]](#). Некоторые признаки являются более существенными, устойчивыми и образуют центр (ядро) значения, в то время как другие выходят на периферию и подвергаются изменениям. С.А. Песина утверждает, что содержательное ядро значения должно обладать определенными характерными признаками, что предполагает наличие единой семантической «нити», связывающей значения многозначного слова, что при всех контекстуальных вариациях, они остаются вариантами слова. «При этом общее значение, несомненно, относится к сфере языка, в то время как частные значения — к сфере речи» [\[7, с. 17\]](#).

Однако проблема состоит в том, что трактовка сущности «семантического центра» воспринимается и интерпретируется лингвистами по-разному: Е. Курилович считает главным исходное значение и предполагает, что инвариантное значение – это «абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее» [\[8, с. 246\]](#); [\[9, с. 538\]](#), вслед за ним Л.А. Новиков считает, что

«общее значение – это теоретическое построение, имеющее ценность как некоторый инвариант смысла, определяющий основу и границы смысловой структуры, ее суть [\[9, с. 538\]](#); Р. Якобсон определяет «общее» значение в основе первого (главного значения), которое остаётся неизменной основой всех ЛСВ, покрывая все смыслы слова, значение относится к системе языка, пока частные (вторичные значения) к сфере речи [\[10, с. 50–51\]](#); А.А. Уфимцева, не признавая наличие инвариантного значения, приравнивала его к прямому номинативному [\[11, с. 85\]](#); В.А. Звегинцев, вслед за Р. Якобсоном, полагает, что «общее» значение можно обнаружить у любой многозначной лексемы. М.А. Кронгауз находит инвариантное значение в зависимости от топологических видов многозначности: радиальная, цепочная, радиально-цепочная [\[12, с. 128\]](#); Н.В. Перцов, исследуя сопоставления вариативности-инвариантности, определяет семантический инвариант как «некоторое свойство языковой единицы, объясняющее ее внешне разнородные частные значения или тем иным образом «скрепляющее» эти частные значения – в соответствии с интуицией носителей и исследователей языка» [\[13, с. 47\]](#).

2. Иллюзия полисемии и «общее» значение

В центре внимания всех авторов, занимающихся эврисемией, лежит понятие «общее, инвариантное значение», которое присутствует во всех контекстах, конкретизируется, но не расщепляется на отдельные фрагменты и остается целостным. Применительно к этому Е.И. Малютина отмечает: «Недостаток всех существующих теорий заключается в следующем: несмотря на твердое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение» [\[14, с. 43\]](#). Ученые-лингвисты, занимающиеся эврисемией, не придерживаясь мнения об исследовании отдельного значения, рассматривают слово в обобщенном виде, чтобы оно могло быть широкозначным, и ищут «общее значение», которое является обобщением, абстракцией всех значений слова. С одной стороны, данный аргумент является правильным, ведь как можно назвать единицу широкозначной, если не все ее значения проявляют широту? Если опираться на подход к отдельному значению, тогда нужно отнести все слова к широкозначным, кроме однозначных, поскольку все слова могут иметь так широкие, как и узкие значения, чего придерживается Е.И. Малютина, исследуя классификацию С.Н. Димовой, которая выявляет в основе слова *way* в английском языке обобщённо-категориальное и категориально-широкое значение (Димова С.Н. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного *way*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. — 22 с.) ; [\[14, с. 33\]](#).

С другой стороны, исследование «общего» значения является проблематичным по многим причинам. Одна из них — это убеждение, что «общее» значение является отличительной чертой эврисемии, что в свою очередь представляет собой стимул для противопоставления эврисемии и полисемии. Тем не менее, аргумент о том, что инвариант, с одной стороны, сохраняет свою целостность, в то время как с другой конкретизируется в речи – является далеко не правильным; по факту это абсолютно невозможно, поскольку инвариант в речевых контекстах всегда «расщепляется» в актуальные значения [\[14-15\]](#). При этом большинство ученых сходятся во мнении, что широкое значение, соотносимое с понятием широкого объема, обнаруживает высокую степень обобщения в языке, но получает известное сужение, конкретизацию в речи [\[1\]](#). Как отмечает И.А. Семина, данная трактовка «не обеспечивает как теоретического, так и

практического отграничения широкозначности от смежных с ней языковых явлений, а именно — абстрактности, конкретности, многозначности, поскольку «каждое слово уже обобщает» [\[16, с. 20\]](#). Более того, данная трактовка является актуальным и для полисемии, поскольку ЛСВ многозначного слова реализуется именно в контексте, получая известную конкретизацию, что является убедительным доказательством не «эксклюзивности» «общего» значения в эврисемии, поэтому нам кажется неправомерным соглашаться с мнением Е.Д. Мариновой, что значения многозначного слова «не сводимы к одному общему значению» [\[17, с. 49\]](#). Данное предположение подтверждается тем, что «общее» значение является одним из представлений полисемии, как отмечает А.А. Зализняк: «представлено как инвариант и в той или иной степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях» [\[18, с. 30\]](#). Таким образом, «общее» значение в той или иной трактовке не должно считаться прямым показателем моносемической ипостаси слова или характеристики эврисемии, т.к. нередко может привести «к *sui generis* оптической иллюзии» полисемии, что, следовательно, приводит нас к пониманию того, что «общее» значение является недостаточным доказательством эврисемии.

3. Синкретизм «обобщенного» и «общего» значения

Между обобщенным значением как результатом абстрагирования и «общим» как абстракцией или стержнем значений слова, отмечается терминологический синкретизм. Несмотря на то, что абстракция слова («общее значение») и абстракция как результат абстрагирования («обобщенное значение») представляются смешенным, они не являются синонимичными: первое приводит нас к рассмотрению «стержня» / абстракции от значений слова, в то время как второе указывает на характеристику понятийной основы сквозь высокое абстрагирование. Выделение «общего» значения служит стимулом доказательства того, что эти слова имеют одно «общее» значение с широкой референцией, будучи абстракцией, обобщением, выражающим одно понятие с бедным содержанием и широким объемом. На основе этого для доказательства своей позиции ученые искали «общее» значение, которое является обобщенным, имея максимальную степень абстракции, что, в свою очередь, и является широким значением.

Однако структурируя «общее» значение, мы не можем свести результат к обобщенной понятийной основе слова или к объему значения слова, а только к обобщенному представлению слова. При этом возникает такой вопрос: «как «общее» значение является доказательством эврисемии, поскольку не показывает широту значения, а свидетельствует о содержательном ядре слова? Опираясь тем или иным определением «общего» значения и семантической «нити», можно показать, как обеспечивается единство слова, дать какую-то общую формулу определения слова и/или показать стержень слова, но, на наш взгляд, кажется непонятным, как оно показывает широту и обобщенность значения, ведь оно лишь определяет «основу и границы смысловой структуры, ее суть» [\[8, с. 538\]](#).

4. Обозначение понятия «обобщенное значение»

В русле исследований эврисемии обобщенное и широкое являются неотделимыми друг от друга – аргумент, которого многократно придерживались почти во всех трудах лингвисты [\[1\]](#); [14 – 18 и др.] на основе «растущего абстрагирования» и сопоставления содержания

и объема понятия согласно закону обратного отношения: чем шире объем понятия, тем проще его содержание, и обратно. Тем не менее, никто не объясняет что такое «обобщенное» или что подразумевают под этим, является ли оно абстрактным или общим, но при этом все высказывают твердое убеждение в отождествлении широкого и обобщенного, отраженное в определениях широкого значения: «широкое значение как прямое значение, содержащее максимальную степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщённое понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию» [\[17, с. 67\]](#) (здесь и далее выделено нами – Н.К.); «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [\[1, с. 114\]](#); «значение, которое содержит максимальную степень абстракции, выражает обобщённое понятие и при употреблении данного слова в речи конкретизируется в лексических вариантах» [\[19, с. 25\]](#).

Одна из проблем обобщения – это его соотношение с абстрагированием. Ученые не показывают единства в соотношении обобщенности и абстрагирования: первые считают, что они отождествляются [\[20–21\]](#), вторые придерживаются мнения, что обобщенность является наивысшей степенью абстрактности [\[22, с. 568\]](#). И.А. Семина, отвечая на вопрос: «всегда ли абстракция предполагает обобщение», опирается на выделение В.Г. Гаком и М.В. Никитиным двух видов абстракции: 1) абстракция отвлечения, которая характеризует собственно абстрактные слова *strength, beauty, death, grace, health, youth* и т.д., передающие понятие о свойстве, признаке, состоянии того или иного предмета, явления (или их совокупности) объективной действительности; 2) абстракция обобщения, которая характеризует слова *affair, business, cause, matter, object, problem, question, subject* и т.д., передающие понятие о классе явлений, предметов, объектов действительности» [\[16, с. 19\]](#). После этого И.А. Семина приходит к выводу, что широкозначные слова являются абстракцией обобщения.

В результате рассмотрения трудов российских лингвистов о языковом явлении эврисемии, мы отмечаем, что большинство исследователей не выясняют, что представляет собой такое обобщенное значение, хотя, видимо, склоны отождествлять обобщение с абстрагированием как абстракцию обобщения, поскольку, согласно своим определениям, это и есть широкое значение. Ирония в том, что, несмотря на убеждения о максимальной степени абстракции, ученые пытаются измерить его в основе инвариантного, «общего» значения.

Данное обобщенное значение как абстракция обобщения служило стимулом для выделения характеристики полиденотативности или синсематии (синсематизм), т.е. отсутствие определённого денотата у слова широкой семантики, взятого отдельно, вне контекста в основе широкозначных слов (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. — 14 с.). Тем не менее отсутствие определенного денотата по факту является доказательством широкой денотативной соотнесенности слова, которая согласно закону обратного отношения указывает на «простоту» содержания.

Данное предположение подтверждается тем, что многие ученые говорят о «бедноте» в содержании этих слов: И.А. Семина отмечает, что широкозначные слова «узки по содержанию», «бедны по своему смысловому содержанию» [\[16, с. 172\]](#); Е.И. Малютина

пишет, что широкозначные слова имеют «максимально обобщенное содержание слова» [13, с. 175]; согласно В.К. Колобаеву, конкретизация слов широкой семантики требует наличие одного слова, а иногда даже и целой фразы, а также знания содержания контекста (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. — 14 с.), что позволяет нам понять предположение ученых о том, что слово вне контекста легко определяется [13-15], ведь оно представлено в своем «обобщенном» значении. Вероятно из-за этого ученые искали «общее» значение, которое может раскрывать обобщенность слова, представленную в абстракции.

Принимая во внимание вышесказанное о бедноте содержания, обобщенном как абстракция обобщения, и синсематизме, мы можем предположить, что абстрагирование (как абстракция обобщения) как мыслительный результат или процесс отражается в «бедноте» содержания слова и в его широком объеме, поскольку, если словом передаётся понятие о классе явлений, предметов, объектов действительности в такой степени, что денотат не может быть выявлен (синсематизм), то его содержание должно быть максимально «простым» согласно закону обратного отношения объема и содержания. Это приводит нас к выводу о трактуемом обобщенном как о **сочетании обобщенной понятийной основы и широкой денотативной соотнесенности**. Итак, под обобщенной понятийной основой понимается различная степень «пустоты» содержания слова, противопоставляющей широкому объему – как сигнификат и денотат по терминологии логики. Реже по отношению к терминам «обобщенной понятийной основой» и «сигнификата» употребляется термин «широкая понятийная основа»; как отмечает О.И. Судакова, термины «широкая понятийная основа» и «широкая денотативная соотнесённость» характеризуют сигнификат и денотат (Судакова О.Н. Семантика и функционирование широкозначных имен существительных (на материале английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГИИЯ им. Мориса Тореза, 1990. — 21 с.).

Данное предположение подтверждается также многими исследованиями в диахронии: И.В. Шапошникова считает, что значительно больший объем значения возникает в результате исторического развития глагола, что привело к расширению диапазона референтов, которые могут сочетаться с глаголом, сохраняя при этом свое первоначальное значение, отмечая расширенный объем семантико-синтаксических валентностей глаголов широкой семантики [23]. Основываясь на этом аргументе, Е.И. Малютина считает, что развитие широкозначности происходит только в направлении расширения значения, и в результате чего широкозначные слова получили широкую сочетаемость [13, с. 25]. В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул отмечают: «широкозначность развивается путем растущего абстрагирования, отвлечения от конкретных свойств первичных денотатов, которые постепенно расширяют свой объем, не теряя при этом своего единства, не распадаясь на характерные для многозначности множества отдельных денотатов» [24, с. 831]. Опираясь на это, большинство лингвистов соглашались с мнением о широком объеме и расширении значения, хотя говорят о нем как об отличительной характеристике эврисемии, что является полностью неоправданным, поскольку и многозначность подвергается расширению и может обозначать разнородные явления и предметы в ходе исторического развития слова [25–26].

Таким образом мы определили, что подразумевается под «обобщенным значением», и как оно взаимодействует с другими выделенными характеристиками эврисемии.

Продолжаем **к четвертому** – интерпретирование широкого значения.

5. Интерпретация широкого значения

Интерпретация широкого значения имеет три возможных варианта: 1) широкое это и есть обобщенное; 2) широкое значение – это «общее» значение, абстракция (моносемия «на пределе») в основе одной обобщенной лексической единицы; 3) широкое значение – это широкая сочетаемость. Основная разница между вышесказанными вариантами основывается в отождествлении широкого с обобщенным в первом варианте, в отождествлении широким с общим во втором и, в дифференциации широкого с обобщенным и общим в третьем.

В первом случае, если под широким значением подразумевается «обобщенное», нужно отнести к ним все глаголы с обобщенным значением, т.е. все базовые слова языка к широкозначным. К таким результатам пришла А.М. Плотникова, которая отметила, что все глаголы без приставок в русском языке не являются широкозначными [\[27\]](#). В таком ключе по факту просто заменяется термин «обобщенное» на термин «широкое», исследование которого не может выходить за рамки одной лексической системы, поскольку возникает вопрос о различии «широкозначных единиц» в разных языках. Объяснение такого предположения лежит на основе третьей интерпретации.

Во-втором случае, широкое значение представляет собой то, что традиционно понимается под ним: одно общее, абстрактное, обобщенное значение. В таком ключе Е.И. Малютина на основе первого непроемного значения проводит когнитивный анализ дефиниции, лингвистическое описание и контекстуальный анализ для установления механизмов функционирования системного значения в речи. После предусмотренных этапов она приходит к выводу, что у глагола 'do' на английском языке выявляется инвариант-прототип «to encorass», который остаётся всегда инвариантом [\[13, с. 93-94\]](#). Л.Я. Гросул, применяя дистрибутивный, трансформационный, компонентный и статистический виды анализа, выводит инвариантные значения глаголов *get* {переход предмета в новое состояние) и *keep* {сохранение предмета в прежнем состоянии (качественном, пространственном или поссесивном) и замечает, что «семасиологическое исследование должно начинаться на «синтагматическом уровне» [\[28, с. 14-17\]](#).

Е.Л. Соболева исследует широкие значения глаголов *turn* и *grow* и приходит к выводу о представлении ими в языке исходных (базовых) концептов «поворот» и «рост» в прототипе концептосферы человека [\[29, с. 99\]](#). М.Ю. Евтеева в своей диссертации, опираясь на когнитивную модель, изучает глаголы с общим значением «делать» и утверждает о различной природе эврисемии и полисемии, где первая состоит в прототипах, в которых распределяются признаки данных глаголов и вторая состоит в ЛСВ [\[15, с. 241\]](#). Она отмечает, что «инвариант первой является само широкое значение (само слово), пока инвариант многозначного слова – это «научная дескрипция» вербального явления, которая вряд ли относится к «языковой способности обычного носителя языка» [\[15, с. 236\]](#). Согласно тому, приходит к выводу, что за инвариантным широким значением, которое «упирается» в уровне речи, стоит конкретный прототип, что в примере глагола «делать» получается так: инвариант «реализация действия» с прототипами «создание объекта», «преобразование объекта» и «реализация порции действия» [\[15, с. 239, 283\]](#).

Согласно вышесказанному подходу, вопреки многочисленным правильным выводам о сущности широкого значения, отождествление широкого с общим является лишь оправданием в пользу термина «эврисемия», поскольку таким образом широкое значение, будучи размытым, покрывается лишь существованием «обобщенным значением» и ограничивается краткой формой, которая представляет собой некую формулировку «инвариантного значения». Такое «общее», «инвариантное» значение, в свою очередь, не может быть как-то верифицировано, поскольку является продуктом субъективного созерцания, не раскрывая сущность эврисемии, не измеряя, каким образом слово является широкозначным.

На основе данного аргумента мы считаем, что широкое значение не может подлежать «общему» толкованию слова, выражающему «общие» или обобщенные признаки, характерные для одного определенного языка. Это объясняется ещё тем, что **широта значения сама не может быть выражена под каким-то толкованием, но наоборот, под каким-то диапазоном**, что исходит из самого толкования слова «широкий», который является **качественным прилагательным, понимаемый всегда в сравнении с другим объектом**: мы говорим, что небо находится высоко в отношении земли; мы говорим, что небоскреб высокий в отношении других зданий; мы говорим, что какой-то предмет дорогой, большой, маленький по отношению к другим объектам. Из этого вытекает положение, что мы не можем говорить о широком значении, если мы не сравниваем его с другим значением, т.е. если мы не знаем, что такое узкое значение.

С этим мнением перекликается третья интерпретация, в котором широкое значение является по сути **широкой сочетаемостью**. Данное предположение подтверждается высказыванием А.Н. Степановой и Л.Ф. Кистановой, которые справедливо полагают, что «широкозначность слова всегда предполагает его широкое понятийное содержание, но последнее само по себе ещё не делает слово широкозначным» [\[30, с. 103\]](#).

Наш аргумент можно представить следующим образом: глагол *делать* в русском языке является обобщенным, ведь вне контекста выражает понятие «деланье» в обобщенном виде. Тем не менее его сочетаемостный потенциал не является таким высоким, как у глагола *do* в английском, который появляется в разнообразных контекстах, перифразируя такое количество слов, которое глагол «делать» не может. К примеру, *do a course* 'проходить курс обучения', *do a deal* 'заключить сделку, договориться', *do a fade* 'убегать, сбегать', *do one's duty* выполнять свой долг, *do science* – 'заниматься наукой' и т.п.

Данный пример является убедительным доказательством того, что обобщенное не должно предполагать широкое, поскольку в данном примере, хотя и предположительно, согласно предшествующим работам [\[13; 15; 31\]](#), можем сказать, что глаголы *делать* и *do* являются оба обобщенными, а не оба широкозначными. В связи с этими полагается, что каждое широкое значение (широкая сочетаемость) предполагает обобщенную понятийную основу слова и широкую денотативную соотнесенность. Продолжая данный логический силлогизм, можно сказать, что, если не выявляется широкое и обобщенное значение в основе одной лексической единицы, тогда имеем дело с узким значением.

Исходя из этого, широкое значение не может быть определено на основе общих или обобщенных значений, вывод который опровергает два варианта широкого значения, гласящего об отождествлении с общим и обобщенным значением, и показывает **иллюзию полисемии**.

6. Иллюзия существования понятия «эврисемия»

Выяснив, что подразумевается под широким значением, мы продолжим к последнему нашему тезису – к иллюзии существования самой эврисемии. Интерпретация широкого значения как широкой сочетаемости является лишь термином-заменителем «сочетаемости» и показывает наглядно такую иллюзию: предположение о широте значения ради широкой сочетаемости объясняется тенденцией к аналитизму языка, который влияет непосредственно на главный мотиватор абстрактного выражения – словообразование. Данный факт подтверждается В.Г. Гаком, который, сопоставляя русский и французский языки, приходит к выводу, что «широкозначность» лежит на основе словообразования, а не столько в особых свойствах мышления определенного народа [\[4\]](#).

Ученые-лингвисты, отметив, что в языках аналитического типа, таких как английский, французский и немецкий, одна и та же единица может сочетаться с неограниченным числом лексических и грамматических единиц (сочетаемость), обладая таким образом шире значение, чем в русском языке, пришли к выводу, что это объясняется присутствием одного широкого значения, присущим языковому явлению «эврисемия». Начало таких предположений отмечается в работах В.Н. Ярцевой и Н.Н. Амосовой, поэтому и большинство исследований основываются на материале английского языка, сравнивая его на фоне со своим родным языком, вероятно, русским языком [13-17 и др.]. Данное предположение лежит в самом толковании слова «широкий», который всегда требует объект в сопоставлении. Тем не менее, широкое значение как широкая сочетаемость не может быть отнесено к существованию специального явления, так как оно просто является результатом изменений в грамматическом строе языка, движущихся к аналитизму. Если мы считаем широкое значение характеристикой особенного языкового явления, тогда нужно его отнести ко всем обобщенным словам языков аналитического типа, ради того, что в сопоставлении с русским языком, который принадлежит к синтетическому типу, они шире.

Для этого предположение представим три аргумента: 1) в случае аналитических языков допускается пополнение слов значениями за счет своей сочетаемости, т.е. в синтагматической оси, ради синтаксических трансформаций (предлоги, частицы, союзы, артикли, порядок слов и т.д.). Здесь можно согласиться с тезисом В.Г. Гака, что широкозначность создает условия для парадигматической экономии [\[16, с. 159\]](#), предполагая соответственно, что в языках синтетического типа парадигматическая ось более развита, что предполагает более богатое выражение разных понятий;

2) С точки зрения когнитивного подхода Т.Б. Рабдиль пишет, что «аналитический способ представляет собой комбинаторное последовательное выражение отдельных «кирпичиков» смысла, каждый из которых относительно автономен и независим друг от друга (какие-то можно убрать или поменять местами)... Синтетический способ — это синкретичное, одномоментное выражение разных смыслов в едином комплексе, в результате чего они приобретают взаимообусловленность. Он более громоздок и характеризуется значительной степенью избыточности, но он и более глубоко охватывает мысль явление в многообразии его взаимосвязанных составляющих. Это хорошо знакомое всем, кто интересуется музыкой, различие между последовательным нажатием клавиш (арпеджио) и одновременным (аккордом)» [\[32, с. 11-12\]](#);

3) Различие синтетизма и аналитизма в путанице понятия «эврисемия» представляется наглядно в следующем примере: Английский язык строит значения с использованием

аналитического подхода (глагол + частица), тогда как русский применяет синтетический подход (глагол с приставкой), поэтому вопрос об эврисемии является нерелевантным. Например, глагол *до* полагали бы, что он более широкий, поскольку одна и та же единица *до* обозначает различные направления и различные действия, хотя в русском языке глагол *идти* каждый раз образует более конкретные единицы с приставками для обозначения более конкретного действия.

Данные аргументы легко могут быть также подтверждены в исследованиях по эврисемии, в которых постоянно упоминается роль аналитизма, однако всегда в рамках эврисемии: А. Авдеев пишет, что «аналитизм языка действительно создает благоприятные условия для появления и развития широкозначности, как еще и повышает роль широкозначных слов в функционировании языка, а само их наличие может интерпретироваться как существенная, качественная типологическая характеристика лексической и грамматической систем языка» [\[33, с. 12\]](#).

В.Я. Плоткин и ЛЯ. Гросул считают, что эврисемия находится в зависимости от типологической характеристики языка. По мнениям авторов, эврисемия складывается лишь в языках аналитического строя, где имеется потребность в словах, наделенных высокой степенью способности участвовать в формировании стандартных синтаксических единиц, не теряя при этом своей лексико-семантической самостоятельности [\[24, с. 84\]](#). Н.Н. Николаевская пишет, что «широкозначность связана с большим объемом выражаемого понятия и влечет за собой «бессодержательность» лексических значений слов, делая их удобным инструментом для выражения остаточных морфологических показателей, тем самым соблюдается основной принцип языка аналитического строя – принцип раздельного выражения лексических и грамматических значений [\[34, с. 97-98\]](#). Все вышесказанное оправдывает иллюзию эврисемии в заблуждении широкой сочетаемостью и в самом аналитизме, в котором синтактика доминирует над семантикой.

Подводя итоги, мы считаем, что такого рода значения как широкого не существует, как ещё и свойственное ему явление – эврисемия, поскольку является **иллюзией полисемии и самой тенденции аналитизации**, выраженной в сочетаемости слов. В противоположности широкому значению, предположение об отношении широкой сочетаемостью и обобщенного значения, как обобщенная понятийная основа и широкая денотативность, актуально, однако в рамках одной языковой системы. После всего, можно наивно полагать, что насколько богаче выражение значений лексических единиц в синтагматике, настолько ближе движемся к аналитизму. Соответственно, можно полагать, что насколько богаче выражение значений лексических единиц в парадигматике, настолько ближе язык к синтетизму. В заключение покажем схематично все вышесказанные предположения.

Заключение

В заключение автор данного исследования считает, что не существует широкого значения, поскольку оно является иллюзией полисемии. Предположение об отношении широкой сочетаемости обобщенного значения в противоположности широкому значению, т.е. обобщенной понятийной основы и широкой денотативности под названием «обобщенное значение», актуально, однако в рамках одной языковой системы. В свою очередь, широкое значение свойственно эврисемии, следовательно, эврисемия — иллюзия, которая возникает в рамках сопоставления русского с другими языками, и, следовательно, не существует в русском языке.

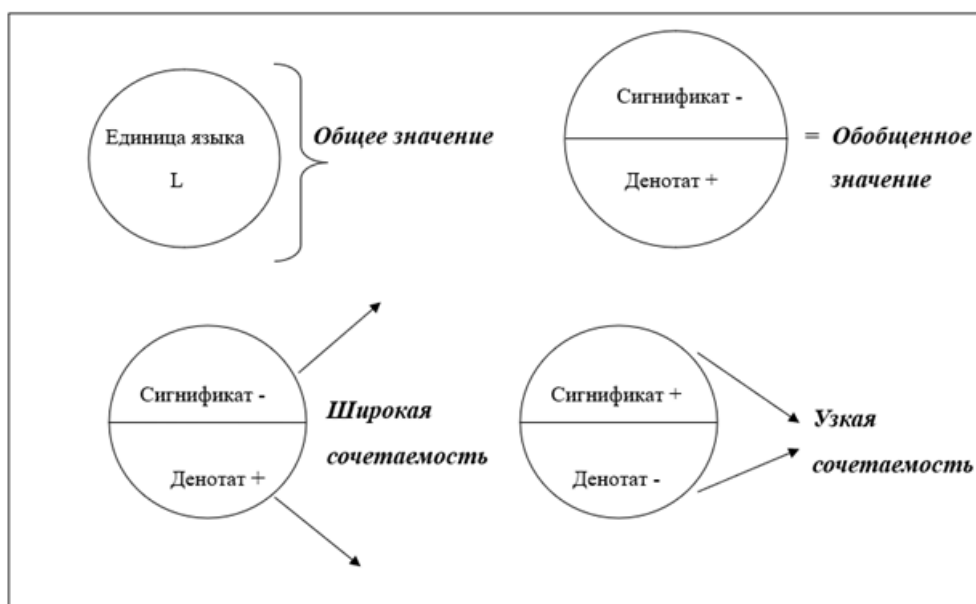

рисунок 1.

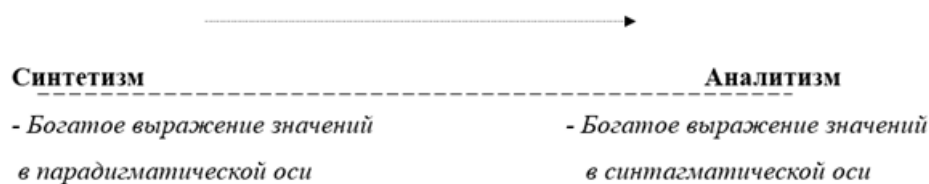

рисунок 2.

Библиография

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 208 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика / М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. / М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
7. Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: Монография / СПб.: Изд-во РГПУ им.

А.И. Герцена, 2005. 325 с.

8. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сб. статей / М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 456 с.

9. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения / М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.

10. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / М. – Л.: Наука, 1965. С. 50-51.

11. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семантического описания лексики / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

12. Кронгауз М.А. Семантика; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

13. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 279 с.

14. Малютина Е.И. Глаголы широкой семантики в когнитивном аспекте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 : защищена в Рос. гос. пед. ун-те им. А.И. Герцена, 3.12.2008 / Е.И. Малютина. – СПб., 2008. 198 с.

15. Евтеева М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением «делать» в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 293 с.

16. Семина И.А. Широкозначность в аспекте универсальности и аналитизма / М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. 186 с.

17. Маринова Е.Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования). Кемерово, 1995. 194 с.

18. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 639 с.

19. Соколова В.М. К проблеме слов широкой семантики // Вопросы германской филологии. Волгоград, 1967. С. 22-36.

20. Павилёнис Р.И. Проблема смысла, современный логико-философский анализ языка / М.: Мысль, 1983. 285 с.

21. Резникова Ж.И. Интеллект и язык: Животные и человек в зеркале эксперимента. М.: Наука, 2000. 280 с.

22. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга; 2008. 864 с.

23. Шапошникова, И. В. Системные диахронические изменения лексикосемантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте [Текст] / И. В. Шапошникова. – Иркутск : ИГЛУ, 1999. 243 с.

24. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. Кишинёв: Штиинца, 1982. С. 81-86.

25. Москалева М. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 33. С. 180-184.

26. Каратаракис Н. Семантическое развертывание имен существительных, обозначающих профессию в XVIII веке // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: Сб. статей Международной научно-практической конференции, Москва, 14–15 апреля 2022 года. М.: Российский университет дружбы народов. 2022. С. 601-609.

27. Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. 2009. №

1/2 (63). С. 24-31.

28. Гросул Л.Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 : защищена в Институте языкознания АН СССР / Л.Я. Гросул. – Кишинёв, 1977. 137 с.

29. Соболева Е.Л. Развитие широкозначности у глаголов turn и grow. Опыт системного диахронического анализа: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. 146 с.

30. Степанова А.Н., Кистанова Л.Ф. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) // Романские языки: семантика, прагматика, социолингвистика. Л.: 1990. №4. С. 49-57.

31. Евтеева М.Ю. Семантическая структура слова: многозначность vs широкозначность // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 28-36.

32. Радбиль Т.Б. Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике современного русского языка // Мир русского слова. 2020. № 1. С. 7-12.

33. Авдеев А.А. Проблемы широкозначности и её соотношение с полисемией и дейксисом (На материале имен существительных английского, русского и французского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : защищена в Воронеж, гос. ун-те, 27.12.2002 / А.А. Авдеев. – Воронеж, 2002. 172 с.

34. Николаевская Р.Р. Проблема широкозначности и перевод // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. № 480. С. 83-99.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается комплексное понятие «широкозначность» или «эврисемия», которое в последние годы, как отмечает автор, получило чрезмерную популярность, и которое подыскивает свое место в научном обиходе и на лексико-семантическом уровне языка. Предмет исследования актуален в силу необходимости уточнения объема термина «общее значение», который смешивается с такими терминами, как «широкое значение» и «обобщенное значение» и приводит к ошибочному его употреблению: «проблемный характер эврисемии выражается ярко в абстрактных критериях её выявления с акцентом на «общем значении», которое в каждом исследовании воспринимается с совсем другим смыслом».

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды таких российских и зарубежных ученых, как В. В. Виноградов, В. Г. Гак, С. Д. Кацнельсон, А. А. Уфимцева, М. А. Кронгауз, Н. Н. Амосова, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, А. А. Зализняк, В. М. Соколова, Ежи Курилович, Анна Вежбицкая, а также научные работы исследователей проблемы широкозначности, глаголов широкой семантики А. А. Авдеева, Р. Р. Николаевской, Е. И. Малютиной, М. Ю. Евтеевой, В. Я. Плоткина, Л. Я. Гросул, Е. Л. Соболевой, А. М. Плотниковой, И. А. Семиной и др. Библиография статьи составляет 34 источника, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Автор провел достаточно серьезный комплексный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-

сопоставительный метод, когнитивный и контекстуальный анализ и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор разбирает понятия «эврисемия» и «общее» значение («исследователи видят несоответствие эврисемии и полисемии, которые, по их словам, являются двумя «различными явлениями»); «полисемия» и «общее» значение («общее» значение в той или иной трактовке не должно считаться прямым показателем моносемической ипостаси слова или характеристики эврисемии, т.к. нередко может привести «к *suī generis* оптической иллюзии» полисемии, что, следовательно, приводит нас к пониманию того, что «общее» значение является недостаточным доказательством эврисемии»); рассматривает вопрос синкретизма «обобщенного» и «общего» значения и определяет, что подразумевается под «широким значением» и под «обобщенным значением», и как последнее взаимодействует с другими выделенными характеристиками эврисемии. Далее анализируется иллюзия существования понятия «эврисемия»: «В нашем исследовании мы считаем, что эврисемия («широкозначность») не может быть «моносемией на пределе» и противопоставлена полисемии по многочисленным причинам, которые сами приводят к иллюзии полисемии». В заключение автор делает вывод о том, что «не существует широкого значения, поскольку оно является иллюзией полисемии. В свою очередь, широкое значение свойственно эврисемии, следовательно, эврисемия — иллюзия, которая возникает в рамках сопоставления русского с другими языками, и, следовательно, не существует в русском языке».

Однако несколько непонятно завершающее предложение («Автор данного диссертационного исследования не обладает информацией о том, какие языки являются родными авторов других исследований»): какого диссертационного исследования? / речь идет об авторе статьи?

Также обращаем внимание автора на опечатки в тексте (например, «Русинок1»; «Русинок2» вместо «рисунок»), пропуски запятых (например, «М.Ю. Евтеева в своей диссертации, опираясь на когнитивную модель исследователь изучает глаголы...» и др.), «склеенные» слова (см «за инвариантнымшироким значением», «Междубобщенным значением», «в той или иной трактовкене должно считаться»).

Высказанные замечания не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы, но требуют устранения.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в изучение понятия «широкозначность» или «эврисемия», в уточнение объема термина «общее значение». Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей проблемы широкозначности в языках, а также использоваться в вузовских курсах по общему языкознанию, лексикологии и когнитивной лингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения недочетов в тексте.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким». Статья посвящена актуальной теме в области области лексической семантики и терминологии. Целью исследования является уточнение объема термина «общее значение», который смешивается с такими терминами, как «широкое значение» и «обобщенное значение» и приводит к ошибочному его употреблению.

Статья состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы. Во введении автор обосновывает актуальность выбранной темы и ставит цель своего исследования.

Основная часть статьи включает в себя следующие части: определение понятий «эврисемия» и «общее значение», где приводятся выдержки из теоретических исследований по теме; Иллюзия полисемии и «общее» значение, где рассматривается разница между многозначностью и эврисемией; синкретизм «обобщенного» и «общего» значения; обозначение понятия «обобщенное значение»; интерпретация широкого значения; иллюзия существование понятия «эврисемия».

В последней части автор в качестве вывода постулирует идею о том, что «интерпретация широкого значения как широкой сочетаемости является лишь термином-заменителем «сочетаемости» и показывает наглядно такую иллюзию: предположение о широте значения ради широкой сочетаемости объясняется тенденцией к анализируемому языку, который влияет непосредственно на главный мотиватор абстрактного выражения – словообразование».

В заключении автор делает следующие выводы об отсутствии в русском языке широкого значения, «поскольку оно является иллюзией полисемии. Предположение об отношении широкой сочетаемости обобщенного значения в противоположности широкому значению, т.е. обобщенной понятийной основы и широкой денотативности под названием «обобщенное значение», актуально, однако в рамках одной языковой системы. В свою очередь, широкое значение свойственно эврисемии, следовательно, эврисемия — иллюзия, которая возникает в рамках сопоставления русского с другими языками, и, следовательно, не существует в русском языке».

Новизна темы заключается в подходе к сопоставлению синонимичных значений и выявлении иллюзорности эврисемии применительно к русскому языку.

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Однако в статье имеются некоторые недостатки:

недостаточно подробное описание методов и целей исследования.

Статья написана в стиле в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя актуальные российские исследования по данной теме.

В целом, статья «К иллюзии эврисемии: между «общим», «обобщенным» и «широким» значениями» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в развитие лингвистической семантики. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цюй Х., Горбатов Д.С. Исследование научно-популярного дискурса в Китае и в России при использовании нейросетей в качестве информантов // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76033 EDN: BNMNSH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76033

Исследование научно-популярного дискурса в Китае и в России при использовании нейросетей в качестве информантов

Цюй Хаолинъ

ORCID: 0009-0008-4031-0763

аспирант; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199226, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Морская наб., д. 15

✉ quhaolin2021@163.com

Горбатов Дмитрий Сергеевич

ORCID: 0000-0002-5232-6083

доктор психологических наук

профессор; кафедра Прикладная социальная психология; Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 12-я В.О., д. 13а

✉ gorbatov.rus@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76033

EDN:

BNMNSH

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2025

Аннотация: Предметом исследования являются особенности популяризации научного знания в Китае и в России. Новизна исследования заключается в том, что впервые в качестве информантов при применении метода опроса использованы девять моделей искусственного интеллекта, разработанных в Китае, России и США. Каждой из них было

задано три вопроса о тенденциях популяризации научного знания в Китае и России. Результаты показали, что при описании Китая акцент делается на роли государства и стратегии «сверху вниз», в то время как в отношении России подчеркивается разнообразие институтов популяризации. В качестве основных барьеров названы недостаточный уровень научной грамотности и распространение псевдонауки. В отношении сотрудничества стран в популяризации науки модели ИИ прогнозируют, что перспективными направлениями станут искусственный интеллект, биомедицина и общественное здравоохранение, а также экология и энергетика. Отмечается, что ответы моделей, несмотря на общую согласованность, содержат неточности и предвзятости. В статье утверждается, что в исследованиях научной коммуникации модели ИИ могут использоваться в качестве эвристического инструмента, однако для достижения точных результатов необходимо сочетать их выводы с традиционными эмпирическими исследованиями. Методология исследования основана на опросе девяти языковых моделей искусственного интеллекта, которым были заданы три вопроса о популяризации науки в Китае и России, а все полученные тексты подвергнуты анализу. Новизна исследования заключается в применении нейросетевых моделей в качестве информантов для изучения популяризации науки. Это позволило выявить устойчивые паттерны: в китайском контексте доминирует политика государства и централизованное управление, а в российском контексте институциональная фрагментарность и региональные различия. Среди барьеров выделяются низкая научная грамотность, недостаток доверия и распространение псевдонауки. Вместе с тем модели ИИ указали на перспективные направления сотрудничества Китая и России, включая искусственный интеллект, биомедицину, здравоохранение, экологию и энергетику. При этом выявлены ограничения: ответы моделей содержат неточности, предвзятость и риск воспроизведения псевдонаучных суждений. В заключение подчёркивается, что ИИ может служить эвристическим инструментом для выявления дискурсивных тенденций, но выводы должны сочетаться с традиционными эмпирическими методами, обеспечивающими верификацию и надёжность анализа.

Ключевые слова:

научная коммуникация, популяризация научного знания, искусственный интеллект, большие языковые модели, нейросети, кросс-культурное сравнение, различия популяризации, государственная политика, барьеры популяризации, сотрудничество стран

Введение

Популяризация научных знаний является важным фактором социального прогресса и развития национальных инноваций. В течение длительного времени исследования в этой области сосредоточены вокруг трёх ключевых вопросов: кто является источником знаний, каким образом происходит их распространение и какие социальные последствия порождаются при этом [\[6\]](#). Например, в Китае давно идет системное обсуждение государственной политики популяризации науки и регулирования дискурса, а также проводятся эмпирические исследования парадокса доверия в такой коммуникации [\[12\]](#), [\[13\]](#). Также в России отмечается развитие научно-популярных интернет-ресурсов как важного средства популяризации науки, а также разнообразие форм подачи научного контента [\[1\]](#).

Известно, что алгоритмические рекомендации цифровых платформ, межъязыковая агрегация корпусов больших данных и генеративные языковые технологии радикально изменяют проявления дискурса и механизмы его воспроизводства [10]. Эти наблюдения согласуются с данными по полю научной коммуникации: ИИ выступает фактором структурной перестройки каналов и форматов популяризации [9]. В этом контексте генеративные крупные языковые модели (LLMs) открывают новые возможности для исследования коммуникации, позволяя эффективно собирать и анализировать релевантные тексты. При этом академическое сообщество одновременно критикует гипотезу о способности LLMs понимать язык и когнитивные процессы, призывая к методологической осторожности, и разрабатывает инструменты для выявления и оценки «галлюцинаций» с целью повышения надежности результатов [3], [4]. Следовательно, их использование в исследовании китайского и российского дискурса популяризации науки предполагает как эвристический потенциал, так и учет методологических ограничений.

Исходя из этих реалий, в данном исследовании применяется новый подход. Среди большого количества моделей искусственного интеллекта, разработанных в Китае, России и США, было выбрано по три нейросети из каждой страны, которые рассматривались как своеобразные респонденты при опросе. Перед ними были поставлены вопросы о популяризации научных знаний в Китае и России. Целью исследования, проведенного в июль-августе 2025 г., являлось получение аналитических выводов о специфике популяризации науки в медиапространстве Китая и России. При этом проведённый анализ не ограничивается рассмотрением возможностей LLM и может представлять интерес для социологии науки в части уточнения институциональных механизмов популяризации, а также для лингвистики в плане описания устойчивых риторических стратегий и коммуникативных моделей научно-популярного дискурса.

Методология исследования

В качестве информантов были выбраны девять моделей ИИ (Deepseek, Doubao, Ernie Bot из Китая; ChatGPT, Google Gemini и Claude из США; Яндекс Алиса, SberAI GigaChat ruGPT из России). Каждой модели было предложено по три идентичных вопроса, что в совокупности дало 27 текстов для дальнейшего анализа. Содержание вопросов касалось трёх ключевых направлений: (1) в чем специфика механизмов и типичных практик распространения научных знаний в Китае и России на трех уровнях: политической среды, традиционных СМИ и новых медиа? (2) Какие социальные, культурные и когнитивные барьеры являются наиболее значимыми в практике популяризации научных знаний в Китае и в России, а также каковы их истоки и стратегии преодоления? (3) Какие три инновационные области обмена научно-популярными знаниями между Китаем и Россией в ближайшие 5-10 лет представляются перспективными, и каковы механизмы их успешной реализации?

Для интерпретации полученных материалов применялся метод качественного содержательного анализа. На первом этапе ответы были распределены по трём исследовательским вопросам (Q1–Q3). На втором этапе проведено тематическое кодирование: из текстов вручную выделялись ключевые концепты и повторяющиеся мотивы (например, «роль государства», «низкая научная грамотность», «двойственная функция новых медиа»), которые затем объединялись в укрупнённые категории. На заключительном этапе сопоставление выделенных категорий позволило выявить не только повторяющиеся темы в ответах, но и различия, проявляющиеся в описании китайской и российской практики популяризации науки. Кодирование носило открытый характер и осуществлялось индуктивным способом, без предварительно заданных

категорий; при интерпретации ответов учитывались как повторяющиеся мотивы, так и различия между китайским и российским контекстами.

Результаты и дальнейшее обсуждение

Анализ ответов девяти моделей ИИ позволяет выявить ряд устойчивых тенденций и различий.

Во-первых, почти все модели акцентируют ключевую роль государства и политических институтов в развитии популяризации науки, особенно в китайском контексте. В то же время российские модели чаще подчеркивают институциональное многообразие, региональные различия и необходимость создания формализованных механизмов сотрудничества (совместные лаборатории, проекты при участии СМИ и научных организаций).

Во-вторых, во всех ответах отмечается двойственная роль новых медиа: с одной стороны, они рассматриваются как эффективный инструмент расширения аудитории и вовлечения общества, с другой — как фактор распространения псевдонауки и недостоверной информации. Подобные риски подчеркиваются и в китайских исследованиях, где отмечается, что медиа-отражение напрямую влияет на распространение ложной информации и требует особого внимания со стороны системы научного образования и просветительских инициатив [7].

В-третьих, наибольшую согласованность демонстрируют ответы о будущих направлениях: практически все модели указывают на перспективность искусственного интеллекта, биомедицины, общественного здравоохранения, экологии и энергетики. При этом характерны определённые отличия: Doubao тяготеет к дискурсу государственности, Anthropic Claude использует более осторожный и нейтральный тон, а российские модели чаще обращаются к локализованным примерам и институциональным особенностям.

Для наглядного представления результатов ниже приводится сравнительная таблица, в которой обобщены ответы всех девяти моделей по трём исследовательским вопросам (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ ответов девяти моделей ИИ на три исследовательских вопроса.

Модель	Q1: Механизмы популяризации	Q2: Барьеры	Q3: Перспективные области
Deepseek	Государственное руководство, политическая ориентация	Низкий уровень научной грамотности, псевдонаука	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, экология, энергетика
Doubao	Государственная стратегия, политический дискурс	Недостаток образования, культурные различия	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, энергетика
ERNIE Bot	Государственное руководство, акцент	Низкий уровень научной грамотности, дефицит	ИИ, биомедицина, общественное

	на традиционных СМИ	доверия к СМИ	здравоохранение
ChatGPT	Структурированное трёхуровневое описание, сбалансированный подход	Низкая научная грамотность, нехватка ресурсов/финансирования	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, энергетика
Google Gemini	Макрорамка, многоуровневое сравнение	Распространение псевдонауки, региональные различия	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, чистая энергетика
Anthropic Claude	Осторожная подача, акцент на безопасности и соответствии требованиям	Когнитивные искажения, акцент на риск- коммуникации	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, экология
Яндекс Алиса	Многообразие институтов, фрагментированность СМИ, локальные примеры	Недостаток финансирования, дефицит доверия	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, энергетика
SberAI GigaChat	Активность академического сообщества, акцент на новые медиа	Сложная медиасреда, псевдонаука	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, экология
ruGPT	Лаконичные ответы, локализованный контекст	Недоверие со стороны общества, слабая институциональная координация	ИИ, биомедицина, общественное здравоохранение, экология

После представленного сравнения важно подчеркнуть, что полученные результаты требуют осторожной интерпретации. Предыдущие исследования показывают, что большие языковые модели не являются нейтральными «наблюдателями»: они воспроизводят статистические зависимости из обучающих корпусов и тем самым склонны к тиражированию дискурсивных предвзятостей [2]. В ответ на эти вызовы предлагаются различные технические подходы — например, диагностика «галлюцинаций» на основе семантической энтропии, — однако даже они не заменяют необходимость верификации результатов через эмпирические исследования [5],[8].

Именно в этом контексте применение LLM приобретает смысл не как замена традиционным методам, а как инструмент выявления структурных закономерностей и зон расхождения в научно-популярном дискурсе. Такой подход позволяет не только фиксировать повторяющиеся темы, но и обнаруживать «уязвимые места» — области, где культурные различия, медиасреда или институциональные условия наиболее явно влияют на характер популяризации науки.

Заключение

По результатам проведённого опроса девяти моделей ИИ следует выделить несколько выявленных тенденций. В частности, отмечается высокая частотность дискурса

государственной политики Китая в сгенерированных текстах, двойственное восприятие новых медиа как инструмента популяризации науки и как потенциального фактора риска, а также наличие проблемы недостаточной научной грамотности населения и распространённости псевдонауки как барьеров на пути распространения знания. Выявлены такие направления сотрудничества в сфере популяризации науки как искусственный интеллект, биомедицина и общественное здравоохранение, экология и энергетика. Будущая популяризация науки должна учитывать не только достоверность контента, но и необходимость адаптации к изменяющимся медиаформатам и привычкам аудитории [\[11\]](#).

В ходе анализа ответов моделей ИИ получены свидетельства значимой роли обучающих корпусов больших данных, существенных различий стратегий разработчиков ИИ и специфики языковой обработки высказываний. Тем не менее, выводы, полученные таким способом, можно рассматривать как инструмент «дискурсивной диагностики», который помогает отслеживать развитие коммуникации, выявлять недооцененные темы и поддерживать принятие решений в государственной политике и общественной практике. При этом важно помнить, что результаты опросов ИИ не могут заменить реальные эмпирические измерения; их использование должно сопровождаться проверкой фактов, ссылками на источники и верификацией со стороны экспертов. Ценность ИИ заключается прежде всего в выявлении дискурсивных паттернов, а не в предоставлении исчерпывающих фактов или глубинных социологических интерпретаций. Они позволяют продемонстрировать многогранность проблематики, однако не способны заменить углубленные исследования данной проблематики.

В дальнейших исследованиях следует уделить больше внимания механизмам предвзятости и рискам псевдонаучного дискурса, которые могут быть сгенерированы моделями ИИ. Это также предполагает сочетание подходов социологии и теории коммуникации для более надежной рамки сравнительных исследований в области популяризации науки в Китае и России.

Библиография

1. Макарова, Е. Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 98-104. EDN: PZEAAP.
2. Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT'21). – New York : ACM, 2021. – С. 610-623.
3. Cuskley C., Woods R., Flaherty M. The Limitations of Large Language Models for Understanding Human Language and Cognition // Open Mind: Discoveries in Cognitive Science. – 2024. – Т. 8. – С. 1058-1083. DOI: 10.1162/opmi_a_00160 EDN: YXSCNA.
4. Farquhar S., Kossen J., Kuhn L., et al. Detecting Hallucinations in Large Language Models Using Semantic Entropy // Nature. – 2024. – Т. 630, № 8017. – С. 625-630. DOI: 10.1038/s41586-024-07421-0 EDN: NXMTFJ.
5. Gahrn-Andersen, R. Beyond Symbol Processing: the Embodied Limits of LLMs and the Gap between AI and Human Cognition // AI & Society. – 2025. – Т. 40. – С. 3105–3107.
6. Handbook of Public Communication of Science and Technology / eds. M. Bucchi, B. Trench.

– 2nd ed. – London ; New York : Routledge, 2015. – 275 с.

7. Huo L., Huang P. The impact of science education and media reports on the spread of misinformation // Systems Engineering Theory and Practice. – 2014. – № 2. – С. 365-375.

8. Huang L., Yu W., Ma W., et al. A Survey on Hallucination in Large Language Models: Principles, Taxonomy, Challenges, and Open Questions // ACM Transactions on Information Systems. – 2025. – Т. 43, № 2. – С. 1-55.

9. Kessler, S. H., Mahl, D., Schäfer, M. S., Volk, S. C. Science Communication in the Age of Artificial Intelligence // Journal of Science Communication. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 1-7.

10. Lazer D. M. J., Baum M. A., Benkler Y., et al. The Science of Fake News // Science. – 2018. – Т. 359, № 6380. – С. 1094-1096.

11. Liu X., Xiao Y., Zhou R., Li W. Innovation and influence of science communication methods for the public in the mobile era // Science Popularization Studies. – 2013. – Т. 8, № 3. – С. 25-30.

12. Qiu J. Science Communication in China: a Critical Component of the Global Science Powerhouse // National Science Review. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 824-829. DOI: 10.1093/nsr/nwaa035 EDN: KIUOBI.

13. Zhang J. Y. The 'Credibility Paradox' in China's Science Communication: Views from Scientific Practitioners // Public Understanding of Science. – 2015. – Т. 24, № 8. – С. 913-927.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Исследование научно-популярного дискурса в Китае и в России при использовании нейросетей в качестве информантов»

Статья посвящена анализу научно-популярного дискурса в России и Китае с применением крупномасштабных языковых моделей (LLM) в качестве своеобразных «информантов». Предметом исследования являются особенности популяризации науки в медиапространстве двух стран, выявленные путём сравнительного анализа ответов девяти нейросетей. Автор ставит задачу не только описать характерные механизмы и барьеры распространения научных знаний, но и определить перспективные направления международного сотрудничества. Важным элементом является рассмотрение ограничений и методологических рисков использования LLM как источников данных.

Автор использует оригинальный подход: в качестве «респондентов» выступают девять языковых моделей из Китая, США и России. Всем им задаются идентичные вопросы, касающиеся механизмов распространения научных знаний, социальных и когнитивных барьеров, а также перспектив научно-популярного обмена. В результате формируется корпус из 27 текстов, подвергнутых содержательному анализу. Такой метод демонстрирует эвристический потенциал ИИ-инструментов, позволяя выявить дискурсивные паттерны, но одновременно требует осторожности в интерпретации. Автор справедливо акцентирует внимание на феномене «галлюцинаций» и воспроизведении предвзятостей, что подтверждается ссылками на современные исследования в области когнитивной науки и теории коммуникации.

Тема исследования является актуальной по нескольким причинам. Во-первых, вопросы научной популяризации занимают ключевое место в государственной политике Китая и России, особенно в условиях стремительного развития цифровых технологий и

социальных медиа. Во-вторых, использование LLM как инструмента дискурсивного анализа открывает новые перспективы для гуманитарных наук, где традиционные методы сбора эмпирических данных сталкиваются с ограничениями. В-третьих, проблема псевдонауки и снижения доверия к источникам информации делает тему статьи социально значимой и практически ориентированной.

Новизна работы заключается в попытке рассматривать нейросети не только как технический инструмент обработки данных, но и как особую форму «информанта», чьи ответы могут отражать культурные и институциональные паттерны. Такой подход позволяет зафиксировать различия в дискурсе о популяризации науки между Китаем и Россией через призму алгоритмически сгенерированных текстов. Статья также вносит вклад в развитие методологии сравнительных исследований научной коммуникации, поднимая вопрос о валидности данных, полученных от ИИ.

Текст статьи структурирован логично: во введении обозначаются теоретические предпосылки, далее излагается методология, последовательно анализируются результаты по каждому из трёх исследовательских вопросов, а в заключении подводятся итоги. Изложение отличается академической строгостью, хотя местами прослеживается избыточная описательность при перечислении ответов моделей. Отдельные формулировки выглядят шаблонно и могли бы быть сжаты ради повышения аналитичности. Тем не менее, стиль выдержан в научном регистре, а аргументация опирается на широкий спектр источников.

Список литературы включает как отечественные, так и зарубежные работы, в том числе свежие публикации 2024–2025 гг. (*Nature*, *JCOM*, *ACM Transactions* и др.), что подтверждает современный уровень исследовательской базы. Использованы как классические труды по коммуникации науки (Bucchi, Trench), так и новейшие исследования по ограничениям LLM (Bender, Gebru; Farquhar и др.). В то же время список мог бы быть дополнен публикациями китайских авторов на национальном языке, что усилило бы сравнительный аспект исследования.

Автор учитывает позицию критиков гипотезы о «понимании» языка моделями ИИ, ссылаясь на исследования о «стохастических попугаях» и проблеме когнитивных искажений. Таким образом, апелляция к оппонентам представлена достаточно полно. Вместе с тем, в статье отсутствует прямая дискуссия с российскими и китайскими исследователями в области социологии науки и медиа, что несколько снижает уровень междисциплинарного диалога.

Выводы статьи представляются взвешенными: автор подчеркивает значимость роли государства в Китае, институциональных акторов в России, двойственную природу новых медиа и барьеры в виде низкой научной грамотности. Чётко выделяются перспективные направления сотрудничества (ИИ, биомедицина, экология, здравоохранение). Работа будет интересна широкому кругу лиц: исследователям коммуникации науки, социологам, медиаведам, специалистам в области искусственного интеллекта, а также специалистам, занимающимся стратегиями научно-технического развития.

Статья демонстрирует высокий уровень проработки темы и соответствует академическим требованиям. Вместе с тем, целесообразно рекомендовать автору доработку текста перед публикацией. Основные замечания:

1. Уточнить методологическую рамку анализа — обозначить, каким образом производилось кодирование и интерпретация ответов моделей.
2. Сократить избыточные описательные фрагменты и усилить аналитическую часть (например, провести сравнение ответов моделей в табличной форме или выделить ключевые различия по странам).
3. Расширить корпус источников за счёт китайских публикаций, чтобы сбалансировать западный и отечественный дискурсы.

4. Более явно обозначить вклад исследования в развитие социологии науки и лингвистики, а не только в обсуждение LLM.

В заключении отметим, что статья представляет значимый интерес и может быть рекомендована к публикации после незначительной доработки в указанных направлениях.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Научная статья посвящена изучению особенностей научно-популярного дискурса в Китае и России посредством анализа мнений нейросетевых моделей искусственного интеллекта (ИИ), выступающих в роли виртуальных респондентов. Автор исследует специфику популяризации научных знаний в обеих странах, используя методы контент-анализа текстов, генерируемых такими большими языковыми моделями, как Deepseek, Doubao, ChatGPT, Яндекс.Алиса и другие. Исследование направлено на выявление основных механизмов распространения научных знаний, культурных и социальных барьеров, а также перспективных областей взаимодействия двух стран в сфере популяризации науки.

Автором используется качественный подход к обработке текста: каждая из девяти выбранных нейросетевых моделей получила одинаковый набор вопросов относительно процессов популяризации науки в Китае и России. Вопросы охватывали политическую среду, традиционные СМИ и новые медиа, культурные и когнитивные препятствия, перспективы совместных проектов в науке и технологиях. Полученные ответы подверглись тематическому кодированию, группировке по ключевым категориям и сравнению. Важно отметить, что используемый подход открыт и индуктивен, без заранее установленных классификаторов, что усиливает объективность исследования. Однако метод имеет ограничения, обусловленные вероятностью предвзятости нейросетевых моделей, основанной на обучении на определённых корпусах данных, что отмечено автором.

Тема популяризации науки сегодня чрезвычайно важна ввиду её влияния на формирование образа будущего, социальную адаптацию технологий и научные достижения. Проблематика распространяется от методов трансляции знаний до понимания препятствий и потенциала международного сотрудничества. Китай и Россия представляют собой уникальные случаи, характеризующиеся высоким уровнем участия государства в регулировании науки и образовании, различными традициями массовой культуры и особыми условиями цифровой экосистемы. Исследования в этой области помогают лучше понять специфику восприятия науки обществом, эффективность существующих коммуникаций и возможные меры для оптимизации процесса популяризации.

Новизна работы состоит в оригинальном подходе к изучению научно-популярного дискурса путём привлечения нейросетевых моделей. Ранее подобные исследования

ограничивались стандартными методами контент-анализа и социологическими опросами среди реальных людей. Использование LLM открывает новые горизонты для сбора качественных данных, позволяющих делать заключения о структуре и динамике научно-популярного дискурса. Данный подход уникален своей способностью автоматически обрабатывать большое количество материала, систематизировать мнения и создавать теоретически обоснованные схемы анализа, обогащающие понимание проблемы.

Текст написан ясно и профессионально, демонстрируется высокий уровень владения автором научным стилем изложения. Используемые формулировки точны, последовательны и убедительны. Несмотря на то, что автор иногда прибегает к цитированию предыдущих работ, сам материал легко воспринимается читателем благодаря подробному разъяснению концепции и процессу проведения исследования. Представленная в работе таблица способствует лучшему восприятию информации, повышая доступность данных для широкой аудитории.

Работа чётко организована, включает введение, методологию, результаты и заключение. Во введении обозначена значимость темы и предпосылки исследования. Затем подробно описаны процедуры отбора моделей и вопросы анкеты, обеспечивающие прозрачность метода. Результаты представлены наглядно, с использованием таблицы, облегчающей восприятие отличий и сходств в ответах разных моделей. Заключение суммирует основные положения и подчеркивает важность дальнейших шагов, включая разработку инструментов для проверки достоверности информации, предоставляемой LLM.

Содержание статьи богато информацией и соответствует заявленной цели. Описаны общие черты и различия популярных способов передачи научных знаний в Китае и России, выявлены культурные особенности и социальные барьеры. Приведено значительное число примеров конкретных проблем, препятствующих эффективному развитию научно-популярного дискурса, таких как низкая научная грамотность, недостаток образовательных ресурсов и влияние новых медиа. Несмотря на общий позитивный настрой относительно возможностей искусственного интеллекта, автор признает его недостатки и подчёркивает необходимость критического подхода к данным, получаемым от нейросетевых моделей.

Список литературы достаточно обширен и разнообразен, включает широкий спектр отечественных и зарубежных публикаций. Работы, представленные в списке, отражают современные тренды и содержат важные сведения по изучаемой теме. Многие источники относятся к международным конференциям и публикациям, что свидетельствует об их высоком уровне и обоснованности сделанных автором выводов.

В статье приведены аргументы сторонников и критиков применения нейросетевых моделей в изучении научно-популярного дискурса. Критикам предлагается принять меры предосторожности против возможных ошибок («галлюцинаций») и исследовать проблему методом перекрестной проверки с помощью классических методик. Таким образом, работа интегрирует противоположные точки зрения и показывает преимущества нового подхода в свете современных технических достижений.

Выводы статьи конкретны и реалистичны. Работа подтверждает высокую значимость государственного руководства и политики в процессе популяризации науки, показывает значение новых медиа как мощного инструмента воздействия на аудиторию, обращает внимание на низкий уровень научной грамотности населения и существование ряда факторов, снижающих доверие к источникам информации. Основной вывод касается целесообразности внедрения искусственного интеллекта в процесс изучения и управления наукой, что обещает повысить качество и скорость принятия решений в образовательной среде.

Материал будет интересен специалистам в области популяризации науки,

представителям государственных органов, занимающихся разработкой программ поддержки научных инициатив, сотрудникам СМИ, ученым и студентам гуманитарных специальностей. Работа предоставляет ценную информацию о механизмах функционирования современной научно-популярной сферы и предлагает идеи для дальнейших исследований в этой области.

Таким образом, рецензируемая статья заслуживает внимания исследователей, поскольку она поднимает интересные вопросы и предлагает оригинальные решения в изучении современного состояния популяризации науки. Статья соответствует предъявляемым к подобным работам требованиям и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

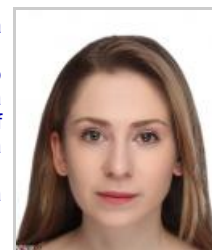
The influence of the global linguistic context on the lexical choice of Kazakh-Russian bilinguals

Kolmykova Iana Sergeevna

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Leading specialist; Department of Educational Projects; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ kolmykova-ya@rudn.ru

Abstract. In this paper, the process of language choice among Kazakh-Russian adult bilinguals is considered as a competitive cognitive mechanism. Kazakh-Russian bilinguals' language choice can be regulated by external linguistic and social factors, such as the global linguistic context of communication. These factors can also be moderated by the individual characteristics of their linguistic competencies. The object of this study is the influence of the global linguistic context on the language choice of Kazakh-Russian bilinguals. The subject of the study is the lexical choice of Kazakh-Russian bilinguals in the proposed experimental conditions. The specific objectives of the research are to correlate the individual language profiles of these bilinguals with their lexical choices in different linguistic contexts. The study was conducted using the author's experimental methodology, in which the global context was modeled using the language of the instructions presented before the experiment. The data obtained were analyzed in terms of statistical significance. Then, a qualitative analysis of the dependence of the variables (the instruction language and the subject's first language) was performed. The main findings showed that participants in the study demonstrated different patterns of influence of the global language context on their language choice depending on their first language (L1). Bilinguals with a dominant Russian language showed different behaviors, depending on the instruction language; bilinguals with a dominant Kazakh language consistently adhered to the Kazakh language, regardless of the instruction language; balanced bilinguals more often chose the language opposite to the instruction language. The data can be applied in research and experimental studies (in the fields of psycho- and neuro-linguistics). There is also potential for applying the results to bilingual pedagogical work and speech therapy. This study is novel in that it is the first to experimentally confirm the effect of global linguistic context on the linguistic behavior of Kazakh-Russian bilinguals. As a result of the study, the conclusion was formulated: the global linguistic context had a heterogeneous effect on bilinguals and could activate both the target and non-target language, depending on the bilingual's individual language profile and a complex set of socio-cultural factors.

Keywords: code switching, language dominance, instruction language, language profile, global language context, lexical choice, Kazakh-Russian bilinguals, psycholinguistic experiment, bilingualism, distractors

References (transliterated)

1. Nurtazina M., Kesner J., Alefirenko N., Shakhputova Z. Linguistic and extralinguistic factors of code-switching as a process of contacting languages // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2019. – Vol. 298. – P. 577-583.

2. Dominikan A. I. Vidy kontekstov pri raznykh nauchnykh podkhodakh // Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya. – 2017. – № 4. – S. 125-131. EDN: ZURPBV.
3. Kirsanova I. V., Shiyapova A. A., Fatkhulova D. R. Kontekst i ego rol' v protsessakh ponimaniya teksta (na materiale psikholingvisticheskogo issledovaniya) // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2021. – № 4. – S. 279-284. EDN: TQBULN.
4. Slama-Cazacu T. Langage et contexte: Le problème du langage dans la conception de l'expression et de l'interprétation par des organisations contextuelles. – Gravenhage : Mouton, 1961. – 251 p.
5. Myrkin V. Ya. Tipy kontekstov. Kommunikativnyi kontekst // Filologicheskie nauki. – 1978. – № 1. – S. 95-100.
6. Van Heuven W., Dijkstra T., Grainger J. Orthographic neighborhood effects in bilingual word recognition // Journal of Memory and Language. – 1998. – № 39. – S. 458-483. EDN: GXUPFZ.
7. Green D., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // Journal of Cognitive Psychology. – 2013. – Vol. 25. – № 5. – P. 515-530.
8. Gollan T. H., Goldrick M. A switch is not a switch: Syntactically-driven bilingual language control // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 2018. – Vol. 44. – № 1. – P. 143-156.
9. Parshina O., Smirnova A., Goldina S., Bainbridge E. The effect of the global language context on bilingual language control during L1 reading // Bilingualism: Language and Cognition. – 2025. – Vol. 28. – № 2. – P. 577-587. DOI: 10.1017/s1366728924000658. EDN: EQFHJM.
10. Zharkynbekova Sh. K., Chernyavskaya V. E. Kazakhsko-russkaya bilingval'naya praktika: smeshenie koda kak resurs v kommunikativnom vzaimodeistvii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2022. – T. 13. – № 2. – S. 468-482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482. EDN: SAOAVQ.
11. Zhuk A. I., Ikhsanova S. I., Kenzhebekova D. R., Shcherbakova V. A. Sotsiolingvisticheskii profil' bilingvov v Kazakhstane: yazykovaya identichnost' i dominirovanie // Vestnik Alikhan Bokeikhan Universiteta. – 2024. – T. 4. – № 63. – S. 113-121.
12. Akinina Yu. S. Biblioteka stimulov "Sushchestvitel'noe i ob'ekt": normirovanie psikholingvisticheskikh parametrov / Yu. S. Akinina i dr. // Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. – Kaliningrad, 23-27 iyunya 2014 g. – Kaliningrad : [b.i.], 2014. – Vyp. 6. – C. 112-114.
13. McRae K. Abstract Concepts and Pictures of Real-World Situations Activate One Another // Topics in Cognitive Science. – 2018. – Vol. 10. – № 3. – P. 518-532.
14. Martin C. D., et al. Processing of Synonyms and Homographs in Bilingual and Monolingual Speakers // Journal of Cognition. – 2024. – Vol. 7. – № 1. – Article 4. – P. 1-19. DOI: 10.5334/joc.329. EDN: CSLWES.
15. Sá-Leite A. R., Comesaña M., Acuña-Fariña C., Fraga I. A cautionary note on the studies using the picture-word interference paradigm: the unwelcome consequences of the random use of "in/animates" // Frontiers in Psychology. – 2023. – Vol. 14. – Article 1145884. – P. 1-14.
16. Creemers A., Davies A. G., Wilder R. J., Tamminga M., Embick D. Opacity, transparency, and morphological priming: A study of prefixed verbs in Dutch // Journal of Memory and Language. – 2020. – Vol. 110. – Article 104055. – P. 1-20.

17. Khorsheed A., Wilson C., Schumacher P. What second-language speakers can tell us about pragmatic processing // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17. – № 3. – e0263724. – P. 1-20.
18. Lyashevskaya O. N., Pyzhak Zh. V., Vinogradova O. I. Word-formation complexity: a learner corpus-based study // Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika". – 2022. – T. 26. – № 2. – S. 435-460. DOI: 10.22363/2687-0088-31187. EDN: UXCMMV.
19. Paradis J., Nicoladis E. The Influence of Dominance and Sociolinguistic Context on Bilingual Preschoolers' Language Choice // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2007. – Vol. 10. – P. 277-297.
20. Bruin A., Martin C. Perro or txakur? Bilingual language choice during production is influenced by personal preferences and external primes // Cognition. – 2022. – Vol. 222. – Article 104995. – DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104995. EDN: GGOFZA.
21. Blanco-Elorrieta E., Pykkänen L. Bilingual language switching in the laboratory versus in the wild: The spatiotemporal dynamics of adaptive language control // Journal of Neuroscience. – 2017. – Vol. 37. – № 37. – P. 9022-9036. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.0553-17.2017.
22. Jevtović M., Duñabeitia J. A., de Bruin A. How do bilinguals switch between languages in different interactional contexts? A comparison between voluntary and mandatory language switching // Bilingualism: Language and Cognition. – 2020. – Vol. [ne ukazano].
23. Boikova S.E. Eksperiment s kartinkami so skvoznym personazhem: analiz bilingval'nogo narrativa // Litera. 2020. № 10. S. 37-50. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.10.33904 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33904

On the issue of early types of plot in Olonkho within the Vilyuy epic tradition

Kuzmina Aitalina Akhmetovna

PhD in Philology

Senior Researcher; Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Office 414 Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677027, Russia

✉ aitasakha@mail.ru

Abstract. The subject of the research article is the plot of the Sakha heroic epic. The object of the research is the olonkho "Erbekhtei Mergen" by B. A. Alexeev from the Vilyui region, recorded in 1938 during the Vilyui expedition. The text was prepared for publication by the author of this article in 2017. The relevance of the article is determined by the reassessment of established classifications of olonkho: using the text "Erbekhtei Mergen" as an example, it is argued that the criterion of historical memory is more significant than the presence of archaism, and the thesis about the absence of early plots in the Vilyui tradition is refuted, demonstrating its complex cultural synthesis. The goal of the work is to justify the attribution of the olonkho of the Vilyui storyteller B. A. Alexeev "Erbekhtei Mergen" to the plot-thematic cycle dedicated to the settlement of the Middle World, as well as to identify the features of the Vilyui epic tradition. The work uses structural, structural-semantic, and comparative analysis methods. The methodological basis of the work is the classification of the plots of the Sakha epic developed by N. V. Emelyanov and the analysis of the plot model proposed by I. V. Yershova. The conclusions of the research may find application in folkloristics in the

study of the poetics of epic texts and in the development of educational courses on Sakha folklore. The research introduces for the first time the text of an olonkho from the Vilyui tradition into scientific circulation, representing an early plot layer, which defines its main novelty. The study of the olonkho "Erbekhtei Mergen" by B. A. Alexeev revealed the presence of early plots about the settlement of the Middle World in the Vilyui epic tradition. Previously, it was mistakenly attributed to plots about ancestors; however, this tale reveals a conflict in family relationships, where close people become a source of discord. The widely spread motif of courtship of a girl-werewolf, found from the Kolyma to Vilyui, confirms the ancient origin of the plot. The analysis revealed typological similarities with central Sakha versions ("The Son of the Horse Dyray Byogyo" by I. I. Burnashev—Tong Suorun, "The Son of the Horse Dyray Berken" by U. G. Noksorov, "The Son of the Horse Dyray Hero" by G. K. Vasiliev) and northeastern versions ("Erbekhchin Mergen" by D. G. Zhirkov). However, the Vilyui tradition has its own specificity: a concise structure (a brief introduction and a reduced ending), the absence of the image of the sacred tree, as well as linguistic-cultural borrowings from Tungus and Russian traditions in the poetics of the text.

Keywords: Vilyuy epic tradition, poetics, structure, narrative model, early type of Olonkho, plot-thematic group, plot, Olonkho, Yakut heroic epic, settlement of the Middle World

References (transliterated)

1. Alekseev B. A.-Olonkhohut Baryys. Erbekhtei Mergen: olonkho [Erbekhtei Mergen: olonkho] / Sost. A. A. Kuz'mina; otv. red. V. V. Illarionov. Yakutsk: Bichik, 2017. 152 s. (Na yakut. yaz.)
2. Gatsak V. M. Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: istoricheskie issledovaniya poetiki. M.: Nauka, 1989. 256 s. EDN: TRJBZX
3. Danilova A. N. Obraz zhenshchiny-bogatyarki v yakutskom olonkho. Novosibirsk: Nauka, 2014. 166 s. EDN: TKRBGV
4. Emel'yanov N. V. Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, 2000. 192 s. EDN: YQVCNN
5. Emel'yanov N. V. Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni. M.: Nauka, 1990. 208 s.
6. Emel'yanov N. V. Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho. M.: Nauka, 1983. 247 s. EDN: YQVDTB
7. Emel'yanov N. V. Syuzhety yakutskikh olonkho. M.: Nauka, 1980. 375 s.
8. Ershova I. V. Skazanie o Side v ispanskoy epose i istoriografii srednikh vekov. Struktura i evolyutsiya epicheskogo syuzheta: Dissertatsiya ... doktora filol. n. M., 2018. 393 s.
9. Karataev S. N. Syyleld'in Bootur [Syuyuleldzhin Bootur]. Yakutsk: Tsumori press, 2011. 122 s. (Na yakut. yaz.)
10. Karataev S. N. ToH Saar bukhatty: Olonkho [Bogatyar' Tong Saar: Olonkho]. Yakutsk: Bichik, 2004. 237 s. (Na yakut. yaz.)
11. Kudiyarov A. V. Khudozhestvenno-stilevye traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurkoyazychnykh narodov Sibiri. M.: IMLI RAN, 2002. 329 s.
12. Kuz'mina A. A. Olonkho Vilyuiskogo regiona: bytovanie, syuzhetno-kompozitsionnaya struktura, obrazy. Novosibirsk: Nauka, 2014. 160 s. EDN: TSROYR
13. L'vova S. D. Realii russkoi kul'tury kak obrazy sravneniya v olonkho (na materiale tekstov rannikh zapisei yakutskogo eposa) // II Sibirskii forum fol'kloristov. Tezisy dokladov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.B. Soktoeva, osnovatelya serii "Pamyatniki

fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka". Novosibirsk: Alekspress, 2021. S. 77-79.
EDN: QXEGFE

14. Sleptsov P. A. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v yakutskom yazyke (dorevolutsionnyi period). Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1964. 196 s. EDN: YGOSSJ
15. Chivikov G. S. Pravoslavie v istorii Yakutii: tsivilizatsionnyi aspekt // Sbornik trudov Yakutskoi dukhovnoi seminarii. 2015. № 2. S. 53-63. EDN: ZAEDCX

Key milestones in the translation and research activities in Russia of works that constitute the creative heritage of Dun Zhongshu

Zhang Tao

PhD in Philology

Lecturer; Institute of Foreign Languages; Dezhou University

566 Daxue Street, Dezhou, Shandong, 253023, China

✉ taozhang@yandex.ru

Chu Jianmin

PhD in Philology

Lecturer; Institute of Foreign Languages; Dezhou University

566 Daxue Street, Dezhou, Shandong, 253023, China

✉ chujianmin@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the translations into Russian of works of the ancient Chinese philosopher Dong Zhongshu, completed by Russian sinologists from the 19th century to the present, as well as texts of scientific literature based on these translations, which contain interpretations of Dong Zhongshu's ideas and ensure their adaptation within Russian scientific thought. The scope of the examined texts includes, in particular, cultural monuments in Chinese – the treatise "Chunqiu Fanlu" and the historical chronicle "Han Shu," as well as anthologies, monographs, textbooks, dictionaries, encyclopedias, dissertations, and scientific articles published in Russia during various historical periods. The study of the specified documents allows for identifying the nature and dynamics of changes in the translation activities of these works. The author used such methods as: philological analysis of texts and translations from Chinese to Russian; methods of comparative and contrastive analysis. The relevance of this article is due to the increased interest in the philosophy of the Han dynasty and the cultural heritage of thinkers active in this historical period. The scientific novelty of the work lies in the systematic review conducted by the authors of translations and related scientific research on Dong Zhongshu's creative heritage carried out during different periods of Russian history, highlighting the characteristics of each. Based on the conducted research, the authors identify factors that hindered progress in the translation of works and research on Dong Zhongshu's creative heritage in the 19th century and the first half of the 20th century, mention achievements in this matter that occurred during the Soviet and post-Soviet periods of Russian history, and also note contemporary trends in translating Dong Zhongshu's works and interpreting his ideas – in particular, such features are emphasized as the extensive use of modern information technology, the expansion of international scientific exchange, an emphasis on terminological accuracy in translations, investigation of Dong Zhongshu's work within an interdisciplinary approach, as well as in the context of global culture as a whole.

Keywords: Chunqiu Fanlu, Confucianism, Han Confucianism, international scientific exchange, translations, texts, Han, intercultural communication, cultural heritage, Dong Zhongshu

References (transliterated)

1. Ageev N.Yu. Kontseptsiya "Edinstva prirody i cheloveka" i korrelyativnoe myshlenie v drevnem Kitae // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2012. № 1. T. 42. S. 343-346. EDN: ZDRATF.
2. Anashina M.V. Filosofiya epokhi Khan': Uchebnoe posobie / M.V. Anashina; Ros. akad. nauk, In-t filosofii. M.: IFRAN, 2013. 101 s. EDN: VBZWDR.
3. Ban' Gu. Khan' shu, fragmenty (perevod s kitaiskogo yazyka Krolya Yu.L.) // Kitaiskaya filosofiya. Epokha Khan': antologiya. M.: Nauka, 1990. S. 131-154.
4. Bykov F.S. Uchenie o pervoelementakh v mirovozzrenii Dun Chzhunshu (K probleme stanovleniya konfutsianstva) // Kitai. Yaponiya. Istoriya i filologiya. M.: Nauka, 1961. 333 s.
5. Valeev R.M., Martynov D.E., Datsyshen V.G. Vasilii Vasil'ev kak issledovatel' kitaiskoi istorii // Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Kazan'. 2019. № 39 (3). S. 20-35. EDN: FEQFVO.
6. Vasil'ev V.P. Religii Vostoka: konfutsianstvo, buddizm i daosizm. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1873. 183 s.
7. Vasil'ev L.S. Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. M.: Nauka, 2001. 488 s.
8. Vasil'ev L.S. Problemy genezisa kitaiskoi mysli (formirovanie osnov mirovozzreniya i mentaliteta). M.: Nauka, 1989. 309 s.
9. Georgievskii S.M. Printsipy zhizni Kitaya. SPb.: Izdatel'stvo A.Ya. Panafidina, 1888. XXII, 494, XVI s.
10. Dmitriev S.V. Khan' // Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. 2017. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bigenc.ru/c/khan-415817>.
11. Dun Chzhunshu. Chun'tsyu fan'lu, fragmenty (perevod s kitaiskogo yazyka Martynova A.S.) // Kitaiskaya filosofiya. Epokha Khan': antologiya. M.: Nauka, 1990. S. 112-127.
12. Kobzev A.I. Uchenie o simvolakh i chislakh v kitaiskoi klassicheskoi filosofii. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 432 s.
13. Kobzev A.I. Dun Chzhunshu // Kitaiskaya filosofiya. Entsiklopedicheskii slovar'. M.: Mysl', 1994. S. 117-118.
14. Kobzev A.I. Dun Chzhunshu // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. / Gl. red. M.L. Titarenko. T. 1. Filosofiya. M.: Vostochnaya literatura, 2006. S. 254-256.
15. Kobzev A.I. Sterzhnevaya rol' konfutsianstva // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. / Gl. red. M.L. Titarenko. T. 1. Filosofiya. M.: Vostochnaya literatura, 2006. S. 53-55.
16. Kobzev A.I. Kategorii i osnovnye ponyatiya kitaiskoi filosofii i kul'tury // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. / Gl. red. M.L. Titarenko. T. 1. Filosofiya. M.: Vostochnaya literatura, 2006. S. 66-81.
17. Kobzev A.I. Dun Chzhunshu // Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. 2007. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/1970531>.
18. Kobzev A.I. "Istoriya Kitaya" kak zerkalo rossiiskoi kitaistiki // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIV, ch. 2. Redkoll.: A.I. Kobzev i dr. M.: FGBU Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk (IV RAN), 2014. S. 462-517. EDN: TMVYCB.

19. Korol'kov M.V. Udel'naya sistema rannei Zapadnoi Khan' (206-140 gg. do n.e.): faktor vnutridinasticheskikh otnoshenii // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXVIII nauchnaya konferentsiya (sbornik materialov). M., 2008. S. 43-49.
20. Krol' Yu.L. Konfutsianskaya i legistskaya kontseptsii chelovecheskoi prirody v "Yan' te lune" (I v. do n. e.) // Konfutsianstvo v Kitae. Problemy teorii i praktiki: sbornik statei. Gl. red. Delyusin L.P. M.: Nauka, 1982. S. 55-87.
21. Krol' Yu.L. Problema vremeni v kitaiskoi kul'ture i "Rassuzhdeniya o soli i zheleze" Khuan' Kuanya // Iz istorii traditsionnoi kitaiskoi ideologii: sbornik statei. Sost. i otv. red. O.L. Fishman. M.: Nauka, 1984. S. 53-127.
22. Krol' Yu.L. Khan' shu // Kitaiskaya filosofiya. Epokha Khan': antologiya. M.: Nauka, 1990. S. 128-130.
23. Kudryavtseva N.A. Etapy razvitiya konfutsianstva i kitaiskaya filosofiya v KNR // Gumanitarnoe prostranstvo. 2015. S. 876-883.
24. Martynov A.S. Chun'tsyu fan'lu // Drevnekitaiskaya filosofiya. Epokha Khan': antologiya. M.: Nauka, 1990. S. 111.
25. Martynov D.E. Predstavleniya ob istoricheskom vremeni v traditsionnoi kul'ture Kitaya v Khan'skuyu epokhu // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 41. S. 191-202. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://roii.ru/r/1/41.10>. EDN: PUTTCT.
26. Myshinskii A.L. K istorii otechestvennogo kitaevedeniya (na materiale sovetskoj daologii 1917–1985 gg.) // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2015. T. XLV, ch. 1. S. 336-385. EDN: YGADRT.
27. Perelomov L.S. Konfutsianstvo i legizm v politicheskoi istorii Kitaya. M.: Nauka, 1981. 336 s. EDN: WZPOOJ.
28. Petukhova N.V. Razvitie kitaevedeniya kak nauki v Rossii v seredine-vtoroi polovine XIX veka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2014. Ser. 13. Vyp. 4. S. 15-22. EDN: SWJGLX.
29. Rykov S.Yu. Drevnekitaiskaya filosofiya: Kurs lektsii. M.: Institut filosofii RAN, 2012. 312 s.
30. Spirin V.S. Postroenie drevnekitaiskikh tekstov. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 276 s.
31. Titarenko M.L. "Dun Chzhunshu "O nebe i cheloveke. O poznanii"" // Antologiya mirovoi filosofii. V 4-kh tomakh. T. 1. Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya. S. 239-242.
32. Tyan' Yuivei. Osobennosti perevodov "Besed i suzhdenii (Lun'yui)" na russkii yazyk // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2019. T. 11. Vyp. 4. S. 62-67. doi: 10.17072/2073-6681-2019-4-62-67. EDN: NKKJJE.
33. Fen Yulan'. Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii. Perevod na russkii (s angliiskogo): Kotenko R.V. Nauchnyi redaktor: doktor filosofskikh nauk, professor Torchinov E.A. S-Pb.: "Evraziya", 1998. 376 s.
34. Tsai Yun'khun. Mysli o npravstvennosti pedagoga Dun Chzhunshu i ikh sovremennoe znachenie / Yu. Tsai // Kitai-Rossiya: dialog v usloviyakh globalizatsii. Materialy II Mezhdunarodnogo rossiisko-kitaiskogo simpoziuma. Fushun'-Chita, 29 oktyabrya 2021 goda. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 191-195.
35. Chen' Lyan. Lingvokul'turologicheskii analiz kitaiskogo traktata Konfutsiya "Lun' Yui" i ego perevodov na russkii yazyk: dissertatsiya kandidata filol. nauk. Moskva, 2022. 175 s. EDN: VHCTQP.
36. Chen' L. Lingvisticheskii analiz perevoda kitaiskikh frazeologizmov filosofskogo traktata Konfutsiya «论语» «Lun' yui» na russkii yazyk // Litera. 2020. № 12. S. 92-100.

DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34642 URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34642

37. Yui Tszyan, V.I. Maršev Retrospektivnyi analiz upravleniya chelovecheskimi resursami v ideologii konfutsianstva // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2024. № 11. S. 19-31. EDN: RUOQSA.
38. Buljan Ivana. The Chunqiu Fanlu 春秋繁露: Research on the Text and its First Complete Western (English) Translation // Asian and African Studies. 2020. 29 (1): 1-25.
39. Buljan Ivana. Nebo, Zemlja i čovjek: svijet u filozofiji dinastije Zapadni Han? // Književna Smotra. 2024. 56 (213): 3-24.
40. The Cambridge History of China, volume 1. The Ch'in and Han Empires, 221 BC-AD 220 / edited by Denis Twitchett and Michael Loewe. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 920 p.
41. Csikszentmihalyi Mark. Readings in Han Chinese Thought. 2006. Indianapolis: Hackett.
42. "Dong Zhongshu" Encyclopædia Britannica. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.britannica.com/biography/Dong-Zhongshu>.
43. McLeod Alexis. Philosophy in Eastern Han Dynasty China (25-220 CE) // Philosophy Compass. 2015. 10 (6): 355-368.
44. 班固《汉书·董仲舒傳》. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ctext.org/han-shu/dong-zhong-shu-zhuan>.
45. stat'ya 《董仲舒》. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.baike.com/wikiid/7158714449493508109-source=search&anchor=l9s65j8nqnl>.
46. 《董仲舒(西汉学者)》. [Elektronnyi resurs]. URL: https://baike.baidu.com/item/董仲舒/374982-fromModule=search-result_lemma.
47. "Konfutsianstvo", rossiiskaya tsifrovaya entsiklopediya "RUVIKI". [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Konfutsianstvo>.
48. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' (BKRS). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bkrs.info/>.
49. 吴雨轩, 徐云秋. 从个人志趣到学术探索---《春秋繁露》英译史钩沉 // 外国语文(双月刊). 2024. 40 (6): 132-142.
50. 董仲舒《春秋繁露》. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ctext.org/chun-qi-fan-lu>.

The project of a multimodal dictionary of terms and personalities of magical realism

Lazareva Olesya Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

✉ Olesikk@mail.ru

Abstract. The subject of the analysis is magical realism, interpreted as a multidimensional concept in various fields of art: artistic method, artistic mythological thinking, literary direction. Magical realism is an artistic method that allows combining the mythological, irrational beginnings of literary texts with a realistic description of the surrounding reality. The aim of the work is to create a multimodal dictionary of terms and personalities of magical realism to organize information about this phenomenon. The dictionary of terms and personalities of magical realism can be used in teaching literary theory, the history of Spanish, Belgian, Austrian, Chilean, Brazilian, and Russian literature. The relevance of the research is

determined by a complex of modern scientific, cultural and educational trends: to systematize knowledge about the manifestations of magical realism in Russian, Spanish and Latin American literature. The methodology of the research consisted in identifying the key words-terms of magical realism, creating the principles of a dictionary entry, structuring a dictionary entry using a multimodal approach. The result of the research was a draft dictionary of terms and personalities of magical realism. The dictionary of terms and personalities of magical realism can be used in teaching literary theory, the history of Spanish, Belgian, Austrian, Chilean, Brazilian, and Russian literature. The study of the phenomenon of mythological awareness of reality within the framework of magical realism can become the basis for the analysis of linguistic culture, the value dominants of peoples. Modern lexicographic works, reflecting the polycode nature of texts, being part of the discursive Internet space, should combine various semiotic codes within the framework of the anthropocentric paradigm. Therefore, the proposed vocabulary of terms and personalities of magical realism will be multimodal, combining verbal and non-verbal sign systems. An attempt to systematize theoretical information and provide the most complete list of representatives and works of magical realism in various fields of art represents this phenomenon and allows us to identify common typical features, draw a line between magical realism and other trends and methods of modern art.

Keywords: value dominants of peoples, anthropocentric paradigm, irrational, mythological, personalities, terminological system, polycode text, multimodal dictionary, magical realism, semiotic codes

References (transliterated)

1. Kibrik A.A. Mul'timodal'naya lingvistika // Kognitivnye issledovaniya. 2010. Vyp. 4. S. 135-152.
2. Kibrik A.A., Fedorova O.V. K voprosu o strukture mul'timodal'nogo diskursa // Obrazy yazyka i zigzagi diskursa. Sbornik nauchnykh statei k 70-letiyu Dem'yankova V.Z. M. : Kul'turnaya revolyutsiya, 2018. S. 180-191.
3. Reformatskii A.A. O perekodirovanii i transformatsii kommunikativnykh sistem // Issledovaniya po strukturnoi tipologii. M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 208-215.
4. Kreidlin G.E. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 s. EDN: STOOBN.
5. Drozhashchikh N.V., Bashmakova A.Yu. Uchebnyi mul'timodal'nyi slovar' istoriko-kul'turologicheskogo tipa v prepodavanii inostrannogo yazyka // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2021. T. 7. № 1(25). S. 43-61. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-43-61. EDN: ATTKQY.
6. Novospasskaya N.V., Dugalich N.M. Terminosistema teorii polikodovykh tekstov // Rusistika. 2022. T. 20. № 3. S. 298-311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>. EDN: SOJLDU.
7. Guseva A.P. Semioticheski geterogennyi khudozhestvennyi tekst kak soderzhatel'no oslozhnennaya kommunikatsiya // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 18(816). S. 98-110. EDN: AVBRFK.
8. Kolmogorova A.V., Kulikova E.R. Dataset kak forma slovary v tsifrovuyu epokhu (na primere mul'timodal'nogo emotsional'nogo datasetsa) // Voprosy leksikografii. 2025. № 36. S. 67-103. doi: 10.17223/22274200/36/4. EDN: DEWQMJ.
9. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2004–2017 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2151991 (data obrashcheniya: 03.11.2025).

10. Maslova E.G. Magicheskii realizm kak paradigma kul'turno-khudozhestvennogo soznaniya sovremennogo obshchestva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 10. S. 254-259. EDN: PUIDWV.
11. Markes G.G. O literature, o sebe, o svoem tvorchestve // Voprosy literatury. 1980. № 3. Rezhim dostupa: <https://voplit.ru/article/o-literature-o-sebe-o-svoem-tvorchestve/>.
12. Gugin A.A. Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka (Fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya). M. : NTs slavyano-germanskikh issledovaniy ISL RAN, 1998. EDN: YHOVOX.
13. Kislitsyn K.N. Magicheskii realizm // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 1. S. 274-277. EDN: NTXQAN.
14. Urnov D.M. Vtorzhenie mifa. Magicheskii realizm i latinoamerikanskii roman // Pristrastiya i printsipy. Spor o literature. M.: Sovetskii pisatel', 1991.
15. Allende Isabel. home URL: <https://isabelallende.com/en/home>.

Data structures for storing language materials: principles and optimization

Paderina Tat'yana Sergeevna

Junior Researcher; Laboratory of Linguistic and Pedagogical Research; The Federal Research Centre "A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences"

Office 120, 134 Lermontov St., Irkutsk, Sverdlovsk region, 664033, Russia

 jana-pad@mail.ru

Abstract. This article presents a universal approach to creating a specialized corpus of annotated data intended for training a model for information extraction from scientific literature in a specific realm. The process includes data collection and the development of annotation principles that take into account the linguistic features of academic texts and contextual characteristics. Both general programming data structures (arrays, lists, and trees) and specialized ones (corpora, lexicons, ontologies) adapted for solving linguistic issues are discussed. Particular attention is paid to optimization principles, including metadata unification, multi-level markup, ensuring representativeness, and supporting multimodality. The theoretical basis was provided by works on corpus linguistics, linguistic-semiotic foundations for studying scientific discourse, designing linguistic ontologies, and developing data structures for linguistic research.

The methodology of automatic text processing is considered as an integral component of working with such structures, including the classification of methods (statistical, rule-based, machine learning) and analysis stages (morphological, syntactic, and semantic). The theoretical significance and practical value of the work lies in its contribution to the development of corpus linguistics, in terms of studying the possibilities and problems that arise in the process of corpus research. We note that the ability of data structures to cope with linguistic ambiguity and reflect complex relationships between linguistic elements using logical inference mechanisms and synergetic principles is an important criterion for the creation of intelligent systems.

It is assumed that the trained model will be further used to automatically data extraction from a large unmarked literature array, which will form a knowledge graph of the subject area. Such a knowledge graph opens up opportunities for solving applied problems, including the compilation of frequency dictionaries for narrow scientific specialties and tracking trends in changes in terminology, including the emergence of new terminology.

Keywords: knowledge graph, annotation, tagging, data structures, programming principles, automatic text processing, information extraction, science data, language material, corpus of texts

References (transliterated)

1. Paderina T. S. Avtomaticheskoe izvlechenie klyuchevykh terminov iz korpusa nauchnykh statei v SCP // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2024. № 3(38). S. 139-144. doi: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-139. EDN: PUBMIE.
2. Kostyushkina G. M., Sverdlova N. A., Barebina N. S. i dr. Lingvosemioticheskie osnovaniya izucheniya nauchnogo diskursa. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "FLINTA", 2024. 216 s. ISBN 978-5-9765-5690-4. EDN: TPHYAF.
3. Paderina T. S. Metody izvlecheniya terminov v nauchnykh tekstakh (na materiale statei po napravleniyu nauki o zemle) // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. 2023. T. 6, № 3. S. 388-396. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.3.388-396. EDN: VLCYAH.
4. Burkov A. A. Inzheneriya mashinnogo obucheniya / per. s angl. A. A. Slinkina. Moskva: DMK Press, 2022. 306 s.
5. Chilingaryan K. P. Korpusnaya lingvistika: teoriya vs metodologiya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. № 1. S. 196-218. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218. EDN: YMIAME.
6. Riz R. Obrabotka estestvennogo yazyka na Java / R. Riz; per. s angl. A. V. Snastina. 2-e izd., el. Moskva: DMK Press, 2023. 266 s.
7. Junger J. Predicate formation in the verbal system of Modern Hebrew. Amsterdam: University of Amsterdam, 1987. 183 p.
8. Kravtsov D. V., Korostelev D. A., Yurkova O. N. Avtomatizirovannaya sistema dlya postroeniya ontologii predmetnykh oblastei // Monitoring. Nauka i tekhnologii. 2017. № 1(30). S. 46-50. EDN: YNCCNP.
9. Lukashevich N. V., Dobrov B. V. Proektirovanie lingvisticheskikh ontologii dlya informatsionnykh sistem v shirokikh predmetnykh oblastyakh // Ontologiya proektirovaniya. 2015. T. 5, № 1(15). S. 47-69. EDN: TOPTMZ.
10. Namestnikov A. M., Pirogova N. D., Filippov A. A. Podkhod k avtomaticheskomu postroeniyu lingvisticheskoi ontologii dlya opredeleniya interesov pol'zovatelei sotsial'nykh setei // Ontologiya proektirovaniya. 2021. T. 11, № 3(41). S. 351-363. DOI 10.18287/2223-9537-2021-11-3-351-363. EDN: JVKREP.
11. Fabry P., et al. Rethinking Meaning and Ontologies from the Perspective of Ontological Units. 27 Mar. 2025.
12. Gendron B., et al. Towards Ontology-Based Descriptions of Conversations with Qualitatively-Defined Concepts. 1, arXiv, 2025. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.2509.04926>.
13. Schalley A. C., Musgrave S., Haugh M. Accessing phonetic variation in spoken language corpora through non-standard orthography // Australian Journal of Linguistics. 2014. 34(1), 139-170. <https://doi.org/10.1080/07268602.2014.87545>.
14. Zhang D., et al. Meronymic Ontology Extraction via Large Language Models. 1, arXiv, 2025. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.2510.13839>.
15. Fedotov A. M., Idrisova I. A., Sambetbaeva M. A., Fedotova O. A. Ispol'zovanie tezaurusa v nauchno-obrazovatel'noi informatsionnoi sisteme // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informatsionnye tekhnologii. 2015. T. 13, vyp.

2. S. 86-102. EDN: UJEXAX.
16. Fedyuchenko L. G. Terminologicheskaya baza dannykh kak transfernaya model' tekhnicheskogo znaniya: spetsial'nost' 10.02.21 "Prikladnaya i matematicheskaya lingvistika": dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. 2021. 407 s. EDN: PUSZLE.
 17. ISO 2788:1986. Guidelines for the establishment and development of monolingual thesauri. 2nd ed. Geneva: International Organization for Standardization, 1986.
 18. Solov'eva A. E. Angloyazychnye teksty voennoi aviatsii kak osnova lingvisticheskogo korpusa // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. T. 8, № 3(28). S. 369-372. DOI 10.26140/bgz3-2019-0803-0093. EDN: MSLXAE.
 19. Antopol'skii A. B. Mezhdunarodnaya standartizatsiya v sfere upravleniya lingvisticheskimi informatsionnymi resursami // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy. 2021. № 5. S. 23-32. DOI 10.36535/0548-0027-2021-05-5. EDN: ORIEWZ.
 20. Zeroual I., Lakhouaja A. Data Science in Light of Natural Language Processing: An Overview // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 127. Pp. 82-91. Crossref, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.01.101>.
 21. Lust B., Blume M., Pareja-Lora A., Chiarcos C. Development of Linguistic Linked Open Data Resources for Collaborative Data-Intensive Research in the Language Sciences: An Introduction. Cambridge: The MIT Press, 2020. <https://doi.org/10.7551/mitpress/10990.003.0002>.

On the Literary Relations between Iakinf (Bichurin) and M. P. Pogodin

Cheng Chengbian

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; MSU-BIT University in Shenzhen/
Lomonosov Moscow State University

1 Guojidaxueyuan Street, Guangdong, China, 518000

✉ 865657038@qq.com

Abstract. Subject of the research — the literary relations between Iakinf (Bichurin), the founder of Russian Sinology, and M. P. Pogodin, a writer, historian, and editor of the journals *Moskovskii vestnik* and *Moskvityanin*. The main sources are the correspondence between the two scholar-writers and Iakinf's publications in the journals edited by Pogodin. The study analyzes how Iakinf's journalistic activity influenced his development as a writer engaged in the popularization of knowledge about China, Mongolia, and Central Asia, and how, in turn, he contributed to shaping the literary and scholarly discourse in Pogodin's journals. Special attention is given to Iakinf's participation in the discussion of issues related to Old Russian history on the pages of *Moskvityanin*. The work refines the understanding of the interaction between the two authors and identifies Iakinf's role in the formation of the intellectual environment of early nineteenth-century Russia. The research employs traditional literary methods, including the cultural-historical approach, as well as source-critical and textological analysis. The novelty of the study lies in its results, which make it possible to trace the dynamics and mechanisms of the literary relationship between Iakinf and Pogodin and to clarify the nature of their interaction both in science and in literature — in the process of preparing materials for literary journals. The conducted research allows us to conclude that Iakinf's literary and journalistic activities and his collaboration with Pogodin were of paramount importance for the popularization of knowledge about China in Russia during the

first half of the nineteenth century: it was precisely the literary milieu that became the space for the institutionalization of this knowledge and its integration into the system of Russian literary culture.

Keywords: Russian Sinolog, Moskvityanin, Moskovskii vestnik, journalism, history of Russian literature, correspondence, literary relations, M. P. Pogodin, Iakinf Bichurin, scholarly and literary dialogue

References (transliterated)

1. Barsukov N. P. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina. Kn. 1-22. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1888–1910.
2. Belkin D. I. Russkie literaturny 20-kh–40-kh gg. XIX v. i kitaeved N. Ya. Bichurin // Formirovanie gumanisticheskikh traditsii otechestvennogo vostokovedeniya (do 1917 g.). M.: Nauka, 1984. S. 53–99.
3. Belkin D. I. Bichurin Nikita Yakovlevich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M., 1992. T. 1. S. 270–272.
4. Bichurin N. Ya. (Iakinf). Pis'ma k M. P. Pogodinu / Publ., vstup. stat'ya i primech.: P. E. Skachkov // Sovetskoe kitaevedenie. 1958. № 3. S. 141–154.
5. Bichurin N. Ya. (Iakinf). Radi vechnoi pamyati: Poeziya. Stat'i, ocherki, zametki. Pis'ma / sost., predisl. i komm. V. G. Rodionova. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 1991. 350 s.
6. Bograd V. E. Zhurnal "Otechestvennye zapiski", 1839–1848: Ukazatel' soderzhaniya. M.: Kniga, 1985. 686 s.
7. [Iakinf (Bichurin)] Sovremennye russkie pisateli: Otets Iakinf (Bichurin N. Ya.) // Moskvityanin. 1849. T. 3. № 8. S. 88–98; № 9. S. 1–14.
8. Iakinf (Bichurin). Kto takovy byli mongoly? // Moskvityanin. 1850. Ch. 6. № 24, ch. 2. S. 85–92.
9. Korsakov D. Pogodin Mikhail Petrovich // Russkii biograficheskii slovar'. T. [14]. SPb., 1905. S. 154–166.
10. Pogodin M. P. Biografiya ottsa Iakinf Bichurina (pisannaya v 1847 godu) // Besedy v Obshchestve lyubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete. M., 1871. Vyp. 3. S. 62–68.
11. Popkova N. A. "Moskovskii vestnik". Zhurnal, izdavaemyi M. Pogodiny. 1827–1830: Ukazatel' soderzhaniya. Saratov, 1991. 112 s.

Teacher vis-à-vis student: media priorities in education

Zakharina Marija Romanovna

Director of the Media Center, Saint Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ mpolukhtina@yandex.ru

Abstract. The modern world requires us to be able to navigate information flows, analyze and critically evaluate the information coming from them, as well as to use media for collaboration and creativity. The field of pedagogy is no exception—it can no longer exist outside the media space. In the 21st century, the role of the teacher is no longer limited to the process of transmitting a certain set of knowledge to students. The purpose of this study is to determine

the patterns of medical pedagogical interaction between personal worlds and schoolchildren in the digital age. The hypothesis is that by individually developing media priorities, educators contribute to the formation of a potentially safe information environment for their students, as there is a great deal of information on the Internet and other media sources that is widely recognized as inappropriate or harmful to children. Therefore, educators are called upon to teach students to recognize potential dangers and to protect themselves in the online space. The study employed a sociological method involving a series of focus groups. Participants included students from School No. 309 in the Central District of St. Petersburg, Boarding School No. 1 named after K. K. Grot, as well as teachers from School No. 27 named after I. A. Bunin in St. Petersburg and educational institutions in the Leningrad region – Vyborsky, Vsevolozhsky, Kirovsky, and Gatchinsky districts. The results obtained were analyzed comparatively and showed that effective mastery of the media space by schoolchildren is impossible without purposeful pedagogical activities aimed at developing a skeptical attitude towards information. The central practical skill, formed with the support of teachers, becomes the algorithm of actions: "received information – do not trust blindly – analyze – verify authenticity." The practical implementation of this principle lies in the fact that students are encouraged to view consultation with a teacher as a standard and necessary step in analyzing the credibility of journalistic materials. In light of the results obtained, it seems appropriate to further develop methods that would enhance the role of the teacher as an expert consultant on information verification in the educational environment. Future media priorities in pedagogy should be directed towards developing a model of collaboration between educators and students in the context of the formation of a digital information society.

Keywords: skills, media education, adolescents, adolescents and media, mass media, media space, teacher, media environment, media, students

References (transliterated)

1. Abramovskikh T. A. Organizatsiya deyatel'nosti rukovoditelya po vvedeniyu mediaobrazovaniya kak napravleniya razvitiya obrazovatel'noi organizatsii v usloviyakh stanovleniya informatsionnogo obshchestva // *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. – 2018. – № 1. – S. 8-16.
2. Kuzina O. Yu. Mediaobrazovanie. Ispol'zovanie sovremennykh pedagogicheskikh tekhnologii v deyatel'nosti klassnykh rukovoditelei i v rabote s roditel'skoi obshchestvennost'yu. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/667155-ysclid=ImbmKq1tkj586314323> (data obrashcheniya – 10.04.2024).
3. Gun'ko A. I. Psikhologo-pedagogicheskie aspekty ispol'zovaniya media v obrazovatel'noi srede. URL: <https://infourok.ru/doklad-na-temu-psihologo-pedagogicheskie-aspekty-ispolzovaniya-media-v-obrazovatelnoj-srede-5210835.html-ysclid=Imbmki9vka61921864> (data obrashcheniya – 09.09.2023).
4. Bagdikyan B. Monopoliya sredstv informatsii / per. s angl. – M. : Progress, 1987. – 320 s.
5. Murzina I. Ya. Sotsiokul'turnaya sostavlyayushchaya aktual'nykh obrazovatel'nykh praktik (Ural'skii keis) // *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. – 2019. – № 4(83). – S. 79-83. EDN: YWWITY
6. Nadershina L. F. Sovremennye mediakompetentsii shkol'nikov. URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2013/12/03/sovremennye-mediakompetentsii-shkolnikov> (data obrashcheniya – 25.11.2024).
7. Klenin A. A. Obrazovatel'naya funktsiya televideniya: teoreticheskoe osmyslenie // *Media Al'manakh*. – 2022. – № 4. – S. 28-35. DOI:

10.30547/mediaalmanah.4.2022.2835 EDN: CZDYEY

8. Kateneva I. G. Sovremennoe mediaobrazovanie kak prakticheskaya deyatelnost' i ob'ekt issledovaniya // Interaktivnoe obrazovanie: elektronnyaya gazeta. – 2018. – № 78-79. URL: <http://www.io.nios.ru/articles2/97/98/sovremennoe-mediaobrazovanie-kak-prakticheskaya-deyatelnost-i-obekt-issledovaniya-ysclid=lmcdmcwwqk966655533> (data obrashcheniya – 25.11.2024).
9. Kirillova N. B. Mediapolitika gosudarstva v usloviyakh sotsiokul'turnoi modernizatsii: uchebnoe posobie. – Moskva: Yurait, 2019. – 109 s. EDN: YTIYBN
10. Murzina I. Ya. Mediapraktiki v obrazovanii: realizatsiya vospitatel'nykh zadach // Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana. – 2021. – № 3(93). – S. 66-81. DOI: 10.21510/1817-3292-2021-93-3-66-81 EDN: CULUVT
11. Navyki XXI veka: kak formirovat' i otsenivat' na uroke? / M. A. Pinskaya, A. M. Mikhailova, O. A. Rydze [i dr.] // Obrazovatel'naya politika. – 2019. – № 3(79). – S. 50-62. EDN: RWPFEY
12. Simbirtseva N. A. Prosветitel'skaya deyatelnost': strukturno-soderzhatel'nyi analiz ponyatiya v Otechestvennoi traditsii / N. A. Simbirtseva, I. V. Chelysheva // Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana. – 2020. – № 4-5(89-90). – S. 127-140. DOI: 10.21510/1817-3292-2020-89-90-4-5-127-140 EDN: NBGVGS
13. Razlogov K. E. Mediaobrazovanie v sotsiokul'turnom kontekste // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2019. – № 2(107). – S. 144-152. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10363 EDN: JWICUS
14. Tyurina N. Sh. Media kak resurs dlya samorealizatsii osobennykh lyudei // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 1. – S. 220-223. EDN: ERCSWN
15. Zhilavskaya I. V. K voprosu o kontseptsii teorii vseobshchikh media // Media. Informatsiya. Kommunikatsiya. – 2018. – № 24. – S. 1-16. EDN: NDITDL
16. Bardetskii S. S., Bogovarova V. A. Formirovanie u sub'ektov uchebnoi deyatelnosti – mladshikh shkol'nikov mediakompetentsii v protsesse obucheniya // Kazanskii Vestnik molodykh uchenykh. – 2019. – T. 3. – № 5. – S. 8-14.
17. Wang Z., Xu X., Han Q. et al. Factors associated with public attitudes towards persons with disabilities: a systematic review. BMC Public Health. 2021; 21: 1058. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-11139-3>. EDN: BOFONI.
18. Jensen K. B. Media // The International Encyclopedia of Communication. Malden (USA), Oxford (UK), Carlton (Australia), 2008 / K. B. Jensen. – Blackwell. – P. 2811–2817.
19. McMillen R., Alter F. A. Social media, social inclusion, and museum disability access. Museums & Social Issues. 2017; 12(3): 1-11.
20. Anderson D. R., Lavigne H. J., Hanson K. G. The Educational Impact of Television: Understanding Television's Potential and Limitations. In: A. N. Valdivia (ed.). The International Encyclopedia of Media Studies. 2013. – 1st ed. Vol. V: Media Effects/Media Psychology. New York: Blackwell Publishing. S. 1-22.
21. Carver L. J., Meltzoff A. N., Dawson G. Event-related Potential (ERP) Indices of Infants' Recognition of Familiar and Unfamiliar Objects in Two and Three Dimensions. Developmental Science. 2006; 9(1): 51-62.
22. Bollen J., Mao H., Zeng X. Twitter Mood Predicts the Stock Market. Journal of Computational Science. 2011; 2(1): 1-8.
23. Das S., Chen M. Yahoo! for Amazon: Extracting Market Sentiment from Stock Message Boards. In: Proc. of the Asia Pacific Finance Association Annual Conference (APFA).

2001. – S. 1-16.

24. Lövheim H. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. *Medical Hypotheses*. 2012; 78: 341-348.
25. Pang B., Lee L. Opinion Mining and Sentiment Analysis. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008; 2(1-2): 1-135.
26. ang B., Lee L., Vaithyanathan Sh. Thumbs up? Sentiment Classification Using Machine Learning Techniques. In: *Proc. of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. 2002. – S. 79-86.

Sociological concepts in the materials of Russian media

Kolodiev Nikolai Nikolaevich

PhD in Sociology

Associate Professor; Media Technology Institute; St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design

18 Bolshaya Morskaya str., Central District, Saint Petersburg, Russia, 191186

✉ kolodiev@inbox.ru

Abstract. Russian media actively utilize the achievements of modern sociological science, enriching media discourse with scientific concepts. It is believed that the collaboration between journalism and sociology can enhance the quality of the former, as well as its credibility and objectivity. The subject of this article is the sociological concepts conveyed by Russian media. The relevance of addressing this topic is underscored by the fact that many concepts in sociological science are contentious. In sociological literature, it is customary to distinguish between scientific and everyday concepts. Both types can equally be found in the media. The aim of this article is to clarify the specifics of the use of sociological concepts by journalists in the materials of contemporary Russian media and to justify the necessity of enhancing the sociological culture of journalists during their training in higher education institutions. The methodological foundation of the article consists of the ideas of several well-known sociologists regarding the interpretation of sociological concepts. The empirical basis of the work included materials from leading online media in Russia: *kommersant.ru*, *lenta.ru*, *mk.ru*, and *ria.ru*. Content analysis and traditional (classical) analysis of individual journalistic materials were used as methods for collecting empirical information. The article analyzes the practice of using sociological concepts by Russian journalists using the concept of "middle class" as an example. The study revealed that in the surveyed media, the middle class is presented as a real existing social group. Journalists typically describe it in economic and political contexts. The novelty of the work lies in the conclusion that journalists from the surveyed outlets tend to use everyday rather than scientific concepts when describing the middle class. Accordingly, journalists do not so much reflect reality as generate illusory perceptions of the surrounding world among the audience. The article raises the question of the necessity to strengthen the sociological training of future journalists and to study the basic sociological concepts more deeply within academic sociology courses.

Keywords: empirical research, audience, journalist, middle class, sociology of journalism, mass media, lay conception, scientific concept, sociological concept, academic discipline

References (transliterated)

1. Svitich L. G. *Sotsiologiya zhurnalistiki*. M.: VK, 2010. 342 s. EDN: QOKXBF.

2. Kirichek P. N. Reka po imeni "fakt". Zhurnalistsika i sotsiologiya // Vestnik Mordovskogo universiteta. 1992. № 2. S. 27-30.
3. Sidorov V. A. 10 rassuzhdenii o sotsiologii zhurnalistiki. SPb.: ID "Petropolis", 2012. 312 s. EDN: UGMSB.
4. Blokhin I. N. Sotsiologicheskii instrumentarii zhurnalista // Sotsiologiya zhurnalistiki: uchebnik dlya vuzov / otv. red. S. G. Korkonosenko. M.: Izd-vo Yurait, 2025. S. 153-185.
5. Blumer G. Nauka bez ponyatii // Interaktsionizm v amerikanskoi sotsiologii i sotsial'noi psikhologii pervoi poloviny XX veka: sb. perevodov / otv. red. D. V. Efremenko. M.: INION RAN, 2010. S. 299-317. EDN: MXSIML.
6. Kratkii slovar' po logike / pod red. D. P. Gorskogo. M.: Prosveshchenie, 1991. 208 s.
7. Giddens E., Satton F. Osnovnye ponyatiya v sotsiologii. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. 336 s.
8. Aberkrombi N., Khill S., Turner B. S. Sotsiologicheskii slovar'. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1997. 420 s.
9. Giddens E. Sotsiologiya. M.: Editorial URSS, 2005. 632 s.
10. Chilkot R. Kh. Teorii sravnitel'noi politologii. V poiskakh paradigmy. M.: INFRA-M, Izd-vo "Ves' Mir", 2001. 560 s.
11. Kolodiev N. N. Granitsy srednego klassa v predstavlenii rossiiskikh SMI // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2015. № 15. S. 145-148.
12. Burd'e P. O televidenii i zhurnalistike. M.: Fond nauchnykh issledovaniy "Pragmatika kul'tury", 2002. 160 s. EDN: TDSBMB.

From monomyth to localized narrative: features of universality and uniqueness of Chinese heroic narratives

Feng Jing

PhD in Cultural Studies

Postgraduate student, Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities, B. N. Yeltsin Ural Federal University named after the First President of Russia.

620083, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Lenin str., 51, office 416

✉ 1144168496@qq.com

Wang Peien

PhD in Ethnology

PhD of Sciences in Ethnology, Lecturer, Academy of The Zhonghuaminzu Community, Dalian Minzu University

Liaohu St., 18, Dalian, Liaoning Province, 116600, China

✉ 18097795112@163.com

Abstract. This article examines Chinese heroic narratives, identifying both their universal characteristics within the framework of Joseph Campbell's "hero's journey" model and their cultural specificities. The aim of the work is to overcome the limitations of the Western "monomyth" theory and to substantiate the necessity of constructing a localized theoretical framework for the adequate analysis of Chinese source material. Representative samples from classical Chinese literature, myths, legends, and folktales were selected as the research material. The study employs an interdisciplinary approach, combining theories from cultural studies, narratology, and Chinese philosophy to investigate Chinese heroic narratives. A key

innovation lies in the systematic identification of the specific features of the Chinese hero through the lens of Confucianism, Daoism, and Buddhism. It is demonstrated that the hero's "Departure" is often motivated by duty rather than a personal calling; the "Initiation" involves moral self-cultivation and adherence to the "Golden Mean"; and the "Return" can be tragic or expressed as a withdrawal from the world, reflecting the Daoist concept of "non-action" (wuwei) and the Buddhist notion of karma. The results show that Chinese philosophical ideas, such as Confucian, Daoist, and Buddhist concepts, have exerted a significant influence on the narratives of indigenous Chinese heroes. Confucianism shapes the heroes' ideal personality and moral code, Daoism endows the heroes with a natural, transcendent temperament, and the Buddhist concept of karmic retribution enriches the narrative content. This study introduces a Chinese research perspective into the study of heroic narratives and emphasizes the unique value of Chinese heroic literature.

Keywords: universals, glocalization, localized narrative, Buddhism, Taoism, Confucianism, hero's journey, monomyth, characters' images, uniqueness

References (transliterated)

1. Kempbell Dzh. Tysyacheliki geroi / perevod Chzhu Kan'zhu. Pekin: Izdatel'stvo "Tszin'chen", 2012. 267 s.
2. Li Syanan'. Issledovanie "Lampa Umm Khashem": Vzgl'yad s pozitsii monomifa // Vestnik Guandun'skogo universiteta inostrannykh issledovaniy. 2020. № 6. S. 160-162.
3. Li Veilan'. Issledovanie geroicheskogo povestvovaniya v fil'me "Nechzha: Rozhdenie d'yavola" cherez prizmu monomifa // Obzor shedevrov. 2020. № 4. S. 22-30.
4. Khe Nu. Dva primera arkheologii "monomifa" o geroicheskikh prikl'yucheniyyakh v kitaiskoi predystorii // Tsivilizatsii Vostochnoi Azii. 2022. № 3. S. 3-28.
5. Stychinskii M.S. Ot Mul'tikul'turalizma k kul'turnoi globalizatsii // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2015. № 5. S. 9-13. EDN: UDNNBJ
6. Khan' Chzhaotsi. Perevody i kommentarii k "Shi tszi". Pekin: Kitaiskoe knigoizdatel'stvo, 2010. 7769 s.
7. Lyu Syumei, Van Yani. Prostranstvo natsional'noi kul'tury v kitaiskom animatsionnom fil'me: na primere fil'ma "Nechzha: Rozhdenie d'yavola" // Vestnik Lyaoninskogo universiteta (Filosofiya i sotsial'nye nauki). 2021. № 3. S. 127-133.
8. Van I, Gan' Lin'. Geroicheskie povestvovaniya v kitaiskikh mifologicheskikh animatsionnykh fil'makh // Iskusstvo kino. 2024. № 24. S. 114-118.
9. Fan Yun. Perevody i kommentarii k "Men-tszy". Pekin: Kitaiskoe knigoizdatel'stvo, 2010. 305 s.
10. Fen Ts. Vliyanie konfutsianstva na transformatsiyu obraza geroya v kitaiskoi kul'ture // Kul'tura i iskusstvo. 2024. № 8. S. 54-64. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.8.70191 EDN: YWFQAQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70191
11. Chzhan Dessen, Tszin' Yaotszi, Chen' Khaiven' i dr. O ratsional'nosti zolotoi serediny: za predelami instrumental'noi, tsennostnoi i kommunikativnoi ratsional'nosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 2. S. 33-48.
12. Khuan Shi'i. Izrecheniya Chzhu-tszy. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo "Drevnyaya kniga", 2014. 4703 s.
13. Chen' Shou. Zapisi o Trekh tsarstvakh. Pekin: Kitaiskoe knigoizdatel'stvo, 2011. 1235 s.
14. Chen' Guin. Sovremennye perevody i kommentarii k "Chzhuan-tszy". Pekin:

Kommercheskoe izdatel'stvo, 2007. 1043 s.

15. Chzhan Guifan. "Samosovershenstvovanie" i "uedinenie" – estetika zhizni v konfutsianstve i daosizme i ee praktika // *Kitaiskaya estetika*. 2023. № 13. S. 97-111.
16. U Chen'en'. *Puteshestvie na Zapad*. Chansha: Yuelu shushe, 1987. 764 s.
17. Chzhan Chankhun. Analiz dzenskoi mysli v "Puteshestvii na Zapad" // *Vestnik Khuaiin'skogo pedagogicheskogo kolledzha (sotsial'naya nauka)*. 2023. № 6. S. 618-622.
18. Shi Naian'. *Rechnye zavodi (Tom-1)*. Pekin: izdatel'stvo Zhen'min'ven'syue chuban'she, 2005. 674 s.
19. Tsyu Khu, Lyu Khao, Tsai Nin. Sravnenie motivov geroev v kitaiskikh i grecheskikh mifakh // *Vestnik Sian'skogo universiteta aeronavtiki*. 2020. № 2. S. 70-75.
20. Chzhou Yan'. Issledovanie praktiki lokalizatsii animatsionnogo fil'ma "Put' geroya" // *Tendentsii mody*. 2024. № 15. S. 4-6.

"Visual Codes and Ekphrasis in the Works of A. M. Remizov"

Chen Qi

Postgraduate student; Department of IRL XX-XXI centuries; Moscow State University-Pedagogical Institute in Shenzhen

518000, China, Guangdong, Shenzhen, Longgang District, University Street, 1

✉ 847277014@qq.com

Abstract. The study examines the functional role of ekphrasis in the prose of A. M. Remizov and the formation of his unique visual-verbal "cultural code," using the works *The Pond* (1905), *The Weeping Ditch* (1914–1918), and *The Judgment of God* (1925) as primary material. The aim of the research is to reconstruct Remizov's system of visual codes and to identify how the lubok print, satirical caricature, and icon become carriers of cultural memory and instruments for comprehending the spiritual crisis of the Silver Age and the period of emigration. The focus lies on the interaction between image and word, in which visual motifs do not simply illustrate the text but create a specific artistic optics that shapes the structure of Remizov's myth-making. Ekphrasis in Remizov's works functions as a narrative mechanism capable of transforming an everyday object into a symbol, and a symbol into an element of the author's metatext, reflecting the movement from reality toward a dreamlike, metaphysical depth. Thus, the analysis of visual codes makes it possible to reveal the inner dynamics of the writer's artistic world.

The methodological framework includes an intermedial approach, structural-semiotic and motif analysis, as well as the comparison of Remizov's texts with iconographic and lubok traditions, European painting, and the visual satire of the early twentieth century. The scientific novelty of the study lies in the fact that this is the first systematic description of Remizov's visual code as an integrated intermedial system, in which the lubok, the icon, and the caricature function as "mnemonic supports" and mechanisms for interpreting cultural experience. The results obtained may be used for further research on the poetics of the Silver Age, issues of intermediality, visual theology, and the mechanisms of cultural memory in twentieth-century Russian literature.

The study shows that lubok ekphrasis in *The Pond* (the image of the lion, the scene of "Fornication," etc.) fulfills a symbolic-psychological function, marking the destruction of the family's sacred space. In *The Weeping Ditch*, the caricature from *Satiricon* visualizes the hidden structure of the love triangle and the opposition between "old" and "new" Russia, intensifying the text's ironic dimension. In *The Judgment of God*, the icon *Joy of All Who*

Sorrow forms the semantic center of the narrative, serving as a mediator between human and divine will and modeling the experience of faith under conditions of historical catastrophe and exile.

Keywords: myth-making., painting, symbolism, Silver Age, intermediality, caricature, lubok painting, icon, ekphrasis, A. M. Remizov

References (transliterated)

1. Mirskii D. S. Remizov // Mirskii D. S. Istoriya russkoi literatury s drevneishikh vremen do 1925 goda / Per. s angl. R. Zernovoi. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – S. 781-793. URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/irl/irl-7812.htm> (data obrashcheniya: 14.09.2025).
2. Gracheva A. M. Mezhdru Svyatoi Rus'yu i Sovetskoi Rossiei. Aleksei Remizov v epokhu Vtoroi russkoi revolyutsii / A. M. Gracheva // Sobranie sochinenii: v 10 tomakh / Tekhnicheskaya podgotovka teksta: Lindeberg O. A. – Moskva: Russkaya kniga, 2000. – S. 589-605. – EDN YOQBSP.
3. Gracheva A. M. Aleksei Remizov i drevnerusskaya kul'tura / RAN. IRLI (Pushkinskii Dom). – SPb.: Dm. Bulanin, 2000. – S. 333. (Studiorum Slavicorum Monumenta; T. 19) EDN: ZTWYVX.
4. Nagornaya Ya. V. A. M. Remizov i fol'klor: K voprosu o metodologii issledovaniya // Filologicheskii klass. – 2021. – T. 26, № 2. – S. 155-166. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-13 EDN: RUMFVX.
5. Blishch N. L. Avtobiograficheskaya proza A. M. Remizova (problema mifotvorchestva): spetsial'nost' 10.01.01 "Russkaya literatura": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / N. L. Blishch. – Minsk, 2000. – S. 22. – EDN ZKKNHJ.
6. Lindeberg O. A. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Nasledie A. M. Remizova i XXI vek" / O. A. Lindeberg // Russkaya literatura. – 2016. – № 3. – S. 279-283. – EDN WMMJOZ.
7. Remizov A. M. Pis'ma k N. V. Zaretskomu. Literaturnyi arkhiv Muzeya natsional'noi literatury, Praga. Fond N. V. Zaretskogo. URL: <https://pushkinskijdom.ru/remizov/content/Chronicle/1905.html> (data obrashcheniya: 12.11.2025).
8. Remizov A. M. Sobranie sochinenii. T. 1. Prud: Roman. – M.: Russkaya kniga, 2000. – S. 576. – EDN ZWAGZB.
9. Benua A. Povорот k lubku // Rech'. – 1909. – № 75. – 18 marta. – S. 2.
10. Rovinskii D. Russkie narodnye kartinki. Kn. 1. Skazki i zabavnye listy. – SPb., 1881. – S. III.
11. Bulgakova A. I. Ikonograficheskii obraz kardinala i pisatelya svyatogo Ieronima iz BSII kak otrazhenie zapadnoevropeiskoi zhivopisnoi traditsii // Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata. – 2021. – № 3 (35). – S. 82-91. – EDN HNAMIL.
12. Remizov A. M. Sobranie sochinenii. T. 4. Plachuzhnaya kanava. – M.: Russkaya kniga, 2001. – S. 560. – EDN YJFYBO.
13. Remizov A. M. Zga. Volshebnye rasskazy. Sud Bozhii // Remizov A. M. Sobranie sochinenii. – M.: Russkaya kniga, 2000–2003. – T. 3. – S. 425-440.
14. Gadamer Kh. G. Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneytiki. – M., 1988. – S. 362

S.

15. Obatnina E. Aleksei Remizov: Lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatelya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – S. 296.
16. Remizov A. M. Pis'mo v redaktsiyu. Pechataetsya po izdaniyu: Zolotoe runo. – 1909. – № 7-8-9. – S. 145-148. Elektronnyi resurs: URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%B2_%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8E_\(%D0%A0%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE_%D0%B2_%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8E_(%D0%A0%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0) (data obrashcheniya: 01.11.2025).

To the question of English borrowings in the economical sphere in the Russian and Spanish languages

Velos Lyano Huan Gabriel

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

✉ gabrieltranslate33@gmail.com

Abstract. In the era of globalization and active international cooperation, especially in the economic sphere, the role of English as a "lingua franca" is growing. This leads to the intensive penetration of English borrowings into other languages, including Russian and Spanish. Features of English borrowings in Russian and Spanish (Ecuadorian version) in modern texts of economic discourse are updated. The subject of the study is the most common English borrowings in Russian and Spanish, identified in international documents on the websites of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of Ecuador by frequency analysis of 100 documents of an economic nature. Borrowing data were studied in terms of etymology and functioning in official documents, which made it possible to analyze the use of English borrowings through semantic and pragmatic aspects. The key methods were descriptive and comparative analyzes, with the help of which the description of the corresponding English borrowings and comparison were carried out. The scientific novelty of the study is that in it, on the material of the texts of economic discourse, an analysis of the English borrowings in Russian and Spanish was carried out on the example of international economic texts. It is concluded that the peculiarities of English borrowings in the texts of economic discourse in Russian and Spanish are inextricably linked with its pragmatic component formed by extralinguistic factors. In Spanish, English borrowings are used in cases where it is impossible to select the Spanish equivalent, while in Russian the same English borrowings are used with wider meaning. The increase in the volume of English borrowings in Russian and Spanish within the framework of economic discourse appeals to technological progress in the world and the dominance of English-speaking realities.

Keywords: English borrowings, international documents, marketing, management, economic discourse, Ecuador, Spanish language, Russian language, globalization, extralinguistic factors

References (transliterated)

1. Bobrova N.E. K probleme ispol'zovaniya anglitsizmov v ekonomicheskoi sfere // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2024. № 4 (142). S. 1-4.
2. Dem'yanova P.I. Sotsiolingvisticheskii analiz primerov upotrebleniya anglitsizmov v

- ekvadorskikh publitsisticheskikh tekstakh // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 10. S. 49-57. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71856 EDN: AKXXYI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71856
3. Dolgova T.V., Okhotnikova E.P. K voprosu ob angloyazychnykh zaimstvovaniyakh v sovremennom russkom yazyke // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii. 2015. № 1 (44). S. 5.
 4. Ispanskaya Korolevskaya Akademiya. Etimologicheskii slovar' ispanskogo yazyka. – URL: <https://dle.rae.es> (data obrashcheniya: 26.09.2025).
 5. Komlev N.G. Slovar' inostrannykh slov. Moskva: Eksmo, 2006. 669 s.
 6. Litvinov S.V. Anglitsizmy v russkom yazyke XVI-XIX vv. Istoriko-kul'turnyi aspekt // Russkaya rech'. 2004. № 6. S. 99-102. EDN: OXZELH.
 7. Kosova M.V. Nestatichnyi protsess angloyazychnykh zaimstvovanii v sovremennom russkom yazyke kak sredstvo mezhdunarodnoi kommunikatsii // Aktual'nye issledovaniya. 2020. № 23.
 8. Mamedova F.A. Angliiskie zaimstvovaniya v ekonomicheskom diskurse (na materiale sovremennoi rossiiskoi reklamy) // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2024. № 10 (4). S. 22-36. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-4-41-22-36. EDN: XACNHY.
 9. Sakharova N.G., Dmitrieva O.P. Angliiskie zaimstvovaniya v russkom yazyke kak rezul'tat izmeneniya Ya-kontseptsii natsii // Internet-zhurnal Mir nauki. 2020. T. 8. № 2. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN220.pdf> (data obrashcheniya: 24.11.2025). EDN: WPOZGJ.
 10. Tamaeva L.P., Nikul'nikova N.Yu. Osobennosti leksicheskogo sostava natsional'nykh variantov ispanskogo yazyka Latinskoi Ameriki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. № 6. S. 9. DOI: 10.30853/phil20240288. EDN: HMWKKH.
 11. Trubinova E.A. Zaimstvovaniya kak protsess izmeneniya yazyka // Molodoi uchenyi. 2016. № 10 (114). S. 1209–1212. EDN: WAOGGV.
 12. Chernogolovina T.G. Noveishie anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke // Molodoi uchenyi. 2017. № 47 (181). S. 255-258. EDN: ZULNUF.
 13. Harper D. Etimologicheskii slovar' angliiskogo yazyka. – URL: <https://www.etymonline.com> (data obrashcheniya: 26.09.2025).
 14. Carreter F.L. Diccionario de términos filológicos. Madrid: Editorial Gredos, 1953. 368 p.
 15. Gorelaya I. Mutual Influence of English and Spanish Language: Lexical borrowings. 2020. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3763123> (data obrashcheniya: 26.09.2025).
 16. Hladonik G. Borrowings of the English language – Old English Borrowings // Dynamics of the Development of World Science. Abstracts of the 4th International Scientific and Practice Conference. 2019. S. 157-161.
 17. Hyman L. The role of borrowing in the justification of phonological grammars // Studies in African Linguistics. 1970. Vol. 1, No. 1. S. 1-48.
 18. Peperkamp S. A psycholinguistic theory of loanword adaptations // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 2004. S. 341-352.
 19. Perkovic A. Borrowings from and in the English Language // International Journal of Social Science and Human Research. 2022. S. 3405–3411.
 20. Upton C., Kretzchmar W.A. The Routledge dictionary of pronunciation for current English. New York: Taylor & Francis, 2017.

Online media in armed conflict: a comparative analysis of media coverage of the russian-ukrainian confrontation using

the example of a week's coverage of the Ukrainian Armed Forces' counteroffensive

Chepurniak Denis Sergeevich

Postgraduate student; Department of International Journalism; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Universitetskaya nab., 7-9-11 lit. A

✉ denischepurnyak@vk.com

Abstract. This study provides a comprehensive comparative analysis of the discursive strategies employed in covering the Russian-Ukrainian armed conflict by leading online socio-political publications in the Russian Federation and Ukraine. The relevance of this work is determined by the key role of digital media in shaping public opinion and national narratives in the context of contemporary information warfare. The theoretical and methodological foundation of the study is a synthesis of key tenets of mediatization theories, which postulate the transformative impact of media on the perception of social reality, and framing, which allows for the identification of stable interpretative schemes that shape audience perceptions of events. An important aspect of this theoretical framework is the consideration of media as an active agent, not simply relaying but also generating political and social meanings. The empirical basis of the study was a representative dataset comprising over 1,500 text materials selected from four key online publications in the two countries for a representative chronological period from May 2 to 8, 2023. To achieve the study's objective, a combined methodology was used, integrating quantitative content analysis aimed at identifying statistically significant frequencies of key themes and lexical markers, as well as qualitative methods—critical discourse analysis and frame analysis—which enabled an in-depth reconstruction of implicit meanings and rhetorical models. The analysis identified and systematized two fundamentally different models of media communication. It was established that the discourse of Ukrainian publications is characterized by the dominance of an emotional-mobilization paradigm, which is implemented through strategies of personification (an emphasis on personal stories and testimonies), the glorification of the Armed Forces of Ukraine, and the consistent demonization of the opponent, which together form a binary picture of the confrontation. In contrast, Russian publications demonstrate a commitment to a formalized-institutional model, characterized by depersonalized narratives, the use of bureaucratic language, and a legitimizing discourse that emphasizes the legitimacy and validity of state institutions' actions. The findings suggest that the discursive dualism identified is driven not only by opportunistic ideological attitudes but also by fundamental institutional differences in the two countries' media systems, including legal regimes, the degree of state influence, and dominant models of civic identity. Thus, the study's findings support the thesis that, in times of international conflict, media actively construct parallel social realities, each aimed at internally consolidating its audience and legitimizing the respective state's position in the geopolitical arena.

Keywords: political journalism, Ukraine, Russia, socio-political media, online media, information strategies, frame analysis, media representation, armed conflict, media communications

References (transliterated)

1. Amiraev R. Neomarksistkaya kontseptsiya mezhdunarodnoi politiki // Nauka i novye tekhnologii. 2010. № 6. S. 182-184. EDN: XZRAPR.

2. Beklyamyshev V. O. Funktsional'naya rol' istoricheskikh analogii v rossiiskom i ukrainskom prezidentskikh diskursakh o spetsial'noi voennoi operatsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2024. № 4 (26). S. 644-657. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657. EDN: ZSEGWH.
3. Vartanova E. L., Dunas D. V., Gladkova A. A. Media i konflikty: issledovanie vzaimovliyaniya v aktual'nom akademicheskome diskurse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2021. № 4. S. 3-32. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. EDN: PLANZI.
4. Vartanova E. L., Dunas D. V., Gladkova A. A. Mediareprezentatsiya sotsial'nogo konflikta: podkhody k formirovaniyu teoreticheskoi modeli // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. № 17 (10). S. 2015-2026.
5. Drobot G. A. Liberalizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: istoriya, zarubezhnaya i otechestvennaya shkoly // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2014. № 5. S. 146-167. EDN: SQLXZL.
6. D'yakova E. G. Massovaya politicheskaya kommunikatsiya v teorii ustanovleniya povestki dnya: ot efekta k protsessu // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2003. № 3. S. 109-119. EDN: ESCXCN.
7. Erofeeva I. V., Mikhaleva L. I. Aksiologicheskii potentsial emotsional'nogo intellekta voennogo zhurnalista v mediadiskurse // Gumanitarnyi vektor. 2024. № 4 (19). S. 132-140. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-132-140. EDN: AVCHZQ.
8. Kalinin O. I., Prikhod'ko M. V. Kontent-analiz kak metody issledovaniya informatsionnoi voyny (na materiale reprezentatsii kitaisko-amerikanskoi torgovoi voyny v mediadiskurse KNR i SShA) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 12 (880). S. 39-47. EDN: NSGQXV.
9. Kalugina E. G. Teoreticheskie aspekty vneshnepoliticheskogo mediafreiminga (obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy) // Media@l'manakh. 2022. № 1. S. 16-24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.1624. EDN: UBWPDU.
10. Kolesnichenko A. V. Mul'timediinye zhanry v sovremennykh rossiiskikh SMI // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2023. № 2 (49). S. 3-22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2023.322. EDN: UGHCUJ.
11. Konyshchev V. N. Neoklassicheskii realizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii // Polis. Political Studies. 2020. № 4. S. 94-111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07. EDN: TNGUDV.
12. Kuyantseva E. A. Rusofobiya v ukrainskom mediinome prostranstve (2022–2024) // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 2 (57). S. 294-303. DOI: 10.34680/2411-7951.2025.2(57).294-303. EDN: RFBQMW.
13. Latypova N. S. O roli istoriko-pravovykh issledovaniy voennykh konfliktov kak istokov transformatsii gosudarstva i prava // Legal Concept. 2022. № 4 (21). S. 26-32.
14. Lebedeva M. M. "Myagkaya sila": ponyatie i podkhody // Vestnik MGIMO Universiteta. 2017. № 3. S. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. EDN: ZAOVXX.
15. Manuilov E. N., Prudnikova E. V. Informatsionno-kul'turnaya bezopasnost' Ukrainy v usloviyakh "gibridnoi voyny" // Visnik Natsional'nogo universitetu "Yuridichna akademiya Ukraïni imeni Yaroslava Mudrogo". Seriya: Filosofiya, filosofiya prava, politologiya, sotsiologiya. 2017. № 1 (32). S. 26-36.
16. Noibakhush Kh. I. Mezhdunarodnye otnosheniya v usloviyakh novykh ugroz bezopasnosti. Vyzovy i ugrozy XXI veka: poisk resheniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2022. № 3 (848). S. 44-48.

17. Pavlenko O. V. Konstruktivistskii podkhod k issledovaniyu mezhdunarodnykh otnoshenii: vozmozhnosti i predely // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2015. № 6 (149). S. 53-67. EDN: TSJRVZ.
18. Potanina A. M., Morosanova V. I. Osobennosti konstruirovaniya predstavlenii o trudnorazreshimom mezhrupnovom konflikte v diskurse rossiiskikh i ukrainskikh SMI // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2023. № 2 (20). S. 211-228. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-211-228. EDN: WETRLJ.
19. Farina A. Ya. Analiz sovremennykh form, metodov i priemov informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya po kanalam SMI // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 581. S. 247-266. EDN: MSOLZJ.
20. Chepurnyak D. S. Osobennosti osveshcheniya vooruzhennogo konflikta v onlain SMI: na primere rossiisko-ukrainskogo protivostoyaniya // Zhurnalistika v 2023 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 5-6 fevralya 2024 g.). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova, 2024. S. 138-139. EDN: CGPBQU.
21. Chepurnyak D.S. Redaktsionnaya politika i struktura sobstvennosti kak faktor formirovaniya kontenta v obshchestvenno-politicheskikh setevykh izdaniyakh v usloviyakh sovremennogo vooruzhennogo konflikta // Litera. 2025. № 10. S. 108-122. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76535 EDN: CQYWST URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76535
22. Shabaga A. V. Metodologiya issledovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii: realizm // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 3 (15). S. 24-33. EDN: VIOIAD.
23. Yakova T. S. Mezhdunarodnye konflikty v zerkale konstruktivnoi zhurnalistiki: mediageograficheskie issledovaniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2024. № 4. S. 757-771. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-757-771. EDN: QVNKFY.
24. Alyukov M., Kunilovskaya M. Wartime media monitor (WarMM-2022): a study of information manipulation on Russian social media during the Russia-Ukraine war // 7th Joint SIGNUM Workshop on computational linguistics for cultural heritage, social sciences, humanities and literature, LaTeCH-CLfL 2023. 2023. P. 152-161.
25. Asmolov G. The transformation of participatory warfare: the role of narratives in connective mobilization in the Russia-Ukraine war // Digital War. 2022. № 3. P. 25-37. DOI: 10.1057/s42984-022-00054-5. EDN: ZQCANY.
26. Auvret-Finck J. La guerre en Ukraine au secours de la politique de sécurité et défense commune? // Annuaire francais de relations internationales. 2023. P. 649-669.
27. Chernov G. The Russian-Ukrainian war: persistence of frames and the media issue-cycles // Athens Journal of Mass Media and Communications. 2023. № 9 (4). P. 307-320.
28. Cotte B. Le conflit russo-ukrainien et les crimes de guerre // Les Cahiers de la Justice. 2023. № 1. P. 125-143. DOI: 10.3917/cdlj.2301.0125. EDN: BCPVBU.
29. Espírito-Santo P. Anticipatory approach to war and agenda building: a content analysis study of Portuguese press coverage of the Ukraine war (2014–2023) // Frontiers in Political Science. 2024. № 6. P. 1-10.

30. Ford M. From innovation to participation: connectivity and the conduct of contemporary warfare // *International Affairs*. 2024. № 4 (100). P. 1531-1549.
31. Hudoshnyk O., Krupskiy O.-P., Styrnik N. Mediatization of collective testimonies during the Russian-Ukrainian war 2022–2023 // *Communication and Society*. 2023. № 1 (38). P. 281-297.
32. Huțul T. D., Holman A. C., Karner A., Huțul A. Factors of fake news sharing in the context of the Ukraine-Russia conflict: the effect of suspicions about European Union's intentions // *Psychological Reports*. 2024. № 0 (0). P. 1-18.
33. Kishore-Shahi G., Mejova Y. Too little, too late: moderation of misinformation around the Russo-Ukrainian conflict // *Websci'25: Proceedings of the 17th ACM Web Science Conference 2025*. 2025. P. 379-390.
34. Krainikova T., Prokopenko S. Waves of disinformation in the hybrid Russian-Ukrainian war // *Current Issues of Mass Communication*. 2023. № 33. P. 12-25. DOI: 10.17721/cimc.2023.33.12-25. EDN: FCZLIP.
35. Makboula H. Guerre psychologique: le rôle des médias dans les conflits contemporains "La propagande de guerre dans le conflit Russo-Ukrainien" // *Revue algérien de la sécurité et développement*. 2023. № 2 (12). P. 273-285.
36. Moses J. M., Wilson F., Umar B. N. Media framing of the Russia-Ukraine war by TASS and Ukrinform during the first month of the invasion // *Cur Trends Mass Comm*. 2023. № 2 (1). P. 56-66.
37. Oleinik A., Paniotto V. Propaganda channels and their comparative effectiveness: the case of Russia's war in Ukraine // *International Sociology*. 2023. № 39 (3). P. 217-240.
38. Pawliszko J. Framing the Russian-Ukrainian conflict: the role of metaphor, nominalization, and appraisal in sharing media narratives // *GEMA Online: Journal of Language Studies*. 2025. № 1 (25). P. 156-175. DOI: 10.17576/gema-2025-2501-09. EDN: CAZSND.
39. Siman B. Hybrid warfare is not synonymous with cyber: the threat of influence operations // *Security Policy Brief*. 2022. № 155. P. 1-4.
40. Stephan K.-F. Die Normativität des allgemeinen Gewaltverbotes im Verhältnis zur "normativen Kraft des Faktischen" // *StudZR-Wiss On*. 2024. № 1. P. 123-150.
41. Verbytska A. Topic modelling as a method for framing analysis of news coverage of the Russia-Ukraine war in 2022–2023 // *Language and Communication*. 2024. № 99. P. 174-193. DOI: 10.1016/j.langcom.2024.10.004. EDN: BFVXJU.
42. Wang X. Comparative media framing and agenda-setting: analyzing Chinese and U.S. coverage of the Butcha incident in the Russia-Ukraine war // *Lecture notes in education psychology and public media*. 2023. № 27 (1). P. 259-267. DOI: 10.54254/2753-7048/27/20231226. EDN: HLUVZQ.
43. Young A., Omosun F. How does it look where you are? A visual media framing analysis of the 2022 war in Ukraine // *Digital journalism*. 2024. № 1. P. 18-36.

Linguistic and stylistic features of modern mass communication in terms of information warfare

Kolobova Svetlana Viktorovna

Senior Lecturer; Faculty of Psychology and Media Communication; Mariupol State University (Kuindzhi Moscow State University)
Chief Producer; Channel 1

115054, Russia, Moscow, Valovaya str., 11/19, office 35

Abstract. The article is devoted to the communicative and linguistic aspects of information warfare as part of a hybrid war. Currently, the problem of information warfare strategies is especially relevant in connection with the geopolitical situation. The content of Telegram channels of Russian patriotic poets (Akim Apachev, Anna Dolgareva and Alexander Pelevin) was selected as the material. The article examines the strategies used by the authors to create an image of the enemy and to motivate supporters, as well as the linguistic means by which they are implemented. The ways of influencing the reader's consciousness are analyzed. The aim of this article is to identify the linguistic means by which certain communication strategies of the selected authors are implemented and how they serve the purposes of information warfare. The research methods used are content analysis, comparative analysis, linguistic and stylistic analysis. The results of the study showed that the authors implement manipulative and conflict strategies that rely on a wide range of linguistic and stylistic means. These tools belong to all levels of language: lexical, syntactic, grammatical, morphological, morphemic and are designed to emphasize the "we — they" dichotomy. The scientific novelty of the article lies in the fact that linguistic and stylistic analysis of Telegram channel revealed communication strategies has not been carried out before. The practical significance of the article lies in the fact that the results of this study can be used to train specialists in the field of journalism and stylistics, as well as in the field of linguistic expertise. The conducted research allows us to conclude that the main technique of the authors in the conditions of the information war is the opposition "us/they", and the used linguistic means serve to strengthen this opposition.

Keywords: psychology of information warfare, media security, war correspondents, information warfare, image of the enemy, communication strategies, linguostylistic specifics, content analysis, Stylistics, ideological opponent

References (transliterated)

1. Goncharova E. A. Zhanroobrazuyushchie kharakteristiki angloyazychnogo mikrobloga Twitter [Elektronnyi resurs] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2019. №3. S. 51-58.
2. Goncharova E.A. Yazykovye mekhanizmy angloyazychnogo Twittera: tendentsii ispol'zovaniya antiyazyka [Elektronnyi resurs] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2019. № 2. S. 120-126.
3. Goncharova E. A. Yazykovye sredstva vyrazitel'nosti angloyazychnogo biznes-Twittera [Elektronnyi resurs] // SISP. 2020. № 4. S. 43-57.
4. Greidina N. L. Mediinaya agressiya v kontekste politicheskoi kommunikatsii (na materiale britanskikh i amerikanskikh SMI) // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. 2022. T. 11, № 2. S. 102-106. DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-102-106
5. Dobrosklonskaya T. G., Loginova P. G. Politicheskaya mediatorika: sistemnyi podkhod k issledovaniyu rechevykh praktik politicheskogo mediadiskursa [Elektronnyi resurs] // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. 2023. №. 4. S. 47-54. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-4-47-54> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
6. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. Sovremennaya informatsionnaya voina [Elektronnyi resurs] // Obrazovanie i pravo.

2022. № 9. S. 18-26.

7. Kaminskaya T. L. Novye trendy v rossiiskoi politicheskoi kommunikatsii [Elektronnyi resurs] // Politicheskaya lingvistika. 2020. № 6 (84). S. 12-18.
8. Klushina N. I. Mediastilistika i ee mesto v sovremennoi filologicheskoi nauke [Elektronnyi resurs] // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. 2019. № 1. C. 35-38.
9. Laminina O. G. Informatsionnye voyny: mif ili real'nost'? [Elektronnyi resurs] // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2018. № 1 (25). S. 17-23.
10. Luchinskii Yu. V. Kommunikativnye praktiki postmodernistskikh tekstov: literaturno-mediinyi diskurs. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. 158 s.
11. Malygina L. E. Televizionnyi anons: informirovanie ili manipulirovanie? [Elektronnyi resurs] // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2010. № 2. S. 60-63.
12. Pribylova N. G. Lingvokommunikativnye strategii i taktiki informatsionnoi voyny v tekstakh publitsisticheskogo stilya. — Sbornik nauchnykh tezisev i statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi ochno-zaochnoi konferentsii. 2021. S. 207-214.
13. Romanov A. A. Agressivnyi diskurs v professional'noi kommunikatsii. / A. A. Romanov, A. P. Kostyaev; Institut yazykoznaniya RAN. M.: Tverskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaistvennaya akademiya, 2011. 310 s.
14. Tulupov V. V. Kommunikativnye strategii v rossiiskoi zhurnalistike «novogo vremeni // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika». 2005. № 1. C. 197-211.
15. Ukhova L. V. Argumentatsiya v tekstakh pechatnoi reklamy: k voprosu ob effektivnosti kommunikatsii // Filologiya i kul'tura. 2011. № 4(26). S. 224-228.

Features of the Explication of Subjective Modality in the Narrative of an Informational Student Youth Magazine (Based on the Material of the Russian Language)

Milostivaya Alexandra Ivanovna

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of Foreign and Russian Languages; Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

49 Timiryazevskaya str., Moscow, 127434, Russia

✉ amilostivaya@inbox.ru

Abstract. The object of research was 600 microcontexts from five issues of the information student youth magazine "Nota bene! Pay attention," published by the North Caucasus Federal University, which constitute a holistic narrative sequence. The subject of the study is the specifics of the functioning of verbal and creolized means of expressing subjective-modal relationships in the non-fiction Russian-language narrative of a student youth magazine. The relevance of this research is linked to the anthropocentric turn in the modern cognitive-discursive linguistic paradigm, which brings to the forefront the study of subjective-modal evaluative overtones of the meaning of the verbal macro-sign. The aim of the study is to identify the cognitively-discursively conditioned features of linguistic and non-verbal means that express subjective modality in the polytextual narrative of the information student youth magazine in Russian. Research methods include contextual-hermeneutic analysis of narrative frame texts, critical discourse analysis, and pragmalinguistic analysis to establish the

characteristics of axiologically marked subjective modality and the persuasiveness of the narrative. The scientific novelty of the research lies in the identification of verbal means of expressing subjective modality in the polytextual non-fiction narrative of the student magazine, among which emotionally evaluative epithets, metaphors, allusions, modified phraseologisms, and epiphoras prevail. The frequency of such creolized means of expressing subjective modality as emojis and photo illustrations has also been noted. A particular contribution of the author to the study of subjective modality in the polytextual narrative of the student youth magazine is the revelation of the fact that the positive subjective modal assessment of one's own activities is carried out by the narrator not only at the verbal and paralinguistic levels but also through the selection of characters in the diegesis, where only those actors who successfully function in academic discourse are placed. The study revealed an absolute dominance of positive subjective-modal evaluativeness in the polycode narrative of the information student youth magazine, which is determined by the intended narrator's persuasive effect of the narrative aimed at advertising the university among potential applicants.

Keywords: metaphor, diegesis, epithet, character, semantic-conceptual information, persuasiveness, subjective modality, verbal macrosign, non-fictional narrative, allusion

References (transliterated)

1. Argaman O. The Power of Words: Using Persuasive Texts to Manipulate Teens' and Adults' Preferred Type of Chocolate // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2025. Vol. 54 (3). Article number 29. P. 1-13. DOI:10.1007/s10936-025-10142-8.
2. Lewis F., Vassileva J. The Heuristic Evaluation of Manipulative Interfaces // *Persuasive Technology. PERSUASIVE 2025. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 15711. Springer: Cham, 2025. P. 105-116. DOI:10.1007/978-3-031-94959-3_8.
3. Irfan F., Khan A. U. R., Islam A., Krishnasamy H. N., Parveen S. Persuasive Language in Leadership: Analysis of Mr. Imran Khan's Interview // *Journal of Applied Linguistics and TESOL (JALT)*. 2024. Vol. 7, No. 4. P. 608-622.
4. Milostiwaja A. Text als pragmasynergetische Kommunikationsform // *Aspekte der Sprachwissenschaft: Linguistik-Tage Jena. 18. Jahrestagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen e. V. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2010. S. 191-199. EDN: YLYNST.*
5. Milostivaya A. I. Konstruirovaniye effektivnoi nauchnoi kar'ery v nemetskom akademicheskom narrative // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2025. № 4(898). S. 63-69. EDN: NNQGDT.
6. Paramonova M. I. Funktsionirovaniye gipertekstovyykh perekhodov v setevom novostnom politekstovom narrative (na materiale veb-versii angloyazychnyykh gazet) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022. T. 15, № 6. S. 1927–1934. DOI: 10.30853/phil20220295. EDN: NQDJQI.
7. Richter M. Postmoderne Subversion der Nation(en) in Christian Krachts Imperium. Spielform transnationaler Literatur oder Spiel mit Transnationalität? // *Transnationale Textwelten: Reflexionen über Grenzen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2025. S. 53-70. DOI:10.36202/9783826085000.*
8. Milostivaya A. I. K voprosu o delimitatsii ponyatii "tekst", "diskurs" i "narrativ" // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. № 5-1 (47). S. 146-149. EDN: TQAEJ.
9. Sukalla F. Narrative Persuasion – theoretische Ansätze und empirische Ergebnisse zur

- Überzeugungskraft von Narrationen // Soziale Passagen. 2023. Vol. 15. S. 23-37.
DOI:10.1007/s12592-023-00458-4. EDN: EMKDEG.
10. Martínez M., Scheffel M. Einführung in die Erzähltheorie. München: Beck, 2019. 234 S.
 11. Klein C., Martínez M. Erzählen im Journalismus // Wirklichkeitserzählungen. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2009. S. 179-191.
 12. Martínez M. Nullstufen und Vorstufen des Erzählens: Überlegungen zu einer liminalen Narratologie // Anglistik: International Journal of English Studies. 2023. No 34(2). S. 155-163.
 13. Martínez M. Können Erzählungen lügen? // Postfaktisches Erzählen? Post-Truth-Fake News-Narration. Berlin: de Gruyter, 2021. S. 13-22. DOI:10.1515/9783110693065-002.
 14. Scheffel M. Besonderheiten des Erzählens // Kästner Handbuch. Leben-Werk-Wirkung. Hrsg. v. S. Neuhaus. Stuttgart/Weimar: Metzler Verlag, 2023. S. 345-351.
DOI:10.1007/978-3-662-67227-3_48.
 15. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: URSS, 2024. 144 c.
 16. Knyazeva E. G. Vyrazhenie sub'ektivnoi modal'nosti v rechi kommunikanta // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 23, № 4. S. 189-191. EDN: ZWGVHD.
 17. Donskova E. Yu. Sub'ektivnaya modal'nost' kak marker idiosyliya: kognitivno-pragmaticheskii aspekt // Novaya nauka: problemy i perspektivy. 2016. № 53 (79). S. 103-106. EDN: XDWVRD.
 18. Kuksa I. Yu. Sub'ektivnaya modal'nost' gazetnogo teksta XVIII veka // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2010. № 8. S. 21-28.
 19. Tszyyao Kh. Modal'nye znacheniya i sredstva ikh vyrazheniya v rechi Manilova i Nozdreva (v poeme N.V. Gogolya "Mertvye dushi") // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2025. № 3 (112). S. 480-485. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-3112-480-485. EDN: HLECMQ.
 20. Belov V. A., Belova V. M. Funktsional'nyi podkhod k opisaniyu diskursivnykh slov russkogo yazyka // Rusistika. 2025. T. 23, № 2. S. 206-224. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224. EDN: FDCBNF.
 21. Tagil'tseva Yu. R. Sub'ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v obzornom politicheskom tekste // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 18. S. 122-134. EDN: JVKKBX.
 22. Prosvirkina I. I. Sub'ektivnaya modal'nost' kak sredstvo vyrazheniya otsenchnosti // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 6. S. 79-81. EDN: SBTMDL.
 23. Lopashenkova T. V., Bondareva L. M. Osobennosti yazykovoï realizatsii taktiki prizyva k deistviyu v angloyazychnom ekologicheskom diskurse // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2025. № 2. S. 27-40. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3. EDN: EYLGZM.
 24. Moroz N. A. Sredstva vyrazheniya sub'ektivnoi modal'nosti khudozhestvennogo teksta // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2017. T. 14, № 3. S. 29-33. DOI: 10.14529/ling170304. EDN: ZEZCOT.
 25. Kolesnikov V. V., Loginov A. V. Politicheskii diskurs toplivno-energeticheskogo kompleksa: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt // Otechestvennaya filologiya. 2023. № 5. S. 59-70. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-59-70. EDN: ZQQGYM.
 26. Van'ko T. R. Realizatsiya sub'ektivnoi modal'nosti v sintaksise politicheskogo onlain-mediadiskursa // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo

universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 3(871). S. 39-45. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39. EDN: NQGXXKX.

27. Dreeva Dzh. M., Bolatov T. A. Sposoby realizatsii poeticheskoi i emotivnoi funktsii yazyka v sovremennom angloyazychnom pesennom diskurse // Yazyk i kul'tura. 2023. № 63. S. 60-76. DOI: 10.17223/19996195/63/4. EDN: FETIBY.
28. Van L. Spetsifika uslovnykh soyuzov v sovremennom russkom yazyke // Litera. 2023. № 12. S. 419-430. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69304 EDN: LTVTOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69304
29. Kuznetsova A. V. Sub'ektivnaya modal'nost' khudozhestvennogo teksta: ontologicheskii status v avtorskoi kontseptsii mira // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2020. № 4. S. 5-14. EDN: IEBZNF.

Mobile applications of political parties in the Russian Federation as a tool for network interaction with the electorate

Plotnikov Ivan Pavlovich

Postgraduate Student; Department of Theory and History of Journalism; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 101000, Russia

✉ plotnikov.iv2014@gmail.com

Parkhitko Nikolai Petrovich

PhD in History

Associate Professor; Department of Theory and History of Journalism; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Associate Professor; Department of Political Science; Financial University under the Government of the Russian Federation

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 101000, Russia

✉ scharnchorst@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to trends in the use of mobile gadgets by political parties. The subject of our research is the functional, structural, and visual characteristics of the software developed by the political parties "United Russia" and the Communist Party of the Russian Federation (CPRF). The object of the study is the mobile applications of these parties: "United Russia," "CPRF ID," "Up. PRO," "Observer ER," and "Agitator ER." The goal of the research is to analyze and compare the digital projects of "United Russia" and the CPRF, to identify their specifics, and to determine their role and potential in modern Russian political communication. The relevance of the topic is conditioned by the current political circumstances. Due to the Russian-Ukrainian conflict, Russian digital products are being removed from international app stores, AppStore and Google Play. In recent years, political organizations in Russia have begun to develop their projects in domestic services such as RuMarket, NashStore, and RuStore. The research is based on a descriptive method and also incorporates elements of quantitative analysis. We identified indicators of general statistics for channels in the Russian service RuStore (number of downloads, user ratings, etc.). Furthermore, using the comparative analysis method, we compared the parameters of general statistics, as well as the visual and functional-structural aspects of the parties' digital products. The novelty of our research lies in the first comprehensive experience of

systematizing digital party developments in Russia. Unlike many domestic and foreign authors, we have for the first time conducted an in-depth study of the specifics of Russian party media in the face of challenges posed by the modern network environment, including factors such as anti-Russian sanctions, import substitution policies, and the transition to domestic digital services. During the research, it was established that the only parties placing applications in RuStore are United Russia and the CPRF. Moreover, United Russia's applications form a system designed for both the electorate and party members, while the CPRF, as the only competitor to United Russia in the field of mobile communications, is currently focusing solely on the electorate. Based on the data obtained, we also developed a typology of party mobile applications, based on their functional purpose and target audience.

Keywords: CPRF, RuStore, United Russia, party communication, political communication, party media, new media, party software, party mobile applications, party digital products

References (transliterated)

1. Andersen K., Strömback J. Media platforms and political learning: The democratic challenge of news consumption on computers and mobile devices // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. Pp. 300-319.
2. Baguma R., Eilu E. Using Mobile Phones in Elections in Developing Countries: Opportunities and Challenges // In: Gamatié A. (eds) *Computing in Research and Development in Africa*. Springer. 2015. Pp. 251-265.
3. Bennett W. L., Segerberg A. THE LOGIC OF CONNECTIVE ACTION: Digital media and the personalization of contentious politics // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15, No. 5. Pp. 739-768.
4. Gil-Torres A., Navarro-Sierra N., San José-de la Rosa C., Herranz-Rubio C. El ecosistema app en las elecciones estadounidenses de 2020: entre la información y el politainment // *Comunicación Y Sociedad*. 2022. Pp. 1-28.
5. Gómez-García S. et al. Constructing Donald Trump: Mobile Apps in the Political Discourse about the President of the United States // *Comunicar: Media Education Research Journal*. 2019. Vol. 27, No. 59. Pp. 49-58.
6. Gómez-García S., De la Hera T. Games as political actors in digital journalism // *Media and Communication*. 2023. Vol. 11, No. 2. Pp. 278-290.
7. Gómez-García S., Paz-Rebollo M. A., Cabeza-San-Deogracias J. Newsgames against hate speech in the refugee crisis // *Comunicar*. 2021. Vol. 29, No. 67. Pp. 123-133.
8. Guerrero-Velástegui C. A., Páez-Quinde C., Mejía-Vayas C., Arévalo-Peralta J. Mobile marketing as a communication strategy in politics 2.0 // In: *International Conference on Computer Science, Electronics and Industrial Engineering (CSEI). Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 678. Springer, Cham. 2022. Pp. 55-69.
9. Hadma A. M., Anggoro J. D. Political communication in the age of social media // *COMMICAST*. 2021. Vol. 3, No. 1. Pp. 1-7.
10. Kosec K., Wantchekon L. Can information improve rural governance and service delivery? // *World Development*. 2020. Vol. 125. Pp. 104376.
11. Kushin M. J., Yamamoto M. Did Social Media Really Matter? College Students' Use of Online Media and Political Decision Making in the 2008 Election // *Mass Commun Soc*. 2010. Vol. 13. Pp. 608-630.
12. Ohme J. Mobile but Not Mobilized? Differential Gains from Mobile News Consumption for Citizens' Political Knowledge and Campaign Participation // *Digital Journalism*. 2019. Vol. 8, No. 1. Pp. 103-125.

13. Quevedo-Redondo R. Political Leaders in the APP Ecosystem // Social Sciences. 2021. Vol. 10, No. 8. Pp. 307.
14. Sadiku M., Kotteti C., Sadiku J. O. Social media in entertainment // International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation. 2024. Vol. 5, No. 1. Pp. 137-141.
15. Stroud N. J., Peacock C., Curry A. L. The Effects of Mobile Push Notifications on News Consumption and Learning // Digital Journalism. 2019. Vol. 8, No. 1. Pp. 32-48.
16. Teodorescu C. A., Durnoi A. N. C., Vargas V. M. The rise of the mobile Internet: Tracing the evolution of portable devices // Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2023. Vol. 17, No. 1. Pp. 1645-1654.
17. Uwalaka T., Nwala B. Examining the role of social media and mobile social networking applications in socio-political contestations in Nigeria // Communication and the Public. 2023. Vol. 8, No. 3. Pp. 175-190.
18. Vázquez Sande P. Políticapp: hacia una categorización de las apps móviles de comunicación política // Fonseca, Journal of Communication. 2016. Vol. 12, No. 1. Pp. 59-78.
19. Wan X., Shao Y. Innovative Research on the Interactive Communication of Political News in the Convergence Media Era by Taking the Newsgames Products of Mainstream Media for Example // The Frontiers of Society, Science and Technology. 2019. Vol. 7. Pp. 111-117.
20. Yeandle A. The political consequences of Africa's mobile revolution // American Journal of Political Science. 2025. Pp. 1-20.
21. Afonas'eva N. A. Sovremennye rossiiskie partiinye sredstva massovoi informatsii v internete: strategii vovlecheniya auditorii // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2016. T. 5, № 3. S. 382-395.
22. Baranov N. A. Tsifrovoe politicheskoe uchastie kak forma politicheskoi mobilizatsii // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2020. № 3(64). S. 66-72.
23. Ezhov D. A. Tsifrovye tekhnologii v partiinom stroitel'stve: opyt sovremennoi Rossii // Vlast'. 2025. T. 33, № 2. S. 111-114.
24. Kon'kov A. E. Tsifrovizatsiya politicheskikh otnoshenii: grani poznaniya i mekhanizmy transformatsii // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2019. T. 12, № 6. S. 6-28.
25. Makhlin A. V. Imidzh politicheskikh partii v tsifrovuyu epokhu razvitiya rossiiskogo obshchestva // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. № 3. S. 114-128
26. Mukhametov D. R. Politicheskie partii v tsifrovoy real'nosti. Partii setevogo kontrolya i setevoi koordinatsii // Obozrevatel'. 2021. № 2(373). S. 59-70.
27. Osipov A. V. Politicheskie kommunikatsii v setevykh elektoral'nykh klasterakh: kibertekhnologii v formirovanii setevogo partiinogo brenda // Kommunikologiya. 2021. T. 9, № 3. S. 145-154.
28. Pavlova N. S. App Store: granitsy rynka i rynochnaya vlast' Apple // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2021. № 1. S. 103-127.
29. Plotnikov I.P., Parkhit'ko N.P. K voprosu o tematicheskoi spetsifike kanalov deputatov KPRF v Telegram // Litera. 2025. № 2. S. 196-211. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73225 EDN: BNHVQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73225
30. Smorgunov L. V. Setevye politicheskie partii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014.

№ 4. S. 21-37.

31. Chizhov D. V. Formirovanie imidzha rossiiskikh politicheskikh partii v seti Internet // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2016. № 1(131). S. 313-338.

Interpretation of idioms and culturally marked elements in neural machine translation (based on Russian-English parallels)

Kolesnikova Maria Pavlovna

Senior Lecturer; Institute of Hotel Business and Tourism; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10-408 Mkiukho-Maklaya str., Moscow, 101000, Russia

✉ mariarudn@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the features of interpreting idioms and culturally marked elements in machine translation from Russian to English using neural network systems such as ChatGPT, DeepL, and Google Translate. The focus is on the problem of preserving the idiomatic meaning and cultural connotations, as well as the degree of cognitive adaptation of artificial intelligence to nationally specific realities. The relevance of this study is determined by the fact that in the era of global communication and digital interaction, language models become tools not only for interlingual exchange but also for cultural mediation. The question of whether artificial intelligence is capable of conveying the cultural meanings behind idioms, realities, and metaphors has fundamental significance for both translation theory and cognitive linguistics. The author conducts a corpus-based comparison of translations of real idioms and fixed expressions, identifying typical errors such as calque, semantic alignment, loss of imagery, and pragmatic meaning. Based on the analysis, a classification of translation strategies used by neural network systems is proposed: literal translation, functional adaptation, and cognitive substitution. The theoretical significance of the work lies in deepening the understanding of the mechanisms of interaction between cognitive and cultural factors in machine translation. The practical significance lies in the possibility of applying the results obtained in the development of multimodal translation models aimed at preserving the national-cultural component. It is concluded that despite the high level of syntactic and lexical accuracy, neural network models do not provide full cultural equivalence and require the integration of cognitive-cultural corpora into the training process. The theoretical implications of the results consist in clarifying the boundary between "formal equivalence" and "cognitive-cultural adequacy" in the context of machine translation. Neural network models, even with access to extensive discursive data, still imitate rather than reproduce cultural memory and empathetic understanding necessary for a sustainable interpretation of figurative units. This means that progress in the field of neuro-translation is directly related to the inclusion of specialized cultural corpora, knowledge graphs, and annotated phraseological resources in training, as well as the development of mechanisms for global contextual attention capable of considering not only adjacent sentences but also genre-rhetorical conventions of the text.

Keywords: ChatGPT, Google Translate, idioms, cognitive adaptation, translation equivalence, culturally marked elements, neural network models, artificial intelligence, machine translation, DeepL

References (transliterated)

1. Komissarov V. N. Teoriya perevoda: lingvisticheskie aspekty. – M.: Nauka, 1990.
2. Shveitser A. D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty. – M.: Nauka, 1988.
3. Retsker Yu. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974.
4. Naida Yu. (Nida E.) Pragmaticheskaya i lingvisticheskaya ekvivalentnost'. – M.: Progress, 1980.
5. Beiker M. (Baker M.) Perevod i leksika: uchebnoe posobie *In Other Words*. – London: Routledge, 1992.
6. Khetim B., Meison I. (Hatim B., Mason I.) Diskurs i perevod. – London: Longman, 1990.
7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. (Lakoff G., Johnson M.) Metafori, kotorymi my zhivem. – Chikago: University of Chicago Press, 1980.
8. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.
9. Toral A., Way A. What Level of Quality can Neural Machine Translation Attain? // Machine Translation. – 2018. – T. 32(2). – S. 179-193.
10. Freitag M., Bapna A., Firat O. et al. Experts, Errors, and Context in Neural Machine Translation. // TACL. – 2022. – T. 10. – S. 20-37.
11. Baziotis K., Mator P., Khasler E. (Baziotis C., Mathur P., Hasler E.) Automatic Evaluation and Analysis of Idioms in Neural Machine Translation // Proceedings of EACL. – 2023.
12. Navin P., Troevskii P. (Naveen P., Trojovský P.) Overview and Challenges of Machine Translation for Contextually Appropriate Translations // iScience. – 2024. – Vol. 27, Issue 10. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110878 EDN: NOZVGM
13. Lyu E., Chodkhari A., N'yubig G. (Liu E., Chaudhary A., Neubig G.) Crossing the Threshold: Idiomatic Machine Translation through Retrieval Augmentation and Loss Weighting // EMNLP. – 2023.
14. Kastal'do A., Monti D. (Castaldo A., Monti J.) Prompting Large Language Models for Idiomatic Translation // Creative-text Translation and Technology Workshop. – 2024.
15. Azizov D. (Azizov D.) From Idioms to Algorithms: Translating Culture-Specific Expressions in AI Systems // IRE Journals. – 2024. – Vol. 7, No. 10. – S. 543-551.
16. Darvish N. i dr. (Darwish N. et al.) A Reception Study of AI-Translated Idioms and Proverbs Between Arabic and English // Research Journal in Advanced Humanities. – 2025. – T. 6(3).
17. Al'delaa A. S. (Aldelaa A. S.) Investigating Problems Related to the Translation of Idiomatic Expressions in the Arabic Novels Using Neural Machine Translation // Theory and Practice in Language Studies. – 2024. – T. 14(1). – S. 71-78. DOI: 10.17507/tpls.1401.08 EDN: TXCMBF.

The role of the romantic antinomy "man – world" in the works of O. V. Arefieva

Klimenko Stanislav Igorevich

Assistant; Department of Russian Language and Literature; Far Eastern Federal University
Postgraduate student; Department of Russian Language and Literature; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str. 10, Oriental Institute

✉ valiriec5656@bk.ru

Abstract. The subject of the study is the antinomy "man – world" in the texts of Russian rock poetry. The object of the study is the lyrics of songs by Olga Viktorovna Arefieva. In the study, special attention is paid to the influence of the romantic tradition of the author's poetics, the specifics of the functioning of images and motives are considered, a comment is given on how Arefieva implements the antinomy "man – world", what kind of intention gives the relationship between the lyrical subject and the world expressed through "others". In the course of the study, a comment is given on the organization of the system of images in Arefieva's texts, and ways of demonstrating antinomy are analyzed. The figure of the lyrical subject, his attitude to the world around him, and his relationship with the "world" in Arefieva's poetics are studied. As part of the discussion of the image system, special attention is paid to the description of "others" and "you" in the author's texts. The author used the method of comparative literary analysis. To obtain the results, a selection was made from the corpus of lyrics by Olga Arefieva, which were selected according to the principle of correlation with the antinomy "man – world". The texts were then analyzed to identify common and various figurative and motional features. The novelty of the study lies in the fact that the lyrics of Olga Arefieva's songs were not discussed within the framework of Russian literary criticism. As a result of the conducted research, it was possible to establish that in Arefieva's poetics the antinomy "man – world" is revealed through the relationship of the lyrical subject with "others" identified in various texts with machines, subordinated to the crowd, greedy hypocrites. At the same time, for the lyrical subject of Arefieva, the figure "you" becomes important, denoting, as a rule, a loved one. "You" occupy an intermediate position between the lyrical subject and the "others", in some texts providing assistance, and in others being part of a destructive society. In Arefieva's poetics, the way out of antinomy becomes possible when in contact with the "upper" space, which is open only to those who are able to love, forgive or create.

Keywords: syncretic text, the image of society, A romantic hero, literary criticism, post-Soviet poetry, Olga Arefieva, Antinomy, romanticism, the literary tradition, Russian rock poetry

References (transliterated)

1. Belyaeva N. P. Sovremennye podkhody k tipologii sposobov tsiklizatsii v rok-poezii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 1 (869). S. 126–133.
2. Karpov D. L. Liricheskii geroi v rok-poezii // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2023. № 3.
3. Domanskii Yu. V. Poetika rok-poezii: o klyuchevykh formulakh rok-teksta kak ob"ekte ego identifikatsii i analiza // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. 2022. №22. S. 6–17.
4. Khokhryakov A. L. Rok-poeziya vs Rok-lirika: problema sootnosheniya ponyatii // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. 2022. № 15 (21). S. 67–76.
5. Panteleev A. F., Talalaeva M. A. Grammaticheskaya metafora v poezii russkogo roka kontsa XX – nachala XXI veka // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2024. № 1. S. 80–87.
6. Domanskii Yu. V. Rok-filologiya: problemy i priority // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 24. – M.: Editus, 2024. S. 5–8.
7. Shcherbakova-Kalinina A. A. Neopredelenno-lichnye predlozheniya v tvorchestve Egora Letova // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. 2024. № 24. S. 82–89.

8. Petrova S. A. "Chernyi" i "belyi" v khudozhestvennom mire rok-poezii Viktora Tsoya // MNIZh. 2021. № 12-5 (114). S. 70–75.
9. Pauer K. Yu. Dzhoan Baez i Yanka Dyagileva: opyt komparativnogo analiza pesen // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. 2022. № 22. S. 183–194.
10. Temirshina O. R. Liminal'nyi syuzhet v lirike Aleksandra Bashlacheva: struktura i semantika // Novyi filologicheskii vestnik. 2024. № 3 (70). S. 257–268.
11. Lochmelis E.R. Traditsii ballady XIX veka v pesnyakh gruppy «Korol' i Shut» // Litera. 2024. № 8. S. 78–89. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71295 EDN: NFKABE URL: https://e-notabene.ru/fil/article_71295.html
12. Milyugina E. G. Fenomen rok-poezii i romanticheskii tip myshleniya // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. 1999. № 2. S. 53–59.
13. Gavrikov V. A. Al'bom "Teatr" Ol'gi Aref'evoy v zerkale intertekstov (Dante, Shekspir, Kollodi, Kerroll, Lomonosov, Radishchev, Trediakovskii, Pushkin...) // Art Logos. 2018. № 1 (3). S. 115–126.
14. Aref'eva O. V. «Storona Ot» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/storonaot/> (data obrashcheniya: 15.08.2024).
15. Aref'eva O. V. «Zabor» // URL: <https://ark.ru/lyrics/hvoin/zabor/> (data obrashcheniya: 15.08.2024).
16. Aref'eva O. V. «Noch' v oktyabre» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/nochvoktjabre/> (data obrashcheniya: 20.08.2024).
17. Aref'eva O. V. «Sdelai chto-nibud'» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/sdelajchtonibud/> (data obrashcheniya: 15.08.2024).
18. Aref'eva O. V. «Pro fol'gu» // URL: <https://ark.ru/lyrics/bozhia-korovka/yatakbolshenemogu/> (data obrashcheniya: 20.08.2024).
19. Aref'eva O. V. «Mylovar» // URL: <https://ark.ru/lyrics/vremya-nazad/mylovar/> (data obrashcheniya: 15.08.2024)

Ritual Space and Time in the Novella "Viy" by N.V. Gogol

Liu Hengyuan

Postgraduate student; Department of Literary Theory; Lomonosov Moscow State University

37 Vernadsky Ave., Vernadsky Ave., Moscow, 119415, Russia

✉ liuhy242@gmail.com

Abstract. This article explores the mythopoetics of the early work of N. V. Gogol, specifically the mythopoetic rituals and unique chronotopes in his tale "Viy." This tale vividly reflects the mythological nature inherent in the writer's early creativity. The tale not only inherits the traditions of Little Russian folklore but also contains unique creative ideas from the author, creating his own Gogolian mythological world. The author examines the rituals of transition in time and space in detail, as well as the structure of the tale from the perspective of the morphology of a fairy tale. Special attention is given to the interaction of space and time in Gogol's work, which creates extraordinary experiences for readers. According to the author, these unique interactions form special Gogolian chronotopes that make his works truly unforgettable. In this article, the author analyzes the rituals described in the tale from the standpoint of the morphology of the magic fairy tale by V. Y. Propp, M. M. Bakhtin's chronotope, and Arnold van Gennep's transition rituals. The main findings of the study suggest that the chronotopes presented in the tale, whether "road" or "castle," possess creative features characteristic of Gogol. From a temporal perspective, in the world of "Viy," day

personifies the real world, while night represents the magical one. Therefore, all supernatural phenomena in the tale occur after sunset. The speed of the flow of time during the day is relatively high, while at night time moves slowly. This is reflected in the novel through lengthy descriptions. The research also revealed that Gogol prefers to describe "vertical" space rather than traditional "horizontal" space. This feature is manifested in the "night flight" and "night prayer." The young lady always wields magical power. The themes of "initiation" and "wedding" are also reflected in the tale, which is mirrored in other early works of Gogol.

Keywords: psychoanalysis, folklore, M.M. Bakhtin, chronotope, rites of passage, V.Y. Propp, Arnold van Gennep, morphology of fairy tales, Viy, N. V. Gogol

References (transliterated)

1. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. SPb.: Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Efrona), 1892. T. VI(a).
2. Khomyakova O. R. Put' k Viyu: osobennosti khudozhestvennogo konflikta // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. 2023. T. 28, № 1. S. 7-20.
3. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 22. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1975.
4. Meletinskii E. M. Izbrannye stat'i. Vospominaniya. M.: RGGU, 1998. EDN: YORZMW.
5. Gennep A. van. Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov / per. s fr. Yu. V. Ivanovoi, A. V. Pokrovskoi. M.: Vostochnaya literatura RAN, 1999.
6. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoi skazki. M.: AST, 2023.
7. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. T. 1: Vechera na khutore bliz Dikan'ki; T. 2: Mirgorod / Sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. M.: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, 2009. EDN: RUKUED.
8. Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 3: Teoriya romana (1930–1961). M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. EDN: QWDWHT.
9. Maksimov B. A. Zagadki "Viya" i syuzhetnaya traditsiya "Veчерov" // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnal'stika. 2010. № 6. S. 129-144. EDN: NCEUCN.
10. Tsyndrya A. Obraz ved'my v povesti N. V. Gogolya "Vii" // Russkii yazyk v KhKhI veke: issledovaniya molodykh. Surgut.: Byudzhethnoe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga-Yugry "Surgutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet", 2025. S. 249-251.
11. Krivonos V. Sh. Povest' Gogolya "Vii": struktura i smysl // Otechestvennaya literatura kak vyrazhenie samosoznaniya russkogo naroda (k 135-letnemu yubileyu A. N. Tolstogo: Vosemnadtsatyi god dvukh stoletii: uroki i paralleli). Samara.: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2018. S. 80-101.
12. Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. M.: Prosveshchenie, 1988.
13. Vinogradov I. A. Gogolevskaya entsiklopediya. Proizvedeniya, nabroski, podgotovitel'nye materialy: Nauchnoe izdanie v 7 tomakh. M.: IMRI RAN, 2024. T. I. DOI: 10.22455/978-5-9208-0749-6. EDN: ZHMYMG.
14. Ioskevich M. M. Zerkal'nye motivy v povesti N. Gogolya "Vii" // Nurgalievskie chteniya-KhII: Nauchnoe soobshchestvo uchenykh KhKhI stoletiya. Filologicheskie nauki. Astana: Tovarishchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Master PO", 2023. S. 371-375. EDN: KGMASG.
15. Nevel'skaya K. K. Mifopoetika povesti N. V. Gogolya "Vii" // Khudozhestvennaya

kartina mira v fol'klore i literature. Astrakhan': Astrakhanskii gosudarstvennyi universitet im. V. N. Tatishcheva, 2024. S. 29-33.

16. Sapchenko L. A. Prostranstvennyi obraz tserkvi v proizvedeniyakh N. V. Gogolya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2013. № 1 (39). S. 168-176. EDN: PZGQPH.
17. Evtikhieva A. S. Obraz Viya v slavyanskom fol'klore i literature // Slovo. Grammatika. Rech'. M.: MAKS Press, 2024. S. 121-134. DOI: 10.29003/m4138.WGS_XXIII/121-135. EDN: PPWISC.
18. Lotman Yu. M. O semiotike strakha v russkoi kul'ture // Semiotika strakha. M., 2005. S. 13-35.
19. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. M.: AST, 2023.
20. Naletova T. B. Motiv molitvy v rannem tvorchestve N. V. Gogolya // Dukhovno-nravstvennye osnovy russkoi literatury. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet, 2014. S. 54-58. EDN: XZNIMH.
21. Zaslavskii O. B. Zlo v "Vie": struktura mira i struktura teksta // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2018. T. 77. № 5. S. 37-51. DOI: 10.31857/S241377150002549-6. EDN: YQHCAH.
22. Sebeleva A. V. Mifologicheskaya kartina mira slavyan v povesti N. V. Gogolya "Vii" // Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik. 2023. № 2. S. 71-81. DOI: 10.36906/2500-1795/23-2/05. EDN: TRQKLS.

The genre of literary scientific dialogue in 18th century France

Merkulova Maiya Gennadievna

Doctor of Philology

Professor; Department of English Philology; Moscow City University

5B MalyKazenniy Lane, Basmanny district, Moscow, 105064, Russia

✉ merkulovamaya@mail.ru

Gerasimova Svetlana Anatol'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Foreign Languages; Moscow City Pedagogical University

5B MalyKazenniy Lane, Moscow, 105064, Russia, Moscow region

✉ gerasvetlana@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the genre of literary scientific dialogue, which revived in the 17th century in France and developed further in the second half of the 18th century. The task is to identify the characteristic features of this genre of fictional literature, which are most brightly manifested in the works of D. Diderot, one of the prominent figures in French culture, a philosopher, prose writer, and playwright who made a significant contribution to the literary enlightenment of French society. It is specified that D. Diderot, as the author of literary scientific dialogues, pursued several goals: the search for like-minded individuals, educating and conveying knowledge to his fellow citizens, and encouraging further scientific inquiries by scholars, philosophers, and metaphysicians. The function of the literary scientific dialogue as a genre was to transform science into a value and a legitimate object of public interest. The research employs a cultural-historical method, allowing for the interpretation of the emergence of the literary scientific dialogue as a result of the cultural-historical conditions

of life during the Enlightenment era and tracing the connections of the revived genre with historical tradition. The scientific novelty of the work lies in the complex analysis and determination of the uniqueness of the interaction between scientific dialogue and fictional literature, manifested in the emergence of a new literary genre during the Enlightenment. The main conclusion of the conducted research is the thesis that the literary scientific dialogue has a didactic character, as, by presenting new scientific discoveries of the era, D. Diderot, as the author, seeks to enlighten his fellow citizens through the exposition of his materialistic views on nature and humanity's place within it. This genre did not claim to provide a deep exposition of scientific phenomena and facts compared to specialized scientific literature and became a new means of communication with the interested, literate reader. Among the social reasons for the emergence of the literary scientific dialogue as one of the first artistic forms of popularizing science in the 17th century and its further development in the 18th century, we can mention: the need of the reading audience for new means of acquiring knowledge, the simplification of information transmission through the use of the national, French language, and the diminished role of Latin as the international language of science.

Keywords: Continuation of the Conversation, DAlembert's Dream, Diderot's first dialogue, dialogues of Plato, dialogue of ideas, popularization of science, Age of Enlightenment, poetics of dialogue, Denis Diderot, literary scientific dialogue

References (transliterated)

1. Dubnyakova O. A., Kashina T. A. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2017. № 1(25). S. 42-49. EDN: YJGTID.
2. Gutova S. G. Fenomen kul'tury v filosofii frantsuzskogo prosveshcheniya // Kul'tura. Nauka. Obrazovanie: aktual'nye voprosy. Cheboksary: Chuvashskii gos. institut kul'tury i iskusstv, 2020. S. 9-22. DOI: 10.31483/r-75440. EDN: WPFHXV.
3. Drach G. V. Prosveshchencheskaya model' kul'tury: uroki i predosterezheniya // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2014. № 2 (78). S. 5-16. EDN: SIUMMJ.
4. Merkulova M. G., Gerasimova S. A. Literaturnye opyty entsiklopedista XVIII veka: Zhan-Fransua Marmontel' // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11, № 8. S. 273-293. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-273-293. EDN: FKUMMV.
5. Kant I. Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie? (1784 g.) // Povolzhskii pedagogicheskii poisk. 2017. № 3(21). S. 175-180. EDN: ZSOQSN.
6. Gordon L. S. Nekotorye itogi zapreshchennoi literatury epokhi Prosveshcheniya vtoraya polovina XVIII veka // Frantsuzskii ezhegodnik. 1959. Moskva: Nauka, 1960. S. 89-120.
7. Vaganov A. G. Evolyutsiya form populyarizatsii nauki v Rossii: XVIII–XXI vv. // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie. 2016. T. 11, № 3. S. 64-77. EDN: WYJTMD.
8. Marmontel J. F. Éléments de littérature. Paris: Desjonquères, 2005. 1300 p.
9. Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context. 1991. Vol. 4. № 2. P. 367-386.
10. Pujol S. Le dialogue d'idées au dix-huitième siècle // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 2005. № 6. P. 336.
11. Gerasimova S. A. Deyatel'nost' prosvetitel'ya-entsiklopedista kak otrazhenie intellektual'noi kul'tury XVIII veka // Nauchnyi dialog. 2021. № 4. S. 28-41. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41. EDN: XSYTHQ.
12. Roelens M. Le dialogue d'idées au XVIII-e siècle // Histoire littéraire de la France. Vol. 6 (1715–1794). Paris: Éditions sociales, 1976. P. 259-290.

13. Vikulova L. G., Ryanskaya E. M. Etiketnost' dialoga v kommunikativnoi praktike XVII veka // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2021. № 1 (41). S. 53-67. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.06. EDN: RTOGUO.
14. Pakhsar'yan N. T. "Ironiya sud'by" veka Prosveshcheniya: obnovlennaya literatura ili literatura, demonstriruyushchaya ischerpannost' starogo? // Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000. Moskva: Vysshaya shkola, 2001. S. 40-69.
15. Zhanrovaya palitra zarubezhnoi literatury / K. M. Baranova, L. G. Vikulova, S. A. Gerasimova [i dr.]. Moskva: Yazyki narodov mira, 2025. 265 s. EDN: NYSUTY.
16. Slezak T. A. Kak chitat' Platona. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 314 s.
17. Chassot F. Le dialogue scientifique au XVIII-e siècle. Postérité de Fontenelle et vulgarisation des sciences. Paris: Classiques Garnier, 2011. 638 p.
18. Razumovskaya M. V. Roman-dialog i filosofskii dialog u Didro: sintez nauchnogo i khudozhestvennogo poznaniya ("Plemennik Ramo" i "Son D'Alamberta") // Vestnik Leningradskogo gos. universiteta. Seriya 2. 1984. № 20. Vyp. 4. S. 46-54. URL: <https://md-eksperiment.org/ru>. (data obrashcheniya 15.01.2025).
19. Didro D. Sbranie sochinenii v 10-ti tomakh: T. 1: Filosofiya / Pod obshch. red. I. K. Luppola. Moskva-Leningrad: Akademiya, 1935. 516 s.

The specifics of the plot of L.I. Borodin's short story "Fluctuation"

Sukhikh Olga Stanislavovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

✉ ruslitxx@list.ru

Abstract. The object of literary research is L. I. Borodin's short story "Fluctuation". The subject of the study in the article is the specifics of the plot in this work. The purpose of the work is to identify the duality of the events that make up the plot of the story. The author of the article sets himself the task of showing that the main ones can be interpreted both as ordinary and as completely unusual, even fantastic. The author of the work seeks to prove that the nature of the interpretation of what is happening in the story depends on the point of view of the main character, with whom the analyzed events are connected, from a look at the essence of his personality and his life. It also explores the construction of a plot in which the chain of events is not one-line. It is built as a "sine wave" – a transition from the narrative of everyday life to the very events in which you can see both the typical and the exceptional. Using the method of holistic text analysis makes it possible to see the substantive aspects through the prism of the artistic form, to determine the role of the plot in revealing the image of the hero, the meaning of the title of the story and the main idea of the author, who seeks to emphasize the limitations of an unambiguous understanding of people and events. The scientific novelty of this article is determined by the fact that L. I. Borodin's story "Fluctuation" had not previously become the object of detailed research in Russian literary criticism, the duality of its plot was not considered in scientific works. The study of this story from the point of view of plot construction and its functions leads the author of the article to the following conclusions. Each of the main events that make up the storyline of the work has a dual character: it can be interpreted both as part of everyday life and as a manifestation of a global, universal principle, a higher meaning. In the very nature of the plot, you can see constant fluctuations from ordinary events to something inexplicable. This construction of the

event line serves to reveal the character of the hero, which combines the features of both a typical mentally ill person and a brilliant personality endowed with superpowers. The practical significance of the article lies in the possibility of its application in the school and university study of literature at the beginning of the XXI century.

Keywords: space, human, fantastic, The mundane, hero, story, plot, Leonid Borodin, the meaning of the name, duality

References (transliterated)

1. Kublanovskii Yu. «Bez vybora»: nevolya, nishcheta, schast'e... // Borodinskie chteniya. Vypusk 3. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 17 maya 2018 g.). // Russkoe pole. 2020. <http://golos.ruspole.info/node/12689> (data obrashcheniya: 03.11.2024).
2. Darenskii V. Yu. Istoriiosofskie razmyshleniya Leonida Borodina v avtobiograficheskom povestvovanii «Bez vybora» // Ortodoksiya. 2023. № 1. S. 32–57.
3. Eremeeva Yu. Chelovek i vremya v poezii L.I. Borodina // Borodinskie chteniya. Vypusk 3. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 17 maya 2018 g.). // Russkoe pole. 2020. URL: <http://golos.ruspole.info/node/12689> (data obrashcheniya: 03.11.2024).
4. Eremeeva Yu. A. Literaturnoe tvorchestvo kak osobaya «forma religioznosti» (L.I. Borodin) // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 3 (36). S. 278–281.
5. Fedchenko N. L. Khram kak dukhovnyi kontekst dlya geroev prozy Leonida Borodina // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: Elektron. nauchn. zhurn. 2018. № 7(53). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6137>.
6. Fedchenko N. L., Tarasova I. I. Prostranstvennye kategorii i ikh rol' v kharakteristike obraza geroya v proze L. Borodina (na primere «Povesti o lyubvi, podvigakh i prestupleniyakh starshiny Nefedova») // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2020. № 2. T. 2. S. 40–49.
7. Fedchenko N. L. Simvolizatsiya v proizvedeniyakh Leonida Borodina (na primere povesti «Tret'ya pravda») // Kul'turologiya, filologiya, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoi nauki. Sb. st. po materialam VIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Tom № 3 (7). 2018. S. 56–60.
8. Fedchenko N. L. Avtorskaya tipologiya geroev v povestvovanii Leonida Borodina «Polyus vernosti» (v kontekste «lagernoi» prozy) // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva 2021. № 1. T. 1. S. 57–65.
9. Vasil'eva T. I. Dinamika kontseptosfery L. I. Borodina // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 28 (282). S. 42–47.
10. Vasil'eva T. I. Kinematografichnost' prozy L. I. Borodina // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2008. № 19. S. 332–336.
11. Tsvetova N. S. L. I. Borodin v poiskakh tret'ei pravdy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2021. T. 18. Vyp. 4. S. 697–712.
12. Druzhinina V. Povest' L. Borodina «Tsaritsa smuty» v kontekste diskussii o novoi istoricheskoi proze // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2019. № 4. S. 18–21.
13. Serafimova V. D. Poetika prozy L. I. Borodina: dialog s kul'turnym prostranstvom. M.: INFRA-M, 2021.

14. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S. G. Bocharov; 2-e izd. M.: Iskusstvo, 1986.
15. Bocharov S. G. Syuzhety russkoi literatury. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999.
16. Kalus I. Igry «Dobroi nevoli», ili Filosofiya dukhovnogo bytiya v proze Leonida Borodina // Borodinskie chteniya. Vypusk 3. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 17 maya 2018 g.). // Russkoe pole. 2020.
URL: <http://golos.ruspole.info/node/12689> (data obrashcheniya: 03.11.2024).
17. Korobeinikova Yu. O fantastike i fantasticheskoi literature // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2022. № 6 (97). S. 507–509.
18. Borodin L. I. Flyuktuatsiya // Borodin L. I. Kidneping po-sovetski i drugie rasskazy. M.: Izd-vo zhurnala «Moskva», 2012. S. 346–362.
19. Zavarkina M. V. Fantastika, mif i eskhatologiya v povesti A. Platonova «Efirnyi trakt» // Problemy istoricheskoi poetiki. 2022. № 20 (4). S. 224–251.
20. Levitan L. S., Tsilevich L. M. Syuzhet v khudozhestvennoi sisteme literaturnogo proizvedeniya. Riga: Zinatne, 1990.
21. Podkovyrin Yu.V. Smyslovye parametry syuzheta literaturnogo proizvedeniya // Litera. 2023. № 6. S.1-12. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40933 EDN: HVPHTH URL: https://e-notabene.ru/fil/article_40933.html
22. Rymar' N. T. Problema «Avtorskogo syuzheta» // Novyi filologicheskii vestnik. 2006. № 2 (3). S. 189–194.
23. Silant'ev I. Syuzhet i smysl. M.: Izdatel'skii dom YaSK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018.

From Criticism to Recognition: Diachronic Transformations of the Perception of Evgeny Yevtushenko's Poetry in China

Li Duo

PhD in Philology

Postgraduate student; Faculty of Philology; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 15

✉ liduo1805162154@126.com

Abstract. The present article is dedicated to a comprehensive study of the perception, interpretation, and translation of the poetry of Yevgeny Yevtushenko in China over more than sixty years. The focus is on the transformation of Chinese scholars' attitudes toward the personality and creative legacy of the poet depending on changes in the socio-political situation, ideological settings of various historical stages, and in the context of the intensification of cultural dialogue between China and Russia. The article traces the evolution of literary evaluation—from a period of official criticism and ideological rejection to the recognition of his poetic talent, artistic mastery, and civic stance. It examines the role of translations and personal meetings with the poet in forming a deeper and more multifaceted perception of his work in China. A comprehensive interdisciplinary approach is employed, combining historical-literary analysis, comparative literature studies, translation studies, and cultural methods. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive coverage of the diachronic transformation of the perception of Yevgeny Yevtushenko in the Chinese cultural and academic space. It demonstrates that with changes in the socio-political conditions in China, approaches to interpreting his poetry also evolved: from negative criticism to positive reassessment. The growing interest in various aspects of his work is emphasized,

including not only political poetry but also lyrical, philosophical, and autobiographical works. The analysis confirms the sustained interest of Chinese scholars in Yevtushenko as a poet with a universal value system, a humanistic worldview, and a unique poetic style. The conclusions highlight that his work not only gained recognition but also played a significant role in the development of Chinese literature studies, expanding its methodological horizons and thematic diversity.

Keywords: Chinese academia, comprehensive interdisciplinary approach, social and political context, evaluation, literary concepts, reception, translation, poetry, Yevgeny Yevtushenko, Sino-Russian cultural exchanges

References (transliterated)

1. Lyu Ven'fei. Evtushenko: ya ne umeyu proshchat'sya // Literaturnaya i iskusstvennaya gazeta. 2017. URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2017/0410/c405171-29198089.html>
2. Evtushenko E. A. "Babii yar" i drugie-izbrannye stikhotvoreniya molodykh sovetskikh poetov. Izdatel'stvo "Pisatel", 1963. S. 7-73.
3. Chzhou Tsitszya, Chzhan Yuilin', Lyu Yan'chzhao. Kommentarii k revizionistskomu poetu SSSR Evtushenko // Zhurnal Kaifenskogo pedagogicheskogo universiteta. 1975. № 2. S. 88.
4. Khun Tsyichzhen. Chtenie proizvedenii: "Babii yar" i drugie // Issledovanie poezii. 2016. № 7. S. 6.
5. Chzhan Tsaozhen', Bai Sykhun. Yagodnye mesta / per. s RF. Evtushenko E. A. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo perevodov, 1986.
6. Sto pyat'desyat izvestnykh sovremennykh sovetskikh liricheskikh stikhotvorenii / Pod. red. Sovremennaya sovetskaya literatura. Vukhan': Izdatel'stvo "Literatura i iskusstvo Chantszyana", 1986. S. 184-198.
7. Su Khan. Izbrannye stikhi Evtushenko / per. s RF. Evtushenko E. A. Yun'nan': Izdatel'stvo Litszyan, 1987.
8. Sidorov E. Golosom vremeni (Zametki o poezii Evgeniya Evtushenko). M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. S. 1.
9. Su Khan. Elektrokardiogramma sovetskogo obshchestva: o poezii Evtushenko // Chtenie. 1987. № 4. S. 49.
10. Van Shouzhzen'. Evtushenko i ego poeticheskoe tvorchestvo // Obshchestvennye nauki za rubezhom. 1988. № 1. S. 53.
11. Van Shouzhzen'. Izbrannye stikhi Evtushenko / per. s RF. Evtushenko E. A. Khunan': Khunan'skoe narodnoe izdatel'stvo, 1988. S. 24.
12. Van Shouzhzen', Lou Chzhaomin. Sud vremeni i samosud-Lirika Evtushenko. Izbrannoe (Chast' III) // Znakomstvo s shedevrami. 1988. № 4. S. 50.
13. Chen' Syun, Syue Fu. Izbrannye liricheskie stikhotvoreniya Evtushenko / per. s RF. Evtushenko E. A. Chzhetszyan: Chzhetszyanskoe literaturnoe izdatel'stvo, 1988.
14. Bai Di. Evgenii Evtushenko // Mirovaya literatura. 1989. № 4. S. 269-271.
15. Guan' Yuan'. Mnenie Evtushenko o reforme i literature v SSSR // Inostrannaya literaturnaya kritika. 1989. № 7. S. 141-142.
16. Chzhan Meiyun'. Poety dolzhny znat', dlya kogo oni pishut, i vse poety dolzhny zhit' dlya lyudei // Izuchenie russkogo yazyka. 2017. № 3. S. 39.
17. Su Khan. Svad'by-Izbrannye stikhi Evtushenko / per. s RF. Evtushenko E. A. Pekin:

- Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1991.
18. Su Khan. Prezhdevremennoi avtobiografii / per. s RF. Evtushenko E. A. Guanchzhou: Izdatel'stvo Khuachzhen, 1998.
 19. Myao Khua, Lyu Myaokhuan. Ne umirai prezhd smerti / per. s RF. Evtushenko E. A. Pekin: Izdatel'stvo Kun'lun', 1999. S. 12.
 20. Lyu Ven'fei. Istoriya russkoi poezii XX veka. Pekin: Pekiiskoe akademicheskoe izdatel'stvo obshchestvennoi nauki, 1996. S. 205.
 21. Yui Tsze. Poet mezhd ruem i adom: k prochteniyu "Prezhdevremennoi avtobiografii" Evtushenko // Izdatel'skii obzor. 1999. № 9. S. 37-39.
 22. Gu Yun'pu. Poisk krasoty v strane poezii: issledovanie russkoi poezii i iskusstva. Pekin: Izdatel'stvo Pekiiskogo universiteta, 2004. S. 379.
 23. Khe Zhuitszyuan'. Sovest' dolzhna byt' osnovoi vsego literaturnogo mira: Evtushenko, Shao Yan'syan i Si Chuan' stali laureatami Mezhdunarodnoi poeticheskoi premii "Chzhunkun'" // Zhurnal kitaiskogo iskusstva. 2015. S. 1.
 24. Se Myan'. Zapis' o vechernem bankete v Iyuane: moya vstrecha s Evtushenko v Pekinskom universitete // Novoe poeticheskoe obozrenie. 2016. № 1. S. 246-247.
 25. Dzhidi Matszya. V pamyat' o poete Evtushenko: poeticheskii gigant tseloi epokhi // Ven'khueibao. 2017. URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2017/0801/c404064-29442027.html>
 26. Su Livei. Issledovanie poezii Evtushenko. Shankhai: Shankhaiskii universitet inostrannykh yazykov, 2021. S. 153-154.
 27. Angelina Parkhomchuk (Bai Syaolin). Kitaiskie perevody Evtushenko i Mezhelaitisa i ikh vliyanie na poeziyu Bei Dao. 2021. S. 17-27.
 28. Van Tszyan'chzhao. Pyat' stikhotvorenii Evtushenko // Ezhemesyachnik poezii. 2016. № 1. S. 30-33.
 29. Lyu Ven'fei. Stikhi, kotorye okhvatyvayut vse / per. s RF. Evtushenko E. A. // Mirovaya literatura. 2017. № 3. S. 220-226.
 30. Lyu Ven'fei. Stikhi Evtushenko / per. s RF. Evtushenko E. A. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2020.

"The Königsberg Trail" in E. T. A. Hoffmann's novel "The Devil's Elixir"

Il'chenko Natal'ya Mikhailovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

603002, Russia, g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 1, kab. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the scientific significance of the problem of urban text as one of the main directions of modern Russian literary history. The study of the regional literary process – Königsberg/Kaliningrad – helps to identify its local specifics. The article systematically examines the image of the monastery of St. Lipa in the context of the modern urban landscape. The uniqueness of the image, memorable from the first pages due to its vivid verbal description, is determined by the cultural and historical context and local mythology. The image of the monastery of St. Lipa is presented in the article as a physical reality and literary space, which is associated with the development of

one of the leading themes of the novel "The Devil's Elixir" - retribution for the guilt of ancestors. References to this image are made throughout the narrative; it is associated with the possibility of atonement for the guilt of a criminal family. The author uses a comprehensive literary approach that combines historical-cultural, biographical, and comparative-typological methods. It is shown how the plot and motive content of the novel "The Devil's Elixir" relates to the image of the monastery of St. Lipa: the motives of pilgrimage/path, atonement for sin, mysterious circumstances of birth, "heavenly consolation" became especially significant in the narrative. The leitmotif is Medard's memory of his early childhood spent in the monastery of St. Linden, which accompanies him in a "brightly colorful world" and performs a saving function. Attention is paid to the images of the founder of the family, the "old pilgrim", the "wonderful child", the mysterious meeting with whom took place in the monastery of St. Lipa and became fateful. The novelty of the study is related to the fact that the historical and cultural model of Königsberg-Kaliningrad has been clarified. The problem of genius loci is analyzed using the life of E. T. A. Hoffmann and his novel "The Devil's Elixir". This approach made it possible to clarify the specifics of the space of Königsberg/Kaliningrad, which preserves the memory of the brilliant romantic and his artistic world.

Keywords: diary, andscape, motif, image, plot, symbol, commentary, monastery, city, memory

References (transliterated)

1. Gofman E. T. A. Dnevnik / Perevod O. K. Loginovoi // Gofman E. T. A. Kreisleriana. Zhiteiskie vozzreniya kota Murra. Dnevnik / Izdanie podgotovili: I. F. Belza, A. S. Golemba, O. K. Loginova. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1972. S. 431-537.
2. Loginova O. K. Dnevnik Gofmana // Gofman E. T. A. Kreisleriana. Zhiteiskie vozzreniya kota Murra. Dnevnik / Izdanie podgotovili: I. F. Belza, A. S. Golemba, O. K. Loginova. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1972. S. 564-591.
3. Vitkop-Menardo G. E. T. A. Gofman sam svidetel'stvuyushchii o sebe i o svoei zhizni / Perevod s nem. O. Michkovskogo. Chelyabinsk: Izdatel'stvo "Ural LTD", 1999. 320 s.
4. Gofman E. T. A. Eliksir d'yavola / Perevod s nemetskogo V. L. Rantsova, pod red. Z. A. Vershininoi // Gofman E. T. A. Sobraie sochinenii: v 7 tt. M.: "Nedra", 1929. T. IV. S. 21-349.
5. Gofman E. T. A. Pis'ma Karlu Fridrikhu Kuntsu // Gofman E. T. A. Zhizn' i tvorchestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya, dokumenty / Perevod s nem. Sostavlenie K. Gyuntselya. M.: Raduga, 1987. S. 221-222.
6. Slavyatinskii N. A., Zhirmunskaya T. A. Primechaniya // Gofman E. T. A. Eliksiry satany / Perevod s nemetskogo N. A. Slavyatinskogo. SPb: "Nauka", 1993. S. 276-286.
7. Barinova A. Kommentarii // Gofman E. T. A. / Perevod s nemetskogo A. Barinovi // Gofman E. T. A. Sobraie sochinenii: v 8 tt. M.: TERRA – Knizhnyi klub, 2009. T. III. S. 475-507.
8. Ventslova T. "Kenigsbergskii tekst" russkoi literatury i o kenigsbergskikh stikhakh Iosifa Brodskogo // Budushchee Kaliningrada. Ot konfliktov k sotrudnichestvu / Pod obshchei redaktsiei M. Zappera, F. Vaiksera. M.: Izd. "Ves' mir", 2003. S. 11-32.
9. V mire E. T. A. Gofmana: sbornik statei / Glavnyi redaktor Greshnykh V. I. Kaliningrad; Gofman-tsentr, 1994. Vypusk I. 222 s.
10. Gil'manov V. Kh., Mal'tsev L. A. Teologiya nachal v literaturnoi sud'be Vostochnoi Prussii. Monografiya. Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2018. 257 s.

11. Gil'manov V. Kh. Problemy regional'noi literatury: "kenigsbergskii tekst" kak predmet khudozhestvennogo opyta: uchebnoe posobie. Kaliningrad: Izd. RGU im. I. Kanta, 2010. 92 s. EDN: RASMGV
12. Greshnykh V. I. E. T. A. Gofman: Kenigsbergskaya stranitsa zhizni // Gofman E. T. A. Izbrannoe. Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994. S. 5-22.
13. Gubin A. B. Ocherki literaturnoi zhizni Kenigsberga // Pregolya: Chetvertoe khudozhestvennoe prilozhenie k Baltiiskomu al'manakhu. Kaliningrad, 2009. S. 4-56.
14. Greshnykh V. I. "Magicheskii mir" literatury Vostochnoi Prussii // Vestnik Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. № 1. S. 41-49.
15. Mikushevich V. i Botnikova A. Kommentarii // Gofman E. T. A. Sobranie sochinenii: v 6 tt. M.: "Khudozhestvennaya literatura", 1994. T. II. S. 419-426.
16. Kaliningradskii slovar' / redaktor-sostavitel' M. S. Popov. Kaliningrad: Piktorka, 2021. 176 s.
17. Litvinets N. Kommentarii // Gofman E. T. A. Zhizn' i tvorchestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya, dokumenty / Perevod s nem. Sostavlenie K. Gyuntselya. M.: Raduga, 1987. S. 401-455.
18. Safrancki R. Gofman / Perevod s nemetskogo; Vstupitel'naya stat'ya V. D. Balakina. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 381 s.
19. Minakova R. D. Kaliningrad. V poiskakh Kenigsberga: putevoditel'. Kaliningrad: Zhivem, 2019. 320 s.
20. Kester B. Kenigsberg: Segodnyashnii Kaliningrad: Arkhitektura nemetskogo vremeni / Perevod s nemetskogo Alekseya Shubina. Khuzum, 2000. 256 s.
21. Minasyan L. R. Kaliningrad. Polnaya istoriya goroda. M.: Izdatel'stvo AST, 2024. 256 s.
22. Hoffmann E. T. A. Die elixiere des Teufels // Hoffmann E. T. A. Sämtliche poetischen Werke. Der vierte Band. Wiesbaden, 1972. S. 5-282.
23. Mikhnevich I. G. Opyt prostogo izlozheniya sistemy Shellinga // Fridrikh Shelling: pro et contra / Sost., vstup. St. V. F. Pustarnakova, primech. M. A. Khodanovich. SPb: RKhGI, 2001. S. 244-276.
24. Il'chenko N. M., Chernysheva E. G. "Rastitel'nyi ornament deistvitel'nosti": tsvety v kartine mira E. T. A. Gofmana i N. A. Polevogo // Nauchnyi dialog. 2024. T. 13. № 7. S. 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275 EDN: UYMHTR
25. Koroleva V. V. Simvolicheskii smysl obrazov rozy i kresta v romane E. T. A. Gofmana "Eliksiry satany" // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2017. № 5. S. 197-203. EDN: ZWDMBL
26. Mishina L. A. Teksty E. T. A. Gofmana kak khudozhestvennyi putevoditel' // Vestnik Udmurtskogo universiteta, 2019. T. 29, № 5. S. 848-851.
27. Mishina L. A. Rim v kontseptsii romana E. T. A. Gofmana "Eliksiry satany" // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. № 6 (2). S. 438-442.

Nouns with variation (fluctuation) by gender: normative and customary

Litnevskaya Elena Ivanovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie gory str., 1, building 51, room 961

Abstract. The article examines nouns with variation (fluctuation) of the generic characteristic, the presence of which is difficult both for native speakers and especially for foreigners. Groups of such words are heterogeneous and consist of declensable and mostly non—declensable nouns, the gender of which is expressed only syntagmatically (by inflections of an attribute and/or predicate). There are several groups of non-declensable nouns. In the first group, the genus is variable only in usage. In the second group, gender is variable not only in usage, but also in dictionaries. In the third group, gender is regulated by the rule, and in different subgroups of this group, the factors determining the generic characteristic are different, while in the ordinary linguistic consciousness of native speakers there is a violation of these rules.

In the course of the work, methods of observation, comparison, statistics and generalization were applied. Special attention is paid to the analysis of sources, in particular dictionaries. As a result of the study of the materials of the National Corpus of the Russian language, conclusions were drawn about the existing incorrect uses of the recommended norms of the generic characteristics of some declensable nouns, about the frequency of the usual choice and the usual discrepancy of the generic characteristics of non-declensable nouns with the normative generic characteristics recommended by dictionaries and reference books, about the choice of a factor for the appearance of variability. The existence of diverse factors in determining the gender of indescribable nouns suggests that indescribable neologisms will continue to acquire variable generic characteristics, with the gender of the hyperonym having the greatest influence, as well as the presence of hyperonyms of various kinds (country/state, car/car, etc.) in relation to a particular word, including words whose definition the genus of which does not involve referring to the genus of the hyperonym.

Keywords: perspectives of the kind of neologisms, factors of gender variability, the role of the hyperonym, violation of the definition of gender, everyday linguistic consciousness, non-declensable nouns, common nouns, the usual usage, the language norm, variability of generic characteristics

References (transliterated)

1. Russkaya grammatika. V 2-kh tt. / Pod red. N. Yu. Shvedovoi. T. I. M.: Nauka, 1980.
2. Rozental' D. E. Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike. M.: IK "Komplekt", 1997.
3. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Pod red. S. I. Kuznetsova. Spb.: Norint, 1998.
4. Zaliznyak A. A. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Izd. 6-e, dopolnennoe. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://gramdict.ru/>.
5. Uspenskaya I. D. Sovremennyi slovar' nesklonyaemykh slov russkogo yazyka: ok. 3000 slov. M.: AST: Astrel', 2009.
6. Baranova A. S. Otrazhenie variativnosti rodovoi kharakteristiki nesklonyaemykh sushchestvitel'nykh v sovremennykh slovaryakh // Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2016. Vyp. 1. S. 45–57.
7. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (NKRYa) [Elektronnyi resurs] URL: <https://ruscorpora.ru>.
8. Norman B. Yu. Grammaticheskaya kategoriya roda kak fragment obyden'nogo metazykovogo soznaniya // Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty / otv. red. N.D. Golev. – Kemerovo: Izd-vo Kem. gos. un-ta, 2010. Ch. 3. S. 87–105.

9. Yan Nan'. Dvurodovye sushchestvitel'nye i tendentsii ikh upotrebleniya v sovremennom russkom yazyke. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, 2024.
10. Yan Nan', Litnevskaya E.I. Sposoby oboznacheniya zhenskogo pola u sushchestvitel'nykh perekhodnogo k obshchemu roda («kandidatov» v obshchii rod): traditsionnoe i novoe // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 9 (479). S. 14–20.
11. Gerasimova A. A., Lyutikova E. A. K probleme variativnosti yazykovykh dannykh: rassoglasovanie po rodu v russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9 Filologiya. 2020. № 2. S. 25–37.
12. Sadilov I. V. Opredelenie roda nesklonyaemykh imen sushchestvitel'nykh // Nauchnyi dialog v yazykovom prostranstve. Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Saratov: Vavilovskii universitet. 2023. S. 209–211.
13. Turko U. I. O rodovoi prinadlezhnosti novykh nesklonyaemykh slov // Aprobatsiya. 2013. № 11. S. 27–28.
14. Vinogradov V. V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Izd. 3, ispr. M.: Vysshaya shkola, 1986.
15. Baranova A. S. Kriterii vybora roda nesklonyaemykh neodushevlennykh sushchestvitel'nykh ryadovymi nositelyami yazyka (na materiale metayazykovykh kommentariiev) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 412. S. 5–13.
16. Portal «Gramota.ru» [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <http://www.gramota.ru>.

The Controversial Nature of the Concept of 'Eurysemy': The Methodological Principle of 'Occam's Razor

Karatarakis Nikolaos

Postgraduate student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ nikokara41@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the concept of "eurysemy" in Russian linguistics, which is undergoing critical re-evaluation. The object of analysis comprises theoretical positions of Russian linguists, who interpret eurysemy as a special semantic phenomenon characterized by broad denotative reference and contextual conditioning of meaning. The author examines in detail such aspects of the problem as the methodological inconsistency of the term "eurysemy," the lack of clear criteria for its identification, and the conflation of this concept with other linguistic categories. Particular attention is given to analyzing the argumentation that the observed "broad meaning" is not an independent phenomenon but rather a consequence of typological features of the grammatical structure of compared languages, primarily the differences between analytic and synthetic language systems. The study employs the method of critical analysis of theoretical positions based on the principle of "Occam's Razor," which excludes the introduction of redundant entities. Methods of comparative linguistics are used to demonstrate the typological conditioning of the phenomenon, as well as componential analysis to identify semantic patterns. The methodological framework includes works on general semantics and language typology. The scientific novelty of the research lies in the systematic deconstruction of the concept of "eurysemy" as

methodologically unsound. The author proves that the observed phenomena of "broad meaning" represent: 1) the result of cross-linguistic comparison rather than an inherent property of vocabulary; 2) a manifestation of typological differences between analytic and synthetic languages; 3) a consequence of conflating various linguistic phenomena (polysemy, grammaticalization, syntagmatic variability). The main conclusion of the study is that eurysemy does not qualify as an independent linguistic phenomenon, as it fails to meet the criteria of universality, systematicity, and verifiability. The practical significance of the research lies in developing a more rigorous methodological approach to analyzing semantic phenomena without resorting to terminologically redundant constructs.

Keywords: abstract meaning, semantics, Russian language, syntheticity, analyticity, word formation, Occam's razor, broad semantic word, eurysemy, broad meaning

References (transliterated)

1. Amosova N.N. Osnovy angliiskoi frazeologii. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1963. 208 s.
2. Fedosova O. V. Glagoly shirokogo znacheniya v ispanskoy obikhnovoy diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2010. № 1 (5), ch. I. S. 218-221.
3. Evdokimova E.A. Mestoimenie it kak shirokoznachnoe slovo // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2009. № 2(59). S. 176-178.
4. Avdeev A.A. Problemy shirokoznachnosti i ee sootnoshenie s polisemiei i deiksisom (Na materiale imen sushchestvitel'nykh angliiskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2002. 172 s.
5. Evteeva M. Yu. Modelirovaniye semanticheskoy struktury glagolov shirokoy semantiki s obshchim znacheniem "delat'" v estestvennom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2014. 293 s.
6. Marinova E.D. Sintaksis i semantika nekotorykh shirokoznachnykh glagolov dinamicheskogo sostoyaniya v angliiskom yazyke (opyt diakhronicheskogo issledovaniya): dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 1995. 194 s.
7. Dudina A.M. O shirokoznachnosti glagol'nykh edinits v diakhronicheskom aspekte (na materiale frantsuzskogo i belorusskogo yazykov) // Vestnik MGLU. Ser. 1. Filologiya. 2019. № 1 (98). S. 20-26.
8. Plotkin V.Ya. Stroiy angliiskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1989. 239 s.
9. Malyutina E.I. Glagoly shirokoy semantiki v kognitivnom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2008. 198 s.
10. Plotkin V.Ya., Grosul L.Ya. Shirokoznachnost' kak leksiko-semanticheskaya kategoriya // Teoreticheskie problemy semantiki i ee otrazhenie v odnoyazychnykh slovaryakh. Kishinev: Shtiintsa, 1982. S. 81-86.
11. Plotnikova A.M. Shirokoznachnye glagoly v sovremennom russkom yazyke // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. 2009. № 1/2 (63). S. 24-31.
12. Semina I.A. Shirokoznachnost' v aspekte universal'nosti i analitizma. M.: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2019. 186 s.
13. Zagorodnyaya V.A. Perevod glagolov shirokoy semantiki v nauchno-tekhnicheskikh tekstakh s angliiskogo yazyka na russkii. M.: Izdatel'stvo MGOU, 2005. 144 s.
14. Fedyuk P.S. Glagoly razmeshcheniya predmetov v prostranstve v yazykakh razlichnykh grupp: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2011. 179 s.

15. Soboleva E.L. Razvitie shirokoznachnosti u glagolov turn i grow. Opyt sistemnogo diakhronicheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2001. 146 s.
16. Arnol'd A.A. Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1986. 376 s.
17. Ufimtseva A.A. Leksicheskoe znachenie: Printsip semanticheskogo opisaniya leksiki / pod red. Yu.S. Stepanova. M.: Editorial URSS, 2002. 240 s.
18. Dimova S. H. K probleme shirokogo znacheniya slova (na materiale angliiskogo sushchestvitel'nogo way) // Uchen. zapiski. T. 416. Vyp. 1. M.: MGPI, 1971. S. 120-135.
19. Belyaeva E. P. Prototipicheskaya baza semantiki angliiskikh glagolov: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2001. 190 s.
20. Karatarakis N. K illyuzii evrisemii: mezhdru "obshchim", "obobshchennym" i "shirokim" znacheniyami // Litera (v pechati).
21. Ievleva I. V. Fundamental'nyi glagol deistviya v yazykakh razlichnykh grupp: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2010. 193 s.
22. Ivanova S.V., Gapienko P.E. Terminosistema iskusstvovedeniya: shirokoznachnost' i mnogoznachnost' v deistvii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2021. № 4. S. 38-46.
23. Litvinova N. V. Semanticheskii potentsial shirokoznachnogo glagola "DELAT'" v yazykakh razlichnykh grupp // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2016. T. 16, vyp. 4. S. 371-375.
24. Torzhok, A. G. Eshche raz o shirokoznachnosti i mnogoznachnosti // Yazykovaya kompetentnost': metodicheskie aspekty praktiko-orientirovannogo obrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei / Ministerstvo vnutrennikh del Respubliki Belarus', uchrezhdenie obrazovaniya "Mogilevskii institut Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus'". S. 211-215.
25. Dobrovol'skii D. O. Mezhdru leksikonom i grammatikoi: o sintaksise idiom // Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati Lyudmily Alekseevny Verbitskoi (1936-2019). Izbrannye doklady / pod red. V. P. Kazakova. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2023. (St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. Vol. 3). S. 85-99.

Models of simple sentences with motion semantics in the Koryak language

Koshkareva Natalia Borisovna

Doctor of Philology

Head of the Sector; Siberian Languages Sector; Institute of Philology SB RAS

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia, Novosibirsk region

✉ koshkar_nb@mail.ru

Cheprasova Aleksandra Andreevna

Junior Researcher; Siberian Branch of Languages; Institute of Philology SB RAS

✉ a.cheprasova@alumni.nsu.ru

Abstract. The object of description is elementary simple sentences in the Koryak language

with the semantics of movement, while the subject is the structural and semantic characteristics of such sentences. The goal is to classify simple sentences representing movement situations and to characterize the typical features of these sentences. The sentences under consideration form a subsystem of syntactic units representing the proposition of movement. They describe dynamic spatial situations of the type "the subject moves from one point in space to another along a route." The study relies on the theory of modeling elementary simple sentences from the Novosibirsk syntactic school. At the syntactic level of the language, the primary and only unit is the elementary simple sentence (ESS). The proposition as a content plan and the structural scheme as an expression plan constitute the model of the ESS - a way of representing the ESS as a linguistic sign. The modeling method of the structure and semantics of the sentence as a two-sided linguistic sign allows the researcher to abstract from the modifications of the statement in speech and identify features that ensure structural and semantic completeness. This method aims to establish differential features, based on which individual models differ from one another while simultaneously forming a unified system. For the first time, models of the elementary simple sentence with the semantics of dynamic movement in the Koryak language have been identified and systematized. They form an extensive system in which three types of syntactic constructions are contrasted: adlative models, which characterize the movement of the subject towards a specific point in space; delative models, which characterize the movement of the subject from a specific point in space; and translative models, which indicate the place along which the movement occurs. Each model is represented by a series of structural-semantic variants. In the position of the localizer, adverbs can occupy a slot, forming the adverbial variant of the model, in which space is presented in the most general form or correlated with a previously named place. Nouns denote specific spatial landmarks: the case markers of the lative, ablative, or translative indicate the orientation of movement towards the endpoint, from the starting point, or along the route, respectively. Spatial suffixes specify parts of the object that serve as landmarks. Potentially, each of the spatial cases can combine with any spatial suffix, forming symmetrical subsystems of structural-semantic variants.

Keywords: spatial suffix, translative, ablative, lative, motion models, spatial relations, elementary simple sentence, ergative language, Koryak language, localizer

References (transliterated)

1. Cheremisina M. I. O teoreticheskikh voprosakh model'nogo opisaniya predlozhenii // Predlozhenie v yazykakh Sibiri. Novosibirsk, 1989. S. 3–18. EDN: YFJMIL.
2. Cheremisina M. I. Issledovanie modelei elementarnogo prostogo predlozheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 1997. S. 56–61.
3. Cheremisina M. I. O sistemnosti v sfere modelei predlozheniya // Stroenie predlozheniya v yazykakh raznykh sistem. Novosibirsk, 1992.
4. Cheremisina M. I. Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsey yazyka // Yazyki korennykh narodov Sibiri. Novosibirsk, 2003. Vyp. 11. S. 3–29. EDN: WOHZRT.
5. Koshkareva N. B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsey yazyka // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. T. 4, Vyp. 2. S. 64–76. EDN: HYRSFN.
6. Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v ural'skikh yazykakh Sibiri: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Novosibirsk, 2007. 47 s. EDN: QDYTEB.

7. Koshkareva N. B. O polisemii sintaksicheskikh edinitov // Vestnik NGU. 2012. Tom 11, Vypusk 9. S. 164–171.
8. Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinitov yazyka i rechi // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015. № 2. S. 14–26. EDN: TWKTLN.
9. Lomtev T. P. Struktura predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. M.: Izd-vo MGU, 1979. 198 s.
10. Zolotova G. A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa. M.: Nauka, 1973. 351 s. EDN: QCQSWP.
11. Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsii iz kursa "Sovremennyyi russkii yazyk". Krasnoyarsk, 1988. 54 s.
12. Beloshapkova V. A. Sovremennyyi russkii yazyk. M.: Vyssh. shkola, 1989. 800 s.
13. Vsevolodova M. V. Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragm. priklad. (ped.) modeli yaz.: Uchebnik. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2000. 501 s.
14. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar / Ed. K. Hengeveld. 2nd ed., rev. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1997. 477 p.
15. Givón T. Functionalism and Grammar. Amsterdam, 1995. 486 p.
16. Van Valin R. D., Jr., Lapolla R. J. Syntax: Structure, Meaning and Function. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 713 p.
17. Fillmore Ch., Kay P., O'Connor C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of let alone // Language. 1988. Vol. 64. Pp. 501–538.
18. Goldberg A. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. The University of Chicago Press, 1995. 271 p.
19. Croft W. Radical construction grammar. Oxford University Press, 2001. 448 p.
20. Constructions grammars: Cognitive grounding and theoretical extensions. Amsterdam, John Benjamins, 2005. 325 p.
21. Nevskaya I. A. Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). Novosibirsk, 2005. 304 s. EDN: QOKXMT.
22. Koshkareva N. B. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii (na materiale ural'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri) // Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk, 2005. S. 74–119. EDN: QZDACX.
23. Koshkareva N. B. Bytiino-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyiskom i nenetskom yazykakh // Vestn. NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. T. 17, № 9: Filologiya. S. 53–65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65 EDN: YZJBNJ.
24. Sereedar N. Ch. Strukturno-semanticheskie tipy modelei bytiinykh predlozhenii v tyurkskikh yazykakh yuzhnoi Sibiri // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. S. 220–222.
25. Sereedar N. Ch. Bytiinye modeli v tuvinskom yazyke: kharakterizuyushchie znacheniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 6 (79). 2019. S. 680–683. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10295 EDN: EQLZNQ.
26. Chugunekova A. N. Formal'no-semanticheskie modeli predlozhenii s predikatami dvizheniya, postroennye po skheme N=1 N=6 V=dv. (na materiale khakasskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2012. № 7 (18): v 2 ch. Ch. 1. S. 219–221. EDN: PGEWMF.
27. Chugunekova A. N. Modeli elementarnykh prostykh predlozhenii kauzirovannogo peremeshcheniya ob'ekta v prostranstve (na materiale khakasskogo yazyka) // Oriental

- Studies. 2020. T. 13. № 1. S. 208–224. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-208-224 EDN: PPEESI.
28. Zhukova A. N. Grammatika koryakskogo yazyka: fonetika, morfologiya. L.: Nauka, 1972. 323 s.
 29. Nagayama Yu. Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka (ELPR Publication Series A2-038). Osaka Gakuin Univ., 2003. 314 s.
 30. Zhukova A. N. Koryakskii yazyk: uchebnik dlya uchashchikhsya pedagogicheskikh uchilishch. L.: Prosveshchenie, Leningr. otделение, 1987. 256 c.
 31. Moll T. A. Koryaksko-russkii slovar'. L.: Uchpedgiz, Leningr. otd-nie, 1960. 236 s.
 32. Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. Yazyk i fol'klor alyutortsev. M.: Nasledie, 2000. 468 s. EDN: RAFKVB.
 33. Mal'tseva A. A. Otritsatel'no-tselevye konstruksii v chukotsko-koryakskikh yazykakh // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2006. № 4. S. 28–35. EDN: LACRWR.
 34. Mal'tseva A. A. Elementy predikativnogo skloneniya v chukotsko-koryakskikh yazykakh // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2010. T. 9. № 2. S. 70–79. EDN: KZBVDJ.
 35. Mal'tseva A. A. Temporal'no-kausal'nye polipredikativnye konstruksii v dialektakh alyutorskogo yazyka // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2011. T. 10. № 2. S. 72–80. EDN: NDISVV.
 36. Mal'tseva A. A. Strukturnye tipy tselevykh polipredikativnykh konstruksii v chukotsko-koryakskikh yazykakh // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. № 2. S. 71–83. EDN: ORJRYD.
 37. Mal'tseva A. A. Dinamika sootnosheniya peregrinativnykh form i tselevykh polipredikativnykh konstruksii v chukotsko-koryakskikh yazykakh // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2013. T. 12. № 9. S. 102–113. EDN: RFKCKF.
 38. Mal'tseva A. A. Sinteticheskie i analiticheskie sredstva vyrazheniya nachala deistviya v taksisnykh polipredikativnykh konstruksiyakh chukotsko-koryakskikh yazykov // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13. № 2. S. 28–44. EDN: RXMKIJ.
 39. Mal'tseva A. A. O raznykh istochnikakh sintetizma v sistemakh taksisnykh konstruksii chukotsko-koryakskikh yazykov // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015. № 2. S. 44–61. EDN: TWKTMR.
 40. Tarasevich D. V. Analiticheskie i analitiko-sinteticheskie uslovnye konstruksii v koryakskom yazyke // Inostrannye yazyki: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Literaturovedenie. Prikladnaya lingvistika. Yazykoznanie. Materialy 62-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii. Novosibirsk, 2024. S. 268–269. EDN: XILNRY.
 41. Tarasevich D. V. Strukturnaya i funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya koryakskikh polipredikativnykh konstruksii so skrepoi *tite* 'kogda' // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2024. № 1 (49). S. 42–59. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-1-42-59 EDN: JJYBJV.
 42. Cheprasova A. A. Bytiino-lokativnye predlozheniya v koryakskom yazyke // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2024. № 2 (50). S. 64–74. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-2-64-74 EDN: DVJVJS.
 43. Cheprasova A. A. Struktura prostykh aktsional'nykh predlozhenii v koryakskom yazyke i puti ikh metaforizatsii // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2023. № 2 (46). S. 76–88. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-2-76-88 EDN: TAXCBE.

44. Arutyunova N. D. Propozitsiya // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 401.
45. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timoty Shopen, ed. *Language typology and syntactic description*, second edition. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. R. 57–149.
46. Talmy L. How language structures space // *Spatial orientation. Theory, research, and application*. Ed. by H. Pick & L. Acredolo. New York & London: Plenum Press, 1983: 225–282.
47. Levinson S. *Grammars of space. Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 621 p.
48. Levinson S. *Space in language and cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 415 p.
49. Mel'chuk I. A. Kurs obshchei morfologii. Tom II: Per. s fr./ Obshch. redaktsiya N. V. Pertsova i E. N. Savvinoi. Moskva – Vena: "Yazyki russkoi kul'tury", venskii slavisticheskii al'manakh, 1998. 544 s. EDN: SUMCHF.
50. Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koryakskoi kul'tury: Liliya Aimykh*. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo", 2015. 172 s. EDN: VUHYUH.
51. Mal'tseva A. A., Golovaneva T. A., Tiron E. L. *Golosa koryakskoi kul'tury: Aleksandra Kergil'khot*. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo "Geo", 2019. 288 s.
52. Kul'tura kamchatskikh koryakov-chavchuchenov vtoroi poloviny XX veka po vospominaniyam N. I. Tynetegina / Sost. T. A. Golovaneva. Novosibirsk: SO RAN, 2022. 252 s.
53. Mal'tseva A. A. Relyativnye slova v chukotsko-koryakskikh yazykakh // *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2003. № 1. S. 57–95. EDN: OWROJN.

The Presong by Olga Sedakova through the Intertextual Analysis

Leonteva Natalia Anatolevna

Postgraduate student; Department of Russian Language and Literature; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax, 10

 leonteva.na@dvfu.ru

Abstract. O. A. Sedakova, philologist, theologian, translator, teacher, is one of the prominent figures in the modern literature. The author believes that in Sedakova's works intertextuality is highly likely realized both as a principle and a method of her poetics. Thus, Sedakova's lyrics have a high intertextual potential. For now the nature, functions and mechanisms of intertextuality require clarification. It determines the relevance and novelty of our paper. So, the scope of the study is the specifics and functioning of intertextuality in Olga Sedakova's poem *The Presong* (studying the Homer image). In our research intertextual analysis is based on the developments of R. Dressler, V. Bogrand, V. E. Chernyavskaya and includes elements of I. R. Galperin's theory of textual informativeness, comparative method and motivic analysis. In Sedakova's semantically complicated poem *The Presong* intertextuality turns out to be a constituent component, forming the image of Homer. Typological and referential links in this poem are presented as allusions; their recognition requires the reader to have developed intertextual competence. There are no precedent phenomena, acting as facts of intertextuality in the *The Presong*, but only words of everyday language that acquire specificity of an

intertextual unit in the poem's context. Due to the contextual conditionality of the word/image, the poem has a polysemous text. The Homer's image consists of two motive complexes; we called them "optical" and "Homeric poetics". The "optical" group combines a reference to the Homeric question, several conventional facts about the biographical Homer, as well as elements of Natural philosophy from his poems. The conceptual stratum of the poem is closely related to the factual one: the physical blindness of the ancient poet becomes a marker of Homer's relation with divine locus. And Homer, endowed with a special vision, turns into an inspirer of the subsequent poetic tradition.

Keywords: Olga Sedakova, Homer, Homer' image, imagery, Homeric poetics, poetics, intertextual analysis, typological intertextuality, referential intertextuality, intertextuality

References (transliterated)

1. Bakina V.I. Rannegrecheskaya filosofiya i nauka. Fales Miletskii (VI v. do n. e.) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. № 7. S. 58–62. DOI: 10.24158/fik.2017.7.14.
2. Bibikhin V.V. Grammatika poezii. Novoe russkoe slovo. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2009. 592 s.
3. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 128 s.
4. Karaulov Yu.N. Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovanii yazykovoi lichnosti // Nauchnye traditsii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury: doklady sovetskoi delegatsii. M.: Russkii yazyk, 1986. S. 105–126.
5. Losev A.F. Gomer [2-e izd., ispr.]. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 400 s.
6. Mandel'shtam O.E. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. V 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya / O.E. Mandel'shtam; sost., podgot. teksta i komment. A. G. Metsa. SPb.: Internet-izdanie, 2020. 700 s.
7. Megrelishvili K. Topografiya «inoi mestnosti» v tvorchestve Ol'gi Sedakovoi // Ol'ga Sedakova: stikhi, smysly, prochteniya: sbornik nauchnykh statei; [red. S. Sandler i dr.]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. S. 435–467.
8. Medvedeva N.G. «Tainye stikhi» Ol'gi Sedakovoi. Izhevsk, 2013. 267 s.
9. Pratt S. Razrushenie razrusheniya: pravoslavnyi impul's v tvorchestve Nikolaya Zabolotskogo i Ol'gi Sedakovoi // Ol'ga Sedakova: stikhi, smysly, prochteniya: sbornik nauchnykh statei; [red. S. Sandler i dr.]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. S. 232–264.
10. Sedakova O.A. «Chtoby rech' byla tvoei rech'yu». Beseda s Valentinoy Polukhinoi / Personal'nyi sait O.A. Sedakovoi. URL: <https://www.olgasedakova.com/interview/177> (data obrashcheniya: 21.12. 2024).
11. Sedakova O.A. Puteshestvie s zakrytymi glazami. Pis'ma o Rembrandte. / Personal'nyi sait O.A. Sedakovoi. URL: <https://www.olgasedakova.com/art/2061> (data obrashcheniya: 21.12. 2024).
12. Sedakova O.A. Chetyre toma T. 2. Perevody / O.A. Sedakova. M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 576 s.
13. Sedakova O.A. Chetyre toma. T. 1. Stikhi / O.A. Sedakova. M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 432 s.
14. Sedakova O.A. Chetyre toma. T. 3. Poetica / O.A. Sedakova. M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 584 s.

15. Chernyavskaya V.E. Kognitivnaya lingvistika i tekst: neobkhodimo li novoe opredelenie tekstual'nosti? // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2005. № 2. S. 77–83.

Rhetoric of «worthless civilization»: lexemes of progress, decay and «devilish morality» in the texts of N.A. Berdyaeva

Ma Lin

Postgraduate student; Department of Russian Language and Teaching Methods; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

✉ LinMa2025@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the rhetorical organization of Berdyaev's philosophical discourse based on lexemes and lexical-semantic fields associated with the concepts of progress, decay, and «devilish morality». The object of the study is the philosopher's texts from the late 19th – first half of the 20th century, which reveal the problems of civilization, morality and spiritual decay. The author examines the issues of semantic polarization of lexemes, the mechanisms of their amplification within rhetorical contexts and the ways in which these means produce emotional and evaluative tension in the text. Particular attention is paid not only to the lexemes themselves as units of language, but also to their pragmatic functioning in the text. The research methodology is based on a comprehensive approach in which lexical-semantic analysis is combined with discursive, pragmatic and stylistic interpretations, as well as historical and cultural analysis of the contexts of the emergence of Berdyaev's works. A special place in the methodological set is occupied by the analysis of metaphorical and mythological images through which the philosopher carries out criticism of modern civilization. The main conclusions of the study are that Berdyaev's rhetoric constructs the image of a «worthless civilization» through the systematic use of lexemes associated with progress, decay, and «devilish morality», and these lexical fields turn out to be not just descriptive means, but active pragmatic instruments of criticism. The polarization of semantics serves to create an evaluative contrast, which strengthens the apocalyptic tone of reasoning and transfers philosophical argumentation into the register of moral warning. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the mechanism of semantic polarization is identified and theoretically substantiated as a key argumentation strategy for the philosopher, providing an apocalyptic moral-evaluative intonation in the text.

Keywords: metaphorical images, lexemes of progress, devilish morality, apocalyptic moral-evaluative intonation, texts by N.A. Berdyaev, pragmatic functioning, semantic polarization of lexemes, philosophical discourse, rhetoric of a worthless civilization, lexical-semantic fields

References (transliterated)

1. Azarova, N. M. Tipologicheskii ocherk yazyka russkikh filosofskikh tekstov KhKh v.: monografiya. – Moskva: Logos; Gnozis, 2010. – 250 s. EDN: QVAEDF
2. Androsenko, S. V. Sobornost' kak antropologicheskaya i ekkleziologicheskaya kategoriya v trudakh N. A. Berdyaeva // Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta. – 2021. – Vyp. 40. – S. 9-34. DOI: 10.25803/26587599_2021_40_9 EDN: CBGIKX
3. Berdyaev, N. A. Samopoznanie: sbornik / sost., avt. vstup. st., s. 3-18, A. A. Ermichev. – Leningrad: Lenizdat, 1991. – 395 s.
4. Berdyaev, N. A. Filosofiya svobody; Smysl tvorchestva / vstup. st., sost., podgot. teksta, primech. L. V. Polyakova; Zhurn. "Vopr. Filosofii" i dr. – Moskva: Pravda, 1989.

– 607 s.

5. Berdyaev, N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t. / vstup. st., sost., primech. R. A. Gal'tsevoi.* – Moskva: Iskusstvo; Moskva: IChP "Liga", 1994. – [T. 1.] – 541 s.; [T. 2.] – 508 s.
6. Berdyaev, N. A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya / sost. i poslesl. P. V. Alekseeva; podgot. teksta i primech. R. K. Medvedevoi.* – Moskva: Respublika, 1995. – 382 s.
7. Vadimov, A. (A. V. Tsvetkov). *Zhizn' Berdyaeva.* Rossiya. – Oakland (Calif.): Berkeley slavic specialties, 1993. – 287 s.
8. Kara-Murza, A. A. *Kul'tura, tsivilizatsiya i "novoe varvarstvo": istoriosofskie prozreniya Nikolaya Berdyaeva // Filosofskii zhurnal.* – 2025. – T. 17; № 2. – S. 5-20.
9. Kozlovskaya, N. V. *Leksemy "Natsiya" i "Natsional'nost'" v filosofskikh terminosistemakh N. A. Berdyaeva i K. N. Leont'eva // Politicheskaya lingvistika.* – 2015. – № 1 (51). – S. 104-109. EDN: TWGEEJ
10. Kochetkov, G. S. *Genii Berdyaeva i Tserkov' // Pravoslavnyaya obshchina.* – 1998. – № 2. – URL: <https://pravoslavnyaya-obshchina.ru/1992/no8/article/svjashchennik-georgii-kochetkov-genii-berdyaeva-i-cerkov/-ysclid=mies8th65h797625760> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
11. Ma Lin'. *Komparativnyi analiz leksicheskikh edinit kak instrument issledovaniya kul'turno-yazykovogo suvereniteta v tvorchestve N. A. Berdyaeva // Litera.* – 2025. – № 4. – S. 131-143.
12. Makarova, A. F. *Konservativizm Nikolaya Berdyaeva: svoboda preobrazheniya traditsii // Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta.* – 2023. – Vyp. 47. – S. 69-88. DOI: 10.25803/26587599_2023_47_69 EDN: WOLDLX
13. Mareev, S. N. *Mif o Berdyaeve: monografiya.* – Moskva: Izd-vo SGU, 2012. – 287 s. EDN: UHVGTB
14. Raikhel't, Sh. *Nikolai Berdyaev v Germanii 1920–1950. Issledovanie po istorii vliyaniya (Otryvki iz knigi) // Coincidentia oppositorum. Ot Nikolaya Kuzanskogo k Nikolayu Berdyaevu.* – Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2010. – S. 397-426.
15. Starodubets, S. N. *Ideologizirovannaya leksika kak yazykovoe vyrazhenie personalisticheskoi kartiny mira v diskurse N. A. Berdyaeva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01.* – Orel, 2000. – 20 s. EDN: PNMNQM

Towards the illusion of eurysemy: Between 'general', 'abstract' and 'broad' meanings

Karatarakis Nikolaos

Postgraduate student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ nikokara41@gmail.com

Abstract. This study examines the concepts of 'general', 'abstract', and 'broad' meanings within the context of eurysemy. Specifically, it focuses on the concept of *shirokoznachnost'* or 'eurysemy,' which purportedly gives rise to these meanings. The objective of this paper is to critically analyze these concepts and demonstrate that interpreting 'eurysemy' as a unified, general, and abstract concept is unfounded. The study aims to: analyze the concepts of 'general' and 'invariant' meanings, define the scope of the term 'general meaning' and its interpretation in relation to eurysemy, identify and describe characteristics of eurysemy that cannot be reduced to a single 'general' meaning, which lead to how these characteristics

contribute to the illusion of polysemy. The study employs a deductive method to verify existing theories, a logical comparison method to support arguments, and a continuous sampling method to analyze linguistic examples. Introspection is also utilized to deepen the understanding of the phenomena under consideration.

The novelty of this research lies in its systematic critique of the term 'eurysemy,' demonstrating that its usage is unjustified. The study argues that 'eurysemy' is a misleading concept, distinct from the linguistic phenomenon of polysemy, often subsumed under the notion of 'general meaning.' The illusion of eurysemy arises from comparing the synthetic nature of Russian with the analytic tendencies of other languages. This discrepancy is particularly evident in the definition of 'broad meaning,' which is often reduced to notions of broad compatibility, either direct or indirect. The findings indicate that 'eurysemy' cannot be considered a legitimate linguistic phenomenon. Instead, the notion of 'broad meaning' is a construct shaped by cross-linguistic comparisons and lacks an independent conceptual basis.

Keywords: Denotatum, Significant, Broad meaning, Synteticity, Analyticity, General meaning, Abstract meaning, Polysemy, Shirokoznachnost, Eurysemy

References (transliterated)

1. Amosova N.N. Osnovy angliiskoi frazeologii / L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1963. 208 s.
2. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya / M.: Nauka, 1977. 312 s.
3. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika / M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995. 472 s.
4. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / per. s angl., otv. red. M.A. Krongauz, vstup. st. E.V. Paduchevoi. / M.: Russkie slovari, 1996. 416 s.
5. Gak V.G. Sopostavitel'naya leksikologiya / M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1977. 264 s.
6. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoi semantiki / SPb.: Nauchnyi tsentr problem dialoga, 1996. 760 s.
7. Pesina S.A. Polisemiya v kognitivnom aspekte: Monografiya / SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2005. 325 s.
8. Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. Sb. stat'ei / M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. 456 s.
9. Novikov L.A. Izbrannye trudy. T. I. Problemy yazykovogo znacheniya / M.: Izd-vo RUDN, 2001. 672 s.
10. Katsnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie / M. – L.: Nauka, 1965. S. 50-51.
11. Ufimtseva A.A. Leksicheskoe znachenie: Printsip semanticheskogo opisaniya leksiki / pod red. Yu.S. Stepanova. – M.: Editorial URSS, 2002. 240 s.
12. Krongauz M.A. Semantika; M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2005. 352 s.
13. Pertsov N.V. Invarianty v russkom slovoizmenenii. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2001. 279 s.
14. Malyutina E.I. Glagoly shirokoi semantiki v kognitivnom aspekte [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 : zashchishchena v Ros. gos. ped. un-te im. A.I. Gertsena, 3.12.2008 / E.I. Malyutina. – SPb., 2008. 198 s.
15. Evteeva M. Yu. Modelirovanie semanticheskoi struktury glagolov shirokoi semantiki s obshchim znacheniem «delat'» v estestvennom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. M.,

2014. 293 s.

16. Semina I.A. Shirokoznachnost' v aspekte universal'nosti i analitizma / M.: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2019. 186 s.
17. Marinova E.D. Sintaksis i semantika nekotorykh shirokoznachnykh glagolov dinamicheskogo sostoyaniya v angliiskom yazyke (opyt diakhronicheskogo issledovaniya). Kemerovo, 1995. 194 s.
18. Zaliznyak A.A. Russkaya semantika v tipologicheskoi perspektive. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 639 s.
19. Sokolova V.M. K probleme slov shirokoi semantiki // Voprosy germanskoi filologii. Volgograd, 1967. S. 22-36.
20. Pavilenis R.I. Problema smysla, sovremennyy logiko-filosofskii analiz yazyka / M.: Mysl', 1983. 285 s.
21. Reznikova Zh.I. Intellect i yazyk: Zhivotnye i chelovek v zerkale eksperimenta. M.: Nauka, 2000. 280 s.
22. BTSRS – Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / pod red. L. G. Babenko. M.: AST-Press Kniga; 2008. 864 s.
23. Shaposhnikova, I. V. Sistemnye diakhronicheskie izmeneniya leksikosemanticheskogo koda angliiskogo yazyka v lingvo-etnicheskom aspekte [Tekst] / I. V. Shaposhnikova. – Irkutsk : IGLU, 1999. 243 s.
24. Plotkin V.Ya., Grosul L.Ya. Shirokoznachnost' kak leksiko-semanticheskaya kategoriya // Teoreticheskie problemy semantiki i ee otrazhenie v odnoyazychnykh slovaryakh. Kishinev: Shtiintsa, 1982. S. 81-86.
25. Moskaleva M. Rasshirenie znacheniya slova kak odin iz osnovnykh semanticheskikh protsessov (na primere imen sushchestvitel'nykh) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2007. № 33. S. 180-184.
26. Karatarakis N. Semanticheskoe razvertyvanie imen sushchestvitel'nykh, oboznachavshikh professiyu v XVIII veke // Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poetika: Sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 14–15 aprelya 2022 goda. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov. 2022. S. 601-609.
27. Plotnikova A.M. Shirokoznachnye glagoly v sovremennom russkom yazyke // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. 2009. № 1/2 (63). S. 24-31.
28. Grosul L.Ya. Shirokoznachnye glagoly dinamicheskogo sostoyaniya v angliiskom yazyke [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 : zashchishchena v Institute yazykoznaniya AN SSSR / L.Ya. Grosul. – Kishinev, 1977. 137 s.
29. Soboleva E.L. Razvitie shirokoznachnosti u glagolov turn i grow. Opyt sistemnogo diakhronicheskogo analiza: Dis. ... kand. filol. nauk. – Irkutsk: IGLU, 2001. 146 s.
30. Stepanova A.N., Kistanova L.F. Shirokoznachnye slova v funktsional'nom aspekte (na materiale frantsuzskogo yazyka) // Romanskie yazyka: semantika, pragmatika, sotsiolingvistika. L.: 1990. №4. S. 49-57.
31. Evteeva M.Yu. Semanticheskaya struktura slova: mnogoznachnost' vs shirokoznachnost' // Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2021. № 1. S. 28-36.
32. Radbil' T.B. Analitizm vs sintetizm v aktivnykh protsessakh v grammatike sovremennogo russkogo yazyka // Mir russkogo slova. 2020. № 1. S. 7-12.

33. Avdeev A.A. Problemy shirokkoznachnosti i ee sootnoshenie s polisemiey i deiksisom (Na materiale imen sushchestvitel'nykh angliiskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 : zashchishchena v Voronezh, gos. un-te, 27.12.2002 / A.A. Avdeev. – Voronezh, 2002. 172 s.
34. Nikolaevskaya R.R. Problema shirokkoznachnosti i perevod // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2003. № 480. S. 83-99.

A study of popular science discourse in China and Russia using neural networks as informants

QU Haolin

Postgraduate student; Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199226, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Morskaya embankment, 15

✉ quhaolin2021@163.com

Gorbatov Dmitry Sergeevich

Doctor of Psychology

Professor; Department of Applied Social Psychology; St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

199178, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 12-ya.O., 13a

✉ gorbatov.rus@gmail.com

Abstract. The subject of the research is the peculiarities of the popularization of scientific knowledge in China and Russia. The novelty of the study lies in the fact that for the first time nine artificial intelligence models developed in China, Russia and the USA were used as informants in the application of the survey method. Each of them was asked three questions about the trends in the popularization of scientific knowledge in China and Russia. The results showed that when describing China, the emphasis is on the role of the state and a top-down strategy, while in relation to Russia, the diversity of popularization institutions is emphasized. The main barriers are the insufficient level of scientific literacy and the spread of pseudoscience. With regard to cooperation between countries in popularizing science, AI models predict that artificial intelligence, biomedicine and public health, as well as ecology and energy, will become promising areas. It is noted that the responses of the models, despite their general consistency, contain inaccuracies and biases. The article argues that AI models can be used as a heuristic tool in scientific communication research, but in order to achieve accurate results, it is necessary to combine their findings with traditional empirical research. The research methodology is based on a survey of nine language models of artificial intelligence, who were asked three questions about the popularization of science in China and Russia, and all the texts received were analyzed. The novelty of the research lies in the use of neural network models as informants for studying the popularization of science. This allowed us to identify stable patterns: in the Chinese context, state policy and centralized management dominate, while in the Russian context, institutional fragmentation and regional differences prevail. Among the barriers are low scientific literacy, lack of trust, and the spread of pseudoscience. At the same time, AI models have pointed to promising areas of cooperation between China and Russia, including artificial intelligence, biomedicine, healthcare, ecology and energy. At the same time, limitations have been identified: the model responses contain inaccuracies, bias, and the risk of reproducing pseudoscientific judgments. In conclusion, it is emphasized that AI can serve as a heuristic tool for identifying discursive

trends, but conclusions should be combined with traditional empirical methods to ensure verification and reliability of analysis.

Keywords: cooperation between countries, public policy, barriers to popularization, differences in popularization, cross-cultural comparison, neural networks, artificial intelligence, large language models, popularization of scientific knowledge, scientific communication

References (transliterated)

1. Makarova, E. E. Populyarizatsiya nauki v Internetе: sodержanie, formy, tendentsii razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. – 2013. – № 2. – S. 98-104. EDN: PZEAAP.
2. Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT'21). – New York : ACM, 2021. – S. 610-623.
3. Cuskley C., Woods R., Flaherty M. The Limitations of Large Language Models for Understanding Human Language and Cognition // Open Mind: Discoveries in Cognitive Science. – 2024. – T. 8. – S. 1058-1083. DOI: 10.1162/opmi_a_00160 EDN: YXSCNA.
4. Farquhar S., Kossen J., Kuhn L., et al. Detecting Hallucinations in Large Language Models Using Semantic Entropy // Nature. – 2024. – T. 630, № 8017. – S. 625-630. DOI: 10.1038/s41586-024-07421-0 EDN: NXMTFJ.
5. Gahrn-Andersen, R. Beyond Symbol Processing: the Embodied Limits of LLMs and the Gap between AI and Human Cognition // AI & Society. – 2025. – T. 40. – S. 3105–3107.
6. Handbook of Public Communication of Science and Technology / eds. M. Bucchi, B. Trench. – 2nd ed. – London ; New York : Routledge, 2015. – 275 s.
7. Huo L., Huang P. The impact of science education and media reports on the spread of misinformation // Systems Engineering Theory and Practice. – 2014. – № 2. – S. 365-375.
8. Huang L., Yu W., Ma W., et al. A Survey on Hallucination in Large Language Models: Principles, Taxonomy, Challenges, and Open Questions // ACM Transactions on Information Systems. – 2025. – T. 43, № 2. – S. 1-55.
9. Kessler, S. H., Mahl, D., Schäfer, M. S., Volk, S. C. Science Communication in the Age of Artificial Intelligence // Journal of Science Communication. – 2025. – T. 24, № 2. – S. 1-7.
10. Lazer D. M. J., Baum M. A., Benkler Y., et al. The Science of Fake News // Science. – 2018. – T. 359, № 6380. – S. 1094-1096.
11. Liu X., Xiao Y., Zhou R., Li W. Innovation and influence of science communication methods for the public in the mobile era // Science Popularization Studies. – 2013. – T. 8, № 3. – S. 25-30.
12. Qiu J. Science Communication in China: a Critical Component of the Global Science Powerhouse // National Science Review. – 2020. – T. 7, № 4. – S. 824-829. DOI: 10.1093/nsr/nwaa035 EDN: KIUOBI.
13. Zhang J. Y. The 'Credibility Paradox' in China's Science Communication: Views from Scientific Practitioners // Public Understanding of Science. – 2015. – T. 24, № 8. – S. 913-927.